W 50/39
Кн. 1

W 50
/39
801-86
114987-8

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

№ 50/39

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПетромЪ БартеневымЪ

(издателемъ «Русскаго Архива»)

КНИГА ПЕРВАЯ.

Хел-1105

Библиотека

МОСКВА.
Типографія Ф. Іогансонъ, у Мясницк. вор., д. Вокйковой.
1872.

2007067028

ОЧЕРКЪ ЖИЗНИ И СЛУЖБЫ Е. А. ГОЛОВИНА.

Евгеній Александровичъ Головинъ родился въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія (1782 г.) и слѣдовательно первыя впечатлѣнія своей юности вынесъ изъ великаго вѣка Великой Екатерины, хотя начало его служебнаго поприща относится уже ко времени преобразованія Россійскаго общества Павломъ I-мъ. Этимъ объясняется сочетаніе въ Головинѣ съ одной стороны многосторонней и вполнѣ основательной образованности, которая была отличительнымъ свойствомъ офицеровъ Екатерининскихъ, съ другой—неумолимаго педантизма въ соблюденіи воинскихъ артикуловъ, изученіе коихъ считалось въ послѣдствіи достаточнымъ для всѣхъ чиновъ военнаго сословія, начиная отъ солдата и до генерала.

Отецъ Головина принадлежалъ къ Смоленскому дворянству и велъ родъ свой отъ потомка одного изъ Генуэзскихъ выходцевъ, поселившихся въ Крыму, который, прибывъ ко двору Дмитрія Донскаго, названъ *княземъ Степаномъ*; старшій внукъ его сына Григорія *Ховры*, бояринъ Иванъ *Голова*, былъ родоначальникомъ *Головиныхъ* [1]).

Воспитаніе свое Головинъ получилъ сперва въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, а потомъ окончилъ его въ Университетѣ, изъ котораго вышелъ въ 1796 году, въ

---

[1]) Е. А. Головинъ иногда говаривалъ о своемъ происхожденіи отъ *«князей Манкупскихъ»*; а не далѣе какъ въ концѣ 50-хъ годовъ, въ Лондонѣ, нѣкоторымъ Русскимъ случалось видѣть визитную карточку какого-то господина Головина съ надписью *«князь Ховра»*; но княжескій титулъ въ родословникахъ придавъ только *Степану* безъ означенія, былъ ли онъ княземъ Судакскимъ, Манкупскимъ или Кафскимъ; сыну же его *Ховръ* и дальнѣйшимъ потомкамъ княжества уже не придается, тогда какъ въ княжескихъ родословныхъ слово *князь* предшествуетъ каждому имени.

самый годъ смерти Екатерины Великой; обучался Россійской словесности, математикѣ, исторіи и географіи, военнымъ наукамъ: военному искусству, полевой фортификаціи, составленію картъ и снятію мѣстоположеній. Кромѣ Русскаго языка, на которомъ онъ говорилъ и писалъ съ замѣчательными изящностію, точностію, сжатостію и силою выраженія, онъ владѣлъ въ совершенствѣ Нѣмецкимъ и Французскимъ; по французски писалъ онъ легко и свободно.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1797 г. Головинъ поступилъ подпрапорщикомъ лейбъ-гвардіи въ Преображенскій полкъ, но не долго пробылъ въ гвардіи: произведенный въ Декабрѣ мѣсяцѣ въ прапорщики, онъ черезъ мѣсяцъ (въ Январѣ 1798) переведенъ подпоручикомъ въ Могилевскій гарнизонный баталіонъ, и въ теченіи слѣдующихъ двухъ полугодій, получивъ два чина, 15 Января 1799 года былъ уже штабсъ-капитаномъ.

Въ томъ же 1799 году Головину удалось совершить любопытный походъ черезъ западную Галицію, Силезію, Моравію и Богемію до Праги подъ начальствомъ маіора Водопьянова, который велъ одинъ изъ отрядовъ, назначенныхъ для укомплектованія арміи Суворова. Въ Могилевъ возвратился Головинъ уже въ началѣ 1800 года.

Въ послѣдній день 1801 года онъ былъ переведенъ въ Фанагорійскій гренадерскій полкъ [2]), съ которымъ суждено было ему дѣлить труды боевой жизни въ продолженіи Аустерлицкаго похода, Турецкихъ войнъ съ 1806 до 1812 года и войнъ съ Наполеономъ 1812, 1813 и 1814 годовъ. Полкъ этотъ считалъ онъ своимъ роднымъ и съ гордостію говаривалъ о мужествѣ своихъ Фанагорійцевъ.

Въ Январѣ 1803 г. Головинъ произведенъ въ капитаны, а 14 Ноября 1805 г., за недѣлю до Аустерлицкой битвы, въ маіоры; это были послѣдніе чины, полученные имъ не за военныя заслуги, а по линіи производства, за выслугу лѣтъ.

Въ Аустерлицкомъ походѣ Фанагорійскій полкъ состоялъ, вмѣстѣ съ Ряжскимъ пѣхотнымъ полкомъ, въ бригадѣ графа Каменскаго 1-го [3]), входившей въ составъ второй колонны корпуса графа Буксгевдена, которая находилась подъ начальствомъ графа Ланжерона. $^{8}/_{20}$ Ноября корпусъ Буксгевдена подъ Вишау соединился съ отступавшими главными силами Кутузова; а 19 Ноября (1 Декабря) колонна Ланжерона, имѣя въ замкѣ бригаду Каменскаго, стала на позицію подъ Аустерлицомъ на лѣвомъ крылѣ нашей арміи, между колоннами Дохтурова и Пржибышевскаго.

---

2) Нынѣ 11-й гренадерскій Фанагорійскій генералиссимуса князя Суворова Италійскаго полкъ.

3) Сергѣя Михайловича, старшаго брата героя Финляндской войны 1809 г.

Слишкомъ недалеко ещё время, когда мы не хотѣли сознаться въ томъ, что, не смотря на все необычайное, истинно-геройское мужество нашихъ войскъ, мы потерпѣли пораженіе подъ Аустерлицомъ: сраженіе это ex cathedra представлялось если не побѣдоноснымъ для нашего оружія, то во всякомъ случаѣ не давшимъ поверхности непріятелю. Послѣдствія его—для Наполеона блистательный миръ съ Австріею, для насъ—необходимость удалиться поспѣшными переходами изъ Австрійскихъ владѣній—объяснялись малодушіемъ, если не измѣною, Австрійскихъ полководцевъ, искусныхъ въ стратегическихъ вычисленіяхъ въ затишьѣ военныхъ совѣтовъ, но непривычныхъ къ быстрымъ соображеніямъ и къ подвигамъ воинской отваги на полѣ битвы, подъ выстрѣлами непріятельскихъ батарей. — Время этихъ самообольщеній миновалось: исчезли, надобно надѣяться безвозвратно, военные историки мистификаторы, военные историки-монополисты, снискивавшіе себѣ преступнымъ искаженіемъ исторической истины свою постыдную монополію умалять передъ учащимся юношествомъ славу лицъ, правдою послужившихъ отечеству и возвеличивать подвиги другихъ лицъ, замѣчательныхъ лишь служебнымъ положеніемъ, котораго они достигли своимъ долголѣтіемъ или искусствомъ въ дворскихъ пронырствахъ.

Теперь ни для кого, дорожащаго священной истиной въ исторіи своего отечества, не тайна, что подъ Аустерлицомъ мы были разбиты; что если войска наши не обратились въ постыдное бѣгство, что если они были допущены выйти безъ преслѣдованія изъ Австрійскихъ предѣловъ, что если они ограничились предоставленіемъ Австріи той судьбѣ, противъ которой она сама отказалась бороться: то это было вовсе не отъ того, чтобы они не потерпѣли пораженія, но благодаря истинно-Русской доблести нашихъ войскъ, новая побѣда надъ коими грозила Наполеону истощеніемъ собственныхъ его силъ, и благодаря стойкости Александра, который, вполнѣ сознавая неудачу своихъ предначертаній, передъ совѣстью своею укоряя себя въ томъ, что пренебрегъ опытными предостереженіями полководца своей Бабки, не хотѣлъ сознать себя побѣжденнымъ, не хотѣлъ предать осужденію рьянаго любимца, чей необдуманный совѣтъ повлекъ за собою потерю 21-й тысячи Русскихъ воиновъ, 133 Русскихъ пушекъ и 30 Русскихъ знаменъ. Отъ Аустерлицкаго солнца не падаетъ ни единой тѣни на ликъ Александра. И что можетъ затмить его? Неужели выстрѣлы Русскихъ орудій на высотахъ Монмартра не заглушили даже радостныхъ залповъ Французской артиллеріи въ минуту Тильзитскаго свиданія!

Судьба колонны Ланжерона подъ Аустерлицомъ извѣстна: въ то время, какъ онъ безуспѣшно хотѣлъ переправить голову ея черезъ Гольдбахъ, бригада Каменскаго, находившаяся въ хвостѣ, бросилась на Праценскія высоты и быстрымъ натискомъ Французовъ была опрокинута назадъ. Напрасно дежурный генералъ князь Волконскій [4]), схвативъ знамя Фанагорійскаго полка, два раза водилъ его въ аттаку: «своимъ благоразуміемъ и сохраніемъ всего нужнаго при такихъ случаяхъ хладнокровія, способствуя подъ огнемъ непріятельскимъ, троекратно, къ собранію Фанагорійскаго и Ряжскаго полковъ», онъ достигъ только того, что съ ними «могъ въ нѣкоторомъ порядкѣ ретироваться [5])» къ Гостіерадеку, въ долину р. Литавы. Князь Волконскій за подвигъ этотъ получилъ орденъ св. Георгія 3 класса. Графу Ланжерону велѣно подать въ отставку [6]). Головинъ, за оказанную храбрость пожалованъ орденомъ Св. Анны 4-й степени; онъ получилъ его не даромъ: ружейная пуля ранила его въ лѣвую ногу выше колѣна [7]).

По возвращеніи въ Россію изъ подъ Аустерлица, Головинъ менѣе года оставался въ бездѣйствіи: въ половинѣ Ноября 1806 года, онъ вмѣстѣ съ своимъ полкомъ перешелъ черезъ границу; участвовалъ въ походѣ въ Молдавію и Валахію и въ 1807 году въ Февралѣ ходилъ въ поиски противъ Турокъ, а 23 и 24 Мая былъ въ дѣлахъ подъ Браиловомъ; но въ Маѣ слѣдующаго года уволенъ за ранами подполковникомъ съ мундиромъ и полной пенсіей.

Ровно два года провелъ онъ въ отставкѣ [8]). Назначеніе графа Н. М. Каменскаго (младшаго брата его бригаднаго командира) главнокомандующимъ на мѣсто князя Прозоровскаго (4 Февр. 1810 г.) вновь вызвало Головина къ тру-

---

4) Кн. Петр. Мих. въ послѣдствіи министръ и ген. фельдмаршалъ.

5) Подвигъ князя Волконскаго изложенъ подлинными словами, взятыми изъ донесенія Кутузова. Головинъ всегда его оспаривалъ и когда, въ одной изъ хвалебныхъ статей, расточенныхъ газетами по случаю пожалованія князя Петра Мих. въ фельдмаршалы, это событіе было напечатано, онъ подчеркнулъ краснымъ карандашемъ слова «схвативъ знамя Фанагорійскаго полка» и написалъ на полѣ: «ложь!» Но кажется, что въ этомъ случаѣ донесеніе Кутузова истина, а отрицаніе Головина ошибка.

6) Графъ Ливенъ объявилъ гр. Ланжерону Высочайшее о семъ повелѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ (письмо это было собственноручно исправлено Государемъ): «Сраженіе 20 Ноября было особенно гибельно для вашей колонны. Императоръ недоволенъ вашими распоряженіями; но, *щадя вашу чувствительность*, позволяетъ вамъ просить увольненія отъ службы».

7) При этой схваткѣ у Праценскихъ высотъ, Головинъ, кажется, еще получилъ двѣ раны штыкомъ, едва ли не въ туже лѣвую ногу; кромѣ его собственнаго разсказа объ этомъ свидѣтельствуетъ и формуляръ его, въ которомъ значится, что онъ 4 Мая 1808 года уволенъ отъ службы *«за ранами»*, хотя передъ тѣмъ не упоминается ни о какихъ другихъ ранахъ, кромѣ означенной выше раны «ружейною пулею въ лѣвую ногу выше колѣна».

8) Уволенъ 4 Мая 1808 г., вновь принятъ на службу 5 Мая 1810 г.

дамъ боевой жизни: онъ возвратился съ прежнимъ маіорскимъ чиномъ въ свой дорогой Фанагорійскій гренадерскій полкъ. — Въ теченіи года протекшаго съ того времени до смерти Каменскаго († 4 Мая 1811 г.) онъ взялъ съ бою чинъ подполковника (23 Іюня 1810 г.), за отличіе при блокадѣ Шумлы, и Георгіевскій крестъ 4-го кл. за штурмъ Батина (26 Авг. 1810 г.). 31 Января 1811 г. онъ назначенъ командиромъ своего храбраго Фанагорійскаго полка, которому 22 Мая того же года, за взятіе Базарджика, даны Георгіевскія знамена.

Въ началѣ 1812 года Фанагорійскій полкъ, въ числѣ войскъ 2-й западной арміи, состоялъ во 2-й гренадерской дивизіи принца Карла Мекленбургскаго. Дивизія эта принимала самое дѣятельное участіе въ дѣлѣ 24 Августа подъ Шевардинымъ: самъ князь Багратіонъ повелъ ее отъ с. Семеновскаго, за которымъ она стояла на позиціи и, благодаря быстротѣ натиска гренадеровъ, успѣлъ хотя на время выбить Компана изъ Шевардинскаго редута и тѣмъ дать возможность дивизіи Невѣровскаго отступить въ порядкѣ къ флешамъ, устроеннымъ нѣсколько слѣва впереди отъ Семеновскаго. Въ ночь на 25-е число Фанагорійцы съ прочими полками 2-й гренадерской дивизіи возвратились на прежнюю позицію за Семеновскимъ, гдѣ ихъ засталъ восходъ Бородинскаго солнца.

Въ день этого сраженія «на позднія времена незабвеннаго [9])» главнѣйшія массы Французскихъ войскъ были направлены на два пункта: на батарею Раевскаго между Бородинымъ и Семеновскимъ и на Багратіоновы флеши между Семеновскимъ и Утицкимъ лѣсомъ; здѣсь кипѣлъ главный бой. Послѣ занятія Мюратомъ Бородина въ самомъ началѣ сраженія, дѣйствія на лѣвомъ флангѣ 3-го пѣх. корпуса (въ скоромъ времени оставившаго свою позицію за Утицею, чтобы притянуться къ главнымъ силамъ 2-й арміи около Семеновскаго) и на правомъ—1-го кавалерійскаго корпуса (совершившаго кратковременное, удачное отвлеченіе около Беззубова въ задахъ Мюратова корпуса) суть не болѣе какъ отдѣльные эпизоды великаго дня; но главное побоище происходило у курганной батареи, около версты вправо отъ Семеновскаго и около флешей, изъ которыхъ дальнѣйшая была около полуверсты влѣво отъ этого селенія.

При самомъ началѣ сраженія у Багратіоновыхъ флешей, когда графъ Воронцовъ съ своей дивизіей былъ задавленъ полками предводительствуемыми Неемъ и замертво унесенъ за линію, его дивизія была замѣнена дивизіей Невѣровска-

---

[9]) Слова командира 1-го кавалер. корпуса ген. ад. Уварова въ рапортѣ Барклаю.

го и гренадерами дивизіи принца Мекленбургскаго: самъ корпусный командиръ Бороздинъ 1-й штыками отбросилъ непріятеля въ Утицкій лѣсъ.—Но повторенныя нѣсколько разъ аттаки двухъ введенныхъ въ дѣйствіе кавалерійскихъ корпусовъ Нансути и Латуръ-Мобура рѣшили отступленіе нашихъ войскъ на этомъ пунктѣ, не прежде однакоже какъ послѣ упорнѣйшаго и кровопролитнѣйшаго боя; достаточно сказать, что когда всѣ остатки шести полковъ 2-й грен. дивизіи были собраны вмѣстѣ, то генералъ-квартирмейстеръ Толь принялъ ихъ за остатки одного полка.

Въ числѣ убитыхъ при самыхъ флешахъ былъ полковникъ Буксгевденъ, служившій въ одной бригадѣ съ Головинымъ и связанный съ нимъ дружбою. Самъ Головинъ, раненный въ лѣвую ногу пулею, оборвавшею ему пятку стременемъ, которое зашибло ему подъемъ ноги, былъ за отличіе произведенъ въ полковники.

При отступленіи изъ Москвы, находясь вмѣстѣ съ уцѣлѣвшими остатками 8 пѣх. корпуса въ арріергардѣ Милорадовича, Головинъ съ своимъ полкомъ участвовалъ въ дѣлахъ при Чирковѣ и при Вороновѣ (17 и 20 Сент.).

Въ формулярномъ его спискѣ ошибочно показано, что онъ принималъ участіе въ Тарутинскомъ сраженіи (при нападеніи на лагерь Мюрата при р. Чернишнѣ 6 Окт.): извѣстно, что въ дѣлѣ этомъ участвовали только войска назначенныя по диспозиціи въ правое крыло, отданное въ распоряженіе Бенингсена; Фанагорійскій же полкъ, состоявшій въ 8-мъ пѣхотномъ корпусѣ, въ числѣ прочихъ войскъ лѣваго крыла, былъ остановленъ Кутузовымъ немедленно по переходѣ черезъ р. Нару и не допущенъ до участія въ этомъ сраженіи.

Здѣсь не мѣсто описывать всѣ подвиги Фанагорійскаго полка, которыми онъ заслужилъ себѣ славу одного изъ храбрѣйшихъ полковъ въ ту славную храбростію полковъ эпоху, когда съ именемъ почти каждаго полка, съ номеромъ почти каждой дивизіи сопряжено было воспоминаніе какого нибудь подвига воинской отваги. — Понятно, что храбрымъ полкомъ не могъ командовать командиръ не храбрый: недаромъ же получилъ Головинъ Владиміра на шею за Люценъ и генеральскіе эполеты за сраженія 2, 4 и 6 Октября подъ Лейпцигомъ, гдѣ, раненный въ лѣвую руку ниже плеча пулею на вылетъ, онъ не оставилъ поля битвы.

Кампанію 1814 года 2-я гренадерская дивизія совершила подъ начальствомъ Паскевича; подъ его же начальствомъ Головинъ, въ челѣ своего Фанагорійскаго полка, участвовалъ въ торжественномъ вступленіи союзниковъ въ Парижъ. Къ этому году слѣдуетъ отнести то благоговѣніе и уваженіе, которыя Паскевичъ неизмѣнно оказывалъ ему въ по-

слѣдствіи, до самой своей смерти. Головинъ платилъ ему за нихъ истинною преданностію; малѣйшій укоръ славѣ или способностямъ Паскевича выводилъ его изъ себя; въ одной изъ печатныхъ своихъ записокъ [10], онъ пишетъ о Варшавскомъ штурмѣ: «Всякій прямо военный человѣкъ, а наипаче «Россіянинъ, съ восторгомъ останавливается на этомъ вели«комъ днѣ славы Русскаго оружія: онъ съ восхищеніемъ «представляетъ себѣ, какъ полки Русскіе устремились на «окопы, прославленные непреодолимыми; видитъ, какъ они «стерлись подъ ихъ ногами и благодаритъ Бога, даровав«шаго Россіи вождя, который умѣетъ вести сыновъ ея къ «подвигамъ богатырскимъ». И въ заключеніи:я «Казалось «намъ Русскимъ оставалось бы только озараться славою «полководца, увѣнчавшаго всѣ предшествовавшіе подвиги «свои блистательнѣйшимъ изъ нихъ, т. е. взятіемъ Варшав«скихъ укрѣпленій, а не искать, въ подражаніе чужеземцамъ, «ошибокъ въ великихъ дѣлахъ его, возвысившихъ славу «оружія нашего и составляющихъ драгоцѣннѣйшее достоя«ніе Россіи!»

При возвращеніи нашихъ войскъ изъ за границы, Фанагорійскій полкъ вошелъ въ составъ 3-й дивизіи гренадерскаго корпуса; приказомъ 29 Августа 1814 г. Головинъ назначенъ состоять при начальникѣ этой дивизіи, а въ Январѣ 1816 г. бригаднымъ командиромъ въ оной.

Когда въ 1821 году генералъ-маіору Карлу Ивановичу Бистрому было поручено командованіе 2-й гвард. пѣхотн. дивизіи, Головинъ былъ назначенъ (10 Авг.) командиромъ лейбъ-гв. егерскаго полка, съ именемъ котораго такъ неразрывно связано имя Бистрома, предводившаго имъ въ незабвенную эпоху Отечественной и послѣдующихъ войнъ противъ Наполеона.

Назначеніе Головина (извѣстнаго строгою своею исполнительностію, но, кромѣ личной храбрости и точнаго соблюденія дисциплины, ничѣмъ не выдававшагося изъ среды прочихъ армейскихъ дивизіонныхъ начальниковъ), возбудило зависть во многихъ изъ его сверстниковъ, а можетъ быть и старшихъ его: кому не было бы лестно принять послѣ генерала, каковъ былъ Бистромъ, начальство надъ полкомъ, каковымъ былъ гвард. егерскій? Неумолимая взыскательность Головина, при самомъ безразличномъ нелицепріятіи, вѣроятно еще болѣе усугубила неудовольствіе многихъ лицъ

---

[10] Замѣчанія на Исторію Польской кампаніи ген. м. Окунева.

даже изъ числа приближенныхъ ко Двору: о педантизмѣ его во всемъ, что относилось до фронта и до продовольствія солдатъ, нарочно были распускаемы слухи, часто весьма преувеличенные; но повидимому слухи эти ни мало не повредили ему. Не надобно забывать, что исторія Семеновскаго полка была еще свѣжа въ памяти, что Аракчеевъ, вѣрный хранитель Линденеровскихъ преданій, былъ въ полной силѣ и что въ глазахъ его педантизмъ во фронтѣ, неумолимость въ наказаніяхъ, если только они были соединены съ безкорыстіемъ, съ слѣпымъ усердіемъ и съ безпрекословною исполнительностію — были качествами, а не недостатками.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на всѣ неудачи лицъ интриговавшихъ противъ него, Головинъ не могъ не чувствовать огорченія отъ этихъ интригъ: крайне-пылкій отъ природы, исполненный самолюбія, но обладая сильнымъ до невѣроятности характеромъ, онъ умѣлъ сдерживать внѣшнія проявленія своего огорченія; но огорченіе это тѣмъ съ бо́льшею силою грызло его богатырскій организмъ. Въ началѣ Октября 1823 года онъ занемогъ, такъ тяжко, что черезъ двѣ недѣли болѣзни счелъ нужнымъ приготовиться къ смерти исповѣдью и пріобщеніемъ Св. Таинъ.

Болѣзнь Головина продолжалась ровно годъ: заболѣвъ 1-го Окт. 1823 года, онъ принялъ вновь командованіе полкомъ лишь 1-го Окт. 1824 года. Болѣзнь эта сперва ограничивалась нестерпимымъ воспаленіемъ лѣваго глаза, потомъ перешла въ рожу на этомъ глазу, лишавшую его возможности спать; но скоро обнаружилось, что корень болѣзни заключался въ разлитіи желчи и въ приливахъ крови къ головѣ, что̀, при тогдашней тучности Головина, угрожало ему ежеминутною опасностію апоплексическаго удара. — Первыя врачебныя пособія были ему преподаны полковымъ штабъ-лекаремъ Коссовичемъ, но скоро оказалось необходимымъ прибѣгнуть къ извѣстному въ то время глазному врачу, лейбъ-окулисту Груби, который началъ съ того, что облѣпилъ весь високъ піявками, предписалъ обильнѣйшія и учащенныя кровопусканія и ежедневные неслыханные пріемы слабительнаго, производившія до 15 дѣйствій почти постоянно каждый день.

Не смотря однако же на то, что леченіе было поручено Грубію, Коссовичъ не прекращалъ посѣщать своего полковаго командира. Коссовичъ былъ въ то время однимъ изъ ревностнѣйшихъ послѣдователей духовнаго союза г-жи Татариновой, у которой въ назначенные дни по вечерамъ собирался извѣстный кружокъ лицъ упражнявшихся въ духовномъ пѣніи, чтеніи священныхъ и отеческихъ писаній, толкованіи оныхъ и даже въ прорицаніи, которому предшествовали такъ называемыя *радѣнія* или пляски.— Не говоря

уже о напряженности нервическихъ впечатлѣній, которая сопровождаетъ всякое физическое изнеможеніе, Головинъ самою алчностію знаній, отличавшею его въ изученіи всего современнаго, самою пытливостію своего весьма обширнаго и многосторонне-образованнаго ума, не могъ не быть привлеченъ и возбужденъ таинственностію, которою облекалось ученіе г-жи Татариновой. — Понятно, что разсказы Коссовича о происходившихъ у нея бесѣдахъ возбудили его любопытство: онъ пожелалъ ее видѣть и бесѣдовать съ нею. Предлогъ тому былъ совершенно естественъ: въ день Бородина ея родной братъ, товарищъ Головина по бригадѣ, И. Ф. Буксгевденъ умеръ почти на его рукахъ; а мужъ ея, Татариновъ, заступившій мѣсто Буксгевдена въ командованіи Астраханскимъ полкомъ, подъ Лейпцигомъ, также подъ глазами Головина, получилъ рану, отъ которой въ послѣдствіи умеръ.

Первый выѣздъ Головина былъ къ Татариновой; но онъ не съ разу поддался ея обаянію,—обаянію, которому подвергались лишь близко ее знавшіе, но которое за то оставалось непоколебленнымъ во всѣхъ ея послѣдователяхъ, до самой ихъ смерти.

Кажется, что главною причиною сближенія Головина съ этою замѣчательною и до сихъ поръ неразгаданною особою, къ которой въ послѣдствіи онъ сохранилъ неизмѣнное, мало сказать, уваженіе, но скорѣе благоговѣніе, и которая наложила неизгладимый отпечатокъ на всю послѣдующую судьбу Головина, послужилъ слѣдующій случай.

Въ числѣ посѣтителей Татариновой былъ, между прочими, извѣстный живописецъ Боровиковскій, который написалъ много картинъ духовнаго содержанія для ея союза. Въ одно изъ своихъ посѣщеній, Головинъ увидалъ у Татариновой только что написанную Боровиковскимъ картину Распятія, которую онъ непремѣнно пожелалъ пріобрѣсти. Татаринова помогла ему исполнить это желаніе, но самую передачу иконы или, скорѣе, картины, совершила въ торжественномъ молитвенномъ собраніи, въ которомъ картина, весьма тяжелая, была пронесена надъ стоявшимъ на колѣняхъ и заливавшимся слезами умиленія Головинымъ; при этомъ ему пророческимъ голосомъ Татаринова прорицала исцѣленіе отъ недуга, возвращеніе здравія тѣлеснаго и *многую-многую силу* духовную. Съ тѣхъ поръ Головинъ часто большую часть ночи простаивалъ на молитвѣ передъ картиною этою и клалъ предъ нею земные поклоны, не просто колѣнопреклоненные, но великопостные, то-есть вставая на ноги послѣ каждаго поклона и отдѣльно для каждаго становясь вновь на колѣна и повергаясь ницъ. Онъ самъ разсказывалъ въ послѣдствіи, что однажды, въ теченіи пяти часовъ сряду, имъ было положено

безъ остановки пять тысячъ такихъ поклоновъ! При этомъ, онъ наложилъ на себя самый строгій постъ: въ теченіи нѣкотораго времени вся его пища, въ продолженіи цѣлаго дня, состояла единственно въ одной чашкѣ чая съ кускомъ бѣлаго хлѣба.

Этотъ постъ, эти молитвенныя стоянія и земные поклоны, соединенные съ изнуряющимъ дѣйствіемъ лекарствъ и частыхъ кровопусканій, въ скоромъ времени совершенно преобразили Головина: тучность его тѣла смѣнилась такою худобою, что всѣ его знавшіе, между прочими и Великій Князь Николай Павловичъ, не рѣдко удостоивавшій его своими посѣщеніями, видѣли въ немъ жертву чахотки; между тѣмъ, по собственнымъ его словамъ, все тѣло его обновлялось, и ему «сообщалась крѣпость первой молодости».

Въ Мартѣ 1825 года произошли перемѣны въ управленіи гвардейскимъ корпусомъ: К. П. Бистрому было дано не существовавшее дотолѣ званіе командующаго всею гвардейскою пѣхотою; дивизіонными начальниками къ нему назначены великіе князья Николай Павловичъ и Михаилъ Павловичъ; командованіе гвардейскимъ егерскимъ полкомъ дано полковнику Гартунгу, а Головинъ назначенъ къ командованію пѣх. дивизіей въ арміи, и такимъ образомъ ему готовилось удаленіе изъ гвардіи. Главнымъ поводомъ къ такому непріятному для него обороту службы были, повидимому, распущенные его недоброжелателями слухи о посѣщеніяхъ имъ Татариновой, бесѣды которой, со времени изданія въ 1822 году рескрипта о закрытіи всякихъ тайныхъ обществъ, прикрывались нѣкоторою таинственностію и посѣщались съ сознаніемъ, что посѣщенія эти несогласны съ волею правительства. Головинъ рѣшился обратиться къ Государю съ личною просьбою, и послѣдствіемъ его аудіенціи было назначеніе его командиромъ 4-й гвардейской пѣхотной бригады, въ составъ которой входили его прежній гвардейскій егерскій и Финляндскій полки.

Извѣстно, что 14-го Декабря 1825 года, оба эти полка остались вѣрны своему долгу: своевременное приведеніе ихъ къ присягѣ самимъ Головинымъ, воспрепятствовало переходу ихъ на сторону бунтовщиковъ; только поручикъ баронъ Розенъ, остановивъ на Исакіевскомъ мосту свой, только что пришедшій съ караула изъ Галерной гавани, стрѣлковый взводъ Финляндскаго полка, едва не склонилъ ихъ къ участію въ бунтѣ; не было бы и этой попытки, еслибы полковой командиръ генералъ Воропановъ, вопреки приказанію Головина, не выступилъ изъ казармъ, не дождавшись возвращенія смѣненнаго караула.

Распорядительность Головина заслужила ему вниманіе новаго Императора: въ числѣ прочихъ своихъ сослужив-

цевъ, онъ былъ удостоенъ самой лестной для генерала награды—званія генералъ-адъютанта (22-го Августа 1826 года).

По объявленіи войны Турціи, гвардейскій корпусъ выступилъ въ походъ, и въ Августѣ 1828 года, по прибытіи его подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Бистрома въ окрестности Варны, началось обложеніе этой крѣпости.

Въ это время всѣ Русскія войска, сосредоточенныя подъ Варной, находились на сѣверной сторонѣ Девнинскаго лимана, на лѣвомъ (сѣверномъ) устьѣ коего, расположена эта крѣпость; но сообщеніе ея съ юга—съ Забалканьемъ и Константинополемъ, и съ запада черезъ Правади на Шумлу, были еще свободны. Между тѣмъ необходимо было отрѣзать ихъ: изъ-за Балканья Варна получала продовольствіе, и изъ Шумлы, подъ которой былъ сильный укрѣпленный Турецкій лагерь, къ ней ежеминутно могли быть присланы подкрѣпленія. Съ восточной стороны (со стороны моря) опасаться было нечего: около мыса Галаты, составляющаго южный предѣлъ Варнской бухты, крейсировала эскадра адмирала Грейга, въ которой, на кораблѣ «Городъ Парижъ», присутствовалъ самъ Государь. Обложеніе Варны съ южной стороны было поручено генералъ-адъютанту Головину; для этого ему дано въ распоряженіе 5,400 чел. пѣхоты, 485 чел. конницы, 259 артиллеристовъ при 14 орудіяхъ и 230 саперовъ и инженеровъ [11]).

29 Августа Головинъ съ своею бригадою, пришедши на соединеніе къ отряженнымъ ему войскамъ, переправился за западную оконечность Девнинскаго лимана у брода при сел. Гебеджи и приступилъ къ исполненію своего порученія. Избѣгая открытой мѣстности по берегу Лимана, почти прямою линіею направляющагося на востокъ къ Варнѣ, изъ опасенія предупредить Турковъ о своемъ движеніи, онъ избралъ направленіе на юго-востокъ на селенія Акенджи и Гаджи-Ассанларъ, чрезвычайно трудными лѣсистыми дорогами, пролегающими между тѣснинъ, которыя образуются отрогами Балкановъ и пересѣкаются глубокими

---

[11]) А именно, кромѣ его бригады: (2 бат. лейб-гвар. егерей и 2 бат. Финляндцевъ) 2 бат. егерей 19 полка, по одному баталіону полковъ фельдмаршала герцога Веллингтона и Могилевскаго; эскадронъ гвардейскихъ Черноморскихъ казаковъ, полсотня Атаманскаго полка и 6 эск. Бугскихъ улановъ; 8 орудій гвардейской артиллеріи, два орудія 19-й бригады и четыре Донской артиллеріи. Всего въ отрядѣ было три генерала, 14 штабъ, 136 оберъ-офицеровъ и 6,374 нижнихъ чиновъ, не считая трехъ офицеровъ генеральнаго штаба и волонтеровъ: Англійскаго полковника Джона Бинджэма и Французскаго поручика Ларошъ-Жакелена. Въ послѣдствіи отрядъ подкрѣпленъ: 8 Сентября 320 чел. Сѣверскихъ конноегерей и 10 Сентября Павловскими гвардейскими гренадерами.

оврагами. На маршѣ принимались величайшія предосторожности: по флангамъ ѣхали патрули казаковъ; войска ночевали вполнѣ готовыя къ бою. Предосторожности эти оказались впрочемъ излишними: нигдѣ на пути не открыто непріятеля, и 31 Августа передовыя войска наши, не выпустивъ ни одной пули, въ 8 часовъ утра показались на высотахъ передъ Варной; два часа спустя три пушечные выстрѣла возвѣстили Турецкому укрѣпленному лагерю подъ Варной о прибытіи всего отряда Головина и объ обложеніи ея съ южной стороны. Вслѣдъ затѣмъ Головинъ, съ эскадрономъ улановъ и ротою егерей, лично произвелъ обозрѣніе всего пространства отъ моря до Лимана.

Того же дня около мыса Галаты высадился гвардейскій экипажъ подъ начальствомъ флигель-адъютанта Римскаго-Корсакова. Два дня спустя, ими устроены телеграфныя сообщенія съ флотомъ и съ графомъ Воронцовымъ, имѣвшимъ главное начальство надъ осадными войсками къ сѣверу отъ Варны, и установлена переправа черезъ Варнинскую бухту.

Первые девять дней Сентября были употреблены Головинымъ на точное обозрѣніе пространства, ограниченнаго съ юга рѣкою Камчикомъ, имѣющею теченіе почти параллельное съ Девнинскимъ лиманомъ верстахъ въ 15 къ югу отъ Варны, на установленіе сообщенія съ отрядомъ ген. м. Деллингсгаузена у западной оконечности лимана и, главнѣйше, на учрежденіе самой тѣсной блокады Варны. Для сей послѣдней цѣли, вдоль подножія горъ, окаймляющихъ Варну, были возведены на блокадной позиціи, отъ берега моря до берега Лимана, дугою, имѣвшею около 4 верстъ протяженія, четыре редута на почти одинаковыхъ промежуткахъ; огонь сихъ редутовъ, преимущественно же батареи на берегу моря, устроенной по указанію адмирала Грейга, вскорѣ принудилъ Турковъ оставить свой лагерь и искать убѣжища въ стѣнахъ крѣпости.—Сзади этой блокадной позиціи Головинымъ учреждена другая обсерваціонная, которая, огибаясь параллельно первой, образовала за нею цѣпь войскъ, растянутую почти на 10-ти верстное разстояніе отъ мыса Галаты до сел. Пейнерджи на Лиманѣ. На правомъ флангѣ этой позиціи къ западу отъ сел. Галаты и до Константинопольской дороги были возведены четыре редута; влѣво отъ конхъ, по личному указанію Николая Павловича, утромъ 5 Сентября, осматривавшаго позицію, возведена еще флешь на дорогѣ, идущей къ р. Камчику. Войска отряда; стоявшія на крайнемъ югѣ [12]), сперва занимали позицію

---

[12]) Войска эти назывались *авангардомъ* по отношенію къ пути въ Константинополь, но въ отношеніи къ блокадѣ Варны составляли собственно *арріергардъ*.

близь р. Камчика за сел. Петрикіой, верстахъ въ 12-ти къ югу отъ Варны; но по извѣстіямъ, полученнымъ о томъ, что за Камчикомъ находится укрѣпленный Турецкій лагерь, войска эти придвинуты къ главнымъ силамъ отряда и стали на позицію въ 7-ми верстахъ отъ онаго у горы Куртене.

Съ совокупною цѣлію поддержанія нашихъ сообщеній съ отрядомъ ген. Деллингсгаузена (какъ уже сказано составлявшихъ крайній западный пунктъ блокаднаго корпуса графа Воронцова) и наблюденія за недопущеніемъ прибытія подкрѣпленій изъ Шумлы, а также и для обезпеченія конницы фуражемъ, находился отрядъ кап. Кромина, нѣсколько къ югу отъ Лимана; патрули его въ первый разъ 8 Сентября открыли нѣсколько Турковъ, которые были опрокинуты егерями; но почти одновременное появленіе Турецкихъ разъѣздовъ по направленію нашихъ аванпостовъ къ р. Камчику, вынудило возвращеніе этого отряда, слишкомъ слабаго для сопротивленія [13]).

Посланный на другой день (9 Сентября) для фуражировки отрядъ капит. Крузе [14]) подвергся уже болѣе значительному нападенію: когда фуражиры, съ запасами сѣна, возвращались изъ селенія Акенджи, то въ узкой дорогѣ въ лѣсу на нихъ напали Турецкіе конники; но, благодаря огню патрулей, шедшихъ по флангамъ, и распорядительности Крузе и подпор. Тизенгаузена, фуражиры наши, пропущенные прикрытіемъ, которое было размѣщено въ головѣ, въ центрѣ и въ хвостѣ колонны, успѣли безпрепятственно достигнуть нашего лагеря; прикрытіе прибыло уже вечеромъ, нѣсколько разъ пробиваясь сквозь перерѣзывавшаго ему тѣсную лѣсную дорогу, несравненно многочисленнѣйшаго, непріятеля. Всего при этомъ убито 7 чел., ранено 5-ть.

Столь незначительная потеря не давала повода предполагать большаго сосредоточенія силъ непріятеля въ мѣстности между Лиманомъ и Камчикомъ; между тѣмъ чувствовался недостатокъ въ фуражѣ. Поэтому съ вечера назначены для прикрытія фуражировъ двѣ трети двухъ баталіоновъ [15]) гвардейскихъ егерей, взводъ Финляндцевъ, 2 эскадр. конно-егерей, съ двумя Донскими орудіями. Но въ самую минуту выступленія сего отряда, въ 10 час. утра 11 Сентября, по телеграфу получено повелѣніе послать флигель-адъютанта полк. графа Залуцкаго [16]) съ сильнымъ отрядомъ для про-

[13]) При Кромине были всего: одна рота лейбъ-гвардіи егерей и одинъ взводъ улановъ.

[14]) Рота лейбъ-гвардіи егерей, 2 взвода лейбъ-гвардіи Финляндскаго полка и взводъ улановъ.

[15]) Остальную треть предполагалось назначить на осадныя работы.

[16]) Графъ Залуцкій, полковникъ Польской службы, былъ присланъ съ корабля «Городъ Парижъ» 3 Сентября и принялъ тогда же команду отряда командира Бугскихъ улановъ полк. Лассича при рекогносцировкѣ р. Камчика.

изводства рекогносцировки. Во исполненіе этого повелѣнія отрядъ былъ усиленъ, и въ оный назначены: весь л.-гвар. егерскій полкъ, три эскадрона конницы [17]) и два орудія Донской артиллеріи.—Отрядъ этотъ выступилъ за полчаса до полдня; л.-гв. егерскій командиръ, ген. м. Гартунгъ не хотѣлъ оставить своего полка и, хотя старшій въ чинѣ полк. Залуцкаго, добровольно поступилъ подъ его начальство.

Прошло нѣсколько часовъ безъ всякихъ извѣстій. Часовъ около 4-хъ по полудни въ лагерь прискакалъ изъ отряда одинъ изъ Сѣверскихъ конно-егерей; по его словамъ егеря были окружены непріятелемъ и подвергались величайшей опасности. Никто ему не повѣрилъ!

Вслѣдъ затѣмъ Головинъ получилъ слѣдующую (писанную по французски) записку отъ гр. Залуцкаго: «Я встрѣтилъ «многочисленнаго непріятеля; генералъ Гартунгъ въ арріер-«гардѣ со всѣмъ своимъ полкомъ; непріятель, кажется оста-«новился, но не мѣшало бы вашему превосходительству со-«общить по телеграфу извѣстіе, что я встрѣтилъ значи-«тельныя силы». — Извѣстіе это немедленно было передано по принадлежности.

Между тѣмъ число прибывавшихъ раненныхъ егерей непрестанно прибавлялось; большая часть прибѣгала безъ оружія, нѣкоторые являлись даже безъ перевязей; они говорили, что весь полкъ истребленъ. — Въ предотвращеніе распространенія этихъ слуховъ, считавшихся еще ложными, возвращавшихся задерживали на передовыхъ постахъ.

Вскорѣ, верстахъ въ 4-хъ отъ лагеря, появилась часть отряда гр. Залуцкаго, а вслѣдъ затѣмъ прибылъ и онъ самъ. По его словамъ, отрядъ его, встрѣтивъ многочисленныя силы непріятеля, отретировался въ полномъ порядкѣ и приведенъ имъ въ цѣлости за исключеніемъ л.-гв. егерскаго полка, который, введенный въ перестрѣлку своимъ полковымъ командиромъ, генерал. Гартунгомъ, нѣсколько отсталъ, но также ретируется въ порядкѣ, и въ отношеніи его не предвидится никакой опасности.

На замѣчаніе Головина о томъ, что гр. Залуцкому, какъ начальнику отряда, неприлично было оставлять арріергардъ въ продолженіе боя, графъ искалъ оправданія въ присутствіи полковаго командира и въ необходимости озаботиться цѣлостію остальной части отряда, кавалеріи и артиллеріи.

Только къ вечеру, по возвращеніи раненныхъ офицеровъ л.-гв. егерскаго полка, баталіоннаго командира полк. Уварова, кап. Ростовцова, подпор. Игнатьева, прапорщиковъ

---

[17]) Эскадронъ Бугскихъ улановъ и 2 эскадрона прибывшихъ за два дня въ отрядъ Сѣверскихъ конно-егерей.

Жерана и Загоскина, объяснились всѣ обстоятельства этого несчастнаго побоища.

Слѣдуя тому направленію, въ которомъ въ предшествовавшіе дни отправлялись Кроминымъ партіи для фуражировки, отрядъ, верстахъ въ 12-ти отъ нашей обсерваціонной линіи, увидалъ передъ дер. Гаджи-Ассанларъ земляной окопъ съ стоявшимъ передъ нимъ Турецкимъ ведетомъ. Турки немедленно скрылись за окопъ. Ген. Гартунгъ, котораго полкъ шелъ въ авангардѣ, построилъ свои два баталіона въ боевыя колонны. Залуцкій, увидя за окопомъ Турецкій лагерь, придвинулъ обѣ колонны на разстояніе 120 шаговъ отъ окопа, поставилъ между ними свои два казачьи орудія, изъ которыхъ далъ два выстрѣла. Онъ увѣрялъ, что его къ тому побудили замѣченное имъ, будтобы, въ Туркахъ смятеніе, которое онъ хотѣлъ усугубить пушечными выстрѣлами, и намѣреніе воспользоваться безпорядкомъ, который онъ надѣялся произвести этими выстрѣлами, чтобы кинуться всѣми войсками на лагерь и совершенно смять Турковъ; но, опять таки по его словамъ, ожиданіе это не оправдалось: напротивъ за рвомъ, сзади окопа, оказались значительныя силы Турецкой пѣхоты и конницы, а егеря, по его увѣренію, не обнаружили увѣренности необходимой для успѣха. Поэтому, видя, что послѣ двухъ пушечныхъ выстрѣловъ непріятель не оставляетъ позиціи, онъ далъ приказаніе отступать. На самомъ же дѣлѣ оказалось, что послѣ первыхъ двухъ пушечныхъ выстрѣловъ не было пущено ни съ нашей, ни съ непріятельской стороны ни одной ружейной пули; но какъ только Залуцкій велѣлъ отодвинуть пушки, Турки изъ за окопа дали ружейный залпъ по колоннамъ егерей. Тогда Залуцкій, вновь оборотя пушки противъ непріятеля, далъ по немъ еще два выстрѣла и, приказавъ отступать, вмѣстѣ съ орудіями догналъ остальную часть отряда, которую и привелъ обратно, предоставивъ егерей и ген. Гартунга ихъ судьбѣ и не озаботившись даже оставить наблюдательный постъ на мѣстѣ, гдѣ дорога дѣлилась на двѣ, изъ коихъ одна вела обратно въ лагерь, а другая отъ него отдалялась къ югу, направляясь на сел. Мимисафляръ, отстоящее прямымъ путемъ верстахъ въ двухъ отъ Гаджи-Ассанляра. Мѣра эта, указанная самыми первоначальными правилами военнаго искусства, была крайне необходима именно въ этой мѣстности, гдѣ, особенно при отступленіи, требуется величайшей осторожности, по причинѣ обилія лѣсовъ, горъ, овраговъ и тѣснинъ.

Какъ только Турки увидали передъ собою всего два баталіона егерей, они завязали съ ними сильную перестрѣлку съ фронта и пошли въ обходъ праваго фланга Гартунга.

Храбрый генералъ этотъ, прежде даже чѣмъ начать отступленіе, поручилъ полковн. Буссе со 2-ю карабинерною ротою прикрывать этотъ флангъ, и вслѣдъ затѣмъ былъ смертельно раненъ. Даже послѣ потери своего начальника, егеря еще сохраняли нѣкоторый порядокъ въ отступленіи до самаго раздвоенія дороги, котораго достигли потерявъ всего 12 чел. убитыми; но, дойдя до этого пункта, вѣроятно изъ надежды спастись отъ непріятеля, напиравшаго на ихъ правый флангъ, приняли на лѣво и вступили на дорогу, ведущую къ Мимисафляру. Это рѣшило гибель всего полка; ибо, какъ оказалось въ послѣдствіи, въ селеніи этомъ находилась часть войска, котораго лагерь находился въ Гаджи-Ассанларѣ и которое составляло подкрѣпленіе, высланное изъ Шумлы, подъ начальствомъ трехъбунчужнаго паши Омеръ-Вріоне, на выручку Варны [18]). Изъ 700 гвардейскихъ егерей, выступившихъ утромъ того дня въ отрядѣ гр. Залуцкаго, успѣли спастись бѣгствомъ и возвратились въ лагерь всего 250 чел., въ томъ числѣ 120 раненныхъ. Замѣчательно, что это были именно тѣ, которые не направились на Мимисафляръ, потому что непріятель не осмѣлился преслѣдовать ихъ по дорогѣ на нашу позицію [19]).

По словамъ взятыхъ въ послѣдствіи Турецкихъ плѣнныхъ, въ лагерѣ ихъ никто не могъ себѣ объяснить поспѣшнаго отступленія отряда Залуцкаго, который былъ принятъ ими за передовую часть войска, и успѣхъ свой Турки приписывали чуду Промысла.

Въ ту же ночь прибылъ въ лагерь, по Высочайшему повелѣнію, ген. ад. гр. Бенкендорфъ для изслѣдованія подробностей этого несчастнаго происшествія, а съ разсвѣтомъ слѣдующаго дня начальство надъ всѣми войсками, располо-

---

[18]) Въ запискѣ своей: «Journal des opérations militaires du corps détaché sous les ordres de l'aide de camp général Golovine, du coté méridional de la forteresse de Varna, depuis le 28 Aout jusqu'au 11 Septembre 1828», Головинъ ставитъ вопросъ: «Неизвѣстно: главнокомандующій нашъ (ген. адъют. Дибичъ), съ главными нашими силами наблюдавшій за непріятельскимъ ла«геремъ, имѣлъ ли повелѣніе и имѣлъ ли возможность препятствовать при«сылкѣ Турками подкрѣпленій къ Варнѣ», изъ Шумлы, гдѣ была собрана Визиремъ армія.

[19]) Эти 250 чел. и 1-я карабинерная рота л. гв. егерей, посланная рано утромъ того же числа подъ начальствомъ шт. кап. Энгельгардта 4-го, на рекогносцировку именно къ Мимисафляру и возвратившаяся вечеромъ *безъ всякой потери*, остались одни изъ всего прежняго лейбъ-егерскаго полка. — Изъ полковыхъ знаменъ принесено на другой день только одно нѣсколькими солдатами, успѣвшими бѣжать въ лагерь вдоль Девнинскаго лимана. *Убито и пропало безъ вѣсти* 450 нижнихъ чиновъ, 15 оберъ-офицеровъ, 2 штабъ-офицера и 1 генералъ, а именно: *ген. м.* Гартунгъ; *полковники:* баронъ Заргеръ и Буссе; *капитанъ* Кроминъ; *штабсъ-капитаны:* Жилинъ и Игнатьевъ 1-й; *поручики:* Ростовцовъ 3-й, Ганъ 1-й, Апрѣлевъ, Сабанинъ, Сукинъ; *подпоручики:* Скванчи, Несторовъ и Лебядниковъ; *прапорщики:* Мокринскій, Васильевъ, Скульскій и Давыдовъ.

женными на южной сторонѣ Варны, было поручено ген. ад. Бистрому. Нѣсколько дней спустя, Головинъ успѣлъ отразить нападеніе Омеръ Вріоне на позицію нашу на высотахъ Куртепе (16 Сент.), былъ при атакѣ его укрѣпленнаго лагеря (18 Сент.) и вслѣдъ затѣмъ назначенный 23 Сентября начальникомъ 12-й пѣх. дивизіи, состоя уже въ корпусѣ принца Евгенія Виртембергскаго, участвовалъ въ преслѣдованіи его за рѣку Камчикъ ([20]). 29 Сентября крѣпость Варна сдалась съ 22 тыс. гарнизона. 23 Октября Головинъ назначенъ командовать оной съ званіемъ военнаго генералъ-губернатора Базарджикской и Бабадахской областей.

До конца своей жизни Головинъ не могъ говорить о Гаджи-Ассанлярскомъ поискѣ безъ негодованія, о гибели при этомъ цвѣта гвардейскихъ егерей безъ сильной душевной скорби, о графѣ Залуцкомъ безъ глубочайшаго омерзенія: послѣднее чувство объясняется вполнѣ слѣдующимъ фактомъ, приводимымъ здѣсь дословно изъ указанной выше печатной записки, которымъ Головинъ заключаетъ дневникъ своихъ дѣйствій подъ Варной.

«Въ эпоху Польскаго мятежа, тотъ же полковникъ графъ Залуцкій, который упоминается въ семъ дневникѣ, подвергся обвиненію въ привязанности къ законному правительству; чтобы оправдаться въ этомъ обвиненіи, онъ представилъ членамъ мятежнаго правительства записку, которая, послѣ взятія Варшавы, досталась въ наши руки; въ запискѣ этой, въ числѣ другихъ доказательствъ своей давнишней и постоянной преданности дѣлу Польской независимости, Залуцкій указываетъ на лично до него относящійся случай изъ войны съ Турціей. Ему поручено было, говоритъ онъ, начальство надъ гвардейскими егерями для того, чтобы произвести съ этимъ полкомъ рекогносцировку непріятеля, и *онъ намѣренно распорядился такъ, что почти весь этотъ прекрасный полкъ былъ истребленъ Турками.* Какой человѣкъ, имѣющій чувство чести, не содрогнется при чтеніи этихъ строкъ? Кто можетъ когда-либо вообразить, что начальникъ отряда войскъ добровольно можетъ опозорить себя громогласнымъ объявленіемъ, что онъ, коварными своими распоряженіями, предалъ непріятелю на истребленіе войска, повѣренныя его начальству ([21]). Разсказъ графа Залуцкаго, заискивающаго

([20]) За дѣло на горѣ Куртепе Головинъ награжденъ золотою шпагою съ алмазами и надписью *за храбрость* (Выс. прик. 6 Дек. 1828 г.); за прочія дѣла Высочайшимъ благоволеніемъ (Выс. прик. 17 Нояб. 1828 г.).

([21]) Въ національной эпической поэмѣ возводится на степень геройства подобное предательство *Конрада Валленродѣ.*

довѣріе мятежниковъ, по истинѣ напоминаетъ разсказы бандитовъ, хвастающихся между собою такими злодѣйствами, которыхъ они никогда не совершали. Но мы не оставимъ ему и той постыдной заслуги, которой онъ домогается. Нѣтъ: гр. Залуцкій не сдѣлалъ никакихъ распоряженій ни на погубленіе солдатъ, ни для спасенія ихъ. Дѣйствительно большая часть ихъ погибла; но погибель ихъ не была слѣдствіемъ предательства: она была слѣдствіемъ другаго свойства гр. Залуцкаго. Мы не дадимъ себѣ труда назвать это свойство; но онъ, навѣрное, не покичится имъ, даже предъ тѣмъ жалкимъ судилищемъ, предъ коимъ онъ столь гнусно творитъ свои поклоненія!»

Пребываніе свое въ Варнѣ, подъ начальствомъ ген. отъ инф. Рота «столь извѣстнаго строптивостію духа» [22], Головинъ считалъ одною изъ тягостнѣйшихъ случайностей своей служебной жизни: наши войска въ Варнѣ терпѣли всякаго рода лишенія и оставались какъ бы забытыми ген. Ротомъ, который не доставлялъ имъ никакого продовольствія, направляя всѣ подводы къ дѣйствующимъ частямъ *своихъ* войскъ. Открывшаяся въ скоромъ времени въ крѣпости чума прервала всякія сообщенія Варны съ окрестностями на цѣлые три мѣсяца, въ теченіи которыхъ гарнизонъ, предоставленный собственнымъ средствамъ, оставался какъ бы обреченнымъ на смерть.

Къ этому времени относится слѣдующее событіе въ жизни Головина, о которомъ онъ разсказывалъ много лѣтъ спустя въ дружеской бесѣдѣ своимъ приближеннымъ.

Однажды ему прибѣгаютъ сказать, что въ крѣпости появилась чума, что двое солдатъ отъ нея уже умерли въ госпиталѣ, что изъ палаты, гдѣ они лежали, разбѣжались всѣ больные, что изъ лазарета страхъ распространился по всему городу и что никто не хочетъ вынести зачумленныя тѣла. Головинъ немедленно надѣваетъ полную парадную форму и отправляется въ лазаретъ, который находитъ окруженнымъ солдатами. Своимъ важнымъ, неторопливымъ шагомъ, молча, проходитъ онъ между ихъ рядами; потомъ, подойдя къ палатѣ, обращается къ нимъ: «Ребята! иду выносить вашихъ покойныхъ товарищей! Неужто не найдется

---

[22] Такъ выражается о немъ Головинъ въ одной изъ своихъ записокъ. Ген. Ротъ, въ то время командиръ 6 го пѣх. корпуса, имѣлъ также начальство надъ 7 пѣх. корпусомъ ген. лейт. Ридигера: оба эти корпуса были расположены въ области Базарджикской и у подошвы Балканскихъ горъ, занимая Варну, Правади, а также Сизополь за Балканами.

между вами—Русскими солдатами—охотниковъ помочь мнѣ въ этомъ святомъ дѣлѣ?»—Охотники немедленно нашлись. Головинъ отобралъ изъ нихъ троихъ и съ ними, самъ-четвертъ, вынесъ своими руками первое зачумленное тѣло. Примѣръ его послужилъ къ добру: тутъ же образовалась команда *мортусовъ* [23], и тѣла умирающихъ были немедленно выносимы для погребенія.

«Смерть на полѣ битвы, говорилъ Головинъ, имѣетъ свою прелесть: она застигаетъ человѣка при свистѣ пуль, при громѣ пушекъ, которые для воина не лишены очарованія: притомъ во время боя духъ находится въ неизъяснимомъ состояніи напряженія, происходящаго отъ сознанія исполненнаго долга, отъ ожиданія славы, отъ жажды мщенія за убитыхъ товарищей, за достоинство своего Отечества, наконецъ отъ понятнаго всякому воину, а тѣмъ паче Русскому, воинскаго удальства; но въ Варнѣ мнѣ пришлось сражаться съ врагомъ болѣе страшнымъ, который, незримо витая надъ каждымъ изъ насъ, по своему произволу, неуловимому никакими разсчетами человѣческими, единымъ прикосновеніемъ своего тлетворнаго дыханія обращалъ живаго сильнаго человѣка въ обезображенный трупъ, внушающій только отвращеніе и страхъ даже тѣмъ, которые были друзьями умершаго, его кровными!—Никто изъ заболѣвающихъ не выздоравливалъ: всѣ кончались въ страшныхъ мукахъ. Пусть посудитъ каждый о томъ, чѣмъ исполнены были мои чувства при видѣ этихъ мукъ, этого постепеннаго вымиранія гарнизона мнѣ ввѣреннаго, при сознаніи, что на мнѣ лежитъ обязанность принять мѣры для спасенія ввѣренныхъ моему начальству людей, что непріятели мои будутъ обвинять меня передъ начальствомъ, уже и безъ того ко мнѣ нерасположеннымъ, въ непринятіи такихъ мѣръ, и при полной увѣренности, что никакія человѣческія усилія не могутъ прекратить заразу!—Это была пытка, если только слово пытка можетъ выразить подобное непрестанное душевное, а не тѣлесное страданіе. И такую пытку выдерживалъ я ежедневно въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, въ краю враждебномъ, отрѣзанный отъ всего роднаго, мучимый неизвѣстностію о дѣйствіяхъ нашихъ войскъ, видя однихъ солдатъ обреченныхъ на погибель заразою, другихъ изнуренныхъ недостаткомъ пищи!»

Лѣтъ десять спустя, назначенный главнокомандующимъ на Кавказъ, Головинъ проѣзжалъ черезъ Харьковъ; къ нему является отставной солдатъ. «Не узнаете меня, ваше превосходительство?—Не узнаю, любезный!—«А извольте при«помнить трехъ солдатиковъ, съ которыми ваше превосхо-

[23] Погребателей.

«дительство выносили чумное тѣло изъ лазарета въ Варнѣ? «Мы съ Вами одни остались въ живыхъ: другіе два тогда же «заразились и померли!»

Вспомнимъ Римскую исторію, какъ Антоній главнѣйше обязанъ былъ побѣдою при Филиппахъ, надъ Кассіемъ и Брутомъ, своему распоряженію, чтобы послѣдователямъ сихъ послѣднихъ были наносимы раны, преимущественно обезображивающія лицо: Антоній зналъ, что даже Римляне, считавшіеся храбрѣйшими воинами изъ воиновъ, страшились безобразія болѣе смерти. — Въ этомъ отношеніи Варнское *сидѣнье* Головина представляетъ примѣръ мужества, который не былъ бы неумѣстенъ и на страницахъ исторіи пресловутыхъ Римлянъ: слѣдуя его примѣру, всякій изъ ввѣренныхъ ему солдатъ исполнялъ свои обязанности, не смотря на сознаніе, что обязанности эти сопряжены съ ежеминутною опасностію смерти и смерти самой обезображивающей, самой отвратительной, смерти, не сулящей даже надежды на славу въ будущемъ ([24]).

Наконецъ въ первыхъ числахъ Августа Головинъ оставилъ навсегда Варну, получивъ 7-го Августа назначеніе быть военнымъ генералъ-губернаторомъ сѣверовосточной Румеліи. Онъ прибылъ въ Бургасъ 9-го числа, на другой день по вступленіи Дибича въ Адріанополь. Должность эту Головинъ продолжалъ исправлять до 1-го Декабря т. е. три мѣсяца послѣ подписанія Адріанопольскаго мира (2 Сент.).

Вскорѣ по возвращеніи въ Россію (7 Февраля 1830 г.) состоялся приказъ о назначеніи Е. А. Головина Оренбург-

---

[24]) Нельзя не привести здѣсь преданія (оно не подкрѣплено никакимъ оффиціальнымъ документомъ) о чертѣ подобной гражданской доблести сдѣлали и нынѣ забытаго, недавно умершаго, нѣкогда отважнаго кавалерійскаго офицера, въ послѣдствіи много лѣтъ бывшаго Московскимъ комендантомъ, Нѣмца по имени, Русскаго по сердцу и честности, Карла Густавовича Сталь фонъ Голштейна. Когда въ 1830 году въ Москвѣ появилась страшная гостья (пріобрѣвшая нынѣ въ Европейской медицинѣ право гражданства) Индійская *холера-морбусъ*, отважнѣйшіе изъ Московскихъ докторовъ щупали пульсы своихъ больныхъ сквозь вымоченный въ уксусѣ полотенца, придерживая передъ носомъ банки съ хлоровою известью; большею частью медики останавливались на порогѣ холерныхъ палатъ и предписывали лекарства, осматривая языки больныхъ въ зрительныя трубки. Сталь пріѣзжаетъ въ одну больницу; на порогѣ холерной палаты его останавливаютъ словами: «берегитесь, ваше превосходительство — опасно — зараза сильна!» — «Трусы!» отвѣчаетъ воинъ 12-го года — «что тутъ опаснаго? — «смотрите!» — и войдя въ палату, снимаетъ мундиръ и въ одной рубахѣ ложится въ койку больнаго еще не окоченѣвшаго послѣ предсмертныхъ холерныхъ судорогъ!

Передаемъ разсказъ какъ его слышали; не ручаемся за его вѣрность, но не сомнѣваемся въ ней: выдуманные разсказы рѣдко относятся къ чести того, о комъ они выдуманы

скимъ военнымъ губернаторомъ и командиромъ отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса на мѣсто ген. отъ инф. Петра Кирил. Эссена, назначеннаго тогда же Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ. Не смотря на весь почетъ, который представляла эта должность, сосредоточивавшая въ себѣ почти полновластное гражданское и военное управленіе огромнымъ Оренбургскимъ краемъ, Головинъ не хотѣлъ принять ее, даже и послѣ пожалованія ему ордена Анны 1-й степ. съ Император. Короною [25]. Оправдываясь болѣзненнымъ состояніемъ здоровья онъ не только отказывался ѣхать въ Оренбургъ, но даже, не принимая милостиво предложеннаго ему годоваго отпуска съ сохраненіемъ генералъ-адъютантскаго содержанія, просилъ полной отставки, и наконецъ упорныя его настоянія были удовлетворены: 18 Апрѣля онъ уволенъ отъ службы съ мундиромъ и полною пенсіею [26], но въ тоже время ему велѣно избрать себѣ пребываніе внѣ столицъ.

Говоря въ послѣдствіи объ этой эпохѣ своей жизни, Головинъ всегда сознавался въ томъ, что оказалъ крайнее, неизвинительное упорство, отвергнувъ безъ всякой видимой причины всѣ милостивыя предложенія ему тогда сдѣланныя. Съ глубокимъ огорченіемъ вспоминалъ онъ особенно объ утратѣ имъ при этомъ (и на всегда) генералъ-адъютантскихъ эксельбантовъ; но всякій разъ, тяжело вздохнувъ, прибавлялъ, что не могъ въ тѣхъ обстоятельствахъ поступить иначе. Какъ ни покажется невѣроятнымъ, но изъ оставшихся послѣ Головина бумагъ несомнѣнно оказывается, что въ дѣйствіяхъ своихъ въ этомъ случаѣ онъ руководился указаніями г-жи Татариновой: она *запретила* ему ѣхать въ Оренбургъ, она *принудила* его требовать отставки.

Странно, непзъяснимо вліяніе этой женщины на такого человѣка, какъ Головинъ, который во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ отличался особенною обдуманностію и крайнею предусмотрительностію, который имѣлъ характеръ совершенно чуждый всякаго увлеченія; еще непостижимѣе становится это вліяніе, если вспомнить, что Головину въ 1830 году было подъ пятьдесятъ лѣтъ, и что, при первомъ его знакомствѣ съ г-жею Татариновою, она показалась ему лицемѣркою, а установленные въ ея союзѣ обряды—въ началѣ

---

25) Въ рескриптѣ 6 Апрѣля 1830 г., сказано, что этотъ орденъ жалуется ему «за отлично усердную службу и благоразумное распоряженіе, оказанное въ минувшую противъ Турокъ войну при исправленіи должности военнаго начальника въ крѣпости Варнѣ и военнаго генералъ-губернатора Базарджикской и Бабадахской областей, а потомъ и сѣверо-восточной Румеліи».

26) Приказомъ 21 Апрѣля 1830 г. на должность Оренбургскаго военнаго губернатора и командира отдѣльнаго Оренбургскаго корпуса назначенъ ген. лейт. графъ Пав. Петр. Сухтеленъ.

не только не вызвали въ немъ сочувствія, но напротивъ внушили ему почти отвращеніе. И между тѣмъ женщина эта дѣйствительно должна была обладать какими-то необычайными свойствами: ибо даже другія лица, избравшія ее своею руководительницею и въ послѣдствіи, многолѣтнимъ заключеніемъ, искупившія свои заблужденія, до конца своей жизни не произносили имени ея безъ глубокаго, можно сказать, безъ сыновняго благоговѣнія.

Головинъ избралъ себѣ мѣстомъ пребыванія Нарву. Здѣсь пробылъ онъ въ совершенномъ уединеніи болѣе десяти мѣсяцевъ, посвящая все свое время на образованіе своихъ дѣтей: сыновей Павла и Сергѣя и дочери Екатерины; перваго изъ нихъ онъ приготовилъ въ это время для поступленія въ Инженерный корпусъ.

Въ Ноябрѣ 1830 года вспыхнулъ мятежъ въ Варшавѣ; въ Январѣ 1831 г. армія Дибича вступила въ предѣлы Польши. Путь гвардіи лежалъ черезъ Нарву и когда Головинъ сталъ встрѣчать своихъ прежнихъ сослуживцевъ, своихъ бывшихъ подчиненныхъ, онъ не могъ болѣе оставаться въ бездѣйствіи: не смѣя прямо обратиться къ лицу Государя, онъ рѣшился отправить письмо къ Великому Князю Михаилу Павловичу, всегда оказывавшему ему особенное благоволеніе, умоляя Его Высочество объ исходатайствованіи Всемилостивѣйшаго принятія его на службу въ дѣйствующую армію. Приказомъ 17 Февраля 1831 г. Головинъ, съ прежнимъ чиномъ генералъ-лейтенанта (но уже безъ званія генералъ-адъютанта) назначенъ въ 6-й пѣхотный корпусъ начальникомъ 26-й дивизіи, которую ему поручено составить изъ резервныхъ баталіоновъ бывшаго Литовскаго корпуса.

Передъ отправленіемъ въ армію, Головинъ перевезъ въ Петербургъ свое семейство; здѣсь съ покорностію выдержалъ онъ немилостивый пріемъ Государя и былъ утѣшенъ нѣсколькими благоволительными словами Государыни. — 27 Апрѣля прибылъ онъ въ главную квартиру своего корпуснаго командира ген. отъ инф. барона Влад. Григ. Розена, находившуюся въ Брестѣ Литовскомъ.

Верстахъ въ сорока на сѣверо-востокъ отъ Бреста начинается извѣстная *Бѣловѣжская Пуща*, огромный лѣсъ, который простирается съ юга на сѣверъ по прямой линіи болѣе чѣмъ на 50 верстъ, а съ запада на востокъ разстилается отъ 25 до 40 верстъ: въ немъ собрались и имѣли главные запасы оружія мятежническія шайки, кои наводили страхъ на всѣ тамошнія окрестности, причиняя безпокойство самому Бресту. Пользуясь болотистою мѣстностію, затруднительною для правильнаго движенія войскъ и густотою лѣсовъ, мятежники учредили здѣсь сборное мѣсто для

остатковъ тѣхъ шаекъ, которыя были разбиваемы войсками нашими на Литвѣ; отсюда можно было во всякое время ожидать появленія новыхъ шаекъ на всемъ пространствѣ отъ Бреста до Бѣлостока, отъ Кобрина до Волковиска. Необходимо было очистить Бѣловѣжскую Пущу отъ ихъ скопищъ и уничтожить главный притонъ ихъ въ Рудиѣ, въ сѣверной части лѣса, на правомъ берегу рѣки Нарева. Исполненіе сего предпріятія было поручено Головину, которому съ сею цѣлью дано начальство надъ отрядомъ, состоявшимъ изъ 8 бат. пѣхоты, $3^1/_2$ эск. кавалеріи и 8 орудій.

25 Мая отрядъ этотъ, раздѣленный на три колонны, двинулся изъ Бреста. Главная часть его подъ предводительствомъ самого Головина, составляя лѣвую колонну, должна была, обогнувъ лѣсъ съ запада, черезъ Шестаково, Опаку, Дубицы, прійти черезъ Наревку на Рудню; средняя колонна, подъ начальствомъ ген. м. Фези, была направлена, по прямому пути съ юга на сѣверъ, черезъ Каменецъ Литовскій, и Кролевъ мостъ (на рѣчкѣ Соломянкѣ), въ самую средину Пущи—въ Бѣловѣжъ; наконецъ ген. м. Линденъ съ правою колонною, отправленный въ обходъ съ восточной стороны, долженъ былъ воспрепятствовать переходу шаекъ въ восточную оконечность Пущи, выдвигающуюся узкою полосою между селеніями Рушаны и Селецъ, и затѣмъ примкнуть къ колоннѣ Головина въ Рудиѣ.

Исполненіе этихъ дѣйствій сопровождалось полнымъ успѣхомъ. Въ самый день выступленія (25 числа), Фези на южной оконечности лѣса совершенно разбилъ одну шайку и захватилъ ея лагерь со всѣми обозами на рѣчкѣ Соломянкѣ, на другой день (26 числа) въ сѣверной части лѣса, послѣ упорнаго боя, Головинъ отбросилъ въ совершенномъ безпорядкѣ другую болѣе значительную шайку на встрѣчу ген. Линдена, который окончательно разбилъ ее: тѣ изъ мятежниковъ, которые избѣгли смерти, разсѣялись на мелкія партіи, оставивъ три орудія; на истребленіе этихъ партій Головинъ, по соединеніи съ Линденомъ, употребилъ трое сутокъ (27, 28 и 29 Мая), въ теченіи которыхъ онъ успѣлъ совершенно очистить Бѣловѣжскую Пущу отъ мятежниковъ и захватилъ всѣ ихъ обозы, склады оружія и жизненныхъ припасовъ.

Эту экспедицію впрочемъ Головинъ никогда не относилъ къ особеннымъ, выходящимъ изъ ряда обыкновенныхъ, служебныхъ своихъ порученій; но онъ вынесъ изъ нея память о подвигѣ отваги одного офицера. Подвигъ этотъ былъ разсказанъ имъ въ кругу знакомыхъ, семнадцать лѣтъ спустя, по поводу напечатанной во время Венгерской войны реляціи о томъ, какъ артиллерійскій офицеръ Стефани вызвался доставить весьма важныя депеши прямымъ путемъ чрезъ пространную мѣстность, занятую сплошными массами

Венгерскихъ войскъ и, потерявъ на пути сопровождавшихъ его казаковъ, прискакалъ весь израненный по своему назначенію. Головинъ замѣтилъ, что нѣтъ той опасности, которой бы устрашился Русскій воинъ и при этомъ разсказалъ, какъ во время его Бѣловѣжскаго поиска ему необходимо было немедленно послать донесеніе къ барону Розену, что̀ требовало проѣзда Бѣловѣжской Пущи по всему протяженію отъ сѣвера на югъ, т. е. около 50 верстъ, съ ежеминутною опасностію, что изъ за каждаго дерева можетъ вылетѣть пущенная мятежникомъ смертоносная пуля. Сдѣланъ вызовъ охотниковъ; явился уланскій офицеръ Шишкò, Головинъ отвелъ его въ сторону и, пристально посмотрѣвъ на него, спросилъ: знаетъ ли онъ, что подвергаетъ себя почти вѣрной смерти? — «Знаю» отвѣчалъ храбрый офицеръ.—«Тогда, разсказывалъ Головинъ, я вручилъ ему свою записку и, перекрестивъ его, обнялъ, думая, что едва ли когда нибудь его увижу. Но онъ благополучно исполнилъ свое порученіе и кажется, не только не былъ раненъ, но даже на всемъ своемъ пути не видалъ ни одного мятежника [27])».

День окончанія Бѣловѣжскаго поиска Головина (29 Мая) былъ днемъ, когда въ Пултускѣ умеръ фельдмаршалъ графъ Дибичъ-Забалканскій. Двѣ недѣли спустя 13 Іюня, прибылъ въ Пултускъ назначенный на его мѣсто главнокомандующимъ графъ Паскевичъ-Эриванскій. — Притянувъ къ главнымъ силамъ, сосредоточеннымъ въ окрестностяхъ Пултуска, отдѣльный корпусъ ген. Муравьева (Н. Н. Карскаго), Паскевичъ двинулъ войска свои вверхъ по теченію Вислы къ Плоцку, дабы совершить переправу на лѣвый берегъ этой рѣки близъ Прусской границы. Между тѣмъ для отвлеченія непріятеля отъ преслѣдованія нашей главной арміи всѣми силами, находящимися въ Варшавѣ, онъ послалъ повелѣнія корпусу генер. адъют. Ридигера, занимавшаго Люблинское воеводство, принять угрожающее положеніе, а барону Розену, усиливъ свой авангардъ, находившійся въ Мендзиржецѣ и поручивъ надъ нимъ начальство генер. Головину, выдвинуть его въ Сѣдлецъ, съ повелѣніемъ, чтобы Головинъ «обратилъ на себя какъ можно болѣе вниманіе непріятеля, «дабы облегчить черезъ то рѣшительныя дѣйствія главныхъ «силъ арміи» [28]).—При этомъ Головину предписывалось [29]):

---

[27]) Со времени этого разсказа прошло пынѣ 22 года, но кажется, память слышавшаго этотъ разсказъ вѣрно сохранила имя отважнаго офицера.

[28]) Повелѣніе генералъ-адъютанта барона Розена, 23 Іюня 1831 г., № 863.

[29]) Тоже 17 Іюня 1831 г., № 828.

«въ случаѣ покушенія противу него непріятеля въ слабѣй-«шихъ силахъ, имѣя вѣрный случай одержать верхъ надъ «мятежниками, никакъ не упускать сего изъ виду и ста-«раться всегда поражать небольшіе непріятельскіе отряды; «въ случаѣ же есть-ли бы мятежники, угрожаемые движе-«ніемъ главныхъ силъ арміи къ Вислѣ, отвели всѣ войска, «нынѣ противъ Сѣдльца на правомъ берегу Вислы находя-«щіяся, то посылать тотчасъ сильные разъѣзды до самаго «Минска, и слабые посты его сбивать и дѣлать видъ, какъ «бы желаетъ рѣшительно наступать, дабы чрезъ то сколь «можно болѣе обезпокоивать армію мятежниковъ на пра-«вомъ берегу Вислы».

Согласно съ симъ повелѣніемъ генер. лейтен. Головинъ, принявъ подъ свое начальство до 6700 чел. (5400 пѣх. и 1300 конницы) при 14 орудіяхъ, 22 Іюня занялъ Сѣдлецъ [30].

Во всѣхъ своихъ послѣдующихъ распоряженіяхъ Голо-винъ руководился убѣжденіемъ, что онъ обязанъ «наблюдая «непріятеля вблизи и тревожа безпрестанно, принудить его «оставаться на правомъ берегу Вислы; а если бы онъ по-«тянулся къ Прагѣ, то, не упуская его изъ виду, тотчасъ «слѣдовать за нимъ по пятамъ»; что онъ не можетъ иначе какъ наступательными дѣйствіями, за которыя, во всякомъ другомъ случаѣ могъ бы заслужить обвиненіе въ излишней предпріимчивости, «удостовѣряться съ точностію: подлинно «ли силы непріятельскія таковы, что имъ можно уступить, «не нарушивъ долга своего и не уронивъ воинской чести; «что не слѣдуетъ избѣгать для авангарда даже и очевидной «опасности, когда дѣло идетъ о содѣйствіи такому плану, «отъ котораго зависитъ не только успѣхъ цѣлой кампаніи, «но и участь самой войны и что заботиться о собственной «безопасности не должно въ предпріятіяхъ, которыхъ по-«слѣдствія такъ важны, въ отношеніи къ общему плану, «что самое конечное истребленіе отряда его, при первомъ «назначеніи своемъ обреченнаго уже на опасныя предпрія-«тія, нисколько бы цѣны ихъ не уменьшило».

Первые поиски, отправленные Головинымъ, обнаружили присутствіе сильныхъ мятежническихъ отрядовъ въ Калу-шинѣ на Варшавскомъ шоссе и въ Станиславовѣ и Ядовѣ, между шоссе и Бугомъ; въ послѣдствіи оказалось, что это были дивизіи Рыбиньскаго и Ягмина, который, при первомъ появленіи нашей казачьей партіи, привелъ часть своихъ войскъ на подкрѣпленіе Рыбиньскаго. Въ тоже время 5-ти

---

[30]) Въ составѣ отряда были: 8 бат. Нижегородскаго пѣхотнаго, 13, 14, 47 и 48 егерскихъ полковъ, 8 ротъ Модлинскаго пѣхотнаго полка и 1 резер. саперная бат., 7 эск. Польскаго и Татарскаго уланскихъ полковъ, 5 сотенъ Донскаго казачьяго Ильина полка, 4 батарейныхъ и 10 легкихъ орудій.

тысячный отрядъ Ромарино, перейдя Вислу у Гуры Кальваріи, направлялся на Люблинское воеводство, чтобы дѣйствовать противъ Ридигера.

Головинъ рѣшился 25 Іюня произвести сильную рекогносцировку, двинувъ на Калушинъ весь свой авангардъ распредѣленный на три колонны. Появленіе лѣвой колонны подъ начальствомъ командира Татарскаго уланскаго полка, полк. Маковскаго, было столь неожиданно, что при этомъ едва не были захвачены сами Рыбиньскій и Ягминъ, которые были обязаны своимъ спасеніемъ лишь быстротѣ своихъ коней; адъютантъ же Рыбиньскаго былъ взятъ въ плѣнъ [31]. Рекогносцировка эта подтвердила прежде полученныя свѣдѣнія о численности отряда Рыбиньскаго: у него подъ Калушинымъ находилось три полка пѣхоты и три полка конницы, всего съ приведенными Ягминымъ войсками до 10 тыс. чел., при 18 орудіяхъ. По приведеніи его въ извѣстность, Головинъ отступилъ на позицію при ручьѣ Костржинѣ (въ 13 верстахъ по шоссе впереди Сѣдльца). Послѣдствіемъ этой рекогносцировки были поспѣшное соединеніе отряда Ягмина съ Рыбиньскимъ, отступившимъ изъ Калушина, при Дембахъ Велькихъ, куда спѣшилъ къ нему на помощь Ромарино, отказавшійся отъ своего предпріятія противъ Ридигера.—Сюда же привелъ подкрѣпленіе изъ Варшавы Хржановскій, по прибытіи Ромарино, принявшій лично начальство надъ всѣми соединившимися войсками, въ числѣ всего 32 бат. пѣхоты, 28 эск. конницы (т. е. болѣе 20 тыс. чел.) и 26 орудій [32].

Но Головину эти распоряженія мятежниковъ не могли быть извѣстны: напротивъ, по увѣреніямъ лазутчиковъ, дивизіи Ягмина и Рыбиньскаго отступили къ Прагѣ; туда же, по слухамъ, спѣшилъ и Ромарино; въ Дембахъ же Велькихъ оставался будто бы лишь слабый арріергардъ. Не должно упускать изъ вида, что «каждый изъ жителей былъ «агентомъ мятежниковъ, въ то время какъ наши войска, «окруженныя предательствомъ, съ трудомъ находили како«го нибудь Іуда, рѣшавшагося за деньги доставлять свѣ«дѣнія и то часто очень невѣрныя или недостаточныя. Наи«болѣе можно было полагаться на тѣ только извѣстія, кои «доставляли наши партіи и разъѣзды; но кто не знаетъ, съ

---

31) Адъютантъ этотъ сперва назвался *Эленд широмъ;* но потомъ, будучи уличенъ, сознался барону Розену, что онъ *графъ Лось,* бывшій саперный офицеромъ.

32) А именно:

	бат.	эск.	орудій.
у Рыбиньскаго	16	—	18.
у Ягмина	—	16	—
у Ромарино	8	8	8
въ отрядахъ Хржановскаго .	8	4	—.

«какими неудобствами сопряжены эти средства, требующія «большой смѣлости и расторопности?».

И такъ, вполнѣ сознавая опасность подвергнуть весь свой отрядъ конечному истребленію, но находя необходимымъ удостовѣриться, не занимаетъ ли его непріятель ложными демонстраціями и не двинулъ ли онъ всѣ силы свои къ нижней Вислѣ для воспрепятствованія переправѣ нашей главной арміи, Головинъ 1-го Іюля далъ диспозицію о наступленіи на другой день на Минскъ. Оказалось, что подобная же диспозиція сдѣлана была и Хржановскимъ, который, узнавъ о малочисленности отряда Головина, намѣревался, окруживъ его съ трехъ сторонъ, совершенно его истребить. Поляки должны были начать аттаку въ 9 часовъ утра. Головинъ упредилъ ихъ четырьмя часами и въ 5-ть часовъ уже аттаковалъ ихъ. Весьма замѣчательно то, что, по счастливому для насъ стеченію обстоятельствъ, это произошло 2 Іюля, въ тотъ самый день, когда главная наша армія безъ выстрѣла совершила свою переправу черезъ Вислу при Осѣкѣ, близъ Прусской границы.

Оставивъ въ Калушинѣ обозъ съ прикрытіемъ изъ 4 ротъ пѣхоты съ 2 орудіями, Головинъ лично повелъ по шоссе среднюю колонну, въ которой было около 2 тыс. чел. при 4 орудіяхъ; правую колонну (750 чел. при 2 оруд. ввѣрилъ начальству полк. Врангеля [33]); лѣвую (1000 чел. при 2 оруд.) подполк. Жиркову. Пунктами для соединенія колоннъ впереди Минска, при успѣхѣ наступленія, назначены Дембы Вельки; при необходимости отступить—Калушинъ или даже Сѣдлецъ.

Появленіе нашихъ войскъ передъ Минскомъ было столь неожиданно, что прежде даже чѣмъ они, по выходѣ изъ лѣса передъ Минскомъ, успѣли выстроиться въ боевой порядокъ, ротм. Ходкевичъ съ однимъ только полуэскадрономъ улановъ Польскаго полка принудилъ непріятеля податься назадъ и, подкрѣпленный шт. ротм. Мурзичемъ съ эскадрономъ Татарскихъ улановъ, опрокинулъ два эскадрона мятежниковъ, частію въ болото, частію въ городъ, черезъ который Мурзичъ пронесся преслѣдуя ихъ; послѣ этого непріятельская конница болѣе уже не показывалась. Тѣмъ временемъ наши егеря завязали перестрѣлку съ непріятельскою пѣхотою, и Головинъ велѣлъ своей пѣхотѣ отбросить цѣпь непріятельскихъ стрѣлковъ, заслонявшихъ Минскъ, и баталіону 13 егерскаго полка занять самый городъ; самъ же, слѣдуя за симъ баталіономъ, у самаго въѣзда въ г. Минскъ, лично произвелъ обозрѣніе большихъ массъ непріятельской пѣхоты и конницы, выстроенныхъ по ту сторону

[33]) Командира Польскаго уланскаго полка.

города, и артиллеріи, расположенной за городомъ на высотахъ и открывшей оттуда огонь по нашимъ войскамъ.

Между тѣмъ, въ отдаленіи, на обоихъ флангахъ раздались выстрѣлы, и вслѣдъ за тѣмъ получены донесенія: отъ подполк. *Жиркова*, что, сбивъ непріятельскіе посты у с. Головицы, преслѣдовалъ ихъ до с. Замѣни, гдѣ нашелъ отрядъ около 1500 чел., который, передъ огнемъ нашихъ пушекъ, поспѣшно отступилъ, сломавъ за собою мосты и что онъ не можетъ болѣе продолжать наступленіе; отъ полк. *Врангеля*, что близъ с. Бржозы онъ захватилъ въ плѣнъ начальника Сандомирскихъ гусаровъ графа Малаховскаго, 4-хъ офицеровъ и 120 чел. нижнихъ чиновъ; но что, тѣсимый превосходными силами непріятеля, онъ былъ принужденъ къ отступленію.

Тогда только, «удостовѣрясь вполнѣ, что мятежники обратили противъ него значительную часть силъ своихъ и что «онъ можетъ считать долгъ свой исполненнымъ», Головинъ позволилъ себѣ помышлять о безопасности своего отряда. Съ трудомъ вызвалъ онъ изъ Минска егерей, вступившихъ тамъ въ жаркую перестрѣлку съ засѣвшею въ домахъ Польскою пѣхотою, и приказалъ войскамъ отступать. Былъ уже десятый часъ утра. Становилось жарко. Людямъ, утомленнымъ пятичасовымъ боемъ, необходимъ былъ отдыхъ; нужно было также перевязать раненныхъ и отправить ихъ въ Калушинъ. Со стороны непріятеля не видѣлось преслѣдованія. Головинъ остановилъ свою колонну въ боевомъ порядкѣ на шоссе при корчмѣ Осины, но не надолго, ибо посланный имъ разъѣздъ извѣстилъ его, что сообщеніе его съ Врангелемъ прервано Польскою конницею, обходившею его флангъ. Справедливо угадывая, что она намѣревается упредить его въ Калушинѣ, онъ немедленно послалъ туда полк. барона Зедделера [34], съ приказаніемъ озаботиться дальнѣйшимъ отправленіемъ обоза и раненныхъ; съ Зедделеромъ отправлены 2 эск. кавалеріи при 1 орудіи.

Съ этого пункта отступленіе Головина сопровождалось непрестанными фланговыми аттаками непріятельской конницы. Въ 4-хъ верстахъ не доходя Калушина, при Ендржеевѣ, находившійся тутъ отрядъ полк. Чекмарева [35] (2 роты съ орудіями) составилъ арріергардъ въ смѣну невыходившаго дотолѣ изъ огня 13-го егерскаго полка. Батарея Чекмарева нѣсколько пріостановила непріятельскую конницу; въ это же время у Калушина раздались пушечные выстрѣлы. Головинъ ускорилъ отступленіе 13 егерскаго полка, но едва полкъ успѣлъ перейти мостъ передъ Калушинымъ,

---

[34]) Бывшаго при немъ за начальника штаба.

[35]) Командиръ Нижегородскаго пѣхотнаго полка.

какъ Ягминъ заслонилъ этотъ мостъ четырьмя баталіонами Польской пѣхоты: такимъ образомъ Головинъ остался въ арріергардѣ съ 48-мъ егерскимъ полкомъ и съ двумя ротами полк. Чекмарева [36]), отрѣзанный отъ остальной части своей колонны. Сознавая всю необходимость своего присутствія при сей послѣдней, онъ приказалъ Чекмареву сойти съ шоссе и продолжать отступленіе черезъ простиравшійся на право лѣсъ; самъ же, въ сопровожденіи двухъ казаковъ, подъ сильнѣйшимъ огнемъ непріятеля, во весь опоръ промчался черезъ цѣпь ихъ стрѣлковъ и не получивъ ни одной раны, но потерявъ дорогой обоихъ казаковъ, прискакалъ къ главной части своего отряда.

Положеніе этой части было самое критическое. Отступленіе однако-же совершалось въ порядкѣ, благодаря распорядительности барона Зедделера, удачно открывшаго огонь изъ бывшаго при немъ коннаго орудія и, главное, благодаря доблести нашихъ войскъ, которыя, изнемогая отъ полуденнаго солнечнаго зноя и отъ усталости, ни на минуту не переставали отражать всѣ нападенія мятежниковъ. Весь обозъ, всѣ раненные и плѣнные были отправлены въ Ягодно. За Калушинымъ преслѣдованіе непріятеля сдѣлалось слабѣе, а по переходѣ близъ станціи Мингозы черезъ мостъ, который былъ Головинымъ изломанъ, часовъ около шести, оно совершенно прекратилось. Въ послѣдствіи оказалось, что поводомъ къ сему было полученное только тогда непріятелемъ извѣстіе объ утреннемъ наступленіи при с. Гловищѣ нашей лѣвой колонны (подпол. Жиркова), которую они приняли за передовой отрядъ ген.-ад. Ридигера.

Давъ отдохнуть своимъ войскамъ и учредивъ надлежащія казачьи разъѣзды, Головинъ продолжалъ ночью отступленіе и на разсвѣтѣ 3-го Іюля привелъ свою колонну въ Сѣдлецъ; туда же прибыли въ тотъ же день колонна Врангеля утромъ а колонна Жиркова вечеромъ; сюда же привелъ на другой день свой арріергардъ прошедшій лѣсами полк. Чекмаревъ; съ нимъ явился и полк. Ильинъ, который съ 30 казаками успѣлъ спасти двѣ изъ бывшихъ при арріергардѣ пушекъ; третья, у которой подломилась ось, была завезена и спрятана около Ендржеевки въ самой глубинѣ лѣса.

По соединеніи всего отряда приведена была въ извѣстность потеря наша убитыми и раненными; оказалось, что изъ общей численности всѣхъ трехъ колоннъ, выступившихъ утромъ 2 Іюля изъ Калушина (менѣе 5 тыс. челов.), выбыло изъ строя:

---

[36]) Всего въ арріегардѣ было около 800 чел. при 3-хъ легкихъ орудіяхъ.

	Оберъ-офицер.	нижнихъ чиновъ.
Убитыми	1.	241.
Безъ вѣсти пропавшими	16.	692.
Раненными	14.	125.

Какъ ни значительна была потеря сія, составлявшая около пятой всего авангарда Головина, но Головинъ справедливо находитъ, что «день этотъ для Русскаго оружія не безславный». Выступивъ въ 4 часа утра изъ Калушина и пройдя 16 верстъ до Минска, колонна Головина съ 3-ти часовъ вступила въ бой, который не прекращался до десятаго часа и затѣмъ обратилась къ отступленію, которое продолжалось на протяженіи 30 верстъ до станціи Минтосы, куда колонна прибыла уже въ седьмомъ часу вечера, неся на плечахъ дивизіи Рыбинскаго, Ягмина и Ромарино, соединенныя подъ начальствомъ Хржановскаго. Такимъ образомъ отрядъ Головина, въ истребленіи коего Хржановскій не сомнѣвался, который, по сознанію самого Головина, «могъ считаться вѣрною его добычею», совершилъ въ этотъ день почти пятидесяти-верстный переходъ и, въ теченіи четырнадцати часовъ не выходя изъ огня, постоянно подверженный нападеніямъ преслѣдующаго его, несравненно сильнѣйшаго, непріятеля, успѣлъ отразить всѣ его нападенія и на слѣдующій день, по прибытіи боковыхъ колоннъ, отправилъ еще въ Брестъ взятыхъ въ плѣнъ: 3 штабъ, 4 оберъ-офицеровъ и 150 нижнихъ чиновъ.

Дѣйствительно день этотъ былъ *не безславенъ* для Русскаго оружія; но онъ особенно былъ славенъ для Головина. Представимъ себѣ его наканунѣ его наступленія на Минскъ: десять тысячъ Рыбинскаго отступили передъ нимъ и допустили его занять Калушинъ; лазутчики говорятъ, что Ягминъ изъ Ядова отошелъ къ Прагѣ; что туда же направился Ромарино съ своимъ 5 тысячнымъ корпусомъ. Но можно ли довѣрять лазутчикамъ? Дѣйствительно ли открытые у Дембовъ Велькихъ мятежники не болѣе какъ арріергардъ Рыбинскаго? И въ такомъ случаѣ Рыбинскій, Ромарино и Ягминъ не потянулись ли противъ главной нашей арміи, не затруднятъ ли оной перехода черезъ Вислу, не задержатъ ли ея наступленія на Варшаву? А если нѣтъ? А если всѣ силы ихъ сосредоточены? А если они нахлынутся соединенными массами на 3-хъ тысячный отрядъ Головина? Тѣмъ лучше! Цѣль отряда будетъ достигнута—на него падутъ удары тѣхъ, которые могли бы остановить успѣхъ кампаніи! Отрядъ можетъ быть конечно истребленъ; но сколько погибнетъ мятежниковъ прежде чѣмъ погибнетъ весь отрядъ? И что значитъ погибель пяти тысячъ тамъ, гдѣ идетъ дѣло объ успѣхѣ главной арміи, тамъ, гдѣ слѣдуетъ исполнить возложенную начальствомъ *порученность*,

тамъ гдѣ вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы *«не нарушить долга своего и не уронить воинской чести»*.—Головинъ рѣшается—диспозиція дана!

На завтра онъ подъ Минскомъ: Ходкевичь щегольски опрокидываетъ мятежниковъ, молодцомъ проносится черезъ городъ Мурзичь. Однако въ городѣ засѣла непріятельская пѣхота, и непріятель все еще не обнаружилъ всей своей численности. Головинъ вбрасываетъ въ городъ баталіонъ егерей, открываетъ огонь по всей линіи и самъ у городскихъ воротъ, подъ пулями и ядрами непріятеля, пересчитываетъ его силы. Онѣ огромны: ихъ слишкомъ достаточно, чтобы истребить безъ остатка его отрядъ, но пусть будетъ такъ! Онѣ далеко отъ главной арміи—ея переправа обезпечена. Довольно! бей отбой; барабанщики, труби отступленіе; трубачи! заманивай Ляховъ подальше отъ Вислы! Сложимъ наши головы, но поможемъ нашей гибелью Паскевичу водрузить Русское знамя на стѣнахъ мятежной Варшавы!

Отступили—перевязали раненыхъ—отправили ихъ въ Калушинъ.—Но вотъ влѣво на задахъ показались непріятельскіе конники. — Первая забота о раненныхъ, объ обозѣ, о плѣнныхъ — не упредили бы ихъ въ Калушинѣ — посылай ихъ далѣе! а егеря какъ нибудь да отобьются! Палитъ зной, едва передвигаютъ ноги храбрые егеря, пули валятъ, то того, то другаго. Но вотъ, слава Богу! Ендржеево, вотъ и Чекмаревъ съ Нижегородцами! «Честь и мѣсто» занимай арріергардъ!—переходи егеря черезъ мостъ! Перешли,—а вслѣдъ за ними мостъ занятъ мятежниками. Головинъ остался при арріергардѣ, а арріергардъ отрѣзанъ! «Чекмаревъ! на право въ лѣсъ! Тамъ либо спасеніе, либо славная смерть, а мое мѣсто тамъ!» Шпоры въ коня, и добрый конь выноситъ генерала сквозь градъ Польскихъ пуль, и генералъ уже не думаетъ объ сотняхъ, оставшихся съ Чекмаревымъ, а о тысячахъ, которыя опять ведетъ. И эти тысячи снова ободряются, снова забываютъ усталость, бодрѣе отстрѣливаются, дружнѣе отбиваютъ ослабѣвающія аттаки непріятеля! Вотъ наконецъ мостъ передъ Мингосами, вотъ онъ перейденъ, вотъ онъ разломанъ, вотъ отступаютъ мятежники, привалъ!

А въ ночь опять походъ, къ утру вступленіе въ Сѣдлецъ; на завтра приходъ колоннъ Врангеля и Жиркова: еще день, и изъ лѣсовъ является Чекмаревъ, а съ нимъ тащитъ двѣ пушки Ильинъ! Сколько дружескихъ объятій, рукопожатій, разсказовъ о свершенныхъ подвигахъ, радостныхъ свиданій и сколько (радость смежна съ горемъ), сколько вздоховъ объ убитыхъ товарищахъ.

Да! не безславный для отряда Головина былъ день 2 Іюля 1831 года.

Подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ этого дѣла, соображеній, которыми оно было вызвано, и послѣдствій, которыми сопровождалось, было представлено Головинымъ только 7-го Іюля; первыя же его донесенія, словесное, посланное съ его адъютантомъ Муравьевымъ [37]) изъ станціи Мингосы немедленно по окончаніи боя, а другое 3-го Іюля съ бивуака передъ Сѣдльцемъ, когда судьба колоннъ Жиркова и Врангеля и части Чекмарева еще была неизвѣстна, были немедленно сообщены главнокомандующему въ донесеніи барона Розена, изъ котораго графъ Паскевичъ, усматривая, что Головинъ «аттаковавъ подъ Минскомъ несораз«мѣрно превосходнаго въ силахъ непріятеля, подвергъ от«рядъ свой пагубному бою и потерѣ», предписывалъ «по«требовать отъ него объясненія, для чего, вопреки данныхъ «ему приказаній, не только не уклонился онъ отъ сильнаго «непріятеля, но еще самъ рѣшился аттаковать его» [38]). — Уже въ послѣдствіи, когда истинный ходъ всего дѣла объяснился, баронъ Розенъ отдалъ полную справедливость подвигу Головина; въ повелѣніи своемъ отъ 16 Іюля [39]) онъ писалъ ему: «Существенная польза отъ авангарда вашего «превосходительства достигнута въ полной мѣрѣ тѣмъ, что «вы способствовали къ удержанію знатной части войскъ «непріятельскихъ на правомъ берегу Вислы; въ семъ одномъ «заключалось желаніе главнокомандующаго, и къ сей един«ственно цѣли предназначенъ авангардъ вашъ».

Пять дней Головинъ оставался съ своимъ отрядомъ на позиціи передъ Сѣдльцемъ; но, извѣстясь чрезъ разъѣзды о нападеніи 6 Іюля мятежниковъ на Рыдигера у Коцка и о появленіи около Лукова непріятеля въ силахъ, Головинъ сдѣлалъ диспозицію къ выступленію отряда въ ночь 7-го числа по шоссе на Збучинъ и Мендзиржецъ. Къ счастію, вслѣдъ за отправленіемъ обозовъ въ Збучинъ, Головинъ былъ предупрежденъ посланнымъ къ нему изъ Лукова отъ Врангеля унтеръ-офицеромъ [40]) о томъ, что сильный (около

---

[37]) Графомъ Ник. Ник. Амурскимъ, служившимъ потомъ на Кавказѣ при Е. А. Головинѣ.

[38]) Предписаніе графа Паскевича барону Розену 9 Іюля 1831 г. № 3116.

[39]) Повелѣніе барона Розена ген. лейт. Головину 16 Іюля 1831 г. № 1064.

[40]) Татарскаго уланскаго полка унт. оф. Коцѣловичъ, на пути отъ Лукова въ Сѣдлецъ у сел. Бирды, такъ близко наѣхалъ на тянувшуюся изъ Ружи мятежническую колонну, что, остановясь въ закрытомъ мѣстѣ, могъ пересчитать всѣ войска ея составлявшія. Давъ хвосту колонны пройти, онъ пустился во весь опоръ въ Сѣдлецъ, куда успѣлъ прибыть, ускакавъ отъ бросившейся за нимъ погони.

6 тыс. человѣкъ) отрядъ двинулся изъ Ружи (къ юго-западу отъ Сѣдльца) на Збучинъ. Головинъ, не медля ни одной минуты и усматривая очевидное намѣреніе мятежниковъ отрѣзать его отряду отступленіе на Брестъ, повелъ свои войска на сѣверъ отъ шоссе къ с. Морды, куда направилъ и обозъ. Движеніе это совершено вполнѣ удачно: отрядъ отступилъ черезъ Морды и Лосицу на Константиновъ; обозъ, хотя и былъ застигнутъ въ Збучинѣ мятежниками, но, благодаря темнотѣ, успѣлъ отступить къ Лосицѣ, оставивъ въ рукахъ Ромарино, лично при этомъ начальствовавшаго, единственными трофеями его перехода два патронные ящика, нѣсколько повозокъ и офицерскихъ вьюковъ.

Послѣдствія доказали все благоразуміе распоряженій Головина, обнаруживъ, что, пока Ромарино поспѣшнымъ переходомъ надѣялся въ Збучинѣ отрѣзать его отъ корпуса Розена, самъ главнокомандующій мятежниками Скржинецкій лично шелъ на Сѣдлецъ, чтобы окружить его отрядъ и окончательно его истребить. Справедливо и остроумно избралъ историкъ Польскаго мятежа [41]), эпиграфомъ къ главѣ, въ которой описываетъ переходъ Паскевича черезъ Вислу, поговорку Римлянъ: «кого судьба хочетъ погубить, того лишаетъ разсудка! [42])» Не чистое ли было безуміе со стороны Польскихъ вождей гонять корпусъ Ромарино болѣе чѣмъ за сто верстъ отъ Варшавы (когда не могло не быть извѣстно, что вся армія Паскевича ищетъ переправы черезъ Вислу на юго-западъ отъ Плоцка) и немедленно послѣ этой переправы двинуться на Варшаву, которой гарнизонъ, за отдѣленіемъ болѣе 20 тыс. на истребленіе 5-тыс. отряда Головина по Брестскому шоссе и на демонстраціи противъ Ридигера на границѣ Люблинскаго воеводства, составлялъ всего около 38 тыс. солдатъ [43]).

Пока мятежники, по словамъ самаго Головина «гоняясь, «такъ сказать, за призракомъ, потеряли столько драгоцѣнного времени, главнокомандующій нашъ вполнѣ имъ воспользовался, собравъ такимъ образомъ плоды своихъ дальновидныхъ предначертаній». Между тѣмъ полученіе ими извѣстія о переходѣ Паскевичемъ Вислы при Осѣкѣ (2 Іюля)

---

[41]) Friedrich von Smitt. Geschichte des polnischen Aufstandes und Krieges in den Jahren 1830 u. 1831. Berlin. 1848. 3. Bde.

[42]) Тамъ же, стр. 3. Quem Jupiter vult perdere—dementat.

[43]) Тамъ же, стр. 360, прим. 2 и таблица. — Смиттъ по Прондзынскому говоритъ, что при защитѣ Варшавы оставались: корпуса Уминскаго и Дембинскаго, артиллерія Хоржевскаго и гарнизонъ, всего: 30,120 чел. пѣхоты, 3795 — конницы и 3845 — артиллеріи при 92 орудіяхъ. А по Шпицыру (увеличивающему эту цифру до 38.763 чел.), видно, что въ корпусѣ Ромарино было: пѣхоты 15.276 чел., конницы 4089, артиллеріи 938, всего 20.303 чел. при 42 орудіяхъ.

и о томъ, что онъ уже въ 160 верстахъ отъ Варшавы, побудило ихъ поспѣшно отступать къ Прагѣ. Слѣдуя за ними по пятамъ, Головинъ вновь перевелъ свой отрядъ изъ Константинова на шоссе; 9-го числа въ Бялу, а 11-го въ Мендзиржецъ. 12 Іюля посланный съ письмами отъ плѣнныхъ, адъютантъ Головина, Муравьевъ привезъ радостное извѣстіе о переправѣ нашей арміи; извѣстіе это сообщилъ Муравьеву лично Хржановскій, котораго арріергардъ онъ нашелъ уже въ Минскѣ.

Намѣреваясь содѣйствовать переправѣ Ридигера на лѣвый берегъ Вислы [44]), Головинъ 14-го перешелъ въ Луковъ; но баронъ Розенъ, устрашенный ложнымъ слухомъ о томъ, будто бы весь корпусъ Ромарино, переправясь черезъ Бугъ при Дрогичинѣ и притянувъ къ себѣ шайки изъ Литвы, идетъ на Брестъ Литовскій, прислалъ Головину повелѣніе немедленно идти обратно на Мендзиржецъ. Поводомъ къ этимъ слухамъ было появленіе отряда партизана Ружицкаго (всего тысяча чел. пѣхоты и конницы), который, прорвавшись въ Литву, соединился близъ Бѣловѣжской Пущи съ Дембинскимъ; вытѣсненный оттуда, онъ, вмѣстѣ съ Дембинскимъ и Кушелемъ, въ составѣ 5 тысячъ человѣкъ при 8 орудіяхъ, 20 Іюля переправился черезъ Бугъ при Нурѣ и оттуда черезъ Стердынь потянулся на Ядовъ, на пути своемъ призывая всѣхъ жителей *къ посполитому рушенію* (поголовному возстанію) и 23 Іюля вступилъ въ Прагу.

Головинъ вновь перешелъ къ наступленію: 25-го онъ занялъ Калушинъ, выдвинувъ пѣхоту въ Минскъ и занялъ казаками Дембы Велькн; разъѣзды его доходили до Вислы у Вавра и Грохова и истребили на этой рѣкѣ остатки моста при сел. Потычь и всѣ перевозныя суда у Гуры Кальваріи. Между тѣмъ получены извѣстія, что Паскевичъ подходитъ къ Сохачеву (51 верста отъ Варшавы на Вислѣ) и что Ридигеръ въ Радомѣ. — 29-го Головинъ, переведя всю свою пѣхоту въ Минскъ и Дембы Велькн, лично отправился съ кавалеріей на рекогносцировку къ Прагѣ; здѣсь, подъѣхавъ къ чугунному монументу, воздвигнутому въ память постройки шоссе, личнымъ обозрѣніемъ убѣдился, что непріятель имѣлъ въ Прагѣ весьма мало войска. «Это по«явленіе нашихъ войскъ передъ Прагою и въ окрестностяхъ «ея вдоль праваго берега Вислы [45]) имѣло важныя послѣд-

---

[44]) Переправа эта предполагалась первоначально въ Казимиржѣ; она совершилась 25-го числа нѣсколько южнѣе при Юзефовѣ.

[45]) Летучіе отряды Головина простирали свои разъѣзды подъ начальствомъ подп. Дучинскаго (взятаго въ плѣнъ 10 Августа) вверхъ по Вислѣ почти до Вѣнржа, Мацеіовичъ и Варгоцына и подъ начальствомъ шт.-кап. Цуканова (къ Бугу) до Ядова и даже до Яблонны, въ 14-ти верстахъ отъ Модлина.

«ствія: сначала оно стѣснило только, а потомъ и вовсе пре«сѣкло доставку припасовъ съ правой стороны Вислы. «Огромнѣйшіе обозы съ жизненными потребностями, шед«шіе въ Варшаву, были обращены назадъ, и всѣ подвозы «остановились такъ, что правительство революціонное на«шлось въ необходимости, для возстановленія сообщенія съ «Подляхіею, отрядить значительную часть войскъ своихъ «на правый берегъ Вислы».

И дѣйствительно 10 Августа получено извѣстіе, что сильный корпусъ мятежниковъ (Ромарино), выступивъ 9-го изъ Варшавы, направился на Карчевъ и, напавъ тамъ на летучій отрядъ нашъ, самаго начальника сего отряда подполковн. Дучинскаго взялъ въ плѣнъ. Командиръ 6-го корпуса, баронъ Розенъ, прибывшій 3 Августа съ частію своихъ войскъ въ Минскъ, немедленно сдѣлалъ распоряженіе къ отступленію: отрядъ Головина, пополненный до числа 5 тыс. человѣкъ подъ ружьемъ и обращенный въ арріергардъ, назначенъ для прикрытія праваго фланга отступающаго корпуса [16]).

Съ этою цѣлью, приняв направленіе вправо отъ барона Розена, Головинъ шелъ черезъ Латовичи, Сѣрочинъ, Сточекъ, Ружу и Ждажары; 16 Августа у сел. Крынки засталъ корпусъ Розена, котораго увѣдомилъ, что несетъ на плечахъ корпусъ Ромарино въ 20 тыс. человѣкъ при 40 оруд. и что корпусъ этотъ, пройдя по дорогѣ на Гарволинъ, Горжно, Зелеховъ и Осины, въ самую минуту прибытія арріергарда къ Крынкамъ, находится уже въ 7-ми верстахъ, въ Луковѣ.—Розенъ не рѣшился на бой съ Ромарино; онъ опасался одного: быть отрѣзаннымъ отъ Бреста и поэтому, не теряя ни одной минуты, устремился съ своими войсками къ Мендзиржецу, за которымъ расположилъ ихъ, поручивъ арріергарду Головина задерживать непріятеля. — Головинъ, занявъ пѣхотою лѣсъ, черезъ который отступилъ Розенъ и давъ его тяжестямъ время удалиться на достаточное разстояніе, тронулся вслѣдъ за нимъ; но едва арріергардъ его началъ вступать въ лѣсъ, какъ вправо отъ Крынокъ показались непріятельскіе конники и, сбивъ цѣпь казаковъ и поставивъ на возвышеніи 6-ть орудій, открыли сильный огонь, подъ прикрытіемъ коего конница Ромарино ударила на Татарскій уланскій полкъ.

Чтобы отъ сел. Крынки пройти къ Мендзиржецу, нужно выйти на Брестское шоссе у сел. Зембровъ, къ которому

---

[16]) При этомъ отступленіи Головинъ имѣлъ 11-го числа ночевку въ селеніи Правдѣ, которое въ послѣдствіи, Высочайшимъ декретомъ 1/16 Окт. 1835, Всемилостивѣйше пожаловано ему въ вѣчное потомственное владѣніе. — Имѣніе это, какъ значится въ послужномъ спискѣ Головина, въ то время состояло «Царства Польскаго Подлясской губерніи въ Луковскомъ обводѣ, съ годо«вымъ доходомъ по 20 тыс. злотыхъ».

дорога пролегаетъ лѣсомъ, за Зембрами же идетъ узкою и (въ то время) довольно плохою плотиною черезъ болота. Всѣ усилія Ромарино, лично распоряжавшагося въ этомъ дѣлѣ, были устремлены на то, чтобы, обходомъ обоихъ флан-говъ Головина и сильнымъ напоромъ на него съ тыла, во-гнать весь его отрядъ въ болото: уже Польская конница одерживала верхъ надъ нашею; но стремленіе ея было удер-жано огнемъ находившихся въ прикрытіи 4-хъ конныхъ орудій, а примѣрное мужество полковниковъ Шрейбера и Шульца, и «необыкновенная храбрость ихъ полковъ (13 и «14 егерскихъ), оправдавшихъ при этомъ случаѣ прежнюю «свою славу, превозмогли наконецъ всѣ усилія непріятеля, «который при этомъ отступленіи арріергарда, пользуясь «превосходствомъ силъ своихъ и имѣя сильнѣйшую артил-«лерію, наступалъ съ величайшимъ стремленіемъ». Бой про-должался около шести часовъ, на всемъ пути отъ Крынокъ, откуда Головинъ тронулся около 5 час. по полудни, до д. Зембровъ, куда, по переходѣ тамошней плотины, онъ при-былъ не прежде какъ около 11 час. почи. Въ Зембрахъ онъ нашелъ ген.-м. Фези, оставленнаго Розеномъ съ 4 бат. пѣ-хоты для подкрѣпленія его. — Въ эту ночь Ромарино едва не погибъ въ болотѣ: въ темнотѣ, съ своимъ штабомъ, онъ такъ близко подъѣхалъ къ резерву ген. Фези, что по немъ дали ружейный залпъ въ нѣсколькихъ только шагахъ; въ замѣшательствѣ, поворотивъ поспѣшно назадъ, онъ попалъ въ болото, изъ котораго съ трудомъ могъ освободиться.

Давъ своему отряду отдыхъ на шоссе, Головинъ на раз-свѣтѣ, 17-го Августа, прибылъ къ Мендзиржецу и располо-жился впереди города; сзади, въ сторону Вялы, стояли въ боевомъ порядкѣ войска Розена.

Въ дѣлѣ 16 Августа, какъ доносилъ баронъ Розенъ графу «Паскевичу [47]) «войска отличились особенною храбростію «и твердостію, а ген. лейт. Головинъ въ полной мѣрѣ по-«казалъ распорядительность свою, примѣрное мужество и «хладнокровіе въ весьма трудномъ положеніи».

Въ 9 часовъ утра непріятель показался передъ Мендзир-жецемъ, а въ 10-ть, оттѣснивъ нашу цѣпь, двинулъ свои войска; они были остановлены огнемъ нашей батареи изъ 12 орудій, противъ которой мятежники выставили такое же число орудій; началась обоюдная канонада, продолжавшаяся до двухъ часовъ по полудни. Пользуясь ею и фальшивыми демонстраціями противъ Головина, обративъ все вниманіе Розена на лѣвый флангъ (къ сторонѣ Лукова), Ромарино успѣлъ обогнуть правый его флангъ и къ 6 часамъ занять на его задахъ позицію на шоссе у сел. Рогозницы, откуда

---

47) Рапортъ отъ 6 Сент. 1831 г. за № 1319, изъ д. Косина.

вытѣснилъ нашъ отрядъ; пушечные выстрѣлы по этому направленію послужили сигналомъ къ рѣшительной аттакѣ на фронтъ Розена. Какъ только они раздались, сильныя колонны Польской пѣхоты и конницы устремились на Мендзиржецъ; но, прежде еще чѣмъ онѣ успѣли развернуться, наша батарея опрокинула ихъ, и онѣ еще стремительнѣе обратились назадъ въ лѣсъ, увлекая за собою въ безпорядочное бѣгство прочія шедшія за ними войска. Съ полною вѣроятностію можно сказать, что онѣ понесли бы конечное пораженіе, если бы Розенъ преслѣдовалъ ихъ; но, устрашенный занятіемъ Рогозницы мятежниками и продолжая опасаться, что будетъ отрѣзанъ отъ Бреста, баронъ Розенъ заботился лишь о скорѣйшемъ туда отступленіи: поручивъ Головину [48]) прикрывать это движеніе, онъ направился черезъ Ломазы и Пищачъ на Брестъ, куда прибылъ 19-го Августа. Головинъ слѣдовалъ за нимъ до Пищача, откуда отправился на Тересполь (въ 8 верстахъ отъ Бреста), преслѣдуемый непріятельскимъ авангардомъ, который 20 Августа двинулся къ самому Тересполю.—Опасенія Розена за Брестъ до того усилились этимъ движеніемъ Ромарино, что, оставивъ Головина въ Тересполѣ только съ двумя егерскими полками (13-мъ и 14-мъ, каждый въ однобатальонномъ составѣ), онъ перевелъ всю остальную часть авангарда къ Бресту, а вслѣдъ затѣмъ прислалъ и Головину повелѣніе очистить Тересполь и перейти на правый берегъ Буга, уничтоживъ за собою бывшіе тутъ красивые и прочные мосты. Сожженіе этихъ мостовъ произведено вопреки мнѣнію Головина; онъ признавалъ его совершенно напраснымъ потому, что того же числа (21 Августа) казаки уже извѣстили о томъ, что обозы непріятеля поворотили назадъ по шоссе; и притомъ безполезнымъ, потому что рукавъ Буга, черезъ который мосты эти были устроены, съ обѣихъ сторонъ можетъ быть, безъ малѣйшаго затрудненія, перейденъ въ бродъ.

На другой же день по прибытіи арріергарда Головина въ Брестъ (22 Августа), извѣстіе объ отступленіи Ромарино подтвердилось. Арріергардъ, обращенный въ авангардъ, посланъ его преслѣдовать съ наставленіемъ однакоже «не принуждать непріятеля къ поспѣшному отступленію». Сообразно съ этимъ указаніемъ, Головинъ только вечеромъ 28 числа подвинулся къ Збучину. Здѣсь отъ перебѣжавшаго мятежническаго вахмистра получено извѣстіе о штурмахъ 25 и 26 Августа и о взятіи Паскевичемъ Варшавскихъ укрѣпленій. По словамъ того же вахмистра, извѣстіе это,

[48]) При отступленіи отъ Крынокъ 16 числа и въ дѣлѣ подъ Мендзиржецемъ 17 арріергардъ потерялъ: убитыми и безъ вѣсти пропавшими 2 оф. 240 нижн. чин.
раненными 11 — 108 — — —

застигшее корпусъ Ромарино на пути къ Прагѣ въ Сѣдльцѣ и Мингосахъ, заставило его принять направленіе на Луковъ, чтобы оттуда пробраться къ Замостью. По этимъ свѣдѣніямъ Розенъ главныя силы свои направилъ изъ Мендзиржеца на Радзынъ, а Головину предписалъ дѣйствовать во флангъ непріятелю. Но вслѣдъ за тѣмъ возобновились неосновательныя опасенія, возбужденныя ложными слухами, и въ то самое время, когда утромъ 29 числа отрядъ Головина отъ сел. Крынки началъ нападеніе на тянувшихся отъ Сѣдльца къ Лукову мятежниковъ и уже успѣлъ захватить нѣсколько плѣнныхъ (въ томъ числѣ 3-хъ офицеровъ), Головинъ получилъ повелѣніе Розена предпринять фланговое отступленіе на соединеніе съ 6-мъ корпусомъ. На основаніи тѣхъ же ложныхъ слуховъ, 30 Августа, Головинъ, усиленный 24 пѣхот. дивизіею (ген.-м. Фези, около 2 тыс. пѣхоты), былъ посланъ очистить Радзынъ, гдѣ, какъ оказалось на дѣлѣ, непріятель вовсе и не показывался. Отсюда началось преслѣдованіе Ромарино, который, изъ Лукова пройдя на Войзысковъ и Сѣрокомлю, заботился лишь объ ускореніи своего отступленія. Гонясь за нимъ по пятамъ, Головинъ успѣлъ нагнать его лишь въ Коцкѣ и Лысобокахъ (31 Августа), вытѣснилъ изъ Маркушова въ Куровъ (1-го Сентября) и у Ковалей отправилъ къ барону Розену парламентера графа Дзялынскаго съ письмомъ, въ которомъ Ромарино просилъ перемирія до полученія изъ Варшавы увѣдомленія о заключенной мятежниками конвенціи.

Въ туже ночь (со 2-го на 3-е Сентября) прибылъ генер. Красовскій, который 3-го числа нанесъ Ромарино сильное пораженіе при Ополе; на другой день (4-го), непріятель, еще нѣсколько времени продержась въ лѣсу передъ Раховымъ, былъ выбитъ оттуда Головинымъ и отъ отступленія перешелъ уже въ рѣшительное бѣгство, которое прекратилось лишь по достиженіи имъ Австрійской границы у Борова. Здѣсь «мятежники, построясь вдоль пограничной черты «такъ что, сдѣлавъ только нѣсколько шаговъ, могли ею «закрыться, хотѣли еще испытать, не удастся ли имъ исторгнуть у насъ какую нибудь капитуляцію? Но всѣ предло«женія ихъ были отвергнуты, и имъ рѣшительно объявлено, «что одна только безусловная ихъ покорность законной «власти можетъ быть принята въ уваженіе. — Тутъ мятеж«ники, не имѣя болѣе надобности беречь снаряды, открыли, «*какъ бы для забавы*, изъ всѣхъ своихъ орудій ужаснѣйшую «канонаду, которая, не причинивъ намъ почти никакого «вреда [49]), обратила въ пепелъ въ селеніи Боровѣ прекра-

[49]) Канонадой этой, продолжавшейся почти цѣлые два часа, убито всего 15 Русскихъ артиллеристовъ (Smitt, III, 499).

«снѣйшую мызу принадлежащую Краковскимъ монахинямъ. «Этимъ заключились подвиги корпуса Ромарино, который «до послѣдней минуты былъ сильнѣе числомъ корпуса ба«рона Розена, противъ него дѣйствовавшаго. Корпусъ этотъ «составленъ былъ изъ лучшихъ войскъ Польскихъ мятеж«никовъ, и по всему казалось, что Ромарино предприметъ «съ ними что̀ нибудь важнѣйшее чѣмъ *пустую прогулку* до «Тересполя, которая ничего другаго не произвела кромѣ «того, что подвергнула разоренію край, со времени воз«мущенія чуждый еще военныхъ бѣдствій. Но при самомъ «уже началѣ замѣтно было, что вожди этой части мятеж«нической арміи и члены революціоннаго правительства, «ей сопутствовавшіе, *не столько имѣли на сердцѣ честь воин«скую, сколько личную свою безопасность*».

До глубокой ночи стояли войска Ромарино на самомъ рубежѣ границы, съ переходомъ за которую сопряжены были потеря воинской чести, разлука съ родиной, осужденіе на скитальчество въ чужбинѣ.—Спереди и съ фланговъ неподвижные ряды Русскихъ, отрѣзавшіе имъ всякую надежду на переправу черезъ Вислу, на обратный путь въ Польшу, на отступленіе къ Замостью; Красовскій и Розенъ, требовавшіе безусловной сдачи; сзади эскадронъ Австрійцевъ, безучастно ожидающихъ перехода ихъ черезъ границу для отобранія у нихъ оружія. Напрасно посылаетъ Ромарино подполковника Подчасскаго съ просьбою о двухъ дняхъ срока для полученія извѣстій изъ Варшавы; напрасно проситъ онъ послать переговорщика къ графу Паскевичу; напрасно обѣщаетъ онъ покориться на тѣхъ самыхъ условіяхъ, которыя дарованы войскамъ въ Варшавѣ. «Безусловная сдача!» повторяетъ Розенъ. «Нечего тратить времени на пустяки!» говоритъ Красовскій; «коли останется съ каждой «стороны всего по два человѣка, то и тогда Русскіе будутъ «драться! Одно спасеніе Полякамъ—безусловная сдача!»

Но вотъ наступаетъ ночь. Поляки уже не ждутъ приказанія: оставляя ряды, они переходятъ границу. Ромарино долженъ покориться необходимости; раздаются командныя слова, и весь корпусъ «*чужеземнаго вождя Польскихъ мятежниковъ*» переступаетъ за роковой рубежъ. Къ утру 5 Сентября, подступивъ къ границѣ, Русскіе видятъ по той сторонѣ, еще за нѣсколько часовъ столь оживленной, одни Австрійскіе посты: корпусъ Ромарино уже отведенъ къ Хваловицѣ, гдѣ Ромарино, подъ предлогомъ своего *генеральскаго* чина, еще отказывается передать оружіе командиру гусаровъ О'Реллы—*полковнику* Вюстгофу. На трехъ собранныхъ Ромариномъ военныхъ совѣтахъ предлагаются ему различныя мнѣнія: идти на Замостье—но онъ уже отрѣзанъ оттуда Ротомъ; прорваться къ Завихвосту на заготовлен-

ныхъ тамъ на Вислѣ 12-ти судахъ—по суда эти истреблены посланнымъ туда, по распоряженію Головина, генераломъ Фези; пробиться въ Сандомиръ — но и тамъ уже капитанъ Эссенъ съ казаками ихъ упредилъ. Рѣшено: кому только можно — бѣжать въ Австрію. Члены мятежнаго правительства князь Адамъ Чарторыжскій, Густавъ Малаховскій и немногіе другіе успѣли на какомъ-то яликѣ переплыть Вислу; нѣкоторые бросились за ними вплавь и погибли въ виду родныхъ береговъ.

На смѣну *полковнику* Вюстгофу явился *генералъ* Бертолетти; но и передъ нимъ Ромарино рѣшился сложить оружіе не прежде какъ когда Бертолетти, по личномъ объясненіи съ Розеномъ, объявилъ Ромарино, что, при дальнѣйшемъ его упорствѣ, Австрійцы обратятся къ Русскимъ за помощію для обезоруженія перешедшихъ въ Австрію Поляковъ.

Наконецъ 9-го Сентября ген. Бертолетти оффиціально увѣдомилъ барона Розена, что Ромарино сложилъ оружіе: въ корпусѣ его было еще 15 тыс. чел., въ томъ числѣ 3 т. кавалеріи и 40 орудій [50]).

Того же 9 Сентября Головинъ съ 2-мя дивизіями (12 некомплектныхъ баталіоновъ) выступилъ въ Прагу, куда усиленными переходами прибылъ 15-го числа; съ присоединенными къ нему въ Прагѣ 2-мя баталіонами и уланской бригадой при 41 орудіи, онъ смѣнилъ передъ Модлиномъ войска гвардейскаго корпуса; послѣ девятидневной блокады, комендантъ Модлина графъ Ледуховскій, пользуясь присутствіемъ прибывшаго изъ Варшавы Великаго Князя Михаила Павловича, 26-го Сентября сдалъ эту крѣпость, предавъ судьбу гарнизона въ руки Его Высочества: въ крѣпости оказалось почти на два мѣсяца продовольствія, 88 орудій и до 5600 чел. гарнизона, которые, по сложеніи ими оружія, были распущены по домамъ [51]).

Наградою Головина за дѣйствія его противъ Ромарино былъ орденъ Св. Георгія 3-го класса, который пожалованъ ему 13-го Сентября, т. е. за два дня до прибытія его изъ Борова въ Прагу. При раздачѣ въ память этой войны знаковъ отличія Польскаго ордена «за военныя достоинства» (virtuti militari), онъ получилъ таковой 2-й степени, на шею.

---

[50]) При корпусѣ этомъ находилось 350 офицеровъ и 8 генераловъ, а именно: *Ромарино, Сѣравскій, Бѣлинскій, Лангерманнъ, Завацкій, Шнайде, Гавронъскій и Конарскій;* также начальникъ штаба *Владиславъ Замойскій* (Smitt. III, 499—502).

[51]) Сверхъ того въ пороховомъ погребѣ отысканы спрятанныя тамъ подъ поломъ 28 Польскихъ знаменъ совсѣмъ новыхъ: надобно замѣтить, что мятежническія войска во все время войны нигдѣ знаменъ съ со бой не имѣли.

Въ весьма интересномъ «извлеченіи изъ журнала ген.-«лейт. Головина въ теченіе кампаніи противъ Польскихъ «мятежниковъ 1831 года» [32]), находится нѣсколько замѣчаній, вынесенныхъ Головинымъ изъ этой эпохи и довольно ясно обрисовывающихъ его полное безпристрастіе собственно къ Польской народности, и въ тоже время его искреннюю ненависть къ мятежу, и наконецъ безпредѣльное уваженіе къ воинскимъ достоинствамъ графа Паскевича.

«Надобно отдать офицерамъ мятежническихъ войскъ спра-ведливость», говоритъ Головинъ: «они, не щадя себя, на-«ходились вездѣ впереди, дабы подать примѣръ простымъ «солдатамъ, и совращенное съ пути Польское юношество «шло на смерть съ такою готовностію, которая заслужива-«ла бы полную похвалу, если бы имѣла другое побужденіе «и лучшую цѣль» (стр. 69).

Но не таково его сужденіе о мятежническихъ вождяхъ. «Они не столько имѣли на сердцѣ честь воинскую, сколь-«ко личную свою безопасность. Увлеченные такъ уже да-«леко, не могли они внять гласу долга, призывавшаго ихъ «къ покорности: не рѣшаясь также подвергнуть судьбусвою «жребію отчаяннаго боя на землѣ отечественной и не за-«ботясь ни мало о цѣлыхъ тысячахъ людей, коихъ злоно-«лучіе они довершали, предпочли они постыднымъ образомъ «положить оружіе въ краю чуждомъ, гдѣ дано имъ убѣжи-«ще изъ единаго только, *можетъ быть ложнаго*, состраданія».— (стр. 82).

Относительно *посполитаго рушенья* (поголовнаго возстанія) Головинъ пишетъ: «Не безъ удивленія можно было замѣтить, «что тѣ изъ жителей, которыхъ постигли бѣдствія войны, «которыхъ домы сдѣлались жертвою пламени, кои потеряли «весь свой скотъ и имущество, однимъ словомъ видѣли всѣ «надежды свои на долгое время погибшими, тѣ были смир-«ны и покорны: они проклинали революцію и жаждали «только возвращенія порядка и спокойствія. Между тѣмъ «какъ другіе, наслаждавшіеся еще полнымъ благоденствіемъ, «коихъ не коснулась губительная рука войны, напротивъ «были упрямы и дерзки: мечтали видѣть залогъ благополу-«чія своего только въ покушеніяхъ революціонныхъ; такъ— «какъ бы благоразуміе не могло достаться имъ въ удѣлъ

---

[32]) Напечатано (безъ цензурнаго дозволенія) въ весьма маломъ числѣ экземпляровъ въ Ригѣ, въ 1847 году, въ бытность Головина Остзейскимъ генералъ-губернаторомъ; къ нему приложены списки многихъ изъ относящихся къ сему донесеній самаго Головина барону Розену и сего послѣдняго графу Паскевичу; отдѣльною статьею присовокуплены «Замѣчанія «на Исторію Польской кампаніи генералъ-маіора Окунева». (Histoire militaire de la seconde époque de la campagne de l'année 1831 en Pologne, par N. Okouneff, général d'état-major).

«иначе, какъ съ потерею всего ихъ благосостоянія и какъ «бы одно только конечное раззореніе могло заставить «ихъ опомниться» (стр. 59).

Разстройство и безпорядокъ отступленія корпуса Ромарино въ теченіи послѣднихъ трехъ дней, предшествовавшихъ бѣгству его за Австрійскую границу, Головинъ описываетъ такъ: «По дорогѣ находили мы разбросанныя оружіе и ам«муницію; на встрѣчу намъ попадались безпрестанно сол«даты мятежническихъ войскъ въ самомъ жалкомъ состояніи, «въ оборванной одеждѣ, безъ обуви, изнеможенные голо«домъ и усталостью; между ними были и такіе, кои едва «только вышли изъ ребяческаго возраста. Однимъ словомъ «мы припомнили себѣ отчасти Французскую ретираду 1812 г. «Видъ этотъ, даже въ простыхъ нашихъ солдатахъ, возбуж«далъ одно только соболѣзнованіе безъ всякаго непріязнен«наго чувства, вопреки разсказамъ либеральныхъ журна«ловъ, увѣрявшихъ будто бы эта несчастная война сопро«вождалась всѣми ужасами и взаимными жестокостями, ко«торыми обыкновенно оттѣняются войны народныя» (стр. 83).

О планѣ войны Паскевича Головинъ вездѣ говоритъ съ чувствомъ благоговѣйнаго почтенія и, почти съ озлобленіемъ, отвергаетъ малѣйшее подозрѣніе о томъ, что усмиреніе мятежниковъ было слѣдствіемъ удачныхъ случайностей, а не геніальныхъ предначертаній. «Два важнѣйшія «событія этой кампаніи, а именно: переправа черезъ Вислу «и взятіе Варшавы, были послѣдствіемъ не случайности, а «искусныхъ соображеній и дѣйствій стратегическихъ, кото«рыми силы непріятельскія были двоекратно раздѣлены и «оттянуты отъ тѣхъ пунктовъ, гдѣ главнокомандующій на«значилъ нанести мятежникамъ рѣшительные удары» (стр. 75). «Подъ этими двумя ударами пало чудовище крамолы, ко«торое огромнымъ тѣломъ своимъ покрывало все простран«ство земли, нѣкогда Польшу составлявшее и которое пи«талось ядовитымъ дыханіемъ западно-европейской пропа«ганды» (стр. 111).

По назначеніи барона Розена командиромъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса, Головинъ въ концѣ Октября отвелъ 6-й корпусъ въ предѣлы Россіи, а 1-го Ноября назначенный начальникомъ 2-й пѣхотной дивизіи, черезъ недѣлю (8 Ноября) вступилъ въ командованіе 1-мъ пѣхотнымъ корпусомъ, съ которымъ прибылъ въ Россію. Устройствомъ своей дивизіи и отличнымъ порядкомъ всего корпуса, найденными Государемъ на Высочайшихъ смотрахъ, Головинъ заслужилъ два Монаршихъ благоволенія 19-го и 21-го Мая 1833 г. и 5 Августа того же года пожалованъ кавалеромъ ордена Бѣлаго Орла.

Въ Январѣ 1834 года Головинъ былъ назначенъ главнымъ директоромъ предсѣдательствующимъ въ Правительственной Коммисіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ; въ 1836 году ему поручено исправлять должность Варшавскаго военнаго губернатора и, по званію этому, въ отсутствіи Намѣстника, предсѣдательствовать въ Совѣтѣ управленія Царствомъ.

Здѣсь кончается эпоха *фрунтовой* службы Головина. Хотя въ послѣдствіи, на Кавказѣ, онъ и принималъ участіе въ походахъ и въ самыхъ сраженіяхъ, но уже не въ качествѣ начальника отряда, а какъ руководитель, направляющій дѣйствія разныхъ отрядныхъ начальниковъ къ единой, общей цѣли — къ водворенію оружіемъ безопасности и гражданственности въ обширномъ краѣ, ввѣренномъ его управленію.

30 Ноября 1837 г. Головинъ получилъ новое назначеніе: онъ призванъ вмѣсто своего бывшаго начальника, ген. отъ инф. барона Григ. Влад. Розена, принять командованіе отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ и главное управленіе гражданскою частію и пограничными дѣлами въ Грузіи, Армянской и Кавказской областяхъ. — Прибылъ онъ въ Тифлисъ лишь 19-го Марта 1838 г., посвятивъ болѣе трехъ мѣсяцевъ на изученіе въ Петербургскихъ архивахъ свѣдѣній объ этомъ неизвѣстномъ ему краѣ, гдѣ все было для него ново: самая природа, нравы и обычаи жителей, даже способъ веденія войны и образъ веденія переговоровъ.

Самонадѣянно можетъ быть произносить сужденіе о дѣйствіяхъ такихъ лицъ, которыя были облечены властію, и притомъ властію почти неограниченною, надъ столь огромнымъ краемъ, каковъ за-Кавказскій край, вмѣщающій въ себѣ нѣсколько царствъ, незабывшихъ своей прежней самостоятельности, множество народностей, рѣзко отдѣляющихся нравами, вѣроисповѣданіями, даже нарѣчіями. Но, прочитывая исторію за-Кавказья съ того самаго времени, когда Павелъ принялъ Грузію подъ свое державное покровительство и передалъ титулъ Царя Грузинскаго въ наслѣдіе Самодержцамъ Всероссійскимъ, нельзя не сознать, что почти всѣ правители за-Кавказья смотрѣли на управленіе этимъ краемъ какъ на задачу совершенно военную, чуждую всякаго гражданскаго значенія. Не только въ столицахъ, но и во всей Россіи, съ названіемъ Кавказскаго корпуса неразлучно соединялось понятіе — съ одной стороны о военныхъ труженикахъ, которые осуждены были на вѣчныя экспедиціи въ горы, безъ ружья и кинжала не смѣли переступить порогъ своей землянки, безъ прикрытія казаковъ и безъ пушекъ не могли достать себѣ воды, чтобы напиться, нарубить дровъ, чтобы сварить щи, накосить сѣна, чтобы по-

кормить лошадей; съ другой — о гвардейскихъ офицерахъ, прямо съ маневровъ въ Красномъ Селѣ скакавшихъ на Кавказъ за Георгіемъ, или Владиміромъ, или хотя бы за Анною съ бантомъ. Даже къ титулярнымъ совѣтникамъ, рѣшавшимся съѣздить въ Грузію за чиномъ ассесорскимъ, предъявлялись извѣстныя требованія, и горе было тѣмъ изъ нихъ, которые осмѣливались чистосердечно сознаться, что въ Дарьяльскомъ ущеліи мимо ихъ ушей не свистѣли пули и что имъ не удалось ни разу видѣть на своемъ пути на казачьихъ пикетахъ пылающіе пуки соломы, возвѣщавшіе набѣгъ какой-нибудь партіи абрековъ.

Марлинскій напыщенно, но правдиво описалъ положеніе Кавказа въ томъ видѣ, въ какомъ Кавказъ представлялся восторженнымъ людямъ его времени. Лермонтовъ въ Грушницкомъ представилъ всю натянутость и неестественность этой восторженности, а въ Максимѣ Максимовичѣ изобразилъ практическій взглядъ, исполненный геройства въ своей простотѣ, которымъ смотрѣли на свой бытъ безсмѣнные Кавказскіе дѣятели, поставленные на ходули Марлинскимъ. Сколько было на Кавказѣ потрачено хладнокровнаго удальства, обдуманнаго залихвачества, разсчитанной отваги! Сколько погибло людей, сколько пролито крови, сколько сложено горячихъ, но даровитыхъ головъ, которыя, если бы не погибли отъ пущенной изъ-за вала горской пули, внесли бы, можетъ быть, не одну полезную мысль въ правительственные совѣты!

А все отчего?—Отъ того, что на Кавказъ само правительство смотрѣло какъ на пунктъ чисто военный, какъ на какой-то обширный плацъ-парадъ, гдѣ можно было на опытѣ приложить свѣдѣнія, вынесенныя изъ слушанныхъ со школьной лавки лекцій стратегіи и тактики. Самыя лица, призванныя къ начальствованію этимъ краемъ, кто были они? Генералы, отличившіеся воинскою доблестію — это правда! Имена ихъ дороги сердцу каждаго Русскаго, въ томъ нѣтъ сомнѣнія! Но если, съ усиліемъ подавивъ чувство восторга, невольно вызываемое въ Русскомъ всякимъ подвигомъ воинской отваги, по совѣсти спросить себя: кто изъ этихъ генераловъ заботился не о преходящей, часто безслѣдно, славѣ удачныхъ пораженій непріятеля, но о болѣе прочной славѣ установленія гражданскаго порядка въ Кавказскомъ краѣ, примѣненія этого порядка къ мѣстнымъ требованіямъ, водворенія въ самихъ туземцахъ сознанія, что порядокъ этотъ обезпечитъ ихъ собственное благополучіе; если поставить этотъ вопросъ, то въ длинномъ ряду правителей за-Кавказья не на многихъ именахъ можно остановиться. *Циціановъ*, по самому рожденію, жилъ одной жизнію съ народомъ; *Ермоловъ*, по своей даровитости, по своей чисто

Русской смѣтливости, геніально умѣлъ постичь требованія этой жизни; *Воронцовъ* успѣлъ обольстить Кавказъ внесеніемъ въ него утонченной роскоши, причудливыхъ удобствъ, изнѣживающей прелести Европейскаго просвѣщенія; наконецъ *Барятинскій*, современный сколокъ Екатерининскаго Потемкина, какъ Потемкинъ перепосящій съ одинаковымъ презрѣніемъ суетность придворной лести и суровость солдатскаго бивака, съумѣлъ богатырскими мышцами Русскихъ солдатъ побороть Шамиля — послѣдній оплотъ, выставленный Горцами противъ напора Европейской гражданственности.

А прочіе? — прочіе были храбрые, отлично храбрые, вполнѣ добросовѣстные генералы, но генералы, которые руководились установленными правилами военной науки; которые не сознавали, что на Кавказѣ наука эта не примѣнима, что на Кавказѣ не все берется «на ура» и притомъ, что покореніе Кавказа должно быть скорѣе нравственное, чѣмъ военное!

Для лучшаго уразумѣнія военныхъ распоряженій Головина въ теченіи пятилѣтняго его начальствованія на Кавказѣ, необходимо разсмотрѣть отдѣльно эти дѣйствія: 1) на Черноморской береговой линіи, 2) на правомъ флангѣ и въ центрѣ Кавказской линіи, и наконецъ 3) въ странѣ по сѣверо-восточному склону Кавказа съ Каспійскимъ прибрежьемъ.

Черноморская береговая линія представляла на всемъ прибрежьѣ, прилегающемъ къ землямъ Шапсуговъ и Убыховъ, между укрѣпленіями Новотроицкимъ и Святаго Духа, открытое пространство, откуда Горцамъ доставлялись значительные запасы боевыхъ припасовъ: пороха, желѣза, сѣры и пр.; откуда проникали враждебные Россіи Европейцы, возбуждавшіе Горцевъ къ упорному сопротивленію Россіи, обѣщаніями покровительства Англіи и Мегметалп [53]). По этому необходимымъ условіемъ прекращенія этихъ подвозовъ и волнованій и успѣшнаго за симъ надзора крейсирующей у этихъ береговъ флотиліи нашей, было скорѣйшее окончаніе только что начатой линіи береговыхъ укрѣпленій и открытіе болѣе удобнаго сообщенія берега съ

---

53) Въ 1834 году первый секретарь Англійскаго посольства въ Константинополѣ Уикъартъ былъ торжественно принимаемъ Горцами въ Сухумъ-кале; съ 1836 до 1838 года пріѣзжали другіе иностранные агенты, раздававшіе безденежно выписываемые ими изъ Трапезонта военные снаряды; таковыхъ напр. было роздано купцами Беллемъ и Лонгвортомъ: первымъ на 5 тыс., а вторымъ на 30 тыс. Турецкихъ піастровъ.

низовьями Кубани и съ землею Черноморскихъ казаковъ, такъ какъ путь оттуда пролегалъ по Джемитейской косѣ черезъ Тамань и Бугасъ на протяженіи 110 верстъ такой дороги, которая весною и осенью вовсе непроходима.

Съ этою цѣлью въ 1838 году отрядъ ген.-м. Симборскаго, съ боя овладѣвъ въ землѣ Убыховъ устьемъ р. Сочи, соорудилъ тамъ укр. Навагинское; а генер.-м. Раевскій съ отрядомъ своимъ, переправленнымъ на судахъ изъ Тамани въ землю Шапсуговъ, поставилъ укр. Вельяминовское при устьѣ р. Тугансе и Тенгинское — при устьѣ р. Шапсуго. Занятіе этого устья совершилось въ присутствіи самого Головина, осматривавшаго въ Маѣ мѣсяцѣ береговую линію и по указанію коего въ томъ же году приступлено къ сооруженію крѣпости и порта Новороссійска при закрытомъ рейдѣ, образуемомъ моремъ при впаденіи р. Цемеса; постройка укрѣпленій Новороссійска довершена въ слѣдующемъ году.

Въ 1839 году возведены отрядомъ Раевскаго при устьяхъ рѣкъ Субаши и Псесуапе форты Головина и Лазарева; третій фортъ, на пути изъ Новороссійска въ Анапу, названъ фортомъ Раевскаго.

Головинъ находилъ несвоевременнымъ построеніе форта Лазарева, такъ какъ, по его мнѣнію, трудно было «при такомъ поспѣшномъ занятіи всего берега и не утвердясь «нигдѣ прочнымъ образомъ, сохранять укрѣпленія, на скоро «построенныя и разсѣянныя на протяженіи 250 верстъ, «среди воинственныхъ и враждебныхъ намъ племенъ».— Опасенія его не замедлили подтвердиться: 7 Февраля 1840 г. большія толпы Горцевъ окружили фортъ Лазаревъ, овладѣли имъ и, истребивъ весь гарнизонъ, 29 напали на укр. Вельяминовское, которое испытало туже участь; 23 Марта они наконецъ овладѣли укр. Михайловскимъ [54]). Отраженные отъ прочихъ пунктовъ береговой линіи, Горцы обратились на сообщенія ея съ Кубанью и, овладѣвъ 2-го Апрѣля фортомъ Николаевскимъ, простерли дерзость до того, что 26 Мая аттаковали сильное укр. Абинскъ; но, потерпѣвъ сильное пораженіе, разошлись по своимъ домамъ и отказались отъ дальнѣйшихъ предпріятій. Перевезенныя изъ Тамани и Ѳеодосіи двѣ части отряда Раевскаго безпрепятственно заняли 10 и 22 Мая мѣстности фортовъ Лазарева и Вельяминова и, возобновивъ оба укрѣпленія, привели ихъ въ оборонительное положеніе [55]).

---

[54]) Гибель сего послѣдняго укрѣпленія «была ознаменована незабвеннымъ «подвигомъ рядоваго Тенгинскаго пѣхотнаго полка Осипова, который погибъ «взорвавши пороховой погребъ».

[55]) Занятіе Вельяминовскаго форта произошло въ присутствіи самаго Головина, прибывшаго изъ С.-Петербурга прямо на береговую линію.

Въ концѣ того же года покореніе Дала (на границѣ Абхазіи) имѣло послѣдствіемъ изъявленіе покорности племени Джигетовъ (между укр. Гагры и Святаго Духа). Волненіе по этому случаю сопредѣльныхъ съ ними Убыховъ вызвало снаряженіе особаго Убыхскаго отряда, подъ начальствомъ ген.-м. Анрепа. Отрядъ этотъ изъ укрѣпл. Св. Духа, берегомъ моря, двинулся къ укр. Навагинскому дорогою, которая пролегаетъ у самой подошвы прибрежныхъ скалъ, совершенно затопляется во время морскаго прилива и которую Горцы считали непроходимою. На этомъ пути, имѣющемъ не болѣе 20 верстъ протяженія, Анрепу пришлось выдержать трехдневный упорный бой; но онъ показалъ Горцамъ, «что для Россійскаго оружія нѣтъ еще у нихъ «такой преграды, которой бы оно не преодолѣло». По прибытіи его къ укр. Навагинскому, Убыхи изъявили покорность и принесли присягу на вѣрноподданство Русскому Царю.

По веснѣ 1842 года отрядомъ контръ-адмирала Серебрякова устроена дорога между Анапою и Варениковою пристанью на Кубани (при устьѣ р. Пшециза) и возведено укр. Гастагай, чѣмъ устранилось неудобство 110 верстнаго объѣзда изъ Анапы въ Черноморію.

Къ концу 1842 г., «укрѣпленія Черноморской береговой «линіи, кромѣ настоящей своей цѣли, т. е. пресѣченія, по «возможности, прямаго сообщенія Горцевъ съ Турціею мо«ремъ, начали приносить ту еще пользу, что въ нѣкото«рыхъ изъ нихъ завелся мѣновой торгъ съ сосѣдними пле«менами».

Правый флангъ по теченію р. Кубани, отъ впаденія въ нее р. Лабы до верховьевъ, представлялъ большія затрудненія къ защитѣ противъ Горцевъ, которые простирали свои набѣги по военно-Грузинской дорогѣ до Ставрополя и вдоль всего верхняго теченія Кубани даже до Кисловодска. Поэтому рѣшено было Кубанскую линію перенести на р. Лабу. Съ этою цѣлью въ 1840 г. возведены были: *на Лабѣ* укрѣпленія Зассовское, Мохошевское и Темиргоевское; *близъ р. Чамлыка*—укр. Новодонское, *и на р. Урупѣ* укр. Новогеоргіевское; а въ слѣдующемъ 1841 г. поселены станицы Лабинская—между Зассовскимъ и Мохошевскимъ укрѣпленіями, Урупская на р. Урупѣ и, въ промежуткѣ между Лабою и Урупомъ, Чамлыкская при р. Чамлыкѣ и Вознесенская близъ укр. Новодонскаго. Должно впрочемъ сказать, что устройство Лабинской линіи вызвало переселеніе обитавшихъ въ той мѣстности племенъ, которыя, хотя и прежде производили хищническіе набѣги за Кубань, по

слыли *мирными*. Въ 1841 г. Темиргоевцы, Мохошевцы и Егерукаевцы удалились на р. Бѣлую (впадающую въ Кубань ниже Лабы), а въ 1842 году, по внушеніямъ эмиссаровъ Шамиля, Бесленеевцы, Башильбаевцы и Тамовцы двинулись къ верховьямъ Кубани, гдѣ поселились между непокорными племенами Абадзеховъ и жителей Большой Кабарды. По мнѣнію Головина, командовавшій на правомъ флангѣ ген.-лейт. Зассъ имѣлъ весьма достаточныя военныя средства, чтобы предупредить это переселеніе, которое не могло бы быть исполнено, если бы принятыя имъ мѣры были болѣе рѣшительны.

Положеніе центра Кавказской линіи было весьма мало обезпечено. По военно-Грузинской дорогѣ между Екатериноградомъ и Владикавказомъ сообщеніе производилось не иначе какъ подъ прикрытіемъ пѣхоты съ артиллеріею; устроенныя на кордонной линіи отъ Владикавказа въ Моздокъ, полевыя укрѣпленія пришли въ упадокъ, и по теченію Сунжи, между укрѣпленіями Назраномъ и Грозной, не представлялось никакихъ преградъ за-Сунженскимъ Чеченцамъ для производства набѣговъ на военно-Грузинскую дорогу.

Въ виду этихъ обстоятельствъ Головинъ въ первый же (1838) годъ своего управленія устроилъ по военной дорогѣ два военныя поселенія: Александровское и Николаевское и водворилъ четыре станицы: Пришибскую, Урухскую, Ардонскую и Архонскую и аулъ Анзорова, а на правомъ берегу Терека возстановилъ кордонную линію между Владикавказомъ и Моздокомъ, на которой возобновилъ редуты Елизаветинскій и Константиновскій.

Весною 1841 г. назначено было начальнику центра ген.-м. Пирятинскому собрать около укр. Назрана отрядъ, назначенный для обезпеченія пространства между Назраномъ и Моздокомъ. Къ несчастію болѣзнь этого генерала; а потомъ его смерть имѣли послѣдствіемъ то, что въ концѣ Апрѣля огромное скопище Чеченцевъ, прорвавшись изъ-за Сунжи въ Малую Кабарду, сдѣлали набѣгъ на военно-Грузинскую дорогу. Часть ихъ, напавшая на Александровское военное поселеніе, была отражена; но другая, захватившая поселянъ, которые были на полевыхъ работахъ, множество ихъ изрубила и возвратилась въ свои аулы, угнавъ весь скотъ принадлежавшій тому селенію и ведя съ собою до 100 плѣнныхъ мущинъ, женщинъ и дѣтей.—Поэтому, не откладывая долѣе, немедленно приступлено было къ устройству укрѣпленій по лѣвому берегу Сунжи между Грозною и Назраномъ. Смѣнившій ген. Пирятинскаго полк. Нестеровъ въ Іюлѣ того же 1841 года построилъ укр. Казакъ-кичу и Заканъ-юртъ, и въ слѣдующемъ году довершилъ устройство Сунженской линіи укрѣпленіемъ Серали-юртъ.

При этомъ, простирая свои полки въ земли Чеченскихъ племенъ Галашевцевъ и Карабулаковъ, онъ возвелъ въ землѣ послѣднихъ на р. Ассѣ (притокъ Сунжи) укрѣпленіе, названное по его имени Нестеровскимъ, которое еще болѣе обезпечивало Владикавказъ со стороны немирныхъ Чеченцевъ.

Главнымъ средоточіемъ приверженцевъ Шамиля были за—Сунженская (Большая) Чечня и сѣверозападный (нагорный) Лезгистанъ, по теченію рѣкъ Андійской, Аварской и Кара—Койсу: въ этой мѣстности получилъ свое начало мюридизмъ и отсюда посылались проповѣдники *шаріата* во всѣ мусульманскія общества Кавказа и за-Кавказья, въ Осетію, къ Лезгинамъ, въ сѣверный и южный Дагестанъ. Поэтому прежде чѣмъ предпринять какія нибудь рѣшительныя мѣры для истребленія этого центра, откуда проповѣдывалось ученіе о непримиримой, нескончаемой враждѣ къ Россіи, необходимо было пресѣчь всѣ пути, которыми ученіе это могло бы перенестись на другую мѣстность; нужно было сосредоточить послѣдователей этого ученія тамъ, гдѣ они сами избрали себѣ средоточіе и, обхвативъ ихъ крѣпкимъ кольцомъ, воспрепятствовать дальнѣйшему распространенію фанатизма, ими разжигаемаго и грозившаго подойти къ самымъ вратамъ столицы Кавказа. Уже въ Осетіи обнаруживалось непокиновеніе; шайки Лезгинъ врывались въ Алазанскую долину и простирали свои разбойническіе набѣги до окрестностей Тифлиса; а, послѣ бывшаго въ 1837 году возмущенія въ Кубинской провинціи, весь южный Дагестанъ и даже племена, облегающія Дербентъ, были въ открытомъ неповиновеніи.

Въ 1838 году, движеніемъ малаго отряда подъ начальствомъ ген. м. Севарсемидзе по части Осетіи, чрезъ которую идетъ военно-Грузинская дорога, и по землѣ Тушинцевъ упрочена безопасность сообщенія Владикавказа съ Тифлисомъ; затѣмъ отрядъ этотъ двинулся въ Джарскую область для отвлеченія вниманія горцевъ отъ дѣйствій войскъ подъ начальствомъ ген.-м. Лачинова въ сѣверномъ Дагестанѣ и ген.-м. Фези на Самурѣ.

Главнымъ руководителемъ возмутившихся вольныхъ Самурскихъ обществъ былъ глава Лезгинскаго племени Рутульцевъ, Ага-бекъ. По выступленіи ген. Фези изъ Хазры (на р. Самурѣ въ сѣв. части Кубинской провинціи), отрядъ его былъ встрѣченъ Ага-бекомъ, занявшимъ въ значительныхъ силахъ Аджіахурское ущелье; но послѣ трехдневнаго боя (4-го, 5-го и 6-го Іюня) и по взятіи нашими войсками части завалова, за которыми укрѣпились горцы, Самурцы явились съ покорностію, и ген. Фези, принявъ отъ нихъ присягу на вѣрноподданство, направился на соединеніе съ ген. Лачиновымъ и, по пути въ Аварію разработывая до-

роги, успѣлъ отразить и разогнать по ауламъ собравшихся за западной границей Аваріи послушныхъ Шамилю Лезгинъ, обезпечилъ укрѣпленія Хунзахъ и вновь воздвигнутое у Зирянъ (на Аварскомъ Койсу) и 30 Августа возвратился съ своимъ отрядомъ въ Темиръ-ханъ-шуру, откуда, впрочемъ, почти немедленно былъ вынужденъ вновь направиться усиленными переходами въ южный Дагестанъ.

Причиною тому было вторженіе Лезгинъ въ Шекинскую провинцію. Вслѣдъ за удаленіемъ ген. Фези изъ владѣнія Рутульцевъ въ Аварію, къ Ага-беку явился бѣжавшій съ гауптвахты изъ Нухи, судившійся за предводительствованіе разбойничьею шайкою Татаринъ Машода-Магометъ. Сопровождавъ умершаго Шекинскаго владѣтеля Гусейнъ-хана при бѣгствѣ его въ Персію, онъ объявилъ себя его сыномъ; съ помощью собранныхъ Ага-бекомъ Лезгинъ онъ проникнулъ въ Шекинскую провинцію, призывая Шекинцевъ къ истребленію Русскихъ и Армянъ, и успѣлъ уже овладѣть Нухою и обложить давно оставленную Нухинскую крѣпость, гдѣ находились комендантскій домъ, провинціальное управленіе и казначейство и куда укрылась нѣкоторая часть жителей подъ защиту полуразрушенныхъ стѣнъ и одной роты линейнаго баталіона.

Эта дерзкая попытка, къ счастію, не имѣла никакихъ важныхъ послѣдствій. Сколь неожиданно было для Русскихъ вторженіе Лезгинъ въ Нуху, столь же неожиданны были для нихъ появленіе полк. Безобразова подъ стѣнами этого города, а полковн. князя Аргутинскаго-Долгорукаго на ихъ задахъ въ Хамчадскомъ ущельѣ (у верховьевъ Самура) и наконецъ поспѣшное возвращеніе ген. Фези къ Аджіахурской тѣснинѣ. Самозванецъ Машода-Магометъ съ немногими приверженцами бѣжалъ въ Персію. Лезгины спѣшили удалиться въ горы, и Ага-бекъ съ 30-ю старшинами явился къ ген. Фези просить о помилованіи и отправилъ депутацію въ Тифлисъ.

Покорность эта не была однакоже искреннею. Разбои въ Самурскихъ обществахъ продолжались, и Ахтинцы и Рутульцы продолжали оказывать пособничество непріязненнымъ намъ шайкамъ. Необходимо было обезпечить сообщеніе Елисуйскаго владѣнія [36] съ Самуромъ и учрежденіе военной

[36] Владѣтель Елисуйскій Даніэль-бекъ, въ послѣдствіи взбунтовавшійся противъ Россіи, былъ въ то время горячимъ ея приверженцемъ, числился въ нашей арміи едвали не генералъ-маіоромъ, былъ въ личныхъ дружескихъ отношеніяхъ съ Головинымъ, которому даже оказывалъ пособіе своею милиціею. Между прочимъ онъ подарилъ Евгенію Александровичу трехъ невольниковъ негровъ, изъ которыхъ одинъ, окрещенный въ православіе, много лѣтъ спустя, оставался у него въ услуженіи.

линіи по этой рѣкѣ, заслонить южный Дагестанъ отъ вліянія и отъ покушеній враждебныхъ намъ племенъ Лезгистана.

Задача эта признавалась Головинымъ столь безотложною и столь важною, что въ слѣдующую весеннюю экспедицію онъ лично принялъ начальство надъ Самурскимъ отрядомъ, который собралъ въ Хазрахъ, чтобы начать дѣло. Для угроженія Ага-беку съ запада, владѣтель Елисуйскій Даніэль-бекъ выставилъ на свою границу Елисуйскую милицію. Шехинскую провинцію поручено прикрывать отряду ген. м. Симборскаго.

Послѣ небольшихъ перестрѣлокъ съ горцами у дер. Хулухъ ([57]) и на р. Тагердчалъ-чай, 30 го Мая, Самурскій отрядъ подошелъ къ высотамъ Аджіахурскимъ, занятымъ Лезгинами въ числѣ отъ 6 до 7 тыс. человѣкъ, устроившими по всему гребню ихъ большіе завалы изъ камней, назначенныхъ для того, чтобы скатить ихъ на наступающій отрядъ.

Аджіахурская позиція можетъ считаться почти неприступною: она составляетъ отрогъ огромнѣйшаго утеса горы Шахъ-дага, который перерѣзываетъ поперекъ всю долину праваго берега р. Самура. Обѣ оконечности этого отрога, коего гребень имѣетъ значительный склонъ къ рѣкѣ, образуютъ почти отвѣсныя скалистыя крутизны; со стороны рѣки высѣчена тропа для пѣшеходовъ, съ трудомъ доступная и вьючнымъ лошадямъ.—Позиція эта, по истинѣ, можетъ считаться ключомъ Самурскаго бассейна; овладѣніе ею было необходимо, а между тѣмъ Головинъ личнымъ осмотромъ убѣдился, что взять ее открытою силою, при наилучшемъ успѣхѣ, можно не иначе какъ съ значительною потерею людей. Онъ рѣшился овладѣть завалами въ расплохъ.

Полковн. Берзуль съ полнымъ успѣхомъ исполнилъ его распоряженіе. 30-го Мая, сейчасъ по пробитіи вечерней зари, съ тремя ротами Тифлисскихъ егерей, онъ бросился на безпечно расположившихся ужинать горцевъ и занялъ три верхніе завала съ такою поспѣшностію, что бывшіе въ нихъ горцы едва успѣли дать нѣсколько выстрѣловъ и бѣжали, оставивъ всѣ свои пожитки, и не успѣвъ даже захватить своихъ бурокъ. Въ бѣгствѣ своемъ они увлекли остальныхъ своихъ товарищей, и съ разсвѣтомъ 31 Мая «только по-«средствомъ зрительныхъ трубъ можно было видѣть все «народонаселеніе долины, спасающееся по горнымъ тропамъ «въ дальнѣйшіе вертепы».

([57]) Въ послужномъ спискѣ Головина, кажется, ошибочно означено, что онъ лично начальствовалъ въ экспедиціи «для покоренія вольныхъ враждебныхъ намъ обществъ Ахты и *Рутула*; и что онъ «находился въ дѣлахъ»: 29 Мая при *Цухулѣ*» и т. д.; вмѣсто *Рутула* и *Цухула* должно быть: «*Рутула*».

Подвигъ Тифлисскихъ егерей въ этомъ дѣлѣ послужилъ поводомъ къ наименованію Тифлисскимъ укрѣпленія построеннаго въ Аджіахурской тѣснинѣ, единственной мѣстности, черезъ которую воды Самура прорываются на прилежащія равнины изъ двухъ главныхъ отраслей снѣговаго хребта, отдѣляющагося отъ горы Гудуръ-дагъ и ограждающаго съ обѣихъ сторонъ долину верхняго Самура и его притоковъ.

Слѣдуя далѣе до ущелья Ахтинскаго этою долиною, изъ которой Самуръ прорывается сквозь узкую горную разсѣлину, Головинъ 3-го Іюня безъ выстрѣла занялъ Ахты, главное селеніе всего края; вслѣдъ затѣмъ къ нему явились старшины всѣхъ окрестныхъ обществъ съ просьбою о пощадѣ и съ изъявленіемъ безусловной покорности.

Заложивъ въ этомъ мѣстѣ Ахтинское укрѣпленіе, господствующее надъ сел. Ахты и надъ переправою черезъ Самуръ, Головинъ справедливо могъ считать цѣль своей экспедиціи вполнѣ достигнутою. Съ 6 по 11 Іюля онъ занялся открытіемъ сообщенія съ Кубинскою провинціею; съ 11-го до 16-го надзиралъ за постройкой Ахтинскаго укрѣпленія и за разработкою дороги отъ сего укрѣпленія черезъ Кавказскій хребетъ и наконецъ 16-го Іюля, сдавъ начальство на мѣстѣ генералу Фези, самъ съ легкимъ отрядомъ предпринялъ обратный путь вновь проложенною, кратчайшею дорогою на Ругулъ, Гельмицъ (Кильмыцъ) и Элису. «Слѣдуя путемъ симъ,» сказано въ его формулярѣ, «не безъ «малыхъ трудностей по причинѣ весьма крутыхъ спусковъ «и подъемовъ, онъ спустился въ долину р. Алазани», откуда прибылъ въ Тифлисъ.

Во время этого слѣдованія, онъ предалъ истребленію два селенія (Хновъ-Ахтинскаго Магала и Борчъ-Рутульскаго), жители коихъ причинили болѣе другихъ вреда охранявшему Шехинскую провинцію отряду ген. Симборскаго, который, отрѣзанный съ тыла горцами, обязанъ былъ своимъ спасеніемъ единственно успѣху нашему подъ Аджіахуромъ.

Упроченіе власти нашей въ Самурской долинѣ не ограничилось одними военными дѣйствіями: Головинъ не замедлилъ озаботиться объ удержаніи въ ихъ жилищахъ всѣхъ горцевъ этой густо населенной долины (до шести тысячъ дворовъ) и объ устройствѣ въ ней гражданскаго управленія, примѣненнаго къ мѣстнымъ обычаямъ. Съ этою цѣлью, образовавъ новый Самурскій округъ, онъ ввѣрилъ его штабъ-офицеру съ званіемъ военнаго начальника, при которомъ въ Ахтахъ, подъ самыми пушками вновь возведеннаго укрѣпленія, учредилъ особый правительственный диванъ изъ туземцевъ, выбираемыхъ вольными голосами отъ

разныхъ обществъ, населяющихъ долину. Учрежденіе это столь удачно привилось, что, по словамъ Головина, «въ те«ченіи трехъ послѣдующихъ лѣтъ (до 1843 г.) народонасе«леніе этого угла примѣтно увеличилось; ибо туземцы здѣсь «среди спокойствія, безопасности и изобилія наслаждались, «въ сравненіи съ другими обитателями Кавказа, истиннымъ «благодѣтствіемъ. Даже самые нравы жителей Самурской «долины очевидно смягчились, ибо на Кавказѣ *между ими «одними только обычай носить оружіе и самый кинжалъ совер«шенно вышелъ изъ употребленія*».

По обезпеченіи такимъ образомъ въ 1839 году спокойствія въ южномъ Дагестанѣ, Головинъ въ 1841 году поставилъ себѣ задачею обезопасить сѣверный Дагестанъ и положить предѣлъ распространенію владычества Шамиля на востокъ, потому что Шамиль въ 1840 году успѣлъ уже поработить себѣ не только крайнее на сѣверовостокъ Чеченское племя Ауховцевъ, но и утвердиться въ сопредѣльной съ нимъ землѣ Лезгинскаго племени Салатовцевъ, занять Гимры на р. Сулакѣ (58) въ землѣ Койсубулинцевъ и такимъ образомъ, отрѣзавъ насъ отъ сообщенія съ Аваріею, угрожать Кумыкской плоскости и владѣніямъ Тарковскому и Мехтулинскому, которыя прилегаютъ къ землямъ Ауховцевъ, Салатовцевъ и Койсубулинцевъ.

1-го Мая 1841 года Головинъ, прибывъ въ Темиръ-ханъшуру, принялъ начальство надъ собранными тамъ войсками *Дагестанскаго отряда* и черезъ недѣлю выступилъ на позицію противъ Черкея, главнаго селенія Салатовскаго племени; 11-го, оставивъ противъ этого селенія на правомъ берегѣ Сулака небольшой отрядъ ген. Фези, 13-го при Мятлахъ (къ сѣверу отъ Черкея) перешелъ на лѣвый берегъ этой рѣки, гдѣ, въ с. Ичке соединившись съ *Чеченскимъ отрядомъ* ген.-ад. Граббе, 15-го Мая взялъ съ боя сильную отъ природы и укрѣпленную завалами позицію на высотахъ при сел. Хубары и разсѣялъ многочисленное скопище Шамили, ее занимавшее. Слѣдствіемъ сей побѣды были сдача Черкея вечеромъ того же дня генералу Фези и занятіе важной при этомъ селеніи переправы черезъ Сулакъ, извѣстной подъ названіемъ «*Врата Дагестана*». Примѣру Черкея послѣдовало все Салатовское общество.

По словамъ Головина «впечатлѣніе, произведенное на умы «горцевъ Хубарскимъ дѣломъ было весьма замѣтно: еще «никогда не видали они столь огромныхъ силъ, какія были

---

(58) Р. Сулакъ образуется сліяніемъ Андійской Койсу и Кара-Койсу; послѣдній принимаетъ Аварскую Койсу.

«соединены нами между Черкеемъ и Внезапною [59], не были «они поражены такимъ ужасомъ, какой овладѣлъ ими подъ «Хубарами, гдѣ толпы ихъ, предводительствуемыя самимъ «Шамилемъ и извѣстнѣйшими изъ его поборниковъ, раз«сѣялись, не выждавъ даже настоящаго съ нашей стороны «нападенія».

Изъ Черкея Чеченской отрядъ, усиленный частію войскъ Дагестанскаго, двинулся въ Большую Чечню, а Головинъ предпринялъ освобожденіе Ауховцевъ, которые сами умоляли придти къ нимъ и освободить ихъ отъ власти Шамиля.

1-го Іюня Головинъ, оставивъ часть отряда при постройкѣ укрѣпленія противъ Черкея, привелъ остальную къ крѣп. Внезапной; здѣсь употребивъ четыре дня на вырубку до сел. Ярыкъ-су-аухъ лѣсовъ, откуда Ичкеринскіе Чеченцы производили непрестанные набѣги на крѣпость и близлежащее Русское поселеніе Андрееву, онъ двинулся на Кишень-аухъ, главное селеніе Ауховцевъ. Разбивъ на пути высланныя Шамилемъ значительныя партіи, часъ отъ часу усиливавшіяся новыми толпами Чеченцевъ, онъ 7-го Іюня съ боя занялъ этотъ аулъ, по вступленіи въ который нашелъ его уже пустымъ. «Страхъ подвергнуться лютому мще«нію Шамилевой шайки, удерживалъ Ауховцевъ въ раб«скомъ (Шамилю) повиновеніи. Итакъ ничего уже болѣе «не оставалось какъ прибѣгнуть къ печальной необходимо«сти обезсилить непріятеля нанесеніемъ ему какъ можно «болѣе вреда; а потому аулъ Кишень-аухъ и нѣкоторые «другіе служившіе убѣжищемъ при сборахъ шаекъ Шами«левыхъ [60], были истреблены». По возвращеніи въ крѣп. Внезапную, Головинъ посвятилъ еще нѣсколько дней на вырубку лѣса, простиравшагося отъ нея до аула Актамъ-аухъ. Здѣсь была сдѣлана послѣдняя попытка Шамиля удержать за собою землю Ауховцевъ: 18-го и 19-го Іюня толпы его напрасно пытались воспрепятствовать движенію Головина на Акташъ-аухъ; онѣ были отброшены, и тамъ возведено укрѣпленіе, въ которомъ оставленъ ген.-м. князь Андрониковъ съ порученіемъ прикрывать уборку хлѣба покорившихся Ауховцевъ и наблюсти за переселеніемъ ихъ

---

[59]) Всѣхъ войскъ, считая отрядъ оставленный противъ Черкея подъ начальствомъ генерал. Фези было:

	Баталіоновъ	Эскадрон.	Орудій	Казаковъ	Милиціи.
въ Дагестанскомъ отрядѣ.					
(ген. отъ инф. Головина)	12½	2 эск.	32	—	120 ч.
(въ Чеченскомъ отрядѣ.					
(ген.-ад. Граббе)	12¼	—	30	300	85
Всего	24¾	2 эск.	62	300	205

(60) «Въ богатыхъ Ауховскихъ аулахъ производились обыкновенно сборы «хищническихъ партій Ичкеринцевъ и даже Андійцевъ и Гумбетовцевъ».

въ сел. Андрееву и въ окрестныя, лежащія къ сѣверу отъ Внезапной, Кумыкскія селенія. Съ переселеніемъ ихъ и уходомъ вслѣдъ за Шамилемъ остальныхъ непокорныхъ Ауховцевъ, мѣстность эта обезлюдѣла, и уничтожилась та опасность, которою она прежде непрестанно угрожала крѣп. Внезапной, всей Кумыкской плоскости и границѣ Тарковскаго шамхальства по теченію р. Сулака.

22 Іюня Головинъ, чрезъ Дылымъ прибылъ обратно въ лагерь подъ Черкеемъ, гдѣ пробылъ болѣе двухъ мѣсяцевъ (до 28 Августа) лично наблюдая за возведеніемъ укрѣпленія на противоположномъ берегѣ Сулака. На этой мѣстности возведено Дагестанскимъ отрядомъ «спльное, по новѣйшей си«стемѣ, изъ каменныхъ верковъ, съ просторными оборо«нительными казармами, укрѣпленіе, которое упрочило за «нами Черкей, не безъ основанія считавшійся у Горцевъ «*вратами Дагестана*; ибо оно, обезпечивая всю плоскость «Мамхальскихъ владѣній отъ вторженій шаекъ Шамилевыхъ, «сверхъ того, по географическому своему положенію, пред«ставило надежный опорный пунктъ для дѣйствій къ Ан«дійскому Койсу противъ Гумбета и Андіи». Укрѣпленіе это по Высочайшему повелѣнію названо, по имени Головина, *Евгеніевскимъ*.

Такимъ образомъ результатомъ экспедиціи Головина было уничтоженіе владычества Шамиля въ сѣверной оконечности Лезгистана въ землѣ Салатовцевъ и отнятіе у него важнаго сборнаго пункта въ землѣ Ауховцевъ, крайняго на сѣверовостокъ племени Чеченцевъ, а тѣмъ самымъ утвержденіе безопасности крѣп. Внезапной и прикрытіе Кумыкской плоскости, владѣній Шамхала Тарковскаго и сѣверной границы владѣнія Мехтулинскаго отъ набѣговъ Шамилевыхъ, котораго шайки въ предшествовавшее лѣто (1840 года) появлялись на нижнемъ Сулакѣ, угрожали Казп-юрту, проникали даже до Тарковъ, угоняли скотъ и производили грабежи подъ самою Темиръ-ханъ-шурою.

Быстрота дѣйствій Шамиля едва не уничтожила пріобрѣтенныхъ Головинымъ выгодъ: вслѣдъ за отъѣздомъ Головина въ Тифлисъ, Шамиль, въ Октябрѣ 1841 года, направилъ сильный и вполнѣ удавшійся горцамъ набѣгъ на Кизляръ, самъ обратился къ Гергебилю, овладѣлъ этимъ крѣпкимъ селеніемъ, заслоняющимъ входъ въ Мехтулинскія владѣнія, привелъ въ покорность себѣ все Койсубулинское общество и пресѣкъ сообщеніе наше съ Аваріею. Но въ Февралѣ слѣдующаго 1842 года ген. Фези успѣлъ обратно взять съ бою Гергебиль, и устрашенные его появленіемъ Койсубулинцы не только сами добровольно ему покорились, но еще выдали ему ими захваченныхъ до 80 человѣкъ мюридовъ. Со-

общеніе Темиръ-ханъ-шуры съ Аваріею было въ началѣ Марта совершенно возстановлено.

Шамиль не отказался однакоже отъ попытки поддержать свои сношенія съ Каспійскимъ прибрежьемъ; быстрымъ движеніемъ на югъ въ концѣ Марта онъ вторгся въ Казыкумыкское ханство и въ Кумухѣ захватилъ весь ханскій домъ и находившагося тамъ начальника Самурскаго округа подполковн. Спаксарева. Дальнѣйшіе успѣхи Шамиля были остановлены единственно благодаря распорядительности и геройскому мужеству командира князя Варшавскаго полка полк. Заливкина, который, по первому извѣстію о появленіи Шамиля въ Кумухѣ, собравъ всѣ бывшія у него подъ рукою войска, двинулся изъ Хазровъ (на р. Самурѣ въ Кюринскомъ ханствѣ) на Казыкумыкскую землю; оставивъ главную часть своего отряда въ Куралѣ, онъ занялъ авангардомъ своимъ узкую лощину при дерев. Рычѣ, черезъ которую пролегаетъ путь изъ земли Казы-Кумыковъ въ Кюринское ханство. Здѣсь 1-го Мая, съ 300 чел. солдатовъ, онъ выдержалъ нападеніе нѣсколькихъ тысячъ горцевъ и послѣ осьмичасоваго боя обратилъ ихъ въ бѣгство, отбивъ у нихъ 5 знаменъ и принудивъ оставить на мѣстѣ болѣе 100 человѣкъ убитыми. Прибывшій къ нему вскорѣ отрядъ полк. князя Аргутинскаго-Долгорукаго окончательно уничтожилъ замыслы Шамиля проникнуть въ Кюринское ханство. Нанеся сильное пораженіе горцамъ и совершенно разсѣявъ ихъ при дер. Шаурклѣ, 12 Мая князь Аргутинскій занялъ Кумухъ, а когда, вслѣдъ затѣмъ, Шамиль съ новыми скопищами появился изъ Чечни, то онъ 1-го Іюня при дер. Унжухутлу, а 2-го Іюня при дер. Кюлюли, успѣлъ нанести ему рѣшительное пораженіе и обратить самаго Шамиля въ окончательное бѣгство. Съ разсвѣтомъ 3 Іюня 15 тыс. полчище Шамиля отступило въ величайшемъ безпорядкѣ, истребляемое въ бѣгствѣ самими жителями. «Въ «тотъ же день вся Казы-Кумыкская земля оссобождена отъ «непріятеля, который, при этомъ случаѣ, кромѣ огромной «потери убитыми и ранеными, оставилъ 82 человѣка плѣн«ныхъ, въ числѣ коихъ находилось много значительныхъ «лицъ отъ всѣхъ племенъ, повинующихся Шамилю» [61]).

Всѣ предшествовавшія дѣйствія извлечены изъ печатной записки Головина, содержащей отчетъ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ за время его начальствованія отдѣльнымъ Кав-

---

[61]) У князя Аргутинскаго находилось всего: баталіонъ карабинерный, два егерскихъ, двѣ маршевыя роты и 1160 чел. милиціи, при 2-хъ полевыхъ и 2-хъ горныхъ орудіяхъ.

казскимъ корпусомъ [62]). Въ отчетѣ этомъ онъ по годамъ излагаетъ подъ отдѣльными рубриками: дѣйствія каждаго года, послѣдствія ихъ и предположенія (виды) на слѣдующій годъ. Въ каждой изъ этихъ рубрикъ представляется систематическій обзоръ всѣхъ окраинъ обширнаго Кавказскаго края; при этомъ изложены также и дѣйствія на лѣвомъ флангѣ Кавказской линіи; но дѣйствіями этими, по собственному сознанію Головина, распоряжался, совершенно независимо отъ него, смѣнившій ген.-лейтен. Вельяминова въ командованіи Кавказскою линіею генер.-ад. (нынѣ графъ) Граббе, котораго самые планы экспедицій восходили на Высочайшее утвержденіе прямо черезъ тогдашняго военнаго министра графа (въ послѣдствіи князя) А. И. Чернышева, помимо корпуснаго командира. По этому изложеніе дѣйствій ген.-ад. Граббе, въ коихъ Головинъ отрицается отъ всякаго участія, было бы неумѣстно въ настоящемъ очеркѣ, посвященномъ описанію служебной дѣятельности самаго Головина, а отнюдь не лицъ, съ которыми служба поставила его въ соприкосновеніе, тѣмъ болѣе, что очеркъ этотъ не имѣетъ притязанія представить четырехлѣтній эпизодъ военной исторіи Кавказа. Достаточно будетъ замѣтить, что исключительное положеніе ген. Граббе очевидно вызывало недоброе чувство въ Головинѣ: излагая дѣйствія этого генерала, онъ измѣняетъ обыкновенному своему безпристрастію, съ явнымъ недоброжелательствомъ старается умалить значеніе молодецкаго подвига подъ Ахульго, гдѣ Граббе (29 Авг. 1839) истребилъ этотъ расположенный на отвѣсной скалѣ притонъ Шампля; подробно распространяется о неудачѣ, потерпѣнной имъ (въ Маѣ 1842 г.) въ Ичкерипскихъ лѣсахъ, и посвящаетъ пространное примѣчаніе исчисленію, по коему оказывается, что въ войскахъ генер. Граббе за четыре года выбыло изъ фронта 3 генерала, 40 штабъ-офицеровъ, 393 оберъ-офицеровъ и 7960 нижнихъ чиновъ. Въ другомъ примѣчаніи «Головинъ пишетъ, что въ донесеніи своемъ о дѣлѣ 15 Мая 1841 г. «*съ полнымъ безпристрастіемъ «отдана* генер.-ад. Граббе *вся слѣдующая ему справедливость* «за участіе, которое онъ имѣлъ въ удачномъ предпріятіи на«шемъ противъ скопищъ Шамилевыхъ на высотахъ Хубар«скихъ».—Указаніе на *полное безпристрастіе* и на *всю слѣдующую справедливость* въ этомъ случаѣ невольно наводитъ на мысль о пристрастіи и о несправедливости въ другихъ! Ошибочности осужденій Граббе Головинымъ вѣрится тѣмъ охотнѣе, чѣмъ труднѣе было бы повѣрить чему либо дурному о маститомъ воинѣ, о которомъ одинъ изъ его совре-

---

[62]) Очеркъ положенія военныхъ дѣлъ на Кавказѣ съ начала 1838 по конецъ 1842 года. Рига. 1847. (печатано безъ цензурнаго дозволенія).

менниковъ справедливо отозвался, что «Граббе одинъ изъ «тѣхъ рѣдкихъ людей, который во всю жизнь, въ различ«ныхъ и очень трудныхъ обстоятельствахъ, никогда не «измѣнялъ строжайшимъ правиламъ честности и благород«ства. Всегда отрадно сердцу, когда такой человѣкъ «занимаетъ важное мѣсто; онъ могъ имѣть неудачи, осо«бенно въ сраженіяхъ, отъ несвоевременнаго прибытія от«дѣльныхъ частей, отъ вялаго исполненія приказаній под«чиненными, но онъ нигдѣ и никогда не поступалъ противъ «совѣсти и чести».

Время службы Головина на Кавказѣ ознаменовалось для него многими наградами: 6 Декабря 1838 г. ему Всемилостивѣйше пожалована Александровская лента за отлично усердную службу; за Самурскую экспедицію 1839 года ему объявлена 24 Іюня особенная признательность Государя, а 1-го Іюля онъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи. Въ 1840 году ему пожалованы алмазные знаки Александра Невскаго «въ воздаяніе долговременной, ревностной и по«лезной службы, ознаменованной неусыпными трудами по «званію главноуправляющаго за-Кавказскимъ краемъ и не«посредственнымъ участіемъ въ составленіи проэкта новаго «учрежденія для управленія за-Кавказскихъ нашихъ вла«дѣній».—Въ 1841 году за введеніе этого учрежденія онъ награжденъ Владиміромъ 1-й степени. За успѣшныя дѣйствія свои въ Маѣ 1841 г. въ землѣ Салатовцевъ и Ауховцевъ пожалованъ въ 1842 году золотою шпагою, алмазами украшенною, съ надписью: «за храбрость», а возведенное имъ на Сулакѣ противъ Черкея укрѣпленіе, по Высочайшему повелѣнію, по его имени названо *Евгеніевскимъ* [63].

Въ томъ же 1842 году ему данъ отпускъ на годъ для излеченія отъ болѣзни съ увольненіемъ его отъ командованія на Кавказѣ. Въ Высочайшемъ рескриптѣ по сему случаю изъявлено Головину особенное Высочайшее благоволеніе «за личные труды и *благонамѣренность* по управленію от«дѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, отличное усердіе въ «содѣйствіи къ успѣшному выполненію возложеннаго на «него порученія въ за-Кавказскомъ краѣ, значительные «успѣхи въ отношеніи внутренняго устройства и воинскаго «образованія войскъ означеннаго корпуса, попечительность «и постоянное стремленіе къ доведенію всѣхъ частей ввѣрен«наго ему многосложнаго управленія до лучшаго устройства

---

63) Кромѣ того ему пожалованы Персидскимъ Шахомъ и Турецкимъ Султаномъ ордена: Льва и Солнца 1-й степ. въ 1839 г. и Нишанъ-Ифтигаръ въ 1841 году.

«и основательное предпріятіе мѣръ къ прочному утвержде-«нію спокойствія и порядка въ тамошнемъ краѣ».

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ Головинъ сдалъ должности назначенному на его мѣсто ген.-ад. Николаю Ив. Нейдгардту, а въ слѣдующемъ Апрѣлѣ отправился лечиться въ Германію, гдѣ пробылъ болѣе года. По возвращеніи въ Россію ему продолженъ отпускъ, и онъ поселился въ Москвѣ. Здѣсь онъ могъ считать свое служебное поприще оконченнымъ: если предмѣстнику его по управленію Кавказомъ и бывшему начальнику по Польской кампаніи, барону Григ. Влад. Розену, такому же полному генералу и такому же кавалеру Владиміра 1-й степени какъ и онъ, послѣ семилѣтняго командованія Кавказскимъ корпусомъ, было предоставлено званіе сенатора, то и Головину едвали возможно было ожидать въ будущемъ иного окончанія своей службы.

Но суждено было иначе: въ Мартѣ 1845 года, по повелѣнію Государя, онъ былъ вызванъ *по дѣламъ службы* въ Петербургъ, а 28 Марта состоялся Высочайшій указъ о назначеніи его Рижскимъ военнымъ, Лифляндскимъ, Эстляндскимъ и Курляндскимъ генералъ-губернаторомъ. — 12-го Мая 1845 года онъ прибылъ въ Ригу, встрѣченный всѣми средневѣковыми шествіями и обрядами, которыми доселѣ, на первомъ шагѣ, Рижане изумляютъ всякаго новаго генералъ-губернатора въ поученіе, что въ странѣ Эстовъ и Латышей преобладаетъ своеобразный, чуждый всего Русскаго, элементъ.

1-го Января 1848 года назначенный членомъ Государственнаго Совѣта, Головинъ 21-го Марта того же года, послѣ трехлѣтняго управленія Балтійскимъ краемъ, сдалъ своему преемнику князю Италійскому графу Суворову Рымникскому должность Остзейскаго генералъ-губернатора. «Ото-«званіе Головина отъ начальства Балтійскимъ краемъ», какъ онъ самъ пишетъ, въ одной изъ оставшихся послѣ него записокъ [64]), «было для Лифляндскаго дворянства и для «Рижскаго магистратскаго сословія полнымъ торжествомъ, «которому тѣ и другіе предавались открыто.»

Что же могло водворить въ Лифляндскомъ дворянствѣ такую ненависть къ Евгенію Александровичу Головину, ненависть, которую онъ самъ сознавалъ, которая началась съ той минуты какъ онъ переступилъ за порогъ замка Рижскихъ генералъ-губернаторовъ, и которая не сдерживается даже и нынѣ, всякій разъ какъ Русское имя Головина попадается подъ перо котораго нибудь изъ сыновъ

---

[64]) «Относительно обнаружившагося между Эстами и Латышами стремленія «къ переходу въ Православное вѣроисповѣданіе, въ опроверженіе ложныхъ «слуховъ по предмету сему распространившихся». Писано въ 1849 году.

Германскаго *Vaterland'a*, радѣющихъ о при-Балтійскомъ *Tochterland'ѣ?*

Въ «Запискахъ о жизни и службѣ А. П. Бибикова» [65]) сынъ его, А. А. Бибиковъ, упоминая о коммисіи депутатовъ, созванныхъ въ 1767 году для составленія проэкта новаго уложенія, пишетъ, какъ «Екатерина Великая на всѣ «пункты просьбъ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ депутатовъ «своеручно отвѣтствовавъ и опровергнувъ мнимыя данныя «привиллегіи, Сигизмундомъ Августомъ уже уничтоженныя, «сими рѣшительными словами, въ запискѣ къ Александру «Ильичу, все ихъ ходатайство отринула: — Я ничего кон«фирмовать не буду, что̀ не въ силу обряда мнѣ поднесется. «Они подданные Россійской Имперіи, *«а я не Лифляндская Императрица, но Всероссійская»*. — Тѣмъ же началомъ руководствовался Головинъ. Съ переселеніемъ въ Ригу онъ не сдѣлался Лифляндцемъ и дѣйствовалъ (по крайнему своему разумѣнію) въ видахъ правительства Всероссійскаго, неуклонно слѣдовалъ по указаніямъ избраннаго симъ правительствомъ девиза: *Православія, Самодержавія, Русской народности;* считалъ законопреступнымъ препятствовать угнетеннымъ Эстамъ и Латышамъ [66]) оставлять Лютеранство и переходить тысячами въ Православіе; не постигалъ возможности, чтобы подданные Россійской державы предъявляли сомнительныя и заподозрѣнныя въ поддѣлкѣ хартіи въ опроверженіе распоряженій самодержавной власти; не признавалъ сбыточнымъ насильственное пригвожденіе Эстовъ и Латышей къ мнимо-Нѣмецкой національности вопреки стремленію ихъ слиться съ народностію Русскою! — Можно ли винить Головина въ этихъ стремленіяхъ?—Едва ли! Едва ли истинный Русскій обвинитъ его въ томъ, что съ его пріѣздомъ въ Ригу залы генералъ-губернаторскаго замка огласились Русскою рѣчью, что Латыши и Эсты впервыя услыхали отъ него, что они *сыны* Россіи, а не пасынки Германіи; что онъ не затворилъ предъ ними Царскихъ вратъ Святаго Православнаго храма и не воспрепятствовалъ служителямъ Православія принимать отверженцевъ Лютеровой ереси въ любвеобильное общеніе Вселенской Церкви! Головинъ могъ поступить неосторожно, несогласно съ правилами хитроумія политическаго, когда—откровенно, безъ утайки—обнаружилъ свое чистосердечное убѣжденіе, что Рига, Митава и Ревель суть города Русскіе, что Эст-,Лиф-и Курляндцы такіе же подданные Россійской Имперіи, какъ Эсты и Латыши. Можетъ быть, при большемъ опытѣ въ наукѣ

[65]) Московское изданіе 1865 года, стр. 53.

[66]) Племя Ливовъ уже давно истреблено; нѣсколько записанныхъ академикомъ Кастреномъ словъ — единственная по немъ историческая память.

государственной, мѣрами скрытными, медленными и постепенными, онъ достигъ бы успѣшнѣйшаго сліянія преобладающей въ при-Балтійскомъ краѣ чуждой, даже враждебной Германскому началу, народности съ народностію Русской; но найдется ли въ этомъ отношеніи Русскій «иже есть безъ «грѣха въ насъ, и осмѣлится ли кто изъ насъ прежде вер«зить камень въ него?»

Исторія указываетъ, что вопросы государственные вызываются не дѣйствіями отдѣльныхъ личностей, а событіями, послужившими поводомъ къ этимъ дѣйствіямъ, и что хладнокровное, вполнѣ безпристрастное обсужденіе вопросовъ, возбужденныхъ этими дѣйствіями, можетъ послѣдовать не ранѣе какъ по окончательномъ разрѣшеніи ихъ. По этому невозможно нынѣ не только обсудить, но даже изложить вполнѣ безпристрастно образъ дѣйствій Головина на пользу водворенія Православія, упроченія Самодержавія, введенія Русской народности въ трехъ губерніяхъ, гдѣ коренное населеніе видѣло свое спасеніе, свое единственное убѣжище въ этихъ трехъ символахъ величія Россіи и гдѣ напротивъ, преобладающее по своему богатству, по своему вліянію и по своему образованію меньшинство напрягало всѣ усилія на то, чтобы сорвать съ покоренной Меченосцами и отвоеванной цѣною Русской крови почвы, Русскій стягъ и замѣнить его штандартомъ чуждой, если не враждебной, то неблагопріятствующей для Россіи и, во всякомъ случаѣ, пятнающей Россію презрительнымъ пренебреженіемъ—Нѣмецкой національности.

Довольно того, что съ минуты назначенія Головина въ Ригу возникли вопросы: дозволить ли безпрепятственное распространеніе Православія въ Остзейскомъ краѣ или способствовать къ задержанію его во враждебномъ Православію Лютеранствѣ? Водворить ли въ этомъ краѣ безпрекословное повиновеніе державѣ Россійской или опутать дѣйствіе Русскихъ законовъ измышляемыми и исторически-недоказанными льготами, будто бы дарованными прежними властителями края, изъ подъ владычества коихъ онъ покоренъ Русскимъ мечомъ? И наконецъ: принять ли въ могучія объятія Имперіи Всероссійской два племени, которыя ищутъ въ нихъ защиты отъ вѣковыхъ утѣсненій, или отдать племена эти на произволъ ихъ утѣснителей, указывающихъ имъ одно спасеніе въ чуждой имъ Германской цивилизаціи, ненависть къ коей отъ поколѣнія до поколѣнія предавалась имъ въ теченіи цѣлыхъ семи столѣтій?

Вопросы эти возбудили борьбу, до нынѣ продолжающуюся; Головинъ палъ въ этой борьбѣ. Горе павшему! Vae victis!

Слѣдующіе затѣмъ года жизни Евгенія Александровича уже не представляютъ служебныхъ подвиговъ. Правда-вспыхнуло еще однажды пламя его жизни, медленно потухавшее, когда въ Мартѣ 1855 года Смоленское дворянство избрало его начальникомъ Смоленскаго подвижнаго ополченія; отозвался «ветхій деньми» воинъ на звукъ знакомый ему бранной трубы вновь вступившихъ въ Россію *Галловъ* и вновь приведенныхъ ими *иноплеменныхъ языкъ*. Головинъ прибылъ въ Смоленскъ, сформировалъ дружины Смоленскаго ополченія, привелъ ихъ на назначенныя имъ мѣста для присоединенія къ Южной арміи и возвратился къ засѣданіямъ Государственнаго Совѣта воздавать *Кесарево Кесареви* въ ожиданіи, когда будетъ призванъ воздать *Божіе Богови*.

Жизнь Евгенія Александровича въ Петербургѣ отличалась, какъ и вся прежняя жизнь его, домовитостію, простотою, гостепріимствомъ. По старому Русскому завѣту собирая за своимъ воскреснымъ обѣдомъ своихъ родныхъ, своихъ близкихъ, онъ и его супруга ([67]) являлись привѣтливыми хозяевами. Строгое приличіе, не исключавшее веселой непринужденности и шутливости, было отличительнымъ условіемъ этихъ воскресныхъ трапезъ. Но особенно занимательны были послѣ-обѣденныя бесѣды почтеннаго хозяина, когда, въ опроверженіе или въ подтвержденіе разсужденій высказываемыхъ собесѣдниками, большею частію служившими прежде подъ его начальствомъ, Евгенію Александровичу случалось излагать свое мнѣніе. Если при этомъ ему приходилось разсказывать что либо изъ пройденнаго имъ жизненнаго опыта, особенно если рѣчь касалась подвиговъ, боевой жизни, чести Русскаго оружія, стойкости Русскаго солдата — тогда въ потускнѣвшихъ глазахъ его возгоралось пламя восторга, и рѣчь его, обыкновенно медленная, размѣренная, тихая, становилась быстра, громка, оживлена и въ одряхленномъ, глухомъ, съ трудомъ передвигающемъ ногами Евгеніѣ Александровичѣ еще можно было признать прежняго удалаго полковаго командира, хладнокровно водившаго своихъ Фанагорійцевъ подъ убійственный огонь у Багратіоновыхъ флешей; отважнаго авангардnаго генерала, высчитывавшаго у Минска число войскъ Хржановскаго подъ перекрестными выстрѣлами болѣе двадцати орудій; заботливаго отрядnаго начальника, подъ Калушинымъ проскакавшаго на удалую сквозь цѣпь непріятельскихъ стрѣлковъ, чтобы не разлучиться съ своимъ отрядомъ.

Но въ бесѣдахъ этихъ Евгеній Александровичъ являлъ не одну боевую опытность воина, изучившаго искусство войны на поляхъ брани: когда разговоръ обращался къ какому нибудь изъ предметовъ, на которые было обращено

[67]) Елизавета Павловна, рожденная фонъ-Визинъ.

вниманіе современной науки, Евгеній Александровичъ обнаруживалъ, что пытливость его ума не удовлетворялась однимъ прочтеніемъ газетнаго извѣщенія о томъ или другомъ открытіи въ области ученаго міра, о совершающемся или готовящемся совершиться событіи въ мірѣ политическомъ, о замышляемомъ улучшеніи или преобразованіи въ сферѣ административной; изъ словъ его, всегда чуждыхъ притязательности на ученость или рѣзкаго осужденія, видно было, что все прочитанное имъ, хотя бы за нѣсколько часовъ, было уже имъ обдумано, что по всякому указанію газетъ или журналовъ онъ уже старался или уяснить себѣ предметъ какими либо свѣдѣніями, сохранившимися въ запасѣ его памяти, или подобрать въ своемъ умѣ тѣ сочиненія или тѣхъ лицъ, къ которымъ онъ можетъ обратиться за таковыми объясненіями.

Разговоръ Евгенія Александровича былъ истинно поучителенъ: особенная поучительность его состояла въ томъ именно, что мысли свои, взгляды, мнѣнія онъ излагалъ не въ видѣ поученій, не съ обиднымъ снисхожденіемъ и примѣненіемъ къ понятіямъ лицъ, незнакомыхъ съ предметомъ разговора, а простою, сжатою и дѣльною рѣчью, доступною для совершеннаго невѣжи и необремененною подробностями, излишними для лица, посвятившаго много труда на изученіе разрѣшаемаго вопроса.

Характеристика Евгенія Александровича Головина была бы не полна, если не прибавить, что разговоръ его съ дамами отличался особенною любезностію и прелестію, которыя нынѣ утрачены: онѣ были переданы нашимъ дѣдамъ и отцамъ тѣми самыми Французами, которыхъ потомки утонченную вѣжливость и непринужденную, но всегда почтительную къ дамамъ, шутливость своихъ отцовъ замѣнили ничѣмъ не сдерживаемымъ нахальствомъ въ обхожденіи и площадными выходками въ разговорѣ, напоминающими не гостиныя маркизовъ временъ Людовика XIV-го, а прилавки современныхъ Поль-де-Коку рыбныхъ торговокъ.

Нельзя также не упомянуть, что Евгеній Александровичъ въ молодости былъ, по всей вѣроятности, красавцемъ: роста и сложенія, можно сказать богатырскаго, онъ былъ чрезвычайно статенъ и, даже до конца жизни сохранивъ фронтовое выпрямленіе своего стана, отличался какою-то спокойною молодцоватостію въ движеніяхъ. Подъ морщинами, наведенными на его челѣ трудами боевой жизни, заботами служебными и паче всего — скорбію о преждевременной утратѣ горячо любимыхъ старшаго сына и единственной дочери — нельзя было въ правильныхъ, хотя нѣсколько суровыхъ, чертахъ его лица и въ собранныхъ въ хохолокъ жидкихъ не совсѣмъ посѣдѣвшихъ волосахъ, не признать статнаго,

красиваго щеголя первыхъ временъ царствованія Александра Павловича.

Евгенія Александровича Головина нельзя причесть къ лику государственныхъ сановниковъ, которыхъ имена заносятся въ бытописанія народовъ; онъ не изъ тѣхъ людей, каковыхъ отечество, подъ опасеніемъ явить себя неблагодарнымъ, обязано почтить памятникомъ; но въ немъ слѣдуетъ уважать одно великое качество, качество, къ сожалѣнію во всѣ времена и у всѣхъ народовъ слишкомъ рѣдкое: *честность*!—не ту обыкновенную честность, которой напрасно придается исключительное значеніе *безкорыстія* (составляющаго не добродѣтель гражданскую, а не болѣе какъ отсутствіе караемаго законами всякой страны порока), но *честность* въ смыслѣ гражданскомъ, въ смыслѣ человѣческомъ. Головинъ *честно*, по крайнему своему разумѣнію, вносилъ свою лепту на пользу Россіи на всѣхъ служебныхъ степеняхъ, куда призывала его Верховная власть, въ рукахъ своихъ державшая судьбы его отечества, *честно* стоялъ, не щадя себя, за честь Русскаго имени, за могущество Русскаго Царя, за достоинство Россійской державы, за святыню Церкви Всероссійской! Отрадно для насъ, его пережившихъ и ежеминутно могущихъ быть призванными къ отданію отчета въ жизни на страшномъ судилищѣ, вѣрить, что и *тамъ* честность его зачтена ему въ уплату долга жизни, того страшно тяжелаго долга, который—въ самую минуту нашего рожденія—заносится на имя каждаго изъ насъ въ книгу судебъ!

Юрій Толстой.

19-го Февраля 1871 года.

ЗАПИСКИ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БАСАРГИНА.

I.

Въ 1819 году будучи произведенъ по экзамену въ офицеры генеральнаго штаба и прослужа въ Москвѣ годъ преподавателемъ при корпусѣ колонновожатыхъ [1]), я отправился въ 1820 году на службу въ Южную Россію, въ м. Тульчинъ, Каменецъ-Подольской губерніи, гдѣ находилась главная квартира тогдашней второй арміи.

Главнокомандующимъ былъ извѣстный графъ Витгенштейнъ; начальникомъ главнаго штаба генералъ Киселевъ, нынѣшній министръ государственныхъ имуществъ [2]), тогда молодой еще человѣкъ и любимецъ покойнаго Императора Александра.

Пріѣхавши туда, я вскорѣ познакомился со всѣми тогдашними сослуживцами моими. Нѣкоторые изъ нихъ теперь уже государственные люди.

Тульчинъ, Польское мѣстечко, принадлежавшее въ то время графу Мечиславу Потоцкому, населено Евреями и Польскою шляхтою. Кромѣ военныхъ и чиновниковъ главной квартиры, не было тамъ никакого общества.

Будучи ласково принятъ начальствомъ, я скоро сблизился со всѣми молодыми людьми, составлявшими общество главной квартиры. Къ нему принадлежали: адъютанты главнокомандующаго, начальника главнаго штаба и простыхъ генераловъ, офицеры генеральнаго штаба и нѣсколько статскихъ чиновниковъ.

Направленіе этого общества было болѣе серьёзное, чѣмъ свѣтское или беззаботно-веселое. Не избѣгая развлеченій, столь естественныхъ въ лѣтахъ юности, каждый старался употребить свободное отъ службы время на умственное

---

[1]) Основаннымъ покойнымъ ген. маіор. Н. Н. Муравьевымъ и въ которомъ я воспитывался. Впослѣдствіи я намѣренъ изложить нѣкоторыя воспоминанія мои объ этомъ учебномъ заведеніи (напечатаны въ Р. Арх. 1868, стр. 793. П. Б.).

[2]) Теперь чрезвычайный посолъ при Французскомъ Дворѣ.

и нравственное свое образованіе. Лучшимъ развлеченіемъ для насъ были вечера, когда мы собирались вмѣстѣ и отдавали другъ другу отчетъ въ томъ что̀ дѣлали, читали, думали. Тутъ обыкновенно толковали о современныхъ событіяхъ и вопросахъ. Часто разсуждали объ отвлеченныхъ предметахъ и вообще дѣлили между собою свои свѣдѣнія и свои мысли [3]).

Вотъ имена лицъ, составлявшихъ это юное общество главной квартиры: генералъ князь Волконскій, молодой Витгенштейнъ, сынъ главнокомандующаго, Пестель, Юшневскій, князь Барятинскій, Крюковъ 1-й, Ивашевъ, Рудомцевъ, Клейнъ, Будбергъ, князь Салтыковъ, Барышниковъ, Авраамовъ 1-й, Чепурновъ, Языковъ, Бурцевъ, князь Трубецкой, князь Урусовъ, графъ Ферзенъ, баронъ Меллеръ-Закомельскій, Штейбенъ, адъютанты главнокомандующаго, начальника штаба и начальника артиллеріи (кромѣ Юшневскаго, занимавшаго должность генералъ-интенданта); два брата Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ, Лачиновъ, Колошинъ, Горчаковъ, Крюковъ 2-й, Авраамовъ 2-й, баронъ Ховенъ, Черкасовъ, баронъ Ливенъ, Пушкинъ, Петровъ, баронъ Мейндорфъ, Фаленбергъ, Филиповичъ, фонъ-Руге, Новосильцовъ, Львовъ, Юрасовъ, Комаровъ, и еще нѣкоторые офицеры генеральнаго штаба [4]); военные медики Шлегель и Вольфъ.

Изъ всѣхъ этихъ лицъ наиболѣе отличался своими способностями Пестель. Генералъ-интендантъ Юшневскій, у котораго мы всѣ очень часто собирались, былъ человѣкъ съ прекраснымъ образованіемъ и свѣдѣніями.

Бурцевъ, впослѣдствіи убитый въ чинѣ генералъ-маіора въ Турецкую войну 1829 г., былъ тоже очень замѣчательный молодой человѣкъ, не столько по своему уму, сколько по своей дѣятельности и своей любознательности. Онъ былъ адъютантомъ начальника главнаго штаба и пользовался репутаціей отличнаго и дѣльнаго офицера.

Не лишнимъ считаю описать также нѣкоторыя замѣчательныя личности того времени, такъ какъ я понималъ ихъ тогда, и сколько помню и понимаю теперь. Графъ Вит-

---

[3]) Все о чемъ теперь такъ гласно пишутъ и разсуждаютъ и что̀ въ тогдашнее время только говорили въ дружеской, задушевной бесѣдѣ между одномыслящими людьми—служило большею частью предметомъ нашихъ разговоровъ и сужденій. Разумѣется, что сорокъ лѣтъ тому назадъ многое, что̀ теперь считается азбукою для людей сколько нибудь мыслящихъ, было совсѣмъ неясно для юношей, только что кончившихъ свое далеко неполное образованіе. Весьма естественно, что эти юноши пламенно и ревностно предавались новому для нихъ взгляду на вещи и общественныя отношенія, взгляду, который открывалъ для нихъ цѣлый рядъ новыхъ истинъ и идей, согласныхъ съ ихъ чувствами и правилами.

[4]) Многіе изъ нихъ пріѣхали въ Тульчинъ уже послѣ 1820 года.

генштейнъ, герой 12 года, былъ вполнѣ добрѣйшій и отличный человѣкъ. Онъ пользовался во всей Россіи и въ Европѣ огромной военной репутаціей. Эта репутація была, можетъ быть, нѣсколько и преувеличена; впрочемъ, я не разъ слышалъ отъ Пестеля, который былъ при немъ во время кампаніи 12-го года, что онъ дѣйствительно имѣлъ вѣрный военный взглядъ и замѣчательную храбрость. Въ это время онъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ и мало занимался службою, предоставляя все управленіе арміей начальнику главнаго штаба. Сверхъ того онъ былъ не очень любимъ покойнымъ Императоромъ Александромъ. Нѣкоторые приписывали это его огромной народности, что̀ будто бы не нравилось Государю; но я думаю скорѣе потому, что графъ пренебрегалъ службою въ мирное время и не умѣлъ быть царедворцемъ. Во время командованія второю арміею, онъ жилъ болѣе въ своемъ помѣстьѣ, находившемся въ 70 верстахъ отъ Тульчина, и съ увлеченіемъ занимался хозяйствомъ, удѣляя неохотно самое короткое время на дѣла служебныя. Вообще его всѣ любили, и онъ готовъ былъ всякому безъ исключенія дѣлать добро, не рѣдко даже со вредомъ службѣ. Сынъ его Людвигъ былъ очень добрый и благородный молодой человѣкъ. Онъ былъ членомъ нашего общества [5]).

Начальникъ главнаго штаба генералъ Киселевъ былъ личностью весьма замѣчательною. Не имѣя ученаго образованія, онъ былъ чрезвычайно уменъ, ловокъ, дѣятеленъ, очень пріятенъ въ обществѣ и владѣлъ даромъ слова. У него была большая способность привязывать къ себѣ людей и особенно подчиненныхъ. По службѣ былъ взыскателенъ, но очень вѣжливъ въ обращеніи, и вообще мыслилъ и дѣйствовалъ съ какимъ-то рыцарскимъ благородствомъ. Съ старшими велъ себя скорѣе гордо, нежели униженно, а съ младшими ласково и снисходительно. Онъ рѣшительно управлялъ арміей, потому что главнокомандующій ни во что почти не мѣшался и во всемъ довѣрялъ ему. Сверхъ того онъ пользовался особеннымъ расположеніемъ покойнаго Императора Александра. Не разъ я самъ отъ него слышалъ, какъ трудно ему было сдѣлаться изъ свѣтскаго полотера (какъ онъ выражался) дѣловымъ человѣкомъ, и сколько безсонныхъ ночей онъ долженъ былъ проводить, будучи уже флигель-адъютантомъ, чтобы нѣсколько образовать себя и приготовиться быть на что нибудь годнымъ. Весьма естественно, что такой человѣкъ не только не про-

[5]) Жена главнокомандующаго, графиня Витгенштейнъ, урожденная Сіарская, была женщина съ большимъ умомъ и имѣла вліяніе на мужа.

тивился, но поощрялъ то серьёзное направленіе, которому слѣдовала Тульчинская молодежь.

Павелъ Ивановичъ Пестель былъ человѣкъ высокаго, яснаго и положительнаго ума. Будучи хорошо образованъ, онъ говорилъ убѣдительно, излагалъ мысли свои съ такою логикою, такою послѣдовательностію и такимъ убѣжденіемъ, что трудно было устоять противу его вліянія. Съ юныхъ лѣтъ посвятивъ себя изученію и обсуживанію политическихъ и общественныхъ вопросовъ, онъ въ особенности былъ увлекателенъ, когда разсуждалъ объ этихъ предметахъ.

Прочіе члены нашего общества были добрые, большею частію умные и образованные молодые люди, горячо любившіе свое Отечество, желавшіе быть ему полезными и потому готовые на всякое пожертвованіе. Съ намѣреніями чистыми, но безъ опытности, безъ знанія свѣта, людей и общественныхъ отношеній, они принимали къ сердцу каждую несправедливость, возмущались каждымъ неблагороднымъ поступкомъ, каждою мѣрою правительства, имѣвшею цѣлію выгоду частную, собственную—вопреки общей.

Здѣсь надобно замѣтить, что въ то время политическое положеніе Европейскихъ государствъ много содѣйствовало неудовольствію благомыслящей и неопытной молодежи и было причиною повсемѣстному почти образованію тайныхъ политическихъ обществъ.

Исполинская борьба Европы съ Наполеономъ была окончена. Европейскіе государи, чтобы съ успѣхомъ противостать его могуществу и его военному генію, должны были обратиться къ инстинктамъ народнымъ, и если не обѣщать положительно, то по крайней мѣрѣ породить въ массѣ надежды на будущія улучшенія въ ея общественномъ бытѣ. Императоръ Александръ, по заключеніи мира, въ Парижѣ, въ Лондонѣ, на Вѣнскомъ конгрессѣ, говорилъ и дѣйствовалъ согласно этимъ правиламъ и тѣмъ подалъ надежду въ самой Россіи на будущія преобразованія въ пользу народа.

Страннымъ кажется теперь, что тотдашнія главы правительствъ, дѣйствуя такимъ образомъ, не предвидѣли, что многозначущія слова ихъ найдутъ отголосокъ не только въ людяхъ мыслящихъ, но и въ самой массѣ; что надежды, ими внушаемыя, породятъ ожиданія, требованія и волненія. Не думаю впрочемъ, чтобы, поступая такимъ образомъ, они умышленно хотѣли обмануть народъ ложными обѣщаніями, а полагаю, что, не предвидя послѣдствій, они воображали спокойно, исподоволь приступить къ нѣкоторымъ маловажнымъ преобразованіямъ и увѣрили себя, что народъ будетъ мирно выжидать того, что̀ будетъ сдѣлано для него и удовольствуется незначительными уступками правительствъ. Конечно это была важная съ ихъ стороны ошибка, за ко-

торую дорого должны были поплатиться отчасти и они сами, но гораздо болѣе управляемые [6]).

Не вхожу въ разсужденіе, какъ и почему это случилось; но только вслѣдъ за окончаніемъ борьбы съ Наполеономъ и въ то время, когда главы правительствъ не перестали еще торжествовать благополучный для нихъ исходъ ея, и дѣлить Европу какъ свое достояніе, народы начали изъявлять свои требованія и волноваться, не видя скораго исполненія своихъ ожиданій. Это произвело совершенную реакцію въ мысляхъ и поступкахъ государей: они усмотрѣли свою ошибку (а можетъ быть и необходимую мѣру, вызванную обстоятельствами) и стали дѣйствовать противно тому, что прежде обѣщали и говорили. Съ своей стороны народы, убѣдясь, что нечего ожидать имъ отъ правительствъ, стали дѣйствовать сами; а умы нетерпѣливые, которыхъ всегда и вездѣ найдется много, рѣшились ускорить и подвинуть общественное дѣло образованіемъ и распространеніемъ тайныхъ обществъ. Во Франціи, Германіи, Италіи, учредились таковыя подъ разными наименованіями: Карбонаріевъ, Тугенбунда, и т. д.

Россія не могла избѣгнуть вліянія сосѣдственныхъ государствъ, и особенно въ такое время, когда сношенія съ ними порождались самыми событіями, войною и дальнѣйшими ея слѣдствіями. Многіе молодые люди, возвратившіеся послѣ кампаніи изъ за границы, большею частью военные, покрытые еще дымомъ исполинскихъ битвъ 1812 — 1814 годовъ, внесли съ собою новыя идеи, начали серьёзно думать о положеніи Россіи и прилагать къ ней теоріи общественныхъ учрежденій, или существующихъ уже въ другихъ государствахъ, или изложенныхъ въ замѣчательныхъ политическихъ твореніяхъ тогдашняго времени.

Здѣсь надобно замѣтить, что въ Россіи, не смотря на пріобрѣтенную ею военную славу, счастливымъ исходомъ войны съ Наполеономъ, внутренняя ея организація, ея

---

[6]) Не нужно, кажется, доказывать, что при основаніи каждаго общественнаго или государственнаго измѣненія должно разсчитывать и быть готовыми на неизбѣжныя препятствія и затрудненія, какъ со стороны противниковъ этого измѣненія, такъ и со стороны горячихъ и малоопытныхъ его приверженцевъ. Геніальный и твердый въ своихъ убѣжденіяхъ преобразователь не смутится этими препятствіями и пойдетъ смѣло и прямо къ цѣли своей, не смотря на временные безпорядки и затрудненія. Онъ уничтожитъ ихъ или добросовѣстною, искусною политикою или даже вещественною силою. Но геніи рѣдки. Большею частію правители и государственные люди, въ самыхъ благодѣтельныхъ и чистыхъ намѣреніяхъ своихъ, часто останавливаются при малѣйшемъ затрудненіи и возвращаются къ старому порядку, не думая о жертвахъ, которыя должны погибнуть при реакціи и которыя вызваны были ихъ начинаніями.

администрація, общественное и нравственное ея положеніе, ея правительственныя формы и наконецъ ея малое развитіе въ отношеніи умственнаго образованія, явно бросались въ глаза каждому просвѣщенному и благомыслящему человѣку и невольно внушали ему желаніе измѣнить или по крайней мѣрѣ исправить по возможности этотъ порядокъ. Все что̀ оказывается и оказалось нынѣ вреднаго и порочнаго, во всѣхъ отрасляхъ ея гражданскаго быта, существовало и тогда,—съ тою только разницею, что замѣчалось меньшимъ числомъ лицъ чѣмъ нынѣ, и что правительство смотрѣло иначе на всѣ эти недостатки, или не думая или не рѣшаясь приступить къ ихъ преобразованію. Прибавьте къ этому, что и понятія тогдашняго времени были гораздо грубѣе и односторонніе нежели нынѣ, и потому все, что̀ дѣлалось, представлялось еще возмутительнѣе тѣмъ изъ немногихъ, которые мыслили и поступали вслѣдствіе другихъ идей и правилъ. Мудрено ли, что эти люди, большею частью юные лѣтами, охотно отдѣлялись отъ массы и съ увлеченіемъ готовы были посвятить себя на пользу Отечества, ни во что ставя личную опасность и грозящую невзгоду въ случаѣ неудачи или ошибочнаго разсчета. Конечно, малое число юныхъ послѣдователей новыхъ идей сравнительно съ защитниками стараго порядка, между коими находилось съ одной стороны закоснѣлое въ невѣжествѣ большинство, а съ другой люди, предпочитавшіе всему личныя выгоды и занимавшіе высшія должности въ государствѣ, — было почти незамѣтно. Не менѣе того, не сообразивъ ни своихъ силъ ни средствъ, они не только сильно, но съ увлеченіемъ и (почему не сказать, съ ошибочною надеждою вступили на тотъ путь, гдѣ должны были пасть въ неравной борьбѣ и содѣлаться первыми жертвами. Сначала, дѣйствуя въ этомъ смыслѣ, они основывались на намѣреніяхъ самаго покойнаго Императора Александра; но потомъ, когда онъ измѣнилъ имъ и предался реакціи, то рѣшились образовать тайныя общества и этимъ средствомъ думали достигнуть своей цѣли.

Такъ называемая Зеленая Книга,—плодъ юношескихъ, но чистыхъ побужденій первыхъ учредителей Союза Благоденствія, объясняла явную цѣль общества. Тайная же подразумѣвалась и необходимо дополняла то, чего не сказано было въ ней прямо, что̀ было извѣстно сначала только однимъ учредителямъ, а потомъ главнымъ членамъ общества. Въ составленіи Зеленой Книги и въ первоначальномъ учрежденіи общества участвовали: П. И. Пестель, А. Н. Муравьевъ (впослѣдствіи оставившій общество и теперь служащій ген. маіоромъ), братъ его М. Н. Муравьевъ (нынѣшній членъ Государственнаго Совѣта и сенаторъ), Н. И. Тур-

геневъ (живущій за границею), С. П. Шиповъ (нынѣ сенаторъ и генералъ-адъютантъ) и многіе другіе [7]).

Въ Тульчинѣ, когда я прибылъ туда, членами этого общества были: П. И. Пестель, И. Г. Бурцевъ, князь С. Г. Волконскій, П. Н. Комаровъ, А. П. Юшневскій, М. А. Фонъ-Визинъ, В. П. Ивашевъ, П. В. Аврамовъ, князь А. И. Барятинской, Ф. Б. Вольфъ. Впослѣдствіи были приняты: два брата Крюковыхъ, два брата Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ, Черкасовъ, Аврамовъ 2-й, Лачиновъ и нѣкоторые другіе.

Меня принялъ Бурцевъ [8]). Мы часто собирались вмѣстѣ, разсуждали, спорили, толковали, передавали другъ другу свои задушевные помыслы, желанія; сообщали все что могло интересовать общее дѣло, и натурально не рѣдко очень свободно, скажу болѣе, неумѣренно говорили о правительствѣ. Предложеніямъ, теоріямъ не было конца. Разумѣется въ этихъ собраніяхъ первенствовалъ Пестель. Его свѣтлый логическій умъ, управлялъ нашими преніями и не рѣдко соглашалъ разногласія.

Даже и въ такихъ бесѣдахъ, гдѣ участвовали посторонніе, т. е. непринадлежавшіе къ обществу, разговоръ болѣе всего обращенъ былъ на предметы серьёзные, болѣе или менѣе относящіеся къ тому, что занимало насъ. Нерѣдко генералъ Киселевъ участвовалъ въ подобныхъ бесѣдахъ, и хотя былъ душою преданъ Государю, котораго считалъ своимъ благодѣтелемъ, но говорилъ всегда дѣльно, откровенно, соглашался въ томъ, что многое надобно измѣнить въ Россіи и съ удовольствіемъ слушалъ здравыя, но нерѣдко рѣзкія сужденія Пестеля.

Такъ прошелъ 1820 годъ. Между тѣмъ въ Европѣ волненія не прекращались. Въ Испаніи, въ Неаполѣ, Піемонтѣ учреждались, противу желанія королей, конституціонныя правительства. Тайныя общества и въ особенности Карбо-

---

[7]) Упоминая о первыхъ учредителяхъ, не беру на себя отвѣтственности за ошибку. Сколько мнѣ помнится теперь, я слышалъ объ этихъ лицахъ отъ самаго Пестеля, Бурцова и другихъ; они называли мнѣ и еще нѣкоторыхъ, но не надѣюсь на свою память и боюсь ошибиться.

[8]) Бурцевъ былъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ Союза Благоденствія, принялъ много членовъ и впослѣдствіи, когда общество открылось, очень счастливо избавился отъ суда. Его продержали только 6-ть мѣсяцевъ въ Бобруйской крѣпости, а потомъ, лишивъ его полка, отправили на Кавказъ. Тамъ онъ отличился, получилъ опять полкъ, былъ произведенъ въ генералы и славно погибъ подъ Байбуртомъ въ 1829 году. Я подозрѣваю, что его тяготила мысль объ участи товарищей, изъ коихъ многіе были его друзьями и имъ приняты въ общество. Эта мысль заставляла его кѣроятно бросаться въ опасности, съ намѣреніямъ погибнуть, или отличиться такъ, чтобы имѣть право на особенное вниманіе государя, и тогда просить о сосланныхъ товарищахъ своихъ.

наріи дѣйствовали весьма дѣятельно. Въ самой Германіи происходили безпрестанныя колебанія. Въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ государствахъ вводились, по необходимости, самими правителями представительныя правленія. Во Франціи убійство герцога Беррійскаго было причиною реакціи, паденія либеральнаго министерства и образованія министерства ультра-роялистскаго. Неудовольствіе либеральной партіи увеличилось, и тайныя общества стали дѣйствовать рѣшительнѣе. Возстаніе Грековъ еще болѣе запутало дѣла Европы. Въ общемъ мнѣніи оно оправдывалось и внушало всеобщую симпатію. Главы правительствъ опасались, съ одной стороны, явно противостать ему, чтобы не лишиться совершенно нравственнаго вліянія на подданныхъ и не обезславить себя въ ихъ глазахъ; съ другой, не смѣли и не хотѣли также принять явно сторону Грековъ, чтобы не ослабить уваженія къ законной власти, которая представлялась въ этомъ вопросѣ Турецкимъ султаномъ. Однимъ словомъ, дошло до того, что первокласныя государства: Австрія, Пруссія. Россія, Франція, должны были рѣшиться на что нибудь окончательное или оставаться равнодушными зрителями распространяющагося возстанія народовъ противъ узаконенныхъ властей и со временемъ ожидать того же самаго въ собственныхъ владѣніяхъ, или силою оружія и мѣрами строгости остановить либеральное направленіе Европы.

Англія, какъ представительное государство, нисколько не опасалась господствовавшихъ мнѣній и основательно полагалась на свои коренныя учрежденія, а потому не вмѣшивалась въ этотъ вопросъ, смотрѣла равнодушно на событія, признавая вездѣ ту власть, которая установлялась. Франціи было не до того, чтобы вступаться въ чужія дѣла: она озабочена была домашними волненіями партій. Пруссія за себя не опасалась: отеческое правленіе короля Фридриха Вильгельма и нѣкоторыя уступки, своевременно сдѣланныя, въ особенности торжественное обѣщаніе ввести представительство, обезпечивали спокойствіе этого государства и удерживали порывы нетерпѣливыхъ. Оставались Австрія и Россія. Первая, составленная изъ разнородныхъ элементовъ, держащаяся одною только политикою, страшилась за свои Италіянскія владѣнія, готовыя каждую минуту отъ нея отторгнуться и несшія съ негодованіемъ чужеземное иго. Россія, опасавшаяся распространенія либеральныхъ идей, видѣла возстаніе народовъ у самыхъ границъ своихъ. Въ это время первенствующій Австрійскій министръ графъ Меттернихъ возымѣлъ большое вліяніе на умъ Императора Александра, представляя ему вездѣ и во всякомъ дѣйствіи либеральной партіи кинжалы убійцъ, готовыхъ

покуситься на жизнь государей. Поступокъ Занда (слѣдствіе политическаго фанатизма) явился какъ угрожающій призракъ передъ его глазами и напоминалъ 12 Марта 1801 г...

При такомъ положеніи дѣлъ, Австрія и Россія тѣсно соединились, чтобы противостать либеральной партіи въ Европѣ; это былъ настоящій смыслъ Священнаго Союза. Австрія послала войска въ Неаполь, а Россія обязалась помогать ей. Одному изъ корпусовъ нашей арміи (генерала Рудзевича) предназначено было слѣдовать въ Италію. Повелѣніе было прислано въ началѣ 1821 года, и войска стали сосредоточиваться на Австрійской границѣ. Этотъ походъ произвелъ двоякое вліяніе на Тульчинскую молодежъ. Съ одной стороны, слѣдованіе въ Италію и боевая жизнь радовали сердца юношей, не видавшихъ еще огня; съ другой же, цѣль похода противорѣчила ихъ мнѣніямъ, тѣмъ болѣе что Русскіе, особенно военные, не любятъ вообще Австрійцевъ. Походъ этотъ однакожъ не состоялся.

Въ это именно время, въ Тульчинскомъ отдѣлѣ Союза Благоденствія произошло измѣненіе, имѣвшее большое вліяніе на будущій ходъ его дѣйствій. Бурцеву, ѣхавшему въ отпускъ въ Москву, поручено было понудить членовъ Московскаго отдѣла къ большей дѣятельности; но вмѣсто того онъ, возвратившись, объявилъ намъ, что Московскіе и нѣкоторые Петербургскіе члены, бывшіе въ то время въ Москвѣ, рѣшились прекратить самое существованіе Союза Благоденствія и что, съ своей стороны, принявъ ихъ рѣшеніе, онъ тоже оставляетъ общество. Примѣру его послѣдовалъ П. Н. Комаровъ.

Надобно знать, что поступокъ Бурцева и членовъ Московскаго отдѣла имѣлъ сокровенную цѣль. Они замѣтили, что Пестель получилъ большой вѣсъ и вліяніе въ южномъ обществѣ и что нѣкоторыя изъ его идей, съ которыми они не были согласны, приняты въ южномъ отдѣлѣ. Съ одной стороны задѣтое самолюбіе, а съ другой опасеніе, что общество можетъ быть открыто правительствомъ и что отъ него не утаится тогда сокровенная цѣль его... побудили ихъ на время остановить ходъ общества и выжидать благопріятнаго для этого времени. Между собою же, въ Москвѣ, они уговорились (что сдѣлалось извѣстнымъ впослѣдствіи и что самъ Бурцевъ сказывалъ мнѣ потомъ) не отказываться вовсе отъ участія въ Союзѣ Благоденствія (въ особенности же если имъ удастся уменьшить вліяніе Пестеля) и только временно пріостановить дѣятельность его членовъ.

Весьма естественно, что когда Бурцевъ, собравши всѣхъ членовъ Тульчинскаго отдѣла, объявилъ имъ о томъ что сдѣлано было въ Москвѣ, то поступокъ этотъ оскорбилъ

насъ и возбудилъ общее неудовольствіе. Всѣ, исключая Комарова (человѣка не совсѣмъ чистыхъ правилъ) рѣшились остаться. По удаленіи Бурцева и Комарова, Пестель и Юшневскій избраны были директорами, а прочіе члены дали слово продолжать дѣйствія общества, не смотря на опасность подвергнуться преслѣдованію правительства. Для того же, чтобы показать Московскимъ членамъ совершенное равнодушіе къ ихъ поступку, не входя ни въ какія пренія, объявлено было Бурцеву, что, узнавъ ихъ рѣшеніе, они уже болѣе не считаются членами Союза Благоденствія. Далѣе, изъ предосторожности предположено было пріостановить на время дѣйствіе Тульчинскаго отдѣла, тѣмъ болѣе, что въ это время правительство начинало уже подозрѣвать его существованіе [9]).

Съ этихъ именно поръ прекращается особенное участіе мое въ дѣйствіяхъ Тульчинскаго общества. Служебныя обязанности брали у меня много времени; сверхъ того здоровье мое было очень плохо: у меня открылось кровохарканіе, и я долженъ былъ ѣхать на нѣкоторое время въ Крымъ. Возвратившись, хотя я и нашелъ всѣхъ бывшихъ членовъ общества въ Тульчинѣ, но большая часть изъ нихъ какъ-то охладѣла. Оставаясь между собою столь же дружными, мы уже не такъ горячо говорили о томъ, что́ такъ занимало насъ прежде. Этому былъ причиною нѣсколько и самъ Пестель. Со всѣмъ его умомъ и даромъ убѣжденія, у него не было способности привязывать къ себѣ; не было той откровенности характера, которая необходима, чтобы пользоваться общею довѣренностію. Намъ казалось, что

---

[9]) Около этого времени, у насъ въ арміи, въ 16-й пѣхотной дивизіи, которою командовалъ генер. Орловъ (Михаилъ Ѳедоровичъ) бывшій тоже членомъ общества, случилось происшествіе, едва не открывшее правительству существованіе тайнаго общества. Дивизіонной Ланкастерской школой завѣдывалъ тамъ маіоръ Раевскій, тоже членъ общества. Онъ дѣйствовалъ не совсѣмъ осторожно въ смыслѣ цѣли Союза Благоденствія, навелъ этимъ на себя подозрѣніе корпуснаго командира Сабанѣева, и тотъ арестовалъ его и запечаталъ его бумаги, а самаго перевезъ въ Тирасполь, гдѣ находилась корпусная квартира и приказалъ произвести строгое слѣдствіе. Въ бумагахъ Раевскаго были нѣкоторые намеки на существованіе Союза Благоденствія и даже списокъ нѣкоторыхъ членовъ. Стали допрашивать его самаго, но твердости его характера общество было обязано тѣмъ, что не было открыто прежде. Все то, что́ дѣлалось по этому слѣдствію и съ Раевскимъ, передавалъ намъ бывшій адъютантъ Сабанѣева Липранди (послѣ извѣстный генералъ) коротко съ нами знакомый. До самаго восшествія Императора Николая, Раевскій находился подъ арестомъ и привезенъ вмѣстѣ съ нами въ крѣпость. Мнѣ случилось сидѣть въ казематѣ противъ него, и онъ мнѣ разсказалъ подробности своего дѣла. Орловъ былъ тогда же удаленъ отъ начальства надъ дивизіей, а слѣдствіе объ Раевскомъ было представлено Государю, гдѣ лежало нерасмотренное до смерти Императора Александра. Раевскій былъ потомъ осужденъ вмѣстѣ съ нами.

онъ скорѣе искалъ сеидовъ, нежели товарищей. Ему же вѣроятно представилось, что мы стараемся уклоняться отъ него и не довѣряемъ чистотѣ его намѣреній. Однимъ словомъ, я самъ не могу дать себѣ отчета, почему и какъ, но я и нѣкоторые изъ моихъ друзей, Ивашевъ, Вольфъ, Авраамовъ 1-й и еще другіе, съ половины 1821 года по самое то время, какъ арестовали насъ, не принимали уже прежняго участія въ обществѣ и не были ни на одномъ засѣданіи.

А между тѣмъ, отъ 1821 до 1825 года, прошло болѣе четырехъ лѣтъ. Служебныя занятія, частыя путешествія по расположенію арміи и въ Москву, наконецъ женидьба моя въ 1824 году, все это отвлекало меня отъ участія въ обществѣ. Скажу болѣе, самыя мысли мои относительно сокровенной цѣли Союза Благоденствія... нѣсколько измѣнились. Не переставая смотрѣть тѣми же глазами на все что́ было худо, негодовать на злоупотребленія, я не рѣдко спрашивалъ себя, будетъ ли лучше, если общество достигнетъ своей цѣли, и пойметъ ли Россія выгоды представительнаго правленія? Я сознавался внутренно, что гораздо бы лучше было, если бы само правительство взяло инициативу и шло впередъ, не задерживая, а поощряя успѣхи просвѣщенія и гражданственности. Тогда бы я первый сталъ подъ хоругвь самодержавія. Но къ несчастію не таково было направленіе идей покойнаго императора Александра:... имѣя отъ природы доброе, человѣколюбивое сердце, онъ покорился вліянію политиковъ-эгоистовъ и поступалъ совершенно по ихъ внушеніямъ.

Нѣкоторыя событія и эпизоды моей жизни въ продолженіе этого времени стоятъ того, чтобы упомянуть объ нихъ. Въ 1823 году, случилось происшествіе, породившее много толковъ и надѣлавшее много шуму въ свое время. Это дуэль генерала Киселева съ генераломъ Мордвиновымъ; я въ это время былъ адъютантомъ перваго и пользовался особеннымъ его расположеніемъ. Вотъ какъ это происходило.

Въ нашей арміи назначенъ былъ командиромъ Одесскаго пѣхотнаго полка подполковникъ Ярошевицкій, человѣкъ грубый, необразованный, злой. Его дерзкое, неприличное обращеніе съ офицерами было причиною, что его ненавидѣли въ полку, начиная отъ штабъ-офицеровъ до послѣдняго солдата. Наконецъ, вышедъ изъ терпѣнія и не будучи въ состояніи сносить его дерзостей, рѣшились отъ него избавиться. Собравшись вмѣстѣ, офицеры кинули жребій, и судьба избрала на погибель штабсъ-капитана Рубановскаго. На другой день назначенъ былъ дивизіонной смотръ. Рано утромъ, войска вышли на мѣсто, стали во фронтъ, и дивизіонный командиръ г. л. Корниловъ, прибывъ на смотръ, подъѣхалъ къ одному изъ фланговъ. Одесскій полкъ былъ

четвертый отъ этого фланга). Штабсъ-капитанъ Рубановскій съ намѣреніемъ стоялъ на своемъ мѣстѣ слишкомъ свободно и даже разговаривалъ. Ярошевицкій, замѣтивъ это, подскакалъ къ нему и началъ его бранить. Тогда Рубановскій, вышелъ изъ рядовъ, бросилъ свою шпагу, стащилъ его съ лошади и избилъ его такъ, что долгое время на лицѣ Ярошевицкаго оставались красныя пятна. Офицеры и солдаты, стоявшіе во фронтѣ, не могли выйти изъ рядовъ до того времени, пока дивизіонный командиръ не прискакалъ съ фланга, гдѣ онъ находился, и не приказалъ взять Рубановскаго.

Разумѣется, что это дѣло огласилось, и наряжено было слѣдствіе. Офиціально было скрыто, что всѣ почти офицеры участвовали въ заговорѣ противъ своего полковаго командира. Пострадалъ одинъ только Рубановскій, котораго разжаловали и сослали въ работу въ Сибирь; но частнымъ образомъ сдѣлалось извѣстнымъ какъ главнокомандующему, такъ и генералу Киселеву и объ заговорѣ, и о томъ, что бригадный командиръ Мордвиновъ зналъ накануѣ происшествія, что въ Одесскомъ полку готовится какое-то возстаніе противъ своего командира. Вмѣсто того, чтобы заранѣе принять какія либо мѣры, онъ, какъ надобно полагать, самъ испугался и ушелъ ночевать изъ своей палатки, передъ самымъ смотромъ (войска стояли въ лагерѣ) въ другую бригаду.

Обо всемъ этомъ не было упомянуто въ офиціальномъ слѣдствіи; но генералъ Киселевъ, при смотрѣ главнокомандующаго, объявилъ генералу Мордвинову, что онъ знаетъ все это, и что по долгу службы, не смотря на ихъ знакомство, онъ будетъ совѣтовать графу, чтобы удалили его отъ командованія бригадой.

Такъ это и сдѣлалось: Мордвиновъ лишился бригады и былъ назначенъ состоять при дивизіонномъ командирѣ въ другой дивизіи. Тѣмъ дѣло казалось оконченнымъ. Но непріятели Киселева, а онъ имѣлъ ихъ много и въ томъ числѣ генерала Рудзевича (корпуснаго командира), настроили Мордвинова, и тотъ, полгода спустя, пришелъ къ нему требовать удовлетворенія за нанесенное будто бы ему оскорбленіе отнятіемъ бригады.

Въ главной квартирѣ никто не подозрѣвалъ неудовольствія Мордвинова противъ Киселева. Будучи адъютантомъ послѣдняго, я часто замѣчалъ посланныхъ отъ перваго съ письмами, но никакъ не думалъ, чтобы эти письма заключали въ себѣ что-нибудь особенное.

Въ одинъ день, когда у Киселева назначенъ былъ вечеръ, я прихожу къ нему обѣдать вмѣстѣ съ Бурцевымъ и опять вижу человѣка Мордвинова, дожидающагося отвѣта на отдан-

ное уже письмо. Эти частыя посланія показались мнѣ странными, и я замѣтилъ объ этомъ Бурцеву.

Пришедши въ гостинную, гдѣ находилась супруга Киселева и собрались уже гости, мы не нашли тамъ генерала, но вскорѣ были позваны съ Бурцевымъ къ нему въ кабинетъ. Тутъ показалъ онъ намъ послѣднее письмо Мордвинова, въ которомъ онъ назначалъ ему мѣстомъ для дуэли м. Ладыжинъ, лежащее въ 40 верстахъ отъ Тульчина, требовалъ, чтобы онъ пріхалъ туда въ этотъ же день, взялъ съ собой пистолеты, но секундатовъ не бралъ, чтобы не подвергнуть кого либо отвѣтственности.

Можно представить себѣ, какъ поразило насъ это письмо. Тутъ Киселевъ разсказалъ намъ свои прежніе переговоры съ Мордвиновымъ и объявилъ, что онъ рѣшился ѣхать въ Ладыжинъ, сейчасъ послѣ обѣда, пригласивъ Бурцева ему сопутствовать и поручивъ мнѣ, въ томъ случаѣ, если онъ не пріѣдетъ къ вечеру, какъ нибудь объяснить его отсутствіе.

Войдя съ нами въ гостинную, онъ былъ очень любезенъ и казался веселымъ; за обѣдомъ же между разговоромъ очень кстати сказалъ Бурцеву, что имъ обоимъ надобно съѣздить въ селеніе Клебань, гдѣ находился учебный баталіонъ, пожурить офицеровъ за маленькія неисправности по службѣ, на которыя жаловался ему баталіонный командиръ.

Вставъ изъ за стола, простясь съ гостями и сказавъ, что ожидаетъ ихъ къ вечеру, онъ ушелъ въ кабинетъ, привелъ въ порядокъ нѣкоторыя собственныя и служебныя дѣла и потомъ, простившись съ женою, отправился съ Бурцевымъ въ крытыхъ дрожкахъ. Жена его ничего не подозрѣвала.

Наступилъ вечеръ, собрались гости, загремѣла музыка, и начались танцы. Мнѣ грустно, больно было смотрѣть на веселившихся и особенно на молодую его супругу, которая такъ горячо его любила и которая, ничего не зная, такъ беззаботно веселилась. Пробило полночь, онъ еще не возвращался. Жена его начинала безпокоиться, подбѣгала безпрестанно ко мнѣ съ вопросами объ немъ, и наконецъ стала уже видимо тревожиться. Гости, замѣчая ея безпокойство, начали разъѣзжаться; я самъ ушелъ и отправился къ доктору Вольфу, все разсказалъ ему и предложилъ ѣхать со мной въ Ладыжинъ. Мы послали за лошадьми, сѣли въ перекладную; но чтобы нѣсколько успокоить Киселеву, я заѣхалъ напередъ къ ней, очень хладнокровно спросилъ у нея ключъ отъ кабинета, говоря, что генералъ велѣлъ мнѣ черезъ нарочнаго привезти къ нему нѣкоторыя бумаги. Это немного ее успокоило; я взялъ въ кабинетѣ нѣсколько бѣлыхъ листовъ бумаги и отправился съ Вольфомъ.

Передъ самымъ разсвѣтомъ мы подъѣзжали уже къ Ладыжину, было еще темно, вдругъ слышимъ стукъ экипажа

и голосъ Киселева: «Ты ли, Басаргинъ?» И онъ, и мы остановились. «Поѣзжай скорѣе къ Мордвинову, сказалъ онъ Вольфу, тамъ Бурцевъ; ты же садись со мной и поѣдемъ домой, прибавилъ онъ», обращаясь ко мнѣ.

Дорогой онъ разсказалъ мнѣ все, что произошло въ Ладыжинѣ. Они пріѣхали туда часу въ шестомъ по полудни, остановились въ корчмѣ, и Бурцевъ отправился къ Мордвинову, который уже дожидался ихъ. Онъ засталъ его въ полной генеральской формѣ, объявилъ о прибытіи Киселева и предложилъ быть свидѣтелемъ дуэли. Мордвиновъ, знавшій Бурцева, охотно согласился на это и спросилъ, какъ одѣтъ Киселевъ. «Въ сюртукѣ», отвѣчалъ Бурцевъ.—«Онъ и тутъ хочетъ показать себя моимъ начальникомъ», возразилъ Мордвиновъ. «Не могъ одѣться въ полную форму, какъ бы слѣдовало!»

Мѣсто поединка назначили за рѣкою Бугомъ, окружающимъ Ладыжинъ. Мордвиновъ переѣхалъ на паромѣ первый, потомъ Киселевъ и Бурцевъ. Они молча сошлись, отмѣрили 18 шаговъ, согласились сойтиться на 8 и стрѣлять безъ очереди. Мордвиновъ попробовалъ пистолеты и выбралъ одинъ изъ нихъ (пистолеты были Кухенрейторовскіе и принадлежали Бурцеву). Когда стали на мѣста, онъ сталъ было говорить Киселеву: «Объясните мнѣ, Павелъ Дмитріевичъ»...; но тотъ перебилъ его и возразилъ: «Теперь, кажется, не время объясняться, Ив. Никол.; мы не дѣти и стоимъ уже съ пистолетами въ рукахъ. Если бы вы прежде пожелали отъ меня объясненій, я не отказался бы удовлетворить васъ.»—«Ну, какъ вамъ угодно, отвѣчалъ Мордвиновъ,—будемъ стрѣляться, пока одинъ не падетъ изъ насъ».

Они сошлись на восемь шаговъ и стояли другъ противъ друга, опустя пистолеты, выжидая каждый выстрѣла противника. «Что же вы не стрѣляете?» сказалъ Мордвиновъ. «Ожидаю вашего выстрѣла», отвѣчалъ Киселевъ. «Вы теперь не начальникъ мой, возразилъ тотъ, и не можете заставить меня стрѣлять перваго».—«Въ такомъ случаѣ, сказалъ Киселевъ, не лучше ли будетъ стрѣлять по командѣ. Пусть Бурцевъ командуетъ, и по третьему разу мы оба выстрѣлимъ».—«Согласенъ», отвѣчалъ Мордвиновъ.

Они выстрѣлили по третьей командѣ Бурцева. Мордвиновъ мѣтилъ въ голову, и пуля прошла около самаго виска противника. Киселевъ цѣлилъ въ ноги и попалъ въ животъ. Je suis blessé, сказалъ Мордвиновъ. Тогда Киселевъ и Бурцевъ подбѣжали къ нему и, взявъ подъ руки, довели до ближайшей корчмы. Пуля прошла на вылетъ и повредила кишки. Сейчасъ послали въ мѣстечко за докторомъ, и по приходѣ его осмотрѣли рану; она оказалась смертельною.

Мордвиновъ до самаго конца былъ въ памяти. Онъ сознавался Киселеву и Бурцеву, что былъ подстрекаемъ въ неудовольствіи своемъ на перваго Р. и К. [10]), и говорилъ, что сначала было не имѣлъ намѣренія вызывать его, а хотѣлъ жаловаться черезъ графа Аракчеева Государю; но, зная, какъ Императоръ его любитъ и опасаясь не получить такимъ путемъ удовлетворенія, рѣшился прибѣгнуть къ дуэли. Вольфъ засталъ его въ живыхъ, и онъ скончался часу въ пятомъ утра.

Подъѣзжая съ Киселевымъ къ Тульчину, мы встрѣтили жену его, въ дрожкахъ, растрепанную и совершенно потерянную. Излишнимъ нахожу описывать сцену свиданія ея съ мужемъ.

Пріѣхавши въ Тульчинъ, Киселевъ сейчасъ передалъ должность свою дежурному генералу, донеся о происшествіи главнокомандующему, находившемуся въ это время у себя въ деревнѣ, и написалъ Государю. Дежурный генералъ нарядилъ слѣдствіе и распорядился похоронами. Слѣдствіе было представлено по начальству Императору Александру.

Киселевъ въ ожиданіи высочайшаго рѣшенія сначала жилъ въ Тульчинѣ, безъ всякаго дѣла, проводя время въ семейномъ кругу [11]), а потомъ отправился въ Одессу. Я поѣхалъ съ нимъ; тамъ онъ пробылъ болѣе мѣсяца и наконецъ получилъ отъ генерала Дибича, бывшаго тогда начальникомъ главнаго штаба письмо, въ которомъ тотъ извѣщалъ его, что Государь, получивъ офиціальное представленіе сего дѣла, вполнѣ оправдываетъ его поступокъ и дѣлаетъ одно только замѣчаніе, что гораздо бы лучше было, еслибъ поединокъ былъ за границей.

---

[10]) *Рудзевичемъ и Корниловымъ*. Е. Я.

[11]) Въ это время генер. Парышкинъ (Лев. Александр.) старый товарищъ Киселева по службѣ, пріѣхалъ свататься за сестру Киселевой, графиню Ольгу Потоцкую, жившую у Киселева и безвыѣздно бывалъ у нихъ.—Здѣсь кстати сказать, что обѣ сестры были замѣчательной красоты и чрезвычайно милы и любезны. Супруга Киселева, Софья, была олицетворенная доброта, очень умна, веселаго, открытаго характера, но съ тѣмъ вмѣстѣ непомѣрно разсѣянна и не обращала вниманія ни на какія свѣтскія условія. Сестра ея Ольга имѣла характеръ болѣе положительный и славилась своею красотою. Между ея обожателями находился извѣстный генер. Милорадовичъ, бывшій тогда уже пожилымъ человѣкомъ. Она смѣялась надъ его страстью къ ней и заставляла его вмѣстѣ съ сестрою своею дѣлать много смѣшнаго для его лѣтъ. — Разъ какъ то въ Петербургѣ я зашелъ поутру въ гостинную Киселева, и засталъ жену его играющею на фортепіанахъ, а Милорадовича, въ полномъ мундирѣ и звѣздахъ, танцующаго передъ нею мазурку. Киселева при этомъ помирала со смѣху и кричала ему: «Ce n'est pas ça, ce n'est pas ça; mais comme vous dansez mal!» Я было хотѣлъ удалиться, но Киселева оставила меня, и я по неволѣ былъ свидѣтелемъ этой смѣшной сцены.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ему предписывалось вступить въ отправленіе должности и пріѣхать для свиданія съ Государемъ въ Орелъ, гдѣ назначенъ былъ смотръ находившимся тамъ войскамъ. Этимъ окончилось это происшествіе, которое, какъ ожидали недоброжелатели Киселева, должно было измѣнить къ нему расположеніе Императора.

Въ Орелъ поѣхалъ съ Киселевымъ Бурцевъ, и вотъ что онъ мнѣ разсказалъ по возвращеніи своемъ. Черезъ два дня по прибытіи ихъ въ Орелъ пріѣхалъ туда и Государь. Всѣ высшія военныя и гражданскія власти ожидали Его Величества въ пріемной залѣ, на квартирѣ, для него приготовленной. Киселевъ также находился тутъ. Генералы (между коими были два корпусныхъ и нѣсколько дивизіонныхъ начальниковъ) и прибывшіе напередъ генералъ-адъютанты свиты Его Величества (Чернышевъ и Ожаровскій) обошлись съ нимъ очень сухо, какъ съ человѣкомъ опаснымъ и, видимо, избѣгали даже съ нимъ говорить, такъ что онъ все время сидѣлъ одинъ у окна. Когда пріѣхалъ Государь, то, проходя черезъ залу, онъ только поклонился присутствующимъ и удалился во внутренніе покои переодѣваться. Вскорѣ камендинеръ его позвалъ къ нему Киселева, который потомъ и вышелъ вмѣстѣ съ Его Величествомъ, весьма милостиво съ нимъ разговарившимъ и часто къ нему съ особливою благосклонностью обращавшимся. Надобно было видѣть перемѣну, которая произошла въ царедворцахъ! Когда Государь опять ушелъ, всѣ наперерывъ старались оказать ему самое дружеское вниманіе.

Въ это именно время въ Одессу прибылъ графъ Воронцовъ, назначенный генералъ-губернаторомъ Новороссійскаго края. Когда онъ пріѣхалъ, мы находились уже тамъ. Безпрестанные балы, концерты, вечера, обѣды, такъ утомили меня, что я съ нетерпѣніемъ ожидалъ возвращенія въ Тульчинъ. Съ Воронцовымъ прибыло очень много умныхъ и образованныхъ молодыхъ людей: Левшинъ, баронъ Брунновъ, баронъ Франкъ и другіе [12]). Первый теперь товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, а второй посланникомъ.

Возвратясь въ Тульчинъ, мы стали приготовляться къ высочайшему смотру, который назначенъ былъ въ началѣ Октября. Киселевъ отправился въ Орелъ и, возвратясь въ Тульчинъ, по случаю предстоящаго смотра, дѣятельно за-

---

[12]) Въ Одессѣ встрѣтилъ я также нашего знаменитаго поэта Пушкина: онъ служилъ тогда въ Бессарабіи при генер. Инзовѣ. Я еще прежде этого имѣлъ случай видѣть его въ Тульчинѣ у Киселева. Знакомъ я съ нимъ не былъ, но въ обществѣ раза три встрѣчалъ. Какъ человѣкъ, онъ мнѣ не понравился. Какъ-то братство, sullisance и желаніе осмѣять, уколоть другихъ. Тогда же многіе изъ знавшихъ его говорили, что рано или поздно, а умретъ ему на дуэли. Въ Кишиневѣ онъ имѣлъ нѣсколько поединковъ.

нялся службою. Дѣла и намъ было много, такъ что мы не видали, какъ наступилъ Октябрь.

Передъ пріѣздомъ Государя [13]), я былъ посланъ въ Бессарабію, чтобы приготовить ему ночлегъ и караулъ, не упомню теперь, въ какомъ-то маленькомъ мѣстечкѣ, гдѣ сначала онъ было не думалъ останавливаться. Я также долженъ былъ узнать отъ генерала Дибича, куда Государь прибудетъ: въ Тульчинъ, или прямо въ расположеніе 7-го пѣхотнаго корпуса, въ 40 верстахъ отъ главной квартиры. За день до его прибытія, я пріѣхалъ въ это мѣстечко, приготовилъ лучшую квартиру и послалъ за стоявшею вблизи сотнею Донскихъ казаковъ. Начальникъ ихъ, какой-то казацкой старшина, такъ потерялся, что объявилъ мнѣ, что онъ никакъ не явится предъ Царемъ и не подастъ ему рапорта, если я при этомъ не буду находиться. Дѣлать было нечего, и я по неволѣ долженъ былъ показаться Государю. Пріѣхавши, онъ спросилъ, замѣтивъ меня, за чѣмъ я нахожусь тутъ и, сказавъ нѣсколько словъ, вошелъ въ свою комнату. Я отправился въ другую, къ генералу Дибичу. Во время моего съ нимъ разговора вошелъ Государь. Узнавъ, въ чемъ дѣло, сказалъ, что прибудетъ прямо въ с. Кирносовку, гдѣ расположенъ 7-й корпусъ, и поручилъ мнѣ приготовить ему, при въѣздѣ въ деревню, какую нибудь квартиру, въ которой бы онъ могъ переодѣться. Дибичъ написалъ Киселеву нѣсколько словъ и приказалъ мнѣ ѣхать какъ можно скорѣе, чтобы во время привести извѣстіе о томъ, куда они прибудутъ.

Припоминаю теперь, что на обратномъ пути случилось одно обстоятельство, которое чрезвычайно меня напугало. Скача ночью, сломя голову, на перекладной и будучи очень утомленъ, проведя двѣ ночи сряду безъ сна,—я нехотя задремалъ. Жандармъ мой сдѣлалъ тоже самое. Вдругъ чувствую, что мы остановились и спрашиваю, что это значитъ? Ямщикъ-Молдаванъ, не говорившій порусски, что-то бормоталъ, но я ничего не понималъ. Жандармъ также не могъ ничего объяснить. Наконецъ я догадался, что мы сбились съ дороги, и мой Молдаванъ не знаетъ, куда ѣхать. Можно вообразить себѣ мое положеніе: Государь долженъ былъ выѣхать чѣмъ свѣтъ, а мнѣ надобно было поспѣть въ Тульчинъ, по крайней мѣрѣ четырьмя часами ранѣе его. Видя, что съ ямщикомъ дѣлать нечего и что мы ѣдемъ степью, а не дорогою, я приказалъ жандарму взять возжи и ѣхать на удачу прямо, чтобы попасть въ какое нибудь жилье. Къ счастію, такъ и случилось; чрезъ полчаса мы пріѣхали въ

---

[13]) Онъ возвращался съ Веронскаго Конгресса, черезъ Австрію.

какую-то деревушку, гдѣ я взялъ проводника до большой дороги, находившейся въ 10 верстахъ. На все это я потерялъ болѣе часа, и очень былъ радъ, что тѣмъ отдѣлался. Поздно ночью проѣзжалъ я Могилевъ на Днѣстрѣ. Тутъ встрѣтилась опять помѣха. На станціи мнѣ сказали, что генералъ-адъютантъ Чернышовъ (теперешній князь) приказалъ мнѣ явиться, въ которомъ бы часу я ни проѣзжалъ. Нечего было дѣлать: я побѣжалъ къ нему не переодѣваясь. Прихожу на квартиру, гдѣ онъ остановился. Все спитъ мертвымъ сномъ. Бужу хозяина, тотъ въ свою очередь камердинера, а этотъ наконецъ генерала. Меня вводятъ къ нему въ спальню. Нельзя представить себѣ моего удивленія. Я ожидалъ найти молодаго, красивой наружности человѣка, какимъ въ то время всѣ его знали и какимъ я самъ видалъ его, и что-же? Нахожу что-то въ родѣ старухи, съ чепцомъ на головѣ, съ сѣдыми почти усами и съ обритыми сѣдыми волосами, выглядывающими изъ подъ чепца. Я не вѣрилъ глазамъ своимъ. Онъ спросилъ меня, когда выѣзжаетъ Государь и когда будетъ въ Могилевѣ. Отвѣтивъ ему то, что объ этомъ зналъ, я побѣжалъ отъ него, внутренно браня его за то, что онъ лишилъ меня нѣсколькихъ дорогихъ минутъ, чтобы посмотрѣть на его вовсе непривлекательную фигуру. Я не предчувствовалъ, что вижу въ немъ будущаго своего судью, и судью неумолимаго, пристрастнаго и—дерзкаго.

Въ Тульчинъ я возвратился около 4-хъ часовъ послѣ обѣда. Вся главная квартира ожидала моего прибытія, и всѣ сейчасъ собрались въ Кириосовку. Туда мы прибыли около шести часовъ, а въ восемь пріѣхалъ и Государь. Онъ остановился на нѣсколько минутъ для переодѣванія въ приготовленной для него квартирѣ, при въѣздѣ въ селеніе. Эту квартиру занимало семейство генерала Удома, который очень былъ радъ очистить для него комнату. Государь былъ ими встрѣченъ при выходѣ изъ коляски, подарилъ, послѣ смотра, женѣ генерала прекрасный брилліантовый фермуаръ, который я самъ отнесъ къ ней, за что она осталась мнѣ очень признательною. Дочь генерала Удома, дѣвушка замѣчательной красоты, сдѣлана была фрейлиною.

Какъ теперь помню ту минуту, когда Государь вышелъ къ собравшимся въ пріемной залѣ помѣщичьяго дома генераламъ и штабнымъ офицерамъ. Насъ было тутъ человѣкъ шестьдесятъ. Онъ такъ поклонился всѣмъ, что каждому показалось, что этотъ привѣтливый поклонъ особенно относится къ нему. Съ главнокомандующимъ и Киселевымъ былъ онъ особенно любезенъ.

На другой день былъ смотръ 7-го корпуса [14]), а вечеромъ,

[14]) Послѣ смотра былъ обѣдъ въ лагерѣ генерала Рудзевича. Когда сѣли

мы были уже въ Тульчинѣ, гдѣ представляли ему штабъ и разныя команды. По осмотрѣ на слѣдующій день 6-го корпуса генерала Сабанѣева, назначены были маневры. Они продолжались два дня. Вся вторая армія участвовала въ нихъ, и зрѣлище дѣйствительно было великолѣпное: до 70 т. подъ ружьемъ съ кавалеріей и артилеріей, маневрировали на пространствѣ 4 или 5 квадратныхъ верстъ. Маневры кончились на второй день, часу въ первомъ пополудни. Всѣ войска пришли къ назначенному для обѣда мѣсту, и образовали каре въ три фаса. Четвертый фасъ этого каре занималъ нарочно устроенный полукруглый павильонъ, гдѣ накрытъ былъ столъ человѣкъ на 300. По концамъ павильона помѣстились музыканты всѣхъ полковъ арміи, а подлѣ нихъ устроены были въ три яруса скамьи для почетныхъ зрителей и дамъ. Артилерія заняла мѣсто на высотахъ позади пѣхоты, а кавалерія—часть одного изъ фасовъ. Въ срединѣ каре было устроено мѣсто для молебна. Къ прибытію Государя все уже было въ порядкѣ. Отслуживъ молебенъ, во время котораго, при многолѣтіи, артилерія и пѣхота сдѣлали оглушительный залпъ, пошли къ обѣду въ павильонъ. Тогда войскамъ приказано было стоять вольно, и вся эта стотысячная масса разсыпалась въ разныхъ направленіяхъ и перемѣшалась такъ, что для глазъ представила какое-то странное, необыкновенное зрѣлище. Позади фронта приготовлены были для солдатъ и офицеровъ столы съ яствами и напитками.

Государь былъ очень веселъ и доволенъ. Когда же главнокомандующій провозгласилъ тостъ за его здоровье, то по данному нѣсколько прежде этого сигналу, войска въ одну минуту пришли въ прежній свой порядокъ: изъ всей этой нестройной массы образовался опять тоже самое правильное каре. При этомъ тостѣ загремѣла артилерія, пѣхота начала стрѣльбу, заиграла вся музыка, и все войско крикнуло громогласное: ура! Государь былъ тронутъ и прослезился. Тутъ тѣ, которые были около него (въ томъ числѣ и я), могли видѣть и убѣдиться, что сердца Государей могутъ также чувствовать, какъ и сердца простыхъ

за столъ, имѣющій полукругомъ, средину коего занималъ Государь, то онъ, получивъ передъ самымъ выходомъ къ столу съ фельдъегеремъ письмо отъ Шатобріана, бывшаго тогда Французскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, сказалъ, обращаясь къ сидѣвшимъ около него генераламъ: Messieurs, je vous fais savoir que Riego est fait prisonnier. Всѣ отвѣчали молчаніемъ и потупили глаза, одинъ только N. N. воскликнулъ: Quelle heureuse nouvelle, Sir! Эта выходка такъ была неумѣстна и такъ не согласовалась съ прежней его репутаціей, что отвѣтомъ этимъ онъ много потерялъ тогда въ общемъ мнѣніи. И въ самомъ дѣлѣ, зная, какая участь ожидала бѣднаго Riego, жестоко было радоваться этому извѣстію.

людей. Почему несчастная политика, привычка властвовать, а всего болѣе гнусная лесть и раболѣпіе, такъ сильно искажаютъ природу земныхъ владыкъ, что заставляютъ ихъ стыдиться, когда они невольно послѣдуютъ влеченію сердца? Вслѣдъ за маневрами посыпались милости и награды. Съ горестнымъ чувствомъ долженъ однакоже сказать, что эти милости и награды касались только тѣхъ, которые всего менѣе нуждались въ нихъ. Крестъ, чинъ, аренда, удовлетворяя минутное тщеславіе или временныя нужды, немного прибавляли къ счастію тѣхъ, которые получали ихъ. Тѣ же, коимъ всего болѣе нужно было милосердіе Государя, были имъ отвергнуты. Генералъ Киселевъ, въ числѣ прочихъ представителей, просилъ о смягченіи участи разжалованныхъ офицеровъ. Въ нашей арміи ихъ было человѣкъ до сорока, и въ одной этой просьбѣ было ему отказано. Тутъ не нужно разсужденій!

Государь, осмотрѣвъ вторую армію и будучи ею очень доволенъ, пригласилъ Киселева ѣхать съ собою въ поселенныя войска Украинскаго поселенія. Тамъ ждалъ его графъ Аракчеевъ. Киселевъ взялъ меня съ собой, но какъ при генералѣ Дибичѣ не было адъютанта, то онъ попросилъ его прикомандировать меня на время смотра военныхъ поселеній къ нему.

Мы ѣхали съ Государемъ и прибыли вмѣстѣ въ Вознесенскъ. Тамъ застали Аракчеева. Трудно объяснить то вліяніе, которое онъ имѣлъ на покойнаго Александра. Смѣшно было даже смотрѣть, съ какимъ подобострастіемъ царедворцы обходились съ Аракчеевымъ. Я былъ свидѣтелемъ его стычки на словахъ съ Киселевымъ, который его не любилъ и не унижался передъ нимъ, и гдѣ онъ его славно отдѣлалъ. Услышавъ отъ Государя, какъ онъ остался доволенъ 2-ю арміей и вѣроятно будучи этимъ недоволенъ, Аракчевъ въ первое свиданіе съ Киселевымъ, когда Государь ушелъ въ кабинетъ, обратился къ нему, при оставшемся многолюдномъ собраніи, съ слѣдующими словами: «Мнѣ разсказывалъ Государь, какъ вы угодили ему, Павелъ Дмитріевичъ. Онъ такъ доволенъ вами, что я бы желалъ поучиться у вашего превосходительства, какъ угождать Его Величеству. Позвольте мнѣ пріѣхать для этого къ вамъ во 2-ю армію; даже не худо было бъ, еслибъ ваше превосходительство взяли меня на время къ себѣ въ адъютанты». Слова эти всѣхъ удивили, и взоры всѣхъ обратились на Киселева. Тотъ безъ замѣшательства отвѣчалъ: «Милости просимъ, графъ; я очень буду радъ, если вы найдете во 2-й арміи что нибудь такое, что можно примѣнить къ военнымъ поселеніямъ. Что же касается до того, чтобы взять васъ въ адъютанты, то, извините меня, прибавилъ онъ съ усмѣш-

кою, послѣ этого вы, конечно, захотите сдѣлать и меня своимъ адъютантомъ, а я этого не желаю». Аракчеевъ закусилъ губу и отошелъ.

Вотъ одно изъ доказательствъ значенія Аракчеева у Императора Александра. Съ нимъ былъ въ это время побочный сынъ его,—Шумскій, молодой прапорщикъ гвардейской артилеріи, шалунъ, пьяница и очень плохо образованный юноша. Во время случавшихся маневровъ, его обыкновенно ставили съ батареей на какое нибудь видное мѣсто. Государь, зная, кто онъ, не рѣдко подъѣзжалъ къ нему и разговаривалъ съ нимъ. Аракчеевъ, чтобы болѣе и болѣе обратить на него Высочайшее вниманіе, обыкновенно бралъ его съ собою, когда бывалъ съ докладомъ у Государя, извиняясь, что дѣлаетъ это потому, что не можетъ по слабости зрѣнія самъ читать доклады. Однажды насъ пригласилъ на вечеръ одинъ изъ адъютантовъ графа Витта. Шумскій былъ тамъ же и такъ напился, что едва могъ стоять на ногахъ. Вдругъ прислалъ за нимъ графъ, чтобы идти съ докладомъ къ Государю. Мы принуждены были облить ему нѣсколько разъ голову холодной водой, чтобы хотя нѣсколько протрезвить, и въ такомъ положеніи онъ отправился. Въ послѣдствіи онъ былъ сдѣланъ флигель-адъютантомъ. Государь самъ прислалъ ему мундиръ и эполеты съ нарочнымъ фельдъегеремъ. Въ слѣдующее царствованіе, его исключили за пьянство и перевели, кажется, въ гарнизонъ.

Двѣ недѣли мы пробыли въ военныхъ поселеніяхъ, и я каждый разъ имѣлъ случай видѣть Государя, а нерѣдко и обѣдалъ съ нимъ. Онъ имѣлъ много привлекательнаго въ обращеніи и, какъ я могъ замѣтить, не сердился, когда обходились съ нимъ свободно, даже, когда, случалось, противорѣчили ему. По крайней мѣрѣ, генералъ Киселевъ не унижался и велъ себя съ достоинствомъ, не теряя этимъ его расположенія. Разъ какъ-то Государь спросилъ его, почему онъ, будучи не богатъ, не попроситъ у него никогда аренды или денегъ? «Я знаю, что вы охотно даете, Государь, отвѣчалъ онъ, но не уважаете тѣхъ, которые принимаютъ отъ васъ. Мнѣ же уваженіе ваше дороже денегъ». Отвѣтъ прекрасный, но и придворный. Надобно сказать, впрочемъ, что Киселевъ чрезвычайно былъ ловокъ и зналъ хорошо характеръ покойнаго Императора.

Возвратившись въ Тульчинъ, я вскорѣ поѣхалъ въ отпускъ. Мнѣ нужно было переговорить съ родными и получить ихъ согласіе на союзъ мой съ дѣвушкой, которую я давно уже полюбилъ. Она не имѣла состоянія, хотя и была аристократической фамиліи; я самъ тоже былъ небогатъ, и потому надобно было устроить дѣла такъ, чтобы нужда не отравила нашего обоюднаго счастія. Какъ я могъ замѣтить,

она была ко мнѣ расположена, и я не сомнѣвался ни въ ея согласіи, ни въ согласіи ея родителей. Я уговорился съ Бурцевымъ и его женою изъ Москвы писать имъ и просить ихъ передать будущей тещѣ моей, княгинѣ Мещерской, мое предложеніе.

Въ Москвѣ я пробылъ всего недѣли двѣ; туда пріѣхалъ также и Киселевъ съ женой. Мы вмѣстѣ отправились въ Петербургъ. Жизнь Петербургская была не по мнѣ. Не смотря на приглашенія Киселева посѣщать съ нимъ кое-кого изъ знатныхъ того времени и аристократическіе вечера ихъ, я болѣе сидѣлъ дома или дѣлилъ время съ нѣкоторыми прежними товарищами своими по корпусу, служившими тогда въ Петербургѣ. Въ это время пріѣхалъ туда и Пестель. Въ послѣдствіи я узналъ, что цѣль поѣздки его состояла въ томъ, чтобы убѣдить Петербургское общество дѣйствовать въ смыслѣ южнаго, въ чемъ онъ и успѣлъ. Но мнѣ онъ ничего объ этомъ не говорилъ, и я все это узналъ уже въ Сибири [15]).

Киселевъ, обласканный Государемъ, отправился съ женою за границу въ Парижъ, а я возвратился въ Тульчинъ, получивъ чрезъ Бурцева согласіе покойной жены и ея матери на мое предложеніе.

Пріѣхавши въ Тульчинъ, я вскорѣ соединилъ судьбу свою съ тою, которая дала вкусить мнѣ истинное на землѣ счастіе. Союзъ нашъ былъ кратковременный, но одиннадцать мѣсяцевъ такого счастія достаточно, чтобы усладить прежними воспоминаніями горечь тридцатилѣтней ссылки и неразлучныя съ ней нравственныя и физическія лишенія.

Передъ женидьбою моею я открылъ будущей женѣ своей, что принадлежу къ тайному обществу, и что хотя значеніе мое въ немъ неважное, но что не менѣе того можетъ и со мной послѣдовать такое бѣдствіе, которое ей трудно будетъ переносить. Она отвѣчала мнѣ, что идетъ не за дворянина, адъютанта, или будущаго генерала, а за человѣка, избраннаго ея сердцемъ, и что въ какомъ бы положеніи человѣкъ этотъ ни находился, въ палатахъ, или въ Петербургѣ при Дворѣ, или въ Сибири, судьба ея будетъ совершенно одинакова. Этотъ отвѣтъ успокоилъ совершенно мою совѣсть.

Въ это время старшій братъ мой, женатый, находился съ своей артилерійской ротой близъ Тульчина. Мы часто

---

15) Бывая въ Петербургѣ у одного изъ моихъ товарищей по корпусу, офицера гвардейскаго генер. штаба Корниловича, я имѣлъ случай встрѣчать у него раза два К. Ѳ. Рылѣева. Хотя я не зналъ тогда, что онъ былъ членомъ общества, но его разговоръ, его пылкая живая натура, мнѣ очень понравились.

видѣлись съ нимъ, и въ жизни моей мнѣ ровно ничего не доставало. Небольшой кругъ близкихъ родныхъ, добрыхъ, умныхъ и образованныхъ знакомыхъ, уваженіе и расположеніе начальства, небольшія, но достаточныя средства къ семейной жизни, однимъ словомъ, все казалось улыбалось мнѣ. Но туча была не далеко, и первый ударъ грома долженъ былъ разразиться надо мною. Съ возвращеніемъ Киселева, я назначенъ былъ старшимъ адъютантомъ въ главный штабъ 2-й арміи. На этой должности занятія мои были опредѣленнѣе, и я могъ съ бо́льшимъ удобствомъ располагать своимъ досугомъ. Окончивъ часу во второмъ по полудни служебныя занятія, остальную часть дня я могъ посвящать семейной жизни и тѣмъ развлеченіямъ, которыя согласовались съ моимъ характеромъ и характеромъ моей жены. Помню, что однажды я читалъ какъ-то женѣ моей только что тогда вышедшую поэму Рылѣева *Войнаровскій* и при этомъ невольно задумался о своей будущности. О чемъ ты думаешь? спросила она. «Можетъ быть и меня ожидаетъ ссылка» сказалъ я.—Ну чтожъ, я также приду утѣшить тебя, раздѣлить твою участь. Вѣдь это не можетъ разлучить насъ, такъ объ чемъ же думать? прибавила она, съ улыбкой.—Воображалъ ли я тогда, что чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, она будетъ въ землѣ, а я чрезъ полтора года въ Сибири.

Кто-то сказалъ: счастливцы не знаютъ времени, для нихъ нѣтъ прошедшаго, и имъ нечего говорить о себѣ. Такъ было и со мною.

Въ Августѣ 1825 года, кончина жены моей, послѣ благополучныхъ родовъ, отъ простуды, разрушила основаніе моего счастія. Не стану говорить ни о болѣзни, ни о томъ что̀ происходило со мной и что̀ я перечувствовалъ при ея потерѣ. Этимъ я не могу и не хочу дѣлиться ни съ кѣмъ. Да и какое дѣло постороннему, кто станетъ читать эти строки, знать все что̀ происходило въ сердцѣ, въ мысляхъ, въ чувствахъ, однимъ словомъ во внутреннемъ мірѣ такого незначительнаго лица какъ я, этой незамѣтной песчинки въ мірѣ созданій?

Весь Сентябрь я былъ боленъ: у меня отнялись ноги. Въ Октябрѣ же взялъ отпускъ и отправился въ Москву къ роднымъ и другому брату моему, жившему во Владимірѣ. По окончаніи отпуска, въ Декабрѣ мѣсяцѣ, я выѣхалъ изъ Владиміра. На дорогѣ къ Москвѣ, въ г. Богородскѣ, остановясь на нѣсколько минутъ у одного родственника своего, я узналъ, совсѣмъ неожиданно, о кончинѣ Императора Александра.

Въ Москвѣ, когда я пріѣхалъ, всѣ уже присягнули Константину Павловичу. Проживъ тамъ нѣсколько дней, я по-

ѣхалъ въ Тульчинъ чрезъ Смоленскъ и Могилевъ на Днѣпрѣ. Въ Дорогобужѣ я прочелъ въ газетахъ отреченіе Константина и вступленіе на престолъ Николая. Пріѣхалъ въ Могилевъ; меня потребовали къ главнокомандующему первой арміей графу Сакену, полагая, что я ѣду изъ Петербурга. Тутъ я узналъ о возстаніи 14 Декабря.

Это было въ самое Рождество Христово. Сакенъ оставилъ меня обѣдать у себя. За столомъ всѣ толковали только о 14-мъ. Старики-генералы ужасались, бранили мятежниковъ, превозносили новаго Государя. Молодежъ молчала и значительно переглядывалась между собою. Я замѣтилъ въ нѣкоторыхъ симпатію къ побѣжденнымъ. Впослѣдствіи оказалось, что между ними было нѣсколько членовъ нашего общества.

По дорогѣ къ Житомiру, не помню на какой-то станціи, вечеромъ, я встрѣтилъ фельдъегеря, ѣхавшаго въ Петербургъ. Съ нимъ вошелъ человѣкъ огромнаго роста, закутанный въ шубу; увидѣвъ меня, онъ остановился въ углу почтовой комнаты. На столѣ стояла только одна свѣча, и нельзя было хорошо разсмотрѣть его лице, обвязанное шарфомъ. Мнѣ показалось однако, что онъ походилъ на капитана Майбороду, котораго я зналъ въ нашей арміи. Дѣйствительно, какъ я узналъ потомъ, это былъ онъ. Въ слѣдъ за фельдъегеремъ, ѣхалъ генералъ-адъютантъ Чернышевъ. Первый заготовлялъ ему лошадей и предъявлялъ подорожную. Я узналъ объ этомъ отъ смотрителя станціи, по отъѣздѣ фельдъегеря. Не зная ничего о доносѣ Майбороды, я очень удивился встрѣчѣ съ Чернышевымъ и съ человѣкомъ похожимъ на Майбороду. Въ Бердичевѣ я встрѣтился съ Пестелемъ, но не могъ говорить съ нимъ, потому что онъ находился въ другой комнатѣ, и фельдъегерь не отходилъ отъ него. Мнѣ сказалъ объ этомъ знавшій его смотритель. Тутъ же я убѣдился, что въ Тульчинѣ арестуютъ тоже нѣкоторыхъ членовъ общества, и полагалъ, что это вслѣдствіе происшествія 14 Декабря.

Въ Летичевѣ, ночью, я встрѣтилъ двухъ братьевъ Крюковыхъ. Они уже выѣзжали со станціи, когда я пріѣхалъ, и потому я не могъ ничего разспросить у нихъ; съ ними былъ тоже фельдъегерь.

Я спѣшилъ пріѣхать скорѣе въ Тульчинъ, чтобы узнать, что̀ тамъ дѣлается. Къ вечеру 27 числа я туда прибылъ и остановился у Вольфа, котораго засталъ дома. Онъ разсказалъ все что̀ тамъ безъ меня происходило: доносъ Майбороды [16]), пріѣздъ Чернышева изъ Таганрога, арестъ Пестеля, Юшневскаго, Барятинскаго и другихъ.

---

[16]) Майборода служилъ капитаномъ въ полку Пестеля и показывалъ всегда

На другой день рано утромъ, я отправился къ Киселеву. На дорогѣ встрѣтилъ князя Урусова, его адъютанта.

Послѣ первыхъ привѣтствій, онъ сообщилъ мнѣ, что имя мое находится тоже въ спискѣ членовъ общества, представленномъ при доносѣ Майбороды, и предложилъ скрыть мои бумаги, если есть такія, которыя могутъ мнѣ повредить. При этомъ онъ упрекалъ меня, что, будучи такъ коротокъ съ нимъ, я не принялъ его въ общество, даже просилъ принять его теперь. Усмѣхнувшись, я отвѣчалъ ему, что вмѣсто упрека онъ долженъ благодарить меня.

Пришедши съ Урусовымъ къ Киселеву, я былъ позванъ имъ сейчасъ въ кабинетъ. Вотъ мой съ нимъ разговоръ. «Вы принадлежите къ тайному обществу», сказалъ онъ, какъ только мы остались одни — «отрицать этого вы не можете. Правительству все извѣстно, и совѣтую вамъ чистосердечно во всемъ признаться». Тонъ, которымъ онъ говорилъ мнѣ и *вы*, на которое онъ какъ будто нарочно ударялъ, удивили меня. «Я бы желалъ знать, в. п., отвѣчалъ я, какъ вы спрашиваете меня, какъ начальникъ штаба офиціально, или просто какъ Павелъ Дмитріевичъ, съ которымъ я привыкъ быть откровеннымъ». «Разумѣется какъ начальникъ штаба», возразилъ онъ. «Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, не угодно ли будетъ в. п. сдѣлать мнѣ вопросы на бумагѣ,—я буду отвѣчать на нихъ. На словахъ же мнѣ и больно и непріятно будетъ говорить съ вами, какъ съ судьею, и смотрѣть на васъ просто какъ на правительственное лицо». Онъ задумался и потомъ сказалъ: «Хорошо, вы получите вопросы». Я поклонился и хотѣлъ удалиться, но когда подходилъ къ двери, онъ вдругъ сказалъ, перемѣнивъ тонъ: «Приходи же

большую къ нему преданность. Отчасти я былъ причиною поступленія его въ Вятскій полкъ. Пестель просилъ Киселева назначить къ нему хорошихъ фронтовыхъ офицеровъ изъ другихъ полковъ, и я, зная нѣсколько Майбороду, служившаго тогда въ 34 егерск., рекомендовалъ его Пестелю, который дѣйствительно нашелъ въ немъ отличнаго фронтовика. Впослѣдствіи онъ принялъ его въ общество и довѣрился ему. Въ 1825 году онъ отправленъ былъ Пестелемъ въ Москву для пріемки изъ коммисаріата полковыхъ вещей и какихъ-то суммъ. Промотавъ тамъ деньги и видя, что ему предстоитъ гибель, онъ рѣшился на доносъ, отправивъ его Императору Александру въ Таганрогъ. По восшествіи Николая, Майборода былъ переведенъ въ гвардію тѣмъ же чиномъ. Вскорѣ долженъ былъ однако выйти въ армію, гдѣ ему тоже было плохо, такъ что наконецъ онъ вышелъ въ отставку. Вступивши нѣкоторое время опять въ службу на Кавказъ, онъ тамъ, въ припадкѣ сумасшествія, перерѣзалъ себѣ горло, вѣроятно отъ угрызенія совѣсти. Другому доносчику, Шервуду-Вѣрному, также не посчастливилось. Онъ долженъ былъ кинуть службу, надоѣлъ Государю своими наглыми требованіями, семь лѣтъ содержался въ крѣпости и наконецъ жилъ въ Москвѣ въ крайней бѣдности. Мнѣ случилось въ 1838 году встрѣтиться съ нимъ въ одномъ магазинѣ. По обращенію съ нимъ знавшихъ его лицъ, по его одеждѣ, наружности, нельзя было не замѣтить, что онъ находится въ самомъ незавидномъ положеніи.

обѣдать къ намъ, либералъ; мы съ тобой давно не видались». Тонъ, съ которымъ онъ произнесъ эти слова, меня тронулъ. «Я обѣдаю сегодня съ родными и потому не могу воспользоваться вашимъ приглашеніемъ, а позвольте лучше придти къ вамъ вечеромъ», отвѣчалъ я.

Отъ Киселева я пошелъ къ дежурному генералу. Тотъ принялъ меня ласково, даже дружески, и просилъ немедленно вступить въ должность. Отобѣдавъ со своими и проведя съ ними нѣсколько часовъ, я отправился вечеромъ къ Киселеву. Въ гостинной я засталъ одну его супругу. Мы съ нею были очень хороши, и она обрадовалась, увидѣвшись со мною. M-r. B., сказала она съ чувствомъ, vous savez bien tout l'interêt que je vous porte, et bien, il faut que vous vous decidiez à prendre votre parti. J'ai assisté à toutes les conversations de mon mari avec le g-l Tchérnicheff; et je puis vous assurer que tous ceux qui veulent être sauvés, n'ont qu'à se jeter aux pieds de l'Empereur et lui avouer franchement leur participation à la Societé.—M-me, отвѣчалъ я, vous me conseillez une chose qui repugne à ma consience et que j'envisage comme une lacheté.—Je m'attendais à cette reponse, сказала она, vous périrez, mais vous périrez en honnête homme, et croyez que mon estime pour vous n'en sera qu'augmenté».

Вскорѣ пришелъ генералъ, и еще кое-кто изъ военныхъ. Мы провели вечеръ, какъ будто ничего не было особеннаго. Онъ былъ со мною также добръ и любезенъ, какъ и прежде. Говорили болѣе о посторонникъ вещахъ, и послѣ ужина я ушелъ, довольный тѣмъ, что не ошибся въ моемъ объ немъ мнѣніи.

На другой день, придя на службу въ главный штабъ и садясь за свой столъ, я открылъ ящикъ, чтобы посмотрѣть бывшія тамъ бумаги. Между ними совсѣмъ неожиданно я нашелъ паспортъ за границу, которымъ я могъ воспользоваться, безъ всякаго сомнѣнія въ успѣхѣ. Вотъ какъ онъ очутился тутъ. Мѣсяца четыре назадъ, не помню въ Іюлѣ или Августѣ, дивизіонный нашъ докторъ Шлегель (бывшій потомъ президентомъ Медицинской Академіи) пришелъ однажды ко мнѣ и просилъ дать ему совѣтъ, какъ вытребовать паспортъ для жившаго у него Француза, котораго онъ, вовремя кампаніи 1813 года, взялъ мальчикомъ лѣтъ одиннадцати, подъ Лейпцигомъ, и держалъ до этого времени безъ всякаго вида. Теперь же этотъ молодой человѣкъ пожелалъ возвратиться на родину въ г. Ліонъ, и для этого ему нуженъ былъ паспортъ. Я сказалъ ему, что пусть онъ объявитъ все это на бумагѣ, подпишетъ ее, засвидѣтельствуетъ все подписью 12 лицъ изъ служащихъ и потомъ представитъ при рапортѣ дежурному генералу, который вытребуетъ

отъ себя паспортъ отъ Одесскаго Французскаго консула. Все это было сдѣлано, консулъ прислалъ паспортъ дежурному генералу, оставивъ пробѣлы для отмѣтки мѣсяца и числа и вписанія примѣтъ. Онъ поступилъ ко мнѣ въ отдѣленіе для исполненія, а между тѣмъ Французъ раздумалъ отправиться на родину и остался опять у Шлегеля. Паспортъ сохранялся въ столѣ и былъ совершенно забытъ до того времени, какъ я нечаянно отыскалъ его и тогда только объ немъ вспомнилъ. Признаюсь, долго я думалъ о томъ, чтобы, выставивъ свои примѣты, воспользоваться имъ для избѣжанія ареста. Тульчинъ находится въ 250 верстахъ отъ границы. Въ одни сутки мнѣ легко было уже быть внѣ всякаго преслѣдованія. Отлучиться не только на день, но на два, на три, я могъ, не подавая никакого подозрѣнія. Стоило только сказать дежурному генералу, что я ѣду повидаться съ Аврамовымъ или Бурцевымъ, стоявшими съ своими полками въ окрестностяхъ Тульчина. Изъ Петербурга обо мнѣ еще не было никакого распоряженія.

Но мысль оставить родину въ такое время, когда угрожаетъ опасность, отдѣлить свою судьбу отъ судьбы товарищей и навлечь подозрѣніе, а можетъ быть и негодованіе правительства на моихъ начальниковъ, отъ которыхъ кромѣ ласки и благосклонности я ничего не видалъ,—все это вмѣстѣ заставило меня отказаться отъ перваго помысла и, чтобы избавиться навсегда отъ искушенія, я тутъ же изорвалъ и сжегъ паспортъ.

Вскорѣ Киселевъ долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ съ присягою отъ арміи. Передъ отъѣздомъ его, я пришелъ съ нимъ проститься. «Любезный другъ, сказалъ онъ мнѣ, не знаю, до какой степени ты замѣшанъ въ этомъ дѣлѣ; помочь я тебѣ ничѣмъ не могу; не знаю даже, какъ я самъ буду принятъ въ Петербургѣ. Все, въ чемъ я могу увѣрить тебя, это въ моемъ къ тебѣ уваженіи, которое не измѣнится, что бы ни случилось съ тобою». Мы обнялись, и съ тѣхъ поръ я уже болѣе не видалъ его.

Утромъ 8-го Января 1826 года, я, по обыкновенію, пришелъ въ штабъ и сѣлъ за свое дѣло. Дежурный генералъ позвалъ меня и, показавши предписаніе военнаго министра, объявилъ мнѣ, что вмѣстѣ со многими другими велѣно меня арестованнаго привезти въ Петербургъ. Онъ это говорилъ почти со слезами и потомъ спросилъ меня, увидимся ли мы? Я отвѣчалъ: «Богъ знаетъ». Подумавши, онъ сказалъ на это: «Вѣдь у васъ нѣтъ ничего на бумагѣ? Въ такомъ случаѣ: нѣтъ, нѣтъ и до конца нѣтъ, и мы еще свидимся. Завтра я пріѣду запечатать ваши бумаги, будьте готовы. Отправляться же можете, когда хотите; вы вѣроятно еще не отдохнули отъ дороги; можно повременить

нѣсколько дней.»—«Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше, ваше превосходительство, отвѣчалъ я, неизвѣстность хуже всего. Позвольте мнѣ ѣхать послѣ завтра, и если можно вмѣстѣ съ Вольфомъ.» Онъ охотно согласился на это.

Грустно было для меня все это время, а особенно при воспоминаніи о прежней счастливой жизни моей. Я находилъ утѣшеніе въ ласкахъ и сочувствіи родныхъ жены моей, вмѣстѣ съ которыми тогда жилъ, и въ дружескомъ вниманіи сослуживцевъ, которые не принадлежали къ обществу и слѣдовательно не опасались быть арестованными.

Насталъ наконецъ день отъѣзда. Послѣдній вечеръ я пробылъ у матушки жены моей. Тутъ собрались кое-кто изъ близкихъ друзей нашихъ, пріѣзжалъ проститься и дежурный генералъ. Отужинали, грустно простились и обнялись въ послѣдній разъ. Я сѣлъ съ Вольфомъ въ одну повозку, два жандарма въ другую, и мы отправились, напутствуемые ихъ благословеніями. Какъ теперь помню, меня растрогала очень меньшая сестра покойной жены, 11ти-лѣтняя умненькая и очень острая дѣвочка. Она плакала неутѣшно и, видя, что я укладываю въ чемоданъ двѣ Англійскія книги, спросила меня: зачѣмъ это? «Отъ скуки буду учиться въ крѣпости поанглійски, мой другъ», сказалъ я. «Боюсь, братецъ, что вы забудете тамъ и Русскій языкъ», возразила она, и при этомъ слезы градомъ полились изъ ея глазъ.

Дорогой мы встрѣчали нерѣдко арестованныхъ съ фельдъегерями и жандармами. Видѣться мы не могли ни съ кѣмъ изъ нихъ. Мы уговорились съ Вольфомъ при допросахъ молчать и не говорить ничего, чтобы не запутать товарищей. Это было неблагоразумно и безполезно.

Наконецъ мы прибыли въ Петербургъ. Насъ привезли въ главный штабъ. Тамъ принялъ насъ старшій адъютантъ, сколько помнится, Яковлевъ. Онъ что-то записалъ и приказалъ вести насъ на дворцовую гауптвахту.

Когда мы вошли туда и жандармъ изъ главнаго штаба, отправленный съ нами, подалъ записку дежурному офицеру, тотъ послалъ за плацъ-маіоромъ, а сей послѣдній распорядился отправленіемъ нашихъ людей и вещей въ назначенное мѣсто; потомъ обыскалъ насъ, отобралъ деньги и разсадилъ порознь въ какія-то небольшія, темныя комнаты со стеклянными дверями. Тутъ случилось маленькое происшествіе, затруднившее коменданта и плацъ-маіора и которое доказало преданность ко мнѣ человѣка моего, мальчика лѣтъ 18-ти. Плацъ-маіоръ, обыскавъ меня и посадивъ въ темную комнату, приказалъ ему ѣхать съ повозкой, куда скажетъ жандармъ. Мой Василій отвѣчаетъ ему, что онъ пріѣхалъ съ господиномъ своимъ для услугъ и что безъ моего приказанія онъ не оставитъ меня. Плацъ-маіоръ за-

кричалъ было на него; но тотъ, не теряясь, очень спокойно отвѣчалъ тоже и прибавилъ, что, исполняя свою обязанность, онъ не думаетъ грубить этимъ его высокоблагородію. Въ это время вошелъ комендантъ Башуцкій (извѣстный своею простотою). Плацъ-маіоръ разсказалъ ему, въ чемъ дѣло, и тотъ, подойдя къ моему человѣку, приказываетъ ему исполнить распоряженіе плацъ-маіора. Отвѣтъ и ему былъ тотъ же. «Какъ ты смѣешь такъ говорить со мной! вскричалъ Башуцкій. Ты видишь, кто я?»—«Я ничего не сказалъ противнаго, ваше превосходительство, возразилъ мой человѣкъ. Вижу, что вы генералъ и то, что̀ говорю вамъ, готовъ повторить передъ самимъ Государемъ». «Каковы господа, таковы и люди!», замѣтилъ Башуцкій. Я былъ свидѣтелемъ этой сцены за стеклянными дверями. Видно было, что Башуцкій и плацъ-маіоръ были въ затрудненіи, какъ поступить. Наконецъ, поговоря между собою, рѣшились обратиться ко мнѣ, отворили дверь и сказали, чтобы я приказалъ моему человѣку повиноваться ихъ распоряженіямъ. «Дѣлай, что̀ прикажетъ генералъ, сказалъ я ему, любезный Вася. Ты не можешь оставаться со мной». У него полились слезы изъ глазъ, и онъ едва могъ проговорить: «Слушаю-съ». Тогда я обратился къ Башуцкому и попросилъ его позволить мнѣ изъ отобраннаго у меня бумажника дать нѣсколько денегъ моему человѣку: изъ разговора ихъ между собою я могъ догадаться, что человѣкъ мой долженъ будетъ оставаться въ Петербургѣ до окончанія нашего дѣла. Комендантъ охотно согласился на это, подалъ мнѣ бумажникъ мой, и я, вынувъ сто рублей, отдалъ ихъ моему Василію, обнялъ его и вошелъ опять въ свою темную комнату.

Въ продолженіи дня привезли еще нѣсколько арестантовъ. Нѣкоторыхъ я прежде видалъ въ Москвѣ. То были полковникъ Граббе и Муравьевъ Ал. Ник.; ихъ посадили тоже въ отдѣльныя комнаты. Вечеромъ, меня повели во дворецъ, въ покои Государя, для допроса. Въ комнатѣ, гдѣ посадили меня за ширмы, безпрестанно бѣгали люди съ подносами и чашками. Минутъ чрезъ пять, офицеръ фельдъегерскаго корпуса взялъ меня за руку и ввелъ въ большую залу, увѣшанную картинами. Я узналъ Эрмитажную галлерею. У стѣны раскрытъ былъ небольшой столикъ, за которымъ сидѣлъ генералъ Левашевъ; предъ нимъ чернильница и нѣсколько листовъ бѣлой бумаги. Онъ предложилъ было мнѣ сѣсть противъ него, но вдругъ вошелъ тотъ же фельдъегерь и доложилъ о прибытіи князя Волконскаго (члена общества, генералъ-маіора). Тогда Левашевъ очень учтиво извинился, что долженъ отложить до завтрашняго дня допросъ мой. Меня опять отвели въ прежнюю комнату на гауптвахтѣ.

Утромъ на другой день повели меня опять къ допросу. Левашевъ сидѣлъ на прежнемъ мѣстѣ, и я только что успѣлъ сѣсть противъ него, какъ вошелъ Государь въ сюртукѣ безъ эполетъ. Я всталъ и поклонился ему. «Говорите всю правду», сказалъ онъ мнѣ сурово, «и если скроете что нибудь, то пеняйте на себя». Съ сими словами, онъ вышелъ въ противоположную дверь. Левашевъ указалъ мнѣ опять на мое мѣсто и началъ допросъ: «Когда вы вступили въ общество и кѣмъ были приняты?» спросилъ онъ, приготовляясь записывать мои отвѣты. «Ваше превосходительство, сказалъ я, не считая себя членомъ тайнаго общества, рѣшительно не знаю, что̀ сказать вамъ». «Стало быть, вы ничего не хотите говорить? возразилъ онъ,—подумайте, это только можетъ повредить вамъ. Правительству и безъ васъ все извѣстно». Я молчалъ. «Вы, господа, не хотите довѣриться милосердію Государя и заставляете его поступать съ вами со всею строгостію нашихъ законовъ. Пеняйте, какъ онъ самъ вамъ сказалъ, на себя». Послѣ этого онъ написалъ какую-то записку, на минуту вышелъ и потомъ, отдавая ее фельдъегерю, приказалъ мнѣ идти за нимъ. Эта записка вѣроятно была къ коменданту крѣпости, подписанная Государемъ...

Обращаюсь къ прежнему. Зайдя на гаубвахту и взявъ кое-какія вещи свои, я отправился съ фельдъегеремъ въ крѣпость. Тамъ онъ представилъ меня коменданту и вручилъ ему записку Левашева. Генералъ Сукинъ велѣлъ позвать плацъ-маіора и сдалъ меня ему; мы отправились съ нимъ и съ плацъ-адъютантомъ въ Кронверскую куртину и какими-то темными коридорами дошли до назначеннаго мнѣ каземата,—маленькой въ четыре шага длины и ширины комнатки, у которой окошко было вымазано моломъ и гдѣ находились лазаретная кровать, столикъ и небольшая желѣзная печь. Тутъ плацъ-маіоръ совершенно раздѣлъ меня, осмотрѣлъ все что̀ было на мнѣ, отобралъ даже обручальное кольцо и, взялъ все это съ собой, оставивъ мнѣ двѣ рубашки, сюртукъ, брюки и лазаретный халатъ. По выходѣ его, дверь снаружи заперли. Въ коридорѣ ходилъ часовой и часто поглядывалъ ко мнѣ въ прорубленное у двери окошечко, завѣшенное съ его стороны холстомъ.

Тотъ, кто не испыталъ въ Россіи крѣпостнаго ареста, не можетъ вообразить того мрачнаго, безнадежнаго чувства, того нравственнаго упадка духомъ, скажу болѣе, того отчаянія, которое не постепенно, а вдругъ овладѣваетъ человѣкомъ, переступившимъ за порогъ каземата. Всѣ его отношенія съ міромъ прерваны, всѣ связи разорваны. Онъ остается одинъ передъ... властію, на него негодующею, которая можетъ дѣлать съ нимъ что хочетъ, даже совершенно

забыть о немъ, и ни откуда никакой помощи, ни откуда даже звука въ его пользу. Впереди ожидаетъ его постепенное нравственное и физическое изнуреніе; онъ разстается со всякой надеждой на будущее, ему представляется ежеминутно, что онъ погребенъ за живо, со всѣми ужасами этого положенія. Послѣ тридцати лѣтъ ссылки, исполненныхъ множествомъ испытаній, я до сихъ поръ безъ содроганія не могу вспомнить о первомъ днѣ, который я провелъ въ казематѣ Петропавловской крѣпости. Удивляюсь, какъ, въ наше время, когда филантропическія идеи не считаются мечтою, утопіями, когда сами правители и земные владыки, болѣе или менѣе стараются согласовать съ ними свои дѣйствія, когда пытка вездѣ уничтожена и признается всѣми безполезною жестокостью, существуетъ еще крѣпостное одиночное заключеніе. Это нравственная пытка, болѣе разрушительная для человѣка, нежели пытка тѣлесная.

То что̀ я испыталъ и перечувствовалъ въ первый день заключенія моего въ казематѣ, — описать невозможно. Съ одной стороны воспоминанія прошедшаго, еще столь свѣжія, съ другой весь ужасъ настоящаго и безнадежное будущее. Ночью я нѣсколько разъ вскакивалъ съ своего жесткаго ложа и не понималъ, гдѣ нахожусь. Сна не было, а какая-то тягостная дремота, еще болѣе волновавшая мои разстроенныя мысли. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ дневнаго свѣта и воображалъ уже, что помѣшанъ въ разсудкѣ. Утро застало меня совершенно изнуреннымъ [17]).

Часовъ въ 9-ть по утру отперли казематъ и принесли булку, два куска сахару, чашку и чайникъ съ очень жидкимъ чаемъ. Помню, какъ въ первый разъ я обрадовался этому. Первая мысль моя была: стало быть, меня не забыли, помнятъ, что я живъ, заботятся о моемъ существованіи! Я сталъ пить чай, а сторожъ въ это время убиралъ кое-что въ казематѣ; на вопросъ мой о чемъ-то, онъ не отвѣчалъ. Я спросилъ сквозь дверь у часоваго, который часъ,—тоже молчаніе. Отвѣчали сами часы: въ эту минуту на Петропавловской колокольнѣ пробило девять.

Сознаюсь откровенно, что, въ продолженіи первыхъ двухъ недѣль моего заключенія, я такъ ослабъ нравственно, такъ упалъ духомъ, что до сихъ поръ благодарю Бога, что меня въ это время не звали въ комитетъ. Не мудрено, что, будучи въ этомъ состояніи, я легко бы сдѣлалъ такія показанія, которые бы тревожили и теперь мою совѣсть.

Эти двѣ недѣли мнѣ все представлялось, что я помѣшался или, по крайней мѣрѣ, долженъ скоро сойти съ ума.

---

17) Я увѣренъ, что первая болѣзнь, которою я до сихъ поръ страдаю, возымѣла свое начало въ крѣпости и съ лѣтами развилась потомъ.

Каждое свое движеніе, каждое дѣйствіе, я считалъ противнымъ здравому смыслу. Если я обращался съ вопросомъ къ сторожу, или требовалъ отъ него услуги, мнѣ сейчасъ приходило на мысль, что это неестественно, что въ моемъ положеніи человѣкъ, съ яснымъ разсудкомъ, не сталъ бы заниматься такими пустяками. Если, забывшись, я напѣвалъ какой нибудь знакомый мотивъ, то мнѣ сейчасъ воображалось, что это признакъ помѣшательства. Наконецъ даже самая эта мысль о помѣшательствѣ, отъ которой я никакъ не могъ отдѣлаться, стала тревожить меня. Мнѣ казалось, что именно на этой-то мысли я и могу сойти съ ума и что, не имѣя силы отогнать ее отъ себя, я уже начинаю терять разсудокъ.

Благодарю тебя, Создатель мой, что Ты мнѣ далъ возможность, и волю, и силу преодолѣть это гибельное настроеніе моихъ мыслей. Проведя такимъ образомъ болѣе двухъ недѣль, я однажды съ рѣшимостью подумалъ о томъ, какъ бы выйти изъ такого положенія. Я понялъ, что единственное средство не думать объ этомъ состояло въ томъ, чтобы найти себѣ какое нибудь занятіе. Но какое занятіе могъ я найти въ этомъ тѣсномъ, душномъ и темномъ жилищѣ? Книгъ мнѣ не давали, ни бумаги, ни пера, ни чернилъ не позволяли имѣть. Въ первое время я не могъ ни съ кѣмъ разговаривать. Часовой не отвѣчалъ даже на вопросы мои и ходилъ по коридору какъ автоматъ, поднимая каждую четверть часа навѣшанный кусокъ холстины и наблюдая что̀ я дѣлаю. Сторожъ понемногу начиналъ ко мнѣ привыкать; но видно, что боялся вступить со мной въ разговоръ, опасаясь безъ надобности оставаться у меня. Однимъ словомъ, я всячески ломалъ себѣ голову и наконецъ придумалъ слѣдующее:

Въ головѣ моей еще было свѣжо все то, чему я учился. Память у меня тогда была хорошая, и вотъ я вздумалъ задавать себѣ вопросы по всѣмъ тѣмъ отраслямъ познаній, въ которыхъ я имѣлъ нѣкоторыя свѣдѣнія, обсуживать и дѣлать эти вопросы, какъ задачи или какъ предположенія, которыя я долженъ былъ приводить въ исполненіе. Вопросы эти были нерѣдко чисто-нравственныя или религіозныя; иногда задачи математическія, иногда планы военныхъ дѣйствій, административныхъ мѣръ, политическихъ учрежденій, промышленныхъ предпріятій. Я сначала предполагалъ и опредѣлялъ данныя, которыя служили основаніемъ моихъ соображеній и потомъ разсуждалъ и рѣшалъ, какъ бы я распорядился и дѣйствовалъ этими данными, для достиженія такой-то цѣли. Я досталъ маленькой обломокъ стали; онъ служилъ мнѣ для того, чтобы отмѣтить на окошкѣ, стѣнѣ или столѣ то, что̀ мнѣ нужно было припомнить. Та-

кимъ образомъ я проводилъ по нѣскольку часовъ и могъ продолжать свои занятія, даже въ темнотѣ. Вставши по утру и помолившись мысленно Богу (потому что мнѣ непріятно было наблюденіе часоваго) я убиралъ самъ постель и казематъ, звалъ сторожа, пилъ чай, который онъ мнѣ приносилъ обыкновенно, потомъ приступалъ къ своимъ занятіямъ до самаго обѣда. Отобѣдавши, ложился уснуть и вставши опять принимался за свое дѣло, начиная съ того именно вывода, заключенія или пункта, на которомъ остановился. Въ казематѣ я легко понялъ, какъ слѣпые и глухонѣмые научаются читать, говорить, слышать. Непостижимымъ покажется для тѣхъ, которые не испытали этого, какъ изощряются физическіе органы и умственныя способности человѣка при тѣхъ случаяхъ, когда отняты способы легкаго и удобнаго отправленія тѣхъ и другихъ. Впослѣдствіи многіе изъ насъ, проведя нѣкоторое время въ заключеніи, изобрѣли способъ знаками сообщаться между собою, чрезъ каменную огромной толщины стѣну, не обращая на себя вниманія соглядатаевъ, съ помощію такой азбуки, которую не легко даже придумать и объяснить на словахъ, а тѣмъ болѣе передать другому (посредствомъ легкаго стука въ стѣну).

Съ этихъ поръ мысли мои начали приходить въ обыкновенный порядокъ, скажу болѣе, стали даже яснѣе, и страхъ сойти съ ума, ослабѣвая мало по малу, совсѣмъ прекратился. Духомъ я сдѣлался даже покойнѣе, а убѣжденіе, что эта временная жизнь—ровно ничего не значитъ въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ ожидаетъ насъ въ будущемъ мірѣ и что не стоитъ даже думать о ней, окончательно укрѣпило мои нравственныя силы.

Въ концѣ Января мѣсяца меня позвали въ Комитетъ къ допросу. Это было ночью, часу въ одиннадцатомъ. Я уже спалъ, когда вошелъ плацъ-маіоръ и велѣлъ мнѣ одѣваться. Мнѣ завязали глаза, на голову надѣли колпакъ, чтобы я ничего ни могъ видѣть, взяли за руку и такимъ образомъ вывели меня изъ куртины. Мы доѣхали въ саняхъ до Комендантскаго дома: плацъ-маіоръ ввелъ меня по лѣстницѣ въ небольшую комнатку и посадилъ за ширмы. Я слышалъ, какъ около меня ходили, говорили шопотомъ, и наконецъ кто-то подойдя взялъ меня опять за руку и велѣлъ за собой слѣдовать. «Снимите повязку», сказалъ онъ мнѣ, останавливаясь. Я снялъ съ глазъ платокъ и увидѣлъ передъ собой священника. Мнѣ вдругъ было пришло на мысль, что насъ тайно разстрѣливаютъ и что священникъ долженъ приготовить меня къ смерти, но въ ту же минуту я понялъ всю неосновательность такой мысли. Пришедшій со мной господинъ былъ какой-то аудиторъ. Онъ сейчасъ удалил-

ся. Священникъ (протоіерей Казанскаго Собора Мысловскій, съ которымъ многіе изъ нашихъ товарищей впослѣдствіи очень сблизились и котораго до сихъ поръ они считаютъ человѣкомъ принимавшимъ въ насъ и личное сердечное участіе, чего однакожъ въ отношеніи меня я нисколько не замѣтилъ и въ чемъ, признаюсь откровенно, очень сомнѣваюсь) пригласилъ меня сѣсть на диванъ и началъ бесѣду, увѣряя, что онъ совсѣмъ не съ тѣмъ видится со мною, чтобъ стараться возбудить во мнѣ раскаяніе и уговаривать къ сознанію; что хотя это именно поручено ему Комитетомъ и составляетъ его обязанность, но что онъ хорошо понимаетъ, что такое порученіе должно необходимо возбудить къ нему наше недовѣріе; что не менѣе того, для него было бы чрезвычайно утѣшительно истребить въ насъ эту недовѣрчивость, чего впрочемъ онъ и надѣется достигнуть своимъ къ намъ сердечнымъ расположеніемъ: тогда мы вполнѣ бы убѣдились, что онъ ничего болѣе, какъ ревностный служитель алтаря, посланный Богомъ для утѣшенія насъ въ нашемъ грустномъ заключеніи. Къ этому онъ присовокупилъ, что онъ можетъ быть тоже и полезенъ намъ, передавая просьбы наши Комитету и стараясь въ нашу пользу у лицъ, отъ которыхъ зависитъ удовлетвореніе ихъ; что это есть, именно, единственная цѣль, которая заставила его принять на себя порученіе Государя и Комитета. Не мудрено, что я ошибаюсь, но я ни тогда не повѣрилъ и теперь не вѣрю этимъ словамъ. Я бы могъ сказать и нѣкоторыя причины моей недовѣрчивости къ нему; но, слышавъ впослѣдствіи очень много въ его пользу отъ нѣкоторыхъ изъ моихъ товарищей, я боюсь быть несправедливымъ и оставляю вопросъ: чисто ли, прямо ли дѣйствовалъ онъ въ отношеніи насъ, или лицемѣрно, не рѣшеннымъ. Его уже нѣтъ на свѣтѣ, и конечно онъ или достойно награжденъ за свое состраданіе, за свою любовь къ ближнему, или отдастъ строгій, но справедливый отчетъ въ своей двуличности. Я тогда отвѣчалъ ему довольно холодно, можетъ быть съ замѣтною недовѣрчивостію. Бесѣда наша продолжалась не долго, и въ послѣдствіи онъ былъ у меня въ казаматѣ только одинъ разъ, для исповѣди великимъ постомъ. Болѣе этого я не видалъ его. Меня вывели отъ него тѣмъ же путемъ и посадили опять за ширмы. Вскорѣ однакожъ повели куда-то и велѣли снять повязку. Вдругъ я увидѣлъ себя въ ярко освященной комнатѣ, передъ столомъ покрытымъ краснымъ сукномъ, около котораго сидѣли всѣ члены нашего Комитета, въ мундирахъ и регаліяхъ. Президентское мѣсто занималъ генералъ Татищевъ; по лѣвую руку его находились князь А. Н. Голицынъ, генералы: Дибичъ, Чернышевъ, Бенкендорфъ; по

правую Великій Князь Михаилъ Павловичъ, С.-Петербургскій военный генералъ-губернаторъ Кутузовъ, генералы: Левашевъ, Потаповъ, флигель-адъютантъ Адлербергъ. Въ сторонѣ сидѣли Блудовъ (теперешній графъ, бывшій дѣлопроизводитель Слѣдственной Коммиссіи). Вся эта обстановка должна была произвести внезапный и необходимый эффектъ на приведеннаго съ завязанными глазами арестанта. И дѣйствительно онъ былъ произведенъ на меня. Я нѣсколько смутился, очутясь вдругъ предъ трибуналомъ, состоявшимъ изъ такихъ высокихъ по своему значенію лицъ, и стоялъ безмолвно, ожидая вопроса. Генералъ Чернышевъ, глядя на меня сурово, взялъ какую-то бумагу и сказалъ, обращаясь ко мнѣ: Такой-то, такой-то и такой-то показываютъ, что вы принадлежите къ тайному южному обществу, имѣвшему цѣлію измѣнить въ Россіи существующій порядокъ государственнаго управленія;—говорите все то, что́ знаете и говорите правду!

«Я не считаю себя членомъ южнаго общества,» отвѣчалъ я, не оправившись еще совершенно отъ перваго впечатлѣнія. «Правда, что я былъ въ 1820 г. членомъ Союза Бла«годенствія, но съ 1821 г. не принималъ никакого участія, «и потому мнѣ извѣстно очень не много, да и то отчасти «вышло у меня изъ памяти. Если вашему превосходитель«ству угодно будетъ спросить меня о томъ, что́ я знаю, «то я буду отвѣчать со всею откровенностью въ отноше«ніи себя и умолчу только о томъ, что́ касается другихъ, «считая это безчестнымъ.»—«Вы, сударь, не имѣете понятія «о чести,» возразилъ онъ, крутя усы, и съ тѣмъ же суровымъ видомъ: «тотъ кто измѣняетъ присягѣ и возстаетъ «противу законной власти, не можетъ говорить о чести». Отвѣчать на это было нечего. Я молчалъ. «Знаете ли вы «что нибудь о Русской Правдѣ?» продолжалъ онъ, «этомъ «произведеніи превратнаго ума?»—«Не знаю ничего», сказалъ я твердо. «Васъ закуютъ въ кандалы и заставятъ го«ворить, если не хотите признаваться добровольно», вскричалъ онъ съ горячностію. Въ это время Великій Князь и прочіе члены молчали: нѣкоторые сидѣли понуривъ голову, другіе перешептывались между собою, Адлербергъ что-то отмѣчалъ карандашемъ, Кутузовъ дремалъ, но, услышавъ слово кандалы, протеръ глаза и повторилъ: *да, да, въ кандалы.* Это такъ меня возмутило, что, позабывъ всю мою отъ нихъ зависимость, я обратился къ Кутузову и сказалъ: «Ваше превосходительство были такъ утомлены, что вѣ«роятно не могли слышать, о чемъ спрашивалъ меня гене«ралъ Чернышевъ, а между тѣмъ раздѣляете его гнѣвъ «на меня; спрашиваю васъ самихъ, справедливо ли это?» Великій Князь усмѣхнулся, нѣкоторые изъ членовъ стали

шептаться живѣе, генералъ Дибичъ обратился къ Чернышеву и съ жаромъ сказалъ: «Нельзя же, А. И., всѣхъ зако«вывать въ кандалы; можетъ быть г. Б. говоритъ правду». Я посмотрѣлъ на него съ признательностію. Чернышевъ нѣсколько успокоился и сказалъ мнѣ съ видомъ менѣе суровымъ: «Ступайте, вамъ пришлютъ вопросы, отвѣчайте «на нихъ какъ можно откровеннѣе. Вы видите, какъ снис«ходительно поступаютъ съ вами». Блудовъ вывелъ меня въ другую комнату, гдѣ сидѣло и писало много чиновниковъ. Одинъ изъ нихъ принялъ меня отъ него и сдалъ плацъ-маіору, и тотъ свезъ, тѣмъ же порядкомъ, обратно въ казематъ. Хотя вся эта исторія перваго моего допроса продолжалась не болѣе полутора часа, но она меня чрезвычайно утомила, и я даже былъ радъ войдти въ свое грустное жилище. На другой день плацъ-адъютантъ принесъ мнѣ запечатанный конвертъ и чернильницу съ перомъ. Это были вопросы Комитета [18]). Я отвѣчалъ на нѣкоторые изъ нихъ, остерегаясь сказать лишнее слово, чтобы не повредить кому либо. Меня потомъ оставили на нѣкоторое время въ покоѣ.

Жизнь моя въ казематѣ шла однообразно. Сторожъ привыкъ ко мнѣ и даже меня полюбилъ. Часовые перестали бояться и не только отвѣчали на вопросы, но даже сами заговаривали. Каждый день посѣщали меня при обходѣ плацъ-маіоръ и плацъ-адъютанты. Я могъ по вечерамъ разговаривать съ сосѣдомъ моимъ маіоромъ Раевскимъ и такимъ образомъ, мало по малу, освоился съ этою однообразною и грустною жизнью.

Казематъ мой былъ чрезвычайно сыръ, будучи построенъ наскоро, передъ тѣмъ какъ меня туда посадили. Со стѣнъ текло, темнота не позволяла мнѣ дѣлать никакого движенія. Будучи отъ природы слабаго здоровья, перенеся многія серьезныя болѣзни, къ тому же испытавъ сильное душевное потрясеніе, не мудрено, что я не могъ выдержать все это. Я занемогъ грудною болью и кровохарканіемъ. Крѣпостной лекарь далъ мнѣ какіе-то порошки и предписалъ давать къ обѣду полбутылки пива; наконецъ объявилъ плацъ-маіору, что въ этомъ казематѣ я не поправлюсь и что меня надобно перевести туда, гдѣ не такъ сыро и гдѣ бы можно было дѣлать движеніе. Вслѣдствіе этого меня перевели на другой конецъ куртины и помѣстили въ казематъ болѣе пространный, но за то столь темный, что, пришед-

---

[18]) Онъ не отходилъ во все время, пока я писалъ отвѣты и торопилъ, чтобы я писалъ скорѣе. Отвѣты наши были на той же бумагѣ, на которой были написаны вопросы. Эти вопросы не были никѣмъ подписаны и отбирались тутъ же отъ насъ.

ши туда, я долго не могъ различить предметы въ немъ находящіеся, пока глаза мои не освоились съ мракомъ.

Тутъ сосѣдями моими были извѣстный Бестужевъ-Рюминъ, осужденный потомъ на смерть, и гвардейской офицеръ Андреевъ. Мы не замедлили познакомиться и какъ только запирали наши казематы и кончался послѣдній обходъ офицеровъ, то начинали бесѣдовать между собою и разговаривали часто за полночь. Часовые и сторожа не мѣшали говорить, и болѣе или менѣе познакомились съ нами. Сторожа же (гвардейскіе солдаты) такъ привыкли къ намъ и такъ привязались, что готовы были даже подвернуться взысканію, лишь бы только чѣмъ нибудь угодить намъ. Мнѣ тогда приходило на мысль и теперь даже иногда сомнительно, не подслушивали ли нашихъ разговоровъ лица, подсылаемыя нарочно правительствомъ. Но въ такомъ случаѣ надобно предположить, что наши сторожа и часовые были съ ними въ заговорѣ, а это трудно подумать, потому что я имѣлъ не одинъ разъ несомнѣнныя доказательства преданности къ намъ всѣхъ нижнихъ чиновъ, содержавшихъ караулы въ этой куртинѣ. Бестужевъ-Рюминъ былъ очень молодой человѣкъ съ самымъ пылкимъ воображеніемъ; сердце у него было превосходное, но голова не совсѣмъ въ порядкѣ. Иногда онъ былъ необыкновенно веселъ, а въ другое время ужасно мраченъ. Преданный душею и тѣломъ Сергѣю Муравьеву-Апостолу, онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ и самыхъ неосторожныхъ членовъ общества. Онъ содержался въ кандалахъ, его безпрестанно водили въ Комитетъ и присылали каждый день новые вопросы. Я полагаю, что по своей пылкости и неосторожности, онъ безъ всякаго умысла запуталъ отвѣтами своими много такихъ лицъ, которыя безъ этого легко бы скрыли отъ Слѣдственной Коммиссіи свое участіе.

Въ началѣ нашего заключенія, посѣщали насъ, по приказанію Государя, генералъ-адъютанты: Мартыновъ, Сазоновъ и Стрекаловъ. Они заходили на минуту въ каждый казематъ и спрашивали, не имѣетъ ли кто какой просьбы и довольны ли мы содержаніемъ. Просьбъ, кромѣ разрѣшенія курить табакъ, получать письма отъ родныхъ, разумѣется, никакихъ не было. Жалобъ тоже не могло быть. Должностныя лица въ крѣпости обращались съ нами вѣжливо, а въ отношеніи пищи, вѣроятно, никто и не думалъ объ ней. Правда, кормили насъ плохо. Телячій жиденькій супъ и кусочекъ жаренаго, тоже телятины, вотъ въ чемъ состоялъ обѣдъ нашъ, и всегда одно и тоже; притомъ мясо большею частію несвѣжее. Мнѣ такъ опротивѣла эта пища, что кромѣ чая съ булкою, которая была превосходна, и сушенаго чернаго хлѣба съ водою, тоже очень вкуснаго,

я ничего почти не ѣлъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи нельзя обвинять правительство, потому что оно очень достаточно отпускало на содержаніе арестантовъ: генералу полагалось въ сутки 5 р. асс., штабъ-офицеру—3, а оберъ-офицеру—1 р. 50. Но вѣроятно, какъ это бываетъ всегда у насъ въ Россіи, вслѣдствіе злоупотребленій со стороны тѣхъ, на кого возложено было наше продовольствіе, болѣе половины отпускаемой суммы шло въ собственныя ихъ карманы. По привычкѣ курить табакъ, я чувствовалъ необходимую въ этомъ потребность и потому сказалъ о томъ генералу Мартынову. Мнѣ позволили имѣть трубку и стали давать по четверти фунта въ недѣлю сноснаго курительнаго табаку.

Наступилъ свѣтлый праздникъ Воскресенія Христова; грустно встрѣтилъ я его въ моемъ заключеніи. Какая разница между тѣмъ же праздникомъ годъ тому назадъ! Хотя я уже началъ привыкать къ своему положенію и укрѣпился духомъ, но все таки не могъ равнодушно сравнить прошлое съ настоящимъ. Въ четвергъ на Святой недѣлѣ меня потребовали въ Комитетъ для очной ставки съ Пестелемъ. Мнѣ прочли его показаніе; оно состояло въ томъ, что, въ засѣданіи 1821 года, имъ говорено будто бы было объ учрежденіи въ Россіи республиканскаго правленія и что бывшіе тутъ члены Союза Благоденствія, не принявшіе рѣшенія Московскихъ членовъ, согласились съ его мнѣніями. Я отвѣчалъ, что у насъ никакого не было засѣданія [19]), но дѣйствительно, мы были собраны Бурцевымъ, который объявилъ намъ рѣшеніе Московскихъ членовъ; что, по удаленіи его, мы согласились остаться въ обществѣ и потомъ говорили о разныхъ предметахъ; что, сколько мнѣ помнится, я въ это время ходилъ по двору съ молодымъ Витгенштейномъ. Что же говорилъ Пестель, не могу рѣшительно припомнить теперь, а слѣдовательно не могу также ни отвергать, ни подтверждать его показанія. «Стало быть, вы согласны, сказалъ Чернышевъ: въ такомъ случаѣ очная ставка не нужна; подпишите только эту бумагу». Грустно при этомъ поглядѣлъ на меня генералъ Бенкендорфъ, тутъ находившійся. Впослѣдствіи я понялъ, почему онъ такъ посмотрѣлъ на меня. Наше собраніе у Пестеля въ 1821 году Комитету угодно было превратить въ формальное засѣданіе, и простой разговоръ, котораго, по совѣсти скажу, я даже и теперь не припомню, былъ онъ или нѣтъ, въ положительное предложеніе со стороны Пестеля и въ согласіи на него съ нашей стороны... Скажу въ этомъ случаѣ откровенно

---

19) Повторю здѣсь послѣ 30-ть лѣтъ, что въ этомъ случаѣ я говорилъ сущую правду.

какъ предъ судомъ Божіимъ—мы много говорили между собою всякаго вздору, нерѣдко въ дружеской бесѣдѣ за бокаломъ шампанскаго, особенно когда доходилъ до насъ слухъ о какомъ либо самовластномъ, жестокомъ поступкѣ высшихъ властей, выражались неумѣренно... но рѣшительно ни у меня, ни у кого изъ тѣхъ, съ которыми я наиболѣе былъ друженъ, не было и въ помыслѣ какого либо покушенія. Скажу болѣе, каждый изъ насъ почелъ бы обязанностію своею защитить Государя, не дорожа собственною жизнію. Я и теперь убѣжденъ, что самъ Пестель и тѣ, которыхъ Комитетъ обрисовалъ въ донесеніи своемъ такими рѣзкими, такими мрачными чертами, виновнѣе болѣе въ словахъ, нежели въ намѣреніи. Въ этомъ случаѣ разительный для меня примѣръ представляетъ Бестужевъ-Рюминъ. Онъ самъ мнѣ сознавался, что никто болѣе его не говорилъ противъ Царской фамиліи, что пылкость его характера не допустила середины, и что въ обыкновенныхъ даже сношеніяхъ своихъ, при извѣстіи о какомъ либо дурномъ поступкѣ, особенно когда дѣло шло объ угнетеніи сильнымъ слабаго, онъ возмущался до неистовства. А между тѣмъ, сколько могъ я его понять, это былъ самый добрый, самый мягкій, скажу болѣе самый простодушный юноша, который конечно не могъ бы равнодушно смотрѣть, какъ отнимаютъ жизнь у послѣдняго животнаго.

Этимъ окончились всѣ допросы мои... Наступала весна. Тѣло покойнаго Государя привезли въ Петербургъ и схоронили въ Петропавловской церкви. Я не могъ видѣть ни его похоронъ, ни похоронъ покойной Императрицы. До меня доходилъ только громъ пушечныхъ выстрѣловъ. Окошко или лучше сказать амбразура моего казамата выходила на какой-то дворъ, гдѣ сохранялись дрова. При сотрясеніи отъ пушечной пальбы, у меня разбилось нѣсколько старыхъ тусклыхъ стеколъ, и когда вставили новыя, то у меня сдѣлалось посвѣтлѣе прежняго.

Разскажу теперь объ одномъ прекрасномъ поступкѣ нашего Русскаго крестьянина или мѣщанина, котораго я не знаю даже имени. Разъ какъ-то, послѣ Святой, вошелъ ко мнѣ послѣ обѣда сторожъ и спросилъ меня съ участіемъ, отъ чего я такъ скученъ. При этомъ онъ всегда мнѣ говорилъ: знаю, что скучно сидѣть въ казематѣ, да куда же дѣваться? Въ этотъ день, признаюсь, я задумался о самомъ неважномъ предметѣ. Будучи большимъ охотникомъ до фруктовъ, я, живя въ южномъ климатѣ, легко удовлетворялъ мою страсть къ нимъ, такъ что во всякое время года я каждый день послѣ обѣда ѣлъ обыкновенно какіе нибудь плоды. Въ особенности же любилъ свѣжую малину. Усмѣхнувшись, я отвѣчалъ ему, что думаю о томъ, съ какимъ бы удовольствіемъ я съѣлъ теперь нѣсколько ягодъ малины. Онъ пред-

ложилъ мнѣ сейчасъ же сбѣгать въ Милютины лавки и купить малины на случившійся у него четвертакъ. Какъ я ни отговаривался, сторожъ мой ничего ни хотѣлъ слушать, выпросился у плацъ-адъютанта за какою-то надобностію въ городъ и побѣжалъ въ Милютины лавки. Чрезъ часъ онъ возвратился ко мнѣ съ большой корзинкой, наполненной разными фруктами. Тутъ были тарелка цѣлая малины; другая вишень, по нѣскольку апельсиновъ, лимоновъ и персиковъ. Въ такое время года, все это могло стоить по крайней мѣрѣ двадцать пять рублей, а можетъ быть и болѣе. Я очень удивился и хотѣлъ было выговорить ему, что онъ употребилъ, вѣроятно, всѣ свои деньги на удовлетвореніе моей прихоти и тѣмъ поставилъ меня въ затруднительное положеніе, потому что я не знаю самъ, буду ли имѣть возможность отдать ихъ ему. «Кушайте на здоровье и не безпокойтесь ни о чемъ, я не истратилъ на это и своего четвертака: вотъ-онъ, видите!» сказалъ сторожъ.—«Да откуда же ты досталъ все это?» спросилъ я.—«Вотъ какъ это случилось, отвѣчалъ онъ. Прихожу въ Милютины лавки и прошу въ одной изъ нихъ отложить мнѣ на четвертакъ малины. Купецъ подаетъ мнѣ на листочкѣ нѣсколько ягодокъ; я прошу его прибавить и говорю: Еслибъ ты зналъ, кому я покупаю, то вѣрно не поскупился бы.—Кому? спрашиваетъ онъ меня. Одному изъ господъ заключенныхъ въ крѣпости; вѣдь и четвертакъ-то мой: имъ не позволяютъ имѣть денегъ. Что же ты сейчасъ не сказалъ мнѣ, для кого покупаешь? Возьми назадъ свои деньги, и отнеси ему отъ меня вотъ это все, прибавилъ онъ, укладывая и подавая мнѣ корзинку. Да и впередъ приходи ко мнѣ брать полакомиться ему. Тяжко имъ тамъ бѣднымъ, да и вина-то ихъ такая, что Богъ ее лучше разсудитъ, чѣмъ мы. Когда я пошелъ отъ него, онъ опять взялъ съ меня слово заходить въ лавку всякой разъ, какъ буду въ городѣ. Вотъ видите ли, какъ Богъ милостивъ къ вамъ:—только захотѣли, и сейчасъ исполнено!» прибавилъ онъ съ самодовольствіемъ.—На землѣ не безъ добрыхъ людей.

Я прослезился, слушая его разсказъ. И точно, много добрыхъ людей на землѣ Русской. Если бы только правительство пожелало дѣйствовать въ духѣ народномъ, если бы несчастное придворное раболѣпство и эгоизмъ не ставили между Государемъ и народомъ такой завѣсы, чрезъ которую трудно проникать Его оку, то конечно и самъ Онъ, и народъ Его, были бы и счастливѣе, и тѣснѣе, крѣпче связаны между собою! 12-й годъ и послѣдняя война съ Англо-Французами ясно доказываютъ, на какія пожертвованія готовъ Русскій народъ, какъ мало онъ думаетъ о своемъ достояніи, о своей жизни, когда дѣло идетъ объ Отечествѣ.

Дайте ему только хорошихъ, честныхъ вожатыхъ;—покажите, что вы имѣете въ виду его благо, его пользу, и тогда ведите его куда угодно: онъ заплатитъ вамъ за каждое сдѣланное для него добро неограниченною преданностію, самымъ безкорыстнымъ усердіемъ.

Раздѣливъ подарокъ купца между ближними товарищами заключенія моего и отославъ каждому изъ нихъ понемногу съ моимъ сторожемъ, я съ величайшимъ наслажденіемъ съѣлъ остальное, вспомнилъ свой югъ, свой Тульчинъ, гдѣ я такъ безоблачно былъ счастливъ! Впослѣдствіи, когда сторожъ мой шелъ по своей надобности въ городъ, онъ всегда спрашивалъ меня, не зайти ли ему къ нашему купцу. Но я рѣшительно запрещалъ это и, надо сказать правду, онъ не нарушалъ моего запрещенія. Разъ какъ-то, нечаянно встрѣтился онъ на Невскомъ Проспектѣ съ нашимъ купцомъ (какъ мы его называли всегда), тотъ сей часъ узналъ его и спросилъ: здоровъ ли я и почему онъ не заходитъ въ лавку? Отвѣтъ былъ, что я здоровъ, но что, принявъ съ благодарностью его подарокъ, я запретилъ ему пользоваться его добротою. «Вотъ какой деликатный», возразилъ онъ, «однако видно, что хорошій человѣкъ».

Наконецъ дѣло наше подходило къ концу. Въ Комитетъ же водили рѣдко. Намъ позволяли иногда выходить на полчаса въ сѣни. Вскорѣ принесли обыкновенные вопросы для подсудимыхъ: которой кому годъ, какого исповѣданія? и т. д. Вслѣдъ за тѣмъ стали водить каждаго по одиночкѣ, для утвержденія подписью своего дѣла. Для этого была наряжена особая Коммисія, въ которой предсѣдательствовалъ генералъ-адъютантъ Балашевъ. Членами были: графъ де-Ламбертъ, еще одинъ какой-то генералъ и двое сенаторовъ, мнѣ неизвѣстныхъ. Тутъ находился также и генералъ Чернышевъ, для могущихъ встрѣтиться поясненій. Разскажу при этомъ то, что случилось со мною .. Когда меня привели въ эту Коммисію и дали пересмотрѣть мое дѣло, то я замѣтилъ, что нѣтъ въ немъ бумаги, въ которой я требовалъ очной ставки съ молодымъ графомъ Витгенштейномъ и съ подполковникомъ Комаровымъ, чѣмъ я надѣялся убѣдить Комитетъ, что я вовсе не раздѣлялъ мнѣнія ввести въ Россію республиканское правленіе... Балашевъ попросилъ Чернышева объяснить ему это обстоятельство. Тотъ отвѣчалъ, *что дѣйствительно* я писалъ и просилъ объ этомъ Комитетъ, но какъ я уже сослался прежде на показанія Пестеля, то Комитетъ не счелъ нужнымъ удовлетворить мою просьбу, и что потому именно и бумагу мою не пріобщилъ къ дѣлу.—«Въ такомъ случаѣ, сказалъ я, мнѣ нельзя подписать моего дѣла: бумага эта заключала въ себѣ мое оправданіе, а ея тутъ нѣтъ».-«Вы этимъ только повредите себѣ, возразилъ Бала-

шевъ; безъ подписи дѣла васъ нельзя будетъ судить, но вы останетесь въ крѣпости; а лучше ли это, сами разсудите? Впрочемъ, мнѣ кажется, можно васъ и удовлетворить. Подпишите дѣло и пришлите отъ себя объявленіе:—оно будетъ приложено къ прочимъ вашимъ бумагамъ. Я ручаюсь вамъ въ томъ».—Что мнѣ оставалось дѣлать? Я согласился и подписалъ, присовокупивъ что прилагается мое объясненіе. Когда я уходилъ, приказано было какому-то аудитору идти со мною въ казематъ и взять отъ меня бумагу. Оно дѣйствительно было приложено, потому что въ Отчетѣ Верховнаго Уголовнаго Суда сказано было, что трое изъ осужденныхъ представляли объясненія, но они не могли быть приняты въ уваженіе. Вѣроятно этой участи подверглось и мое.

Прошелъ еще мѣсяцъ; наступилъ Іюнь. 11-е, послѣ обѣда, заходилъ къ Бестужеву протоіерей Мысловскій, а послѣ него пришелъ плацъ-маіоръ съ фельдшеромъ и спросилъ его: не желаетъ ли онъ обриться (его не брили все время, и онъ ходилъ съ бородой). Бестужевъ согласился и былъ обритъ въ присутствіи плацъ-маіора. Потомъ его повели гулять въ комендантскій садъ. Возвратившись съ прогулки, онъ разсказалъ намъ все что съ нимъ происходило и удивлялся, что къ нему сдѣлались такъ внимательны. «Я предчувствую, прибавилъ онъ, что это не даромъ. Не кончилось ли наше дѣло и не увезутъ ли меня сегодня ночью въ заточеніе на всю жизнь? Если васъ освободятъ, то дайте знать обо мнѣ роднымъ и друзьямъ моимъ. Бога ради оправдайте меня передъ тѣми, объ которыхъ я вынужденъ былъ говорить во время слѣдствія. Они могутъ подумать, что я съ намѣреніемъ старался запутать ихъ. Вы были свидѣтелями, какъ меня измучилъ Комитетъ. Теперь желаю только одного, чтобы меня не разлучили съ Сергѣемъ Муравьевымъ, и если намъ суждено провести остатокъ дней въ заточеніи, то по крайней мѣрѣ, чтобы мы были вмѣстѣ». Желаніе его исполнилось: его не разлучили съ Муравьевымъ-Апостоломъ; но ему ни разу ни приходило на мысль, что обоимъ имъ предстоитъ смертная казнь.

Проснувшись по утру на другой день, я услышалъ большую суматоху въ корридорѣ. Отворяли и затворяли казематы. Плацъ-адъютанты, сторожа, часовые, бѣгали то въ ту, то въ другую сторону. Вошедшій ко мнѣ сторожъ мой знаками далъ мнѣ знать, что выводятъ Бестужева, и вдругъ я услышалъ его голосъ. Adieu, chers camarades. Je vais entendre ma sentence; je vous laisse un bout de papier comme souvenir. Это былъ на четвертушкѣ переводъ его Муровой мелодіи: La musique. Мнѣ отдалъ его послѣ него сторожъ [20]).

[20]) При отправленіи моемъ въ Сибирь этотъ клочекъ бумажки затерялся, и

Не прошло и четверти часа, какъ взошелъ ко мнѣ плацъ-адъютантъ и велѣлъ одѣваться въ Комитетъ. Окончивъ на скоро туалетъ свой, я вышелъ вмѣстѣ съ нимъ, и мы отправились въ комендантскій домъ. Меня вели уже не съ завязанными глазами.

Войдя въ какую-то комнату, я нашелъ тамъ человѣкъ двадцать моихъ товарищей въ разныхъ костюмахъ. Кто былъ въ мундирѣ и полной формѣ, кто во фракѣ, кто просто въ халатѣ. Между ними были друзья и знакомые мои: Вольфъ, Ивашевъ, двое Крюковыхъ. Нѣкоторыхъ я зналъ по слуху и не видѣлъ въ обществѣ, иныхъ совсѣмъ не зналъ. Однимъ словомъ, тутъ былъ весь второй разрядъ осужденныхъ. Всѣ мы были очень веселы, здоровались, обнимались, говорили другъ съ другомъ и рѣшительно позабыли какая ожидаетъ насъ участь .Всѣ радовались даже минутному свиданію, послѣ шестимѣсячнаго одиночнаго заключенія.

Вскорѣ пришелъ плацъ-маіоръ съ какой-то бумагою и, соображаясь съ ней, сталъ устанавливать по порядку. Кончивши это, онъ велѣлъ намъ идти въ этомъ порядкѣ другъ за другомъ въ другую комнату, а потомъ далѣе. Отворивъ двери третьей комнаты, мы вдругъ очутились въ большой залѣ, передъ всѣми членами Верховнаго Уголовнаго Суда, сидѣвшими на скамьяхъ въ два яруса около большаго стола, покрытаго краснымъ сукномъ и установленнаго покоемъ. Ихъ всѣхъ тутъ было человѣкъ сто. Посреди стояло зерцало, а противъ зерцала сидѣли духовенство: митрополиты и епископы (члены Синода), потомъ члены Государственнаго Совѣта и сенаторы. Передъ столомъ, по эту сторону зерцала, стояло нѣчто въ родѣ налоя, за которымъ экзекуторъ или секретарь Сената прочелъ громогласно *сентенцію* каждаго изъ насъ. Мы рѣшительно ничего ни слушали и смотрѣли только другъ на друга: такъ были обрадованы нашимъ свиданіемъ. Я замѣтилъ, что духовныя особы при-

---

мнѣ было очень жаль, что я не сохранилъ его. Вотъ мой собственный переводъ этой мелодіи съ Англійскаго: 1-е. Когда въ жизни исполненной горестей потерявши все что дѣлало ее счастливою, до слуха нашего коснутся случайно любимые нами въ юности звуки. О! съ какою радостью мы ихъ привѣтствуемъ. Сколько уснувшихъ давно мыслей пробудятъ они. Какимъ пламенемъ зажгутъ потухшіе наши очи привыкшіе къ слезамъ? 2-е.Эти благодѣтельные звуки, съ которыми мы свыклись въ счастливые дни жизни, подобны свѣжему вѣтерку играющему между душистыми цвѣтами. Напитанный ихъ запахомъ, онъ его сохраняетъ еще и въ то время, когда цвѣты уже поблекли. Такъ точно, когда изчезнутъ радость и сновидѣнья жизни, память объ нихъ сохраняется въ звукахъ музыки. 3-е. О музыка! какъ слабъ нашъ ничтожный даръ слова передъ твоими чарами. Зачѣмъ чувству объяснять словами, когда ты такъ легко выражаешь всю душу. Сладкая рѣчь дружбы можетъ быть притворна, слова любви—бываютъ ложны. Одни только звуки музыки услаждаютъ безъ обмана наше сердце.

встали, чтобы посмотрѣть на насъ, потому что зерцало мѣшало имъ насъ видѣть. Въ той сторонѣ, гдѣ досталось мнѣ стоять, сидѣлъ за столомъ М. М. Сперанскій. Онъ былъ знакомъ съ моимъ батюшкой и со всѣмъ нашимъ семействомъ. Я самъ раза два былъ у него, когда былъ въ Петербургѣ. Мнѣ показалось, что онъ грустно взглянулъ на меня, опустилъ голову, и какъ будто слеза выпала изъ глазъ его. По прочтеніи сентенціи, Николай Бестужевъ хотѣлъ было что-то говорить, но многіе изъ присутствовавшихъ зашикали, и насъ поспѣшили вывести въ противоположныя двери. Я уже не попалъ въ прежній казематъ мой. По просьбѣ нашей плацъ-маіоръ посадилъ меня рядомъ съ Ивашевымъ въ лабораторной; третій товарищъ нашъ былъ лейтенантъ Завалишинъ, дальній родственникъ Ивашева.

Весь этотъ день провели мы съ Ивашевымъ въ какомъ-то чаду, ни сколько не думая о сентенціи. Мы не могли наговориться, пересказывали другъ другу всё, случившееся съ нами съ тѣхъ поръ какъ разстались, а разстались мы около года тому назадъ. Онъ оставилъ меня въ Тульчинѣ, еще до кончины жены моей. Лейтенантъ Завалишинъ передалъ намъ тоже всю исторію своего участія въ обществѣ, и такимъ образомъ мы проговорили не только весь день, но и всю почти ночь.

Мы такъ еще были молоды, что приговоръ нашъ къ двадцати-лѣтней каторжной работѣ, въ Сибирскихъ рудникахъ, не сдѣлалъ на насъ большаго впечатлѣнія. Съ другой стороны приговоръ такъ отдѣлялъ насъ отъ прошедшаго, отъ прежняго быта, отъ всего что было дорого намъ въ жизни, что необходимо вызвалъ въ каждомъ изъ насъ всѣ силы нравственныя, всю душевную твердость для перенесенія съ достоинствомъ этого перехода. Я теперь даже увѣренъ, что еслибы правительство вмѣсто того, чтобы осудить насъ такъ жестоко, употребило мѣру наказанія болѣе кроткую, оно бы лучше достигло своей цѣли, — и мы бы больше почувствовали ее, даже можетъ быть больше бы сожалѣли о той долѣ значенія въ обществѣ и преимуществъ прежняго нашего положенія, которыя теряли. Лишивъ же насъ всего и вдругъ поставивъ на самую низкую, отверженную ступень общественной лѣстницы, оно давало намъ право смотрѣть на себя, какъ на очистительныя жертвы будущаго преобразованія Россіи, однимъ словомъ, изъ самыхъ простыхъ и обыкновенныхъ людей дѣлало политическихъ страдальцевъ за свои мнѣнія, этимъ самымъ возбуждало всеобщее къ намъ участіе, а на себя принимало ролю ожесточеннаго, неумолимаго гонителя.

Передъ самою зарею, намъ велѣно было приготовляться, а съ первымъ лучемъ свѣта вывели всѣхъ изъ казематовъ,

собрали на крѣпостной площади около церкви и, окруживъ карауломъ, повели вонъ изъ крѣпости. Мы догадались, что исполнялась сентенція. Пришедши на какой-то лугъ позади *кроверской куртины*, гдѣ подъ ружьемъ стояли войска, толпился кое-гдѣ народъ, и гдѣ въ отдаленіи разъѣзжали верхомъ нѣсколько генераловъ, около какихъ-то столбовъ съ перекладинами (то были пять висѣлицъ, о назначеніи которыхъ никто изъ насъ не догадывался) отдѣлили тѣхъ, которые служили по гвардіи и повели для исполненія приговора къ полкамъ, въ которыхъ они числились. Всѣ прочіе, между коими находились армейскіе и артилерійскіе офицеры, гражданскіе чиновники и отставные, остались на мѣстѣ, и сентенцію надъ ними приводилъ въ исполненіе С.-П. оберъ-полицеймейстеръ. Въ моемъ отдѣлѣ были Финляндскаго полка полковникъ Митьковъ, гвардіи капитанъ Пущинъ, штабсъ-капитаны: Назимовъ, Рѣпинъ; поручики: Розенъ, Цебриковъ, Андреевъ, Лаппа и я. Насъ подвели къ гвардейской егерской бригадѣ, которою командовалъ генералъ Головинъ.

По прочтеніи опять каждому изъ насъ его приговора, ломали надъ головою шпагу, снимали мундиръ и тутъ же сожигали, потомъ надѣвали лазаретный халатъ, и по окончаніи всей это церемоніи, повели обратно въ крѣпость. Костюмы наши были очень смѣшны. Разбирать халаты было некогда: иному на маленькой ростъ попался самый длинный, и онъ едва могъ переступать въ немъ; другому на большой коротенькій, толстому доставался узкой, такъ что онъ едва напяливалъ его на себя. Мы невольно улыбались, глядя другъ на друга.

Меня опять посадили въ лабораторную съ Ивашевымъ, но мѣсто Завалишина занялъ полковникъ Муравьевъ, осужденный, но помилованный Государемъ и назначенный на жительство въ Сибирь, безъ лишенія чиновъ и дворянства. Войдя въ казематъ свой съ убѣжденіемъ, что всѣ мои отношенія и разсчеты съ міромъ кончены и что остальная жизнь моя должна пройти въ отдаленномъ, мрачномъ краю (тогда Сибирь не такъ была извѣстна, какъ теперь, и объ ней вспоминали съ ужасомъ) въ постоянныхъ страданіяхъ и лишеніяхъ всякаго рода, я не считалъ уже себя жильцемъ этого міра и обратилъ всѣ помыслы мои на то, чтобы сколько возможно перенести съ достоинствомъ этотъ переворотъ судьбы, не ослабнуть нравственно и какъ можно лучше приготовить себя къ будущей жизни. Въ отношеніи себя собственно, я былъ какъ будто не недоволенъ этимъ переворотомъ, потому что онъ, казалось, приближалъ минуту моего соединенія съ покойной женой моей, и позволялъ мнѣ не такъ оплакивать ея потерю. Будучи слабаго

и плохаго здоровья, я никакъ не думалъ прожить долго, а настоящее положеніе мое было самое желательное для смертнаго часа. Оно не допускало меня жалѣть объ этой жизни и искупало многое предъ правосудіемъ Всевышняго....

Въ день исполненія нашей сентенціи послѣ обѣда пришелъ ко мнѣ мой прежній сторожъ изъ Кронверской куртины, принесъ съ собою кое-что изъ оставленныхъ тамъ вещей моихъ и сообщилъ мнѣ о послѣднихъ минутахъ пяти казненныхъ товарищей нашихъ. Это была неожиданная и грустно поразившая меня новость. По выслушаніи приговора, ихъ всѣхъ посадили въ Кронверскую куртину: Пестеля въ номеръ Андреева, Сергѣя Муравьева-Апостола въ бывшій мой, Рылѣева въ другую комнату — въ номеръ, который занималъ до этого Бобрищевъ-Пушкинъ 1-й, а Каховскаго тутъ же, въ номеръ Розена. Бестужева привели въ прежній свой. Имъ позволили написать къ роднымъ. Къ четверымъ прислали протоіерея Мысловскаго приготовить къ смерти, а къ Пестелю пастора. Всѣ они были очень покойны, отказались имѣть послѣднее свиданіе съ родными (Рылѣевъ съ женой), чтобы не разстроить ихъ и себя. Говорили немного между собою и ожидали послѣдняго часа съ твердостію. Ихъ вывели рано,—до свѣту, заковавъ прежде въ желѣза. Выходя въ корридоръ, они обнялись другъ съ другомъ и пошли сопровождаемые священникомъ и окруженные карауломъ къ тому мѣсту, гдѣ мы видѣли столбы. Тутъ ихъ помѣстили на время въ какомъ-то пороховомъ зданіи, гдѣ были уже приготовлены пять гробовъ, и потомъ по окончаніи нашей сентенціи исполнили приговоръ Военнаго Уголовнаго Суда. Исполненіемъ этого приговора распоряжался генералъ Чернышевъ. Протоіерей Мысловскій былъ при нихъ до послѣдней минуты. У двоихъ изъ нихъ, кажется Пестеля и Каховскаго, оборвались веревки, и они упали живые. Исполнители потерялись и не знали что́ дѣлать; но, по знаку Чернышева, ихъ подняли, исправили веревки и снова не взвели, а уже взнесли на эшафотъ. Потомъ, когда увѣрились, что всѣ пятеро уже не существуютъ, сняли ихъ и отнесли туда, гдѣ находились гробы и, положивши въ нихъ тѣла, оставили ихъ до слѣдующей ночи. Потомъ свезли въ ночное время на устроенное для животныхъ кладбище (называемое Голодай) и тамъ неизвѣстно гдѣ закопали... Говорятъ, что будто бы протоіерей Мысловскій хотѣлъ было воспротивиться второй казни двухъ упавшихъ, но что Чернышевъ настоялъ на этомъ; что Государь, опасаясь возмущенія войскъ при исполненіи приговора, уѣхалъ въ Царское Село, и велѣлъ каждыя четверть часа присылать къ себѣ фельдъегерей, съ извѣстіемъ о происходящемъ на мѣстѣ казни...

Мы ожидали, что послѣ сентенціи насъ отправятъ сейчасъ въ Сибирь, и дѣйствительно восемь человѣкъ перваго разряда были вскорѣ увезены туда. Всю почти первую категорію отправляли въ разныя Финляндскія крѣпости. Прочіе остались въ Петропавловской. Государь, окончивъ наше дѣло, отправился на коронацію въ Москву. Родные наши надѣялись, что въ это время будетъ общая амнистія или, по крайней мѣрѣ, значительное облегченіе нашей участи.

Съ окончаніемъ нашего дѣла и съ отъѣздомъ Императора изъ Петербурга, присмотръ за нами нѣсколько смягчился. Насъ каждый день водили гулять по двору подъ надзоромъ дежурнаго унтеръ-офицера. Мы могли разговаривать между собою, не опасаясь подвергнуть отвѣтственности сторожа или часоваго. Роднымъ позволялось имѣть съ нами свиданіе въ комендантскомъ домѣ, въ присутствіи плацъ-адъютанта, и доставлять намъ нѣкоторыя вещи, какъ то: платье, бѣлье, книги и съѣстные припасы. У меня въ Петербургѣ родныхъ не было, и потому я лишенъ былъ утѣшенія ихъ видѣть. По отправленіи полковника Муравьева, меня съ Ивашевымъ перевели изъ лабораторіи въ Невскую куртину, гдѣ опять помѣстили рядомъ. Для обоихъ насъ это было большимъ облегченіемъ. Мы цѣлый день толковали о быломъ, настоящемъ, будущемъ, старались взаимно поддерживать одинъ другаго и не давали другъ другу хандрить. Читали книги, доставленныя Ивашеву его родными, и не однъ разъ, когда вечеромъ запирали нашу куртину, и часовые не опасались обхода крѣпостныхъ офицеровъ, сходились вмѣстѣ въ одномъ изъ нашихъ казематовъ. Противъ насъ сидѣлъ князь Одоевскій, очень молодой и пылкій юноша — поэтъ. Онъ, будучи веселаго, простосердечнаго характера, оживлялъ нашу бесѣду, и нерѣдко мы проговаривали по цѣлымъ ночамъ. Такъ прошло два мѣсяца. Государь возвратился изъ Москвы. Въ коронацію намъ убавили пять лѣтъ. Многіе были увѣрены, что наша ссылка въ Сибирь отмѣнена, что насъ продержатъ года два въ заточеніи; что въ это время Государь при каждомъ случаѣ будетъ уменьшать сроки нашей работы, и что наконецъ позволятъ намъ возвратиться въ нѣдра своихъ семействъ...

Не помню теперь, по какой причинѣ перевели меня опять въ Кронверскую куртину, и разлучили такимъ образомъ съ Ивашевымъ. Тамъ я занялъ уже не прежній свой номеръ, а опять какой-то маленькой казематъ, подобной моему первому жилищу. Сосѣдями моими были Лунинъ и Кожевниковъ. Первый былъ уже немолодой человѣкъ. Онъ началъ службу свою въ кавалергардскомъ полку, вмѣстѣ

съ нынѣшнимъ графомъ Орловымъ, былъ извѣстенъ своимъ независимымъ характеромъ, своею любезностію, разными забавными выходками съ своимъ полковымъ командиромъ, Депрерадовичемъ и съ самимъ Великимъ Княземъ Константиномъ Павловичемъ, который его очень любилъ и при которомъ въ послѣднее время онъ служилъ. Второй былъ еще юноша, кажется, подпоручикъ лейбъ-гренадерскаго полка. Онъ не былъ судимъ и переведенъ только за какой-то вздоръ, во время 14 Декабря, тѣмъ же чиномъ въ армію и оставленъ на шесть мѣсяцевъ въ крѣпости. Я скоро познакомился съ обоими. Тутъ я опять попалъ къ прежнему сторожу.

Послѣ сентенціи на пищу осужденнымъ правительство отпускало только полтину ассиг. въ сутки, но у кого припасены были свои деньги, или кому доставляли потомъ родные, тѣ получали еженедѣльно отъ плацъ-маіора небольшую на издержки сумму, смотря по ихъ надобностямъ. У меня отобрали 1,700 руб.; слѣдовательно, не имѣя даже родныхъ въ Петербургѣ, я долгое время могъ удовлетворять небольшія свои потребности. Плацъ-маіоръ обыкновенно каждую недѣлю присылалъ мнѣ по пяти рублей, и этихъ денегъ мнѣ доставало и на табакъ, и на бѣлый хлѣбъ, и на проч. Посредствомъ сторожа своего, я даже обонировался въ книжномъ Французскомъ магазинѣ и бралъ оттуда книги. Въ крѣпости я прочелъ всѣ романы того времени, Вальтера-Скотта, Купера и тогдашнихъ писателей. Сверхъ того пользовался отъ ближнихъ товарищей моихъ тѣми книгами, которыя они получали отъ родныхъ. Такимъ образомъ я почти всегда былъ занятъ и не имѣлъ времени скучать. Я пробовалъ также сочинять стихи, но они выходили у меня никуда годные и, убѣдясь что поэзія не мое дѣло, я прекратилъ это занятіе. Съ Лупинымъ и Кожевниковымъ мы свободно разговаривали. Съ первымъ каждый день послѣ обѣда мы играли въ шахматы. У него и у меня были занумерованныя доски, и у каждаго своя игра шахматъ. Сговорясь играть, разставляли ихъ каждый у себя и потомъ передавали по очереди одинъ другому сдѣланный ходъ. Иногда игра длилась два и три часа, но тѣмъ была занимательнѣе, потому что не могло случиться необдуманныхъ ходовъ или такъ называемыхъ промаховъ. Мы оба въ этой игрѣ были равносильные, и отъ того еще болѣе она занимала насъ. Насъ водили также каждый день гулять, или около куртины, или въ сѣняхъ, когда бывала дурная погода Тутъ мы встрѣчались иногда съ нѣкоторыми товарищами, занимавшими отдаленные номера и обмѣнивались нѣсколькими словами.

Разъ какъ-то зашелъ ко мнѣ дежурный унтеръ-офицеръ,

котораго мы всѣ знали и любили за его къ намъ преданность и услужливость. Видъ его показывалъ, что онъ хочетъ что-то сообщить мнѣ. «Жаль мнѣ васъ, господа, отъ всего сердца, сказалъ онъ наконецъ, осмотрѣвъ сначала, не подслушиваютъ ли его изъ корридора; хотѣлось бы очень кому нибудь изъ васъ помочь, чѣмъ могу; а могу я многое, какъ вы сами увѣритесь. Могу даже доставить вамъ возможность вырваться изъ этихъ стѣнъ и уплыть на кораблѣ въ Англію».—«Какимъ это образомъ, любезный другъ?» спросилъ я съ недовѣрчивостію.—«А вотъ какъ, отвѣчалъ онъ, разумѣется для этого надобны деньги, тысячь пять шесть сначала довольно, потомъ родные пришлютъ туда. Ну, да и мнѣ самому пришлось бы съ вами отправиться: оставаться здѣсь мнѣ послѣ этого нельзя. Слушайте, какъ можно все это устроить. Я бы переговорилъ сначала съ капитаномъ купеческаго иностраннаго судна, они безпрестанно теперь приходятъ и отходятъ изъ Петербурга. Во всемъ условился бы съ нимъ. Тутъ затрудненія не будетъ. Конечно надобно заплатить ему порядочную сумму. Корабли выходятъ обыкновенно ночью, потому что тогда удобнѣе разбирать мостъ. Въ извѣстный день, когда судну придется выходить, подъ вечеръ, по обходѣ плацъ-адъютанта, я бы пошелъ съ вами гулять, вывелъ бы за крѣпость и спряталъ бы васъ на полчаса въ дровахъ».—«Но какъ бы мы вышли съ тобой изъ крѣпости, когда при каждыхъ воротахъ караулъ?» спросилъ я. — «А вотъ не хотите ли полюбопытствовать когда нибудь, отвѣчалъ онъ, такъ хоть для примѣру. Потомъ, продолжалъ онъ, воротясь одинъ въ Куртину, самъ бы осмотрѣлъ и заперъ казематы, а ключи отнесъ бы плацъ-маіору. У васъ на постелѣ можно заранѣе приготовить такъ, чтобы часовому, если ему вздумается посмотрѣть въ окошечко, показалось бы, что вы лежите и спите. По окончаніи всего и когда совсѣмъ потемнѣетъ, я бы явился къ вамъ, и чрезъ нѣсколько минутъ мы оба были бы на суднѣ. Тутъ капитанъ спряталъ бы насъ до прохода чрезъ Кронштадскую брандвахту. Эту брандвахту корабли обыкновенно проходятъ передъ свѣтомъ, а съ наступленіемъ дня мы были бы совершенно безопасны. Въ казематѣ же не хватились бы васъ до девяти часовъ утра на другой день, т. е. до тѣхъ поръ, пока не станетъ ходить плацъ-адъютантъ. Да и тогда не знали бы, что̀ дѣлать и гдѣ васъ искать. Разумѣется скоро бы догадались, что это моя продѣлка; но имъ и въ умъ бы не пришло, что мы спаслись на кораблѣ; а хотя бы и пришло, такъ въ это время мы были бы уже далеко и внѣ погони. Видите какъ это легко, сказалъ онъ, но для этого нужны деньги и рѣшимость. У меня ея станетъ. Я уже предлагалъ это одному изъ вашихъ, и онъ бы очень

могъ, потому что богатъ и родные его въ Петербургѣ [21]); но вы всѣ, кажется, не потеряли надежду на милость Государя, а я такъ совсѣмъ не надѣюсь на нее для васъ...»

Все что онъ говорилъ, какъ я самъ убѣдился потомъ, было дѣльно и удобоисполнимо. Разъ даже, гуляя со мной, онъ, для доказательства, вывелъ меня изъ крѣпости, безъ всякаго затрудненія. Караулъ, стоявшій при крѣпостныхъ воротахъ, не обратилъ даже на насъ вниманія. Но у меня не было ни средствъ, ни желанія воспользоваться его предложеніемъ. Я и теперь считаю, что было бы малодушно, не хорошо, если бы тогда кто нибудь изъ насъ захотѣлъ отдѣлить свою судьбу отъ судьбы своихъ товарищей. Изъ всѣхъ насъ никто не подумалъ даже уклониться бѣгствомъ отъ предстоявшей ему участи. Одинъ только Тургеневъ, отсутствіемъ своимъ, избѣжалъ заключенія и ссылки; но онъ былъ за границею, когда умеръ покойный Александръ и началось наше дѣло и, зная напередъ, какъ оно будетъ обсуждено, не явился ни къ суду, ни послѣ осужденія своего. Слѣдовательно онъ не прибѣгалъ къ бѣгству, а только воспользовался случайнымъ и счастливымъ для него обстоятельствомъ.

Наступила глубокая осень, — никого изъ насъ еще не отправляли. Я сдѣлался боленъ: у меня отнялись почти ноги, и возобновлялось кровохарканіе. Плацъ-маіоръ предложилъ мнѣ перейти въ лазаретъ; но я не согласился, опасаясь, что пока буду тамъ лечиться, товарищей моихъ увезутъ всѣхъ въ Сибирь, а меня оставятъ потомъ въ крѣпости. Это опасеніе было для меня хуже болѣзни, которую по этой причинѣ я старался скрывать даже отъ лѣкаря: во время его посѣщеній, я увѣрялъ его, что мнѣ лучше и что если я буду на воздухѣ, то скоро совсѣмъ поправлюсь.

Долгіе осенніе и зимніе вечера и нескончаемыя ночи особенно утомительны въ заключеніи. Я это испыталъ на себѣ. Безъ движенія, хорошаго сна не могло быть, тѣмъ болѣе, что грудная боль и ломота въ ногахъ не позволяли мнѣ оставаться долго въ одномъ положеніи. Какъ ни любилъ я чтеніе, но цѣлой день, и въ особенности вечеръ, при тускломъ свѣтѣ тоненькой сальной свѣчи или вонючаго ночника, читать постоянно было невозможно. Съ сосѣдями своими мы переговорили все, о чемъ можно было говорить; да и сверхъ того, по слабости и грудной боли, я не могъ громко и долго говорить. Шахматы тоже не такъ уже развлекали меня и даже утомляли. Однимъ словомъ, я съ нетерпѣніемъ ожи-

---

[21]) Я узналъ въ послѣдствіи, что онъ точно предлагалъ это Н. М. Муравьеву, который самъ мнѣ сказывалъ объ этомъ предложеніи.

далъ какой нибудь перемѣны и молилъ Бога, чтобы скорѣе отправили меня въ Сибирь. Отъ родныхъ своихъ я не имѣлъ никакого извѣстія. Я зналъ, что никому изъ нихъ нельзя было пріѣхать въ Петербургъ. Писемъ также не надѣялся получить отъ нихъ: имъ нельзя было знать, гдѣ я нахожусь послѣ сентенціи, и позволено ли имѣть переписку съ нами. Я даже не желалъ, чтобы братья писали ко мнѣ, потому что боялся за нихъ, если бы они вздумали показать особенную обо мнѣ заботу.

Была уже зима, и прошелъ праздникъ Рождества. Послѣ Крещенія 1827 года, я узналъ, что нѣкоторыхъ изъ насъ стали куда-то увозить и нетерпѣливо ожидалъ своей очереди, не безъ боязни однакоже, чтобы не отправили въ какую нибудь крѣпость. Разъ какъ-то, около 20 Января, вошелъ ко мнѣ плацъ-маіоръ и спросилъ, если у меня что нибудь теплое. «Не хотятъ ли отправлять меня, Егоръ Михайловичъ?» спросилъ я.—«И нѣтъ, батюшка, возразилъ онъ. Куда отправлять, развѣ по домамъ» (надобно знать, что онъ каждому изъ насъ при всякомъ посѣщеніи своемъ повторялъ одно и тоже, что насъ простятъ непремѣнно). Я спросилъ объ этомъ у васъ для того, что теплое платье необходимо для прогулокъ, прибавилъ онъ. Видите какой холодъ!»—«У меня ровно ничего нѣтъ, отвѣчалъ я, кромѣ этого сюртука и двухъ подушекъ». — «Не безпокойтесь, все это будетъ», сказалъ онъ тогда. Я спросилъ, на какія же деньги, и у него ли тѣ, которыя отобрали у меня на дворцовой гауптвахтѣ? «Объ деньгахъ не заботьтесь: были бы здоровы, деньги будутъ», отвѣчалъ онъ, поспѣшно выходя изъ каземата моего.

Я былъ увѣренъ, что меня скоро отправятъ; и въ самомъ дѣлѣ вечеромъ онъ опять явился ко мнѣ въ сопровожденіи сторожа, несшаго небольшой чемоданъ и кое-какія вещи. «Вотъ вамъ и бѣлье, и тулупъ, сказалъ онъ, указывая на сторожа. Одѣвайтесь потеплѣе». Я открылъ чемоданъ, нашелъ въ немъ двѣ пары шерстяныхъ носокъ, теплые сапоги, шапку, перчатки и три довольно толстыя рубашки. Жиденькій тулупчикъ, покрытый нанкою, куртка и брюки изъ толстаго солдатскаго сукна дополняли этотъ гардеробъ. Надѣвъ наскоро и при помощи сторожа (потому что я былъ очень слабъ) теплую обувь и принесенное платье, а сверхъ него тулупъ, я отправился вмѣстѣ съ плацъ-маіоромъ, поддерживаемый сторожемъ, въ комендантскій домъ. Другой сторожъ несъ за нами чемоданчикъ съ остальными вещами. Войдя изъ передней во вторую комнату комендантскаго дома, я нашелъ тутъ трехъ моихъ товарищей: Фонъ-Визина, Вольфа, Фролова. Съ первымъ я былъ знакомъ еще въ Тульчинѣ; онъ командовалъ тогда бригадой. Со вторымъ былъ очень

дружень, а третьяго совсѣмъ не зналъ. Мы дружески, но грустно поздоровались. Вскорѣ вошелъ комендантъ, генералъ Сукинъ, съ бумагою въ рукахъ. Онъ былъ безъ ноги и ходилъ на деревяшкѣ. Ловко повернувшись на деревянной ногѣ своей, онъ громко сказалъ: «Государь Императоръ приказалъ исполнить надъ вами приговоръ Верховнаго Уголовнаго Суда и отправить васъ въ Сибирь». Потомъ быстро повернувшись опять, въ туже минуту ушелъ. Тогда плацъ-маіоръ далъ знакъ стоявшему тутъ порутчику гарнизонной артилеріи Глухову. Тотъ вышелъ и воротился вскорѣ съ фельдъегеремъ и съ солдатомъ, несшимъ цѣпи. Насъ посадили, надѣли кое-какъ желѣза, сдали фельдъегерю и вывели на крыльцо, гдѣ ожидали уже четыре жандарма и пять почтовыхъ троекъ въ открытыхъ саняхъ.

Ночь была темная. На крыльцѣ плацъ-маіоръ сунулъ мнѣ что-то въ руку завернутое въ бумажкѣ. Мнѣ пришло въ голову, что это оставшіяся мои деньги, и признаюсь, я удивился такой съ его стороны честности. Когда я садился въ сани съ однимъ изъ жандармовъ, меня кто-то крѣпко обнялъ. «Я адъютантъ военнаго министра, знакомъ хорошо съ батюшкой покойной супруги вашей, сказалъ онъ мнѣ шопотомъ. Не хотите ли черезъ меня что поручить вашимъ роднымъ?»—«Дайте знать имъ о томъ что вы сами видѣли и что знаете о нашемъ будущемъ; я же ровно ничего не знаю, ни куда везутъ меня, ни гдѣ я буду», отвѣчалъ я, усаживаясь въ повозку. Между тѣмъ всѣ уже были готовы, — и поѣздъ нашъ тронулся съ мѣста.

Выѣхавъ изъ Петербурга, гдѣ все было погружено во мракѣ, мы прибыли ночью на первую станцію и вышли обогрѣться въ комнату смотрителя. Мнѣ это въ особенности было нужно, потому что легенькій тулупъ мой худо защищалъ меня отъ Январскаго мороза. Товарищи мои тоже вышли. Фельдъегерь (онъ оказался мнѣ знакомымъ и бывалъ прежде моимъ подчиненнымъ, когда я былъ старшимъ адъютантомъ, а онъ пріѣзжалъ съ бумагами въ Тульчинъ) обходился съ нами очень вѣжливо, и дѣйствительно, какъ мы убѣдились впослѣдствіи, былъ очень добрый человѣкъ. Желѣза намъ очень мѣшали и не давали свободно ходить. Мы, по совѣту его, подвязали ихъ и уладили сколько возможно удобнѣе для ходьбы. Тутъ я вспомнилъ о данной мнѣ плацъ-маіоромъ завернутой бумажкѣ. Можно представить себѣ мое удивленіе, когда я нашелъ въ ней, вмѣсто оставшихся моихъ денегъ—десять серебряныхъ гривенниковъ. Вотъ все богатство, съ которымъ я отправился, слабый и больной, въ Сибирскіе рудники, за шесть слишкомъ тысячъ верстъ отъ своего семейства. Нельзя сказать, чтобъ такое положеніе представляло что нибудь утѣшительное. Когда мы сѣли отдохнуть

около стола, а фельдъегерь вышелъ распорядиться лошадьми, смотритель сдѣлалъ знакъ Фонъ-Визину, и тотъ сейчасъ вышелъ. Его ожидала на этой станціи жена. Они успѣли до возвращенія фельдъегеря (который вѣроятно все зналъ, но не хотѣлъ показать того) видѣться нѣсколько минутъ въ сѣняхъ. Когда онъ вышелъ къ намъ и объявилъ, что лошади готовы, мы стали медленно собираться, чтобы дать время Фонъ-Визинымъ подолѣе пробыть вмѣстѣ. Наконецъ надобно было отправиться. Я сѣлъ съ Фонъ-Визинымъ въ одну повозку, на что фельдъегерь охотно согласился. Онъ самъ видѣлъ, какъ плохо я былъ одѣтъ для зимняго путешествія. На Фонъ-Визинѣ же была медвѣжья шуба, и сверхъ того у него для ногъ было теплое одѣяло. Сидя съ нимъ вмѣстѣ, мнѣ легче было предохранить себя отъ холода.

Дорогой Фонъ-Визинъ разсказалъ мнѣ, что жена его узнала и сообщила ему, что насъ везутъ въ Иркутскъ, и передала 1000 руб., которыхъ достанетъ намъ и на дорогу, и на первое время въ Сибири. Вторая станція была Шлиссельбургъ. Признаюсь, я невольно подумалъ, не сюда ли въ заточеніе насъ везутъ, и до тѣхъ поръ не былъ покоенъ, пока не проѣхали поворотъ къ крѣпости. На станціи мы опять вышли изъ повозокъ. Ночь еще продолжалась; фельдъегерь былъ на дворѣ, не помню за чѣмъ-то; я вышелъ въ другую комнату и только что успѣлъ переступить черезъ порогъ, какъ очутился вдругъ въ объятіяхъ трехъ женщинъ, которыя плакали на взрыдъ, осыпали меня вопросами и предлагали свои услуги, деньги, бѣлье, платье и т. д. Я отвѣчалъ имъ, что мнѣ ничего не нужно, что всего у меня достаточно, искренно благодарилъ ихъ за участіе и состраданіе. Это была какая-то помѣщица, съ двумя дочерьми ѣхавшая въ Петербургъ. Мы родственно обнялись и простились. Онѣ же всѣ благословили меня и напутствовали самыми искренними благопожеланіями.

На другой день мы проѣзжали Тихвинъ. Днемъ вездѣ собирался народъ смотрѣть на насъ и оказывалъ самое сострадательное участіе. Въ Тихвинѣ, нѣкоторые изъ простаго народа и купцевъ предлагали свои услуги и помощь. Фельдъегерь нашъ, какъ добрый человѣкъ, распоряжался и поступалъ съ нами такъ, чтобы только самому не подвергнуться отвѣтственности за слабый надзоръ, не прибавляя ничего лишняго съ своей стороны. Не помню, котораго числа мы прибыли въ Ярославль и остановились въ гостинницѣ. Пока запрягали новыхъ лошадей, намъ подали чаю, и человѣкъ, вошедшій съ подносомъ, указалъ знакомъ на дверь смежной комнаты. Мы подошли къ ней и узнали, что тамъ находится Надежда Николаевна Шереметева, тёща одного изъ нашихъ товарищей Якушкина, ожидав-

шая тутъ съ своею дочерью, а его женою, проѣзда зятя своего. Мы обмѣнялись съ нею нѣсколькими словами, а когда выходили садиться въ повозки, то встрѣтили её вмѣстѣ съ дочерью, державшею на рукахъ груднаго ребенка, въ коридорѣ, посреди толпы собравшихся любопытныхъ. Онѣ обняли, благословили насъ и все время не осушали глазъ. Жена Якушкина была тогда 18-ти лѣтняя молодая женщина, замѣчательной красоты. Намъ было тяжко, грустно смотрѣть на это юное, прекрасное созданіе, такъ рано испытывающее бѣдствія этого міра и, можетъ быть, обреченное своею обязанностію, своею привязанностію къ мужу, на вѣчную жизнь въ Сибирскихъ рудникахъ, на разлуку съ обществомъ, родными, дѣтьми, со всѣмъ что̀ такъ дорого юности, образованію и сердцу.

Изъ Ярославля чрезъ Кострому, Вятку, Пермь и Екатеринбургъ пріѣхали мы въ Тобольскъ. Ѣхали скоро, но иногда останавливались ночевать. Фельдъегерь, замѣтивъ, что желѣза мѣшали намъ спать, былъ такъ внимателенъ, что позволилъ на ночь снимать ихъ. Жандармы намъ прислуживали. Ему впрочемъ, какъ онъ самъ говорилъ, приказано было обходиться съ нами вѣжливо и, не выходя изъ границъ данной инструкціи, оказывать всякое снисхожденіе. По пріѣздѣ въ Тобольскъ насъ помѣстили въ домъ полицеймейстера, гдѣ и отдохнули мы сутокъ трое. Тутъ мы разстались съ нашимъ фельдъегеремъ, который отправился въ Иркутскъ одинъ, а насъ сдалъ губернатору Бантышъ-Каменскому (родственнику Фонъ-Визина).

Не знаю, по этому-ли случаю, или просто по человѣколюбію, но только полицеймейстеръ Алексѣевъ такъ принялъ, угощалъ и покоилъ насъ, въ продолженіи этихъ трехъ дней, что я счелъ обязанностію моею, по прошествіи десяти лѣтъ, когда я ѣхалъ изъ-за Байкала на жительство въ Туринскъ и проѣзжалъ Тобольскъ, гдѣ онъ жилъ отставнымъ чиновникомъ, быть у него и поблагодарить его за оказанное намъ тогда человѣколюбивое вниманіе. Отдохнувъ трое сутокъ, мы отправились въ сопровожденіи Тобольскаго частнаго пристава, но съ прежними жандармами, на обывательскихъ лошадяхъ, въ Иркутскъ. Въ Тобольскѣ Фонъ-Визинъ купилъ повозку, и мы избавились отъ хлопотъ перекладываться на каждой станціи. Запаслись еще теплымъ одѣяломъ, и слѣдовательно я не опасался холода. Движеніе и воздухъ такъ благодѣтельно подѣйствовали на меня, что день отъ дня здоровье мое становилось всё лучше, такъ что въ Тобольскѣ я былъ уже совсѣмъ здоровъ и также крѣпко ходилъ и стоялъ на ногахъ, какъ прежде,

Черезъ три недѣли по отъѣздѣ изъ Тобольска мы прибыли въ Иркутскъ, проѣхавъ города: Тару, Ишимъ, Каинскъ

Колывань, Томскъ, Ачинскъ, Красноярскъ, Конскъ и Нижнеудинскъ. По дорогѣ вездѣ мы встрѣчали неподдѣльное участіе какъ въ народѣ, такъ и въ должностныхъ лицахъ. Въ Каинскѣ наприм. городничій Степановъ, пожилой мужчина, огромнаго роста и объема, бывшій прежде фельдъегеремъ, пришелъ къ намъ въ сопровожденіи двухъ человѣкъ, едва тащившихъ огромную корзину съ винами и съѣстными припасами всякаго рода. Онъ заставилъ насъ непремѣнно все это ѣсть и частицу взять съ собой, предлагая намъ даже бывшія съ нимъ деньги, слѣдующими, удивившими насъ словами. «Эти деньги, сказалъ онъ, вынимая большую пачку ассигнацій, я нажилъ съ грѣхомъ пополамъ, не совсѣмъ чисто, взятками. Въ нашихъ должностяхъ, господа, приходится дѣлать много противъ совѣсти. И не хотѣлось бы, да такъ ужь заведено изстари. Возмите эти деньги себѣ: на совѣсти у меня сдѣлается легче. Лучшаго употребленія я не могу изъ нихъ сдѣлать: семейства у меня нѣтъ. Право, избавьте меня отъ нихъ, вы сдѣлаете доброе дѣло». Хотя мы не согласились принять это предложеніе, но тѣмъ не менѣе эта откровенность, это добродушіе грубой, неотесанной рѣзцомъ образованія натуры, насъ очень тронуло, и прощаясь съ нимъ, мы отъ души и съ признательностію пожали ему руку.

Въ Красноярскѣ губернаторъ, тоже Степановъ, угостилъ насъ съ искреннимъ радушіемъ. Во всѣхъ почти городахъ, гдѣ мы останавливались, чиновники приходили къ намъ; сначала не смѣли къ намъ приступить, заговорить съ нами но всегда кончали предложеніемъ услугъ и изъявленіемъ участія. На станціяхъ являлись обыкновенно этапные офицеры съ подобными же предложеніями, а простой народъ толпился около повозокъ и хотя видимо боялся жандармовъ, но нерѣдко тѣ, которые были посмѣлѣе, подходили къ намъ и бросали намъ въ повозку мѣдныя деньги. Я до сихъ поръ храню, какъ драгоцѣнность, мѣдную денежку, которую я взялъ у нищей старухи. Она вошла къ намъ въ избу и, показывая намъ нѣсколько мелкихъ монетъ, сказала: «Вотъ все что́ у меня есть; возмите, батюшки, отцы наши родные. Вамъ они нужнѣе чѣмъ мнѣ». — Мы прослезились, и я выбралъ у нея одну самую старую монету, положилъ себѣ въ карманъ и благодарилъ ее отъ самаго искренняго сердца.

Чѣмъ далѣе мы подвигались въ Сибири, тѣмъ болѣе она выигрывала въ глазахъ моихъ. Простой народъ казался мнѣ гораздо свободнѣе, смышленѣе, даже и образованнѣе нашихъ Русскихъ крестьянъ и въ особенности помѣщичьихъ. Онъ болѣе понималъ достоинство человѣка, болѣе дорожилъ правами своими. Впослѣдствіи мнѣ не разъ случалось слышать отъ тѣхъ, которые посѣщали Соединенные

Штаты и жили тамъ, что Сибиряки имѣютъ много сходства съ Американцами въ своихъ нравахъ, привычкахъ и даже образѣ жизни. Какъ страна ссылки, Сибирь снисходительно принимала всѣхъ безъ разбора. Когда ссыльный вступалъ въ ея границы, его не спрашивали, за что́ и почему онъ подвергся карѣ законовъ. Никому и дѣла не было, какое онъ сдѣлалъ преступленіе, и слово *несчастный*, которымъ звали Сибиряки сосланныхъ, очень хорошо выражаетъ то понятіе, которое они себѣ составили о нихъ. Отъ него требовалось только, чтобъ на новомъ своемъ мѣстѣ онъ велъ себя хорошо, чтобы трудился прилежно и умѣлъ пользоваться съ умомъ тѣми средствами, которыя представляло ему новое его отечество. Въ такомъ случаѣ, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, ожидало его не только довольство, но даже богатство и уваженіе людей, съ которыми ему приходилось жить и имѣть дѣло. Кстати разскажу здѣсь разительный этому примѣръ. Пріѣхавъ на какую-то станцію въ Нижнеудинскомъ округѣ, мы остановились въ лучшей квартирѣ одного большаго селенія. Въ двухъэтажномъ домѣ было нѣсколько чистыхъ комнатъ, убранныхъ хотя не роскошно, но довольно опрятно. Всё показывало довольство. Насъ встрѣтилъ крестьянинъ лѣтъ сорока, въ синемъ армякѣ, угостилъ чаемъ и вкуснымъ обѣдомъ, за которымъ было даже виноградное вино. Какъ теперь помню, звали его Ермолай. Противъ оконъ дома строилась церковь. Я какъ-то спросилъ его, гдѣ же старая и какъ строится новая, обществомъ или другими средствами? «Это я строю, батюшка, былъ его отвѣтъ; старая сгорѣла отъ грозы. Насилу добился разрѣшенія на постройку. Намъ поселенцамъ вездѣ затрудненіе, даже въ богоугодныхъ дѣлахъ». Узнавъ, что онъ изъ ссыльныхъ, я съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него, и онъ, замѣтивъ это, продолжалъ: «Вы, можетъ быть, не поскучаете послушать мою исторію, я охотно ее разсказываю всякому». Мы всѣ попросили его объ этомъ, и онъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ началъ разсказъ свой: — «Я былъ крѣпостнымъ человѣкомъ госп. N. N. Баринъ мой былъ единственный сынъ у матушки своей, женщины строгой, но благочестивой. Я служилъ у него камердинеромъ и какъ онъ считался по гвардіи, то мы жили съ нимъ въ Петербургѣ, а матушка въ Орловской деревнѣ своей. Они были очень богаты, и баринъ очень меня любилъ. Житье мнѣ было хорошее, привольное, денегъ всегда въ волю, а въ молодыя лѣта имъ цѣны не знаешь, и мы съ бариномъ таки порядочно тратили на всякую всячину. Вдругъ объявленъ былъ походъ подъ Француза въ Австрію. Гвардія выступала, а съ нею и мой господинъ. Онъ отправилъ меня съ своими лошадьми, ко-

ляской и многими вещами, всего будетъ болѣе чѣмъ тысячъ на пять, къ матери своей, приказавъ всё это доставить ей и, взявши отъ нея денегъ, пріѣхать къ нему на Австрійскую границу. Я доѣхалъ до Орла, откуда оставалось только верстъ 200 до нашей деревни. Въ Орлѣ я остановился отдохнуть и для развлеченія пошелъ въ трактиръ. Тамъ немного подгулялъ; меня завели въ какой-то домъ и на чисто обыграли въ карты. Коляску, лошадей, вещи я все проигралъ пьяный. Утромъ, когда я проснулся и пришелъ въ себя, побѣжалъ было къ разбойникамъ, но ихъ и слѣдъ простылъ. Въ домѣ сказали мнѣ, что я говорю вздоръ и что я тутъ не былъ даже. Что́ было дѣлать? Я не зналъ имени тѣхъ, кто игралъ со мной, и едва могъ бы признать въ лице. Однакожъ я объявилъ обо всемъ полицеймейстеру. Тотъ посадилъ меня подъ арестъ и отправилъ къ барынѣ по пересылкѣ, производя между тѣмъ розыски. Барыня сильно прогнѣвалась на меня и сослала на поселеніе. Конечно, если бы въ это время былъ самъ молодой баринъ, то онъ не сдѣлалъ бы такъ, а отечески наказавъ простилъ бы меня».—«Вотъ такимъ образомъ, продолжалъ онъ, я попался въ Сибирь. Пришедши съ партіей въ Нижнеудинскъ, меня назначили въ это селеніе. Тогда у насъ здѣсь былъ исправникомъ, дай Богъ ему царствіе небесное, Лоскутовъ. Вы конечно объ немъ слышали, и если не слыхали, то услышите. Это былъ человѣкъ рѣдкій, необыкновенный, какихъ мало на свѣтѣ, и какихъ надобно въ Сибири. Строгъ былъ, но за то справедливъ, и не одинъ изъ нашего брата поселенцевъ обязанъ ему всѣмъ своимъ достояніемъ и молитъ за него Богу. При немъ, бывало, бросьте кошелекъ съ деньгами на большой дорогѣ, никто не тронетъ, или сей же часъ объявятъ. Вотъ и призываетъ меня Лоскутовъ къ себѣ. «Ты назначенъ, говоритъ онъ, въ «такое-то селеніе, мѣсто привольное; если не будешь пить, «а будешь трудиться, то скоро разбогатѣешь. Смотри, не «лѣнись, работай прилежно: чрезъ шесть мѣсяцевъ я заѣду «къ тебѣ, и если найду, что ты ничего не пріобрѣлъ, ни «чѣмъ не обзавелся, запорю до смерти. Если же увижу, «что ты трудишься хорошо, то не откажуся самъ помогать «тебѣ».-«Батюшка, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ я, усер«дія у меня достанетъ, да и работать я радъ, но тяжело «будетъ подняться, не имѣя ничего; придется вѣдь еще долго «жить въ работникахъ, пока не скоплю деньженокъ». — «За «деньгами дѣло не станетъ, сказалъ онъ. Вотъ тебѣ 100 руб. «Распоряжайся ими съ умомъ; но знай, что я ихъ даю тебѣ «въ займы и не только потребую назадъ деньги свои, но и «отчета въ твоемъ хозяйствѣ». Я взялъ деньги не безъ страха и вышелъ отъ него. Ровно чрезъ шесть мѣсяцевъ, пріѣхавъ

по какому-то дѣлу въ наше селеніе, онъ пошелъ посмотрѣть мое хозяйство, велѣлъ даже принести на показъ крынки съ молокомъ и, оставшись доволенъ, позволилъ мнѣ еще держать данныя имъ мнѣ деньги. Въ продолженіи этихъ шести мѣсяцевъ я женился, обзавелся домикомъ, посѣялъ хлѣбца, завелъ лошадь, двѣ коровы и овецъ. Богъ помогъ мнѣ выручить порядочную сумму отъ охоты за козулями. Я, по примѣру здѣшнихъ старожиловъ, сдѣлалъ въ лѣсу двѣ засады, и Богу было угодно, чтобы въ засады мои попалось этого звѣря гораздо болѣе, чѣмъ у прочихъ, такъ что я въ первый годъ продалъ мяса и шкуръ рублей на 200. Вотъ какъ я началъ. Правда, трудился я съ женой денно и ночно; но Богъ, видимо, помогалъ моимъ трудамъ. Лоскутовъ бывало не нарадуется, взойдя ко мнѣ. «Ай да Ермолай, молодецъ, люблю такихъ». Лѣтъ черезъ десятокъ, я завелъ большую пашню, сталъ держать работниковъ, пускать въ извозъ лошадей, у меня начали останавливаться Кяхтинскіе прикащики съ чаями. Однимъ словомъ, я разбогатѣлъ по крестьянскому быту. Могъ бы и еще больше разбогатѣть, стоило только пуститься въ казенные подряды, меня не только приглашали, а насильно втягивали чиновники; да самъ не захотѣлъ: тутъ не всегда дѣлается на честныхъ правилахъ; надобно давать, а чтобы давать, надобно плутовать, воровать у казны да и концы умѣть хоронить. Мнѣ этого не хотѣлось; пусть же другіе отъ этого богатѣютъ, а не я. Мнѣ Богъ позволилъ нажить копѣйку честнымъ образомъ. Велика Его милость была ко мнѣ грѣшному, надобно было стараться загладить прежніе грѣхи. У меня это не выходило изъ головы. Вотъ какъ только случились лишнія деньженки, я и написалъ письмо къ бывшему барину, вложилъ 5000 рублей ассигн. и отослалъ ихъ къ нему, прося у него прощенія, и увѣдомлялъ о своемъ житьѣ-бытьѣ. Матушка его давно скончалась, баринъ же мнѣ отвѣчалъ и приглашалъ меня воротиться въ Россію; вотъ и письмо его, прибавилъ онъ, вынимая изъ шкафа бумагу. Но мнѣ уже было здѣсь такъ хорошо, что я и не подумалъ о возвращеніи. Къ тому же Богъ благословилъ меня семействомъ. Лоскутовъ, узнавъ, что я отослалъ барину деньги, при цѣломъ обществѣ поцѣловалъ меня и сказалъ: «Вотъ, ребята, берите примѣръ съ Ермолая, и тогда всѣ будете людьми». Потомъ я захотѣлъ, изъ благодарности за милость Божію ко мнѣ, выстроить Ему храмъ и долго хлопоталъ у преосвященнаго о разрѣшеніи. Наконецъ получилъ его, когда старая ветхая церковь сгорѣла отъ грозы. Пашни у меня было болѣе 100 десятинъ, двѣ заимки, держу около сорока работниковъ. Всѣ здѣшніе крестьяне со мной совѣтуются, и я далъ обѣщаніе никому не отказывать въ помощи и не спрашивать у просящаго, кто онъ и на что ему?

Вотъ еще недавно, нынѣшней осенью, ѣду я на заимку верхомъ, встрѣчаю нѣсколько человѣкъ бѣглыхъ. Куда путь держите? спросилъ я ихъ. Къ Ермолаю на заимку, отвѣчаютъ они. Онъ, говорятъ, добрый человѣкъ, поможетъ намъ. Ермолай-то добрый человѣкъ, говорю я, да законы-то строги, а у него на заимкѣ много работниковъ, ну какъ они васъ задержутъ, да представятъ? Пойдемте-ка лучше къ нему въ домъ. Они пошли за мной, я накормилъ ихъ, далъ бѣлье и снабдилъ кое-чѣмъ на дорогу. Разсуждаю такъ: дѣло правительства ловить бѣглеца; мое—накормить и помочь человѣку».

Мы смотрѣли на этого необыкновеннаго человѣка, удивлялись его простой, но здравой философіи и отъ всего сердца обняли его. Вотъ вамъ преступники, господа сочинители и исполнители уголовныхъ законовъ и общественныхъ учрежденій! Вы скажите, это исключеніе [22]). Да, исключеніе; но кто вамъ-то далъ право отнимать все будущее у подобнаго вамъ? Это дѣло одного Бога. Вы же можете быть одними только нравственными врачами. Лечите, старайтесь лечить какъ можно искуснѣе, не вредя здоровыхъ органовъ и когда вылечите, возвратите обществу его члена, который можетъ быть для него полезнѣе многихъ здоровыхъ, и въ особенности своимъ примѣромъ; а не клеймите его вѣчнымъ позоромъ.

Въ восточной Сибири существуетъ обыкновеніе, которое показываетъ, какими глазами сельское народонаселеніе смотритъ на бѣглыхъ, оставляющихъ не рѣдко мѣста своихъ работъ или ссылки, вслѣдствіе тяжкихъ работъ и дурнаго обращенія мѣстнаго начальства, или худаго содержанія. Въ каждомъ селеніи при домахъ вы увидите подъ окнами небольшія полки, на которыя кладутъ на ночь ржаной хлѣбъ, пшеничныя булки, творогъ и крынки съ молокомъ и простоквашею. Бѣглые, проходя ночью селеніе, берутъ это все съ собою какъ подаяніе. Это обыкновеніе вмѣстѣ съ тѣмъ избавляетъ жителей отъ воровства: ибо, отъ недостатка въ пищѣ, бѣглецы по неволѣ должны прибѣгать къ покушенію на собственность.

Простясь съ добрымъ и умнымъ нашимъ Ермолаемъ, мы отправились далѣе. Верстъ за 200 отъ Иркутска, на одномъ изъ этаповъ, явился къ намъ только что выпущенный изъ академіи военный медикъ, очень милый и добрый юноша.

---

22) Я бы могъ привести здѣсь еще одинъ примѣръ человѣка, совершившаго ужасное преступленіе и котораго потомъ не только я, но и всѣ тѣ, которые были съ нимъ знакомы, знали за добродѣтельнаго и честнѣйшаго человѣка. Не смѣю ни назвать его, ни говорить о немъ, потому что онъ еще живъ, и я боюсь, чтобы какъ нибудь случайно эти записки не растравили его раны.

Онъ только что прибылъ къ своей должности и очень жаловался на судьбу свою, которая предназначила ему жить въ отдаленномъ краю и въ такомъ мѣстѣ, гдѣ нѣтъ ни общества, ни способовъ къ занятіямъ, ни развлеченія для человѣка сколько нибудь образованнаго. Я нарочно упоминаю здѣсь объ этой встрѣчѣ, чтобъ показать, какъ мало заботятся у насъ о томъ, чтобы по окончаніи воспитанія доставлять молодымъ людямъ средства къ дальнѣйшему образованію и предохранять ихъ отъ пагубныхъ слѣдствій скуки, бездѣятельности и одиночества. Проѣзжая это же селеніе чрезъ 10 лѣтъ, когда мы съ Ивашевымъ ѣхали изъ Петровскаго Завода въ Туринскъ, къ намъ явился тотъ-же медикъ, но уже не тотъ человѣкъ. Онъ вошелъ къ намъ петрезвый, съ распухшимъ лицемъ, въ изорванномъ сюртукѣ, который едва влѣзъ, на его толстую, можно сказать, безобразную фигуру. Я позабылъ было о первой моей съ нимъ встрѣчѣ, и хотя намъ вовсе непріятно было его присутствіе, тѣмъ болѣе, что тутъ была супруга Ивашева, но изъ вѣжливости мы пригласили его напиться съ нами чаю. Когда мы нѣсколько разговорились съ нимъ, я узналъ въ немъ прежняго юношу и напомнилъ ему о первомъ нашемъ свиданіи. Лишь только я объ этомъ упомянулъ, онъ бѣдный залился горькими слезами. «Боже мой, вскричалъ онъ, какъ измѣнился я съ тѣхъ поръ, что я теперь, на что гожусь? Ни за что бы не пришелъ къ вамъ, еслибъ зналъ, что мы видѣлись прежде. Мнѣ совѣстно даже самаго себя; а всему причиною проклятое это мѣсто; сколько я ни просилъ, какъ ни старался, чтобы меня перевели отсюда, начальство не обращало вниманія на мои просьбы. Скука погубила меня: никакого занятія, никакого развлеченія и никакого общества. Одинъ только этапный офицеръ, и тотъ изъ солдатъ, грубый, нетрезвый. Придешь къ нему, сейчасъ водка. Я сталъ пить, жепился на крестьянкѣ и теперь уже совершенно освоился съ своимъ положеніемъ, такъ что еслибы и захотѣли меня перевести отсюда, я бы не согласился. Въ другомъ мѣстѣ, въ другомъ обществѣ, я уже не гожусь». Вскорѣ онъ вышелъ отъ насъ, извиняясь, что обезпокоилъ и прося насъ пожалѣть о немъ. Сколько погибаетъ такимъ образомъ дѣльныхъ и умныхъ людей, которые при другой обстановкѣ, и въ особенности въ первое время молодости, были бы полезными членами общества.

Наконецъ мы прибыли въ Иркутскъ. Это было поздно вечеромъ. Насъ подвезли къ острогу и помѣстили въ особой комнатѣ. Сейчасъ явился полицеймейстеръ, обошелся съ нами очень вѣжливо, спросилъ, не имѣемъ-ли въ чемъ надобности и распорядился нашимъ ужиномъ. У меня дорогой сдѣлался флюсъ, отъ котораго я очень страдалъ, будучи безпрестанно

на холоду, и я попросилъ его переговорить съ докторомъ. Онъ обѣщалъ свозить меня къ нему на другой день утромъ. Отведенная намъ комната была обширна, но очень неопрятна; около стѣнъ были нары, на которыхъ мы расположились ночевать. Утромъ, лишь только мы напились чаю, пріѣхалъ опять полицеймейстеръ и градской глава купецъ Кузнецовъ, впослѣдствіи сдѣлавшійся извѣстнымъ своимъ богатствомъ и огромными пожертвованіями на пользу общественную. Полицеймейстеръ предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ къ инспектору Врачебной Управы. Мы отправились. Инспекторъ-старичекъ, съ простодушной физіономіей, лишь только узналъ мою фамилію, бросился обнимать меня. Оказалось, что онъ нѣкогда, до моего еще рожденія, былъ домашнимъ медикомъ въ домѣ моего дѣда и зналъ все наше семейство. Онъ плакалъ, смотря на меня и съ большимъ усердіемъ оказалъ мнѣ необходимую помощь. Продержавъ меня болѣе часа и снабдивъ лекарствами и совѣтами, онъ трогательно, съ участіемъ, простился со мной. Вскорѣ по возвращеніи моемъ въ острогъ, прибылъ къ намъ генералъ губер. восточной Сибири Лавинскій, ласково обошелся съ нами, предложилъ зависящія отъ него услуги; но при разговорѣ старался избѣгать слова *вы*, а говорилъ съ нами въ третьемъ лицѣ, обращаясь къ болѣе бывшимъ тутъ чиновникамъ, а не къ намъ. Это было и странно, и смѣшно, даже не ловко ему самому. Можетъ быть, возвратясь только изъ Петербурга, онъ имѣлъ особенныя приказанія на счетъ насъ отъ Государя и, соображаясь съ ними, хотѣлъ въ присутствіи чиновниковъ показать, что мы потеряли уже право на принятыя въ образованномъ обществѣ условія. Странно только то было, что высшій государственный сановникъ могъ думать о такихъ мелочахъ.

Мы пробыли въ Иркутскѣ около недѣли. Тутъ узнали мы кое-что о распоряженіяхъ правительства на счетъ нашъ. Узнали, что назначенъ и что уже прибылъ въ с. Читу, Нерчинскаго округа, опредѣленный собственно къ намъ комендантъ, генералъ Лепарскій, съ нѣкоторыми другими должностными лицами изъ военныхъ, что въ Читѣ наскоро приготовлено для насъ помѣщеніе, обнесенное тыномъ, и что нѣкоторые изъ прежде отправленныхъ нашихъ товарищей находились уже тамъ. Всѣ эти свѣдѣнія были для насъ не совсѣмъ пріятны; одно только было утѣшительно знать, что всѣ мы будемъ вмѣстѣ, а на людяхъ и умереть красно, какъ говоритъ пословица.

Изъ Иркутска отправили насъ съ казацкимъ сотникомъ и четырьмя казаками въ Читу. Тутъ мы разстались съ провожавшими насъ жандармами и Тобольскимъ частнымъ приставомъ. Всѣ они такъ были съ нами вѣжливы, такъ вни-

мательны къ намъ, что мы не могли нахвалиться ими и не оставаться имъ признательными. Частный приставъ не иначе называлъ Фонъ-Визина какъ превосходительнымъ и не хотѣлъ слушать, когда мы говорили ему, что лишены чиновъ и всѣхъ титуловъ. Въ Иркутскѣ мы встрѣтили также нашего фельдъегеря, которому приказано было, оставивъ насъ въ Тобольскѣ, догнать прежде отправленную партію, въ которой находился Завалишинъ, взять его одного и доставить въ Иркутскъ. Рѣшительно не понимаю причины этого распоряженія.

Много возни у насъ было съ нашимъ сотникомъ, не смотря на то, что онъ очень хорошъ былъ съ нами. Къ несчастію онъ имѣлъ страсть къ горячимъ напиткамъ и взялъ съ собой цѣлой боченокъ водки, изъ котораго на каждой станціи тянулъ неумѣренно, предлагая безпрестанно и намъ слѣдовать его примѣру. Ни совѣты, ни просьбы наши, ни увѣщанія, ничего не помогало, и мы должны были покориться необходимости, ожидая съ нетерпѣніемъ прибытія въ Читу.

Мы пріѣхали туда вечеромъ, довольно поздно, не заставъ ни коменданта, ни плацъ-маіора: они были въ это время въ Нерчинскихъ заводахъ, гдѣ находились первые восемь человѣкъ нашихъ товарищей, отправленныхъ туда сейчасъ послѣ сентенціи. Принялъ насъ поручикъ Степановъ и помѣстилъ въ какое-то небольшое деревянное зданіе, окруженное тыномъ. Все это зданіе состояло изъ двухъ небольшихъ комнатъ, раздѣленныхъ сѣнями, и третьей очень маленькой, отгороженной въ самыхъ сѣняхъ. Насъ помѣстили въ одной изъ нихъ. Въ другой находились прежде прибывшіе товарищи наши: два брата Муравьевыхъ, Анненковъ, Свистуновъ, Завалишинъ, Торсонъ и два брата Крюковыхъ. Мы слышали, какъ они говорили между собою, но намъ не позволено было въ этотъ вечеръ съ ними видѣться. Офицеръ Степановъ освидѣтельствовалъ наши вещи, обошелся довольно грубо, поставилъ караулъ и уходя заперъ изъ сѣней дверь, отдавъ ключъ часовому. Никогда не видѣлъ я такого сходства въ наружности какъ у этого офицера съ гр. Аракчеевымъ. Оно такъ было поразительно, что впослѣдствіи мы не иначе звали его, какъ Аракчеевымъ, и сомнѣвались, не побочный ли онъ его сынъ. Оставшись одни, безъ огня, мы кое-какъ помѣстились на бывшихъ тутъ нарахъ и легли спать вовсе не съ утѣшительными мыслями. Мы опасались, что и здѣсь намъ будетъ воспрещено сообщаться свободно съ товарищами, и очень обрадовались, когда на другой день утромъ, лишь только отворили нашу дверь, всѣ они вошли къ намъ, радушно насъ привѣтствовали и пригласили въ свою комнату пить чай. Вслѣдъ за нами,

стали пріѣзжать и другіе. Каждые три дни прибывала новая партія изъ трехъ или четырехъ человѣкъ. Сначала помѣщали ихъ въ нашъ домикъ; а потомъ, когда сдѣлалось уже очень тѣсно, въ другой, устроенный такимъ же образомъ, на противоположномъ концѣ селенія. Къ концу зимы, т. е. къ Апрѣлю мѣсяцу, съѣхалось насъ болѣе 70 человѣкъ. Половина занимала одинъ домъ, а другая помѣстилась въ другомъ. Въ это время пріѣхали уже и нѣсколько дамъ. Жена Муравьева первая, потомъ Фонъ-Визина, Нарышкина, Ентальцева. Онѣ жили въ наемныхъ квартирахъ у жителей, и имъ позволено было видѣться съ мужьями два раза въ недѣлю въ казематахъ, въ присутствіи офицера. Комендантъ тоже вскорѣ прибылъ изъ Нерчинска, былъ у насъ и обошелся ласково, хотя и оффиціально.

Помѣщеніе наше было чрезвычайно тѣсно. Въ первой комнатѣ, аршинъ осьми длины и пяти ширины, жило человѣкъ 16, во второй почти того же размѣра, тоже 16, а въ третьей маленькой 4 человѣка. Въ другомъ домикѣ было, кажется, еще тѣснѣе. На нарахъ каждому изъ насъ приходилось по три четверти аршина для постели, такъ что, переворачиваясь ночью на другой бокъ, надобно было непремѣнно толкнуть одного изъ сосѣдей своихъ, особенно имѣя на ногахъ цѣпи, которыхъ на ночь не снимали и которыя при всякомъ неосторожномъ движеніи производили необыкновенный шумъ и чувствительную боль. Но къ чему не можетъ привыкнуть, чего не можетъ перенести молодость! Мы всѣ спали также хорошо, какъ на роскошныхъ постеляхъ и мягкихъ пуховикахъ.

Тѣснота эта еще была ощутительнѣе днемъ. Пространства для движенія было такъ мало, что всѣмъ намъ не было никакой возможности сходить съ наръ, притомъ шумъ отъ желѣзъ былъ такъ силенъ, что надобно было очень громко говорить, чтобы слышать другъ друга. Сначала намъ позволяли гулять только по двору, но потомъ не воспрещено выходить днемъ, когда вздумается. При такой тѣснотѣ, это дозволеніе было почти необходимо: въ противномъ случаѣ, безъ воздуха и движенія, могли открыться повальныя болѣзни. Дворъ былъ небольшой, обнесенный высокимъ тыномъ, около котораго на каждой сторонѣ находился часовой, а въ воротахъ два; слѣдовательно опасаться было нечего.

При посѣщеніи дамами мужей своихъ, выводили всѣхъ тѣхъ, кто помѣщался въ комнатѣ назначенной для свиданія. Разумѣется, въ хорошую погоду мы уходили сидѣть или гулять по двору, но въ худую собирались всѣ въ другую, и тогда рѣшительно помѣщались въ ней, какъ сельди въ боченкахъ. — Обѣдъ намъ готовили общій. Онъ обык-

новенно состоялъ изъ супа или щей и изъ каши съ масломъ. Приносили всё это въ деревянныхъ ушатахъ; оттуда мы уже брали кушанье на тарелки. Въ обѣденное время вносились въ комнату козлы, на нихъ клались доски, покрывались кое-какъ салфетками и скатертями, и на этомъ столѣ становилось кушанье. Садились же мы гдѣ было только можно, и около стола и на нарахъ, однимъ словомъ въ самомъ разнообразномъ безпорядкѣ. Ужинали тоже кое-какъ и стоя, и ходя. Всякій бралъ свой кусокъ варенаго мяса, и ѣлъ, какъ и гдѣ хотѣлъ. Часто случалось, что, улегшись ночью на узенькой постелѣ своей, состоявшей изъ войлока, вдругъ почувствуешь что-то твердое подъ бокомъ и вынешь кость, оставшуюся послѣ ужина или обѣда.

Правительство назначало намъ на содержаніе шесть копѣекъ мѣди въ сутки и въ мѣсяцъ два пуда муки, по общему положенію всѣхъ ссыльно-рабочихъ. Разумѣется, этого не могло доставать, не только на всё содержаніе, но даже и на одну пищу. Но какъ нѣкоторые изъ насъ привезли съ собою деньги, отданныя ими коменданту, къ тому же дамы съ своей стороны радушно удѣляли часть своихъ денегъ, изъ всего этого составилась артельная сумма, которая и расходовалась на общія наши потребности.

Кромѣ того дамы присылали намъ кофей, шеколадъ и различныя кушанья, служившія намъ въ родѣ лакомства. Изъ книгъ, привезенныхъ каждымъ изъ насъ, составилась порядочная библіотека, которою всѣ могли пользоваться, и это было однимъ изъ самыхъ пріятныхъ нашихъ занятій, самыхъ полезныхъ и дѣйствительныхъ развлеченій.

Намъ назначены были дни работы. Каждый день, исключая праздниковъ, насъ выводили за конвоемъ, на три часа поутру и на два послѣ обѣда, засыпать какой-то ровъ на концѣ селенія. Мы были очень рады этимъ работамъ, потому что онѣ позволяли намъ видѣться съ товарищами нашими изъ другаго каземата. Работать же насъ не принуждали: свезя нѣсколько тачекъ земли, мы обыкновенно садились бесѣдовать другъ съ другомъ, или читали взятую съ собой книгу, и такимъ образомъ проходило время работы... Ровъ этотъ, не знаю кто-то изъ насъ назвалъ Чортовой могилой, и говорятъ, что онъ до сихъ поръ носитъ это названіе. Впослѣдствіи придумали намъ другую работу: устроили ручную мельницу въ нѣсколько жернововъ и водили туда молоть хлѣбъ. Но и тамъ мы почти ничего ни дѣлали, толковали, читали, играли въ шахматы, и только для виду подходили минутъ на десять къ жерновамъ и намалывали фунта по три такой муки, которая ровно никуда не годилась. Должно отдать въ этомъ случаѣ справедли-

вость коменданту, который по добротѣ своей смотрѣлъ на всё это сквозь пальцы и поступалъ съ нами вообще очень снисходительно и человѣколюбиво.

Намъ воспрещено было писать самимъ къ нашимъ роднымъ. Въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ касающихся до ограниченія свободной воли человѣка, насъ подчинили одинакимъ правиламъ съ простыми ссыльно-рабочими, въ иныхъ же случаяхъ лишали и послѣдняго остатка той свободы, которою они пользовались. Пріѣздъ и пребываніе дамъ много облегчили судьбу нашу. Имъ нельзя было воспретить писать, и онѣ съ удовольствіемъ приняли на себя обязанность нашихъ секретарей, т. е. писали отъ имени каждаго изъ насъ къ роднымъ и тѣмъ возстановили переписку и поддерживали родственныя связи наши. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ большая часть изъ насъ стали получать отъ родныхъ письма и пособіе.

Съ другой стороны, даже и въ отношеніи нашего тюремнаго бытія, нашего содержанія, обращенія съ нами должностныхъ лицъ, присутствіе ихъ было истинно благодѣтельно. Чрезъ нихъ мы могли говорить съ комендантомъ, какъ люди свободные, не подвергаясь отвѣтственности въ нарушеніи той зависимости, на которую обрекалъ насъ приговоръ нашъ. Онѣ были свидѣтельницами, можно сказать, участницами нашей жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ пользовались всѣми правами своими, слѣдовательно могли жаловаться частнымъ образомъ роднымъ своимъ и даже самому правительству... Не разъ, по своему незнанію гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, не признавая той неограниченной власти, которую правительство имѣетъ надъ осужденными и основываясь только на чувствѣ справедливости и человѣколюбія, онѣ вступали, при какой нибудь стѣснительной въ отношеніи насъ мѣрѣ, въ борьбу съ комендантомъ и говорили ему въ глаза самыя жесткія, самыя колкія слова, называя его тюремщикомъ и прибавляя, что ни одинъ порядочный человѣкъ не согласился бы принять на себя эту должность, иначе какъ только съ тѣмъ, чтобы, не смотря на послѣдствія и на гнѣвъ Государя, облегчать сколько возможно участь нашу: что если онъ будетъ поступать такимъ образомъ, то заслужитъ не только уваженіе ихъ, наше, но и уваженіе общее и потомства; въ противномъ же случаѣ, онѣ будутъ смотрѣть на него какъ на простаго тюремщика, продавшаго себя за деньги, и онъ оставитъ по себѣ незавидную память. Такія слова ни могли не имѣть вліянія на добраго старика, тѣмъ болѣе, что по сердцу своему онъ находилъ ихъ справедливыми. «Au nom de Dieu, ne vous échauffez pas, Madame», отвѣчалъ бывало онъ имъ на подобную выходку.» Soyez raisonable, je ferai ce que

depend de moi, mais vous exigez une chose qui doit me compromettre aux yeux du gouvernement. Je suis sur que vous ne voulez pas, qu'on me fasse soldat, pour n'avoir pas suivi mes instructions».—«Eh bien soyez soldat, general, lui pisait on, mais soyez honnete homme» [23]). Что ему было дѣлать съ нами послѣ этого?

Съ другой стороны, онъ вскорѣ долженъ былъ почувствовать и къ намъ не одно только состраданіе, но и нѣкоторое уваженіе. Отложа въ сторону всякое самохвальство, можно по совѣсти сказать, что мы вели себя скромно и съ достоинствомъ. При первомъ его посѣщеніи, когда онъ упомянулъ намъ о томъ зависимомъ положеніи, въ которое мы поставлены нашимъ осужденіемъ, всѣ отвѣчали ему, что мы это знаемъ очень хорошо, что готовы сносить съ терпѣніемъ всѣ лишенія, подчиняться безпрекословно всѣмъ распоряженіямъ, всѣмъ стѣснительнымъ противу насъ мѣрамъ, но что объ одномъ только просимъ его и напередъ объявляемъ, что въ этомъ отношеніи мы готовы будемъ лучше лишиться жизни, чѣмъ переносить хладнокровно. Эта единственная просьба наша состояла въ томъ, чтобы не оскорблять насъ дерзкимъ обращеніемъ, но обходиться съ нами какъ съ людьми, у которыхъ осужденіе не могло отнять ихъ прежнихъ понятій и ихъ чувствъ.

Мѣстность Читы и климатъ были безподобны. Растительность необыкновенная. Все то что̀ произрастало тамъ достигало изумительныхъ размѣровъ. Воздухъ былъ такъ благотворенъ и въ особенности для меня, что никогда и нигдѣ я не наслаждался такимъ здоровьемъ. Будучи, какъ я уже говорилъ, слабаго, тщедушнаго сложенія, я, казалось, съ каждымъ днемъ пріобрѣталъ новыя силы и наконецъ до такой степени укрѣпился, что сталъ почти другимъ человѣкомъ. Вообще всѣ мы въ Читѣ очень поздоровѣли и, пріѣхавши туда изнуренные крѣпостнымъ заключеніемъ и нравственными испытаніями, вскорѣ избавились отъ всѣхъ послѣдствій перенесенныхъ нами страданій. Конечно къ этому много способствовала наша молодость, но въ свою очередь, климатъ оказалъ большую помощь. Отсутствіе всякихъ тѣлесныхъ недуговъ имѣло необходимое вліяніе на расположеніе духа. Мы были веселы, легко переносили свое положеніе и, живя между собою дружно, какъ члены одного се-

---

23) Бога ради, не горячитесь, сударыни; будьте благоразумны: я сдѣлаю все что̀ отъ меня зависитъ; но вы требуете такую вещь, которая можетъ меня компрометтировать въ глазахъ правительства. Я увѣренъ, вы не хотите, чтобы меня разжаловали въ солдаты за то, что я нарушилъ данное мнѣ приказаніе. — Ну чтожъ, будьте лучше солдатомъ, генералъ, но будьте честнымъ человѣкомъ.

мейства, бодро и спокойно смотрѣли на ожидавшую насъ будущность. Каждый изъ насъ, болѣе или менѣе, старался заниматься чѣмъ нибудь. Иные съ помощью книгъ и товарищей учились неизвѣстнымъ для нихъ языкамъ: Французскому, Нѣмецкому, Англійскому, полатынѣ, погречески, даже поеврейски [24]); другіе занимались математикою, поэзіею, исторіею, живописью, музыкой и даже ручными ремеслами. Мы устроили на дворѣ палатку, просиживали тамъ по цѣлымъ днямъ съ книгою и съ грифельною доскою (писать на бумагѣ не позволялось) и не видѣли, какъ шло время. Вечера обыкновенно ходили кучками и толковали о разныхъ предметахъ. Но всего превосходнѣе было то, что между нами не произносилось никакихъ упрековъ, никакихъ даже другъ другу намековъ относительно нашего дѣла. Никто не позволялъ себѣ даже замѣчаній другому, какъ велъ онъ себя при слѣдствіи, хотя многіе изъ насъ обязаны были своею участью неосторожнымъ показаніямъ или недостатку твердости кого либо изъ товарищей. Казалось, что всѣ недоброжелательные помыслы были оставлены въ покинутыхъ нами казематахъ и что сохранилось во всѣхъ одно только взаимное другъ къ другу расположеніе.

Помню, что въ первое время нашего пребыванія въ Читѣ, мы очень много толковали о возможности освободиться изъ нашего заключенія, и вспоминаю объ этомъ потому болѣе, что въ настоящее время предположеніе наше плыть по Амуру до Сахалина вполнѣ оправдалось. Дѣло состояло въ томъ, чтобы обезоружить караулъ и всю команду находившуюся въ Читѣ, задержать на время коменданта и офицеровъ и потомъ, присоединивъ къ себѣ тѣхъ, которые согласятся пристать къ намъ и запасясь провіантомъ, оружіемъ, снарядами, построить наскоро барку или судно, спуститься рѣками Аргуномъ и Шилкою въ Амуръ и плыть имъ до самаго устья его, а тамъ уже дѣйствовать и поступать по обстоятельствамъ. Этотъ планъ, я увѣренъ, очень могъ быть исполненъ. Насъ было 70 человѣкъ, молодыхъ, здоровыхъ, рѣшительныхъ людей. Обезоружить караулъ и выйти изъ каземата не представляло никакого затрудненія, тѣмъ болѣе, что большая часть солдатъ приняла бы сей часъ нашу сторону. Вся команда состояла изъ ста съ небольшимъ человѣкъ, и можно навѣрное предположить, что половина присоединилась бы къ намъ. Офицеры и комендантъ не могли бы намъ противиться. Пока дошло бы свѣдѣніе о дѣйствіяхъ нашихъ въ Иркутскъ и пока приняли бы мѣры про-

---

[24]) Сколько мы слышали отъ здравствующихъ доселѣ товарищей П. Б. Басаргина, Еврейскій языкъ упомянутъ здѣсь гиперболически: Еврейской книги никто изъ нихъ тогда не видывалъ. *П. Б.*

тивъ насъ, мы легко могли построить судно, нагрузиться и уплыть въ Амуръ, слѣдовательно быть внѣ преслѣдованія. Въ Читѣ мы нашли бы необходимое: провіантъ, снаряды и оружіе, въ достаточномъ количествѣ для нашего путешествія. Плаваніе по Амуру, какъ оказалось это впослѣдствіи экспедиціею генералъ-губернатора Муравьева, совершилось бы безъ особенныхъ препятствій. Однимъ словомъ, вѣроятности въ успѣхѣ было много, болѣе чѣмъ нужно при каждомъ смѣломъ предпріятіи. Но съ другой стороны представлялись и затрудненія: неожиданное сопротивленіе со стороны команды, слѣдовательно необходимость прибѣгнуть къ силѣ оружія, погубить, можетъ быть, нѣсколько невинныхъ жертвъ, однимъ словомъ взять на совѣсть пролитіе крови единственно для своего только освобожденія. При томъ непредвидимыя случайности напр. нечаянное, преждевременное открытіе нашего намѣренія комендантомъ или офицерами, недостатокъ рѣшимости въ комъ либо изъ насъ въ послѣднюю минуту. Наконецъ вопросъ, какъ поступить съ дамами; оставить ихъ (на что вѣроятно онѣ бы не согласились) въ рукахъ раздраженнаго правительства или, взявши съ собою, подвергнуть всѣмъ лишеніямъ, всѣмъ опасностямъ нашего дерзкаго, невѣрнаго предпріятія. Обстоятельно размысливъ обо всемъ этомъ и находя возраженія нѣкоторыхъ болѣе осторожныхъ нашихъ товарищей основательными, пылкая молодежь должна была согласиться съ нами и перестала думать и толковать объ освобожденіи своемъ.

Въ это время случилось въ нашемъ казематѣ происшествіе, которое могло имѣть очень худыя для насъ послѣдствія и гдѣ выказалось благоразуміе и расположеніе къ намъ коменданта [25]). Разъ, какъ-то, г-жа Муравьева пришла на свиданіе съ мужемъ въ сопровожденіи дежурнаго офицера. Офицеръ этотъ, подпоручикъ Дубининъ, не напрасно носилъ такую фамилію, и сверхъ того въ этотъ день былъ въ нетрезвомъ видѣ. Муравьевъ съ женой остался, по обыкновенію, въ присутствіи его въ одной изъ комнатъ, а мы всѣ разошлись кто на дворѣ, кто въ остальныхъ двухъ казематахъ. Муравьева была не очень здорова и прилегла на постели своего мужа, говорила о чемъ-то съ нимъ, вмѣшивая иногда въ разговоръ Французскія фразы и слова. Офицеру это не понравилось, и онъ съ грубостію сказалъ ей, чтобы она говорила порусски.

---

[25]) Читатели сличатъ разсказъ о томъ въ Русскомъ Архивѣ 1870, стр. 1655. Вѣроятно, Н. В. Басаргинъ повѣствуетъ здѣсь не какъ свидѣтель, а по наслышкѣ. *П. Б.*

Но она, посмотрѣвъ на него и не совсѣмъ понимая его выраженія, спросила опять пофранцузски мужа: Qu' est ce qu'il veut, mon ami? [26]). Тогда Дубининъ, потерявши отъ вина послѣдній здравый смыслъ свой и полагая можетъ быть, что она бранитъ его, схватилъ ее вдругъ за руку и неистово закричалъ: «я приказываю тебѣ говорить порусски». Бѣдная Муравьева, не ожидавши такой выходки, такой наглости, закричала въ испугѣ и выбѣжала изъ комнаты въ сѣни. Дубининъ бросился за ней, не смотря на усилія мужа удержать его. Большая часть изъ насъ и въ томъ числѣ и братъ Муравьевой, гр. Чернышевъ, услышавъ шумъ, отворили изъ своихъ комнатъ двери въ сѣни, чтобы узнать что происходитъ, и вдругъ увидали бѣдную женщину въ истерическомъ припадкѣ и всю въ слезахъ, преслѣдуемую Дубининымъ. Въ одну минуту мы на него бросились, схватили его, но онъ успѣлъ уже переступить на крыльцо и, потерявъ голову, въ припадкѣ бѣшенства, закричалъ часовымъ и караульнымъ у воротъ, чтобы они примкнули штыки и шли къ нему на помощь. Мы въ свою очередь закричали также, чтобы они не смѣли трогаться съ мѣста и что офицеръ пьяный самъ не знаетъ, что приказываетъ имъ. Къ счастью они послушались насъ, а не офицера, остались равнодушными зрителями и пропустили Муравьеву въ ворота. Мы попросили старшаго унтеръ-офицера сей часъ же бѣжать къ плацъ-маіору [27]) и звать его къ намъ. Дубинина же отпустили тогда только, когда все успокоилось, и унтеръ-офицеръ отправился исполнить наше порученіе. Онъ побѣжалъ отъ насъ туда же. Явился плацъ-маіоръ и смѣнилъ сей часъ Дубинина съ дежурства. Мы разсказали ему, какъ все происходило; онъ просилъ насъ успокоиться; но замѣтно было, что онъ боялся, чтобы изъ этого не вышло какого нибудь серьезнаго дѣла и чтобы самому не подвергнуться взысканію за излишнюю къ намъ снисходительность. Коменданта въ это время не было въ Читѣ. Его ожидали на другой день. До пріѣзда его, насъ перестали водить на работу для того, чтобы мы не могли сообщаться съ прочими товарищами нашими, и вообще присмотръ сдѣлался какъ-то строже. По возвращеніи своемъ, комендантъ сей часъ пошелъ къ Александрѣ Григорьевнѣ Муравьевой, извинился передъ нею въ невѣжливости офицера и увѣрилъ ее, что впередъ ни одна изъ дамъ не подвергнется подобной дерзости. Потомъ зашелъ къ намъ, вызвалъ Муравьева и Чер-

---

26) Чего онъ хочетъ, мой другъ?

27) Не плацъ-маіору, а плацъ-адъютанту Куломзину; онъ былъ племянникъ Лепарскаго. Другой племянникъ его, по фамиліи Лепарскій же былъ плацъ-маіоромъ, но гораздо позднѣе. *Ц. Б.*

нышева, долго говорилъ съ ними и просилъ, въ лицѣ ихъ, всѣхъ насъ какъ можно быть осторожнѣе на будущее время. «Что если бы солдаты не были такъ благоразумны, прибавилъ онъ, если бы они послушались не васъ, а офицера? Вы бы могли всѣ погибнуть. Тогда скрыть происшествіе было бы невозможно. Хотя офицеръ и первый подалъ поводъ, и онъ тоже подвергся бы отвѣтственности, но вамъ какая отъ того польза? Васъ бы все таки осудили, какъ возмутителей, а въ вашемъ положеніи это подвергаетъ Богъ знаетъ чему. Я же тогда, кромѣ безполезнаго сожалѣнія, ничѣмъ бы не могъ пособить вамъ». Далѣе увѣрилъ ихъ, что происшествіе это онъ кончитъ домашнимъ образомъ, не донесетъ объ немъ никому, а переведетъ только Дубинина въ другую команду.

Своимъ офицерамъ, а особенно плацъ-маіору, который былъ его родной племянникъ, онъ порядочно намылилъ голову за то, что они не смотрятъ за дежурными и допускаютъ ихъ отправлять эту обязанность въ нетрезвомъ состояніи. Тѣмъ кончилось это происшествіе. Если бы комендантъ былъ не доброжелательный, злой человѣкъ, онъ бы и въ этомъ случаѣ могъ подвергнуть насъ большимъ непріятностямъ, въ особенности, если бы дѣло представлено было въ превратномъ видѣ.

Между тѣмъ, въ продолженіе лѣта 1827 года, намъ строили другое временное помѣщеніе. Я говорю потому временное, что въ тоже время, въ Петровскомъ чугунномъ заводѣ, въ разстояніи 600 верстъ отъ Читы, создался большой тюремный замокъ, куда правительство намѣрено было перевести насъ, что впослѣдствіи и было исполнено. Это помѣщеніе въ Читѣ окончено было къ осени, и насъ всѣхъ перевели туда. Оно заключало въ себѣ двѣ половины, раздѣленныя между собою теплыми сѣнями или широкимъ коридоромъ. Каждая половина состояла изъ двухъ большихъ комнатъ, не имѣвшихъ между собою сообщенія. Входъ въ каждую изъ нихъ былъ изъ коридора. Въ каждой комнатѣ помѣщались отъ 15 до 20 человѣкъ довольно свободно. У всякаго изъ насъ была особая кровать и подлѣ ночной столикъ. По срединѣ оставалось достаточно мѣста для большаго стола и для скамеекъ вокругъ него. За этимъ столомъ мы обѣдали, пили чай и занимались. Въ одномъ изъ прежнихъ казематовъ нашихъ оставлено было человѣкъ 15, а другой назначенъ былъ для лазарета, на случай болѣзни кого либо изъ насъ. Туда водили также на свиданіе мужей съ ихъ супругами. Вскорѣ, впрочемъ, стали отпускать первыхъ на собственныя квартиры ихъ женъ, подъ конвоемъ. Офицеръ же не присутствовалъ при ихъ свиданіи, послѣ происшествія съ Дубининымъ.

Осенью и зимою 1827 года, стали прибывать и остальные изъ нашихъ товарищей, находившіеся въ Финляндскихъ крѣпостяхъ. Равнымъ образомъ привезли и тѣхъ 8 человѣкъ, которые были отправлены сей часъ послѣ сентенціи въ Нерчинскіе заводы. Съ ними пріѣхали и жены двухъ изъ нихъ, княгини Трубецкая и Волконская. Отправившись въ слѣдъ за мужьями своими въ Сибирь, онѣ жили съ ними во время ихъ пребыванія въ заводахъ. Къ концу зимы всѣ осужденные на работы находились уже въ Читѣ, исключая Батенкова, Кюхельбекера 1-го, Поджіо 1-го, Дивова и Норова, которые, неизвѣстно по какой причинѣ, оставлены были въ крѣпостяхъ. Первый пробылъ въ заточеніи около двадцати лѣтъ, а два другіе около десяти.

Пріѣздъ новыхъ товарищей нашихъ, разсказы каждаго изъ нихъ о томъ что̀ было съ нимъ послѣ сентенціи, о томъ что̀ каждый испыталъ, какъ провелъ послѣднее время и т. д. весьма естественно составляли предметъ разговора въ нашихъ бесѣдахъ. Сверхъ того мы, чрезъ дамъ нашихъ, стали получать газеты и журналы. Тогда была война съ Персіей и потомъ съ Турціей. Событія этихъ войнъ не могли не интересовать насъ. Мы еще не могли забыть военной службы, не могли быть равнодушными къ успѣхамъ нашего оружія; знали болѣе или менѣе почти всѣхъ дѣйствующихъ лицъ нашихъ, отъ главнокомандующихъ до послѣдняго генерала. Многіе изъ отличившихся въ эти кампаніи были нашими товарищами, иные даже друзьями. Слѣдовательно мы съ участіемъ слѣдили за каждымъ успѣхомъ Русскихъ войскъ, за каждымъ подвигомъ кого либо изъ нашихъ знакомыхъ или бывшихъ друзей. Многіе изъ нихъ теперь уже государственными сановниками, извѣстными генералами, администраторами, и я увѣренъ, что до сихъ поръ они сохранили сердечное объ насъ воспоминаніе. По крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, съ которыми мнѣ случилось видѣться, не только не забыли меня, но встрѣтили съ прежнею любовью, съ прежнею откровенностью, какъ будто бы между нами не существовало никакого различія въ общественномъ положеніи. Спасибо имъ за это, и отъ души спасибо! Это служитъ мнѣ доказательствомъ, что я не ошибался въ выборѣ моихъ юношескихъ привязанностей. Нынѣ даже, когда я пишу эти строки, я получилъ знакъ душевнаго воспоминанія и дружбы одного изъ прежнихъ друзей моей молодости, съ которымъ я разстался и не видался болѣе тридцати лѣтъ.

Вскорѣ мы устроили нѣкоторыя общія занятія, общія поучительныя бесѣды. Каждое воскресенье многіе изъ насъ собирались по утрамъ читать вслухъ что нибудь религіозное, напр. собственные переводы знаменитыхъ иностранныхъ проповѣдниковъ, Англійскихъ, Нѣмецкихъ, Французскихъ,

проповѣди извѣстныхъ духовныхъ особъ Русской Церкви, и кончали чтеніемъ нѣсколькихъ главъ изъ Евангелія, Дѣяній Апостоловъ или Посланій. Два раза въ недѣлю собирались мы тоже и на литературныя бесѣды. Тутъ каждый читалъ что нибудь собственное или переводное изъ предмета имъ избраннаго: исторіи, географіи, философіи, политической экономіи, словесности, поэзіи и такъ д. Бывали и концерты или вечера музыкальные. Звучные и прекрасные стихи Одоевскаго, относящіеся къ нашему положенію, согласные съ нашими мнѣніями, съ нашею любовью къ Отечеству, не рѣдко пѣлись хоромъ, подъ звуки музыки собственнаго сочиненія кого либо изъ нашихъ товарищей-музыкантовъ.

Знаменитый нашъ поэтъ Пушкинъ прислалъ намъ въ это время свое посланіе:

Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ, и. т. д.

Здѣсь кстати помѣщаю прекрасные стихи покойнаго товарища нашего поэта Одоевскаго, написанные въ альбомъ княгини М. Н. Волконской 25 Декабря 1829 года, въ день ея рожденія:

Былъ край слезамъ и скорби посвященный,
Восточный край, гдѣ розовыхъ зарей
Лучъ радостный, на небѣ тамъ рожденный,
Не услаждалъ страдальческихъ очей;
Гдѣ душенъ былъ и воздухъ вѣчно ясный,
И узникамъ кровъ свѣтлый докучалъ,
И весь обзоръ, обширный и прекрасный,
Мучительно на волю вызывалъ.

Вдругъ ангелы съ лазури низлетѣли
Съ отрадою къ страдальцамъ той страны,
Но прежде свой небесный духъ одѣли
Въ прозрачныя, земныя пелены,
И вѣстницы благія Провидѣнья
Явились какъ дочери земли,
И узникамъ съ улыбкой утѣшенья
Любовь и миръ душевный принесли.

И каждый день садились у ограды,
И сквозь нее небесныя уста
По каплѣ имъ точили медъ отрады.
Съ тѣхъ поръ, лились въ темницѣ дни, лѣта;
Въ затворникахъ печали всѣ уснули,
И лишь они страшились одного,
Чтобъ ангелы на небо не вспорхнули,
Не бросили покрова своего.

Въ этихъ стихахъ Одоевскій такъ вѣрно, такъ прекрасно высказалъ тогда общія наши чувства, что я не считаю нескромностію украсить ими мои воспоминанія.

Я бы могъ помѣстить здѣсь многое изъ того, что я узналъ тогда отъ товарищей моихъ, собравшихся вмѣстѣ, въ отношеніи нашего общества, нашего дѣла, такъ и въ отношеній дѣйствій правительства, при возстаніи 14 Декабря, во время слѣдствія и послѣ него; но предположивъ себѣ писать только то, въ чемъ я самъ участвовалъ или чему былъ свидѣтелемъ, я ограничиваюсь одними собственными моими воспоминаніями.

Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ 1828 года, послѣднему разряду сосланныхъ въ работу окончился срокъ [они были осуждены на два года, а въ коронацію имъ убавили еще годъ] и потому ихъ отправили на поселеніе. Прежде еще взяты были, присланными изъ Петербурга фельдъегерями, Толстой, Корниловичъ и отвезены служить на Кавказъ солдатами.

Вотъ имена отправленныхъ въ этотъ годъ на поселеніе: Кривцовъ, Аврамовъ 2-й, Чернышевъ, Лисовскій, Фонъ-деръ-Бригенъ, Ентальцевъ, Тизенгаузенъ, Лихаревъ, Загорѣцкій, Черкасовъ и Выгодовскій. Имъ назначены мѣста для водворенія въ самыхъ сѣверныхъ частяхъ восточной и западной Сибири въ Туруханскѣ, Березовѣ и Пелымѣ.

Впослѣдствіи нѣкоторымъ изъ нихъ разрѣшено было вступить въ службу солдатами на Кавказъ, а другихъ перевели на югъ, въ мѣста болѣе удобныя для жительства.

Грустно намъ было разставаться съ ними, да и имъ мало представлялось утѣшительнаго въ будущей одинокой жизни въ сѣверной Сибири, въ особенности тѣмъ изъ нихъ, кто не надѣялся имѣть достаточныхъ способовъ, у кого не было близкихъ родныхъ, или у кого родные были небогатые люди. Дамы наши и въ этомъ случаѣ явились благодѣтельными геніями. Онѣ по возможности снабжали неимущихъ отъѣзжающихъ бѣльемъ, платьемъ, книгами и деньгами.

По отъѣздѣ ихъ, опростался и тотъ казематъ, гдѣ они оставались при переводѣ нашемъ въ новое зданіе. Его занимали теперь, по собственному желанію: Мухановъ, Ивашевъ и Пестовъ.

При нашей тюрьмѣ былъ обширный дворъ, обнесенный тыномъ. На этомъ дворѣ позволено было нѣкоторымъ изъ насъ построить себѣ комнаты; другіе, въ томъ числѣ и я, устроили для лѣта палатки. Мы удалялись туда днемъ, чтобы свободнѣе заниматься и избавляться на время отъ постояннаго шума въ нашихъ комнатахъ, необходимаго слѣдствія многолюдства и носимыхъ нами цѣпей.

Еще въ 1827 году прибыла къ одному изъ нашихъ товарищей, Анненкову, невѣста его изъ Россіи. Она была Француженка и лично просила Государя позволенія ѣхать въ Сибирь и соединить съ нимъ свою судьбу, заранѣе соглашаясь на всѣ условія. Государь удовлетворилъ ея просьбѣ

бу. Ей дали подписать бумагу, въ которой она отрекалась отъ правъ своихъ и подчинялась всѣмъ ограниченіямъ, всѣмъ мѣрамъ, которыя могутъ быть приняты въ ея отношеніи при выходѣ замужъ за государственнаго преступника. Она пріѣхала въ Читу, лѣтомъ, и дня черезъ три была обвѣнчана въ Читинской церкви. Это была любопытная и можетъ быть единственная свадьба въ мірѣ. Во время вѣнчанія, съ Анненкова сняли желѣза и сей часъ по окончаніи обряда опять надѣли и увели обратно въ тюрьму и потомъ поступали съ ними какъ съ прочими женатыми, то есть: давали имъ два раза въ недѣлю свиданіе на квартирѣ госпожи Анненковой.

Перейдя въ новое зданіе, мы съ разрѣшенія коменданта устроили нѣсколько хозяйственную часть свою. Избрали на время хозяина, который завѣдывалъ кухнею, заготовленіемъ припасовъ, покупкою сахара, чая и т. д. и назначили двухъ смотрѣть за огородомъ. Сверхъ того въ каждой комнатѣ, двое изъ насъ по очереди дежурили. Обязанность ихъ состояла наблюдать за чистотой, приготовлять къ обѣду столъ, брать отъ хозяина съ кухни на свою команду кушанье, приготовлять къ чаю самовары и разливать чай. Во всемъ этомъ помогали имъ нанятые, для каждой комнаты по одному, мальчики. Они носили кушанье, воду, ставили самовары, убирали комнаты и употреблялись на посылки.

Мы пробыли въ Читѣ до Іюля мѣсяца 1830 года, стало быть болѣе трехъ лѣтъ. Намъ было уже давно извѣстно, что въ Петровскомъ Заводѣ строился для насъ тюремный замокъ, и что скоро всѣхъ насъ туда переведутъ. Комендантъ раза два уже ѣздилъ туда, чтобы осмотрѣть и ускорить работы; наконецъ сами офицеры объявили намъ, что лѣтомъ этого года мы будемъ перемѣщены изъ Читы.

Хотя Читинская тюрьма и не совсѣмъ была удобна для насъ, особенно зимою, когда наступали жестокіе холода и когда надобно было сидѣть цѣлый день въ не совсѣмъ теплой комнатѣ, съ маленькими замерзшими окнами, чрезъ которыя едва проходилъ свѣтъ и въ которой въ три часа по полудни было уже такъ темно, что надобно было зажигать свѣчи [28]), хотя шумъ отъ хожденія и разговора жившихъ въ одной комнатѣ 20 человѣкъ мало давалъ покоя и не позволялъ заниматься ничѣмъ серьёзнымъ: но мы такъ было

---

[28]) Цѣпи съ насъ были сняты, по Высочайшему повелѣнію, осенью 1828 года вслѣдствіе какого-то торжественнаго событія въ Царской фамиліи. По существующимъ узаконеніямъ не слѣдовало намъ и носить ихъ, потому что ссылаемые въ работы разжалованные дворяне избавлены отъ ношенія цѣпей, и только при вторичномъ преступленіи, т. е. когда они уже не пользуются правами дворянства, съ ними поступаютъ какъ съ простолюдинами. Но Государю угодно было подвергнуть насъ и этой мѣрѣ наказанія.

привыкли къ этой жизни, что съ сожалѣніемъ помышляли о предстоящей перемѣнѣ.

Наконецъ комендантъ объявилъ намъ, чтобы мы собирались къ походу въ Петровскій Заводъ. Идти туда мы должны были пѣшкомъ, дѣлая каждый день по одной станціи отъ 20 до 30 верстъ и пользуясь въ три дни однимъ днемъ отдыха. Тѣмъ, которые были слабаго здоровья, и въ томъ числѣ и мнѣ, позволялось имѣть на двухъ человѣкъ собственную повозку, для того чтобы можно было иногда присѣсть, и подъ которую назначалась обывательская лошадь. Подъ вещи наши приготовлены были также подводы. Всѣ мы раздѣлены были на двѣ партіи. Первая выступила тремя днями ранѣе. При каждой партіи находились офицеръ и конвой. Комендантъ и плацъ-маіоръ ѣхали сами по себѣ и навѣщали, по усмотрѣнію своему, ту и другую партію. Дамы могли отправляться впередъ въ Петровскій Заводъ или слѣдовать за ними въ собственныхъ экипажахъ и на свой счетъ.

Въ Читѣ я имѣлъ утѣшеніе получать письма отъ родныхъ моихъ и нѣкоторое пособіе.

Отецъ изъ моихъ братьевъ находился въ Турецкомъ [illegible] писала ко мнѣ жена его. Другой отставной, живши въ деревнѣ, поспѣшилъ отвѣчать на письмо одной изъ нашихъ дамъ. Я получилъ также извѣстіе и отъ родныхъ покойной жены. Оно было горестное — оставленная мною у нихъ пятилѣтняя дочь моя, единственный залогъ моего кратковременнаго союза, скончалась. Это послѣднее извѣстіе сильно поразило меня.

Передъ выходомъ нашимъ изъ Читы, съ другомъ моимъ Ивашевымъ случилось такое событіе, которое видимо показало надъ нимъ благость Провидѣнія. Я, кажется, упомянулъ прежде, что онъ, Мухановъ и Пестовъ, по собственной просьбѣ, остались въ прежнемъ маленькомъ казематѣ. Имъ тамъ было свободнѣе и покойнѣе. Я нерѣдко, съ разрѣшенія коменданта, бывалъ у нихъ и просиживалъ по нѣскольку часовъ, другіе товарищи также посѣщали ихъ. Въ свою очередь и они ходили къ намъ. Сверхъ того, мы видѣлись почти каждый день во время работы. Ивашевъ, какъ я замѣчалъ, никакъ не могъ привыкнуть къ своему настоящему положенію и видимо тяготился имъ. Мы часто объ этомъ говорили между собою, и я старался сколько можно поддержать его и внушить ему болѣе твердости. Ничто не помогало. Онъ былъ грустенъ, мраченъ и задумчивъ. Разъ, какъ-то, на работѣ Мухановъ отвелъ меня въ сторону, сказалъ мнѣ, что Ивашевъ готовится сдѣлать большую глупость, которая можетъ стоить ему жизни и что онъ нарочно рѣшился мнѣ сказать объ этомъ, чтобы

я съ моей стороны попробовалъ отговорить его. Тутъ онъ мнѣ объявилъ, что онъ вздумалъ бѣжать и сообщилъ все что̀ зналъ о томъ.

Вотъ въ чемъ состояло дѣло. Ивашевъ, вошелъ въ сношеніе съ какимъ-то бѣгло-ссыльно-рабочимъ, который обѣщался провести его за Китайскую границу. Этотъ бѣглый завтра же долженъ быть прійдти ночью къ тыну ихъ каземата. Тынъ уже былъ подпиленъ, и мѣсто для выхода приготовлено. По выходѣ изъ острога они должны были отправиться въ ближній лѣсъ, гдѣ, по словамъ бѣглаго было уже приготовлено подземельное жилище, въ которомъ они должны были скрываться, покуда не прекратятся поиски и гдѣ находились уже необходимые на это время припасы. Когда же прекратятся поиски, то они предполагали отправиться къ Китайской границѣ и тамъ дѣйствовать смотря по обстоятельствамъ. Этотъ планъ былъ такъ неблагоразуменъ, такъ нелѣпъ, можно сказать, исполненіе его до такой степени невозможно, что я удивился, какъ могъ Ивашевъ согласиться на него. Не было почти никакого сомнѣнія, что человѣкъ, соблазнявшій его побѣгомъ, имѣлъ какія нибудь другія намѣренія: или выдать его начальству и тѣмъ заслужить себѣ прощеніе [29]), или безнаказанно убить его и завладѣть находящимися у него деньгами; я же зналъ что у него они были: пріѣхавши въ Читу, онъ не объявилъ коменданту 1000 руб., которые привезъ съ собою и сверхъ того тайнымъ образомъ получилъ еще 500 руб. Объ этомъ самъ онъ мнѣ сказывалъ.

Выслушавъ Муханова, я сейчасъ послѣ работы отправился къ Ивашеву, сказалъ ему, что мнѣ извѣстно его намѣреніе и что я пришелъ съ нимъ объ этомъ переговорить. Онъ очень спокойно отвѣчалъ мнѣ, что съ моей стороны было бы напраснымъ трудомъ его отклонять, что онъ твердо рѣшился исполнить свое намѣреніе и что потому только давно мнѣ не сказалъ о томъ, что не желалъ подвергать меня какой-либо отвѣтственности. На всѣ мои убѣжденія, на всѣ доводы о неосновательности его предпріятія и объ опасности ему угрожающей, онъ отвѣчалъ одно и

---

[29]) Подобное обстоятельство было съ извѣстнымъ Поляком Высоцкимъ. Одинъ изъ бѣглыхъ уговорилъ его бѣжать съ завода, на которомъ онъ находился и обѣщалъ провести въ Монголію. Тотъ повѣрилъ ему, и они отправились; но бѣглый завелъ его на какой-то островокъ рѣки Ангары, такъ что ему некуда было уйти оттуда, тамъ его оставилъ, а самъ далъ знать о его побѣгѣ начальству и прислалъ посланный отрядъ къ острову. Изъ этого сдѣлали блистательное дѣло храбрости отряда и преданности бѣглаго: — Офицеръ командовавшій отрядомъ (адъютантъ генер. губерн.) былъ переведенъ въ гвардію, солдаты награждены, а бѣглый прощенъ. Высоцкаго, который и не думалъ защищаться, взяли, судили и строго наказали.

тоже, что уже рѣшился, что далѣе оставаться въ казематѣ онъ не въ состояніи, что лучше умереть, чѣмъ жить такимъ образомъ. Однимъ словомъ, истощивъ возраженія, я не зналъ что̀ дѣлать. Время было такъ коротко, завтрашній день былъ уже назначенъ, и оставалось одно только средство остановить его — дать знать коменданту. Но быть доносчикомъ на своего товарища, на своего друга, ужасно! Наконецъ, видя всѣ мои убѣжденія напрасными, я рѣшительно сказалъ ему: «Послушай, Ивашевъ, именемъ нашей дружбы, прошу тебя отложить исполненіе своего намѣренія на одну только недѣлю. Въ эту недѣлю обсудимъ хорошенько твое предпріятіе, взвѣсимъ хладнокровно le pour et le contre, и если ты останешься при тѣхъ же мысляхъ, то обѣщаю тебѣ не препятствовать». — «А если я не соглашусь откладывать на недѣлю?» возразилъ онъ. «Если не согласишься, воскликнулъ я съ жаромъ, ты заставишь меня сдѣлать изъ любви къ тебѣ то, чѣмъ я гнушаюсь, — сейчасъ попрошу свиданія съ комендантомъ и разскажу ему все. Ты знаешь меня довольно, чтобы вѣрить, что я это сдѣлаю, и сдѣлаю именно по убѣжденію, что это осталось единственнымъ средствомъ для твоего спасенія». — Мухановъ меня поддерживалъ. Наконецъ Ивашевъ далъ намъ слово подождать недѣлю. Я не опасался, чтобы онъ нарушилъ его, тѣмъ болѣе, что Мухановъ жилъ съ нимъ и могъ за нимъ наблюдать.

На третій день послѣ этого разговора, я опять отпросился къ Ивашеву, и мы толковали объ его намѣреніи. Я исчислялъ ему всѣ опасности, всѣ невѣроятности успѣха. Онъ настаивалъ на своемъ, какъ вдругъ входитъ унтеръ-офицеръ и говоритъ ему, что его требуетъ къ себѣ комендантъ. Ивашевъ посмотрѣлъ на меня; но, видя мое спокойствіе, съ чувствомъ сказалъ мнѣ: «Прости меня, другъ Б., въ минутномъ подозрѣніи. Но что̀ бы это значило? прибавилъ онъ, — не понимаю». Я сказалъ ему, что дождусь его возвращенія и остался съ Мухановымъ.

Ивашевъ возвратился не скоро. Комендантъ продержалъ его часа два, и мы уже не знали, къ чему приписать его долгое отсутствіе. Опасались даже, не открылось ли какимъ образомъ нелѣпое намѣреніе бѣгства. Наконецъ приходитъ Ивашевъ, растроенный и въ несвязныхъ словахъ сообщаетъ намъ новость, которая и насъ поразила. Комендантъ присылалъ за нимъ для того, чтобы передать ему два письма, одно его матери, а другое матушки будущей жены его и спросить его, согласенъ ли онъ жениться на той дѣвушкѣ, мать которой писала это письмо. Оно адресовано было къ матери Ивашева. Въ немъ г-жа Ледантю открывала ей любовь дочери къ ея сыну, говорила, что эта

любовь была причиною ея опасной болѣзни, въ продолженіи которой, думая умереть, она призналась матери въ своей къ нему привязанности, и что тутъ же мать дала слово дочери, по выздоровленіи ея, увѣдомить объ этомъ г-жу Ивашеву, и въ случаѣ ея согласія и согласія сына, дозволить дочери ѣхать въ Сибирь для вступленія съ нимъ въ бракъ. Въ этомъ письмѣ она упоминала также, что дочь ея ни за что бы не открыла сердечной тайны своей, если-бы Ивашевъ находился въ прежнемъ положеніи, но что теперь, когда его постигло несчастіе и когда она знаетъ, что присутствіемъ своимъ можетъ облегчить его участь, доставить ему нѣкоторое утѣшеніе, то не задумывается нарушить свѣтскія приличія—предложить ему свою руку. Мать Ивашева отправила это письмо, вмѣстѣ съ своимъ, къ графу Бенкендорфу, и тотъ, съ разрѣшенія Государя, предписывалъ коменданту спросить самаго Ивашева, согласенъ ли онъ вступить въ бракъ съ дѣвицею Ледантю.

Ивашевъ просилъ коменданта повременить отвѣтомъ до другаго дня. Мы долго разсуждали объ этомъ неожиданномъ для него событіи. Дѣвицу Ледантю онъ очень хорошо зналъ. Она воспитывалась съ его сестрами у нихъ въ домѣ, и въ то время когда онъ бывалъ въ отпускахъ очень ему нравилась, но никогда онъ не помышлялъ жениться на ней, потому что различіе въ ихъ общественныхъ положеніяхъ не допускало его останавливаться на этой мысли. Теперь же, припоминая нѣкоторыя подробности своихъ съ ней сношеній, онъ долженъ былъ убѣдиться въ ея къ нему сердечномъ расположеніи. Вопросъ о томъ, будетъ ли она счастлива съ нимъ въ его теперешней жизни, будетъ ли онъ умѣть вознаградить ее своею привязанностію за ту жертву, которую она принесетъ ему и не станетъ ли онъ впослѣдствіи раскаяваться въ своемъ поступкѣ, очень его тревожилъ. Мы съ Мухановымъ знали его простой характеръ, знали всѣ его прекрасныя качества, были увѣрены, что оба они будутъ счастливы и потому рѣшительно совѣтовали ему согласиться. Наконецъ онъ рѣшился принять предложеніе. Разумѣется, послѣ этого рѣшенія не было уже и помину о побѣгѣ. Я даже не знаю, куда дѣвался его искуситель и какъ онъ отъ него отдѣлался. Не возми я отъ него слова подождать недѣлю, легко могло бъ случиться, что эти письма не застали бы его въ Читѣ и пришли, когда дѣлались бы объ немъ розыски, слѣдовательно не только бы бракъ его не состоялся, но и самъ онъ по всѣмъ вѣроятностямъ непремѣнно бы погибъ тѣмъ или другимъ образомъ. Такъ иногда самое ничтожное обстоятельство, по волѣ Провидѣнія, спасаетъ или губитъ человѣка.

Свадьба Ивашева была уже въ Петровскомъ Заводѣ, и потому я буду говорить о ней въ своемъ мѣстѣ.

Въ Іюлѣ, не помню котораго числа, мы выступили изъ Читы. Я находился въ первой партіи; съ сожалѣніемъ простился навсегда съ мѣстомъ, гдѣ прожилъ болѣе трехъ лѣтъ и которое оставило въ памяти моей много пріятныхъ впечатлѣній. Небольшое число жителей Читы такъ полюбили насъ, что плакали, разставаясь съ нами и провожали до перевоза, болѣе трехъ верстъ отъ селенія. Въ особенности мы пользовались расположеніемъ жены Читинскаго горнаго начальника г-жи Смольяниновой. Она каждый день присылала намъ во время работы завтраки своей стряпни, старалась каждому быть чѣмъ нибудь полезною, но преимущественно расположена была къ Анненкову и Завалишину. Дѣдъ перваго со стороны матери, генералъ Якоби, былъ когда-то генералъ-губернаторомъ въ Сибири и оказалъ услугу отцу Смольяниновой. Она не могла этого забыть и считала священнымъ долгомъ отплатить внуку за благодѣяніе дѣда. Прекрасная черта въ простой, необразованной женщинѣ. Она даже пострадала за Анненковыхъ и нисколько не сожалѣла объ этомъ. Письмо, отданное ею г-жею Анненковой и отправленное ею секретно къ кому-то изъ родныхъ Анненкова въ Москву, попалось въ руки правительства. Изъ него узнали, что оно шло чрезъ Смольянинову и приказали коменданту арестовать ее на недѣлю. Завалишинъ впослѣдствіи женился на ея дочери и по окончаніи своего тюремнаго заключенія жилъ съ ними въ Читѣ.

Походъ нашъ въ Петровской заводъ, продолжавшійся слишкомъ мѣсяцъ въ самую прекрасную осеннюю погоду, былъ для насъ скорѣе пріятною прогулкою, нежели утомительнымъ путешествіемъ. Я и теперь вспоминаю о немъ съ удовольствіемъ. Мы сами помирали со смѣху, глядя на костюмы наши и на наше комическое шествіе. Оно открывалось почти всегда Завалишинымъ въ круглой шляпѣ съ величайшими полями, и въ какомъ-то платьѣ чернаго цвѣта своего собственнаго изобрѣтенія, похожаго на квакерскій кафтанъ. Будучи маленькаго роста, онъ держалъ въ одной рукѣ палку гораздо выше себя, а въ другой книгу, которую читалъ. За нимъ Якушкинъ въ курточкѣ à l'enfant; Волконскій въ женской кацавейкѣ; нѣкоторые въ долгополыхъ пономарскихъ сюртукахъ, другіе въ Испанскихъ мантіяхъ, иные въ блузахъ; однимъ словомъ, такое разнообразіе комическаго, что еслибъ мы встрѣтили какого нибудь Европейца, выѣхавшаго только изъ столицы, то онъ непремѣнно подумалъ бы, что тутъ есть большое заведеніе для сумасшедшихъ, и ихъ вывели гулять. Выходя съ мѣста очень рано, часа въ три утра, мы къ восьми или къ девяти часамъ оканчивали переходъ нашъ и располагались на отдыхъ.

Останавливались не въ деревняхъ, которыхъ по Бурятской степи очень мало, а въ полѣ, гдѣ заранѣе приготовлялись юрты. Мѣсто выбирали около рѣчки или источника на лугу и всегда почти съ живописными окрестностями и мѣстоположеніемъ. Въ восточной Сибири, и особенно за Байкаломъ, природа такъ великолѣпна, такъ изумительно красива, такъ богата флорою и пріятными для глазъ ландшафтами, что бывало невольно, съ восторженнымъ удивленіемъ, простоишь нѣсколько времени, глядя на окружающіе предметы и окрестности. Воздухъ же такъ благотворенъ и такъ напитанъ ароматами душистыхъ травъ и цвѣтовъ, что, дыша имъ, чувствуешь какое-то особенное наслажденіе. При каждой партіи находился избранный нами изъ товарищей хозяинъ, который отправлялся обыкновенно съ служителями впередъ на мѣсто отдыха и къ приходу партіи приготовлялъ самовары и обѣдъ. По прибытіи на мѣсто, мы выбирали себѣ юрты и располагались въ нихъ по четыре или пяти человѣкъ въ каждой. Употребивъ съ полъ-часа времени на приведеніе въ порядокъ необходимыхъ вещей и постелей нашихъ, садились или, лучше сказать, ложились пить чай и бесѣдовали такимъ образомъ до самаго обѣда. Ивашевъ, Мухановъ, двое братьевъ Бѣляевыхъ и я располагались всегда вмѣстѣ въ одной юртѣ. Къ намъ обыкновенно собирались многіе товарищи изъ другихъ юртъ. Одинъ изъ пятерыхъ обыкновенно дежурилъ по очереди, т. е. разливалъ чай, приносилъ обѣдъ, приготовлялъ и убиралъ посуду. Послѣ обѣда часа два-три отдыхали, а съ уменьшеніемъ жара выходили гулять и любоваться мѣстоположеніемъ. Потомъ пили чай и опять бесѣдовали до вечера.

Вечеромъ маленькій лагерь нашъ представлялъ прекрасную для глазъ картину, достойную кисти художника-живописца. Вокругъ становилась цѣпь часовыхъ, которые безпрестанно перекликались между собою: въ разныхъ мѣстахъ зажигались костры дровъ, около которыхъ сидѣли въ разнообразныхъ положеніяхъ проводники наши-Буряты, между которыми были и женщины, съ своими Азіатскими лицами и странными костюмами. Въ юртахъ нашихъ свѣтились огни, и въ открытый входъ ихъ, видна была вся внутренность и все то что происходило въ каждой изъ нихъ. Почти всегда въ это время, большая часть изъ насъ ходили кучками внутри цѣпи, около костровъ, толковали съ Бурятами и между собою. Видъ всего этого былъ безподобный, и я часто проводилъ цѣлые часы, сидя на какомъ нибудь пнѣ и восхищаясь окружающею меня картиною. Особенно пріятенъ для насъ былъ день отдыха. Тогда мы оставались на одномъ мѣстѣ почти два дня, и слѣдовательно имѣли время и хорошенько отдохнуть, и налюбоваться природой, и побесѣдовать между

собою. Лишь только начинало свѣтать, насъ обыкновенно будили, и въ полчаса мы были уже готовы къ походу. Пройдя верстъ 12 или 15, мы на часъ останавливались у какого нибудь источника и завтракали. Рюмка водки, кусокъ холодной телятины или жареной курицы всегда былъ въ запасѣ у кого либо изъ женатыхъ и радушно предлагался всѣмъ. Во время похода многіе отходили на нѣкоторое разстояніе въ стороны и занимались ботаническимъ изслѣдованіемъ тамошней флоры или сборомъ коллекціи насѣкомыхъ. Послѣднимъ предметомъ любили заниматься братья Борисовы. Они составили за Байкаломъ и въ Сибири огромную и очень любопытную коллекцію насѣкомыхъ, которую послали, кажется, знаменитому Московскому профессору Фишеру. Ботаникомъ нашимъ былъ Якушкинъ.

Въ партіи нашей находился Лунинъ. Онъ, по своему оригинальному характеру, уму, образованію и нѣкоторой опытности, пріобрѣтенной въ высшемъ обществѣ, былъ человѣкъ очень замѣчательный и очень пріятный. Большая часть изъ временщиковъ того времени, Чернышевъ, Орловъ, Бенкендорфъ и т. д. были его товарищами по службѣ. Съ Карамзинымъ, Батюшковымъ и многими другими замѣчательными лицами онъ былъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ. Мы съ любопытствомъ слушали его разсказы о закулисныхъ событіяхъ прошедшаго царствованія и его сужденія о дѣятеляхъ того времени, поставленныхъ на незаслуженные пьедесталы. Князь Волконскій и Никита Муравьевъ, бывшіе тоже въ нашей партіи, очень занимали насъ также своими любопытными разговорами. Первый — членъ высшей Русской аристократіи, бывшій флигель-адъютантъ и генералъ въ 23 года отъ роду, отлично участвовалъ въ кампаніи 1812 года и находился или при самомъ Государѣ, или при главнокомандующихъ, былъ часто употребляемъ для исполненія важныхъ порученій и потому много видалъ и много зналъ. Говорилъ онъ прекрасно, съ одушевленіемъ, особенно когда дѣло шло о военныхъ дѣйствіяхъ. Второй — сынъ воспитателя [30]) Императора Александра и В. К. Константина, извѣстнаго Михаила Никитича Муравьева, былъ человѣкъ съ разнообразными и большими свѣдѣніями. Онъ занималъ непослѣднее мѣсто въ аристократическомъ Петербургскомъ кругу. Въ домѣ его матушки, вдовы покойнаго М. Н., собирались всѣ замѣчательные люди того времени: Карамзинъ, Уваровъ, Оленинъ, Панинъ и. т. д. Много любопытнаго, почерпнутаго изъ ихъ разсказовъ, могъ бы я помѣстить здѣсь,

[30]) М. Н. Муравьевъ былъ кавалеромъ при Великихъ Князьяхъ Александрѣ и Константинѣ Павловичахъ. Е. Я.

но удерживаюсь, не желая нарушить принятаго мною правила.

Во время путешествія нашего пріѣхали къ намъ еще двѣ дамы: жена Розена и Юшневская. Послѣдняя, проживая въ Тульчинѣ, сообщила мнѣ нѣкоторыя свѣдѣнія о родныхъ покойной жены моей, съ которыми она жила въ одномъ мѣстѣ. Они по отъѣздѣ ея собирались ѣхать на жительство въ Петербургъ, гдѣ служилъ братъ жены моей, выпущенный послѣ меня уже изъ Лицея.

Наконецъ мы стали приближаться къ Петровскому Заводу. Прошли г. Верхнеудинскъ и, слѣдуя далѣе, останавливались уже въ старообрядческихъ селеніяхъ. Вообще они живутъ въ этомъ краю очень привольно и достаточно. Переведенные туда изъ Россіи въ царствованіе Екатерины и будучи народомъ трудолюбивымъ, трезвымъ, они скоро разбогатѣли въ своихъ новыхъ мѣстахъ. Нѣкоторыя изъ ихъ селеній удивляли насъ своею величиною и постройкою. Насъ принимали они радушно, и мы очень покойно помѣщались у нихъ во время нашихъ ночлеговъ.

Верстъ за сто отъ Петровскаго, дамы наши уѣхали впередъ, для приготовленія себѣ квартиръ. Нѣкоторыя изъ нихъ, Муравьева, Трубецкая и Анненкова, имѣли уже дѣтей. Три ихъ дочери, рожденныя въ Читѣ, теперь уже за мужемъ и находятся въ Россіи съ мужьями своими. Вѣроятно онѣ уже забыли о мѣстѣ своего рожденья и той обстановкѣ, которая сопровождала ихъ появленіе на свѣтъ и ихъ младенчество.

На послѣднемъ ночлегѣ къ Петровскому, мы прочли въ газетахъ объ Іюльской революціи въ Парижѣ и о послѣдующихъ за ней событіяхъ. Это сильно взволновало юные умы наши, и мы съ восторгомъ перечитывали все то, что описывалось о барикадахъ и трехдневномъ народномъ возстаніи. Вечеромъ всѣ мы собрались вмѣстѣ, достали гдѣ-то бутылки двѣ-три пивучаго и выпили по бокалу за Іюльскую революцію и пропѣли хоромъ марсельезу. Веселые, съ надеждою на лучшую будущность Европы, входили мы въ Петровское.

Петровскій Заводъ, большое заселеніе съ двумя тысячами жителей, съ казенными зданіями для выработки чугуна, съ плавильною, большимъ прудомъ и плотиною, деревянною церковью и двумя или тремя стами избъ, показалось намъ, послѣ немноголюдной Читы, чѣмъ-то огромнымъ. Входя въ него, мы уже могли видѣть приготовленный для насъ тюремный замокъ, обширное четвереугольное зданіе, выкрашенное желтой краской и занимавшее, вмѣстѣ съ идущимъ отъ боковъ его тыномъ, большое пространство; жилое строеніе, т. е. то, гдѣ находились наши казематы, занимало одинъ

фасъ четвероугольника и по половинѣ боковыхъ фасовъ. Къ нимъ примыкалъ высокій тынъ и составлялъ двѣ другія половины боковыхъ фасовъ и весь задній. Пространство между тыномъ назначалось для прогулокъ нашихъ. Въ срединѣ передняго фаса находились гаубвахта и входъ во внутренность здапія.

Все зданіе раздѣлялось на двѣнадцати отдѣленій; въ каждомъ боку находилось по три; въ наружномъ же фасѣ, по обѣимъ сторонамъ гаубвахты, шесть. Каждое отдѣленіе имѣло особый входъ со двора и не сообщалось съ другимъ. Оно состояло изъ коридора и пяти отдѣльныхъ между собою номеровъ, изъ которыхъ выходы были въ общій коридоръ. Этотъ коридоръ былъ теплый, и изъ него топились печи, грѣвшія номера. Предъ самымъ входомъ съ гаубвахты, на дворѣ было еще особое строеніе, заключавшее въ себѣ: кухню, кладовую и обширную комнату, предназначенную для общаго стола. Сверхъ того, внутри зданія, были отдѣльные дворы, окруженные тыномъ, такъ что для четырехъ отдѣленій: 1-го, 2-го, 11-го и 12-го (если начать считать ихъ съ послѣдняго изъ боковыхъ) были особые дворы; для 3, 4, 5 одинъ общій; для 8, 9 и 10 тоже общій, а для двухъ среднихъ 6-го и 7-го, находившихся по бокамъ воротъ,—одинъ большой дворъ, общій съ кухоннымъ строеніемъ.

Насъ размѣстили сей часъ же по приходѣ въ наши казематы. Нѣсколькимъ изъ насъ, по недостатку номеровъ, досталось жить по двое. Комнаты наши были довольно просторны и высоки, но безъ оконъ. Свѣтъ проходилъ въ дверь, которая была прямо противъ коридорнаго окошка, такъ что мы должны были помѣщать столы наши у этой двери, оставляли только проходъ и занимались чтеніемъ или другимъ чѣмъ нибудь, сидя прямо противъ нея. Для этого она и оставалась цѣлый день отворенною. На ночь насъ запирали, но не поодиночкѣ каждаго въ своемъ номерѣ, а цѣлое отдѣленіе со двора. При каждомъ отдѣленіи былъ сторожъ, инвалидный солдатъ.

Въ Петровскомъ Заводѣ я провелъ шесть лѣтъ и всегда съ удовольствіемъ, съ признательностію ко всѣмъ товарищамъ моимъ, вспоминаю объ этомъ времени. Не могу даже не быть благодарнымъ и доброму коменданту, старику Лепарскому и всѣмъ офицерамъ, назначеннымъ для надзора за нами. Постараюсь изложить здѣсь и нашу тамъ жизнь, и тѣ событія въ нашемъ маленькомъ обществѣ, нашемъ отдѣльномъ мірѣ, которыя сохранились у меня въ памяти.

По прибытіи въ Заводъ, насъ нѣкоторое время не водили на работы, а дали отдохнуть отъ похода и устроиться въ новомъ нашемъ жилищѣ. Мужьямъ позволили прожить нѣ-

сколько дней съ женами въ ихъ домахъ. Говорю въ ихъ домахъ, потому что каждая изъ дамъ, жившихъ еще въ Читѣ, или построила себѣ, или купила и отдѣлала свой собственной домикъ въ Петровскомъ Заводѣ. Это исполнили онѣ не сами, а поручили, съ согласія коменданта, кому-то изъ знакомыхъ имъ чиновниковъ, такъ что, по прибытіи ихъ туда, дома для всѣхъ были уже готовы. Однѣ только двѣ новоприѣхавшія: Юшневская и Розенъ не имѣли собственныхъ домовъ и помѣстились въ наемныхъ квартирахъ. Въ первые дни, въ нашей общей тюрьмѣ было въ родѣ хаоса: раскладывались съ вещами, заказывали кое-какую мебель, придумывали какъ лучше помѣститься въ своей комнатѣ, чтобы пользоваться коридорнымъ свѣтомъ, бѣгали изъ одного номера въ другой, отыскивали товарищей, осматривали отдѣленія и всѣ внутреннія постройки тюремнаго замка, сходились въ общую залу къ обѣду и къ ужину, пили чай по разнымъ мѣстамъ, потому что у каждаго не было ни особаго самовара, ни собственнаго сахару и чаю. Но это продолжалось недолго и подало мысль къ устройству общей артели, которая въ продолженіи всего нашего пребыванія въ Петровскомъ такъ обезпечивала нашу матеріальную жизнь и такъ хорошо была придумана, что никто изъ насъ во все это время не нуждался ни въ чемъ и не былъ ни отъ кого зависимъ. Я не лишнимъ считаю помѣстить здѣсь полный уставъ нашей большой артели. Онъ объясняетъ подробно какъ цѣль, такъ и весь механизмъ этого вполнѣ оправдавшаго себя учрежденія. Разумѣется, что все это дѣлалось съ вѣдома коменданта и было имъ одобрено. Женатые не пользовались ничѣмъ изъ артели, подписывая между тѣмъ значительные ежегодные взносы: Трубецкой отъ 2 до 3 т. ассиг., Волконскій до 2 т., Муравьевъ отъ 2 до 3 т. Ивашевъ до 1000, Нарышкинъ и Фонъ-Визинъ тоже до 1000 рублей.

Тѣ изъ холостыхъ, которымъ присылали болѣе 500 р. въ годъ, вносили въ полтора раза или вдвое противу получаемаго ими изъ артели, кто 800, а кто и 1000. Остальные, по уставу, отдавали всѣ присылаемыя имъ деньги, такъ что не было ни одного года, въ которой бы не доставалось каждому члену артели пяти сотъ рублей ассигнаціями. Изъ экономической суммы и изъ суммъ маленькой артели, о которой я буду говорить ниже сего, отъѣзжающіе на поселеніе получали временное пособіе отъ 600 до 800 на каждаго человѣка.

УСТАВЪ АРТЕЛИ.

I.

Цѣль учрежденія артели.

§ 1. Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ удостовѣрилъ насъ въ необходимости имѣть всегда на лицо опредѣленную сумму денегъ, которая могла бы служить, какъ для обезпеченія общественныхъ издержекъ, такъ и для удовлетворенія потребностей каждаго лица. Положительное назначеніе суммы, на наступающій годъ, во первыхъ доставляетъ хозяину возможность располагать ею, съ бо́льшею выгодою для артели и сдѣлать годовыя и срочныя закупки; во вторыхъ, можетъ нѣкоторымъ образомъ отвратить затруднительное положеніе, въ какомъ вся артель и каждый участникъ иногда находились отъ замедлительной присылки денегъ.

II.

Средства къ учрежденію.

§ 2. Длѣ достиженія сей цѣли составляется годовая общественная сумма.

§ 3. Составленіе этой суммы производится слѣдующимъ образомъ:

a) Подпискою на взносы.
b) Жалованьемъ отъ казны и
c) Суммою отъ продажи экономической муки.

§ 4. Подписка на содержаніе артели должна быть кончена къ 1-му числу Февраля.

§ 5. Сумма изъ пяти сотъ рублей ассигн. принята за необходимую на полное годовое содержаніе каждаго потребляющаго лица, и на основаніи этого, она производится троякимъ образомъ:

a) Всѣ участники артели, получающіе 500 р. подписываютъ ихъ сполна.
b) Получающіе менѣе 500 р., подписываютъ все что̀ получаютъ.
c) Получающіе болѣе 500 р. подписываютъ непремѣнно 500, а свыше сей суммы по желанію.

§ 6. При подпискѣ означаются вѣрнѣйшіе сроки взносовъ.

§ 7. Подписная сумма обращается въ дѣйствительную слѣдующимъ образомъ:

a) Подписавшіе 500 р. и менѣе вносятъ ихъ немедленно по полученіи.
b) Подписавшіе свыше 500 р. вносятъ ихъ, если возможно, въ сроки имъ назначенные.

III.

Назначеніе суммъ.

§ 8. Сложность общественной суммы раздѣляется на три части: на *хозяйственную*, *частную* и *экономическую*.

a) *Хозяйственная сумма* назначается на продовольствіе всѣхъ участниковъ артели въ совокупности.

b) *Частная сумма* назначается на удовлетвореніе частныхъ потребностей каждаго лица отдѣльно,

c) *Экономическая сумма* назначается частію заимообразно на хозяйственные артельные обороты и частію для выдачи отъѣзжающимъ изъ тюрьмы.

§ 9. *Хозяйственная сумма* опредѣляется наибольшимъ количествомъ денегъ, назначаемыхъ на годовое продовольствіе одного лица, помноженнымъ на число потребляющихъ лицъ.

§ 10. *Частная сумма* составляется отъ остающейся отъ опредѣленной на полное годовое содержаніе, по вычетѣ изъ оной всей хозяйственной суммы.

§ 11. *Экономическая сумма* составляется:

a) изъ пяти процентовъ общественной суммы, немедленно отдѣляемыхъ по переводѣ денегъ изъ собственности подписавшихся лицъ въ общественную сумму.

b) изъ избытка дѣйствительной суммы надъ опредѣленною на полное годовое содержаніе артели и

c) изъ экономіи хозяйственной суммы.

§ 12. Экономическая сумма раздѣляется: на *закупную* и *запасную:*

a) Закупная сумма составляется: 1) изъ пяти процентовъ подписной суммы, 2) изъ половины избытка дѣйствительной суммы надъ опредѣленною на полное годовое содержаніе артели и 3) изъ половины экономіи хозяйственной суммы.
Закупная сумма назначается заимообразно на хозяйственные обороты и должна состоять въ наличности къ 1 Февралю каждаго года.

b) Запасная сумма образуется: 1) изъ другой половины избытка дѣйствительной суммы надъ опредѣленною на полное годовое содержаніе и 2) изъ другой половины экономіи хозяйственной суммы. Запасная сумма назначается для выдачи отъѣзжающимъ изъ острога и должна быть всегда въ наличности.

IV.

Свойство наличной суммы.

§ 13. Всякая подписная сумма, поступившая въ наличность, становится безвозвратно общественною собственностію.

V.

Раздѣленіе наличныхъ суммъ.

§ 14. Раздѣленіе наличной общественной суммы на хозяйственную и частную бываетъ правильнымъ и неправильнымъ.

a) Правильное раздѣленіе наличной суммы должно быть соразмѣрно опредѣленному въ смѣтѣ годовому раздѣленію суммъ, а именно на сей 1832-й годъ (по исключеніи пяти процентовъ въ экономическую сумму) 237 рублей на каждаго участника въ хозяйственную и 248 р. 80 к. въ частную.

b) Неправильное раздѣленіе есть несоразмѣрное годовому раздѣленію суммъ.

§ 15. Если на удовлетвореніе хозяйственныхъ потребностей достаточно будетъ суммы, отчисленной по правильному раздѣленію, — то оно и должно быть правильно; если же недостаточно, то въ такомъ случаѣ оно становится неправильнымъ и производится сообразно съ прилагаемой таблицею, составленной на слѣдующій годъ.

Таблица допускаемаго неправильнаго раздѣленія суммъ (1832)

Мѣсяцы.	ХОЗЯЙСТВЕННАЯ СУММА.		УЧАСТНОСКАЯ СУММА.	
	Что слѣдуетъ	Что можно выдать.	Что слѣдуетъ	Что можно выдать.
Мартъ	19—75	40	20—73	0
Апрѣль	19—75	24	20—73	16
Май	19—75	16	20—73	24
Іюнь	19—75	16	20—73	24
Іюль	19—75	18	20—73	22
Августъ	19—75	20	20—73	22
Сентябрь	19—75	21	20—73	20
Октябрь	19—75	20	20—73	20
Ноябрь	19—75	20	20—73	20
Декабрь	19—75	16	20—73	24
Январь	19—75	14	20—73	26
Февраль	19—75	12	20—73	30—80
Итого.	237	237	248—80	248—80

VI.

Движеніе суммъ.

§ 16. Хозяйственная наличная сумма обращается единственно на хозяйственныя закупки.

§ 17. Частная сумма наличная раздѣляется на равные участки по числу лицъ, состоящихъ въ артели и поступаетъ навсегда въ неприкосновенную собственность каждаго участника.

VII.

Управленіе суммами.

§ 18. Годовое управленіе общественными суммами и обороты оными зависятъ отъ двухъ коммисій.

а) Отъ временной, которая даетъ суммамъ годовое направленіе т. е. утверждаетъ смѣту, составленную хозяиномъ на наступающій хозяйственной годъ, начинающійся съ 1-го Марта и продолжающійся по 1-е число того же мѣсяца слѣдующаго года.

б) Отъ постоянной коммисіи, называемой *хозяйственною*, которая завѣдываетъ распредѣленіемъ и движеніемъ суммъ на основаніи смѣты, утвержденной временною коммисіею.

§ 19. Временная коммисія, составленная изъ пяти избранныхъ членовъ, собирается обыкновенно передъ выборами хозяина и казначея и, сверхъ утвержденія смѣты, имѣетъ цѣлію:

а) Повѣрку общественныхъ счетныхъ книгъ.

б) Разсмотрѣніе устава и предложеніе необходимыхъ въ ономъ измѣненій на общее разрѣшеніе.

с) Распоряженіе при выборахъ въ общественныя должности.

д) Передачу хозяйства новоизбраннымъ лицамъ.

§ 20. Временная коммисія по исполненіи помянутыхъ обязанностей немедленно расходится.

§ 21. Хозяйственная коммисія состоитъ изъ трехъ ежегодно избираемыхъ лицъ: *хозяина*, *закупщика* и *казначея*, которые имѣютъ голосъ и во временной коммисіи, при составленіи и утвержденіи смѣтъ.

§ 22. Въ хозяйственной коммисіи хозяинъ есть блюститель хозяйственныхъ общественныхъ выгодъ, закупщикъ частныхъ, а казначей посредникъ между ими обоими.

§ 23. Хозяйственная коммисія распредѣляетъ общественную сумму на хозяйственную и частную; обращаетъ часть хозяйственныхъ суммъ на гуртовыя закупки, разрѣшаетъ

на ссуды изъ запасной суммы; предварительно разсматриваетъ условія и контракты, заключаемые хозяиномъ и закупщикомъ, повѣряетъ ежемѣсячно частныя и общественныя книги, и по окончаніи повѣрки два члена сей коммисіи, хозяинъ и закупщикъ, подписываютъ счеты ими разсмотрѣнные. Коммисіи вмѣняется также въ обязанность заботиться о размѣнѣ звонкой монеты, если она прислана будетъ на имя кого либо изъ участниковъ артели. Наконецъ, предъ истеченіемъ хозяйственнаго года, коммисія дѣлаетъ оцѣнку припасамъ, оставшимся отъ годоваго продовольствія и причисляетъ ихъ цѣнность къ экономической суммѣ.

VIII.

Должность хозяина.

§ 24. Хозяинъ, избираемый на годъ, принимаетъ по описи отъ своего предмѣстника всё, входящее въ составъ общественнаго хозяйства.

§ 25. Хозяинъ составляетъ смѣту на наступающій годъ и представляетъ ее временной коммисіи на утвержденіе.

§ 26. Если, по непредвидимой дороговизнѣ припасовъ, цѣны будутъ превосходить смѣту, то недостатокъ суммъ, происходящій отъ повышенія цѣнъ, вознаграждается соразмѣрнымъ уменьшеніемъ выдачи чаю и сахару. Но ни въ какомъ случаѣ хозяинъ не можетъ выйти изъ предѣловъ, поставленныхъ въ смѣтѣ.

§ 27. Приступая къ хозяйственнымъ гуртовымъ закупкамъ сахара и чая, хозяинъ обязанъ спросить, не желаетъ ли кто выписать ихъ и на собственныя деньги.

§ 28. При томъ же самомъ случаѣ онъ обязанъ тоже спросить, не пожелаетъ ли кто за свою долю чаю и сахару получить деньгами.

§ 29. Выдачи чаю и сахару производится хозяиномъ въ общей комнатѣ, въ день имъ заранѣе объявленный.

§ 30. Хозяинъ избираетъ выгодное время для продажи экономической муки и извѣщаетъ письменно казначея о количествѣ вырученныхъ денегъ.

§ 31. Хозяинъ ведетъ валовую домашнюю книгу прихода и расхода и сообщаетъ ее казначею для выписки, за два часа до оной.

§ 32. Хозяинъ обязанъ вести очередь наблюдающимъ за чистотою на кухнѣ, и увѣдомляетъ за недѣлю того, чья очередь наступаетъ.

§ 33. Всѣ служители, состоящіе при кухнѣ и банѣ, находятся въ полномъ распоряженіи хозяина: онъ обязанъ

при наймѣ сихъ служителей объявить имъ, что они немедленно должны исполнять всякое частное приказаніе, имѣющее цѣлью услугу для внезапно заболѣвшаго въ ночное время кого либо изъ участниковъ артели.

§ 34. Каждый хозяинъ обязанъ представить временной коммисіи, къ первому засѣданію по открытіи оной, подробный отчетъ о всѣхъ бывшихъ закупкахъ:

a) въ какое время, въ какомъ количествѣ, какихъ товаровъ, по какимъ цѣнамъ и на какія деньги, займомъ ли добытыя или инымъ образомъ, были сдѣланы большія закупки и

b) были ли закупки выгодны или невыгодны и по какимъ причинамъ.

§ 35. Въ случаѣ кратковременной болѣзни хозяина, исправляетъ должность его казначей; въ случаѣ же продолжительной болѣзни того или другаго, приступаютъ къ новымъ выборамъ по установленному порядку.

IX.

Должность закупщика.

§ 36. Закупщикъ ходитъ въ лавку два раза въ недѣлю и сверхъ того одинъ разъ посылаетъ сторожа.

§ 37. Никто не можетъ требовать отъ закупщика покупки товаровъ въ долгъ.

§ 38. Закупщикъ ведетъ одну книгу всѣмъ сдѣланнымъ имъ закупкамъ.

§ 39. Закупщикъ показываетъ и раздаетъ всѣмъ въ общественной залѣ, въ извѣстный день и часъ, имъ самимъ назначенные, единожды на цѣлый годъ при вступленіи его въ должность. Покупающіе, по полученіи товаровъ отъ закупщика, обязаны по его требованію выдать ему уплатныя записки.

§ 40. Закупщикъ ведетъ очередь всѣмъ выходящимъ на казенную работу. Если дежурный офицеръ объявитъ закупщику, что не всѣ вышли на работу, въ такомъ случаѣ онъ представляетъ ему списокъ очереди находящимся на работѣ. Если же по какому нибудь случаю потребуется бо́льшее число на работу, тогда онъ отчитываетъ изъ слѣдующей очереди требуемое число лицъ, по порядку списка, и извѣщаетъ ихъ о томъ. На другой день очередь начинается уже съ перваго, оставшагося въ сей очереди.

§ 41. Закупщикъ долженъ имѣть въ конторѣ (смот. § 81) свой столъ для отправленія дѣлъ и храненія общественной книги, большой шкафъ для помѣщенія товаровъ и ящикъ подъ замкомъ для записокъ о покупкѣ товаровъ.

§ 42. Въ случаѣ кратковременной болѣзни закупщика, исправляетъ его должность хозяинъ; въ случаѣ же продолжительной — приступаютъ къ новымъ выборамъ.

X.

Должность казначея.

§ 43. Казначей начинаетъ отправленіе своей должности собраніемъ подписки на наступающій годъ и представляетъ ее временной коммиссіи на разсмотрѣніе, для утвержденія по ней смѣты.

§ 44. Онъ переводитъ подписанныя деньги изъ собственности лицъ въ общественную сумму, немедленно по присылкѣ ихъ, получивъ предварительное согласіе подписавшихся на сумму свыше 500 и безъ предварительнаго согласія на 500 руб. и менѣе. При чемъ извѣщаетъ онъ во всякомъ случаѣ о томъ подпищика.

§ 45. По раздѣленіи наличной частной суммы на участниковъ, казначей каждое 25 число объявляетъ каждому лицу о суммѣ, причитающейся на его мѣсячную долю, означивъ оную на черной доскѣ въ общей комнатѣ.

§ 46. Никто, кромѣ казначея, не имѣетъ права выписывать изъ общественныхъ суммъ, и по этимъ общественнымъ суммамъ только онъ входитъ въ сношеніе съ горнымъ начальствомъ.

§ 47. Казначей дѣлаетъ выписки изъ всѣхъ суммъ, входящихъ и не входящихъ въ составъ общественной суммы, т. е. *хозяйственной, участковой, экономической и личной.*

§ 48. Казначей производитъ выписку три раза въ недѣлю.

§ 49. Изъ хозяйственной суммы казначей выписываетъ по запискамъ хозяина, а изъ участковой наличной суммы по запискамъ закупщика и частныхъ лицъ, которые обязаны доставлять ему сіи записки, по крайней мѣрѣ за два часа до выписки.

§ 50. Если кто желаетъ не расходовать своего участка и оставляетъ его временно въ общественной частной суммѣ, то казначей обязанъ потребовать отъ него означеніе положительнаго срока, когда онъ хочетъ получить свой участокъ въ свое распоряженіе, и ранѣе сего срока казначей не можетъ выдавать ему оный.

§ 51. Для отвращенія застоя въ одной суммѣ и задержки выдачи изъ другой, казначей можетъ переводить изъ *кредита* одного счета *въ дебетъ* другаго, съ тѣмъ однако, чтобы сумма, поступающая въ *дебетъ*, была совершенно обезпечена подпиской.

§ 52. Казначей не можетъ переводить деньги изъ одного участка въ другой, безъ письменнаго согласія самаго участника.

§ 53. Казначей не обязанъ входить въ личныя сдѣлки и записывать кто кому долженъ.

§ 54. Онъ получаетъ отъ хозяина переплетенныя счетныя книги.

§ 55. Казначей долженъ вести книги по двойной бухгалтеріи, соотвѣтственно утвержденной формѣ, при семъ прилагаемой.

Подъ № 1 форма книги общественной подписки.
— — » 2 — — — — общ. прихода и расхода.
— — » 3 — — — — » хозяйственной
— — » 4 — — — — » частной составленной изъ тетрадей, по числу участниковъ подъ № № и при алфавитномъ спискѣ именъ.
— — » 5 — — — — » кассоваго журнала.

Примѣчаніе. Казначей, если образуется *запасная* или *закупная* сумма, обязанъ имѣть еще 6 и 7 книгу.

§ 56. Каждую субботу, отъ 3-хъ до 6-ти часовъ по полудни, счетныя книги, за исключеніемъ алфавитной, означенной подъ № 4, должны находиться въ общей комнатѣ для желающихъ сдѣлать какія-либо справки.

§ 57. Казначей обязанъ показывать тетради, составляющія алфавитную книгу, желающимъ справляться съ ними, два раза въ недѣлю, въ томъ мѣстѣ и въ тѣ дни и часы, которые онъ самъ назначитъ единожды на цѣлой годъ при вступленіи своемъ въ должность; впрочемъ справляющимся лицамъ онъ показываетъ только тетради ихъ собственнаго прихода и расхода.

§ 58. Казначей долженъ имѣть въ комнатѣ (см. § 81) свой столъ, для отправленія дѣлъ и храненія артельныхъ книгъ и ящика подъ замкомъ для уплатныхъ записокъ.

XI.

Должность огородника.

§ 59. Сверхъ трехъ главныхъ общественныхъ лицъ избирается еще огородникъ.

§ 60. Когда наступаетъ время для выбора въ огородники, хозяйственная коммиссія приступаетъ къ этому по установленному порядку для выборовъ.

§ 61. Обязанность огородника заключается: въ составленіи смѣты огородныхъ издержекъ, и по утвержденіи сей смѣты хозяйственною коммиссіею онъ получаетъ сумму

ему назначенную. При засѣвѣ, огородникъ соглашается съ хозяиномъ о томъ, какихъ и сколько овощей будетъ нужно на общественное продовольствіе. Пока овощи на грядахъ, онъ располагаетъ ими независимо отъ хозяина, но увѣдомляетъ его за нѣсколько дней до снятія оныхъ, сколько и какихъ овощей можно будетъ собрать для общественнаго стола.

XII.

Правила общія.

§ 62. Артель управляется по правиламъ, составленнымъ временною коммисіею и утвержденнымъ положительнымъ большинствомъ голосовъ; но никакое предложеніе, хотя бы и принятое большинствомъ голосовъ, если будетъ сдѣлано не чрезъ посредство временной коммисіи, не имѣетъ обязательной силы для лицъ, не соглашающихся на оное.

§ 63. Всѣ участники артели имѣютъ равныя права на общественную сумму.

§ 64. Всѣ артельныя заведенія учреждаются и поддерживаются общественными суммами. Хозяину возбраняется всякаго рода подписка на общественныя издержки.

§ 65. Всякій почитается обязаннымъ нести общественныя должности, за исключеніемъ тѣхъ лицъ, которыя не пользуются выгодами, доставляемыми артели отправленіемъ сихъ должностей.

§ 66. Несшій единожды какую либо общественную должность по выбору имѣетъ право отказываться отъ подобной должности въ теченіи трехъ лѣтъ.

§ 67. Каждый имѣетъ право дѣлать во всякое время вклады, въ какую ни пожелаетъ отрасль общественной суммы. Употребленіе же сихъ добровольныхъ вкладовъ будетъ подчинено правиламъ, постановленнымъ для каждой отрасли особенно.

§ 68. На содержаніе каждаго лица опредѣляется при достаточномъ сборѣ 500 р., при недостаточномъ же, сколько произойдетъ отъ раздѣленія всей суммы на число потребляющихъ лицъ.

§ 69. Каждому изъ отъѣзжающихъ лицъ артель обязывается выплатить все, что̀, за исключеніемъ употребленныхъ на него издержекъ, останется отъ полнаго годоваго содержанія.

§ 70. Когда запасная сумма сдѣлается дѣйствительною, то выдача изъ оной отъѣзжающимъ должна быть назначаема по единогласному опредѣленію хозяйственной коммисіи.

Примѣчаніе. Въ случаѣ внезапнаго отъѣзда кого либо изъ участниковъ артели, хозяйственной коммисіи разрѣ-

шается выдать отъѣзжающему изъ запасной суммы до 300 руб.

§ 71. Плата за мытье бѣлья будетъ производиться не изъ хозяйственной суммы, но каждымъ участникомъ изъ своего участка, по причинѣ разности въ количествѣ бѣлья, отдаваемаго тѣмъ или другимъ участникомъ.

§ 72. Всякому предоставляется право дѣлать замѣчанія на уставъ артели и на исполненіе общественныхъ должностей. Сіи мнѣнія вносятся въ хозяйственную коммисію, которая хранитъ ихъ для передачи временной коммисіи. Если же число подобныхъ замѣчаній по одному и тому же предмету возрастетъ до одной трети всѣхъ участниковъ, — то хозяйственная коммисія обязана немедленно собрать временную, которая по изслѣдованіи сихъ мнѣній представляетъ ихъ на общее разрѣшеніе.

§ 73. Никто не имѣетъ права требовать отъ хозяйственной коммисіи, чтобы она представляла на общее разсмотрѣніе замѣчанія и предложенія, поступающія отъ одного лица и не относящіяся къ артельному устройству; но если оныя поступятъ за подписью болѣе одной седьмой ($^1/_7$) всѣхъ участвующихъ въ артели, то коммисія обязана представлять подобныя предложенія на общее разрѣшеніе.

§ 74. Всѣ предположенія хозяйственной и временной коммисій должны быть выражаемы такимъ образомъ, чтобы каждый могъ отвѣчать на нихъ словами *да* или *нѣтъ*.

§ 75. Замѣчанія или оговорки, дѣлаемыя какимъ нибудь лицемъ на предложенія временной или хозяйственной коммисіи, должны быть принимаемы не иначе, какъ на особомъ листѣ и непремѣнно относиться прямо къ предложенному вопросу.

§ 76. Если предложенный вопросъ состоитъ изъ нѣсколькихъ пунктовъ, то оные должны быть представлены отдѣльно, чтобы на каждый изъ нихъ можно было отвѣчать словами *да* или *нѣтъ*.

§ 77. Общественныя лица не подаютъ голоса на вопросы, относящіеся къ исполненію ихъ обязанностей.

§ 78. Всякій имѣющій надобность до трехъ общественныхъ лицъ обязанъ сноситься съ ними только въ тѣ дни и часы и только въ томъ мѣстѣ, которые будутъ ими самими опредѣлены.

§ 79. Каждый выписывающій деньги долженъ означить на уплатной запискѣ, изъ какой суммы онъ выписываетъ: изъ личной или изъ участка.

§ 80. Общественная зала состоитъ подъ надзоромъ хозяина.

§ 81. Зала раздѣляется на двѣ части: въ одной изъ нихъ, меньшей, должна быть устроена контора хозяйственной коммисіи, другая большая, остается, для общественныхъ нуждъ, какъ-то богослуженья, балотировки, классовъ и пр.

§ 82. Подлинникъ Устава хранится у хозяина, и сверхъ того списываются двѣ копіи для выдачи въ частныя руки.

XIII.

О ВЫБОРАХЪ.

Избраніе временной коммисіи.

§ 83. Хозяйственная коммисія повѣщаетъ всѣхъ участвующихъ въ артели о предстоящемъ избраніи во временную коммисію и проситъ каждаго отвѣчать, будетъ ли подавать голосъ; потомъ число избирателей дѣлитъ на пять отдѣловъ, по порядку номеровъ, причисляя остатокъ, если есть, къ послѣднему отдѣлу.

§ 84. Члены хозяйственной коммисіи порознь обходятъ отдѣлы, съ особеннымъ пакетомъ для каждаго отдѣла, и съ числомъ билетовъ по числу избирателей. Сіи послѣдніе пишутъ на билетахъ, подъ своими собственными именами, имя лица ими избираемаго и вкладываютъ оные въ пакетъ своего отдѣла.

§ 85. Хозяинъ, закупщикъ и казначей разсматриваютъ билеты. Получившій положительное большинство въ своемъ отдѣлѣ (въ четномъ числѣ избирателей — половину сего числа плюсъ одинъ голосъ) объявляется членамъ временной коммисіи.

§ 86. Послѣ третьяго неопредѣленнаго выбора, въ какомъ либо изъ отдѣловъ, избиратели онаго выбираютъ въ члены временной коммисіи уже между кандидатами другихъ отдѣловъ. Если ни одинъ изъ нихъ не получитъ положительнаго большинства въ семъ отдѣлѣ, тогда предлагаются имъ на выборъ два кандидата, имѣющіе большее число голосовъ. Если же и въ семъ случаѣ голоса раздѣлятся поровну, то рѣшаетъ жребій.

§ 87. На слѣдующій день по выборѣ, всѣ новоизбранные члены временной коммисіи сбираются въ залѣ и взаимно повѣряютъ свои полномочія.

О выборѣ и балатировкѣ въ срочныя общественныя должности.

§ 88. При выборѣ и балотировкѣ хозяина и казначея распоряжается временная коммисія.

§ 89. При выборѣ и балотировкѣ закупщика и огородника распоряжается хозяйственная коммисія, если выборъ ихъ не совпадетъ съ выборами хозяина и казначея.

§ 90. Когда всѣ выбираются въ одно время, то наблюдается слѣдующій порядокъ: сначала выбираютъ хозяина,

потомъ казначея, далѣе закупщика и наконецъ огородника.

О производствѣ выборовъ.

§ 91. За два дня до выборовъ коммисія, распоряжающаяся оными, извѣщаетъ всѣхъ, въ какую должность предстоитъ выборъ.

§ 92. Она собираетъ посредствомъ своихъ членовъ голоса по правиламъ вышеизложеннымъ.

§ 93. Неподаніе голоса означаетъ согласіе съ положительнымъ большинствомъ остальныхъ избирателей.

§ 94. Кто получитъ положительное большинство, тотъ избранъ.

§ 95. Если никто не имѣетъ положительнаго большинства голосовъ, то два лица, соединившія большее сравнительное число голосовъ, становятся кандидатами и балотируются.

§ 96. Если, по причинѣ равенства голосовъ, два кандидата не будутъ опредѣлены, то между имѣющими равное число оныхъ рѣшаетъ балотировка.

О производствѣ балотировки.

§ 97. Наканунѣ балотировки коммисія извѣщаетъ о именахъ двухъ кандидатовъ и увѣдомляетъ о томъ порядкѣ, который будетъ соблюдаться при производствѣ балотировки.

§ 98. Всѣ, подававшіе голоса при избраніи, находятся и при балотировкѣ; кто же не прійдетъ, тотъ располагаетъ письменно своими шарами, чрезъ одного изъ членовъ коммисіи.

§ 99. Только тѣ имѣютъ право балотировать, которые избирали.

§ 100. Въ залѣ, въ день балотировки, одинъ изъ членовъ коммисіи раздаетъ шары, выдавая каждому балотирующему порознь бѣлый и черный на каждаго балотирующагося.

§ 101. Получившій шары подходитъ къ двумъ сосудамъ, поставленнымъ для принятія шаровъ; другой членъ коммисіи, при нихъ стоящій, объявляетъ, который сосудъ для кого назначенъ.

§ 102. Положившіе шары отмѣчаются въ алфавитномъ спискѣ именъ.

§ 103. Когда же всѣ положены шары, коммисія считаетъ предъ всѣми число бѣлыхъ и черныхъ каждаго кандидата. Получившій положительное большинство голосовъ, въ отношеніи къ числу балотирующихъ и сравнительное относительно къ другому кандидату, объявляется избраннымъ.

§ 104. Если оба имѣютъ положительное большинство, но равны между собою, то снова балотируются. По третьей неопредѣленной балотировкѣ рѣшаетъ жребій.

§ 105. Если оба не будутъ имѣть положительнаго большинства бѣлыхъ шаровъ, то балотирующіе приступаютъ къ новымъ выборамъ.

Прибавленіе.

§ 106. Общественныя счетныя книги за 11 мѣсяцевъ, т. е. по 1-е Февраля, должны быть представлены отдѣльно, къ 10-му числу сего мѣсяца, дабы послѣ 1-го Марта оставалось повѣрять счеты только за одинъ мѣсяцъ.

* * *

Это благодѣтельное учрежденіе избавляло каждаго отъ непріятнаго положенія зависить отъ кого либо въ отношеніи вещественномъ и обезпечивало всѣ его надобности. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно нравственно уравнивало тѣхъ, которые имѣли средства, съ тѣми, которые вовсе не имѣли ихъ, и не допускало послѣднихъ смотрѣть на товарищей своихъ какъ на людей пользующихся въ сравненіи съ ними бо́льшими матеріальными удобствами и преимуществами. Однимъ словомъ, оно ставило каждаго на свое мѣсто, предупреждая съ одной стороны тягостныя лишенія и недостатки, а съ другой безпрестанное опасеніе оскорбить товарища своего не всегда умѣстнымъ и своевременнымъ предложеніемъ помощи. Маленькая артель была учреждена именно съ тою цѣлью, чтобы доставлять отъѣзжающимъ на поселеніе нѣкоторое пособіе, необходимое на первое время ихъ прибытія на мѣсто. Сумма, которою она распоряжалась, составлялась изъ добровольныхъ вкладовъ и пожертвованій. Участниками въ ней были всѣ тѣ, которые вносили часть получаемыхъ ими денегъ и тѣ, кто отдавалъ 10-й процентъ съ той суммы, которую получалъ ежемѣсячно на свои расходы изъ большой артели.

Бытъ нашъ въ Петровскомъ Заводѣ, или лучше сказать въ тюремномъ замкѣ, съ устройствомъ артели и принятыми мѣрами, чтобъ обезпечить по возможности на первое время отъѣзжающихъ на поселеніе, матеріально гораздо улучшился. Каждый имѣлъ собственные способы, могъ какъ хотѣлъ располагать ими, обзавестись необходимымъ хозяйствомъ, могъ даже употреблять избытокъ или на пользу общую, отдавая его въ маленькую артель, или на удовлетвореніе нѣкоторыхъ привычекъ прежней жизни, сдѣлавшихся для многихъ почти необходимостію. Обѣдать въ общую залу мы не собирались, найдя это неудобнымъ, а имѣли столъ по

своимъ отдѣленіямъ въ коридорѣ. Сторожъ приносилъ съ кухни кушанье, приготовлялъ и убиралъ обѣдъ и ужинъ, кормился тутъ вмѣстѣ съ нами, мылъ посуду, ставилъ самовары, топилъ печи и получалъ за это отъ насъ ежемѣсячно жалованье, которымъ былъ вполнѣ доволенъ. Между нами былъ медикъ—докторъ Вольфъ, и медикъ очень искусный. Въ случаѣ серьезной болѣзни къ нему обращались не только мы сами, дамы наши, но и комендантъ, офицеры и всѣ кто только могъ, не смотря на то, что правительствомъ назначенъ было собственно для насъ должностной врачъ. Но этотъ врачъ, молодой человѣкъ, только что выпущенный изъ академіи, понялъ вскорѣ все превосходство Вольфа надъ собою и прибѣгалъ, при всякомъ пользованіи, къ его совѣтамъ, опытности и знанію. Слава объ искусствѣ Вольфа такъ распространилась, что пріѣзжали лечиться къ нему изъ Нерчинска, Кяхты и самаго Иркутска. Комендантъ, видя пользу, которую онъ приносилъ, дозволилъ ему свободно выходить изъ тюрьмы въ сопровожденіи конвойнаго. Въ одномъ изъ номеровъ, нарочно для того назначенномъ, подлѣ номера Вольфа, помѣщалась наша аптека, въ которой были всѣ нужные медикаменты и прекрасные хирургическіе снаряды. Все это, вмѣстѣ съ извѣстными твореніями и лучшими иностранными и Русскими журналами по медицинской части, выписывалось и доставлялось Вольфу дамами. Однимъ словомъ, со стороны врачебныхъ средствъ, намъ не оставалось ничего желать.

Мы выписывали газеты, много иностранныхъ и Русскихъ журналовъ, тоже чрезъ посредство и съ помощію дамъ. Изъ Французскихъ: Journal des Debats, Constitutionel, Journal de Francfort, Revue Encyclopedique, Revue Britanique, Revue des deux mondes, Revue de Paris; Нѣмецкія: Preußische Staats-Zeitung, Гамбургскаго Кореспондента, Аугсбургскую Газету; Русскіе почти всѣ журналы и газеты. Все это мы читали съ жадностію, тѣмъ болѣе, что тогдашнія событія въ Европѣ и въ самой Россіи, когда сдѣлалось Польское возстаніе, не могли не интересовать насъ. При чтеніи журналовъ и газетъ введенъ былъ порядокъ, по которому каждый имъ пользовался въ свою очередь, и это наблюдалось съ большою строгостію и правильностію. На прочтеніе газеты опредѣлялось два часа, а для журнала два и три дня. Сторожа наши безпрестанно разносили ихъ изъ номера въ номеръ съ листомъ, гдѣ отмѣчалось каждымъ изъ насъ время полученія и отправки.

Библіотека наша также неимовѣрно увеличилась, такъ что не могла уже быть общею, и потому каждый держалъ свои собственныя книги у себя и бралъ у другихъ то, что было ему нужно. Въ особенности женатые, и между ними

Муравьевъ, Никита Михайловичъ, имѣли огромное количество книгъ, въ которыхъ никому не отказывали, хотя не рѣдко ихъ богатыя изданія подвергались отъ неосторожности чтецовъ не только поврежденію, но и совершенному истребленію.

И всѣмъ этимъ, по справедливости говоря, мы обязаны были пріѣзду нашихъ дамъ. Онѣ точно и во всемъ смыслѣ выполняли обѣтъ и назначеніе свое. Это были ангелы, посланные Небомъ, чтобы поддержать, утѣшить и укрѣпить не только мужей своихъ, но и всѣхъ насъ на трудномъ и исполненномъ терній пути.

Въ первое время нашего пребыванія въ Петровскомъ, дамы по собственному желанію, чтобы не разлучаться съ мужьями, были съ ними въ казематахъ и ходили на свои квартиры только утромъ, на нѣсколько часовъ, чтобы распорядиться хозяйствомъ, обѣдомъ и туалетомъ своимъ. Для большаго удобства ихъ помѣщенія, мы съ радостію уступили имъ еще по номеру для каждой, такъ что женатые занимали два рядомъ номера, а нѣкоторые изъ холостыхъ размѣстились по два въ одномъ. По вечерамъ въ номерахъ ихъ собиралось иногда маленькое общество, и странно было видѣть людей, одѣтыхъ скорѣе бѣдно нежели изящно, бесѣдующихъ въ темной, тѣсной комнатѣ, при самой простой обстановкѣ, со всѣми условіями лучшаго общества и соблюдающихъ всѣ приличія, всѣ утонченности высшаго образованія. Пребываніе дамъ въ общей тюрьмѣ продолжалось около года. Здоровье ихъ видимо страдало отъ неудобства казематной жизни, отъ частыхъ переходовъ къ себѣ на квартиру въ дурное или холодное время, особенно же отъ недостатка свѣта въ номерахъ. Многіе даже изъ насъ подверглись глазнымъ болѣзнямъ и испортили зрѣніе. Объ этомъ какъ дамы, такъ и мы упоминали нерѣдко въ письмахъ къ роднымъ. Полагаю даже, что и комендантъ, съ своей стороны, доносилъ о томъ правительству. Оно вынуждено было наконецъ обратить вниманіе на это обстоятельство и на другой годъ прибытія нашего въ Петровскій Заводъ предписало прорубить въ каждомъ номерѣ по окошку, и вмѣстѣ съ тѣмъ отштукатурить внутреннія стѣны. Лѣтомъ 1831 года начались эти работы. Разумѣется, дамы перебрались на свои квартиры; мужьямъ позволили жить вмѣстѣ съ ними, а насъ холостыхъ размѣстили по нѣскольку человѣкъ вмѣстѣ и переводили изъ неотдѣланнаго отдѣленія въ отдѣланное, до тѣхъ поръ пока кончилось совсѣмъ исправленіе. Оно продолжалось болѣе двухъ мѣсяцевъ, и потомъ каждый изъ насъ занялъ опять свою комнату. Дамы наши, послѣ этого исправленія, не переходили уже въ тюрьму. Вскорѣ позволили мужьямъ бывать у нихъ, когда пожелаютъ, и только ночевать въ но-

мерахъ, а подъ конецъ разрѣшено было и имъ постоянно жить въ домахъ своихъ вмѣстѣ съ женами [31]).

Здѣсь я не лишнимъ считаю помѣстить одно обстоятельство, которое въ свое время чрезвычайно меня поразило и обратило мое вниманіе на нравственность ссыльно-рабочаго населенія заводовъ тамошняго края. Я уже сказалъ, что въ Петровскомъ было около двухъ тысячъ жителей. Четвертую часть этого населенія составляли чиновники, горные служители, служащіе и отставные разночинцы, солдаты горнаго вѣдомства, старики выслужившіе сроки въ работахъ и т. д. Остальные, то-есть $^3/_4$, были ссыльно-рабочіе или каторжники, сосланные за важныя преступленія и наказанные кнутами со штемпельными знаками, однимъ словомъ люди по своему преступленію и въ особенности по наказанію исключенные навсегда изъ общества, а потому и естественные враги его. Эти ссыльно-рабочіе употреблялись не только на выдѣлку чугуна и добываніе руды, но и въ другія работы: кузнечныя, плотничныя, столярныя, колесныя и т. д. Многіе изъ нихъ были очень искусные и трудолюбивые ремесленники, которые вступали съ нами въ сношеніе, потому что каждому изъ насъ необходимы были и кровать, и столъ, и кое-какая мебель, однимъ словомъ ихъ услуги. Мы платили имъ очень хорошо, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ помогали въ ихъ нуждахъ, и слѣдовательно они были нами очень довольны. Тюремный нашъ замокъ строился ими, и когда приказано было прорубить окошки и штукатурить стѣны, то употребляли для этого ихъ же. Этою работою занимались, по крайней мѣрѣ, человѣкъ 60 чтобы скорѣе кончить, и когда насъ переводили по очереди изъ своего номера въ другой, то, не желая перетаскивать на короткое время вещи, мы брали только съ собою постель, а остальныя оставляли въ своемъ казематѣ, сложа все по срединѣ комнаты и накрывъ простынями или коврами. Такъ какъ у каждаго изъ насъ не было ни денегъ, ни дорогихъ вещей, то мы и не заботились о пропажѣ. Стало быть рабочіе въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ имѣли возможность брать изъ нашихъ пожитковъ все то, что имъ было угодно. И не менѣе того, ни у одного изъ насъ не пропало даже булавки. Какъ объяснить этотъ фактъ? Я очень помню, какъ онъ меня поразилъ. Съ этихъ поръ я обратилъ

---

[31]) Я не увѣренъ, что не ошибся, сказавъ, что послѣ отдѣлки нашихъ казематовъ, дамы уже не жили въ нихъ. Припоминая теперь, мнѣ кажется, что нѣкоторое время (хотя очень недолго) Ивашева жила съ мужемъ въ тюрьмѣ, когда уже въ комнатѣ пробили окошко. Не ручаюсь въ совершенной точности и другихъ мелкихъ подробностей. Разумѣется, что если Ивашева жила въ казематѣ, то и другія дамы точно также, потому что дозволеніе жить по домамъ своимъ было общее.

особенное вниманіе на этотъ классъ заводскихъ жителей и убѣдился многими доказательствами въ ихъ честности и ихъ признательности за оказываемыя имъ услуги. До прибытія нашего, у нихъ былъ начальникомъ какой-то горный чиновникъ, человѣкъ злой и несправедливый, который поступалъ съ ними самымъ жестокимъ образомъ. Въ его время, какъ было намъ извѣстно, ни онъ самъ и никто изъ чиновниковъ горнаго вѣдомства не смѣлъ выходить ночью съ квартиры. Лишь только дѣлалось темно, запирались у всѣхъ окна, и брались всѣ предосторожности отъ злаго умысла ссыльно-рабочихъ. Въ наше же время начальникомъ былъ горный офицеръ Арсеньевъ, добрый и справедливый человѣкъ; онъ обходился съ ними человѣколюбиво, выдавалъ имъ все положенное, занимался улучшеніемъ ихъ быта, хотя былъ и строгъ, когда требовала этого необходимость. При немъ всякій могъ безопасно ходить по Заводу въ глубокую полночь, безъ всякаго оборонительнаго оружія. Мнѣ самому не разъ случалось возвращаться въ тюрьму ночью въ сопровожденіи одного конвойнаго и встрѣчать на пустыряхъ по пятку и десятку ссыльно-рабочихъ, иногда не совсѣмъ даже трезвыхъ. Они мирно проходили мимо, снимая шапки, вѣжливо привѣтствуя. Во все продолженіе моего пребыванія въ Петровскомъ о воровствѣ я никогда не слыхалъ. Этого преступленія какъ будто не существовало, и не разъ намъ возвращали кое-какія вещи, оставленныя нами или въ банѣ или во время прогулокъ. Однимъ словомъ, я тогда убѣдился и убѣжденъ теперь, что ссылаемые въ работу за важныя преступленія, убійство, святотатство и т. д. гораздо нравственнѣе тѣхъ, которые ссылаются на поселеніе за воровство или другіе не такъ важные проступки. Первые могли быть побуждены къ содѣланному ими преступленію сильными страстями, непреклонностію характера, мщеніемъ или изувѣрствомъ, но не потеряли всѣхъ нравственныхъ основаній, и слѣдовательно, если бы обратить только на нихъ вниманіе и заняться умѣючи ихъ исправленіемъ, я увѣренъ, что большая часть изъ нихъ могла бы содѣлаться не только порядочными, но даже очень полезными гражданами: тогда какъ сосланные на поселеніе за кражу, обманъ, подлоги, утаеніе чужой собственности, скрытіе ворованныхъ вещей и т. д., доведенные до этихъ преступленій постояннымъ развитіемъ дурныхъ наклонностей, постепенно ухудшающеюся нравственностію, не такъ легко могутъ исправиться, какъ первые. Во всякомъ случаѣ правительство сдѣлало бы величайшее благодѣяніе, можно сказать, высокій нравственный подвигъ, если бы занялось этими послѣдними ступенями общественной лѣстницы; если бы не заграждало имъ навсегда пути къ возстановленію себя, еслибы дѣйствовало,

однимъ словомъ, какъ искусный врачъ, а не какъ неумолимый, непреклонный мститель.

Кстати, разскажу здѣсь для соображенія моралистовъ, одинъ рѣзкій примѣръ желѣзной воли, твердости характера съ равнодушіемъ къ тѣлеснымъ истязаніямъ одного изъ ссыльно-рабочихъ. Въ Восточной Сибири существуетъ обыкновеніе между каторжными въ лѣтнее время отлучаться изъ заводовъ мѣсяца на три въ окрестные лѣса, чтобы, какъ говорятъ они, погулять на свободѣ, подышать свободнымъ воздухомъ. Разумѣется, что съ ихъ стороны это преступленіе, тѣмъ болѣе, что при этихъ отлучкахъ совершаются ими иногда и новые противозаконные поступки. Съ наступленіемъ холоднаго времени большая часть изъ нихъ возвращаются въ Заводъ, гдѣ ихъ наказываютъ за побѣгъ и потомъ употребляютъ опять въ работу. Не имѣя достаточныхъ средствъ, чтобы воспрепятствовать этимъ побѣгамъ, горное начальство принимаетъ однакоже нѣкоторыя мѣры, и одна изъ нихъ состоитъ въ томъ, что платитъ за каждаго пойманнаго каторжнаго *десять* рублей ассигнаціями тому, кто приведетъ его. Въ случаѣ же если онъ будетъ при поимкѣ убитъ, то не только не преслѣдуетъ лишившаго его жизни, но платитъ ему тогда *пять* рублей. Буряты, зная объ этомъ распоряженіи, сдѣлали изъ него родъ промысла. Лѣтомъ они отправляются верхами съ оружіемъ для поимки бѣглыхъ и когда завидятъ въ лѣсу одного или двухъ, то, подъѣзжая на нѣкоторое разстояніе и приготовивъ лукъ и стрѣлы, закричатъ имъ, чтобы остановились. Если они послушаются, тогда Бурятъ велитъ имъ слѣдовать по пути къ Заводу, а самъ ѣдетъ за ними поодаль съ направленнымъ противъ нихъ ружьемъ или стрѣлою, и такимъ образомъ приводитъ ихъ и получаетъ слѣдующую ему награду. Если же они не послушаются его и захотятъ убѣжать, то убиваетъ ихъ и получаетъ награду вполовину менѣе. Весьма естественно, что это служитъ причиною непримиримой вражды ссыльно-каторжныхъ съ Бурятами. Одинъ изъ первыхъ по прозванію Масленниковъ, бывшій Орловской мѣщанинъ, негодуя на Бурятъ, рѣшился объявить имъ войну и каждый годъ въ лѣтнее время отправлялся въ походъ, чтобы въ свою очередь убивать ихъ. Когда же наступали морозы, онъ возвращался въ Заводъ и самъ объявлялъ начальству, сколько ему удалось истребить такъ называемыхъ имъ непріятелей. Часто даже онъ бралъ на себя преступленія другихъ. Его заковывали, судили, сѣкли кнутомъ, держали нѣкоторое время въ острогѣ, но наконецъ выпускали, и въ первое же лѣто онъ опять повторялъ тоже самое. Въ продолженіи 10 лѣтъ, шесть разъ дѣлалъ онъ такіе походы, убилъ человѣкъ до 20 и шесть разъ

былъ нещадно сѣченъ кнутомъ. Наконецъ это упорство, эта неисправимая злоба принудили начальство взять рѣшительныя мѣры. Въ послѣдній разъ, когда слѣдовало его наказать сто однимъ ударомъ, начальникъ, человѣкъ строгій и безжалостный, заранѣе приказалъ палачу засѣчь его до смерти. Дни за два до исполненія приговора, слухъ о такомъ приказаніи разнесся и достигъ до одного отставнаго ссыльно-каторжнаго, старика набожнаго и по своему образу жизни всѣми уважаемаго. Онъ идетъ къ начальнику и проситъ его отмѣнить его приказаніе, обѣщая уговорить Масленникова дать слово не бѣгать и отказаться отъ войны съ Бурятами, и ручается въ томъ, что если онъ дастъ это слово, то сдержитъ его. Долго не соглашался начальникъ, но наконецъ, убѣжденный старикомъ, котораго онъ самъ уважалъ, рѣшается на этомъ условіи отмѣнить свое приказаніе. Старикъ, пришедши къ Масленникову, сказываетъ ему объ условіи, которое можетъ сохранить его жизнь, и проситъ дать слово. Тотъ долго не рѣшается на это, цѣлый день борется самъ съ собою, наконецъ самосохраненіе одерживаетъ верхъ, и онъ даетъ требуемое обѣщаніе. Его наказываютъ. Желѣзное тѣло его выдерживаетъ наказаніе. Онъ выздоравливаетъ и послѣ этого живетъ на Заводѣ примѣрнымъ образомъ. Повиновеніемъ, дѣятельностію заслуживаетъ благосклонность начальства и дѣлается, не говорю нравственнымъ, но порядочнымъ человѣкомъ. Когда мы прибыли въ Заводъ, онъ уже нѣсколько лѣтъ жилъ на свободѣ, своимъ домомъ; при насъ велъ себя все время хорошо и однажды, работая въ моемъ казематѣ, самъ разсказывалъ мнѣ, что до сихъ поръ боятся его Буряты. Не рѣдко, говорилъ онъ, при встрѣчѣ съ Бурятомъ, онъ, не зная меня, спрашивалъ у меня же, живъ ли непріятель ихъ Масленниковъ и разсказывалъ мнѣ прежнія мои съ ними продѣлки. Характеры подобные Масленникову, могутъ быть и величайшими злодѣями и великими людьми! Все зависитъ отъ воспитанія и обстоятельствъ.

Лѣтомъ 1831 года, пріѣхала невѣста Ивашева, молодая, милая, образованная дѣвушка. Онъ успѣлъ приготовить домъ и всё что̀ нужно для первоначальнаго хозяйства. Она остановилась у княгини Волконской и прожила у нея до свадьбы своей, которая совершилась дней черезъ пять по пріѣздѣ ея. Я радовался, видя его вполнѣ счастливымъ, и нашелъ въ его супругѣ другаго себѣ друга. Имъ позволили прожить у себя дома около мѣсяца и, глядя на нихъ, я невольно вспоминалъ былое. По прошествіи этого мѣсяца, она, по примѣру другихъ дамъ, перешла съ мужемъ въ его номеръ и оставалась тутъ до тѣхъ поръ, пока всѣмъ же-

натымъ позволили жить у себя. Свадьба Ивашевыхъ не была уже такъ оригинальна, какъ Анненковыхъ.

По переходѣ женатыхъ въ дома свои, я занялъ номеръ Ивашева. Мы остались въ этомъ отдѣленіи только трое: Мухановъ, Пестовъ и я. Въ продолженіи этого времени нѣкоторымъ изъ насъ вышли сроки, и они были отправлены на поселеніе. Не помню по какому-то случаю, кажется въ рожденье одного изъ Великихъ Князей, намъ убавлено было три года работы, а въ рожденье послѣдняго изъ сыновей Государя еще два года. Первые уѣхавшіе изъ Петровскаго на поселеніе были Кюхельбекеръ 2-й и Гльбовъ, потомъ Розенъ, Рѣпинъ, Вегелинъ и Игельстромъ.

Въ 1832 году я былъ избранъ хозяиномъ. Эта должность сопряжена была съ большими хлопотами, тѣмъ болѣе, что каждому, кого выбирали, желалось угодить своимъ товарищамъ и соблюдать, сколько возможно, общіе интересы, удовлетворяя вмѣстѣ съ тѣмъ и частныя требованія. Помню, что меня очень затрудняли распоряженія на счетъ кушанья. Не имѣя понятія въ гастрономіи, я часто не зналъ, какія выдумывать блюда, для разнообразія нашего скромнаго стола и нерѣдко прибѣгалъ къ совѣтамъ повара, которые не всегда были удачны. Помню, какъ бывало досадовалъ я на себя при какомъ нибудь худомъ обѣдѣ или ужинѣ, и на оборотъ, какъ доволенъ оставался, когда гастрономическія мои соображенія удавались, и всѣ были довольны.

Впрочемъ и не легко было удовлетворить, съ маленькими средствами нашими, вкусу и требованіямъ семидесяти человѣкъ, болѣе или менѣе привыкшихъ къ хорошему столу. Но и въ этомъ случаѣ тѣ изъ насъ, которые болѣе понимали въ гастрономіи и болѣе имѣли правъ судить о ней, обыкновенно молчали, покоряясь необходимости и не обращая вниманія на матеріальную часть нашей жизни. Случайный ропотъ происходилъ иногда между молодыми товарищами нашими, не имѣвшими такого образованія, какъ другіе и служившими прежде въ армейскихъ полкахъ. Годъ этотъ былъ тѣмъ болѣе для меня труденъ, что здоровье мое не соотвѣтствовало моей должности. Зимою надобно было ходить по Заводу, для разныхъ закупокъ, отпускать припасы, быть по цѣлымъ часамъ на кухнѣ и потомъ изъ жару выходить прямо на холодъ. Я часто простуживался и съ этихъ поръ не такъ уже сталъ здоровъ, какъ прежде.

Первый случай смертности между нами оказался въ нашемъ отдѣленіи и очень поразилъ насъ всѣхъ, тѣмъ болѣе, что это случилось внезапно. У сосѣда моего Пестова сдѣлался на спинѣ простой вередъ, который его нѣсколько

безпокоилъ, но онъ ходилъ и даже вздумалъ идти въ баню [32]). Это было наканунѣ Рождественскаго сочельника. Я было отговаривалъ его, но онъ не послушался. На другой день, сидя со мной за чаемъ въ коридорѣ, онъ очень жаловался на боль и сожалѣлъ, что нельзя будетъ идти въ Рождество вмѣстѣ со мной къ Ивашевымъ. Утромъ, въ день праздника, я зашелъ къ нему въ комнату узнать объ его здоровьѣ. Онъ лежалъ еще въ постели и сказалъ, что чувствуетъ небольшой ознобъ. Тогда я посовѣтовалъ ему послать за Вольфомъ; онъ сначала было не соглашался, говоря, что это пустая болѣзнь и пройдетъ безъ медицины; но къ обѣду ему стало хуже, и онъ пригласилъ Вольфа. Между тѣмъ я ушелъ къ Ивашевымъ; мы еще сидѣли за обѣдомъ, какъ я получилъ записку Вольфа, который извѣщалъ меня, что Пестовъ при смерти, что у него карбункулъ и начался уже антоновъ огонь въ спинной кости. Я побѣжалъ домой и засталъ больнаго въ совершенной памяти, но ужасно слабымъ. Ему не говорили объ опасномъ его положеніи, и вечеромъ часу въ 12 онъ скончался въ полномъ сознаніи, разговаривая съ окружающими его товарищами и не подозрѣвая приближающейся смерти. Только за нѣсколько минутъ до кончины онъ пересталъ говорить и потерялъ зрѣніе.

Это грустное событіе опечалило всѣхъ. Мы оплакали его и похоронили приличнымъ образомъ на погостѣ Петровской церкви. Всѣмъ намъ позволено было сопровождать его тѣло, которое мы сами несли до церкви, перемѣняясь по очередно. Опустивши гробъ въ могилу и отдавши послѣдній долгъ его праху, мы грустно возвратились въ тюрьму свою. Онъ первый изъ насъ явился къ пятерымъ казненнымъ нашимъ товарищамъ.

Вскорѣ послѣ кончины Пестова, смерть избрала новую жертву [33]) и жертву самую чистую, самую праведную. А. Г. Муравьева, чувствуя давно уже общее разстройство здоровья своего [слѣдствіе нравственныхъ волненій и преждевременныхъ родовъ] старалась скрыть ненадежное свое положеніе отъ мужа и продолжала вести обыкновенную жизнь, не принимая, какъ совѣтовалъ ей Вольфъ, особенныхъ предосторожностей. Она ходила иногда въ зимнее время, легко одѣтая, изъ каземата на свою квартиру по нѣскольку разъ въ день, тревожилась при малѣйшемъ не-

---

[32]) Въ баню намъ позволялось ходить каждую недѣлю. Мы содержали ее на свой счетъ, она много способствовала къ сохраненію нашего здоровья.

[33]) Не ручаюсь, чтобъ я не ошибся здѣсь въ послѣдовательности. Пестовъ и А. Г. Муравьева скончались въ одну и туже зиму: первый въ Рождество, она же прежде или послѣ его, теперь не упомню хорошо. (А. Г. Муравьева скончалась 22 Ноября 1832. *И. Б.*)

здоровьи своего ребенка и, сдѣлавшись беременною, крѣпко простудилась. Долго боролась ея природа, искусство и стараніе Вольфа съ болѣзнію (кажется, нервическою горячкою). Мѣсяца три не выходила она изъ опасности, и наконецъ ангельская душа ея, оставивъ тлѣнную оболочку, явилась на зовъ правосуднаго Творца, чтобы получить достойную награду за высокую временную жизнь свою въ этомъ мірѣ. Легко представить себѣ, какъ должна была поразить насъ всѣхъ преждевременная ея кончина. Мы всѣ безъ исключенія любили ее, какъ милую, добрую, образованную женщину и удивлялись ея высокимъ нравственнымъ качествамъ: твердости ея характера, ея самоотверженію, ея безропотному исполненію своихъ обязанностей. Бѣдный супругъ ея былъ неутѣшенъ. Она оставила ему послѣ себя залогомъ своей нѣжной, неограниченной любви четырехъ-лѣтнюю дочь. Двѣ старшихъ, рожденныя въ Россіи, находились въ Москвѣ, у мужниной матери, вдовы М. Н. Муравьева. Тѣло ея предано землѣ на погостѣ Петровской церкви, и постоянно темлющаяся лампада, въ устроенномъ надъ нею склепѣ, служитъ въ мрачную ночь, какъ очень хорошо выразился одинъ изъ нашихъ товарищей [34]) посѣтившій лѣтъ черезъ 15 Петровскій, путеводною звѣздою для путешественниковъ, приближающихся къ Заводу.

Обѣ эти утраты, и въ особенности послѣдняя, навели облако скорби на нашу отшельническую жизнь. Горесть остальныхъ дамъ нашихъ о потерѣ достойной подруги ихъ еще сильнѣе давала намъ чувствовать это общее, такъ сказать, семейное несчастіе. При каждой болѣзни кого-либо изъ нихъ, мы страшились новой потери.

Въ концѣ 1832 года намъ всѣмъ убавили по нѣскольку лѣтъ работы, и въ слѣдствіе этого, четвертому разряду, т. е. тѣмъ, которые были осуждены на 8 лѣтъ, окончился срокъ. Въ этомъ разрядѣ находились: Фонъ-Визинъ, Нарышкинъ, Лореръ, Бобрищевъ-Пушкинъ, Абрамовъ, Фаленбергъ, два брата Бѣляевыхъ, Одоевскій, Мухановъ, Мазганъ, Ивановъ, Шишковъ и Александръ Муравьевъ [35]). Они отправились въ началѣ 1833 года, и съ отбытіемъ ихъ тюрьма наша какъ будто опустѣла. Насъ осталось менѣе 50 человѣкъ, и слѣдовательно тогда не только каждый имѣлъ особую комнату, но даже осталось нѣсколько номеровъ незанятыхъ.

Еще въ продолженіи нашего пребыванія въ Читѣ, помѣстили къ намъ нѣсколько человѣкъ, совсѣмъ не принадлежавшихъ къ нашему дѣлу. То были: братъ Завалишина

---

[34]) И. И. Пущинъ. *Н. Б.*

[35]) Онъ отказался и просилъ остаться до отъѣзда брата.

и бывшіе офицеры Оренбурскаго корпуса — Колесниковъ Таптыковъ и Дружининъ. По прибытіи уже въ Петровскій Заводъ, прислали туда слѣпаго старика Сосиновича (изъ Поляковъ) и какого-то разжалованнаго маіора Кучевскаго. Мы приняли ихъ радушно, не обращая вниманія и не спрашивая, за что́ они попались къ намъ; и какъ всѣ они не имѣли никакихъ способовъ, то и участвовали въ общей нашей артели, на томъ же положеніи, какъ мы сами.

Комендантъ Лепарскій посѣщалъ нерѣдко тюрьму нашу и обращался съ нами самымъ вѣжливымъ образомъ. Онъ никогда, бывало, не войдетъ въ затворенную комнату, не постучавши и не спросивши, можно ли войти? Если замѣтитъ бывало чернильницу, то улыбнется и скажетъ: «Я этого не вижу». Всѣ просьбы наши (разумѣется, онѣ были не важны и не подвергали его отвѣтственности) исполнялъ онъ съ удовольствіемъ, и если былъ недоволенъ какимъ либо поступкомъ одного изъ насъ, то никогда не выговаривалъ ему, а принималъ какую нибудь общую противъ всѣхъ въ смыслѣ поступка мѣру, чтобы дать знать виновнику, что этимъ вредитъ онъ не только себѣ, но и всѣмъ товарищамъ. Этимъ средствомъ онъ вѣрнѣе достигалъ своей цѣли. Плацъ-маіоръ ежедневно обходилъ насъ, принималъ отъ насъ просьбы (онѣ большею частію заключались въ дозволеніи выйти куда нибудь изъ тюремнаго замка) къ коменданту и былъ съ нами не только ласковъ, но и почтителенъ. Прочіе офицеры слѣдовали примѣру своихъ начальниковъ. Бывало, намъ самимъ странно было слышать, какъ унтеръ-офицеръ, обходя казематы, говорилъ: «господа, не угодно-ли кому на работу?» Кто хотѣлъ, тотъ выходилъ, а нежелающіе оставались покойно дома. Эти работы были не утомительны и очень часто прекращались на мѣсяцъ и на два, подъ самыми пустыми предлогами, или по случаю сильнаго холода, сильнаго жара, дурной погоды, или существованія повальныхъ болѣзней. Онѣ были тѣ же, какъ и въ Читѣ, т. е. молотье на ручныхъ жерновахъ муки, и точно также какъ и тамъ приходившіе на работу садились читать книги, газеты или играть въ шахматы.

Въ Петровскомъ насъ посѣтили бывшіе генералъ-губернаторы Восточной Сибири: Сулима и Броневскій. Каждый изъ нихъ, обходя казематы, чрезвычайно вѣжливо обошелся съ нами, спрашивалъ о здоровьѣ и о томъ, не имѣемъ ли мы особенныхъ просьбъ или жалобъ. Разумѣется, ни тѣхъ ни другихъ не было. Пріѣзжали тоже по службѣ генералъ Чевкинъ (теперешній главный управляющій путями сообщенія) и полковникъ Багговутъ (нынѣ генералъ-лейтенантъ), но мы ихъ не видали, потому что они не имѣли и порученія осматривать тюрьму нашу. Первый имѣлъ свиданіе въ домѣ коменданта съ Арт. Зах. Муравьевымъ, а послѣдній останавливался у Ивашевыхъ, которымъ онъ былъ родственникомъ.

Я получилъ въ это время горестное извѣстіе о кончинѣ старшаго брата моего, артилерійскаго штабсъ-офицера, только что возвратившагося изъ Турецкой кампаніи. Онъ оставилъ семейство, жену и двухъ дочерей, судьба которыхъ меня озабочивала. Письменныя сношенія мои съ родными покойной жены, ея матушкою, сестрою и братьями были самыя родственныя, самыя дружескія. Они жили тогда уже въ Петербургѣ. Въ 1834 году я сильно занемогъ воспаленіемъ въ мозгу. Болѣзнь была опасная и мучительная. Вольфъ и Арт. Зах. Муравьевъ (онъ тоже занимался медициной и очень удачно пользовалъ) прилагали, съ дружескимъ усердіемъ, все искусство свое, чтобы помочь мнѣ. Благодаря ихъ стараніямъ, я выздоровѣлъ. Товарищи во время болѣзни моей, не отходили отъ меня. Каждую ночь дежурили четыре человѣка и не спали по очереди, чтобы услуживать мнѣ и давать лекарство. Ивашевъ съ женою почти каждый день меня навѣщали и приготовляли мнѣ у себя на дому кушанье и питье. Однимъ словомъ, нигдѣ бы я не могъ найти такихъ попеченій, такого ухода, такой предупредительной заботливости, какъ въ Петровской тюрьмѣ. Мудрено ли послѣ этого, что въ теченіе 10 лѣтъ нашей тюремной жизни, мы потеряли одного только Пестова, и то больше отъ собственной его неосторожности?

Я имѣлъ большое утѣшеніе въ семействѣ Ивашевыхъ, живя съ ними какъ съ самыми близкими родными, какъ съ братомъ и сестрой. Видались мы почти каждый день, вполнѣ сочувствовали другъ другу и дѣлились между собою всѣмъ, что было на умѣ и на сердцѣ. Приближалось время нашего поселенія, и мы желали только одного, чтобы не разлучаться по выѣздѣ изъ Петровскаго. Это желаніе впослѣдствіи исполнилось. Родные Ивашева просили о томъ графа Бенкендорфа, и онъ удовлетворилъ ихъ просьбу. У нихъ родился сынъ, мой крестникъ, и это событіе, можно сказать, удвоило ихъ счастіе. Хотя впослѣдствіи, потерявъ его на второмъ году, они испытали все то, что родительская нѣжность можетъ испытывать въ такихъ случаяхъ, но вскорѣ рожденіе дочери, тоже моей крестницы, утѣшило ихъ и мало по малу залечило ихъ сердечныя раны. Зная подробно всѣ ихъ семейныя отношенія, я невольно удивлялся той неограниченной любви, которую родители Ивашева и сестры его питали къ нему. Во всѣхъ ихъ письмахъ, во всѣхъ дѣйствіяхъ, было столько нѣжности, столько заботливости, столько душевной преданности, что нельзя было не благоговѣть предъ такими чувствами. Послѣдствія доказали, что тутъ не было ничего искусственнаго. По смерти родителей Ивашева и его самаго съ женою, сестры отдали тремъ дѣтямъ его все состояніе, которое слѣдовало на долю отца, если бы онъ осуж-

деніемъ не потерялъ правъ своихъ и которое по закону принадлежало уже имъ, а не его дѣтямъ.

Наконецъ и наступилъ и нашъ срокъ къ отъѣзду. Въ концѣ 1835 года, второму разряду убавлены остальные шесть мѣсяцевъ; но какъ не было сдѣлано распоряженія, въ какія мѣста мы назначались, то пока происходила переписка, мы оставались въ тюрьмѣ, и выѣхали изъ Петровскаго ровно черезъ 10 лѣтъ послѣ сентенціи, т. е. въ Іюлѣ 1836 года. Прочимъ товарищамъ нашимъ 1-го разряда оставалось пробыть еще три года. Въ нашемъ разрядѣ находилось 19 человѣкъ: 2 брата Муравьевыхъ, Волконскій, Ивашевъ, Лунинъ, Свистуновъ, два брата Крюковыхъ, Якушкинъ, Вольфъ, Торсонъ, Анненковъ, Штейнгель, Громницкій, Митьковъ, Кирѣевъ, Тютчевъ, Фроловъ и я. Нѣкоторыхъ поселили въ Иркутской губерніи, другихъ въ Енисейской, а насъ съ Ивашевымъ, по просьбѣ матери его, назначили въ г. Туринскъ Тобольской губерніи.

Приготовленія къ отъѣзду, разлука съ товарищами, неизвѣстность будущаго, все это занимало и озабочивало насъ. Можетъ быть, мнѣ не повѣрятъ, но, припоминая прежнія впечатлѣнія, скажу, что грустно мнѣ было оставлять тюрьму нашу. Я столько видѣлъ тутъ чистаго, благороднаго, столько любви къ ближнему, такъ привыкъ думать и дѣйствовать въ этомъ смыслѣ, что боялся, вступая опять въ обыкновенныя общественныя сношенія, найти совершенно противное, жить не понимая другихъ и въ свою очередь быть для нихъ непонятнымъ. Благодѣтельно, съ пользою прошли эти 10 лѣтъ для моего нравственнаго, умственнаго образованія; но они не только не подвинули меня ни на шагъ опытности житейской, а скорѣе заставили забыть и то, что̀ было пріобрѣтено прежде. Понимая все это, страшно было явиться опять на свѣтъ лишеннымъ всякихъ внѣшнихъ преимуществъ, всего чему поклоняется толпа и и съ такими правилами и убѣжденіями, которыя могли показаться не только безразсудными, но даже вредными господствующимъ понятіямъ. Меня утѣшало только то, что я буду жить вмѣстѣ съ Ивашевыми и слѣдовательно буду имѣть два существа, близкія мнѣ по сердцу, которыя всегда поймутъ меня и не перестанутъ мнѣ сочувствовать.

Пока продолжалась переписка о нашемъ назначеніи, намъ позволено было выходить изъ тюрьмы, когда пожелаешь. Пользуясь этимъ правомъ, мы каждый день посѣщали женатыхъ, обѣдали у нихъ, въ ожиданіи разлуки, проводили время вмѣстѣ съ ними и съ прочими товарищами. Случалось иногда выпить и бокалъ шампанскаго въ дружеской, задушевной бесѣдѣ.

Наконецъ наступило время отправленія нашего. Холостымъ назначили ѣхать въ Иркутскъ всѣмъ вмѣстѣ, а женатымъ каждому особо. Такъ какъ я назначенъ былъ въ одно мѣсто съ Ивашевыми, то мнѣ позволили отправиться съ ними. Мы остались до отъѣзда холостыхъ и, проводивъ ихъ, простясь съ ними, стали сами готовиться къ выѣзду.

Въ день отправленія, я утромъ пошелъ проститься съ комендантомъ. *Генералъ*, сказалъ я ему, *въ теченіе десяти лѣтъ, вы доказали вашимъ обращеніемъ съ нами, что можно соединить человѣколюбіе съ обязанностями служебными. Вы поступали съ нами какъ человѣкъ добрый и благородный и много облегчили этимъ наше положеніе. Нѣсколько разъ я хотѣлъ было выразить вамъ искреннюю мою признательность, но считалъ это неумѣстнымъ, пока былъ подъ надзоромъ вашимъ и отложилъ это до дня моего отправленія изъ Петровскаго. Этотъ день насталъ. Благодарю васъ отъ души; я увѣренъ, что вы не усомнитесь въ искренности моихъ словъ теперь, когда мы вѣроятно разстаемся съ вами навсегда.* Онъ прослезился. *Ваши слова*, отвѣчалъ онъ, *лучшая для меня награда, но и съ моей стороны, я долженъ отдать вамъ полную справедливость. Вы всѣ, господа, вели себя такъ, что если бы на вашемъ мѣстѣ были все Вашингтоны, то и они не могли бы лучше вести себя. Мнѣ ни одного разу не случалось прибѣгать къ мѣрамъ, несогласнымъ съ моимъ сердцемъ, и вся моя заслуга состоитъ въ томъ только, что я понялъ васъ и, вполнѣ на васъ надѣясь, слѣдовалъ его внушеніямъ.* Мы обнялись и въ послѣдній разъ простились съ нимъ. Черезъ годъ по отъѣздѣ нашемъ онъ скончался, въ престарѣлыхъ уже лѣтахъ, и погребенъ въ Петровскомъ. Могила его, А. Г. Муравьевой и Пестова останутся навсегда памятниками нашего тамъ пребыванія. По смерти генерала Лепарскаго, къ оставшимся товарищамъ нашимъ назначенъ былъ новый комендантъ, полковникъ Ребиндеръ [мой родственникъ], новый плацъ-маіоръ Казимірскій и другіе плацъ-адъютанты. Прежній плацъ-маіоръ-полковникъ Лепарскій и прежніе офицеры возвратились въ Россію, получивъ большія награды за ихъ службу въ Сибири.

Прощальный обѣдъ нашъ былъ у Волконскаго. Тутъ собралась большая часть товарищей нашихъ. Съ тѣми же, которые не могли на немъ присутствовать, мы простились въ казематахъ. Шумно и грустно провели мы послѣдніе часы. Тостовъ было много. Наконецъ мы крѣпко, со слезами, обнялись другъ съ другомъ, простились со всѣми и, размѣстившись въ экипажи, оставили Петровскій. Проѣзжая мимо церковнаго погоста, вышли поклониться праху добраго товарища и достойной, примѣрной женщины, бывшей нашимъ ангеломъ-утѣшителемъ; потомъ, пустившись въ путь,

долго еще смотрѣли на удалявшійся Петровскій, пока не скрылся послѣдній предметъ—куполъ и крестъ колокольни.

Здѣсь оканчиваю первый отдѣлъ моихъ воспоминаній. То что случилось со мною по отъѣздѣ изъ Петровскаго во время 20 лѣтняго пребыванія моего въ Западной Сибири, относится болѣе собственно ко мнѣ одному, и слѣдовательно не можетъ быть такъ интересно. Постараюсь однако же хотя вкратцѣ изложить въ слѣдующемъ отдѣлѣ то что касалось всѣхъ насъ и нашей жизни по разнымъ мѣстамъ обширной Сибири въ этотъ длинный періодъ времени, и заключу разсказъ мой моими наблюденіями этой любопытной страны и моимъ возрѣніемъ на правительственныя распоряженія и политическое направленіе послѣдняго царствованія.

II.

Десятилѣтняя тюремная жизнь моя окончилась. Я вступилъ опять въ сношеніе съ людьми, начиналъ пользоваться кое-какими правами, не скажу гражданина, но человѣка. Въ продолженіи этихъ 10-ти лѣтъ (мнѣ было уже 36 лѣтъ), я много пріобрѣлъ въ разныхъ отношеніяхъ, могъ обсудить и повѣрить мои убѣжденія и окончательно утвердиться въ нихъ, могъ положить прочное основаніе своимъ правиламъ и религіознымъ понятіямъ. Много прочелъ съ пользою и многому научился. Но одного не доставало во мнѣ. Это опытности житейской, которая въ каждомъ изъ насъ, въ эти десять лѣтъ, скорѣе уменьшилась, нежели увеличилась. Но этотъ послѣдній недостатокъ не могъ имѣть вліянія на наши нравственные элементы; онъ могъ вредить намъ во внѣшней жизни нашей. Въ сношеніяхъ нашихъ съ людьми мы могли обманываться, заблуждаться, принимать позолоту за чистый металъ; но все это не могло поколебать твердости нашихъ правилъ и нашихъ убѣжденій. Однимъ словомъ, въ большей части изъ насъ—стихія нравственная была болѣе или менѣе обезпечена отъ всякаго внѣшняго и новаго вліянія. Здѣсь я считаю обязанностію отдать справедливость и выразить мою признательность правительству. Размѣсти оно насъ сначала по разнымъ заводамъ, отними у каждаго общество товарищей, лиши возможности поддерживать другъ друга, смѣшай съ простыми ссыльно-рабочими, подчини мѣстному начальству и общимъ заводскимъ правиламъ, легко могло бы случиться, что большая часть изъ насъ, будучи нравственно убиты своимъ положеніемъ, безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, не имѣя сношенія съ родными и находясь еще въ такихъ лѣтахъ, когда не совсѣмъ образовался характеръ, когда нравственное основаніе не такъ прочно, а умъ легко

подчиняется страстямъ и прелести воображенія, легко могло бы случиться, говорю я, что многіе потеряли бы сознаніе своего достоинства, не устояли бы въ своихъ правилахъ и погибли бы безвозвратно, влача самую жалкую, недостойную жизнь. Поступивъ же такимъ образомъ, какъ оно поступило, соединивъ насъ вмѣстѣ, отдѣливъ отъ массы и назначивъ для надзора за нами людей добрыхъ, оно доставило намъ средства не только удержаться на прежней ступени нравственнаго достоинства, но даже подняться и выше. Правда, что не легко намъ было отказаться для этого отъ послѣдней частицы свободы, которою пользуются всѣ даже ссыльные, жить въ продолженіи 10-ти лѣтъ строже, чѣмъ живутъ монахи, не имѣть ни собственной воли, не располагать даже ни однимъ шагомъ своимъ; но когда эти 10-ть лѣтъ прошли, когда всѣ эти лишенія остались только въ воспоминаніяхъ, и сохранились благодѣтельные результаты, тогда нельзя не признать, что для насъ было бы гораздо хуже, еслибы правительство предоставило насъ общей участи осужденныхъ.

Путешествіе наше отъ Петровскаго до Байкала, лѣтомъ, въ прекрасную погоду, такъ было занимательно для насъ, природа этого края такъ величественна, такъ красиво представлялась глазамъ нашимъ, что, не взирая на грустныя наши думы о разлукѣ съ друзьями и о неопредѣленной будущности, насъ ожидающей, мы, какъ дѣти, восхищались разнообразіемъ и красотою тѣхъ мѣстностей, которыми проѣзжали. Особенно великолѣпны берега Селенги. Мы не рѣдко выходили изъ экипажа и шли пѣшкомъ версты по двѣ и по три, чтобы вполнѣ насладиться прелестнымъ зрѣлищемъ природы. Иногда глазамъ нашимъ представлялись огромныя развалины старинныхъ зимовокъ, самой фантастической архитектуры. Это были прибрежныя скалы, до такой степени красиво расположенныя, что мы невольно предавались обману зрѣнія и, подходя къ нимъ, старались отыскивать, вопреки разсудку, слѣды архитектурнаго искусства какихъ нибудь древностей, можетъ быть допотопныхъ обитателей этихъ странъ. Бархатные луга по обоимъ берегамъ рѣки, испещренные милліонами разнаго рода цвѣтовъ, которымъ не отказали бы мѣсто въ оранжереяхъ и ароматическія травы, распространяли повсюду благоуханіе въ воздухѣ и казались обширнымъ искусственнымъ садомъ. Растительность была изумительная. Однимъ словомъ, забайкальская природа, особенно мѣстность Читы и берега Селенги, оставили во мнѣ такія впечатлѣнія, которыя никогда не изгладятся.

Переѣхавъ черезъ Байкалъ на суднѣ, мы прибыли въ Иркутскъ; прожили тамъ около недѣли, очень ласково были

приняты генералъ-губернаторомъ Броневскимъ и всѣми жителями, съ которыми случалось намъ имѣть сношеніе. Проведя это время съ нѣкоторыми изъ товарищей нашихъ, выѣхавшихъ изъ Петровскаго и оставшихся по разнымъ причинамъ въ Иркутскѣ, мы отправились въ путь къ мѣсту нашего назначенія, тою же самою дорогою, которою ѣхали десять лѣтъ тому назадъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчали прежнихъ знакомыхъ и вездѣ находили радушіе, привѣтливость и готовность оказать услугу. Въ Красноярскѣ прожили мы дней десять. Тамъ нашли Фонъ-Визина, Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ и Краснокутскаго. Исправленіе экипажей доставило намъ удовольствіе пробыть съ ними нѣсколько дней. Мѣстныя власти не торопили насъ выѣздомъ. Два казака, насъ провожавшіе, были въ полномъ нашемъ распоряженіи. Въ это время начались въ Енисейской губерніи кое-какія открытія золотыхъ пріисковъ, и потому общее вниманіе обращено было на этотъ предметъ, который исключительно занималъ всѣ умы и служилъ основою всѣхъ разговоровъ и сужденій. Дешевизна съѣстныхъ припасовъ и овощей въ это время была необыкновенная. Я помню, какъ она поразила меня. Я попросилъ хозяина купить мнѣ къ обѣду свѣжихъ огурцовъ и, соображаясь съ Петровскими цѣнами, далъ ему 20 копѣекъ серебромъ. Мнѣ привезли цѣлый возъ,—по крайней мѣрѣ сотни три. Хлѣбъ былъ также непмовѣрно дешевъ. Кто могъ ожидать, что черезъ два года, цѣны на эти предметы увеличатся въ 10 разъ и болѣе? Многіе предусмотрительные люди составили себѣ впослѣдствіи огромные отъ того капиталы.

Проѣхавъ Томскъ и нѣсколько уѣздныхъ городовъ, мы прибыли въ половинѣ Августа въ Тобольскъ. Отсюда я поѣхалъ въ Туринскъ уже одинъ, потому что Пвашевы должны были остаться тутъ недѣли на двѣ, по болѣзни ребенка и чтобы самимъ отдохнуть отъ дальней дороги. Мнѣ же хотѣлось скорѣе прибыть на свое мѣсто и окончательно устроить свой бытъ.

Не легко однакоже, казалось мнѣ, устроить его. Помню, что эта мысль тогда сильно безпокопла меня. Помощи у правительства я просить не хотѣлъ. Обратиться къ товарищамъ я считалъ неприличнымъ: мнѣ было бы тягостно сдѣлать это. Братъ мой былъ не богатъ, и я не зналъ, будетъ ли онъ имѣть возможность присылать мнѣ что нибудь. Правда, что въ Петровскомъ я кое-что получалъ отъ него, но весьма не акуратно и не въ извѣстное время. Слѣдовательно, я не могъ положительно знать, сколько могу проживать ежегодно. Выѣзжая изъ Петровскаго Завода, я получилъ изъ маленькой артели 700 руб. ассиг. и истратилъ дорогою только 100 р; остальныя привезъ съ собою. При

моей умѣренности, этихъ денегъ могло достать на долго, тѣмъ болѣе, что жизнь въ Туринскѣ дешева; но все таки рано или поздно, они должны были издержаться, и тогда какъ быть? Я придумывалъ разныя средства пріобрѣтать самому кое-что трудами своими, но долженъ былъ убѣдиться, что изъ этого никакого не будетъ толку. Ремесленникомъ, земледѣльцемъ я быть не могъ: ни способности, ни здоровье мое, ни самыя привычки не дозволяли мнѣ и думать о томъ. Промышленныхъ занятій я также не могъ предпринять: для этого нуженъ капиталъ, котораго я не имѣлъ. Однимъ словомъ, какъ я ни думалъ, ничего не могъ придумать дѣльнаго, и потому рѣшился, сокративъ сколько можно издержки свои [36]), предоставить это времени и обстоятельствамъ, стараясь между тѣмъ ознакомиться хорошенько съ краемъ и мѣстными способами. Провидѣнію угодно было вывести меня изъ этого затруднительнаго положенія. Вскорѣ братъ мой извѣстилъ меня, что онъ будетъ присылать мнѣ ежегодно 400 рублей ассиг. Этаго было уже довольно для меня; а потомъ добрый родственникъ мой, Барышниковъ, доставивъ мнѣ единовременно 4000 рублей, сталъ присылать сверхъ того ежегодно 1000 рублей. Сдѣлавшись, сверхъ чаянія моего не только внѣ всякой нужды, но даже относительно богатымъ, я пересталъ думать о своемъ вещественномъ бытѣ и могъ устроить свой образъ жизни, согласно своему желанію и своимъ привычкамъ. Я упоминаю здѣсь объ этомъ, чтобы показать, какъ много я обязанъ и брату моему и въ особенности Барышникову, которые вывели меня изъ затруднительнаго положенія и, обезпечивъ матеріальныя нужды мои, пріобрѣли право на искреннюю, душевную мою признательность.

По пріѣздѣ Ивашевыхъ, мы стали жить въ Туринскѣ очень покойно. Жители скоро ознакомились съ нами и полюбили насъ. Чиновники обходились съ нами вѣжливо, привѣтливо и даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ. Не входя ни въ какія городскія сплетни, пересуды, не принимая участія въ ихъ служебныхъ дѣлахъ и отношеніяхъ, мы жили собственною жизнію, бывали иногда въ ихъ обществѣ, не отталкивали ихъ отъ себя, но уклонялись отъ всякаго особеннаго

---

[36]) Я еще въ Петровскомъ Заводѣ думалъ о томъ, что ожидаетъ меня на поселеніи и нарочно хотѣлъ испытать себя, могу ли перенести самый строгій образъ жизни, какъ въ отношеніи пищи, такъ и другихъ необходимыхъ потребностей. Я рѣшился въ продолженіи шести мѣсяцевъ питаться однимъ чернымъ хлѣбомъ, молокомъ и яйцами, отказавшись отъ чая, говядины, рыбы, куренья табаку, и выдержалъ этотъ срокъ, не чувствуя большихъ лишеній и не замѣчая, чтобъ здоровье мое отъ того потерпѣло. Испытавъ себя такимъ образомъ, я спокойнѣе сталъ смотрѣть на ожидавшую меня будущность.

съ ними сближенія. Это избавило насъ отъ непріятныхъ столкновеній и мало по малу дало намъ такое значеніе въ ихъ мнѣніи, что они стали высоко цѣнить знакомство съ нами. Къ этому много способствовало также, независимо отъ нашего собственнаго поведенія, обращеніе съ нами высшихъ властей. Губернаторы, при посѣщеніи города, обыкновенно бывали у насъ и обходились съ нами самымъ предупредительнымъ образомъ. Губернскіе чиновники, пріѣзжавшіе по дѣламъ службы, сей часъ старались знакомиться съ нами и проводили у насъ большую часть времени. Всё это, въ глазахъ уѣздныхъ чиновниковъ и вообще всѣхъ жителей, придавало намъ какое-то значеніе.

Такъ было почти во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ поселены были и прочіе наши товарищи. Рѣдко, очень рѣдко встрѣчались исключенія. Поведеніе наше, основанное на самыхъ простыхъ, но строгихъ нравственныхъ правилахъ, на ясномъ понятіи о справедливости, честности и любви къ ближнему, не могло не имѣть вліянія на людей, которые, по недостаточному образованію своему и искаженнымъ понятіямъ, знали только одну матеріальную сторону жизни, и потому старались только объ ея улучшеніи, не понимая другихъ цѣлей своего существованія. Ихъ сначала очень удивляло то, что, несмотря на внѣшность, мы предпочитали простаго, но честнаго крестьянина худому безнравственному чиновнику, охотно бесѣдовали съ первымъ, между тѣмъ, какъ избѣгали знакомства съ послѣднимъ. Но потомъ, не разъ слыша наши сужденія о томъ, что мы признаемъ только два разряда людей: *хорошихъ и худыхъ*, и что съ первыми мы очень рады сближаться, а отъ вторыхъ стараемся удаляться, и что это, не смотря на внѣшность ихъ, на мундиръ, кресты, звѣзды, или армяки и халаты,—они поняли, что наше уваженіе нельзя иначе пріобрѣсть, какъ хорошимъ поведеніемъ, и поэтому старались казаться порядочными людьми и слѣдовательно усвоили нѣкоторыя нравственныя понятія. Можно положительно сказать, что наше долговременное пребываніе въ разныхъ мѣстахъ Сибири доставило въ отношеніи нравственнаго образованія Сибирскихъ жителей нѣкоторую пользу и ввело въ общественныя отношенія нѣсколько новыхъ и полезныхъ идей. Присоединивъ къ этому вліяніе, которое имѣло открытіе золотыхъ пріисковъ, успѣхи промышленности и торговли, привлекшіе въ Сибирь множество дѣльныхъ и умныхъ людей (много правда и дряни, безнравственныхъ аферистовъ), неудивительнымъ покажется, что, въ продолженіи послѣднихъ 20 лѣтъ, въ этой странѣ такъ много измѣнилось къ лучшему.

Дѣйствія правительства въ отношеніи насъ были двоякаго роду. Съ одной стороны оно не хотѣло показаться къ

намъ особенно жестокимъ, не имѣя на то никакой причины; съ другой — ему не хотѣлось, чтобы мы пріобрѣли какое нибудь значеніе, не хотѣлось ослабить въ общемъ мнѣніи важность нашей вины противъ него и показать, что оно само предаетъ ее забвенію. Однимъ словомъ, ему хотѣлось, чтобы мы служили постоянно угрожающимъ примѣромъ для тѣхъ, кто вздумаетъ возстать противъ правительства, или ему противодѣйствовать. Имѣя въ виду обѣ эти цѣли, оно согласовало съ ними свои мѣры въ отношеніи насъ, и потому мѣры эти никогда не были опредѣлены. Въ нихъ выказывалось желаніе какъ можно ниже поставить насъ въ общественномъ мнѣніи, лишить насъ всякихъ средствъ имѣть вліяніе на общество и вмѣстѣ съ тѣмъ не обнаружить своего къ намъ неравнодушія, не показать явно, что оно поступаетъ для этого вопреки существующихъ узаконеній. Въ иныхъ случаяхъ оно считало даже нужнымъ явить къ намъ нѣкоторое милосердіе, нѣкоторую снисходительность. Такъ напримѣръ многимъ дозволено было служить рядовыми на Кавказѣ, другимъ разрѣшено было вступить въ гражданскую службу въ Сибири канцелярскими служителями. Удовлетворялись также всѣ почти просьбы о переводѣ изъ одного мѣста въ другое... Посланные на Кавказъ служили тамъ нижними чинами по 8-ми и болѣе лѣтъ; многіе лишились жизни отъ пуль горцевъ, или отъ климату, а дослужившіеся до офицеровъ возвратились на родину въ преклонныхъ уже лѣтахъ. Поступившимъ въ гражданскую службу затруднялось также производство и не дозволялось занимать сколько нибудь значительныя должности. Жившіе въ Сибири не имѣли права отлучаться отъ мѣстъ своего жительства далѣе 30-ти верстъ, не позволялось имъ вступать ни въ какія частныя должности, ни въ какія общественныя сдѣлки, ни въ какія промышленныя, или торговыя предпріятія. Однимъ словомъ, отнимались у нихъ всѣ тѣ права, которыми пользуются вообще ссылаемые на поселеніе въ Сибирь. Письма наши должны были идти чрезъ правительство. Матеріальные способы тоже были ограничены. Холостымъ не позволялось получать болѣе 300 руб. сер. въ годъ, а женатымъ 600 р., и хотя эта мѣра не достигала цѣли, потому что частнымъ образомъ мы, безъ затрудненія, получали все то, что́ могли присылать родные наши и нерѣдко даже изъ рукъ самихъ генералъ-губернаторовъ Западной и Восточной Сибири; но все таки это показываетъ, какъ занималось нами правительство. Ясно было, что ему очень хотѣлось, чтобы мѣстныя власти поступали съ нами строго, безъ излишняго снисхожденія, не доводя этого, впрочемъ, до той степени, чтобы высшая власть должна была вмѣшиваться и быть

судьею между исполнителями своей воли и угнетеннымъ лицемъ, на которое оно хотя и негодовало, но на сторонѣ котораго могли быть справедливость и общественное мнѣніе.

Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ относительно насъ, правительство, въ продолженіи нашего долговременнаго пребыванія въ Сибири, руководствовалось однимъ произволомъ, безъ всякихъ положительныхъ правилъ. Мы не знали сами что̀ въ правѣ были дѣлать и чего не могли. Иногда самый пустой поступокъ влекъ за собою непріятные розыски и мѣры правительства; а въ другое время и важнѣе что нибудь не имѣло никакихъ послѣдствій. Такъ напримѣръ: снятіе нѣкоторыми изъ насъ дагеротипныхъ портретовъ съ тѣмъ, чтобы послать ихъ къ роднымъ, побудило правительство къ запрещенію не только снимать съ себя дагеротипы, но даже и обязало насъ подпискою не имѣть у себя никакихъ дагеротипныхъ снимковъ. Къ счастію еще нашему, что орудія правительства, т. е. исполнители его воли, принимали въ насъ участіе и оказывали его во всѣхъ случаяхъ, гдѣ не могли подвергнуться отвѣтственности за особенное къ намъ снисхожденіе. Это много улучшило нашъ бытъ, который безъ того былъ бы очень не завиденъ. Сверхъ того, мы были подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и надзоромъ учрежденнаго Императоромъ Николаемъ Корпуса Жандармовъ и III-го Отдѣленія Собственной его Канцеляріи. Это, впрочемъ, говоря правду, скорѣе служило къ пользѣ, нежели ко вреду нашему. Лица Корпуса Жандармовъ, съ коими случалось намъ имѣть сношенія, оказывались людьми добрыми и внимательными къ нашему положенію. Чрезъ нихъ и черезъ III-е Отдѣленіе, мы могли доводить до свѣдѣнія Государя наши просьбы и наши жалобы, и слѣдовательно имѣть всегда возможность защитить себя, въ случаѣ какого либо явнаго, незаконнаго притѣсненія. Правда, что до этого никогда не доходило, и мы не имѣли надобности жаловаться; но всё таки это могло удерживать многихъ отъ несправедливаго на насъ нападенія, или отъ ложныхъ доносовъ.

Въ 1842 году всѣмъ женатымъ товарищамъ нашимъ предложено было отправить дѣтей своихъ, рожденныхъ въ Сибири, въ разныя учебныя заведенія Россіи со всѣми правами прежняго званія ихъ родителей, но съ однимъ условіемъ, чтобы измѣнить ихъ фамиліи. Предложеніе странное и столь же затруднительное, какъ и обидное для родителей и дѣтей, когда они войдутъ въ лѣта. Съ одной стороны родителямъ больно было лишить дѣтей своихъ всѣхъ выходъ воспитанія и правъ преимущественныхъ сословій; а съ другой также прискорбно совершенно отказаться отъ нихъ, сознать себя недостойными передать имъ свою фамилію, лишить

ихъ, такъ сказать, законности рожденія и подвергнуть обиднымъ упрёкамъ—имѣть родителей, не носящихъ съ ними одной фамиліи. Кромѣ Давыдова, всѣ вообще отказались отъ этой милости, и она не достигла своей цѣли. Правда, что впослѣдствіи правительство, настояло на своемъ и по смерти нѣкоторыхъ женатыхъ товарищей нашихъ, возвративъ дѣтей въ Россію, помѣстило ихъ, съ перемѣною фамилій, въ разныя учебныя заведенія.

Черезъ три года по выѣздѣ нашемъ изъ Петровскаго, отправилась оттуда и послѣдняя категорія, такъ что уже тамъ никого не осталось. Комендантъ и всѣ прочіе офицеры возвратились въ Россію. Тюремный замокъ нашъ обратили на помѣщеніе простыхъ ссыльно-каторжныхъ, подвергнувшихъ себя одиночному заключенію. Товарищи наши перваго разряда поселены были, подобно намъ, въ разныхъ городахъ и селеніяхъ Сибири.

Не лишнимъ считаю упомянуть здѣсь, кто и гдѣ въ это время находился. За Байкаломъ въ Читѣ—Завалишинъ 1-й. Въ Селенгинскѣ двое братьевъ Бестужевыхъ и Торсонъ. Въ Баргузинѣ — два брата Кюхельбекеры. Въ с. Кабанскомъ — Глѣбовъ. Въ Петровскомъ Заводѣ остались на поселеніи, по собственному желанію, Горбачевскій и Мазганъ. Въ Иркутскѣ и въ близь лежащихъ селеніяхъ:—два брата Муравьевыхъ, Волконскій, Трубецкой, Юшневскій, Пановъ, Вольфъ, два брата Поджіо, Вадковскій, Сутговъ, Бечасный, Быстрицкій, Громницкій, Мухановъ, два брата Борисовыхъ и Артамонъ Муравьевъ. Въ г. Канскѣ, Енисейской губерніи: Щепинъ-Ростовскій, Соловьевъ и Арбузовъ. Въ городѣ Красноярскѣ: Митьковъ, Давыдовъ и Спиридовъ. Въ г. Минусинскѣ: Кирѣевъ, два брата Крюковыхъ, Фроловъ, Тютчевъ, Фаленбергъ, два брата Бѣляевыхъ и осужденный прямо на поселеніе—Мозгалевскій. Въ Туруханскѣ: Аврамовъ 2-й и Лисовскій. Въ Енисейскѣ—Якубовичъ. Въ г. Тобольскѣ: Свистуновъ, Штейнгель (переведенный изъ Красноярска по собственному желанію) Фонъ-Визинъ, два брата Бобрищевыхъ-Пушкиныхъ и Краснокутскій. Въ г. Курганѣ: Нарышкинъ, Лореръ, Лихаревъ, Розенъ, Фонъ-Бригенъ, Фохтъ, Швейковскій и Назимовъ. Въ Ишимѣ: Одоевскій. Въ Туринскѣ: Ивашевъ, Пущинъ, Оболенскій, Анненковъ и я. Я жилъ сначала въ Туринскѣ, вмѣстѣ съ Ивашевымъ. Туда же потомъ пріѣхали Анненковъ и Пущинъ. Когда Ивашевъ и жена его скончались, а Анненковъ переведенъ въ Тобольскъ, то и мы съ Пущинымъ просили перевода,—Пущинъ въ Ялуторовскъ, а я въ Киренскъ. Проживъ въ Киренскѣ пять лѣтъ, меня зачислили въ гражданскую службу, и потому я долженъ былъ переѣхать въ Омскъ, откуда, по просьбѣ моей, былъ пере-

веденъ окончательно въ Ялуторовскъ, гдѣ и находился до возвращенія въ Россію. — Въ Ялуторовскѣ: Муравьевъ-Апостолъ, Якушкинъ, Тизенгаузенъ, Ентальцевъ и Черкасовъ. Впослѣдствіи многіе отправились на службу рядовыми на Кавказъ, а нѣкоторые переведены, по просьбѣ своей, въ другія мѣста. Въ военную службу поступили: Сутговъ, Бѣляевы, Игельстромъ, Вяземскій, Загорѣцкій, Кривцовъ, Чернышевъ, Нарышкинъ, Лореръ, Лихаревъ, Розенъ, Назимовъ, Одоевскій, Черкасовъ и нѣкоторые другіе. Одни изъ нихъ дослужились до офицерскаго чина и возвратились въ Россію, другіе умерли на Кавказѣ отъ болѣзней, или были убиты горцами.

Не смотря на разсѣяніе наше по всей Сибири и на отправленіе нѣкоторыхъ на Кавказъ, мы всѣ составляли какъ будто одно семейство; переписывались другъ съ другомъ, знали гдѣ и въ какомъ положеніи каждый изъ насъ находится и, сколько возможно, помогали одинъ другому. Рѣдко, очень рѣдко случалось намъ слышать что нибудь непріятное объ комъ либо изъ товарищей. Напротивъ, всѣ извѣстія доходившія до насъ были самыя утѣшительныя; всѣ мы вообще, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жили, пользовались общимъ уваженіемъ, съ достоинствомъ шли тѣмъ путемъ, который Провидѣнію угодно было назначить каждому изъ насъ. Я увѣренъ, что добрая молва о насъ сохранится надолго по всей Сибири, что многіе скажутъ сердечное спасибо за ту пользу, которую пребываніе наше имъ доставило. Неудивительно послѣ этого, что всѣ искали нашего знакомства, и что нѣкоторые изъ прежнихъ нашихъ сослуживцевъ, увидя кого либо изъ насъ послѣ 20-ти, 30-ти лѣтней разлуки, позабывали различіе взаимныхъ общественныхъ положеній нашихъ, встрѣчались съ нами съ прежнею дружбою и откровенно сознавались, что во многихъ отношеніяхъ мы счастливѣе ихъ.

По между тѣмъ время шло обычнымъ путемъ своимъ, и для насъ шло такъ скоро, что изъ молодыхъ людей мы сдѣлались стариками. Въ продолженіи 20-ти-лѣтней жизни моей въ Тобольской губерніи, большая часть товарищей моихъ оставила этотъ міръ. Въ послѣдніе годы смертность между нами особенно увеличилась. Въ 1840 году я потерялъ друзей моихъ Ивашевыхъ. Жена умерла прежде отъ простудной нервической горячки. Ровно черезъ годъ, и въ тотъ же самый день, скончался и мужъ отъ апоплексическаго удара. Маленькимъ сиротамъ ихъ: сыну и двумъ дочерямъ, позволено было ѣхать въ Россію къ роднымъ, которые впослѣдствіи устроили судьбу ихъ, Также и изъ другихъ мѣстъ доходили до меня часто грустныя извѣстія о кончинѣ кого-либо изъ нашихъ. Фонъ-Визину, Тизенгау-

зену и двумъ Бобрищевымъ-Пушкинымъ позволено было возвратиться въ Россію къ своимъ семействамъ. Къ концу царствованія Николая Павловича оставалось насъ въ Сибири не болѣе 25 человѣкъ. Въ минуту смерти покойный Государь не могъ не вспомнить ни день вступленія своего на престолъ, ни тѣхъ, которыхъ политика осудила на 30-ти лѣтнія испытанія.

Помѣщаю здѣсь одно весьма странное и до сихъ поръ необъяснимое для меня обстоятельство. Разсказъ мой можетъ быть интересенъ, какъ фактъ, который для тѣхъ, кто не усомнится въ моей правдивости, послужитъ доказательствомъ, до какой степени въ прошедшія времена трудно было найти правосудіе и какъ мало была обезпечена частная собственность, когда она попадала въ руки сильныхъ этого міра. Въ излагаемомъ мною случаѣ — кто могли быть эти сильные, и имѣло ли правительство обо всемъ этомъ свѣдѣніе, — мнѣ неизвѣстно. Передаю только то, что̀ знаю и за достовѣрность чего ручаюсь всѣмъ, что̀ есть свято. Если бы нынѣшнее правительство захотѣло изслѣдовать это обстоятельство, то нѣтъ сомнѣнія, что оно могло бы теперь открыть истину и найти виновныхъ.

Въ 846, 47 и 48 годахъ, когда я жилъ въ Омскѣ, тамъ находился на жительствѣ, подъ надзоромъ полиціи, статскій совѣтникъ, князь Грабе-Горскій. Въ 825 году онъ былъ вице-губернаторомъ на Кавказѣ. За что̀ былъ смѣненъ, не знаю; но событіе 14 Декабря застало его въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ оправдываться или искать новаго мѣста. Когда войска вышли на площадь, Грабе-Горскій явился туда, не принадлежа нисколько къ обществу, и былъ арестованъ, какъ участникъ въ бунтѣ. Хотя слѣдствіе доказало его непричастность, но какъ въ отвѣтахъ своихъ Комитету онъ выражался довольно дерзко и сверхъ того былъ на замѣчаніи у правительства за свою строптивость, то его, хотя и не судили, но послали въ одно съ нами время въ Сибирь, подъ надзоръ полиціи. Сначала ему назначили мѣстомъ пребыванія Березовъ, а потомъ перевели въ Тару. Тутъ опять онъ попалъ подъ слѣдствіе, былъ арестованъ, судимъ, оправданъ и отправленъ на жительство въ Омскъ, гдѣ я и засталъ его. Въ это время ему уже было лѣтъ подъ 70. Это былъ видный, красивый старикъ, говорившій всегда съ жаромъ и любившій разсказывать свои военные подвиги. Дѣйствительно, въ кампаніи 812 года онъ очень отличился, получилъ много орденовъ, въ томъ числѣ и Св. Георгія и былъ переведенъ полковникомъ въ гвардейскую артилерію. Гражданская служба его была не такъ блестяща, какъ военная: репутація его, какъ чиновника, была незавидна. Извѣстно только было, что онъ имѣлъ большія

деньги, а какъ онъ нажилъ ихъ и откуда они достались ему, зналъ только онъ самъ и его собственная совѣсть.

Въ Омскѣ онъ жилъ скромно, даже бѣдно. Получалъ отъ правительства 1200 руб. сер. въ годъ и, кажется, не имѣлъ другихъ способовъ. Онъ былъ вездѣ принятъ, но не пользовался общимъ расположеніемъ, по своему строптивому характеру, по страсти разсказывать одно и тоже, т. е. или свои воинные подвиги, или жалобы на несправедливость и притѣсненія разныхъ правительственныхъ лицъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не пользовался также и большимъ довѣріемъ къ своимъ разсказамъ.

Зная о немъ сначала по наслышкѣ, я, признаюсь, старался избѣгать его знакомства. Но онъ самъ посѣтилъ меня. Вѣжливость требовала, чтобъ я его принялъ и заплатилъ визитъ. Не знаю почему, даже противъ моего желанія, онъ сдѣлался такъ расположенъ ко мнѣ, что сталъ нерѣдко заходить и просиживать у меня по цѣлымъ часамъ, толкуя о томъ, что̀ для меня было вовсе неинтересно и чему во многомъ я не слишкомъ ему вѣрилъ. Часто приходилось мнѣ зѣвать при его разсказахъ, а иногда, увидя, что онъ идетъ ко мнѣ, я не сказывался дома.

Разъ какъ-то зашла рѣчь объ Тарѣ, о слѣдствіи, которому онъ тамъ подвергся. Онъ сталъ подробно разсказывать о немъ, но какъ мнѣ показалось, что онъ говоритъ вздоръ, то я невольно выразилъ мое сомнѣніе. Въ самомъ дѣлѣ трудно было повѣрить, чтобы, живя въ Тарѣ, онъ обладалъ такими огромными средствами, какъ выходило изъ его словъ, и чтобы тамошніе чиновники, желая воспользоваться его достояніемъ, обвинили его въ вымышленномъ ими самими заговорѣ, хотя я вмѣстѣ съ тѣмъ и зналъ, по окончаніи его Тарскаго дѣла, что онъ точно былъ обвиненъ несправедливо, и что нѣкоторыя изъ тѣхъ лицъ, которыя ложно донесли на него, преданы были суду и обвинены. Но я предполагалъ, что они сдѣлали доносъ изъ желанія выслужиться передъ правительствомъ и по негодованію на него за какую нибудь, съ его стороны, дерзость. Видя его въ нуждѣ и бѣдности и сомнѣваясь въ его правдивости, могъ ли я повѣрить, чтобы у него было нѣсколько милліоновъ? Да и откуда ему, казалось, ихъ взять, и какъ все это очутилось въ Тарѣ?

Замѣтивъ мое сомнѣніе, онъ сказалъ мнѣ: «Вижу, что вы мнѣ не вѣрите. Теперь пока я объясню вамъ, какъ получилъ я эти богатства, а потомъ представлю и доказательства. До сихъ поръ я ихъ никому не показывалъ изъ опасенія, чтобы меня ихъ не лишили. У насъ вѣдь все можно дѣлать властямъ. Но вамъ, надѣясь на вашу скромность и дорожа вашимъ мнѣніемъ, я рѣшаюсь ихъ показать».

Вотъ его разсказъ:

«Фамилія наша въ Польшѣ пользовалась большимъ значеніемъ. Она даже находилась въ родствѣ съ послѣднимъ королемъ, Станиславомъ Понятовскимъ, и я самъ началъ службу его пажемъ. Мы имѣли въ Польшѣ большія имѣнія, по которымъ и теперь продолжаются у меня процессы. Въ дошедшей мнѣ въ разное время движимости, состоявшей изъ денегъ, билетовъ Опекунскаго Совѣта, долговыхъ обязательствъ, драгоцѣнныхъ вещей и т. д., заключалось болѣе 6-ти милліоновъ рублей ассигнаціями. Эта движимость, когда меня арестовали въ Петербургѣ, находилась у моей жены. При окончаніи дѣла моего, она была больна, но дочь посѣщала меня въ больницѣ, гдѣ я лежалъ нѣкоторое время, до отправленія моего въ Сибирь. Черезъ нее я далъ знать женѣ, чтобы она переслала мнѣ при случаѣ это имущество туда, гдѣ я буду находиться».

«Въ Березовѣ я жилъ безъ всякихъ средствъ. Жена и дочь хлопотали, чтобъ меня оттуда перевели, и наконецъ черезъ два года онѣ успѣли выхлопотать мой переводъ въ Тару. По прибытіи въ Тобольскъ, тамошній полицеймейстеръ объявилъ мнѣ, что губернаторъ давно меня ожидаетъ и поручилъ ему немедленно меня къ нему привести. Этотъ губернаторъ былъ Сомовъ, только что прибывшій изъ Россіи, съ которымъ я прежде вмѣстѣ служилъ и находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Онъ встрѣтилъ меня, какъ стараго пріятеля и товарища, повелъ сейчасъ въ кабинетъ и, взявъ всѣ предосторожности, чтобы никто не помѣшалъ намъ, объявилъ, что, при отъѣздѣ изъ Москвы, видѣлся съ моей женою, которая поручила ему передать мнѣ все мое движимое имущество. «Если тебѣ нужны наличныя деньги», прибавилъ онъ, вручая мнѣ билеты Опекунскаго Совѣта, «то я съ удовольствіемъ размѣняю тебѣ одинъ изъ нихъ». И дѣйствительно я тогда взялъ у него 30 тысячъ рублей, вмѣсто одного изъ билетовъ на такую же сумму».

«Вотъ какъ это состояніе дошло до меня въ Сибирь».

«Пріѣхавши въ Тару, разумѣется, я началъ жить довольно роскошно, по сравненію съ тамошними чиновниками, и особенно при тогдашней дешевизнѣ. Чиновники эти были, болѣе или менѣе, люди дурные. Они съ завистью смотрѣли на меня, и такъ какъ я не былъ лишенъ ни своего званія, ни чина, то и въ этомъ отношеніи я стоялъ выше ихъ и могъ отклонять всякое ихъ намѣреніе сдѣлать мнѣ неудовольствіе».

«Покуда Сомовъ былъ губернаторомъ, никто изъ нихъ не смѣлъ ко мнѣ привязываться. Но вамъ можетъ быть извѣстно, что онъ вскорѣ умеръ; тогда они видимо перемѣнились. Я, впрочемъ, не обращалъ на это вниманія, зная, что

никакого вреда они мнѣ сдѣлать не могутъ; а отъ личнаго оскорбленія я былъ огражденъ своимъ званіемъ».

«Въ это время кончилась Польская революція 1830 года. Два раза въ недѣлю проходили черезъ Тару многолюдныя партіи ссыльныхъ, между коими большею частію были тогда Поляки, ссылаемые за возмущеніе. Всѣ они были въ самомъ бѣдственномъ положеніи, изнуренные и безъ одежды. По чувству состраданія и даже потому, что я самъ былъ Полякъ, мнѣ пришло на мысль по возможности быть имъ полезнымъ. Средства у меня были, и я распорядился такимъ образомъ, чтобы къ приходу каждой партіи имѣть въ готовности нѣкоторые предметы изъ одежды, какъ-то: полушубки, сапоги, валенки, рубашки и т. д., которые и раздавалъ нуждающимся. Сверхъ того у меня заказывался для нихъ сытный обѣдъ человѣкъ на 100 и болѣе. Это продолжалось всю осень и, разумѣется, возродило въ городѣ различные толки о моемъ богатствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ подало мысль враждебнымъ мнѣ чиновникамъ погубить меня и воспользоваться моимъ достояніемъ. Они составили донось, что я имѣю намѣреніе возмутить край, съ помощію ссыльныхъ Поляковъ, что съ этой цѣлію я помогаю имъ и трачу на это большія суммы, которыя, вѣроятно, доставляются мнѣ тайнымъ образомъ отъ враговъ Русскаго правительства. Донось этотъ былъ отправленъ къ генералъ-губернатору Вельяминову, и вслѣдствіе этого началось мое Тарское дѣло. Въ Тару пріѣхалъ сей часъ-же исправлявшій должность губернатора, А. Н. Муравьевъ. Онъ арестовалъ меня и взялъ съ собою въ Тобольскъ. Имущество мое было запечатано и отправлено вмѣстѣ со мною».

«Въ Тобольскѣ сдѣлана была ему подробная опись, и оно было у меня отобрано. Опись эта была составлена въ двухъ экземплярахъ. Одинъ, за подписью плацъ-маіора и генералъ-губернатора, отданъ былъ мнѣ; а другой, за моею подписью, плацъ-маіоръ взялъ съ собой, вмѣстѣ съ имуществомъ».

«Опись, мнѣ выданная, хранится у меня и служитъ явнымъ доказательствомъ справедливости того, что я вамъ говорю».

«Дѣло продолжалось, какъ вы знаете, около 4-хъ лѣтъ. Какъ ни старались найти что либо преступное въ моихъ дѣйствіяхъ, но ничего не могли отыскать. Меня оправдали совершенно и перевели на житье въ Омскъ. Чиновниковъ, сдѣлавшихъ донось, предали суду и рѣшили отставить отъ службы и впредь никуда не опредѣлять».

«Послѣ этого, разумѣется, я сталъ требовать возвращенія моего достоянія. Обращался къ генералъ-губернатору князю-Горчакову, писалъ шефу жандармовъ, князю Голицыну и т. д., но вездѣ встрѣчалъ одно молчаніе. На бу-

маги мои мнѣ не отвѣчали. При личномъ моемъ свиданіи съ Горчаковымъ, онъ покачалъ головою и совѣтовалъ мнѣ оставить это дѣло безъ дальнѣйшаго розыска. Словомъ, я видѣлъ ясно, что мнѣ не хотятъ возвратить его. Опись, у меня находящуюся, я не рѣшался представить потому, что могли ее уничтожить и лишить меня всякаго доказательства. Она и теперь у меня, и я боялся даже показать ее кому-либо; но вамъ когда нибудь покажу, чтобъ истребить въ васъ всякое сомнѣніе. Сверхъ того, надобно вамъ сказать, что въ это время мнѣ назначили отъ правительства 1200 р. въ годъ и утвердили въ княжескомъ достоинствѣ, какъ будто бы хотѣли этимъ меня задобрить».

Сознаюсь, что, слушая, хотя и со вниманіемъ, этотъ разсказъ, я не повѣрилъ ему. Характеръ и репутація князя Грабе-Горскаго возбуждали во мнѣ большое сомнѣніе въ истинѣ его странной исторіи. Сомовъ, дѣйствительно, былъ губернаторомъ въ Тобольскѣ и умеръ также, не прослужа даже году. И то было совершенно справедливо, что относилось къ доносу Тарскихъ чиновниковъ и до арестованія Горскаго Муравьевымъ. Но можно ли было повѣрить, чтобы такое огромное имущество могло исчезнуть безъ вѣсти? Нельзя, чтобы о немъ не знали многіе изъ служащихъ лицъ. Да и самъ бывшій генералъ-губернаторъ Вельяминовъ пользовался заслуженной репутаціей честнаго человѣка и конечно не захотѣлъ бы участвовать въ похищеніи чужой собственности. Муравьевъ также извѣстенъ за человѣка безкорыстнаго. Однимъ словомъ, какъ я ни соображалъ всѣ обстоятельства, убѣжденіе мое осталось тоже, что и прежде, т. е. что Горскій, по неудовольствію своему на правительственныя лица, выдумалъ всю эту исторію безъ всякаго основанія. Послѣдствія еще болѣе утверждали меня въ этомъ мнѣніи. Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, но онъ не показывалъ обѣщанной описи, и даже не упоминалъ ни о ней, ни о дѣлѣ своемъ. Я такъ былъ увѣренъ, что весь разсказъ его вымышленъ, что никому даже не говорилъ объ этомъ, боясь показаться довѣрчивымъ простакомъ. Наконецъ я и самъ пересталъ объ этомъ думать. Самъ же Горскій возбуждалъ во мнѣ послѣ этого какое-то непріятное чувство, ибо я видѣлъ въ немъ человѣка, желавшаго очернить репутацію такихъ лицъ, которыя оказали ему правосудіе въ дѣлѣ его. Въ началѣ 1848 года я собирался ѣхать изъ Омска на жительство въ Ялуторовскъ. Мы съ женою [37]) укладывали по утру кое-какія вещи, для отправленія съ обозомъ, какъ вдругъ явился Горскій. «Я пріѣхалъ къ вамъ проститься,

[37]) Со второю или третьею? И. В. Басаргинъ былъ женатъ три раза, въ послѣдній разъ на сестрѣ профессора, Ольгѣ Ивановнѣ Менделѣевой (въ первомъ бракѣ Медвѣдевой). *П. Б.*

сказалъ онъ, входя въ залу. Можетъ быть, вамъ не удастся ко мнѣ заѣхать, или вы меня не застанете дома. Мнѣ же надобно, при отъѣздѣ вашемъ, истребить ваше ко мнѣ недовѣріе и попросить добраго совѣта. Я привёзъ показать вамъ опись, о которой говорилъ. Вотъ она; увѣренъ, что она удивитъ васъ и уничтожитъ всякое сомнѣніе. Прочитайте и скажите по совѣсти: что̀ мнѣ дѣлать?» прибавилъ онъ, подавая мнѣ бумагу въ нѣсколько сшитыхъ листовъ.

Совсѣмъ некстати было его посѣщеніе; время было для меня дорого, и онъ мѣшалъ намъ. Я долженъ былъ, однако, взять бумагу и прекратить прежнее занятіе. Пригласивъ его сѣсть, я, какъ теперь помню, сталъ читать вслухъ съ прежнимъ недовѣріемъ и съ убѣжденіемъ, что эта бумага мнѣ ничего не докажетъ. Жена моя была всему свидѣтельницей. Вотъ что читалъ я:

Опись имуществу, принадлежащему стат. совѣтнику Грабе-Горскому (тогда онъ не былъ еще утвержденъ княземъ), отобранному у него Тобольскимъ плацъ-маіоромъ, полковникомъ Мироновымъ, по распоряженію г. генералъ-губернатора Запад. Сибири, ген. отъ инфантеріи Вельяминова 1-го, въ Тобольскѣ, такого то года, мѣсяца и числа.

1) Билеты Московскаго и С. П. Опекунскаго Совѣтовъ, слѣдуютъ суммы и номера́, съ означеніемъ годовъ и чиселъ. Всего безъ процентовъ на сумму болѣе 2 м. ассигнац.

2) Заемныя, частныя обязательства, отъ кого и на какую сумму, болѣе миліона.

3) Драгоцѣнныя вещи: 3 большихъ солитера, по оцѣнкѣ самаго Грабе-Горскаго, съ чѣмъ-то 600 т.

4) Портретъ короля Станислава, осыпанный бриліантами.

5) Потомъ исчисленіе разныхъ другихъ вещей, табакерокъ, часовъ, колецъ и проч. Всего же на сумму болѣе миліона.

6) Турецкихъ шалей, платковъ и проч.; на сколько, не упомню.

7) Батистоваго бѣлья и еще что-то. Затѣмъ слѣдовали еще разные предметы, съ оцѣнкою и безъ оцѣнки.

Вся опись помѣщалась на $2^1/_2$ листахъ, и въ концѣ подведенъ итогъ деньгамъ, съ чѣмъ-то 6 мил. рублей. Потомъ было подписано: означенные билеты, и документы, и всѣ вещи отъ статскаго совѣтника Грабе-Горскаго приняты и въ его присутствіи опись сія составлена, такого то года, мѣсяца и числа въ г. Тобольскѣ. Подписалъ: Тобольскій плацъ-маіоръ полковникъ Мироновъ. Далѣе:

Означенные въ сей описи билеты, документы и вещи отъ Тобольск. плацъ-маіора, полков. Миронова, для храненія, получилъ генералъ-губернаторъ Зап. Сибири, генералъ отъ инфантеріи, Вельяминовъ 1-й.

Послѣдняя подпись была написана вся собственною рукою генералъ-губ. Вельяминова, которую я очень хорошо зналъ, имѣя случай часто видѣть прочія бумаги въ Главномъ Управленіи Западной Сибири.

Можно представить себѣ мое удивленіе, когда я кончилъ читать опись и когда я убѣдился, что она была точно подписана Вельяминовымъ. Руки плащъ-маіора я не зналъ, и признаюсь, что еслибы опись была подписана имъ однимъ, то я всё таки остался бы при прежнемъ мнѣніи и скорѣе подумалъ бы, что Горскій всё это самъ составилъ. Но рука Вельяминова мнѣ была хорошо знакома, подписаться подъ нее было невозможно, тѣмъ болѣе, что нужно бы было писать не одну фамилію, а цѣлыхъ три строки мелкимъ письмомъ. Если бы Горскій рѣшился на такой поступокъ, тогда бы, вѣроятно, кромѣ фамиліи, остальное онъ написалъ бы другою рукою, какъ это и дѣлается въ оффиціальныхъ бумагахъ. Всё это вполнѣ убѣдило меня, что опись справедлива. Я стоялъ нѣсколько секундъ въ удивленіи и потомъ показалъ подпись женѣ. Горскій видимо торжествовалъ и опять повторилъ: «Ну что, убѣдились ли теперь? Скажите же, что мнѣ съ этимъ дѣлать?» «Отправить прямо къ Государю». «Но дойдетъ ли она до него, и вмѣсто удовлетворенія не пошлютъ ли меня опять въ Березовъ? Или, что̀ еще хуже, не посадятъ ли въ сумасшедшій домъ, какъ безумнаго, или ябедника? Уничтожить опись недолго. Тогда, чѣмъ мнѣ доказать справедливость моей жалобы? А вѣдь жаловаться мнѣ будетъ надобно на людей сильныхъ, всемогущихъ въ житейскихъ дѣлахъ».

Я не зналъ что̀ на это отвѣчать и сказалъ ему, что рѣшительно не могу дать никакого дѣльнаго совѣта. Все, что̀ я могу сказать, прибавилъ я, ограничится тѣмъ, что остаюсь совершенно убѣжденъ въ истинѣ всего и прошу извиненія въ сомнѣніи, которое до этихъ поръ имѣлъ.

—«На этотъ разъ съ меня и этого довольно, сказалъ онъ мнѣ, пожавъ руку. Я радъ, что по крайней мѣрѣ одинъ честный человѣкъ будетъ знать, что, обвиняя моихъ гонителей, я говорю правду и имѣю право ихъ обвинять. Если не доживу до того времени, что мнѣ позволятъ возвратиться въ Россію, то обращусь съ этой бумагой къ правосудію Царя».

Три года послѣ этого онъ умеръ въ Омскѣ, не дождавшись новаго царствованія, которое, можетъ быть, доставило бы ему возможность отъискать свою собственность.

* * *

Въ настоящее время, когда поднято столько общественныхъ вопросовъ, когда и правительство и мыслящая часть

публики обращаютъ свое вниманіе на положеніе низшихъ сословій, когда самые даровитые писатели наши, изучая бытъ и нравственныя качества народа, знакомятъ съ ними своихъ многочисленныхъ читателей, я не считаю лишнимъ прибавить къ ихъ художественнымъ и краснорѣчивымъ разсказамъ нѣсколько воспоминаній изъ моей долговременной жизни въ такомъ краю, гдѣ я имѣлъ время и возможность коротко ознакомиться со всѣми его общественными слоями.

Въ этихъ воспоминаніяхъ стоятъ не на послѣднемъ планѣ, нѣсколько отдѣльныхъ лицъ изъ простаго народа, поразившихъ меня въ свое время свойствами и чертами характера. Теперь, когда начинается нѣкоторая разумная связь, высшихъ сословій съ низшими, первые легко поймутъ, что и между послѣдними, даже съ самой отверженной части общества, могутъ быть такія личности, которыя при другихъ обстоятельствахъ, при другихъ условіяхъ жизни и при другой обстановкѣ, могли бы занять видное мѣсто, между своими соотечественниками.

Хотя по лѣтамъ моимъ, я принадлежу къ старому поколѣнію и далеко отсталъ отъ новаго во всемъ что входитъ въ кругъ современнаго образованія, но какъ прежде, такъ и теперь, я вполнѣ сочувствую успѣхамъ не мнимаго, а настоящаго просвѣщенія, основаннаго, по моему мнѣнію, на неизмѣнной любви къ ближнему и справедливости. Слѣдуя всегда этому правилу, столько же по разсудку, сколько и по чувствамъ моимъ, я считаю, что въ человѣческой природѣ, не можетъ быть никакого примѣра: — *исключительнаго преобладанія зла надъ добромъ*. и что въ мірѣ не найдется такого злодѣя, въ которомъ бы не было чего нибудь хорошаго, такой струны, которая бы не издала сочувствующаго добру *звука*. Согласно съ этимъ, я всегда смотрѣлъ на дурные поступки людей, какъ на нравственныя болѣзни, а на самыхъ даже закоснѣлыхъ преступниковъ, какъ на людей нравственно больныхъ, которыхъ слѣдовало бы лѣчить съ особеннымъ вниманіемъ и любовью, а не преграждать имъ всѣ пути къ выздоровленію. Я убѣжденъ, что съ успѣхами просвѣщенія и гражданственности, люди будутъ иначе смотрѣть на нравственные недуги своихъ собратій, и что даже въ уголовныхъ законодательствахъ нашихъ исчезнетъ мало по малу средне-вѣковое правило *возмездія*, на которомъ большею частію они основаны.

Весьма радъ буду, если мои разсказы возбудятъ, хотя въ нѣсколькихъ лицахъ, живое участіе къ такому разряду людей, на которыхъ до этого времени смотрѣли или какъ на отверженныхъ или какъ на не стоющихъ вниманія членовъ общества.

Во время пребыванія моего въ Москвѣ въ 1820 году, я былъ неожиданно дѣйствующимъ лицемъ въ одномъ событіи, которое оставило глубокіе слѣды въ моей памяти. Теперь когда крѣпостное состояніе отживаетъ свой вѣкъ, когда черезъ нѣкоторое время, всѣ безобразныя его слѣдствія содѣлаются одними *преданіями*, въ справедливости которыхъ могутъ усомниться наши потомки, я не лишнимъ считаю разсказать это событіе какъ фактъ, изображающій съ одной стороны, порочную закоснѣлость помѣщичьихъ нравовъ тогдашняго времени, а съ другой беззащитную зависимость крѣпостнаго сословія, подвергавшую его самымъ ужаснымъ и возмущающимъ слѣдствіямъ произвола. Этотъ фактъ, въ достовѣрности котораго не усомнятся, надѣюсь, всѣ тѣ кто хотя нѣсколько меня знаютъ — послужитъ неопровержимымъ доказательствомъ противу защитниковъ прежняго порядка, не перестающихъ до сихъ поръ находить и проповѣдывать какое-то воображаемое ими сходство между крѣпостнымъ состояніемъ и патріархальнымъ бытомъ древности.

Тогда въ Москвѣ жили многіе мои родные, съ которыми я дѣлилъ время моего отпуска. Между ними находилась одна изъ моихъ двоюродныхъ сестеръ. Это была замужняя, молодая женщина, съ которою я былъ очень друженъ. Она жила съ мужемъ, у его родной тётки — старушки доброй, но нѣсколько своенравной и преданной до нельзя набожности. Не имѣя собственнаго состоянія, они совершенно отъ нея зависѣли и должны были снисходить всѣмъ ея странностямъ. Впрочемъ надобно сказать, что эти странности не выходили изъ границъ и искупались ея къ нимъ любовью и вниманіемъ. Я почти каждый день бывалъ у нихъ. Старушка, не знаю почему, какъ-то полюбила меня. Въ домѣ ихъ я встрѣчалъ безпрестанно монаховъ, монахинь, странницъ и странниковъ.

Здѣсь надобно замѣтить, что старушка была коротко знакома съ извѣстной и богатой г-ней О. Набожность той и другой и одинакій взглядъ на вещи ихъ сблизили. Обѣ онѣ жили не далеко другъ отъ друга и часто видались.

Однажды послѣ обѣда, я пріѣхалъ къ сестрѣ и, какъ домашній человѣкъ, вошелъ безъ доклада въ гостиную. Всѣ они сидѣли за круглымъ столомъ, передъ самоваромъ. Кромѣ тётки, сестры и ея мужа, тутъ находились два незнакомыя мнѣ лица. Это были очень молоденькія дѣвушки, одѣтыя въ черномъ костюмѣ похожемъ на одежду монастырскихъ послушницъ. Привыкнувъ встрѣчать у нихъ подобныя личности, я не обратилъ на нихъ большаго вниманія, но не могъ не замѣтить, что внезапное мое появленіе смутило нѣсколько и тётку и сестру. Вскорѣ, старушка, сказавъ

со мною нѣсколько словъ и допивъ свою чашку, встала съ дивана и увела съ собою дѣвушекъ.

Когда онѣ ушли, я спросилъ у сестры своей, «что это за новыя у нихъ лица, откуда онѣ, и неужели такія молодыя дѣвушки ходятъ за сборомъ»? Сестра и мужъ ея дали мнѣ знать, чтобы я говорилъ тише. Первая потомъ прибавила. «Я послѣ разскажу тебѣ, cousin, ихъ исторію— теперь же некогда, тётушка сейчасъ возвратится, и ей можетъ быть покажется непріятнымъ, что мы объ нихъ говоримъ съ тобой. Пока, это еще секретъ».

Въ самомъ дѣлѣ, вскорѣ тётка возвратилась одна, и мы продолжали бесѣдовать; но разговоръ какъ-то не клеился. Видно было, что ихъ всѣхъ что-то занимало, и что я былъ лишній. Замѣтивъ это и посидѣвъ съ четверть часа, я сказалъ, что мнѣ нужно ѣхать куда-то на вечеръ и сталъ прощаться. Онѣ меня не удерживали. Сестра же, провожая меня, сказала потихоньку, что при первомъ удобномъ случаѣ она мнѣ всё объяснитъ и что я услышу невѣроятныя вещи.

Разумѣется, что все это меня заинтересовало. Возвратившись домой, я старался отгадывать, какая могла быть тутъ тайна, но потомъ подумалъ, что изъ пустяковъ не стоитъ ломать себѣ голову, и что вскорѣ сестра разскажетъ мнѣ все, и пересталъ этимъ заниматься.

На другой день я всталъ довольно поздно и, человѣкъ войдя ко мнѣ, подалъ мнѣ записку, присланную отъ сестры. Вотъ ея содержаніе: Mon cousin, мы ожидаемъ тебя сегодня утромъ. Я пишу по порученію тётиньки, которая сама разскажетъ тебѣ все, что̀ касается до двухъ дѣвушекъ. Мы объ очень бы желали, чтобы ты не отказался участвовать въ такомъ дѣлѣ, для котораго намъ нуженъ человѣкъ какъ ты. Пріѣзжай».

Напившись чаю, я отправился къ нимъ, ожидая съ нетерпѣніемъ объясненія тайны. Когда я пріѣхалъ, старушка повела меня къ себѣ въ комнату, что̀ дѣлалось только въ чрезвычайныхъ случаяхъ и съ людьми, къ которымъ она была особенно расположена. Тамъ мы съ нею и сестрою усѣлись на диванъ, и вотъ что узналъ я.

Обѣ дѣвицы были крѣпостныя дворовыя богатаго помѣщика д. с. с. Т.. Имѣніе его находилось въ Т. губерніи, гдѣ онъ постоянно жилъ. Онѣ были сестры и его незаконнорожденныя дочери отъ крѣпостной дѣвки. Такихъ какъ онѣ было у него и еще много. Всѣ онѣ записывались въ ревизію и жили въ довольствѣ, не употребляясь на работу. Имъ даже давали нѣкоторое образованіе: учили грамотѣ, иныхъ даже музыкѣ, и всякаго рода рукодѣліямъ. По достиженіи извѣстнаго возраста, онѣ предназначались къ тому же, чѣмъ были нѣкогда ихъ матери, а потомъ, смотря по

обстоятельствамъ, или выдавались замужъ съ маленькимъ приданымъ за какихъ нибудь приказныхъ, мѣщанъ и т. д., или оставались на пенсіи въ числѣ дворни. Матерямъ было строго запрещено говорить имъ, кто былъ ихъ отцемъ.

Эти двѣ дѣвицы однако знали объ этомъ. Мать ихъ, женщина набожная, не смотря на строгость своего господина, устрашилась сдѣлаться какъ бы сообщницею въ преступномъ кровосмѣшеніи и предупредила дочерей. Тогда всѣ онѣ стали придумывать, какъ избавиться отъ угрожавшей имъ опасности и наконецъ рѣшились обратиться къ игуменьѣ ближняго женскаго монастыря, съ которою мать была знакома. Эта игуменья была женщина хорошая, богобоязненная. Сначала она испугалась принять участіе въ такомъ дѣлѣ, которое подвергало ее гнѣву и преслѣдованіямъ человѣка сильнаго и безнравственнаго, но съ другой стороны страшилась отказать въ помощи, принять тяжкій грѣхъ на душу. Вотъ на что наконецъ она рѣшилась. Будучи нѣсколько знакома съ г-ней О., она обѣщалась написать ей объ нихъ письмо по почтѣ, а имъ сказала, что если онѣ надѣятся потихоньку уйти и добраться до Москвы, то графиня безъ сомнѣнія защититъ ихъ. Главное дѣло состояло въ томъ, чтобы попасть въ Москву, не возбудивъ подозрѣній во время приготовленій къ побѣгу, и потомъ избѣгнуть преслѣдованій. Въ этомъ случаѣ помогла имъ мать. Такъ какъ она была свободна располагать своими дѣйствіями, могла даже отлучаться, и надзора за ней не было, то она взялась устроить ихъ побѣгъ, нанять лошадей, и т. д. Разумѣется, что потомъ участіе ея не могло скрыться, и она подвергала себя всѣмъ слѣдствіямъ гнѣва раздраженнаго помѣщика, но въ этомъ случаѣ она не задумалась обречь себя на жертву и исполнила съ высокимъ самоотверженіемъ то, что внушали ей совѣсть, религія и материнская любовь.

Когда всё было готово, обѣ сестры отправились въ темную зимнюю ночь, напутствуемыя благословеніями несчастной матери. Путешествіе окончилось счастливо, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что на другой же день, когда побѣгъ ихъ сдѣлался извѣстнымъ, послана была за ними погоня. Г-у Т. не могло однако придти въ голову, чтобы онѣ поѣхали прямо въ Москву. Тамъ никого не было, кто бы могъ скрыть ихъ. О графинѣ же О. онъ не могъ и подумать. Вѣроятно, поиски ограничились близъ лежащими мѣстами.

Добравшись кое-какъ до Москвы, онѣ сейчасъ же явились къ гр. О. Отыскать ее было не трудно; письмо игуменьи дошло до нея гораздо прежде, и потому она уже

была предупреждена. Графиня, какъ извѣстно ея современникамъ, была женщиной исключительно предавшейся набожности. Всё ея богатство шло на добрыя дѣла, церкви, монастыри и т. д. Конечно въ ея образѣ жизни много было восторженнаго, не совсѣмъ раціональнаго, но нельзя было отказать ей въ большихъ нравственныхъ достоинствахъ, нельзя было сомнѣваться въ чистотѣ ея убѣжденій, въ ея добродѣтельныхъ дѣяніяхъ и въ искренности религіозныхъ чувствъ. Она какъ будто обрекла себя, какъ искупительная жертва, памяти своего родителя. Всё время свое она посвящала молитвѣ, поклоненію св. угодникамъ и бесѣдѣ съ духовными лицами обоего пола, изъ которыхъ нѣкоторые не совсѣмъ прямодушно пользовались ея особенною благосклонностію и неограниченною довѣренностію. При Дворѣ она была очень уважаема и, какъ я уже выше сказалъ, находилась въ хорошихъ отношеніяхъ съ тёткой моей сестры.

Весьма естественно, что, предувѣдомленная письмомъ игумены, она заинтересовалась судьбою обѣихъ дѣвушекъ. Вѣроятно въ письмѣ этомъ объяснялся весь ужасъ ихъ положенія,—собственныя же ихъ мольбы, слёзы и изъявленное ими желаніе провести жизнь въ монастырѣ еще болѣе подѣйствовали на ея религіозныя чувства и утвердили въ намѣреніи спасти ихъ отъ преслѣдованія порока и сохранить для служенія Богу эти два чистыя, невинныя созданія.

Въ этомъ дѣлѣ она поступила чрезвычайно осторожно. Опасаясь оставить ихъ у себя, чтобы не подать поводъ къ разнымъ преувеличеннымъ толкамъ и огласкѣ, она, переговоря съ тёткой сестры моей, помѣстила ихъ у нея, отправивъ къ г-ну Т. письмо съ предложеніемъ внести за ихъ отпускныя значительную сумму.

Когда я увидалъ ихъ въ первый разъ, онѣ уже болѣе недѣли находились въ Москвѣ, и графиня ожидала съ часу на часъ отвѣта на свое предложеніе. Предполагая, что г. Т. самъ пріѣдетъ въ Москву и что ей придется имѣть съ нимъ объясненіе, она желала найти человѣка, котораго бы могла съ увѣренностію употребить для переговоровъ по этому щекотливому дѣлу. Тётка сестры моей, съ которой она объ этомъ посовѣтовалась, взялась найти такого человѣка, и ея выборъ палъ на меня.

Старушка окончила занимательный для меня разсказъ свой предложеніемъ, или лучше сказать просьбою, быть посредникомъ въ этомъ добромъ дѣлѣ. Разумѣется, что я охотно согласился, и мы тутъ же рѣшили, не теряя времени, ѣхать къ графинѣ. Она взялась представить меня ей и увѣрила, что графиня съ удовольствіемъ дастъ мнѣ полномочіе дѣйствовать ея именемъ, для успѣшнаго окончанія этого дѣла.

Я былъ чрезвычайно вѣжливо и любезно принятъ графиней. Для меня было лестно ея довѣріе и очень интересно видѣть вблизи такую замѣчательную личность того времени. Она одобрила мои намѣренія, какъ дѣйствовать при переговорахъ съ г. Т. и, въ отношеніи цѣны выкупа, просила не затрудняться, хотябы это перешло за 10 т. рублей.

Дня черезъ два послѣ этого, полученъ былъ отвѣтъ г. Т. Онъ рѣшительно отказывался отпустить своихъ крѣпостныхъ дѣвушекъ, за какую бы то ни было цѣну, увѣрялъ графиню, что онѣ ее обманываютъ и что, употребляя во зло ея доброту, хотятъ безнаказанно воспользоваться плодами своего преступленія. Далѣе онъ говорилъ, что учинивъ побѣгъ онѣ унесли у него деньгами и вещами на нѣсколько тысячъ рублей, и что объ этомъ подано уже имъ явочное прошеніе въ тамошнюю полицію; что онъ очень жалѣетъ, что не можетъ сдѣлать ей угодное, но что въ этомъ случаѣ и совѣсть и законъ требуютъ отъ него исполненія обязанности справедливаго и строгаго помѣщика; что, вслѣдъ за этимъ письмомъ, онъ самъ пріѣдетъ въ Москву и остается увѣреннымъ, что графиня не захочетъ скрывать у себя преступницъ.

Дѣло принимало оборотъ довольно серьёзный. Право и законъ были на сторонѣ г. Т. и если бы графиня О. не имѣла такого значенія въ обществѣ и при Дворѣ, то пришлось бы конечно, скрѣпя сердце, предоставить обѣ жертвы плачевной ихъ судьбѣ. Но именно въ этомъ случаѣ весьма было кстати, что сильные этого міра могутъ безнаказанно стать внѣ закона. Когда, по полученіи этого письма, я былъ позванъ къ графинѣ на совѣщаніе, то предложилъ ей дать мнѣ право—при рѣшительномъ несогласіи г. Т. отпустить дѣвушекъ, объявить ему, что графиня ни въ какомъ случаѣ ему ихъ не выдастъ, а описавъ ихъ положеніе и объяснивъ *все*, поручитъ ихъ покровительству и защитѣ вдовствующей Императрицы.

Видно было, что графинѣ очень не хотѣлось прибѣгать къ такой крайней мѣрѣ, но должно отдать ей справедливость, что она не задумалась на нее согласиться, и только проспла меня, чтобы я сначала употребилъ всевозможныя убѣжденія, увеличилъ бы какъ хотѣлъ сумму выкупа, и даже если бы нужно было, просилъ г. Т. сдѣлать это какъ личное ей одолженіе. Уговорясь какъ дѣйствовать, я съ нетерпѣніемъ ждалъ прибытія г. Т.—Графиня, при первомъ его посѣщеніи, не должна была принимать его, но попросить оставить свой адресъ и дать ему знать, что на другой день утромъ явится къ нему ея довѣренный.

Черезъ нѣсколько дней, тётка сестры моей, у которой я бывалъ почти каждый день, извѣстила меня о пріѣздѣ г. Т.

и вручила мнѣ его адресъ. На другой день рано утромъ, я отправился къ нему, въ гостинницу Лондонъ, въ Охотномъ ряду, гдѣ и теперь она еще существуетъ. Онъ занималъ одинъ изъ лучшихъ номеровъ.

Приказавъ доложить о себѣ, я въ туже минуту былъ приглашенъ и, войдя въ первую изъ прихожей комнату, нашелъ г. Т. совсѣмъ уже готоваго принять меня. Это былъ человѣкъ пожилой, но хорошо сохранившійся, высокаго роста брюнетъ, съ аристократическими манерами. Онъ чрезвычайно вѣжливо встрѣтилъ меня и сейчасъ же приступилъ къ дѣлу, прося меня объяснить ему, какимъ образомъ двѣ бѣжавшія его дѣвушки очутились вдругъ у графини О. и какая причина заставляетъ ее принимать въ нихъ такое незаслуженное ими участіе? Я отвѣчалъ, что мнѣ объ этомъ ровно ничего неизвѣстно, что я не знаю также, какъ и почему она принимаетъ въ нихъ такое участіе, а что я пріѣхалъ къ нему только съ тѣмъ, чтобы передать предложеніе графини и договориться съ нимъ въ цѣнѣ ихъ выкупа. «До извѣстной суммы, прибавилъ я, мнѣ дано право согласиться; но если требованіе ваше будетъ превышать ее, то я сообщу о томъ графинѣ. Вотъ почему, сказалъ я въ заключеніе, потрудитесь объявить мнѣ, сколько вы желаете получить за ихъ отпускныя».

«Мы смотримъ, кажется, на это дѣло, съ разныхъ сторонъ, возразилъ онъ, и къ тому же вы крайне ошибочно обо мнѣ судите. Скажу вамъ просто и коротко, что въ деньгахъ я не нуждаюсь. Еслибы я любилъ ихъ, то конечно обрадовался бы такому случаю. Но я ставлю свои правила и обязанности выше денегъ, и слѣдовательно смотрю на это дѣло иначе. Двѣ крѣпостныя мои дѣвки бѣжали, совершивъ преступленіе, кражу. Вы хотите, чтобы вслѣдствіе необдуманной прихоти знатной женщины, которую онѣ обманываютъ, я согласился вмѣсто заслуженнаго наказанія—наградить ихъ. Спрашиваю васъ, какой тутъ нравственный смыслъ и какія могутъ быть отъ того послѣдствія? Послѣ этого, всѣ мои двѣ тысячи душъ захотятъ дѣлать тоже, да и не у одного меня, а у всѣхъ помѣщиковъ. Да, это просто явное нарушеніе всѣхъ общественныхъ законовъ. Это первый шагъ къ безначалію, къ ниспроверженію всякой законной власти. И чтобы я въ мои лѣта, въ моемъ званіи, согласился изъ какихъ нибудь денежныхъ выгодъ на такое беззаконное дѣло! Никогда, положительно говорю, никогда этого не будетъ. Вы еще такъ молоды, что слишкомъ легко судите объ обязанностяхъ, лежащихъ на человѣкѣ, прослужившемъ 30 лѣтъ Государю и Отечеству и достигшему нѣкотораго общественнаго значенія. Эти обязанности для меня священны, и я исполню ихъ, хотя бы этимъ и навлекъ на себя,

къ моему сожалѣнію, неудовольствіе такой особы какъ графиня, которую я вполнѣ уважаю. Слава Богу, прибавилъ онъ, мы живемъ не въ Турціи и не въ эпоху безначалія, а управляемся положительными законами, которые защитятъ и меня и права мои отъ всякаго насильственнаго посягательства со стороны кого бы то ни было. Конечно мнѣ весьма будетъ непріятно имѣть дѣло съ графиней, и я бы очень былъ радъ избѣгнуть этого; но не я виноватъ въ томъ: справедливость и законъ на моей сторонѣ, и я увѣренъ что ни ея знатность, ни богатство, ни общественное значеніе не въ состояніи будутъ сдѣлать изъ чернаго бѣлое и лишить меня моихъ правъ и моей собственности».

Я внимательно слушалъ, не перебивая его; онъ же говорилъ съ такимъ жаромъ, съ такимъ, какъ мнѣ казалось, прямодушіемъ, что я начиналъ уже сомнѣваться въ справедливости нашихъ объ немъ свѣдѣній. Болѣе полутора часа продолжалась моя бесѣда съ нимъ. Одно только мнѣ показалось страннымъ: онъ какъ будто старался вызвать меня на болѣе откровенныя объясненія, въ отношеніи обѣихъ дѣвицъ. Это внушило мнѣ недовѣрчивость къ его протестаціямъ и заставило рѣшиться на послѣднее средство, которое могло возбудить въ немъ справедливое негодованіе, если бы совѣсть его была чиста.

«И такъ, сказалъ я наконецъ, вы рѣшительно отвергаете предложеніе графини. То ли я долженъ заключить изъ нашего разговора? Потрудитесь сказать мнѣ это въ двухъ словахъ, чтобы не было недоразумѣнія».

Онъ какъ будто смѣшался, но потомъ оправившись отвѣчалъ: «Совершенно такъ. И въ самомъ дѣлѣ, пора уже прекратить этотъ непріятный для меня разговоръ. Потрудитесь передать его графинѣ. До завтрашняго утра, я буду ждать ея согласія выдать моихъ бѣглянокъ. Если же не получу ихъ, то приступлю немедленно къ законнымъ средствамъ, хотя это, повторяю, и очень будетъ для меня непріятно».

«Съ графиней вы дѣло имѣть не будете, возразилъ я. Въ случаѣ окончательнаго вашего несогласія на ея предложеніе, она уже рѣшилась какъ поступить ей и уполномочила меня объявить вамъ это. Сегодня же обѣ дѣвушки съ ея письмомъ будутъ отправлены въ С.-П. къ вдовствующей Императрицѣ, которой она объяснитъ ихъ положеніе, ваши на нихъ права, а также и ихъ—на ваши къ нимъ обязанности, однимъ словомъ всё то, что ей извѣстно и что конечно ясно обнаружится, если Государыня не откажетъ въ своемъ имъ покровительствѣ. Стало быть графиня будетъ въ сторонѣ, и вы будете имѣть дѣло не съ нею, а съ Императрицей. Это и для васъ будетъ конечно лучше, если вы чувствуете себя совершенно правымъ».

Я всталъ и взялся за шляпу. Послѣднія слова мои видимо его поразили. Онъ началъ скоро ходить по комнатѣ и когда я сталъ прощаться съ нимъ, онъ съ замѣтнымъ волненіемъ сказалъ мнѣ: «Прошу васъ оставить это дѣло до завтрашняго дня. Пріѣзжайте ко мнѣ утромъ, и я вамъ дамъ рѣшительный отвѣтъ. Теперь же этотъ разговоръ такъ утомилъ меня, что я ничего не могу сказать положительно. Во всякомъ случаѣ увѣрьте графиню въ моемъ желаніи сдѣлать ей угодное».

Я вышелъ, оставивъ его въ большомъ смущеніи.

Передавъ мой разговоръ съ нимъ тёткѣ моей сестры, которая въ тотъ же день должна была сообщить его гр. О., я рано утромъ на слѣдующій день отправился къ г. Т.

«Видите ли, сказалъ онъ, встрѣчая меня, какъ я сговорчивъ, когда дѣло идетъ, чтобы угодить дамѣ. Вы конечно не ожидали такъ скоро и такъ дешево окончить со мною дѣло. Вотъ обѣ отпускныя моимъ бѣглянкамъ. Дай Богъ, чтобы онѣ не заставили раскаяваться графиню въ принятомъ ею участіи. Денегъ за нихъ мнѣ не надобно. Если я поступаю вопреки убѣжденію и нарушаю мою обязанность какъ помѣщикъ, то по крайней мѣрѣ не изъ денегъ, а изъ одного желанія исполнить требованіе графини. Мнѣ бы хотѣлось, однако, самому вручить ей эти бумаги. Можно ли будетъ это сдѣлать?»

Я такъ былъ удивленъ неожиданнымъ оборотомъ этого дѣла и такъ былъ радъ успѣшному его окончанію, что не зналъ, вѣрить ли мнѣ его словамъ. Я боялся, не было ли тутъ съ его стороны какого либо обмана или насмѣшки, и потому, взявъ со стола отпускныя, прочелъ ихъ. Увѣрившись въ ихъ дѣйствительности и оправившись отъ перваго впечатлѣнія, я отвѣчалъ ему, что не нахожу никакого возраженія противъ его желанія отдать лично отпускныя графинѣ, но что прошу его только дать мнѣ время извѣстить ее о его посѣщеніи.

Уговорившись, чтобы онъ отправился къ ней часовъ въ двѣнадцать, я поскакалъ съ радостною вѣстію къ моей старушкѣ, разсказалъ ей всё случившееся и просилъ ее немедленно передать графинѣ счастливый результатъ моего посредничества и приготовить ее къ посѣщенію г. Т.

Далѣе, все кончилось какъ слѣдуетъ. Онъ самъ вручилъ графинѣ обѣ отпускныя и, не смотря на всѣ ея убѣжденія, никакъ не хотѣлъ взять денегъ. Обѣ дѣвушки помѣщены были въ какой-то монастырь и, какъ я вскорѣ оставилъ Москву, то и не знаю что̀ потомъ съ ними сдѣлалось? Не знаю также и объ участи ихъ матери. Впослѣдствіи, среди развлеченій свойственныхъ тогдашнимъ моимъ лѣтамъ, я нерѣдко съ горькимъ чувствомъ вспоминалъ объ этомъ эпи-

зодѣ моей жизни. Онъ оставилъ во мнѣ непреодолимую ненависть къ крѣпостному состоянію.

И въ самомъ дѣлѣ, если мы обсудимъ безъ предубѣжденія, съ должною снисходительностію къ человѣческимъ слабостямъ, это грустное слѣдствіе крѣпостнаго состоянія, одно изъ тысячи ему подобныхъ, то убѣдимся, что виною всему само учрежденіе, а не люди, которые дѣйствуютъ въ немъ болѣе или менѣе согласно съ его духомъ. Человѣкъ вещь. Этою вещію всякій пользуется, смотря по тѣмъ понятіямъ, которыя онъ усвоилъ, по влеченію своихъ страстей, наклонностей, подъ вліяніемъ своего воспитанія, своихъ привычекъ, своего темперамента и характера. Этотъ г. Т., при другихъ обстоятельствахъ, при другой внѣшней обстановкѣ, при другомъ воззрѣніи на подобныхъ себѣ, при другихъ общественныхъ условіяхъ, былъ бы вѣроятно совсѣмъ инымъ человѣкомъ, и можетъ быть даже человѣкомъ замѣчательнымъ по уму и нравственнымъ качествамъ. Даже въ этомъ случаѣ, его безкорыстіе меня удивило, и хотя далеко не примирило съ его порочною натурою, но какъ-то отрадно отзывалось при моихъ воспоминаніяхъ объ этомъ событіи. А мать этихъ дѣвушекъ, показавшая такое самоотверженіе, такое христіанское понятіе о своемъ долгѣ, сама ли она виновна въ той участи, на которую обрекло ее крѣпостное состояніе? Наконецъ эти дѣвицы, изъявивъ желаніе провести жизнь въ стѣнахъ монастырскихъ, не были ли онѣ вынуждены къ тому ихъ безвыходнымъ положеніемъ и тѣми обстоятельствами, въ которыхъ находились и которыя безъ крѣпостнаго состоянія не могли бы существовать?

Вотъ рядъ мыслей и вопросовъ, которые представлялись мнѣ всегда при воспоминаніи объ этомъ давно прошедшемъ событіи, и признаюсь что, чѣмъ болѣе я разсуждалъ объ этомъ, тѣмъ снисходительнѣе дѣлался къ лицамъ и тѣмъ враждебнѣе становился къ самому учрежденію, имѣвшему такое гибельное вліяніе на всю общественную и частную жизнь въ нашемъ Отечествѣ. Оно лежало тяжелымъ гнетомъ на нравственныхъ понятіяхъ всѣхъ сословій и искажало лучшія принадлежности человѣческой природы, не допуская ихъ свободнаго развитія. Радуюсь, что я дожилъ до того времени, когда это безобразное чудовище находится при послѣднемъ уже издыханіи...

ЗАПИСКА

СТАТСКАГО СОВѢТНИКА ОСИПА ВИКЕНТЬЕВИЧА ГРАБЕ-ГОРСКАГО (*).

Участвуя въ войнахъ противъ Французовъ 1805, 1806, 1807, 1812—1814-го годовъ, я былъ во многихъ сраженіяхъ и могу похвалиться заслугами. Въ отечественную войну сначала я находился въ корпусѣ графа *Витгенштейна*, защищавшаго дорогу къ Петербургу. 12-го Октября 1812-го года, въ сраженіи подъ Малымъ Ярославцемъ, я командовалъ конно-артиллеріскою № 7-го ротою, изъ орудій которой тогда убитъ дивизіонный генералъ *Дельзонъ*, пораженный вдругъ двумя ядрами. 19 Апрѣля 1813-го года, въ сраженіи близь деревни Рипнахъ (между Вейсенфельсомъ и Люценомъ) убилъ я маршала *Бессьера*. Послѣ Бауценскаго дѣла, 10-го Мая, въ упорной битвѣ подъ Рейхенбахомъ, когда самъ Наполеонъ всѣмъ распоряжался, громилъ изъ 50 орудій и посылалъ конницу въ атаку на мою батарею, я, снявъ ее и заѣзжая во флангъ его войскамъ, разилъ ихъ изъ той же, бывшей подъ командою моей, конной роты № 7-го. Въ этомъ сраженіи изъ орудій моихъ убиты еще три генерала, и два изъ нихъ однимъ ядромъ: то были любимецъ Наполеона *Дюрокъ* и генералъ *Кирхнеръ*. 4-го Октября, во время Лейпцигскаго сраженія, я съ моей ротой и присланными ко мнѣ Императоромъ Александромъ на помощь лейбъ-казаками, имѣлъ счастіе охранить государя моего отъ опасности, ему угрожавшей, и при этомъ маршалу *Латуръ-Мобуру* оторвало ногу ядромъ изъ моихъ орудій. 2-го Февраля 1814 года, при взятіи штурмомъ Суассона, я, съ двумя ротами егерей, выбилъ ворота и первый взошелъ на стѣну. Хотя я встрѣченъ былъ колонною, которую велъ на меня Суасонскій комендантъ, но зал-

---

*) Эта записка извлечена изъ собственноручной записки *Горскаго*, который далъ ее подковнику корпуса жандармовъ Феликсу Ивановичу *Кельчевскому*, бывшему въ 1832-мъ году въ Сибири. *Кельчевскій* обѣщалъ ему ходатайствовать о немъ; но не успѣвъ ничего сдѣлать, хранилъ записку у себя. (Примѣчаніе М. М. Попова.)

помъ моихъ егерей комендантъ убитъ и очищена была дорога нашимъ войскамъ, которые и овладѣли Суассономъ.

Не говорю о другихъ сраженіяхъ, въ которыхъ я участвовалъ. Скажу только, что я вынесъ изъ нихъ много ранъ. Тягчайшія, по послѣдствіямъ, вдругъ четыре, получилъ я 10-го Іюля 1812-го года, въ сраженіи близъ мѣстечка Бѣлый. Когда я, наклонясь надъ орудіемъ, наводилъ его, въ это время надъ моей головой и спиной, очень близко, пролетѣло непріятельское ядро и контузило меня столь сильно, что произвело страшное сотрясеніе въ головѣ, въ груди и во всемъ тѣлѣ моемъ. Я падалъ, но въ тоже мгновеніе три ружейныхъ пули поразили меня: одна попала въ правую руку и разбила кость на вылетъ; другая—въ лѣвую ногу, ниже колѣна, и повредила кость, также на вылетъ; третья—въ правую ногу, на вылетъ же, разбила мышцы и кость, отчего свело правую ногу. Эти три раны, изъ которыхъ вмигъ обильно пролилась кровь, спасли меня отъ смерти; потому что отъ контузіи ядромъ у меня вспухли затылокъ, голова, шея и спина, почернѣвшія какъ уголь, и это грозило мнѣ вѣрною смертію. Въ скоромъ времени отъ контузіи у меня произошло 18 ранъ, которыя гнили четыре съ половиною года; а сильнѣйшее потрясеніе внутреннихъ органовъ породило разстройство ихъ, разныя періодическія и хроническія болѣзни. Изъ этихъ болѣзней самая ужасная трепетаніе сердца, бывающее у меня при каждомъ нечаянномъ случаѣ: огорченіи, испугѣ, простудѣ. Во время припадковъ у меня вступаетъ кровь въ голову, и я прихожу въ наркотическое состояніе или столбнякъ, до того, что не въ состояніи ничего правильно видѣть, ни о чемъ разсуждать: тогда я инстинктивно, машинально слѣдую первой представившейся мнѣ мысли.

Это было главною причиной, по которой я принужденъ былъ оставить военную службу, о которой потомъ долго проливалъ слезы. Опредѣлившись вице-губернаторомъ на Кавказъ, я нѣсколько лѣтъ пользовался Кавказскими минеральными водами и получилъ было значительное облегченіе. Но въ 1822-мъ году, по несправедливому дѣйствію разныхъ лицъ министерства финансовъ, встрѣтились непріятности и огорченія по службѣ. Онѣ возобновили во мнѣ со всею жестокостію припадки біенія сердца, наркотизмъ и столбнякъ головы. Три года сряду я пользовался въ Петербургѣ, и хотя рѣже началъ подвергаться припадкамъ, но не совсѣмъ еще отъ нихъ излечился.

Въ 1825-мъ году, въ исходѣ Ноября, по случаю смерти незабвеннаго Императора Александра 1-го, наряжена была, для приготовленія похоронъ, печальная комиссія, подъ предсѣдательствомъ князя Алексѣя Борисовича *Куракина*. Въ эту

комиссію я былъ назначенъ членомъ, получалъ три дня сряду приглашенія, но, по приключавшимся мнѣ припадкамъ, никуда не выходилъ изъ дома. Наконецъ, получивъ 13-го Декабря еще записку и чувствуя себя лучше, я рѣшился 14-го числа явиться въ Зимній дворецъ, въ комиссію. Надѣвъ мундиръ и повязавъ трауръ, я отправился туда. Входя во дворецъ, я встрѣтилъ на лѣстницѣ герцога Александра Виртембергскаго, съ начальникомъ его штаба, *Воронцовымъ*. Его свѣтлость, увидя на мнѣ трауръ, остановился и спросилъ: куда я въ такомъ видѣ иду? Приведенный такимъ вопросомъ въ недоумѣніе, я отвѣчалъ, что пріѣхалъ въ печальную комиссію, по требованію князя *Куракина*. Герцогъ сказалъ мнѣ: «Вѣроятно, вы не знаете, что великій князь «Михаилъ Павловичъ возвратился изъ Варшавы и привезъ «отреченіе отъ престола его императорскаго высочества «цесаревича великаго князя Константина Павловича, и что «на престолъ вступилъ великій князь Николай Павловичъ; «теперь всѣ одѣты въ парадные мундиры и присягаютъ Го«сударю Николаю Павловичу, а похоронной комиссіи сего«дня нѣтъ». Поблагодаривъ герцога за такое вниманіе и остереженіе, я возвратился назадъ и проводилъ его свѣтлость до подъѣзда. Онъ сѣлъ съ *Воронцовымъ* въ карету и уѣхалъ.

По выходѣ изъ дворца, я встрѣтилъ отставнаго подполковника, фамиліи котораго не помню; знаю только, что она Нѣмецкая и что онъ въ 1817 и 1818-мъ годахъ былъ полицеймейстеромъ въ Орлѣ. Съ нимъ вмѣстѣ я пошелъ отъ дворца по бульвару. Приблизившись къ Сенатской площади, мы услышали крикъ толпы, находившейся у Сената, близъ монумента императора Петра Великаго. Толпы повторяли, разъ за разомъ, крикъ: «Ура, Константинъ!» Мнѣ и въ голову не приходило, чтобы тутъ былъ какой-либо злой умыселъ, тѣмъ болѣе, что ни о чемъ подобномъ, даже намеками, я ни отъ кого не слыхалъ; и, имѣя въ свѣжей памяти происшествіе, бывшее въ Семеновскомъ полку, по случаю неудовольствія солдатъ противъ полковника *Шварца*, думалъ, что и этотъ крикъ былъ, вѣроятно, такою же сумятицей нижнихъ чиновъ. Это мнѣніе я передалъ шедшему со мной подполковнику, который тоже думалъ, и мы оба пошли по бульвару далѣе, ближе къ толпѣ. Тогда эту толпу уже обступило множество всякаго званія людей, и туда же со всѣхъ сторонъ бѣжалъ народъ, съ полѣньемъ и дручьями въ рукахъ (?).

На пути, встрѣчавшіеся съ нами и возвращавшіеся отъ толпы, сказали намъ, что произносящіе крикъ: «Ура, Константинъ!» увѣряютъ, будто они, по долгу присяги, данной государю Константину, остаются ему вѣрными и собираются

идти на освобожденіе его; будто бы государя Константина, при возвращеніи изъ Варшавы въ Петербургъ, взяли близъ Нарвы подъ арестъ и куда-то увезли. Сказывали намъ, что толпа произносила и другія дерзко-выдуманныя слова, уловлявшія многихъ въ сѣти лжи и обмана.

Эти неожиданныя вѣсти, при болѣзненномъ состояніи моемъ, такъ поразили меня, что мгновенно возобновился припадокъ мой: сердце мое аневризменно билось и трепетало, кровь бросилась въ голову, я пришелъ въ совершенное остолбененіе и не въ силахъ былъ ни на чемъ остановить мыслей моихъ, кромѣ поразившаго меня предмета. Въ этомъ положеніи, когда мы подошли къ памятнику Петра Великаго, я бросился было къ толпѣ, чтобы лично спросить кого-нибудь о толкахъ; но товарищъ мой, подполковникъ, какъ ангелъ-хранитель, схватилъ меня сзади, за фалды сюртука, и образумилъ меня, сказавъ: «Что вы дѣлаете, васъ «могутъ оподозрѣть, и тогда Богъ знаетъ, что можетъ про«изойти». Я опомнился и остановился; но, видя, что многіе подходятъ къ толпѣ, спрашиваютъ и отходятъ, не переставалъ желать сдѣлать тоже самое. Мнѣ казалось, что меня, вѣрнѣйшаго подданнаго, котораго вся душа и сердце преданы Царю и Отечеству, никто не станетъ подозрѣвать въ соучастіи съ людьми, мнѣ вовсе неизвѣстными; а еслибы и оподозрѣли, то надобно заподозрѣть всѣхъ, которые къ толпѣ подходили изъ одного любопытства. При томъ же, я все еще не могъ убѣдить себя, чтобы въ Россіи могли крыться какіе-либо злые умыслы, и въ головѣ моей бродила прежняя догадка, что безпорядки происходятъ подобные тому, какіе были въ Семеновскомъ полку. Поэтому мнѣ чрезвычайно хотѣлось узнать, кто тутъ были зачинщики, чего они хотятъ и какую цѣль имѣютъ. Объ этомъ я хотѣлъ сказать прежде товарищу моему; но его уже не было со мной: вѣроятно, онъ былъ оттертъ народомъ.

Между тѣмъ народъ, собираясь болѣе и болѣе, началъ другъ друга тѣснить ближе къ толпѣ, и я невольно очутился возлѣ самаго фронта этой толпы, которая построена была въ каре. Воспользовавшись этимъ, я спросилъ у фланговаго унтеръ-офицера, для чего они кричатъ «Ура, Константинъ», тогда какъ Константинъ Павловичъ отрекся отъ престола и на престолъ взошелъ великій князь Николай Павловичъ, которому уже всѣ присягаютъ. Но унтеръ-офицеръ повторилъ молву, слышанную мною прежде, на счетъ цесаревича Костантина Павловича. Въ это время подбѣжалъ ко мнѣ офицеръ, который, какъ послѣ открылось, былъ князь *Щепинъ-Ростовскій*, въ самомъ нетрезвомъ видѣ, и ударилъ меня шпагою въ бокъ столь сильно, что прокололъ на мнѣ ватный сюртукъ и мундиръ до ребра, говоря: «за

«чѣмъ ты здѣсь, измѣнникъ, и обманываешь нашихъ сол-«датъ!» Придя въ замѣшательство, я не успѣлъ еще отвѣчать, какъ онъ замахнулся нанести мнѣ другой ударъ. Въ это мгновеніе проходилъ тутъ адъютантъ герцога Виртембергскаго, Александръ *Бестужевъ*, который зналъ меня, потому что однажды, бывъ дежурнымъ, докладывалъ обо мнѣ герцогу, когда я являлся къ его свѣтлости съ сыномъ моимъ и просилъ о принятіи его въ Институтъ Инженеровъ Путей Сообщенія. *Бестужевъ* успѣлъ схватить *Щепина-Ростовскаго* за руку и что-то сказалъ ему на ухо. Послѣ того *Щепинъ-Ростовскій*, обнявъ меня одной рукою, произнесъ вѣжливо: «извините меня, я васъ не зналъ!» Тогда только опомнился я и понялъ, что нахожусь въ неприличномъ мѣстѣ. Стараясь выйти безвредно, я показывалъ видъ, что не спѣшу удалиться; ибо въ противномъ случаѣ могли выстрѣлить мнѣ въ спину или всадить въ меня штыкъ. Поэтому я потихоньку проходилъ мимо фронта и, дойдя до фланга, бросился въ народъ и скрылся.

Пройдя къ Исакіевскому мосту и на бульваръ, а съ бульвара черезъ площадь къ Гороховой улицѣ, я остановился на углу дома губернскихъ присутственныхъ мѣстъ. Отсюда я видѣлъ, какъ собиралась у дворца гвардія и какъ она отправилась противъ толпы на Сенатскую площадь. Впереди гвардіи шелъ полицеймейстеръ *Чихачевъ*, съ драгунами, и очищалъ для нея мѣсто. Когда *Чихачевъ* проходилъ мимо дома, гдѣ я стоялъ, я подбѣжалъ къ нему, какъ къ знакомому, желая разсказать видѣнное мною въ толпѣ; но онъ отвѣчалъ, что ему на походѣ некогда меня слушать и, говоря, что самъ Государь ѣдетъ передъ гвардіей, просилъ меня отсторониться. Вскорѣ подошла гвардія, и впереди ѣхалъ, возлѣ тротуара, графъ *Милорадовичъ*. Нѣкогда во время войны, я служилъ подъ начальствомъ его, а въ Петербургѣ часто бывалъ у него и пользовался его благосклонностію. Поэтому я приблизился къ нему и, идя возлѣ его лошади, разсказалъ, что я былъ у толпы, подвергался опасности лишиться жизни и только посредствомъ притворства вышелъ оттуда невредимъ; но кто у нихъ главное лицо, я не могъ узнать. Графъ на это отвѣчалъ мнѣ: «У нихъ никого нѣтъ главнаго; они всѣ большіе; они «шалятъ, они обмануты; они, несчастные, въ заблужденіи; «ихъ надобно вразумить, я самъ поѣду къ нимъ!» Сказавъ это, онъ далъ шпоры лошади и поскакалъ; а я, возвратясь отъ него, пошелъ въ домъ присутственныхъ мѣстъ и смотрѣлъ въ окно изъ канцеляріи. Услышавъ же выстрѣлы, я отправился на свою квартиру.

По приходѣ въ домъ, нашелъ я, что чернью растасканы бывшія на дворѣ дрова. Отобѣдавъ и уснувъ часовъ до 7-ми, послѣ того, въ 9-мъ часу, я отправился, изъ любо-

пытства посмотрѣть, на Адмиралтейскую площадь. Тамъ расположены были на ночь войска. Вездѣ обошелъ я и въ 10-мъ часу воротился домой. Наслышавшись толковъ на счетъ буйства черни, я, въ 11-ть часовъ, идучи спать, приказалъ подать пистолетъ, и какъ не было у меня ни кремня, ни пороха, ни пули, то послалъ человѣка въ мелочную лавочку. Тамъ достали кремень, но такой негодный, что никакъ нельзя было ввернуть его крѣпко въ курокъ. Пороху, съ чайную ложку, принесла мнѣ горничная дѣвка, у которой онъ находился потому, что она, по простонародному обычаю, лечилась имъ отъ какой-то болѣзни. Этотъ порохъ я и всыпалъ въ пистолетъ. По неимѣнію же пули, я срѣзалъ съ сукна таможенную свинцовую пломбу и, вложивъ ее въ дуло пистолета, хотѣлъ прибить шомполомъ; но дуло было узко, и пломба, пройдя не болѣе, какъ вершка на два, остановилась. Къ довершенію этихъ неудачъ, кремень выпалъ изъ курка и куда-то укатился. Съ досады, я бросилъ пистолетъ подъ подушку и самъ уложился спать.

Къ утру, съ 14-го на 15-е декабря, часу въ четвертомъ или пятомъ, вдругъ будятъ меня и сказываютъ, что пріѣхалъ полицеймейстеръ *Чихачевъ*, съ частнымъ приставомъ, драгунами, жандармами и казаками, которые окружили мою квартиру. Когда я вышелъ изъ спальни, онъ объявилъ мнѣ, что меня, по какой-то неизвѣстной ему причинѣ, требуетъ къ себѣ оберъ-полиціймейстеръ *Шульгинъ*. Тогда я подумалъ, что хотятъ узнать у меня, кого и что̀ я видѣлъ въ толпѣ на Сенатской площади; подумалъ еще, что оберъ-полицеймейстеру, вѣроятно, поручилъ это графъ *Милорадовичъ*, о ранѣ котораго еще никто мнѣ не сказывалъ. Пріѣхавъ съ *Чихачевымъ* къ *Шульгину*, я услышалъ, что меня требуетъ Государь. Мы тотчасъ отправились въ зимній дворецъ, и тамъ дежурный генералъ-адъютантъ доложилъ Его Величеству о нашемъ пріѣздѣ.

Вскорѣ Государь вышелъ и, подойдя ко мнѣ, сказалъ: «Я «васъ не знаю, но видывалъ во дворцѣ; на васъ донесли, «что вы принадлежите къ обществу злоумышленниковъ и «были вмѣстѣ съ ними на площади; мнѣ непріятно, что я «долженъ поступить съ вами, какъ требуютъ обстоятельства; «но вы должны перенести терпѣливо и сознаться во всемъ, «показать истинную правду и тогда надѣяться на мое ми«лосердіе». Изъ этихъ словъ Государя, я въ первый разъ услышалъ о злоумышленномъ обществѣ и, бывъ пораженъ до глубины души и сердца, пришелъ въ испугъ, отъ котораго въ одно мгновеніе припадокъ болѣзни моей возобновился. Не имѣвъ никакого умысла, не зная даже въ чемъ состояло злоумышленіе, я помнилъ только послѣднія слова Монарха: «перенести терпѣливо и показать ис-

тинную правду, и тогда надѣяться на его милосердіе». Я понялъ слова эти въ такомъ смыслѣ, что мнѣ надобно тотчасъ отвѣчать, и я началъ было говорить...; но Государь, поднявъ указательный палецъ правой руки, грознымъ тономъ приказалъ мнѣ: «молчать!» Тогда еще болѣе я почувствовалъ тягостнымъ мое положеніе, и припадокъ мой развился до жесточайшей степени: сердце во мнѣ сильно трепетало, кровь давила въ головѣ мозгъ, я остолбенѣлъ, лицо мое пришло въ судорожное движеніе, глаза сдѣлались дики... Государь, стоя близко противъ меня и пристально вглядываясь мнѣ въ лицо, приказалъ арестовать меня и удалился въ другую комнату.

Въ тоже мгновеніе подбѣжалъ ко мнѣ генералъ-адъютантъ *Л.*, выхватившій салфетку у лакея. Онъ началъ ею вязать мнѣ руки назадъ и издѣвался надо мной. При этомъ лѣвую руку мою, которая въ трехъ мѣстахъ прострѣлена, онъ такъ сильно погнулъ, что я отъ боли не вытерпѣлъ и вскрикнулъ; но онъ, насмѣхаясь, приговаривалъ: «а! а на площади она хорошо дѣйствовала!» Государь, находясь въ ближайшей комнатѣ, нѣсколько разъ отворялъ дверь и взглядывалъ на меня. Проходившіе мимо, знавшіе меня, генералы съ удивленіемъ смотрѣли на меня; тутъ видѣлъ я и герцога Александра Виртембергскаго, котораго Государь, вышедъ изъ другой комнаты и называя дядюшкой, увелъ подъ руку съ собой. Мнѣ казалось, что можетъ быть и всѣ также издѣваются надо мной, какъ издѣвался генералъ *Л.*—Я, не сдѣлавшій во всю жизнь мою ни одного безчестнаго поступка, стоя съ связанными назадъ руками, неожиданно впалъ въ столь ужасное положеніе, что отъ стыда и совѣсти совершенно потерялся, остолбенѣлъ, ничего не помнилъ, глядѣлъ и ничего не видѣлъ, наконецъ глаза у меня начали тускнуть, и я нѣсколько разъ падалъ. Меня поддерживали, поднимали придворные лакеи; докторъ давалъ мнѣ воды, и я то опомнивался, то приходилъ опять въ безпамятство. Въ это время я, какъ величайшаго блага, желалъ скорѣйшей смерти. Пусть всякій представитъ себѣ мое положеніе и, по совѣсти, скажетъ, могъ ли я быть въ лучшемъ состояніи силъ душевныхъ и тѣлесныхъ?

Едва я пришелъ въ положеніе, что могъ говорить, генералъ *Л.* началъ снимать съ меня показанія. Въ страдальческомъ состояніи моемъ, я на все соглашался, что онъ писалъ. Но когда дошло до вопроса, будто я находился 14-го Декабря въ толпѣ на Сенатской площади и былъ съ пистолетомъ въ рукахъ, я опамятовался и долго возражалъ. *Л.* домогался выпудить у меня сознаніе въ томъ, чего вовсе не было; когда же я просилъ его, чтобы напрасно не губилъ меня, онъ съ оскорбленіями грозилъ мнѣ, что будутъ

меня пытать, мучить, сѣчь и тому подобное. На все это я принужденъ былъ молчать. Тутъ случилось новое обстоятельство, которое дало генералу *Л.* еще болѣе смѣлости выпытывать изъ меня небывалое преступленіе. Когда полиціймейстеръ *Чихачевъ*, взявъ меня изъ квартиры, привезъ къ оберъ-полиціймейстеру, въ то время онъ, *Чихачевъ*, возвратился въ мою квартиру и все въ ней пересмотрѣлъ: ящики въ столахъ, комоды, шкапы, сундуки и, перетряся мою постель, нашелъ подъ подушкой пистолетъ, о которомъ я говорилъ, взялъ всѣ мои бумаги и пистолетъ и привезъ ихъ въ зимній дворецъ. Въ бумагахъ ничего не найдено подозрительнаго; но пистолетъ принятъ былъ генераломъ *Л.* за явную улику противъ меня. Я объяснилъ подробно, по какому случаю былъ у меня пистолетъ подъ подушкой; указывалъ на то, что онъ безъ кремня, что ничтожная частица пороха и таможенная пломба не составляютъ заряда; просилъ отвинтить казенный щурупъ и удостовѣриться въ истинѣ моего показанія. Сверхъ того въ дулѣ находилась большая сухая ржавчина, которая, равно какъ и все дуло, покрылись бы отпотью и пороховою сажею, еслибы изъ пистолета сдѣланъ былъ хоть одинъ выстрѣлъ. Но генералъ *Л.* ничему не внималъ и, не смотря на всѣ увѣренія мои, говорилъ: «Вздоръ! у васъ былъ пистолетъ; вы имъ дѣйствовали!» При этомъ онъ повторялъ прежнія угрозы пыткой и мученьями, все добиваясь до того, чтобы исторгнуть изъ меня несправедливое показаніе на самого себя. Наконецъ, онъ довелъ меня до того, что я лишился послѣдней твердости и пришелъ въ совершенное отчаяніе. Мнѣ подумалось, что смерть для меня сто кратъ лучше такого наругательства; я сказалъ ему: «Генералъ! вы хотите погубить меня; вы хотите, чтобы я непремѣнно показалъ ложно, что у меня былъ «пистолетъ, когда я подходилъ къ толпѣ; извольте, губите «меня; вы будете отвѣчать передъ Богомъ; я удовлетворяю «васъ, хоть ложно; ну, говорю, былъ у меня пистолетъ». Тогда *Л.*, обрадовавшись, спросилъ: «Гдѣ онъ у васъ былъ?» Я отвѣчалъ, что въ карманѣ, въ панталонахъ. Онъ съ восторгомъ записалъ это, не смотря на то, что показаніе мое вовсе невѣроятно и несбыточно: ибо я былъ 14-го Декабря въ томъ видѣ, какъ пріѣхалъ въ печальную комиссію, въ мундирѣ и узкихъ панталонахъ, имѣя сверху теплый сертукъ, и не только въ карманахъ панталонъ, но и въ сертукѣ не могло помѣститься пистолета. Я же пріѣхалъ ко дворцу, еще не зная и не слышавъ ни о какомъ безпорядкѣ на Сенатской площади, а потому и брать съ собою пистолета не имѣлъ никакой надобности.

Записавъ показанія мои, генералъ *Л.* передалъ меня другому, неизвѣстному мнѣ генералу. Не помню, спрашивалъ

ли онъ меня о чемъ; но я, въ совершенномъ разстройствѣ, безпрестанно твердилъ: «вынудилъ отъ меня на самого себя «ложное показаніе, чтобы предать меня поносной смерти; «такъ, я умру, умру!» Генералъ сказалъ мнѣ: «подпишите». Я подписалъ. «Вы изъ тѣхъ *Горскихъ*?»—спросилъ меня тотъ же генералъ—«что въ Вильнѣ?» Но я, чтобы не нанести и другимъ *Горскимъ* бѣды, отрекся. Послѣ того меня повели изъ дворца, посадили въ сани и, за карауломъ, отвезли въ крѣпость.

Тамъ сначала представили меня коменданту, безногому генералу *Сукину*. Увидѣвъ меня блѣднаго, съ дикими глазами, съ судорожнымъ лицомъ, въ полномъ разстройствѣ умственныхъ силъ, комендантъ, по благородству великой души своей, съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на меня, утѣшалъ, ободрялъ. Отъ коменданта увели меня и посадили въ Алексѣевскій равелинъ, сняли мое платье, надѣли на меня грубое бѣлье и халатъ сѣраго коровьяго сукна. Стыдясь самого себя въ этомъ нарядѣ, я пришелъ еще въ большій ужасъ отъ моего положенія. Отчаяніе повергло меня въ какое-то дикое безуміе, я впалъ въ судороги, лишился памяти и былъ долго въ обморокѣ. Очувствовавшись, я кричалъ, самъ не знаю что, доколѣ не повторился обморокъ. Кровь лилась у меня носомъ и ртомъ. Медикъ открылъ мнѣ кровь изъ лѣвой руки, и кровотеченіе унялось. Положеніе мое представилось мнѣ во всемъ его ужасѣ. Я видѣлъ, что ложное показаніе, вынужденное отъ меня генераломъ *Л.*, погубитъ меня навсегда, и жизнь моя если тотчасъ не прекратится, то останется во мнѣ только для мученій; видѣлъ и не ошибся: ибо все это, къ несчастію, совершилось надо мной.

Еще не успокоились мысли мои, путавшіяся и блуждавшія въ безпорядкѣ, какъ мнѣ представилось, что я могу, новымъ объясненіемъ, исправить вынужденное у меня показаніе. Для этого я просилъ принести мнѣ бумаги и чернилъ. Желаніе мое было исполнено, и самъ почтенный генералъ *Сукинъ* приказалъ привести себя ко мнѣ, въ казематъ. Видя меня въ волненіи, онъ, какъ ангелъ-хранитель, уговаривалъ меня не торопиться, не писать въ разстроенномъ состояніи, но подождать, доколѣ я успокоюсь и приду въ лучшее положеніе. Но тоже болѣзненное состояніе не допустило меня воспользоваться спасительнымъ совѣтомъ. Я принялся писать и писалъ смутно, несвладно, перепуталъ случившуюся со мной исторію; объяснилъ вынужденное отъ меня генераломъ показаніе, написалъ, будтобы пистолетъ былъ со мною для охраненія себя въ случаѣ нападенія черни, и такимъ неловкимъ объясненіемъ ложь подтвердилъ ложью. Тогда же я написалъ письмо къ генералу, въ которомъ просилъ его исправить вынужден-

ное имъ показаніе мое и присовокупилъ, что если онъ этого не сдѣлаетъ и я подвергнусь несчастію, то Богъ, по правосудію Своему, взыщетъ съ него самаго, съ дѣтей и внуковъ его.

По прошествіи долгаго времени со дня моего заключенія, меня потребовали въ Слѣдственную Комиссію. Здѣсь я рѣшительно отрекся отъ вынужденнаго отъ меня показанія; но бывшій тутъ генералъ, въ присутствіи всѣхъ членовъ Комиссіи, смѣялся и издѣвался надо мной, тогда какъ я едва держался на ногахъ. Угрожая мнѣ, что я, за отрицаніе отъ своего показанія, буду подвергнутъ пыткѣ и, позволяя себѣ разныя на мой счетъ выраженія, показывалъ рукою, подымая ее вверхъ и махая, какъ меня будутъ пытать и сѣчь. Перенося эти оскорбительныя угрозы, дѣланныя мнѣ въ присутствіи Комиссіи, я потерялъ всякое упованіе на защиту законовъ. Тогда привели *Пущина*, который объявилъ, будто «я просилъ у него пороха, чтобы заря«дить пистолетъ, котораго впрочемъ онъ не видалъ у меня«ня; но будто бы я, проходя мимо него, сказывалъ, что у «меня въ карманѣ есть пистолетъ». *Пущина* дѣйствительно я видѣлъ, стоявшаго недалеко отъ толпы, съ пистолетомъ въ рукахъ; онъ былъ пьянъ до безобразія; я же ни одного слова не сказалъ ему, а только, проходя мимо и остановившись противъ него, съ удивленіемъ смотрѣлъ на дѣлаемыя имъ гримасы. Я видѣлъ также, что къ нему подбѣгали, вѣроятно, сообщники его и, поговоривъ съ нимъ, скрывались въ толпѣ. Или изъ нихъ кто-нибудь просилъ пороха и говорилъ ему, что имѣетъ пистолетъ въ карманѣ, а онъ послѣ не помнилъ, кто это говорилъ, и перепуталъ имена; или онъ выдумалъ на меня это изъ злобы, за то, что я съ отца его взыскивалъ, черезъ полицію, 30 т. рублей, которыя онъ занималъ у меня. Послѣ того всѣ члены Слѣдственной Комиссіи, по два и по три, вмѣстѣ спрашивали меня о разныхъ предметахъ; но какъ я ничего не зналъ ни о злоумышленіи, ни о дѣйствіяхъ мятежниковъ, кромѣ того, что видѣлъ на Сенатской площади, то и не могъ болѣе ни о чемъ показать. Тогда генералъ-адъютантъ *Голенищевъ-Кутузовъ* неловко сказалъ мнѣ: «Такъ вы, вѣрно, подходили къ мятеж«никамъ на Сенатской площади, чтобы съ ними вмѣстѣ ид«ти грабить дома?» Отъ этихъ оскорбительныхъ словъ сердце во мнѣ сильно забилось, ноги подкосились, и я лишился всѣхъ силъ: меня подхватили и поддерживали. Хотя *Голенищевъ-Кутузовъ* перемѣнилъ тонъ и началъ говорить вѣжливо, но я уже не въ состояніи былъ отвѣчать. Меня утащили изъ Комиссіи и, не помню какъ, привезли обратно въ казематъ *).

*) На сколько правды во всемъ этомъ повѣствованіи и какого именно Пущина разумѣлъ повѣствователь, опредѣлить не беремся. *П. Б.*

Съ тѣхъ поръ припадки мои: біеніе сердца, раздраженіе мозга, безпамятство, столбнякъ, судороги и долговременные обмороки не оставляли меня. Черезъ нѣсколько дней дали мнѣ вопросные пункты, на которые я, въ болѣзненномъ положеніи моемъ, отвѣчалъ, мѣшаясь въ мѣсяцахъ, и по прежнему писалъ противъ самаго себя. То желалъ я, чтобы скорѣе лишили меня жизни, то хотѣлъ оправдываться, и началъ совершенно теряться въ разсудкѣ. Къ тому же у меня отнялись и ноги. Меня перемѣстили въ военно-сухопутный госпиталь.

Въ госпиталѣ, отъ разныхъ причинъ, физическихъ и нравственныхъ, страдая душевно и тѣлесно, я подвергся еще большему разслабленію умственныхъ силъ. Этому особенно способствовали бывшіе личные враги мои: смотритель госпиталя 5-го класса *Шмидтъ* и, служившій прежде въ артилеріи, исправлявшій должность смотрителя, подполковникъ *Выдомскій*. Они оклеветали меня передъ военнымъ министромъ графомъ *Татищевымъ*, описавъ меня безпокойнымъ человѣкомъ; можетъ быть я, въ болѣзняхъ моихъ, и дѣйствительно наносилъ имъ безпокойство. Въ слѣдствіе этого, не смотря на разстроенное и тяжкое положеніе мое, въ Январѣ 1827 года, въ ночное время, меня увезли въ Сибирь, закутаннаго въ однѣ госпитальныя вещи. *Шмидтъ* и *Выдомскій* не позволили мнѣ даже послать кого-либо на квартиру мою, чтобы взять платье мое, приличное зимнему времени.

Меня привезли въ Березовъ. Тамъ пробылъ я пять лѣтъ, въ жестокомъ климатѣ, перенося, при болѣзненномъ положеніи моемъ, холодъ и всякія лишенія. Притомъ Тобольскій губернаторъ *Бантышъ-Каменскій*, не понявъ полученнаго обо мнѣ повелѣнія, которымъ требовалось только учредить за мною надзоръ, предписалъ приставить ко мнѣ караулъ, подъ которымъ я и находился во все время бытности моей въ Березовѣ. Сверхъ того въ предписаніяхъ обо мнѣ изъ Петербурга вовсе не было объяснено, за что я высланъ на жительство въ Сибирь, а въ приговорѣ Верховнаго Уголовнаго Суда на счетъ меня сказано только: «О *Горскомъ* «же, какъ не вошедшемъ ни въ какой разрядъ, представ«ляется при семъ выписка изъ особаго протокола, о немъ «состоявшагося». Изъ этого видно, что и Верховный Уголовный Судъ не смѣшалъ меня съ дѣйствительными преступниками; но тѣмъ не менѣе въ Сибири считали меня не иначе, какъ *декабристомъ*. Отобраніе же отъ меня полиціймейстеромъ *Чихачевымъ* всѣхъ бумагъ, въ томъ числѣ атестатовъ и грамотъ, которые не возвращены мнѣ, поставило меня въ какое-то сомнительное положеніе, такъ что на-

чальство въ Сибири нѣсколько разъ спрашивало меня, имѣю ли я акты на ордена, которые ношу *). Получая только 1200 руб. асс. пенсіи и бѣдствуя въ нищетѣ, съ шестью малолѣтными дѣтьми, я, хотя просилъ объ опредѣленіи меня, по примѣру полковника *Александра Муравьева*, въ предсѣдатели губернскаго правленія, казенной палаты или губернскаго суда, въ какой-либо Сибирской губерніи, но всѣ просьбы мои оставляются безъ удовлетворенія. Многіе уже изъ дѣйствительно-виновныхъ получили облегченіе въ участи, или даже помилованы, а я одинъ забытъ, вовсе непричастный преступленію....., **).

(*Изъ бумагъ тайнаго совѣтника Михаила Максимовича Попова*).

---

*) *Горскій* имѣлъ ордена: св. Анны 2-й ст., съ алмазными украшеніями, св. Георгія 4-й, Владиміра 4-й, съ бантомъ, золотую шпагу за храбрость, и знакъ отличія военнаго ордена св. Георгія.

**) Въ 1831 году онъ переведенъ былъ изъ Березова въ Тару, Тобольской же губерніи, а въ Маѣ 1833 года — въ Омскъ. Въ этомъ городѣ онъ и умеръ 7-го Іюля 1849 года, семидесяти пяти лѣтъ.

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

ХУДОЖНИКА В. А. БОРОВИКОВСКАГО.

1819-й годъ [1]).

Мая 18-го. Воскресенье. Послѣ обѣда, въ Михайловскомъ увидѣлся со всѣми свободно. При пѣніи: «Царство ты, царство», приходилъ въ сокрушеніе, и слезы лились. Продолжалъ много пѣть. И Никита Ивановичъ началъ въ платьѣ [2]), и я скоро ему продолжалъ подражать. Продолжительно одинъ разъ такъ отличились! Прорекалъ Никита Ивановичъ много милостей. Чувствовалъ себя въ покойномъ положеніи.

21-го. Середа. Во 2-мъ часу началось, кончилось въ 5-ть. Продолжали обѣдать. И Е(катерина) Ф(илиповна) многимъ пророчествовала и мнѣ.

23-го. Пятокъ. Послѣ обѣда былъ въ Михайловскомъ; видѣлся со всѣми. Особенно одолжаетъ меня своею любовію Алексѣй Григорьевичъ; напротивъ Мартынъ Степановичъ и *Бутовскій*, *Чумаковскій* Ефимъ Ивановичъ.....

25-го. Воскресенье, Пятидесятница. Пришелъ въ Михайловскій и засталъ уже давно прод(олжающихъ). Е. Ф. подала мнѣ рубашку, и я прод(олжалъ) одинъ часъ.

26-го. Понедѣльникъ. Вчера положили, чтобы пріобщиться, такъ и читалъ обыкновенные каноны ко прес(вятымъ): С(вятому) Духу, Іисусу и Маріи, святому ангелу-хранителю и ко св. причастію. Въ 6 мъ часу по утру обык(новенныя) молитвы, часы и къ св. причащенію молитвы. Пришелъ въ военносиротскую церковь, исповѣдался у отца Алексѣя [3]). Мартынъ Степановичъ далъ 25 рублей, въ память, что я сегодня пріобщенъ къ братству.

[1]) Печатается съ подлинной (сбивчиво написанной) тетрадки, полученной изъ бумагъ покойнаго тайнаго совѣтника Михаила Максимовича Попова. Нижеслѣдующая статья о духовномъ союзѣ Татариновой, коего славный портретистъ и иконописецъ былъ дѣятельнымъ членомъ, служитъ объясненіемъ этихъ отрывочныхъ замѣтокъ.) *П. Б.*

[2]) Т. е. въ бѣломъ балахонѣ.

[3]) Малова?

27-го. Вторникъ. Пообѣдалъ съ новокрещеннымъ Михаиломъ Мартыновичемъ, который принятъ, по крещеніи, въ братство; какъ и (во) спріемникомъ былъ М(артынъ) С(тепановичъ). Но все время (онъ), какъ послѣ открылось, онъ былъ у митрополита Михаила, и обо всемъ пересказалъ, что у насъ дѣлается. Потому, видно, онъ былъ, и коротко познакомился съ отцомъ Алексѣемъ, нашимъ духовникомъ, который наказывалъ черезъ него, чтобы побывалъ. Пришелъ я къ нему; но что-то сдѣлалось мнѣ крайне затруднительно. Сильно скучно, что я не въ Михайловскомъ.

28-го. Середа. Обыкновенное служеніе отложено. Е(катерина) Ф(илиповна) нездорова. Продолжалъ у Д. Григорьевича, и потомъ, съ Павломъ Степановичемъ, заѣхалъ къ митрополиту: онъ въ параличѣ, безъ надежды.

Іюня 1-го. Воскресенье. Пришелъ въ два часа, засталъ и самъ прод(олжалъ) до 5-ти часовъ, обыкновенно; и, по обѣдѣ, слушалъ Е(катерины) Ф(илиповны) продолженіе, милосердное, обѣтованія исполненное, и тѣмъ чувствовалъ миръ.

4-го. Былъ въ Михайловскомъ: началось въ 2 часа и продолжалось до 5-ти; не чувствовалъ усталости.

8-го. Воскресенье. Послѣ обѣда пришелъ въ Михайловскій; увидѣлся съ Март(ыномъ) С(тепановичемъ). Онъ все, что ни скажу ему, (онъ) съ презрѣніемъ отвергаетъ. Продолжали пѣть пахань [4]). Пророчествовала Лукерія, но не могла всѣмъ. Начала Е(катерина) Ф(илиповна), продолжала; но также остановилась. Послѣ позвала меня къ себѣ и продолжала пророкать многія обѣтованія, и что Господь устроитъ жизнь мою во дворцѣ. Чувствовалъ теплоту сердечную, со всѣми любовно распростился; но дома все пилъ съ ромомъ.

11-го. Середа. *Лохвицкій* началъ кричать голую клевету на наше сословіе. Отъ огорченія и напряженія ему возражать и обличать его ложь, воспалился гнѣвомъ; а онъ прекращалъ лестію. Въ два часа засталъ начавшихъ, и самъ тутъ же, и продолжалъ до 5-ти часовъ. Ввечеру все пилъ съ ромомъ.

13-го. Пришелъ М(артынъ) С(тепановичъ). Съ обыкновенною любовію пересказалъ ему о *Лофицкомъ*, и что Е(катерина) Ф(илиповна) хотѣла мнѣ сказать (въ) прошедшую середу, что побѣжу, явно обличу, что и исполнилось.

15-го. Воскресенье. Слушалъ обѣдню въ Казанской. *Тузовъ* объявилъ мнѣ войну безсовѣстную; чувствовалъ огорченіе. Послѣ обѣда, въ четыре часа, увидѣлся съ М(артыномъ) С(тепановичемъ) и продолжалъ. Собрались; обыкновенно

---

4) ?

пѣли. Никита Иваповичъ прорекалъ. Е(катерина) Ф(илиповна), больная, вышла въ собраніе и много и мнѣ милосердыхъ обѣтованій изрекла. Обращались въ молитвѣ.

18-го. Середа. Е(катерина) Ф(илиповна) прорекала и много милостей съ 2-хъ до 5-ти часовъ.

22-го. Воскресенье. Послѣ обѣда засталъ полное собраніе и *Слуцкаго* (въ) первый разъ увидѣлъ, послѣ какъ онъ поколебался и не приходилъ, и слушалъ слово черезъ Д. Ив(ановича).

25-го. Середа. Въ 2 (часа) началось, продолжалось до 6-ти.

Іюля 2-го. Середа. Въ два (часа) началось и прод(олжалось) до 5-ти.

6-го. Послѣ обѣда, увидѣлся съ Мар(тыномъ С(тепановичемъ), и онъ сильно притѣсняетъ нелюбовнымъ своимъ со мною обращеніемъ. Лукерія сказала, чтобы я шелъ къ Никитѣ Ивановичу. Тамъ увидѣлъ и Е(катерину) Ф(илиповну); она, какъ мать, приняла. Никита Ивановичъ потчивалъ чаемъ; но четвертую чашку большую наливаетъ, и сіе не въ первый разъ. Чувствовалъ, что онъ насмѣхается такъ: потому что я пью и съ водкою дома. Прод(олжалъ) проводить Е(катерину) Ф(илиповну); но чувствовалъ, что она едва только могла терпѣть, что я взялъ подъ ручку. И прод(олжалъ) слушать пророчества Д. И(вановича), и что я не долго проживу: на судъ пора предстать! По(шелъ) въ крайнемъ смущеніи и самъ себѣ какъ бы чуждъ, въ сомнѣніи, что я противенъ Е(катеринѣ) Ф(илиповнѣ). Дома пилъ чашку съ ромомъ.

9-го. Середа. Въ два (часа) началъ и до 5-ти часовъ. Е(катерины) Ф(илиповны), Ники(та) Ива(новича) и Мар(тына) С(тепановича) не было. Поспѣшилъ домой и пилъ съ ромомъ.

13-го Воскресенье. Послѣ обѣда былъ въ Михайловскомъ; видѣлъ Мар(тына) С(тепановича) и прочихъ, Е(катерину) Ф(илиповну).

16-го. Середа. Послѣ обѣда увидѣлся съ Е(катериной) Ф(илиповной), и она ко мнѣ лучше; но все не по прежнему ея взглядъ, и я чувствовалъ робость. Съ 2-хъ ч(асовъ) продолжалъ до 5-ти, и распрощался.

23-го. Середа. Въ одинъ часъ засталъ уже начавшихъ и прод(олжалъ) съ 2-хъ до 5-ти часовъ.

27-го. Воскресенье. Увидѣлся съ Мар(тыномъ) С(тепановичемъ). Онъ, по старому, кажется, мною недоволенъ. Былъ у *Липкина*, и тамъ собратія масоновъ и *Егоръ Андреевичъ Кушелевъ*.

Августа 3-го. Воскресенье. Въ Михайловскомъ, пообѣдавши, и въ два ч(аса) начали до 5-ти ча(совъ).

9-го Суббота. Ввечеру напился, въ облегченіе совѣсти, что завтра надобно быть въ Михайловскомъ.

10-го. Воскресенье. Въ 11-ть ча(совъ) пришелъ въ Михайловскій и засталъ на пѣніи. Началось пророчество, и мнѣ милосердіе, и необличающее. Продолжалось около часа, и распрощались.

11-го. Понедѣльникъ. Пришли Мар(тынъ) С(тепановичъ) и Алексѣй Григорьевичъ. Подарилъ четыре экземпляра для нихъ и для Е(катерины) Ф(илиповны) благовѣст. четырехъ евангел(истовъ).

17-го. Воскресенье. Поспѣшилъ, послѣ ранней обѣдни, и засталъ поющихъ. Пророчест(вовала) всѣмъ и мнѣ, милосердіе. Обращ(ался) къ молитвѣ. Е(катерина) Ф(илиповна) объявила, что она и Никит(а) Ив(ановичъ) поручаютъ Соборъ Март(ыну) Ст(епановичу), и чрезъ него, кому нужно, можетъ отнестись письменно. Прод(олжали) съ пол(овины) 1-го ч(аса) до 5-ти.

18-го. Понедѣльникъ. Для Ек(атерины) Ф(илиповны) писать картину: пророчествующаго Ник(ита) Ив(ановича), а она съ проч(ими), и я тутъ же, на колѣнахъ. Съ Степ(аномъ) Артем(ьевичемъ) *Безсонов(ымъ)* увидѣлся, и толковали объ образахъ для *Троицкаго*.

19-го. Вторникъ. Пообѣдавши, отдыхалъ. Сказали Март(ынъ) С(тепановичъ). Поспѣшилъ и увидѣлъ Е(катерину) Ф(илиповну) и, отъ преданности Господу, поклонился ей до земли. Смотрѣла картину и была довольна. Предложилъ ей меду послать; но она не хотѣла. Поспѣшилъ, чтобъ выпила чашку. О квартирѣ напомнила, чтобы надѣялся на Господа, и святая ея душа изливалась просто, въ свободѣ и любви.

24-го. Воскресенье. Въ Михайловскомъ засталъ поющихъ и обращался къ молитвѣ. Чувст(вовалъ) мое осужденіе и ожидалъ облегченія. Но слово милосердное наконецъ напомнило, чтобы я въ радѣніи сокрушался о грѣхалъ моихъ, что я принялъ не иначе, какъ напоминаніе моего паденія. Продолжалъ прилежно и легко. Пообѣдалъ, и Е(катерина) Ф(илиповна) довольно показала ко мнѣ матерней любви.

31-го. Воскресенье. Послѣ ранней обѣдни, поспѣшилъ и засталъ въ полномъ собраніи поющихъ, и мнѣ слово милостивое, и какая-то тетеря обезпокоитъ меня, и что приведу одну душу въ братство. Прод(олжалъ) около 3-хъ ч(асовъ), безъ усталости. Обѣдалъ съ проч(ими) и, (с)верхъ чаянія, Е(катерина) Ф(илиповна) сама несетъ чашку супу и поставила передо мною съ любовію. Я, въ невѣжествѣ моемъ, никакого соотвѣтствія наружнаго. Март(ынъ) Ст(епановичъ) тутъ сказалъ мнѣ, чтобы я замѣтилъ. Послѣ обѣда Никит(а) Ива(новичъ) зоветъ къ себѣ чай пить, съ про(чими). И поужинавши, Е(катерина) Ф(илиповна) съ матернею ко мнѣ любовію, и всѣ также.

Сентября 4-го. Март(ынъ) Ст(епановичъ) прислалъ записку, чтобы порекомендовать, кто бы написалъ голубя въ Новомъ Соборѣ. Порекомендовалъ, и самъ увидѣлся съ Е(катериной) Ф(илиповной). Прод(олжалось) пѣніе, и мнѣ милосердное слово.

6-го. Суббота. Съ Яковомъ Алексѣевичемъ пообѣдавши. Только что успулъ, сказали Март(ынъ) Ст(епановичъ). Вышелъ, и увидѣлъ тутъ и Е(катерину) Ф(илиповну). Прод(олжалъ) въ свободѣ. Чувствовалъ съ любовью. Е(катерина) Ф(илиповна) проговорила, что квартира прекрасная для меня готова и что я могу переѣхать. Хотя еще и не опредѣлено, но все равно: князь взялся и сдѣлаетъ. Я чувст(вовалъ) благодарность (къ) Господу, за ея любовь матернюю. Постояла на натурѣ: поправилъ мало лицо ея, при томъ сказалъ объ Яковѣ Алексѣевичѣ. Она пожелала съ нимъ познакомиться. Онъ явился и поцѣловалъ въ руку. Продолжала говорить съ нимъ о истинѣ. Онъ былъ свободенъ и отвѣчалъ разумно, по мудрости обык(новенныхъ) православныхъ, и потомъ распрощались. А въ передней еще прод(олжала) говорить о истинѣ. И Март(ынъ) Ст(епановичъ) также полюбили Якова Алексѣевича.

8-го. Понедѣльникъ. Суетился и переписалъ лицо мое на *Слуцкаго*; потому что Март(ынъ) Ст(епановичъ) сказалъ вчера, или прежде, что «*Слуцкаго* нѣтъ лица въ Соборѣ; очень жаль: «крайне-бы нужно, чтобы онъ тутъ былъ писанъ». И сіе сказалъ съ негодованіемъ; только что не выговорилъ, что твое тутъ не нужно, а его должно быть. И я разсматривалъ сіе долго, и наконецъ рѣшился: переписалъ, для удовлетворенія желанія Март(ына) Ст(епановича).

9-го. Вторникъ. Рано пришелъ Д. Ив(ановичъ) и взялъ картину Соборъ. Пришелъ съ затрудненіемъ. Увидѣлся съ Ник(итой) Ив(ановичемъ): онъ ко мнѣ съ любовью, и я чувствовалъ къ нему. Пришелъ въ Новый Соборъ; началось уже пѣніе. Март(ынъ) Ст(епановичъ) очень похвалилъ, что написалъ, вмѣсто себя, *Слуцкаго*; и Е(катерина) Ф(илиповна) также. Прод(олжали) пѣть. Ник(ита) Ив(ановичъ) принесъ воду, взялъ въ руки крестъ; пропѣли: «Спаси Господи, во Іордани крещающуся», а передъ тѣмъ молилъ въ духѣ, и цѣловали крестъ. Продол(жалъ) слово, и я названъ тетерею, и «цамъ тебѣ хату». Такія наименованія чувствовалъ я съ подозрѣніемъ, какъ бы сказано съ намѣреніемъ посмѣяться въ моей бѣдности. Началось обык(новенно); я прод(олжалъ) и все пришлъ равнодушно. Но Козьма сдѣлалъ мнѣ выговоръ, чтобы я не приходилъ на то мѣсто. Симъ сильно возмутилъ духъ, и я пришелъ въ крайнее уныніе: хоть вонъ выходить. По окончаніи, хотѣлъ съ прочими уйти; но Ник(ита) Ив(ановичъ) сказалъ ужинать, потомъ и Е(катерина) Ф(илиповна)

сказала. Терпѣлъ съ крайнимъ притѣсненіемъ; ожидать, а потомъ ужинать. Распростился.

11-го. Четвергъ. Пришелъ Ник(ита) Ив(ановичъ), съ картиною, Соборомъ, чтобы его лицо поправилъ. И исполнилъ сіе принужденно. Чувствовалъ негодованіе, онъ тутъ же и взялъ, отдалъ. Чувствовалъ непріятность подобныхъ занятій. Пришелъ *Безсоновъ*, и чтобъ поправилъ голубка, но за то ему ничего, и мнѣ ни слова никто не сказалъ. Все сіе мнѣ не по сердцу и не по головѣ.

14-го. Воскресенье. Послѣ обѣдни пришелъ въ Михайловскій, къ Ник(итѣ) Ив(ановичу). И началось пѣніе. Чувствовалъ стѣсненіе многоразличнымъ образомъ. Началось съ 12-ти ч(асовъ) по 4-е, и я чувствовалъ легкость. Пилъ чай у Ник(иты) Ив(ановича), и ожидалъ слышать слово, но не было. И такъ, всѣ мнѣ кажутся чужды, а особливо Март(ынъ) Ст(епановичъ): одно высокомѣріе, гордость и презрѣніе. Ни одного нѣтъ ко мнѣ искренняго, и я ни одного и не усматриваю, которому бы я хотѣлъ подражать. И такъ, съ крайнимъ огорченіемъ, унынiемъ и безнадежностію, по(шелъ) домой, ожидать моего отверженія, и чѣмъ кончится?

21-го. Воскресенье. Поспѣшилъ, и съ часу до 5-ти продолжалъ и слушалъ пророчество милосердное. Я ожидалъ осужденія грѣховъ моихъ, ради прод(олженія). Екат(ерина) Ф(илиповна) очень съ любовію, и заплатила за раму 15 рублей, да 15 за чай какой-то. Я взялъ не противясь. Е(катерина) Ф(илиповна) уговаривала, чтобы всегда къ ней приходилъ, а то я какъ чужой. Поужинавши, отдалъ Март(ыну) С(тепановичу) 10 рублей, не помню за что, да Лукерьѣ за мытье рубашки.

22-го. Понедѣльникъ. Князь Александръ Ник(олаевичъ) *Голицынъ* зашелъ. Я былъ въ робости. Онъ съ любовію предлагаетъ, чтобы завтра начать портретъ Родіона Александровича [5]). Былъ у Екат(ерины) Филиповны и продолжалъ слушать, къ назиданію моему, и что завтра обѣщалъ быть у Родіона Алек(сандровича). Она не совѣтовала; но я далъ слово и не былъ готовъ перемѣнить.

23-го. Вторникъ. Былъ у *Кошелева*. Но встрѣтилъ лакея, что завтра просить въ 10-ть часовъ. Такъ и исполнилось Е(катерины) Ф(илиповны) слово. *Лохвицкій* продолжалъ, что слухъ носится, что князь *Голицынъ* съ *Филаретомъ* хотятъ составить новое христіанское сословіе, въ противность масоновъ. Я слушалъ, и онъ мнѣ не по сердцу и не по головѣ.

26-го. Въ 5-мъ часу увидѣлся съ Е(катериной) Ф(илиповной) и продолжалъ, чувствуя матерню(ю) ея любовь и мою бѣдность. Открылось слово и мнѣ премилосердное;

---

[5]) Кошелева.

многія обѣтованія. Обращ(алось) къ молитвѣ и сокрушалось окаменѣнное мое сердце: чувствовалъ преданность Господу.

28-го. Воскресенье. Въ два ч(аса) началось и прод(олжалось) до 5-ти. Мало голова кружилась и лѣность. Навѣдывалась, и слово продолжит(ельное). Обращаясь къ молит(вѣ), слушалъ. Пообѣдалъ и потомъ пилъ, со всѣми и Е(катериной) Ф(илиповной), чай. Распрощался.

1824-й годъ.

Февраля 3-го. Воскресенье. Пріѣхалъ; увидѣлся со всѣми, пресвободно, какъ бы забылъ все. И продолжали пѣть, съ любовію и свободно. Сѣли за столъ. Увидѣлъ Е(катерину) Ф(илиповну); чувствовалъ великую мою бѣдность и ея снисхожденіе. До обѣда и послѣ пѣли въ единодушіи, а потомъ распрощались. Отдыхалъ мало, и прод(олжалъ) пѣть много. Увидѣлся съ Екатериною. Началось слово и мнѣ премилосердное, покрывающее, а не обличающее мерзости моего сердца; потомъ повтореніе, и мнѣ премилосерднѣйшее. Обращ(ался) къ молитвѣ, и сокрушеніе сердца, слезы вынуждались: чувствовалъ любовь, съ преданностію, къ Е(катеринѣ) Фили(повнѣ). И мнѣ казалось, что она то знаетъ, потому что Богъ ею владѣетъ. Распрощались и съ Алек(сѣемъ) Григорь(евичемъ) скоро, на извощикѣ прокатились.

24-го. Воскресенье. Увидѣлся со всѣми, въ свободѣ. Продолжалъ пѣть и то и сё. Мартынъ Степановичъ сказалъ, что Петръ Ф(илиповичъ) пророкъ. Я обращался къ молитвѣ объ немъ; но съ нимъ ни слова, и чувствовалъ отъ него отдаленіе. Равнодушно увидѣлись съ Е(катериной) Ф(илиповной), и я не смѣлъ подойтить, и она какъ (бы) не хотѣла. Продолжали пѣть; и открылось пророчество Евгенія Александровича [6]), и потомъ общее: «Плачу и рыдаю». Сказали, что я могу пѣть. Такъ и принужденъ пѣть. Возлѣ Е(катерины) Ф(илиповны) ничего не вижу. Сначала кое-какъ, а потомъ робѣть, и больше, и кое-какъ допѣлъ; а никто не помогъ. Е(катерина) Ф(илиповна) сказала: «на послѣднее мѣсто садился бы». Такъ и сѣлъ, и робѣлъ, и еще пѣлъ: «Іисусе мой, прелюбезный сердцу, сладость». И потомъ началъ Петръ Ф(илиповичъ) (въ) первый разъ пророчествовать, всѣмъ и мнѣ, и «царско сердце обовью», и все любовь и милосердіе. И потомъ Е(катерина) Ф(илиповна) еще, и мнѣ премилосердное, прорекла; при прощаньи показала любовь: «крылуш(ки) скоро привью, буду летать». Прод(олжалъ) на верху, и память въ моей робости; во мнѣ все напоминалось, и я въ тупости находился. И со всѣми простился.

---

[6]) Головина. См. выше, въ этой книгѣ, стр. 9.

О ДУХОВНОМЪ СОЮЗѢ Е. Ф. ТАТАРИНОВОЙ.

По кончинѣ Императора Павла, въ Михайловскомъ Замкѣ оставлены были на жительствѣ нѣкоторыя изъ лицъ, занимавшихъ служительскія должности при его Дворѣ. Тамъ же были отводимы, по особымъ повелѣніямъ, помѣщенія разнымъ лицамъ, которыя, по какому либо случаю, удостоились Царскаго вниманія.

Въ числѣ послѣднихъ, послѣ смерти первой дочери Императора Александра 1-го, младенца Великой Княжны Маріи, была дана квартира въ Михайловскомъ Замкѣ бывшей при ней нянею вдовѣ полковника или статскаго совѣтника Буксгевдена.

Г-жа Буксгевденъ пользовалась особымъ вниманіемъ Августѣйшаго Дома; мать ея, баронесса Мальтицъ, находилась при Дворѣ Великой Екатерины, братъ ея служилъ по дипломатической части и при Александрѣ былъ посланникомъ при разныхъ дворахъ. Отъ брака своего съ полковникомъ Буксгевденомъ она имѣла двухъ сыновей, Ивана Ѳедоровича и Петра Филипповича [1]) и дочь Екатерину Филипповну [2]. Иванъ Ѳедоровичъ служилъ въ Измайловскомъ полку, потомъ перешелъ въ армію и въ Бородинскомъ сраженіи убитъ у Багратіоновыхъ флешей, командуя Астраханскимъ гренадерскимъ

---

[1]) Разность отчества у двухъ родныхъ братьевъ весьма часто встрѣчается, или, по крайней мѣрѣ встрѣчалась въ прежнее время между Лютеранами изъ Русскихъ Нѣмцевъ: одинъ выбиралъ себѣ въ отчество одно изъ именъ своего отца, другой — другое.

[2]) Е. Ф. Татаринова, род. 29 Августа 1783 въ Сибири, на дорогѣ. Отецъ ея былъ директоромъ банка въ Тюмени. Въ 1790 она поступила въ Смольный монастырь, въ 1803 возвращена къ матери своей. Духовное ея поприще началось 27 Іюня 1815. Скончалась въ Москвѣ 12 Іюля 1856 и погребена на Пятницкомъ кладбищѣ. Могила ея находится по близости могилы Грановскаго. Эти свѣдѣнія получены отъ одного изъ усердныхъ чтителей ея памяти. *И. Б.*

полкомъ. *Петръ Филиповичъ*, служившій по инженерной части, въ послѣдствіи вышелъ въ отставку капитаномъ.

Сестра ихъ *Екатерина Филипповна* Татаринова, получивъ воспитаніе въ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ, вступила въ бракъ съ Иваномъ Михайловичемъ Татариновымъ, который въ 1812 году служилъ въ одномъ полку съ своимъ шуриномъ Иваномъ Ѳедоровичемъ и послѣ его смерти подъ Бородинымъ, хотя и самъ раненный, принялъ командованіе его Астраханскимъ полкомъ. Подъ Лейпцигомъ раненный въ грудь пулею, которую не могли вынуть, Татариновъ принужденъ былъ оставить боевую службу. Переименованный изъ полковниковъ въ статскіе совѣтники съ назначеніемъ не въ примѣръ другимъ пенсіи въ 2 тыс. руб., онъ былъ опредѣленъ директоромъ Рязанской гимназіи, но вскорѣ умеръ отъ послѣдствій своей мучительной раны.

Въ 1815 году Е. Ф. Татаринова переселилась въ Петербургъ къ своей матери въ Михайловскій Замокъ.

Петербургское общество переживало весьма странную эпоху: масонство смѣнялось піэтизмомъ; во всѣхъ слояхъ общества чувствовалось то вліяніе, котораго полнымъ выраженіемъ была г-жа Крюднеръ; исчезалъ взлелѣянный въ нашей молодежи Французскими эмигрантами вольтеріанизмъ; прятались и вывезенные нашими войсками изъ-заграницы карбонарство и либерализмъ; возникало *исканіе всемірной истины*, долженствовавшее объединить всѣ религіозныя убѣжденія, обобщить всѣ обряды богослужебные. Согласно съ этимъ направленіемъ, правительство оказывало величайшую вѣротерпимость, и самая скопческая ересь оставалась безъ преслѣдованія.

Въ эту эпоху исканія истины въ вѣрѣ (исканія искренняго со стороны увлеченныхъ современнымъ мистицизмомъ, лицемѣрнаго со стороны многихъ, добивавшихся лишь выгодъ) Е. Ф. Татаринова обратила на себя особенное вниманіе Петербургскаго общества. Вокругъ нея собиралась нищая братія, всюду отыскивала она лицъ нуждавшихся въ помощи, помогала кому деньгами, кому совѣтами или ходатайствомъ; въ особенности обращала заботливость на дѣтей. Не рѣдко приходившіе къ ней или къ матери ея гости заставали ее прислуживающею за своимъ столомъ нищимъ и, по примѣру ея, прислуживали имъ. Слава объ ея подвигахъ благотворенія все болѣе и болѣе распространялась. Татаринова не пренебрегала бесѣдами ни съ кѣмъ, особенно часто бесѣдовала со скопцами, посѣщала ихъ *корабли* (собранія) и присутствовала при пѣніи ими ихъ духовныхъ пѣсенъ (*стиховъ*), при ихъ духовныхъ пляскахъ (*радѣніяхъ*), даже при прорицаніи ихъ пророковъ и пророчицъ.

Наконецъ она рѣшилась оставить Лютеранское исповѣданіе, въ которомъ родилась и воспитывалась, и перейти въ

Православіе. Присоединеніе ея совершилось въ самый день Святаго Архангела Михаила, 8-го Ноября (1817 г.), въ церкви Михайловскаго Замка, посвященной имени сего Архангела, которому церковное преданіе приписываетъ особенное покровительство пророкамъ. По ея увѣренію, въ самую минуту своего присоединенія къ Православію, она почувствовала въ себѣ даръ пророчества.

Въ то время, во главѣ гражданскаго управленія духовнаго правительства нашей церкви стоялъ министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ, князь Александръ Николаевичъ Голицынъ, незабвенный въ исторіи нашей администраціи по своему просвѣщенному благодушію и незлобію при Дворѣ, по своей снисходительности къ заблужденіямъ въ дѣлѣ религіи, по своей искренней набожности, и по тѣмъ благодѣяніямъ, на совершеніе коихъ онъ единственно употреблялъ оказываемыя ему довѣріе и дружбу двухъ Царей. Князь А. Н. Голицынъ не оставилъ безъ вниманія Е. Ф. Татариновой; онъ лично познакомился съ нею, былъ глубоко тронутъ ея благотворительною дѣятельностію, и узнавъ, что, съ отъѣздомъ ея матери въ Лифляндію, она останется безъ крова, и что, послѣ смерти мужа, она не только не просила о продолженіи ей пенсіи, но даже не вытребовала заслуженнаго имъ жалованья, немедленно испросилъ для нея квартиру въ Михайловскомъ Замкѣ и пенсію изъ собственныхъ государевыхъ суммъ на 20-ть лѣтъ, по 6 тыс. руб. въ годъ.

Съ этого времени вполнѣ обрисовалась та дѣятельность, на которую себя готовила Татаринова. Первый, кажется, былъ призванъ ею ея братъ капитанъ Петръ *Буксгевденъ*, который „чрезъ нее возлюбилъ Спасителя и получилъ пророческій даръ." Потомъ составился около нея тѣсный кружокъ лицъ, знакомыхъ съ ея деверемъ Михайломъ Михайловичемъ *Татариновымъ* [3]). Татариновы и Бутовскій ввели въ этотъ кружокъ сыновей Черниговскаго помѣщика тайн. сов. Григорія Петровича *Милорадовича* [4]), отставнаго статскаго совѣтника Мартына Степановича *Пилецкаго-Урбановича* и извѣстнаго живописца академика *Боровиковскаго*. Къ этому же времени относится появленіе у г-жи Татариновой музыканта 1-го кадетскаго корпуса (въ послѣдствіи титулярнаго совѣтника) Никиты Ивановича *Ѳедорова*. Знакомство съ нею гофмейстера *Р. А. Кошелева* и д. ст. сов. *Григорія Попова* объясняется вліяніемъ князя Голицына, котораго первый былъ другомъ, а послѣдній подчиненнымъ.

---

[3]) Въ сороковыхъ годахъ статскій, совѣтникъ предсѣдатель 2-го департамента С.-Петербургской гражданской палаты.

[4]) Одинъ изъ нихъ Алексѣй, поручикъ Л. Гв. Семеновскаго полка, умеръ въ 1825 г. (о немъ въ Русск. Арх. 1864 г. стр. 624).

Е. Ф. Татаринова не стала болѣе таить „дѣла Божія.“ Бесѣды, на которыя собирался избранный кружокъ, открывались чтеніемъ священныхъ или отеческихъ писаній; потомъ на положенные Ѳедоровымъ напѣвы, большею частію простонародные, пѣлись канты духовнаго содержанія, иногда импровизируемые подъ ладъ простонародной рѣчи; затѣмъ начиналось *радѣніе*, т. е. круженіе на правую сторону сперва медленное, потомъ болѣе и болѣе учащенное и кончавшееся тѣмъ, что одинъ изъ кружащихся, почувствовавъ внушеніе *духа*, начиналъ пророкать *слово живое, слово пророческое*. Прорицаніе не рѣдко продолжалось болѣе часа и сопровождалось иногда такою поспѣшностію въ изверженіи словъ, что не только нельзя было предполагать предварительнаго подготовленія, но даже не всегда можно было услѣдить за связью и значеніемъ прорицаемаго.

Простонародное пѣніе, радѣніе и прорицаніе безсвязныхъ, отрывчатыхъ рѣченій, подъ складъ сказочныхъ прибаутокъ, носятъ явные признаки вліянія на Е. Ф. Татаринову ея знакомства съ скопческими *кораблями*. Любопытно, что и Ѳедоровъ, главный уставщикъ этихъ пѣснопѣній и едва ли не первый, послѣ нея, прорицатель пророческаго слова, также прежде водилъ знакомство со скопцами.

Бесѣды эти происходили почти явно въ одной изъ залъ Замка, въ которой на потолкѣ было живописное изображеніе Св. Духа въ видѣ голубя. Разсказывали, что на нихъ присутствовалъ иногда и князь Голицынъ и что къ нему также бывало обращаемо пророческое слово. Разсказывали также, что по порученію тогдашняго митрополита С.-Петербургскаго Михаила, извѣстный въ то время проповѣдникъ отецъ Маловъ не разъ присутствовалъ на бесѣдахъ, что и къ нему было обращаемо пророческое слово и даже, что онъ иногда плакалъ, слушая ихъ пѣсни....

Государю не безъизвѣстны были эти собранія. Ему угодно было лично видѣть г-жу Татаринову. Онъ принялъ ее благосклонно и послѣ продолжительной бесѣды милостиво отпустилъ. Ѳедоровъ также удостоился представленія ему и былъ пожалованъ чиномъ 14-го класса; наконецъ Государь явилъ знакъ своего довѣрія въ добросовѣстность и правовѣріе общества, поручивъ двумъ членамъ его, тайному совѣтнику Попову и статскому совѣтнику Пилецкому, дѣлать увѣщаніе главному начальнику скопческой ереси. Составленная Пилецкимъ по случаю сего порученія книжка о Скопцахъ была по Высочайшему повелѣнію напечатана и разослана по духовному и по военному вѣдомству.

Императору Александру 1-му приписываютъ много самыхъ лестныхъ отзывовъ о Татариновскомъ союзѣ: будто онъ писалъ къ оберъ-гофмейстеру Кошелеву, что сердце его „пла-

„менѣетъ любовію къ Спасителю всегда, когда только чи-„таетъ въ письмахъ Кошелева объ обществѣ г-жи Татарино-„вой въ Михайловскомъ Замкѣ;“ будто бы однажды Государь изволилъ отозваться: „симъ обществомъ надѣюсь истребить „ереси — и скопцовъ и масоновъ!“ Послѣднія слова находятъ подтвержденіе въ порученіи данномъ Попову и Пилецкому. Но неопровержимое доказательство благосклонности Государя къ этому обществу можно видѣть въ письмѣ, собственноручно написанномъ имъ къ тайному совѣтнику Милорадовичу, по случаю заявленнаго симъ послѣднимъ неудовольствія своему сыну, офицеру Семеновскаго полка, за присоединеніе къ союзу г-жи Татариновой; въ письмѣ этомъ [5]), между прочимъ сказано: „Я старался проникнуть его связи и „по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ нашелъ, что тутъ ничего та-„каго нѣтъ, что бы отводило отъ религіи; напротивъ онъ сдѣ-„лался еще болѣе привязаннымъ къ Церкви и исправнымъ въ „своей должности. По сему заключаю, что связи его не могутъ „быть вредны.“

Въ Петербургѣ *Татарино-Никитовская секта* (какъ называли союзъ по фамиліи и по имени главныхъ ея прорицателей или пророковъ — Татариновой и Ѳедорова) ни для кого не былъ тайной: членовъ ея называли *Русскими квакерами*, и въ Запискахъ своихъ Свиньинъ отзывается, что „при всемъ ихъ заблужденіи, наши квакеры честные и благодѣтельные люди.“ Главное вниманіе обращали на себя ихъ пѣсни и пляски; поэтому о нихъ образовалось въ обществѣ какое-то презрительно-насмѣшливое понятіе; разбавленное желчнымъ сарказмомъ Вигеля, оно весьма вѣрно передано въ его Запискахъ (ч. VI. гл. IV).

Въ началѣ двадцатыхъ годовъ два обстоятельства принудили г-жу Татаринову ограничить свою дѣятельность: помѣщеніе Главнаго Инженернаго Училища въ Михайловскій Замокъ, переименованный Инженернымъ, выпудило ее выѣхать изъ данной ей въ Замкѣ квартиры. Это случилось въ 1821 году, а въ слѣдующемъ 1822 году въ 1-й день Августа послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ на имя управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ графа Виктора Павловича Кочубея, которымъ повелѣвалось: „закрыть всѣ тайныя „общества, подъ какими бы наименованіями они ни существо-„вали, какъ-то масонскихъ ложъ или другими, и учрежденія „ихъ впредь не дозволять.“ Въ началѣ рескрипта прямо указывались и такія, „которыя первоначально цѣль благотворенія имѣли“ и объяснялось, что „поводомъ къ сему есть такое время, когда, къ несчастію, отъ умствованій нынѣ су-

---

5) Писанномъ въ С.-Петербургѣ 20-го Августа 1818 г.; оно напечатано вполнѣ въ Русскомъ Архивѣ за 1864 г., стр. 623.

ществующихъ, проистекаютъ столь печальныя въ другихъ краяхъ послѣдствія [6])[4].

Замѣчательно, что съ этимъ временемъ совпадаетъ и отъѣздъ знаменитой г-жи Крюднеръ въ Лифляндское ея помѣстье близъ Верро. Хотя Татаринова обязалась подпискою, что не будетъ имѣть у себя прежнихъ многочисленныхъ собраній и съѣздовъ, однакоже съ переѣздомъ ея изъ Михайловскаго Замка молитвенныя сходки у нея не прекратились, и уже послѣ того вступили въ ея союзъ *Вас. Мих. Поповъ* (въ послѣдствіи тайн. сов. и членъ совѣта почтоваго вѣдомства), чиновникъ *Родіоновъ*, л. гв. Егерскаго полка капитанъ *Гагинъ* и того же полка штабъ-лекарь *Коссовичъ*. Они дали поводъ къ возобновленію знакомства съ Татариновою своему полковому командиру, генералу Евгенію Александровичу *Головину*, служившему въ одной бригадѣ съ ея мужемъ и возлѣ котораго подъ Бородинымъ былъ убитъ ея братъ Ив. Өед. Буксгевденъ; къ тому же времени относится вступленіе въ союзъ и поручика *князя Эльпидифора Енгалычева*.

Впрочемъ этими только лицами (съ ихъ семействами) ограничилась пропаганда пророческаго или молитвеннаго ученія о *Божіемъ дѣлѣ*, какъ называли свои упражненія послѣдователи г-жи Татариновой.

Вскорѣ смерть Попова и Милорадовича и выѣздъ изъ С.-Петербурга ген. Головина еще болѣе съузили кружокъ г-жи Татариновой.

Тѣмъ не менѣе она сознавала, что пѣнія и радѣнія необходимо требовали мѣстности отдаленной отъ центра города, гдѣ надзоръ полиціи, напущенный на преслѣдованіе тайныхъ обществъ, не могъ бы мѣшать сборищамъ, которыя, по роковому рескрипту 1-го Августа 1822 года, могли быть приняты за собранія тайнаго общества.

Въ то время городская черта со стороны Московскаго шоссе оканчивалась у обводнаго канала, за которымъ уже стоялъ шламбаумъ и начиналось вѣдомство уѣздной полиціи; на мѣстѣ нынѣшняго дѣвичьяго монастыря былъ густой сосновый боръ, отъ котораго только кое-гдѣ уцѣлѣли деревья, стоящія нынѣ между могилами монастырскаго, уже, увы! — сдѣлавшагося тѣснымъ кладбища; за этою мѣстностію, влѣво отъ тріумфальныхъ воротъ, еще и понынѣ уцѣлѣли три деревянныя дачи: одна изъ нихъ, на подобіе барской деревянной усадьбы, принадлежала князю Енгалычеву, другая была куплена на имя Коссовича, третья на имя Өедорова.

Сюда, въ 1825 году, переселилась г-жа Татаринова и ея послѣдователи: П. Ф. Буксгевденъ ея братъ, М. С. Пилецкій, Н. И. Өедоровъ съ женой и В. М. Поповъ съ своими тремя

[6]) Полн. I Соб. Зак. № 29151.

дочерьми. Въ 1831 году, когда открылся Польскій походъ и генералъ Головинъ былъ назначенъ къ командованію 26-й пѣхотной дивизіи, къ этой же колоніи присоединилась и жена его съ своими дѣтьми, проживавшая до того времени при мужѣ своемъ въ Нарвѣ. Старшій изъ двухъ сыновей генеральши Головиной былъ опредѣленъ юнкеромъ въ Инженерное Училище, помѣщавшееся тогда, какъ и нынѣ, въ томъ-же Михайловскомъ Замкѣ. Юноша этотъ, красавецъ собою, былъ предметомъ любви не только г-жи Татариновой, но и всѣхъ знавшихъ его: при умѣ довольно обыкновенномъ, онъ отличался обиліемъ доброты; красота его наружности была въ немъ истиннымъ выраженіемъ красоты душевной.

Со времени соединенія вкупѣ всѣхъ приверженцевъ г-жи Татариновой началось правильное, почти монастырское житіе заазаставной колоніи. Часы свободные (отъ воспитанія дѣтей для родителей и отъ службы для служащихъ) были посвящаемы изученію священныхъ и отеческихъ писаній. Не были забываемы и изящныя искусства: иконы или скорѣе священныя картины изящной кисти Боровиковскаго украшали стѣны жилища г-жи Татариновой; его примѣръ увлекалъ и дѣтей г-жи Головиной, которыя всѣ были одарены талантомъ живописанія. Ѳедоровъ упражнялъ ихъ въ музыкѣ, а по праздничнымъ днямъ происходили вызываемыя ученіемъ г-жи Татариновой радѣнія — „святое плясаніе, движенія въ нѣкоемъ какъ бы въ духовномъ вальсѣ".

„Духъ міра и лести, говаривалъ въ послѣдствіи Пилецкій, „присвоилъ себѣ пѣніе голоса, музыку, живопись, безцѣнный даръ слова и прочія дарованія; но они должны быть „опять возвращены Богу, своему началу!" [7])

Такъ прошло двѣнадцать лѣтъ.

Но въ началѣ 1837 года до свѣдѣнія правительства дошло по слухамъ, какъ обыкновенно весьма преувеличеннымъ, что на дачахъ за Московскою заставою совершаются непозволительныя сатурналіи, что послѣ пеностовыхъ пѣній и радѣній, на подобіе скопческихъ, тушатся свѣчи и совершаются страшныя дѣянія „имъ же имяни нѣсть!" — что противляющіяся симъ дѣяніямъ дѣти засѣкаются до безчувствія, что на сборищахъ сектаторовъ попирается святость всѣхъ узъ родственныхъ, проницается гибель политическому бытію державы, изрекаются въ нечестивыхъ проницаніяхъ хулы православію!

Въ началѣ Мая 1837 года однажды вечеромъ произведенъ на указанныхъ дачахъ внезапный обыскъ, по которому открыто,

---

7) Замѣчательно, что нынѣшній предводитель сѣверо-американскихъ Мормоновъ, Бригамъ Юнгъ выражаетъ ту же мысль: «Довольно уже духу тьмы монополизировать всю хорошую музыку; пора хотя частью ея посвятить Господу».

что средняя изъ дочерей Попова, по неудовольствію отца за упорное нежеланіе участвовать въ радѣніяхъ, была имъ истязуема и на ночь запиралась въ чуланъ; что въ одной изъ залъ дачи, занимаемой г-жею Татариновою, находились прекрасной живописи образа (произведенія Боровиковскаго), огромные церковные подсвѣчники, столъ съ церковными свѣчами; зала эта, въ которой, какъ оказалось по объясненіямъ, происходили радѣнія, была обставлена стульями, между коими одни кресла для старшины союза. По распросамъ обнаружилось, что при бываемыхъ еженедѣльно, по воскресеньямъ, въ 4-мъ часу пополудни собраніяхъ въ этой залѣ, лица женскаго пола являются въ бѣлыхъ платьяхъ, а мущины надѣваютъ бѣлые халаты; потомъ, усѣвшись на стулья, начинаютъ духовныя пѣснопѣнія; потомъ или всѣ разомъ, или одинъ кто либо, вставъ, начинаетъ вертѣться и продолжаетъ это радѣніе, пока не почувствуетъ вшуленіе духа и не начнетъ прорицать слово живое. Духомъ прорицанія особенно отличались Татаринова, братъ ея Буксгевденъ, иногда Поповъ и Ѳедоровъ; у послѣдняго найдены были, кромѣ иконъ, хоругви, плащаница и паникадило. Кромѣ того найдены у Татариновой записки на имя Спасителя съ вопросами о наставленіи въ трудныхъ случаяхъ жизни: по объясненіямъ ея, положивъ эти записки съ вечера подъ икону Спасителя, она заутра въ прорицаніи проповѣдывала волю Господню. Всѣ найденныя, кромѣ сего, бумаги относились или къ домашнимъ хозяйственнымъ дѣламъ, или состояли изъ рукописныхъ переводовъ книгъ духовнаго содержанія.

Послѣдствіемъ этого обыска было опустѣніе трехъ дачъ за Московскою заставою.

Г-жа Татаринова сослана въ Кашинскій Срѣтенскій монастырь. Сообщники ея также разосланы по монастырямъ: *Пилецкій* въ Спасо-Евѳиміевъ въ Суздалѣ; *Поповъ* въ Зилантовъ близъ Казани; *Ѳедоровъ*, принесшій раскаяніе при самомъ его арестованіи, былъ посланъ на испытаніе въ Новгородскій Юрьевъ монастырь, состоявшій въ то время подъ управленіемъ слишкомъ памятнаго архимандрита Фотія; *жена Ѳедорова* съ малолѣтней дочерью—въ Новгородскій Свято-Духовъ.

Братъ Татариновой *П. Буксгевденъ*, какъ Лютеранинъ, не подвергнутъ монастырскому заточенію: онъ сосланъ на безъвыѣздное житье въ Бѣлозерскъ.

Генеральша *Головина* съ двумя малолѣтними дѣтьми недолго оставалась среди опустѣлыхъ строеній; она отправилась къ своему мужу, находившемуся тогда въ Варшавѣ.

Ѳедоровъ и жена его первые были освобождены изъ монастырей. Ѳедоровъ, какъ уже сказано, принесъ раскаяніе при самомъ его заарестованіи, а жена его объявила, что, хотя

не смѣла доносить на мужа, но никогда не одобряла участія его въ сектѣ Татариновой. Въ Февралѣ 1838 года имъ дозволено избрать себѣ мѣстопребываніе съ воспрещеніемъ впрочемъ въѣзда въ обѣ столицы. Они поселились въ Новгородѣ, но впали въ крайнюю бѣдность, такъ какъ Петербургскій домъ ихъ, оставленный безъ всякаго призора, дошелъ до такого разрушенія, что никто не хотѣлъ его купить, а самое цѣнное имущество ихъ, состоявшее въ живописныхъ образахъ и богослужебныхъ принадлежностяхъ, было конфисковано и передано въ Александро-Невскую лавру. Въ 1839 году пожаловано Ѳедорову отъ монаршихъ щедротъ денежное пособіе въ 3000 рублей.

Поведеніе Ѳедорова, повидимому, обличило, что участіе его въ союзѣ основывалось не на фанатическомъ увлеченіи, а на расчетахъ денежныхъ и на желаніи пользоваться тѣми удобствами жизни и той относительной роскошью быта, которыя доставляло ему совмѣстное жительство съ прочими членами союза и присвоенное ему между ними положеніе.

Вслѣдъ за тѣмъ была облегчена участь *Буксгевдена*: ему разрѣшено жить гдѣ пожелаетъ, но съ воспрещеніемъ въѣзда въ столицы; въ Іюнѣ 1840 года онъ поселился въ Кашинѣ въ надеждѣ видѣться съ сестрою, содержавшеюся въ тамошнемъ женскомъ монастырѣ, но разрѣшеніе это дано ему только шесть лѣтъ спустя, въ Ноябрѣ 1846 года.

Остальные заключенные, въ мѣстахъ своего содержанія, отличались тихостію и скромностію своего поведенія; когда только болѣзнь имъ не препятствовала, посѣщали всѣ богослуженія, каждый изъ четырехъ постовъ говѣли и были допускаемы до пріобщенія Св. Таинъ, предавались чтенію Священнаго Писанія и книгъ исключительно духовнаго содержанія. Но, сознавая, что ученіе Православія достаточно для спасенія, что они навлекли на себя справедливый гнѣвъ правительства участвованіемъ въ тайныхъ сборищахъ, и принимая на себя обязательство отнюдь не распространять своего ученія, ни явно, ни тайно, не исполнять иныхъ молитвенныхъ обрядовъ, кромѣ тѣхъ, которые установлены Православною церковію, Татаринова, Пилецкій и Поповъ упорно отказывались сознать, что союзъ ихъ былъ сектою, что духовное плясанье и пророчествованіе (живое слово) были заблужденіями. Каждый изъ нихъ отдѣльно (никого постороннаго до свиданія съ ними не допускали) выражалъ, что *сектою* называется ученіе, отдѣляющее отъ церкви, тогда какъ союзъ ихъ скрѣплялъ духовные узы каждаго изъ членовъ съ церковію и (за исключеніемъ Лютеранина Буксгевдена) съ церковію именно Православною и, что признать *заблужденіями* тѣ „чистыя радости“, которыя они вкушали при радѣніяхъ, значило бы оскорбить Духъ Святый, отъ Котораго

тѣ радости исходили. Дѣйствіе радѣнія они объясняли необходимостію умерщвленія плоти для воспринятія дара пророчества, прибавляя, что радѣніе происходило независимо отъ собственной ихъ воли, по вдохновенію свыше. Въ истинности самаго пророчествованія — слова живаго — убѣжденіе ихъ было непоколебимо: по словамъ ихъ, слушаніе этого слова сопровождалось ощущеніемъ благоговѣйнаго трепета во всемъ естествѣ, глубокимъ умиленіемъ чувствъ, сокрушеніемъ сердечнымъ и обличеніемъ самыхъ тайныхъ дѣяній, помышленій и движеній совѣсти.

Василій Михайловичъ Поповъ умеръ 23 Апрѣля 1842 года, на 71 году отъ роду, въ Зилантовомъ монастырѣ. Судьба его, до поступленія въ союзъ Татариновой, оставила ему грустныя воспоминанія. Женившись по влеченію сердца на дѣвушкѣ бѣднаго состоянія, онъ не встрѣтилъ въ ней никакаго сочувствія сердечнаго: она требовала отъ него роскоши, издержекъ, и въ то время какъ онъ служебнымъ трудомъ обезпечивалъ жизнь своего семейства, осыпала его укорами на томъ, что онъ не заботится о доставленіи ей свѣтскихъ удовольствій. Воспитанный въ благочестіи, службою сближенный съ любителемъ духовныхъ исканій, княземъ А. Н. Голицынымъ, отличенный имъ по службѣ, Поповъ искалъ утѣшенія въ духовныхъ упражненіяхъ, переводилъ мистическія сочиненія, сблизился съ г-жею Татариновою, ревностно слѣдовалъ ея указаніямъ и, по смерти жены, поселился въ сосѣдней съ нею дачѣ съ своими тремя дочерьми. Въ средней онъ встрѣтилъ отвращеніе къ обрядамъ, которыхъ былъ ревнителемъ, и къ образу жизни, въ которой нашелъ успокоеніе послѣ тревогъ своей брачной жизни; упорное ея сопротивленіе къ повиновенію, къ пророчаніямъ, сообщаемыя ею двумъ ея сестрамъ убѣжденія противныя ученію, составлявшему предметъ его чествованія, заставили его видѣть въ ней прямую наслѣдницу недостатковъ ея матери. Пророчанія г-жи Татариновой довершили его изступленіе; онъ, какъ самъ потомъ сознавался, „не пощадилъ отеческаго жезла“, еженедѣльно бивалъ ее палками, иногда до крови, совершенно отдѣлилъ отъ сестеръ, держалъ подъ замкомъ въ чуланѣ и цвѣтущую молодостію и здоровьемъ дѣвушку довелъ до совершеннаго изнеможенія.

По завѣщанію своему Поповъ назначилъ имѣвшіяся при немъ шесть иконъ въ благословеніе своимъ тремъ дочерямъ; золотые часы архимандриту Зилантова монастыря Гавріилу; денегъ послѣ него осталось 78 р. 2½ к. ас., которые употреблены на его погребеніе; изъ прочаго имущества, одежды и другаго скуднаго его хозяйства (всего на 84 р. 97 к.) часть онъ назначилъ въ награжденіе имѣвшимъ за нимъ въ

болѣзни уходъ, другую просилъ продать, чтобы употребить деньги на поминовеніе его души.

Мартынъ Степановичъ Пилецкій-Урбановичъ былъ человѣкъ образованія, по своему времени, замѣчательнаго. Родившись, сколько извѣстно, отъ Сербскихъ переселенцевъ, около 1780 года, онъ, малолѣтнимъ, въ 1789-мъ г., былъ записанъ въ Екатеринославское казачье войско. Когда по вступленіи на престолъ Павла I-го войско это было уничтожено, въ 1798 г., онъ отправился за границу для слушанія лекцій въ Геттингенскомъ университетѣ; по возвращеніи въ Россію въ 1806 году, состоялъ переводчикомъ при Академіи Наукъ до 1809 года; служилъ нѣсколько времени въ Подольскомъ Губернскомъ Приказѣ; при учрежденіи бывшаго Царскосельскаго Лицея въ 1811-мъ году, былъ назначенъ въ это заведеніе первымъ инспекторомъ, или, какъ тогда называлась эта должность, надзирателемъ по учебной и нравственной части. Въ 1813 году онъ оставилъ Лицей и служилъ, кажется, въ Человѣколюбивомъ Обществѣ. Въ 1837-мъ году онъ находился въ отставкѣ, въ чинѣ статскаго совѣтника, имѣлъ орденъ св. Владиміра 4-й ст. и получалъ пенсіи по 666 р. асс. въ годъ.

Особенными отличительными качествами М. С. Пилецкаго были: необыкновенная простота сердечная, происходившая не отъ недостатка ума, но отъ неизъяснимой, можно сказать, дѣтской довѣрчивости, отъ чистоты душевной и отъ восторженности, направленной исключительно къ предметамъ духовнымъ; при этомъ рѣдкое снисхожденіе къ недостаткамъ ближнихъ, кротость и смиреніе неподдѣльныя и особенная любовь къ дѣтямъ, а также къ людямъ, страдавшимъ недостатками умственными и тѣлесными. Смиреніе не исключало въ немъ однакоже стойкости, доходившей до упрямства во всемъ, что̀ касалось его убѣжденій.

Г-жу Татаринову Пилецкій любилъ любовью безграничною; онъ называлъ ее не иначе какъ своею матерью; ничто въ мірѣ не въ состояніи было поколебать его вѣры въ непреложность духовнаго дара, который она себѣ приписывала.

Тяжело было Пилецкому, въ то время почти 60-ти лѣтнему старцу, когда ему пришлось на перекладной тележкѣ, въ сопровожденіи жандарма, семь дней безъ роздыха скакать изъ Петербурга въ Суздаль; крайне суровымъ показался ему пріемъ Владимірскаго архіерея (Парфенія), и грустно сжалось въ немъ сердце, когда онъ былъ введенъ въ отдѣльную арестантскую келью, изъ окна которой, задѣланнаго чугунною рѣшеткою, видѣлись только зубчатыя стѣны монастырской ограды, да слышались мѣрные шаги и протяжные окрики военной стражи.

Вскорѣ однакоже положеніе его нѣсколько улучшилось:

кромѣ пенсіи, переведенной изъ С.-Петербурга въ его распоряженіе, ему назначено по 2 р. асс. въ день на столъ, данъ для прислуги, хотя и не совсѣмъ искусный въ стряпнѣ, но добраго поведенія инвалидъ, отведено четыре небольшихъ, хотя и угарныхъ, но лучшихъ во всемъ флигелѣ, комнатъ, дозволено собесѣдованіе съ духовными лицами, которыхъ укажетъ архимандритъ, и даже дозволено чтеніе газетъ.

Искренность убѣжденій Пилецкаго не подлежитъ сомнѣнію. Онъ сохранилъ ихъ до конца; сперва даже высказывалъ надежду, что истина этихъ убѣжденій будетъ признана правительствомъ, что установленные Татариновой обряды будутъ допущены явно и что „дѣлу Божію“ не будетъ болѣе нужды скрываться. Слезно умоляя объ освобожденіи изъ монастыря, онъ до конца не хотѣлъ сознать заблужденіями тѣ правила, которыя служили ему утѣшеніемъ и руководствомъ въ теченіи 20-ти лѣтъ. Между тѣмъ мрачная обстановка, недостатокъ движенія, скудость и дурное качество пищи, наконецъ сломили его здоровье: въ Ноябрѣ 1841 года онъ уже не могъ ходить даже въ церковь; въ Декабрѣ совсѣмъ слегъ въ постель, 15-го Января, св. причащеніемъ приготовился къ смерти и наконецъ 19-го Февраля 1842 г. подписалъ обязательство ни тайно, ни явно не только не распространять ученія Татариновой, но даже и самому не исполнять обрядовъ онаго; но дрожащею отъ предсмертной болѣзни рукою добавилъ: „Все это обязуюсь исполнить, только „для себя я буду хранить въ сердцѣ моемъ ясное свидѣтельство, что пророческое слово госпожи статской совѣтницы „Татариновой есть истинный даръ Святаго Духа Утѣшителя!“

Обязательство это имѣло послѣдствіемъ разрѣшеніе ст. сов. Пилецкому переѣхать въ одинъ изъ городовъ Костромской губерніи.

Разрѣшеніемъ этимъ Пилецкій однакоже не могъ воспользоваться въ теченіи цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ: бѣдный старикъ былъ пригвожденъ болѣзнію къ одру страданій. Ему, столь жадно порывавшемуся цѣлыя пять лѣтъ за свободою, за выходомъ изъ монастырскихъ стѣнъ, пришлось просить какъ милости, чтобы его оставили въ этихъ стѣнахъ, гдѣ и плоть его и духъ вытерпѣли столько истязаній! Сколько долженъ былъ выстрадать несчастный, когда, рисуя всѣ прелести природы замонастырской, зная, что ему не возбранено болѣе ею насладиться, онъ думалъ о томъ, что едва ли ему суждено переступить за стѣны, которыми онъ отъ нея загражденъ!

Но Богъ явилъ на немъ Свое милосердіе: Пилецкій поправился достаточно, чтобы въ концѣ Іюля выѣхать въ Кострому. Здѣсь онъ прожилъ четыре года. Добродушіемъ и кро-

тостію, частымъ посѣщеніемъ церковныхъ богослуженій, любовію духовныхъ бесѣдъ и духовнаго чтенія онъ снискалъ себѣ благорасположеніе лицъ, съ которыми ему случалось встрѣчаться. Онъ отличался молчаливостію, которая, равно какъ грустная, при всемъ его добродушіи возбуждающая скорбь, улыбка остались отличительными признаками на всю остальную его жизнь. Особенно благодарную память сохранилъ онъ о тогдашнемъ предсѣдателѣ Костромской Гражд. Палаты Протасьевѣ, въ домѣ котораго онъ жилъ и который пользовался общимъ уваженіемъ за свою честность и доброту. Два смѣнившіеся при немъ въ Костромѣ архіерея, Владиміръ и Виталій, также къ нему благоволили, особенно первый, который, будучи потомъ переведенъ въ Сибирь, велъ даже съ нимъ переписку изъ Тобольска.

Въ Іюнѣ 1846 года статскому совѣтнику М. С. Пилецкому-Урбановичу разрѣшено свободное проживаніе во всѣхъ городахъ Имперіи, гдѣ ни пожелаетъ, не исключая и столицъ.

Въ послѣдствіи Пилецкій жилъ въ Петербургѣ, гдѣ онъ, кажется, и умеръ. Кротость, смиреніе, неизъяснимое незлобіе остались его удѣломъ на всю жизнь. Но изможденное тѣло, но лишенные жизненнаго блеска глаза, но недовѣрчиво размѣренная рѣчь говорили объ его страданіяхъ, свидѣтельствовали о томъ, что его плоть и его духъ перегорѣли въ горнилѣ испытаній; это чувствовалось даже тѣми, кто не зналъ, что его тѣло измождилось, что блескъ его глазъ погасъ, что свободное теченіе его рѣчи пресѣклось въ продолженіи пятилѣтняго заключенія за рѣшеткой арестантской келіи.

Екатерина Филиповна Татаринова при самой высылкѣ ея изъ Петербурга было оказано особенное вниманіе. Она была отправлена, въ сопровожденіи жандармскаго офицера, въ спокойномъ экипажѣ; при ней позволено остаться ея воспитанницѣ и по пріѣздѣ ея въ Кашинскій Срѣтенскій монастырь 21-го Мая 1837 г. игуменья Назарета отвела ей три комнаты, въ собственныхъ своихъ настоятельскихъ келіяхъ. Хотя производство пожалованнаго ей, по ходатайству князя А. Н. Голицына, пенсіона было прекращено; но она не была доведена до неимѣнія средствъ къ содержанію: подъ видомъ денегъ, выручаемыхъ продажею оставшейся на ея дачѣ движимости, во все время нахожденія ея въ монастырѣ, князь Енгалычевъ высылалъ ей по тысячѣ, а иногда по 2 тыс. р. асс. въ годъ; всего въ теченіи 9-ти лѣтъ ею было получено отъ него 11 тыс. руб.

Первое время своего заключенія, г-жа Татаринова, по видимому, надѣялась, что она будетъ освобождена скоро и, по всей вѣроятности, въ этомъ случаѣ много расчитывала на ходатайство своего бывшаго покровителя князя А. Н. Го-

лицына; кромѣ того и дружески расположенный къ ней генералъ Головинъ занималъ также значительныя должности, сперва предсѣдательствующаго въ Правительственной Коммиссіи Духовныхъ и Внутреннихъ Дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія Царства Польскаго, а потомъ главнаго командира отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса. Деверь ея Михаилъ Михаиловичъ Татариновъ занималъ также въ Петербургѣ мѣсто, доставлявшее ему довольно большое въ обществѣ вліяніе.

Надеждою г-жи Татариновой на вліятельность ея друзей можно объяснить то, что на первыхъ порахъ своего пребыванія въ монастырѣ, она, строго соблюдая наружную покорность уставамъ Православной церкви, изъявляя даже сожалѣніе о томъ, что завлекла другихъ въ свои, какъ она называла ихъ, „духовныя занятія,“ упорно отказывалась признать ихъ несогласными съ ученіемъ Православія и упорно стояла на томъ, что существованіе этихъ занятій съ самыхъ временъ Апостольскихъ ясно указано въ 14-й главѣ Перваго Посланія къ Коринѳянамъ св. Апостола Павла.

Каѳедру Тверскую занималъ въ то время архіепископъ Григорій (скон. митрополитомъ С.-Петербургскимъ). Подъ наружностію нѣсколько суровою въ святителѣ этомъ скрывались душа мягкая и снисхожденіе истинно отеческое къ заблужденіямъ людей. Съ сердоболіемъ ко всѣмъ немощамъ мірскимъ и съ благотворительностію въ отношеніи ко всѣмъ, кто бы ни обращался къ его состраданію, архіепископъ Григорій соединялъ и обширную начитанность духовную. Онъ удостоилъ г-жу Татаринову сперва письменныхъ, а потомъ личныхъ убѣжденій въ оставленіи ея заблужденій; указывалъ ей въ ею же приводимой главѣ на слова св. Апостола: «Жены въ церквахъ да молчатъ» и «Срамно есть женѣ въ церви глаголати» (ст. 34 и 35), и наконецъ на безусловное воспрещеніе того же Апостола: «Женѣ же учити не повелѣваю» (1 Тим. гл. 2-я., ст. 12).

Ложный ли стыдъ признать свое заблужденіе, боязнь ли утратить чрезъ сознаніе то уваженіе, а можетъ быть и тѣ денежныя вспомоществованія, которыми она пользовалась отъ своихъ послѣдователей, но г-жа Татаринова, хотя и лишенная возможности ссылаться далѣе на свидѣтельство, приводимое ею въ основаніе своихъ убѣжденій тѣмъ, что самое это свидѣтельство было приведено противъ нея, съ того времени стала уклоняться отъ духовныхъ собесѣдованій, подъ предлогомъ нездоровья и неспособности къ размышленію, упорно прибавляя однакоже, что не можетъ разувѣриться въ томъ, что̀ двадцать лѣтъ составляло „ея духовную пищу.“

Цѣлыя шесть лѣтъ г-жа Татаринова была отрѣзана отъ всякаго сообщенія съ міромъ замонастырскимъ: кромѣ быв-

шей при ней воспитанницы и настоятельницы, къ ней только былъ допускаемъ духовникъ ея. Въ Апрѣлѣ 1843 г. она удостоилась посѣщенія архіерея. Посѣщеніе это, по видимому произвело въ ней глубокое нравственное потрясеніе, отразившееся и физически: 30-го Апрѣля въ ней обнаружились болѣзненные припадки, и съ того времени она уже постоянно была посѣщаема медиками, а наконецъ, въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1846 г., разрѣшено было дозволить ей по временамъ видѣться съ ея братомъ, П. Ф. Буксгевденомъ, уже съ 1840 года переселившимся изъ Бѣлозерска въ Кашинъ.

Наконецъ 19 Апрѣля 1847 года она письменное дала обязательство: „оказывать неизмѣнно повиновеніе Православ„ной церкви, не входить ни въ какія неблагословенныя „опою общества, не распространять ни явно, ни тайно *преж„нихъ своихъ заблужденій* и не исполнять никакихъ особен„ныхъ обрядовъ, подъ опасеніемъ строжайшаго взысканія „по законамъ!“

Вслѣдъ за тѣмъ ей разрѣшено жить въ Кашинѣ внѣ монастыря; а годъ спустя (въ Іюлѣ 1848 г.) поселиться въ Москвѣ, съ воспрещеніемъ впрочемъ въѣзда въ Петербургъ. Въ Москвѣ, кажется, до самой смерти своей, она жила въ домѣ генерала Головина (на Арбатѣ).

* * *

Никого изъ упоминаемыхъ здѣсь лицъ нѣтъ болѣе на свѣтѣ; для нихъ для всѣхъ „житейское лукавое разрушилось торжество суеты; они преданы гробу, каменемъ покрыты, во тьму вселились, съ мертвыми погребены и всѣхъ сродниковъ и друговъ разлучены„. Помолимся же Христу Богу, „да не низведены будутъ, по грѣхомъ ихъ, на мѣсто мученія; но да вчинитъ ихъ идѣже свѣтъ животный!“

Юрій Толстой.

ПОКАЗАНІЯ МАГНИЦКАГО.

I.

О СЛУЖБѢ ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО СТАТСКАГО СОВѢТНИКА МАГНИЦКАГО.

(Копія съ собственноручной его записки).

Записанъ будучи, по тогдашнему обыкновенію, въ лейбъ-гвардіи Преображенскій полкъ унтеръ-офицеромъ въ 1781 году, онъ произведенъ въ сержанты въ 1792, а въ 1795-мъ опредѣленъ ординарцемъ къ маіору сего полка, князю *Голицыну*, и отправленъ съ нимъ въ Польшу.

Въ 1796-мъ выпущенъ въ армію, капитаномъ.

Въ 1798-мъ вступилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ и переведенъ въ канцелярію вице-канцлера, изъ коей, въ томъ же году, опредѣленъ къ Вѣнскому посольству, отъ котораго будучи прикомандированъ къ фельдмаршалу *Суворову*, отправлялъ при немъ, во всю бытность его въ Вѣнѣ, всѣ политическія и военныя дѣла; а во все время его кампаніи, исключительно занимался какъ перепискою съ нимъ посла, такъ и донесеніями по оной къ Государю и къ министерству, равно какъ и переводомъ всѣхъ сообщеній графа *Суворова* на Французскій языкъ, для Австрійскаго министерства.

По отозваніи посольства изъ Вѣны, находился онъ при вице-канцлерѣ, получилъ разныя награжденія за труды при посольствѣ въ Австріи, и отправленъ въ Парижъ, съ посломъ, ѣхавшимъ туда для заключенія мира.

Отправлялъ въ Парижѣ, два года, всѣ дѣла, относившіяся къ размѣну плѣнныхъ, писалъ протоколъ мира при конференціяхъ посла съ министромъ *Тайлераномъ*, образовалъ начальную канцелярію посольства и, послѣ двухъ лѣтъ, опредѣленъ въ канцелярію государственнаго канцлера.

Въ 1803-мъ переведенъ въ новообразованное министерство внутреннихъ дѣлъ, начальникомъ отдѣленія.

Въ 1804-мъ посланъ, по высочайшему повелѣнію, съ секретнымъ порученіемъ во Псковъ, по дошедшимъ до Го-

сударя свѣдѣніямъ о лихоимствѣ губернатора, который и смѣненъ по его донесенію.

Въ 1805-мъ, по высочайшему же повелѣнію, посланъ для открытія заговора въ Вильну. Исполнилъ сіе порученіе съ успѣхомъ, представилъ ясныя доказательства, что въ тамошнемъ университетѣ было и тогда уже (за 25-ть лѣтъ до послѣдняго мятежа Польскаго), подъ начальствомъ ректора *Стройновскаго* и покровительствомъ попечителя князя *Чарторижскаго*, гнѣздо будущихъ возмущеній (князь *Чарторижскій* былъ въ то время въ величайшей силѣ при Дворѣ). *Магницкій* получилъ за сіе орденъ св. Анны 2-й ст., но и обратилъ на себя гоненіе временщика и охладилъ къ себѣ начальство, ему угождавшее, до такой степени, что въ рескриптѣ, препровождавшемъ орденъ, не рѣшились сказать, за что̀ даютъ его. Сіе важное дѣло кончено выговоромъ князю *Чарторижскому*, черезъ министра просвѣщенія.

Съ сего времени *Магницкій* осужденъ былъ на черную канцелярскую работу, безъ всякой возможности къ какому-либо отличію, до 1810 года, въ которомъ Государю угодно было, безъ всякаго со стороны его искательства и даже совершенно для него неожиданно, взять его къ себѣ въ статсъ-секретари, съ пожалованіемъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники.

Въ семъ новомъ званіи, кромѣ текущихъ дѣлъ по государственной канцеляріи, Его Величество поручать ему изволилъ:

1) Всѣ дѣла военныя въ высшемъ ихъ отношеніи, а именно: a) инструкціи главнокомандующимъ; b) рескрипты, кои должны были оставаться неизвѣстными военному министерству; c) образованіе министерства полиціи; d) образованіе министерства военнаго и проэктъ наказа ему.

За сіи труды награжденъ онъ орденомъ св. Владиміра 3-й степени.

2) Откупное дѣло графа *Зубова*, коему присуждено было Сенатомъ милліонное вознагражденіе, а оказалось справедливымъ взыскать съ него два милліона рублей, что̀ и исполнено.

3) Учрежденіе коммиссіи для сочиненія уставовъ и уложеній, по всѣмъ частямъ военнаго вѣдомства.

Магницкій опредѣленъ директоромъ сей коммиссіи и, въ нѣсколько мѣсяцевъ, довелъ дѣло сіе до такого состоянія, что всѣ нужные уставы и учрежденія были уже въ аналитическихъ табеляхъ составлены, разсмотрѣны и одобрены; но въ то время, какъ для окончанія его оставалась одна механическая работа вставить текстъ законовъ въ готовыя, систематическія рамы, она пріостановлена повелѣ-

ніемъ составить немедленно, въ нѣсколько мѣсяцевъ до отечественной войны оставшихся, извѣстное *учрежденіе для большой дѣйствующей арміи.*

Вся коммиссія занята была, день и ночь, симъ трудомъ, и *Магницкій*, имѣя ежедневные по оному доклады у Государя, часто до глубокой ночи продолжавшіеся, привелъ ее къ окончанію въ Декабрѣ 1811 года, въ которомъ и награжденъ за то орденомъ св. Анны 1-й степени.

Четыре типографіи едва успѣли напечатать сіе учрежденіе, въ половинѣ Марта 1812 года. *Магницкій* подписалъ послѣднюю его корректуру въ началѣ сего мѣсяца; книга вышла и разослана съ фельдъегерями, 17-го Марта по утру, а въ тотъ же день, вечеромъ, *Магницкій*, уже государственный преступникъ, посланъ въ изгнаніе.

Не прежде, какъ черезъ четыре года, присланъ за нимъ фельдъегерь, съ дозволеніемъ принести свои оправданія въ Грузинѣ. Тамъ, подъ именемъ оправданій, предложены ему нѣкоторыя смягченія изгнанія, въ которомъ жена его, отъ жестокаго климата, потеряла здоровье, а дочь умерла. Но онъ просилъ или способа къ совершенному, публичному оправданію, или дозволенія возвратиться въ свое изгнаніе. Тамъ пробылъ онъ еще восемь мѣсяцевъ, какъ получилъ пять тысячъ рублей на подъемъ, продолженіе назначеннаго, безъ просьбы его, за нѣсколько до того лѣтъ, пенсіона; мѣсто вице-губернатора въ Воронежѣ и повелѣніе отправиться туда *прямо;* равно какъ и копію съ высочайшаго указа Правительствующему Сенату объ его оправданіи.

Сіе происходило въ 1816 году.

Въ бытность его вице-губернаторомъ, получалъ онъ отъ Государя разныя, важныя и довѣренныя порученія, для повѣрки или обнаруженія дѣлъ бывшаго въ то время тамъ губернатора.

Въ половинѣ 1817 года получилъ онъ высочайшій указъ, опредѣляющій его Симбирскимъ губернаторомъ, съ назначеніемъ, опять безъ его просьбы, вмѣсто 3 т. руб., до того имъ получаемыхъ, шести тысячъ изъ государственнаго казначейства.

Въ 1819 году, будучи, по отпуску, въ Петербургѣ, и желая оставить службу, въ которой видѣлъ онъ одно продолженіе какого-то прикрытаго изгнанія, получилъ онъ, отъ высочайшаго имени, предложеніе вступить въ члены Главнаго Правленія Училищъ, съ пожалованіемъ аренды и земель, въ сравнительное вознагражденіе съ товарищемъ изгнанія его, тайнымъ совѣтникомъ *Сперанскимъ*; съ тѣмъ, чтобы тотчасъ ѣхалъ осмотрѣть, черезъ 13 лѣтъ запущенный, Казанскій университетъ, который бывшій тогда министръ предполагалъ уничтожить, и чтобы благодарилъ

Его Величество не прежде, какъ по исполненіи сего порученія и *какъ бы при донесеніи о немъ*.

Магницкій все исполнилъ съ точностію. Онъ имѣлъ счастіе, при изъясненіи Императора, рыдать въ объятіяхъ сего ангела Божія и вышелъ изъ кабинета его какъ-бы никогда нестрадавшимъ.

Государь, выслушавъ донесеніе его о состояніи Казанскаго университета, изволилъ потребовать, чтобы онъ принялъ званіе его попечителя, съ неограниченнымъ полномочіемъ. «Je vous donne carte blanche»—слова Его Величества, извѣстныя бывшему тогда министру. Какъ *Магницкій* ни уклонялся отъ сего роковаго порученія, должно было принять его. *Магницкій*, чрезъ семь лѣтъ труда необъятнаго по силѣ противодѣйствія, допилъ до дна чашу служебныхъ скорбей въ семъ званіи. Онъ не только не получалъ никакого награжденія, но ниже одобрительнаго слова, въ теченіи семи лѣтъ непрестанно обходимый и обижаемый; но онъ и не думалъ на то жаловаться: ибо несомнѣнно былъ увѣренъ, что свято исполняетъ волю Государя и благодѣтеля своего; а ежели бы даже и Его Величеству представлены были дѣла его въ превратномъ видѣ, то и тогда, въ чистотѣ ихъ побужденій, въ пользѣ ихъ для Церкви, Государя Отечества, остается ему свидѣтелемъ и помощникомъ гъ!

Въ семъ положеніи чувствъ и дѣлъ его, узналъ онъ, что царственнаго благотворителя его не стало и что ему воспрещается даже и послѣднее утѣшеніе—омыть гробъ его слезами!

II.

ЗАПИСКА

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО СТАТСКАГО СОВѢТНИКА МИХАИЛА ЛЕОНТЬЕВИЧА МАГНИЦКАГО О КАЗАНСКОМЪ ДѢЛѢ (*).

Искренно относя всѣ происшествія, въ теченіи четырехъ лѣтъ несчастіе семейства моего составившія, менѣе къ людямъ, нежели къ стеченію неблагопріятныхъ для меня обстоятельствъ и смутному времени, я постараюсь, въ простомъ раскрытіи страннаго сцѣпленія сихъ происшествій, показать мое оправданіе.

---

*) Списана съ собственноручной черновой записки *М. Л. Магницкаго*, оставшейся, между другими его бумагами, у вдовы его. Изъ записки не видно, на чье имя она подана была или намѣренъ былъ подать ее сочинитель.

Хотя благородныя чувства вашего высокопревосходительства и доброта души вашей и ручаются мнѣ за то, что вы не поскучаете получасомъ чтенія, для спасенія цѣлаго семейства; но должная въ семъ случаѣ скромность заставляетъ меня сказать, что не иначе рѣшился я отвлечь благотворное вниманіе ваше отъ важныхъ дѣлъ, какъ потому, что защита чести чиновника, 32 года служащаго и осчастливленнаго довѣренностію императора Александра, къ славнѣйшему времени коего привязано имя его *), есть дѣло не совсѣмъ чуждое предметамъ общественнымъ.

Равно простите мнѣ, ежели о нѣкоторыхъ дѣлахъ моихъ на службѣ напомяну я: сіе потому только, что онѣ остались единственнымъ имуществомъ моего семейства; потому только, что никто, кромѣ меня, не напомнитъ о нихъ въ пользу его.

Приступая за симъ къ изложенію самаго дѣла, я буду имѣть честь обратить вниманіе ваше на него съ двухъ сторонъ: съ политической и съ гражданской.

1. Дѣло мое, въ политическомъ его отношеніи.

Во всю службу мою, съ тѣхъ поръ, какъ я началъ что-нибудь значить, случалось мнѣ непрестанно быть поставленнымъ между совѣстью и необходимостью раздражить общее мнѣніе.

Изъ многихъ случаевъ, сіе доказывающихъ, приведу я здѣсь только нѣсколько самыхъ важныхъ.

1) Въ бытность мою статсъ-секретаремъ, Государю угодно было посадить меня членомъ въ комитетъ, который долженъ былъ рѣшить: слѣдуетъ ли Петербургскому откупщику, графу *Зубову*, заплатить, по претензіи его на Императора, за удаленіе кабаковъ отъ казармъ, 2 милліона рублей потерпѣннаго якобы отъ того убытка? Вознагражденіе сіе было уже присуждено Сенатомъ. Комитетъ нашелъ, по совѣсти и актамъ, что претензія откупщика была самое наглое притязаніе къ похищенію казны; что сенатъ и министръ юстиціи совершенно виновны, не только въ неправильномъ одобреніи его требованій, но и въ невзысканіи съ него самого двухъ милліоновъ рублей, по откупу невносимыхъ. Заключеніе комитета передано въ Совѣтъ, который единогласно отвергнулъ его. Такъ сильно двумя высшими судилищами былъ поддерживаемъ откупщикъ! Государь принужденъ былъ

*) Образованіе военнаго министерства, учрежденіе для большой дѣйствующей арміи, отслужившее уже три славныя кампанія и о пользѣ коего въ войну 1812—1814-го годовъ есть указъ Сенату. *Примѣч. сочинителя.*

взять дѣло сіе обратно къ себѣ и утвердилъ мнѣніе комитета, во всей его силѣ. Десять или двѣнадцать тысячъ душъ графини *Потоцкой*, бывшія въ залогѣ за откупщикомъ, проданы съ публичнаго торга и, вмѣсто несправедливой ему платы двухъ милліоновъ рублей, они съ него взысканы.

2) Въ бытность мою Воронежскимъ вице-губернаторомъ, отказавъ въ Губернскомъ Правленіи подписать неправильную смѣту земскихъ повинностей, я принужденъ былъ, и по закону и въ защиту собственнаго поступка, подать мнѣніе, въ которомъ доказалъ, что подъ именемъ земской повинности, въ продолженіи трехъ лѣтъ, совершенно ограблена губернія, на нѣсколько милліоновъ, которые слѣдуетъ взыскать съ виновныхъ. Министръ финансовъ, Государственный Совѣтъ и Его Величество утвердили, во всей силѣ, мнѣніе мое.

3) Въ бытность мою Воронежскимъ же вице-губернаторомъ, Государь, приказавъ препроводить ко мнѣ выписку изъ журнала Комитета Министровъ о весьма извѣстномъ дѣлѣ *Синявина*, повелѣть изволилъ сказать о немъ истину. Я не усумнился написать все то, что̀ зналъ и что̀ потомъ обнаружено, то есть: убійство двухъ человѣкъ, всѣ интриги и подкупы, для закрытія его бывшія.

4) Въ бытность же мою Воронежскимъ вице-губернаторомъ, Государю угодно было поручить мнѣ разсмотрѣть дѣло богатаго откупщика *Бородина*, состоявшее въ томъ, что между тѣмъ, какъ крестьяне его, Воронежскихъ деревень, жаловались Его Величеству на притѣсненія и тиранство, по его жалобѣ мѣстному начальству обстоятельство сіе названо бунтомъ и, вмѣсто защиты притѣсненныхъ, послано войско унять ихъ военною рукою. Я поѣхалъ въ имѣніе, открылъ истину, освободилъ людей, умиравшихъ отъ затѣсненія тюрьмы, обличилъ и откупщика въ обманѣ и Губернское Правленіе въ лихоимствѣ, *подлинными письмами Бородина*. Государь всѣ дѣйствія мои изволилъ утвердить; имѣніе взято въ опеку, и *Бородинъ* преданъ уголовному суду.

5) Въ бытность мою Симбирскимъ губернаторомъ, восемь помѣщиковъ, за тиранство, предалъ я суду, и въ томъ числѣ извѣстнаго богача *Наумова*, который, имѣя 30 тысячъ рублей дохода, употреблялъ для истязанія желѣзную шапку, въ 16-ть фунтовъ.

6) Въ тоже время, Татарина *Абдульменя Еремѣева*, судимаго въ завладѣніи цѣлымъ уѣздомъ, въ вырубкѣ казенныхъ лѣсовъ, въ собираніи съ крестьянъ податей и употребленіи ихъ на свои обороты *), въ убійствѣ, въ дѣланіи

*) Бывшій до *Магницкаго*, губернаторъ *Сушковъ* далъ Татарину *Еремѣеву* право быть розыщикомъ разбойниковъ, воровъ и бѣглыхъ въ Буинскомъ уѣз-

фальшивыхъ ассигнацій, *въ продолженіи 16-ти лѣтъ*, я открылъ и поймалъ въ Москвѣ, гдѣ онъ укрывался отъ полиціи; захватилъ всю его переписку, обнаружилъ тѣмъ связи его съ равными чиновниками, обличилъ Сенатскую Канцелярію въ лихоимствѣ, *собственными письмами виновныхъ* *). Государь утвердить изволилъ всѣ мои дѣйствія и предположенія, щедро наградивъ употребленныхъ мною по сему дѣлу чиновниковъ и приказавъ подвергнуть строжайшему слѣдствію Канцелярію Сената, которая однакоже такъ была въ семъ случаѣ счастлива, что не только дѣло сіе не имѣло для нея послѣдствій, но главный виновникъ былъ уже юрисконсультомъ въ то время, какъ судъ, надо мною самимъ производимый, находился въ рукахъ сей Канцеляріи.

Смѣло вопрошу каждаго честнаго человѣка, какъ можно было въ сихъ дѣлахъ поступать иначе? Между тѣмъ онѣ-то дали мнѣ ту гибельную извѣстность, отъ которой пріобрѣлъ я множество враговъ. Дворянство видѣло во мнѣ, по его мнѣнію, не разъ мною самимъ слышанному, предателя собственнаго моего сословія, изъ преданности къ правительству; весь многочисленный классъ подъячихъ и лихоимцевъ—опаснаго и смѣлаго обличителя; получестные ихъ покровители—человѣка жестокаго и злонамѣреннаго. И въ семъ неблагопріятномъ для меня положеніи такъ называемаго *общественнаго мнѣнія*, явился я въ Петербургъ просить увольненія отъ нестерпимаго званія губернатора: ибо, борясь со всеобщимъ зломъ въ одномъ маленькомъ углу Имперіи, не только другимъ, но и самому себѣ казался я тѣмъ несчастнѣйшимъ Донкишотомъ, что̀ прекратить драку съ мельницами, по совѣсти, не могъ. И по собственному вызову Императора вступилъ я въ званіе члена Главнаго Правленія Училищъ.

Но здѣсь снова, отъ неугомонной совѣсти моей, предстояли мнѣ горькія бѣды, которыхъ я совсѣмъ не ожидалъ, почитая учебную часть весьма спокойною, потому, по крайней мѣрѣ, что она *безвзяточна*.

Меня послали обревизовать Казанскій университетъ. Я открылъ безнравственное невѣжество сего заведенія, развратъ, грабежъ и безпорядки управленія. По представленію

дѣ, населенномъ Чувашами. *Еремѣевъ*, совершенно овладѣвъ этимъ полудикимъ народомъ и не поймавъ ни одного вора, употреблялъ возложенное на него порученіе на самыя беззаконныя свои выгоды и злодѣянія.

*) У *Еремѣева* найдены были письма сенатскихъ оберъ-секретаря *Солодовникова*, секретаря *Хавскаго* и чиновника *Кувшецова*, шести Астраханскихъ, Саратовскихъ и Оренбургскихъ провіантскихъ коммиссіонеровъ и Казанскаго прокурора *Кисловскаго*. Сносясь съ *Еремѣевымъ*, одни изъ нихъ покровительствовали ему, другіе участвовали съ нимъ въ злоупотребленіяхъ; всѣ требовали и получали отъ него подарки.

моему. 11-ть или 12-ть чиновниковъ онаго, болѣе или менѣе, милостиво уволены *): но ни одинъ не пострадалъ, какъ бы заслуживали.

Новый гулъ и жалобы, новое сословіе (ученыхъ и полуученыхъ) присоединилось ко множеству враговъ моихъ.

Государь, напротивъ, одинъ всегда у меня въ виду бывшій, увидѣвъ новыя причины довѣренности, лично приказалъ мнѣ принять должность попечителя и возстановить Казанскій университетъ. Мнѣніе министра было его уничтожить.

Желая оправдать довѣренность Его Величества, я принялся за основательное изученіе новой моей службы: купилъ для сего дорогую—по состоянію моему—библіотеку и заперся на три года въ моемъ кабинетѣ; а въ засѣданіяхъ Правленія, оградивъ себя совершеннымъ молчаніемъ, изучался ходу дѣлъ и направленію мнѣній моихъ сочленовъ.

Обнявъ предположенный себѣ предметъ, во всемъ его пространствѣ, то есть *схоластико-исторически*, старался я составить себѣ полную систему истинъ о просвѣщеніи, дабы идти по новому пути моему не ощупью. Истины сіи мнѣ представились въ слѣдующемъ видѣ.

Слово просвѣщеніе никѣмъ еще основательно не опредѣлено. Всѣ, кои его произносятъ, разумѣютъ подъ его названіемъ нѣкоторое извлеченіе изъ собственныхъ своихъ о немъ понятій, и оттого происходятъ споры и недоразумѣнія, оттого его злоупотребленіе: ибо часто добрымъ именемъ симъ закрываютъ отъ правительствъ люди неблагонамѣренные начинанія самыя вредныя и гибельныя.

Просвѣщеніе, въ государственномъ смыслѣ, не можетъ быть ничто иное, какъ полное собраніе всѣхъ положительныхъ наукъ, съ новѣйшими ихъ открытіями и лучшими методами преподаванія, ввѣренное надежному, *по его нравственности*, сословію ученыхъ и распредѣляемое имъ, *подъ дѣйствительнымъ надзоромъ*, согласно съ религіею, съ образомъ правительства,—разнымъ классамъ гражданъ, *въ нужной* для каждаго изъ нихъ мѣрѣ.

Науки можно раздѣлить на точныя или положительныя,

*) Тогда уволены были: профессоры Римской словесности *Германъ* и *Эрнъ*, оба люди ученые, но старые и неумѣвшіе передавать другимъ свою ученость; естественнаго права *Цтьлинъ*, всемірной исторіи *Томасъ* и технологіи *Брейтенбахъ* (впослѣдствіи директоръ Лѣснаго Корпуса въ Петербургѣ) всѣ трое безполезные и уволенные по дѣломъ: медицины *Грюнвальдъ*—ни то ни сё: Русской исторіи Илья Ѳедоровичъ *Яковкинъ*, сочинитель учебныхъ книгъ по части исторіи и географіи, которыя долго были единственными учебниками въ гимназіяхъ и училищахъ; зять его, профессоръ Русскихъ правъ, баронъ *Врангель*, человѣкъ достойный, бывшій потомъ профессоромъ Царскосельскаго Лицея; профессоръ философіи Осипъ Евсевьевичъ *Срезневскій*, ученый и умный. Другіе не замѣчательны.

таковы суть: богословскія, юридическія, естественныя, математическія: и на мечтательныя, каковы: философскія и, проистекающія отъ нихъ, нравственныя и политическія: ибо основанія ихъ не только произвольны, но каждыя двадцать лѣтъ перемѣняются и въ одно и тоже самое время, въ разныхъ государствахъ, различны и даже противоположны, между тѣмъ какъ положительныя науки имѣютъ ту *вещественность*, которая есть единственный признакъ земной истины.

Лженменное просвѣщеніе, то есть когда мечтательныя науки портятъ положительныя, заражая ихъ своими заблужденіями, всегда было вредно: слѣдовательно нужно охранить науки неприкосновенными къ сей заразѣ и въ полезной чистотѣ ихъ точныхъ началъ. Такъ напримѣръ, на что допускать въ геологію вредныя гаданія *о невозможности потопа*, когда она должна просто разсматривать ту шеститысячную часть земнаго радіуса, далѣе коей проникнуть человѣкъ не можетъ, которая собственно есть ничто иное, какъ самая поверхностная кора земли? На что къ наукѣ правъ положительныхъ придѣлывать вредныя гаданія о происхожденіи властей отъ подразумѣваемаго договора, и прочее?

Россія имѣетъ свой особенный характеръ: въ религіи, въ нравахъ, въ образѣ правленія. Слѣдовательно и просвѣщеніе ея должно быть соображено съ сими отличительными ея свойствами; ибо, иначе, всякое его противодѣйствіе непремѣнно произведетъ вредное потрясеніе, сперва нравственное, потомъ гражданское и наконецъ политическое.

Мы заимствовали просвѣщеніе отъ земель иностранныхъ, не приспособивъ его къ нашему положенію (*не обрусивъ*), и сверхъ того въ самую неблагопріятную минуту, въ XVII-мъ и началѣ XVIII-го столѣтія, то есть во время опасной его заразы. Мы пересадили ядовитое растеніе сіе въ нашъ холодъ, гдѣ оно вредитъ медленно, ибо *растетъ худо*. По счастію, равнодушіе къ нему управляющихъ и національная лѣнь нашихъ ученыхъ остановили его на одной точкѣ.

Надобно, однако же, сдвинуться съ нея руководствомъ учителей, осторожнѣйшимъ образованіемъ учениковъ, пересмотромъ классическихъ книгъ, коп, и по духу и по ограниченности ихъ, ни куда негодны и даже отъ своего времени отсталп; очищеніемъ литературы народной, въ которой нѣтъ еще листа сносной прозы, а все дурное, отъ «Жизни Ваньки Каина» до *Вольтерова* «Кандида», готово уже для развращенія грамотной черни.

Сіе небольшое число истинъ, самыхъ неоспоримыхъ, по совѣсти, лучшему моему разумѣнію и согласно съ мнѣніемъ отличнѣйшихъ геніевъ и ученыхъ, отъ *Бакона и Кеплера* до *Роллена* и *Боссюэта*, поставивъ себѣ руководствомъ, старал-

ся я, при разныхъ случаяхъ, передать ихъ моимъ сочленамъ въ Главномъ Правленіи Училищъ. Но, не смотря на то, что бывшій тогда министръ [1]) *былъ совершенно моего мнѣнія*, всѣ мои сотоварищи, и даже тѣ, кои частно горячо раздѣляли мой образъ мыслей, при каждомъ публичномъ прѣніи меня, подписомъ своимъ, предавали; для того, какъ послѣ узналъ я, чтобы не идти противъ духа времени. Увидѣвъ сіе и дѣйствуя всегда по убѣжденію, я оставилъ всякую надежду на какое-либо содѣйствіе и рѣшился презрѣть всѣ опасности, въ надеждѣ на святость моего долга и помощь Божію.

Два примѣчательные случая сіе доказываютъ.

Первый. Я представилъ министру вредную книгу Естественнаго Права, профессора *Куницына*. Онъ собралъ Правленіе и пригласилъ къ засѣданію его ректора Университета и двухъ профессоровъ, для выслушанія ихъ защиты. Засѣданіе сіе, въ протоколахъ Главнаго Правленія Училищъ *составляющее эпоху*, примѣчательно особенно тѣмъ, что предъ цѣлымъ присутствіемъ доказано депутатамъ учености, что книга, ими одобренная и защищаемая въ видѣ классической, не только вредна и возмутительна, но и въ ученомъ ея отношеніи, сравнительно съ лучшими классиками, никуда не годна. Правленіе и впослѣдствіи Государь положили запретить ее въ преподаваніи и въ продажѣ.

Второй. Попечитель Виленскій представилъ «Философію», сколько теперь припомню, профессора *Голяховскаго* на утвержденіе. Ученый Комитетъ и Правленіе единогласно ее одобрили. Я доказывалъ столь положительно вредъ ея, что просилъ замѣтить, что, черезъ годъ или два, неминуемо подвергнется она запрещенію полиціи Государя-Цесаревича. Черезъ полгода тетради студентовъ, по повелѣнію Его Высочества, отобраны, и профессоръ высланъ за границу.

Сіе время начинавшагося торжества началъ моихъ, событіями оправдываемыхъ, избрали враги мои для правильнаго на меня нападенія. Имъ, весьма справедливо, казалось недостаточнымъ все, дотолѣ сдѣланное, хотя, интригами и клеветами ихъ, и пронесенъ уже я былъ тогда *попасителемъ, врагомъ наукъ, подавшимъ проэктъ инквизиціи* и прочее. Хотя слухи сіи и повторялись уже отъ площади до чертоговъ царскихъ; но имъ далеко еще, казалось, отъ сего поруганія до совершеннаго моего истребленія, которое было поставлено цѣлію ихъ дѣйствій; и поэтому здѣсь слѣдуетъ словесное изъясненіе о двухъ лицахъ и о средствахъ, ими избранныхъ, къ окончательному пораженію меня [2]).

---

[1]) Князь Александръ Николаевичъ *Голицынъ*.

[2]) Подъ двумя лицами *Магницкій* разумѣлъ бывшихъ тогда, по части народнаго просвѣщенія, министра А. С. *Шишкова* и директора Департамента Д.

Посему перемѣна Правленія (не взирая на то, что самыя происшествія, при началѣ ея случившіяся, всѣ мои дѣйствія и опасенія, *за долго до того словесно и письменно заявленныя*, совершенно оправдали) имѣла для меня самыя горестныя послѣдствія [1]).

Она застала меня въ слѣдующемъ оглашеніи, сколько могу я судить о немъ по отрывкамъ нѣкоторыхъ рѣчей: ибо клевета всегда дѣйствовала противъ меня тайно, и обвиненій ея никто положительно не объявлялъ мнѣ.

Тѣ самые, которыхъ обличалъ я въ мнѣніяхъ и поступкахъ опасныхъ, обративъ на меня собственное мое оружіе, успѣли пронести самого меня *лицемъ опаснымъ*, утверждая:

Что, говоривъ и писавъ о вредномъ направленіи мнѣній своевольныхъ и возмутительныхъ, я вызвалъ якобы бунтъ, заставивъ испуганныхъ моими словами заговорщиковъ ускорить его. Странную небылицу сію многіе добросовѣстно повторяли, не примѣчая, что въ семъ смыслѣ всего опаснѣе была бы полиція, которая по сему заключенію, предохранительными мѣрами своими, должна непремѣнно ускорять всѣ преступленія.

Что я, затѣвая какія-то интриги (коихъ, впрочемъ, никто еще не опредѣлилъ) искалъ въ ненавистномъ временщикѣ [2]);

И. *Языкова*. То, что *Магницкій* желалъ объяснить словесно, изложено въ другой запискѣ, на которой рукою его написано: «Мнѣніе, посланное мною, не «припомню въ которомъ году, но еще въ министерство князя *Голицына*, про«тивъ *Языкова*, заправлявшаго тогда хозяйственными дѣлами Главнаго Прав«ленія Училищъ. Сія бумага, оставшаяся въ свое время безъ уваженія, была «началомъ всѣхъ преслѣдованій, коимъ подвергнулъ меня *Языковъ*, будучи «всемогущимъ въ управленіе адмирала *Шишкова* министерствомъ просвѣще«нія». Это мнѣніе *Магницкаго* смотри въ приложеніи 1-мъ.

[1]) Перемѣна министра. Въ 1824-мъ году, на мѣсто князя А. Н. *Голицына*, назначенъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія А. С. *Шишковъ*.

[2]) Въ графѣ *Аракчеевѣ*. Сначала *Магницкій* былъ преданнѣйшимъ слугою князя А. Н. *Голицына*, который и покровительствовалъ ему. Но какъ только *Аракчеевъ*, съ завистью смотрѣвшій на увеличившуюся любовь Государя къ *Голицыну*, возсталъ противъ этого министра, *Магницкій* перешелъ на сторону «ненавистнаго временщика» и помогъ ему свергнуть благодѣтеля своего съ министерства. Г. Фортунатовъ, въ статьѣ своей: «Памятныя замѣтки Вологжанина», приписываетъ предательство Магницкаго другой причинѣ. По его словамъ, Магницкій настаивалъ, чтобы переводъ на Русскій языкъ соч. пастора Госнера «Толкованіе Святыхъ Евангелій», не былъ дозволенъ къ печати, какъ вредный; князь Голицынъ не внялъ этому настоянію, и Магницкій увѣдомилъ объ этомъ графа Аракчеева и вообще перешелъ на сторону враговъ кн. Голицына (Русскій Архивъ 1867 г. стран. 1707). Угодничая потомъ передъ новымъ покровителемъ, *Магницкій* написалъ книжку: «Сонъ въ Грузинѣ съ 26-го на 27-е Іюля 1825 года». Она напечатана была, въ немногихъ экземплярахъ, въ типографіи штаба военныхъ поселеній, безъ цензуры. Изъ этого должно заключить, что книжка печаталась съ разрѣшенія графа *Аракчеева*. На ней означенъ 1826-й годъ. Непонятно, какимъ образомъ она могла печататься и даже быть выпущена изъ типографіи, въ этомъ году: потому что графъ *Аракчеевъ* и *Магницкій* пали еще въ исходѣ 1825-го года.

но я имѣлъ и представилъ подлинныя письма и записки, которыя доказываютъ, что то, что называютъ моимъ въ немъ искательствомъ, было ничто иное, какъ взаимность за его благорасположеніе, еще съ 1815-го года и въ самыхъ важныхъ обстоятельствахъ моей жизни, постоянно мнѣ оказываемое; что ничего не просилъ и не получалъ я отъ него. Впрочемъ, книга, въ Грузинѣ донынѣ, вѣроятно, сохраняемая, можетъ доказать, что, бывъ тамъ одинъ только разъ, я нашелъ въ ней длинный списокъ искателей, меня упредившихъ и кои занимаютъ теперь весьма важныя мѣста, не слыша сего упрека.

Что я входилъ въ духовную интригу, отъ келіи монаха до кабинета придворной дамы [1], простиравшуюся. Пусть спросятъ обоихъ. Перваго: чего стоило ему добиться моего посѣщенія; зналъ ли я, во время его дѣйствій, что онъ ихъ предпринимаетъ и, узнавъ о нихъ *вмѣстѣ съ публикою*, одобрялъ ли я ненравственность оныхъ? А вторую: *правду ли говорю здѣсь*, и знакомъ ли я былъ съ нею 25-ть лѣтъ, прежде свиданія въ Петербургѣ?

Въ семъ дѣлѣ я служилъ плащемъ и былъ жертвою самаго низкаго коварства. Для скрытія истинныхъ пружинъ интриги, нужно было кого-нибудь выставить наружу, и, чего лучше? — человѣка, уже столькими врагами на ненависть обреченнаго. Вотъ почему, оглашая меня своимъ пріятелемъ, скрывали отъ меня всѣ дѣйствія, стыдясь низости своихъ способовъ и оскорбляясь моими на нихъ указаніями [2].

Я имѣю на сіе самыя сильныя доказательства и живыхъ свидѣтелей; и хотя знаю, что происшествіе сіе не сдѣлаетъ чести моей проницательности, но соглашаюсь лучше быть грубо обманутымъ, нежели тонкимъ обманщикомъ.

Когда несчастное для меня стеченіе всѣхъ сихъ обстоятельствъ созрѣло, и кончина Императора представила врагамъ моимъ случай преслѣдовать меня открыто, тогда началось слѣдующее. Министръ просвѣщенія, котораго пришелъ я просить о защитѣ по случаю высылки меня въ Казань, на четвертый день по полученіи извѣстія о кончинѣ Императора, объявилъ мнѣ, что военный генералъ-губернаторъ пріѣзжалъ уже къ нему требовать сего отъ имени

[1] Первый — архимандритъ Юрьевскаго Новогородскаго монастыря *Фотій*; а вторая — камеръ-фрейлина графиня Анна Алексѣевна *Орлова Чесменская*.

[2] Здѣсь *Магницкій* говоритъ о томъ же свержены князя *Голицына* съ министерства. Участвовала ли въ этой интригѣ графиня *Орлова-Чесменская*, неизвѣстно. Но графъ *Аракчеевъ*, дѣйствительно, орудіемъ своимъ въ этомъ дѣлѣ употребилъ *Фотія*, который и довершилъ паденіе *Голицына*, черезъ митрополита *Серафима*. Участіе же *Магницкаго* видно и сквозь его оправданій.

Государя Великаго Князя Николая Павловича *. Тщетно просилъ я письменнаго предписанія, съ объявленіемъ мнѣ сего обстоятельства: ибо я почиталъ его вымышленнымъ, для того только, чтобы заставить меня выѣхать, чего иначе никто не былъ въ правѣ сдѣлать безъ высочайшаго повелѣнія, ибо я жилъ и, занимая Казанское мѣсто, служилъ въ разныхъ Петербургскихъ комитетахъ, по именнымъ высочайшимъ повелѣніямъ, конхъ ни министръ, ни военный генералъ-губернаторъ отмѣнить не могли. Сомнѣваясь такимъ образомъ въ объявленіи министра потому, что онъ письменно дать мнѣ его отказался, я немедленно написалъ о немъ къ графу *Милорадовичу*, прося способа объясниться. Но онъ мнѣ отвѣчалъ, что это *недоразумѣніе*, и что выѣздъ мой непремѣнно требуется.

Такимъ образомъ, огласивъ оффиціально неблаговоленіе ко мнѣ Государя, до вступленія еще Его Величества на престолъ, враги мои успѣли дать тотъ гибельный оборотъ дѣлу моему, въ гражданскомъ его отношеніи, который постараюсь я открыть въ отдѣленіи, за симъ слѣдующемъ.

II. О дѣлѣ моемъ, въ гражданскомъ его отношеніи.

Легко можно себѣ представить, какое дѣйствіе имѣла огласка сія на положеніе мое, отъ Петербурга до Казани, когда Государь воцарился. Я нашелся въ какомъ-то очумленномъ состояніи, тѣмъ ужаснѣйшемъ, что не зналъ ни причины его, ни средства къ избавленію. Дѣла мои совершенно разстроились, всѣ связи прервались. Саратовскіе колонисты, покупавшіе у меня лѣсную на Волгѣ дачу за 209 т. рублей, которую публично запродалъ я имъ за нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, для заплаты 150 т. рублей долга на службѣ нажитаго, отъ покупки сей внезапно отказались. Заимодавцы приступили съ неотступными требованіями. Жена и сынъ остались въ Петербургѣ, совершенно безъ куска хлѣба, и я сими обстоятельствами принужденъ былъ.

* Не враги были причиною высылки *Магницкаго* изъ столицы, но онъ самъ накликалъ на себя бѣду своимъ краснорѣчіемъ. По полученіи извѣстія о кончинѣ Императора Александра I-го, онъ шумѣлъ и толковалъ о правѣ наслѣдія, выражалъ исключительную преданность свою къ Цесаревичу Константину Павловичу, не предвидя, что Его Высочество откажется отъ престола и отправилъ къ нему, въ Варшаву, поздравительное письмо. Все это, конечно, было не болѣе, какъ только желаніе сдѣлаться угоднымъ новому Императору (Константину). По тогда не знали, изъ чего *Магницкій* хлопочетъ и могли предполагать въ дѣйствіяхъ его связь съ заговоромъ, о существованіи котораго правительство уже имѣло темныя свѣдѣнія. Поэтому-то, въ предупрежденіе безпорядковъ, *Магницкій* и былъ выславъ къ главному мѣсту службы его, въ Казань.

продавъ сіе имѣніе за 150 т. рублей, потерять 59 т., дабы уплатить долги, дать способъ жить моему семейству и удержать на службѣ сына, который иначе долженъ бы былъ выйдти въ отставку юнкеромъ. Въ семъ положеніи министръ просвѣщенія, или точнѣе сказать, по пропскамъ того же лица [1]), о которомъ изъяснился я словесно, началъ противъ меня, въ одно и тоже время, два преслѣдованія. Какія-то мои преступленія, для меня доселѣ тайныя, преданы разсмотрѣнію Главнаго Правленія Училищъ, а другія поручены, для мѣстнаго обслѣдованія въ Университетѣ. ревизору [2]).

Здѣсь примѣтить надобно. въ доказательство недоброжелательства ко мнѣ вышеупомянутыхъ придворной дамы и духовнаго лица, съ которыми предполагаютъ меня въ связи, что присланный министромъ просвѣщенія, въ помощь ревизору, коллежскій совѣтникъ *Есиповъ, отрѣшенный за лихоимство отъ службы.* привезъ къ генералу *Желтухину* рекомендательное о себѣ письмо отъ гр. Ор... [3]). Я сіе слышалъ отъ самого генерала.

Еще замѣтить надобно. что по мѣрѣ, какъ ревизія Университета ничего важнаго не открывала. въ Главномъ Правленіи Училищъ, вмѣсто должнаго ожиданія ея послѣдствій. для разсмотрѣнія дѣла въ совокупности, спѣшили предварить рѣшеніе его, *на всякій случай.* тѣмъ заключеніемъ. что я для мѣста моего, семь лѣтъ занимаемаго. не благонадеженъ. И отъ сей необычайной и противозаконной поспѣшности произошла несообразность самая неслыханная! Когда ревизоръ подалъ Его Императорскому Величеству отчетъ свой, Государь приказалъ препрововодить обвинительные изъ него пункты ко мнѣ, съ милостивымъ и праведнымъ мнѣ повелѣніемъ: *представить оправданія мои. въ собственныя руки Его Величества*; а въ тотъ самый день (6-го Мая 1826 года), когда я, исполняя высочайшую волю, отдалъ отвѣты. въ собственныя руки Его Императорскаго Величества. на почту въ Казани, *въ Петербургѣ подписанъ указъ объ увольненіи меня!* Такимъ образомъ я наказанъ до выслушанія требованныхъ объясненій; но сіе сдѣлано для того, что опасались, дабы оправданія мои не были вняты, и спѣшили ввести правительство въ такой шагъ, съ котораго трудно было бы воротиться. Такимъ образомъ всѣ мои оправданія. *положительнѣйшими фактами утвержденныя*, остались безполезными и даже не упомянутыми въ навѣ-

---

[1]) Д. И. *Языкова.*

[2]) Генералъ-адъютанту Петру Ѳедоровичу *Желтухину*, который потомъ былъ Кіевскимъ военнымъ губернаторомъ.

[3]) Отъ графини *Орловой-Чесменской.*

тахъ министра просвѣщенія Комитету Министровъ. Но здѣсь дѣйствователи знали, что я буду искать средства къ личному объясненію, и потому министръ, заведя самыя неистовыя и тщетныя (какъ опытомъ доказано) притязанія къ суммамъ, внесеннымъ мною въ Университетъ, подъ предлогомъ сего дѣла требовалъ моего возвращенія въ Казань.

Какъ вышезаявленный врагъ мой при министрѣ просвѣщенія легко предвидѣть могъ, что личная правдивость Его Императорскаго Величества (какъ то въ послѣдствіи и вышло) не потерпитъ, чтобы попечитель Университета былъ лишенъ чести и имѣнія безъ формальнаго надъ нимъ суда, то и распорядилъ онъ дѣйствіями руководимаго имъ министра такъ, чтобы заградить мнѣ навсегда и послѣдній сей путь къ оправданію, когда дѣло мое (какъ было вѣроятно) окончательно поступитъ въ Сенатъ. Для сего министръ представлялъ его отрывками, *безъ доказательствъ* и, въ противность законовъ, *безъ спроса моихъ объясненій*, съ тѣмъ только, чтобы безгласно и *до суда*, взысканіемъ съ меня *мнимыхъ* (какъ ниже доказано будетъ) начетовъ и высочайшимъ утвержденіемъ комитетскихъ журналовъ, связать будущій судъ Сената, поставя его въ такое положеніе, чтобы онъ не могъ уже привести сего дѣла въ обыкновенный порядокъ: ибо безъ того Сенатъ, всегда обязанный дѣйствовать юридически, долженъ бы былъ: 1) неопредѣлительные и противорѣчащіе навѣты министра просвѣщенія привести въ ясность и въ опредѣлительные пункты, *подкрѣпивъ ихъ должными съ его стороны доказательствами, которыхъ не было и кои слѣдовало дотребовать*; 2) сообщить сіи обвиненія и доказательства мнѣ, для выслушанія тѣхъ отвѣтовъ и объясненій, коихъ дотолѣ ни министръ, ни Комитетъ Министровъ въ виду не имѣли; 3) по моимъ возраженіямъ взять, гдѣ слѣдуетъ, нужныя справки и новыя объясненія отъ министра, а мои на него жалобы *разсмотрѣть законнымъ порядкомъ*; и наконецъ 4) всѣ сіи соображенія обсудить совокупно и представить, съ общимъ заключеніемъ и всѣми нужными свѣдѣніями, *на высочайшее утвержденіе*.

Для предварительнаго избѣжанія сего законнаго порядка, предъ коимъ истина никакъ не могла бы укрыться, извращенъ совершенно ходъ моего дѣла и обезпечено то необычайное его окончаніе, которое покажу я въ своемъ мѣстѣ, по порядку обстоятельствъ.

Между тѣмъ, дабы завязать положеніе мое и самымъ разореніемъ меня, учрежденa (сверхъ бывшей въ Университетѣ ревизіи) коммиссія для повѣрки университетскихъ счетовъ *),

(*) Эта коммиссія составлена была изъ Казанскаго губернатора, статскаго

самыхъ ничтожныхъ и *большею частію уже государственнымъ контролемъ обревизованныхъ*. На имѣніе, *подъ симъ предлогомъ*, наложено повсемѣстное запрещеніе, всѣ дѣла мои связаны, и даже *доходъ* съ аренды Кіевской, *который не есть имѣніе недвижимое* и потому не слѣдовалъ подъ запрещеніе, удержанъ, и еще доселѣ 13 т. рублей его лежатъ въ Приказѣ Общественнаго Призрѣнія, между тѣмъ какъ я плачу на долги мои большіе проценты. Когда запрещеніе снимется, кто вознаградитъ сіи потери и на комъ искать ихъ? Дѣло же ревизіи маловажныхъ университетскихъ счетовъ, къ крайнему обремененію и совершенному разстройству моему, уже продолжается четвертый годъ, не взирая на всѣ бывшія повелѣнія и даже объявленныя мнѣ обѣщанія о скорѣйшемъ его окончаніи.

Наконецъ, когда приспѣло время, и врагами моими предвидѣнное и мною желанное, что Его Величество, столь для меня благодѣтельно, повелѣть изволилъ предать меня суду, Сенатъ, не могшій уже пересуживать того, что̀ неоднократно рѣшено въ Комитетѣ Министровъ *до сего суда*, предложилъ мнѣ вопросные пункты *только для обряда*: ибо, не собравъ на мои объясненія ни указанныхъ мною справокъ, ни дополнительныхъ свѣдѣній отъ министра, ниже вникнувъ въ мои жалобы на его противорѣчія и несправедливые со мною поступки, *подвелъ меня подъ манифестъ*. Я могъ бы на сіе, *по закону*, жаловаться и просить о переносѣ дѣла: но куда? Въ общее собраніе? Оно равнымъ образомъ не можетъ перерѣшить суда Комитета Министровъ. Просить потомъ о разсмотрѣніи дѣла въ Государственномъ Совѣтѣ? Но тамъ засѣдаютъ тѣ самые члены Комитета, кои, по однимъ *бездоказательнымъ* словамъ министра, *безъ отвѣтовъ и объясненій моихъ*, меня осудили!

Не взирая, однакоже, на сію видимую беззащитность мою, сама истина, самый конецъ дѣла очевидно защитили меня, ежели благоугодно будетъ примѣтить, что самъ Сенатъ впалъ въ слѣдующую неправильность:

1, Я преданъ суду его по особенному высочайшему повелѣнію. Установленный закономъ порядокъ требовалъ, чтобы приговоръ суда сего былъ представленъ на высочайшее утвержденіе. *Сего не сдѣлано*: ибо въ указѣ Сената сказано только, что рѣшеніе Сената, чрезъ Комитетъ Министровъ, доведено до высочайшаго *свѣдѣнія*. Ежели такъ поступлено потому, что я якобы избавленъ отъ наказанія по высочайшему манифесту, то не надобно забыть, что, въ моемъ званіи и особливо при явной невозможности законно осудить меня, сіе самое *помилованіе есть уже тяжкое наказаніе*.

совѣтника, барона *Розена*, и одного чиновника министерства народнаго просвѣщенія.

2) Деньги, неправильно (какъ изъ отвѣтовъ моихъ видно) начтенныя на меня министромъ, Комитетомъ Министровъ взысканы, а Сенатомъ сочтены такъ неправильно, что теперь спрашиваютъ меня, *не желаю ли я излишне отнятыхъ у меня денегъ взять назадъ*? (*)

Сіе обстоятельство привожу я здѣсь не для возвращенія мнѣ денегъ: потерявъ около ста тысячъ рублей, не могу я домогаться о возвращеніи пяти сотъ рублей; но дабы показать, съ какимъ небреженіемъ законовъ и обряда былъ я разоряемъ и безчестимъ; привожу для того, чтобъ имѣть право спросить: ежели дѣло мое, въ двухъ высшихъ государственныхъ сословіяхъ, велось столь ошибочно въ разсужденіи счета денегъ, то не можно ли предположить, что и въ другихъ его отношеніяхъ, гораздо для меня важнѣйшихъ, ведено оно не лучше?

Не взирая однакоже на всѣ сіи, столь существенныя, уваженія, негодованіе и происки самыхъ ничтожныхъ лицъ, невидимо приведя въ движеніе самыя сильныя и главнѣйшія пружины правительственной махины, произвели слѣдующія для меня послѣдствія:

1) Потерю 59 т. рублей, при продажѣ Саратовской моей дачи.

2) Двукратную меня высылку изъ Петербурга и одну изъ Казани, стоившія болѣе 10 т. рублей.

3) Несправедливое, какъ доказано въ отвѣтахъ моихъ Сенату, взысканіе около 3 т. рублей.

4) Безчестіе быть несправедливо подведеннымъ подъ манифестъ и лишеніе чрезъ то знака отличія, потому только, что Сенатъ *не могъ не осудить меня*, разсматривая такое дѣло, въ которомъ Комитетъ Министровъ, *по словамъ* министра просвѣщенія, *не требуя ни отвѣтовъ, ни объясненій моихъ*, уже предварительно осудилъ меня.

5) Запрещеніе въѣзда въ столицы, только по суду, за тяжкія преступленія, Его Величествомъ налагаемое, и симъ сравненіе меня, послѣ 32-хъ лѣтней службы, съ преступниками самаго унизительнаго разряда.

Таковы казни, которыя несу я, тщетно умоляя, чтобы, ежели Его Величеству не угодно покрыть, императорскою милостію своею, все прошедшее, въ которомъ единственно виню несчастныя для меня обстоятельства, то данъ бы былъ мнѣ судъ, на коемъ разсмотрѣно бы было дѣло мое, въ совокупности всѣхъ его обстоятельствъ, политическихъ и гражданскихъ, такою довѣренною особою, которая бы, невозбранно принявъ изъясненіе моихъ оправданій, имѣла, въ случаѣ моей невинности, право на ходатайство о справедливомъ возмездіи.

(*) См. приложеніе 2-е.

Впрочемъ, все мною, по чистой совѣсти, здѣсь объясненное, предаю я правосудію Государя, и особенно тому сердцу Его Величества, которое, какъ бы чувствуя фанатическую мою къ августѣйшему его дому и лицу преданность, посреди жесточайшихъ противу меня предубѣжденій, въ самыя смутныя минуты, искало облегчить мои страданія судьбою сына моего, снисходило для него къ неслыханнымъ, могу сказать, утонченіямъ сердоболія и непрестанно заставляло гонимаго отца лобызать руку благодѣтеля въ десницѣ карающаго Царя.

Сіе чудное и, можетъ быть, съ однимъ мною бывшее происшествіе, не есть ли доказательство того, что посреди всѣхъ оклеветаній, меня чернившихъ, при самомъ исполненіи мѣръ строгости, казавшихся, по обстоятельствамъ, необходимыми, сердце Царя говорило за меня? Ахъ, оно не обманулось! Всѣ страданія, мною перенесенныя, и даже тѣ изъ нихъ, которыя неисправимы, готовъ я забыть совершенно, ежели Государь, хотя уже и на концѣ преклонныхъ лѣтъ моихъ, еще даруетъ мнѣ способъ показать ему на опытѣ, что не только всѣ милости его къ сыну моему, и даже каждый благоволительный взглядъ на него, дорого оцѣнены въ чувствѣ моей благодарности; и что, въ нелицемѣрной моей къ нему преданности, готовъ я отнынѣ жить одною сею памятью сердца. И сіе не на словахъ только, но и на дѣлѣ доказать готовъ. Прошу и твердо надѣюсь.

Превзойти, въ горячности моего усердія къ Его Императорскому Величеству, всѣхъ враговъ моихъ—есть одно изъ мщеній, котораго желаю; и смѣю сказать, что Государь удостоилъ уже принять его задатки изъ самаго изгнанія моего: ибо имѣю въ томъ всемилостивѣйшее отъ имени Его Величества удостовѣреніе, въ письмѣ вашего высокопревосходительства (*).

Ревель.

14-го Сентября 1829-го

(*) Казанское дѣло продолжалось семь лѣтъ. На *Магницкаго* насчитывали то 90 т., то 56 т., то 24 т. рублей; семь лѣтъ держали имѣніе его подъ запрещеніемъ. Кончилось тѣмъ, что опредѣлено было взыскать съ него 138 рублей 43 коп. ассигнаціями! *Магницкій* былъ человѣкъ безпокойный, рвавшійся изъ своего круга, чтобы имѣть болѣе значенія, но уже, конечно, не былъ корыстолюбцемъ или мелкимъ злоупотребителемъ.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ЗАПИСКѢ МАГНИЦКАГО.

I.

Мнѣніе дѣйствительнаго статскаго совѣтника Магницкаго.

Неблаговременность представленій о торгахъ, на лавки Щукина двора, выводитъ дѣло сіе изъ должнаго порядка. Я получилъ журналъ сегодня, 22-го Декабря, то есть за девять дней до начатія контракта, и посему не могъ ни подписать безусловно, ниже дать мнѣнія, надлежащимъ образомъ обдуманнаго, о такомъ дѣлѣ, въ которомъ, и по совѣсти и по опасенію нареканія, нужно разсмотрѣніе основательное. И такъ, теперь скажу о немъ только то, что̀, по краткости даннаго мнѣ времени и безъ обозрѣнія всѣхъ нужныхъ справокъ и свѣдѣній, сказать можно.

Капиталъ училищный есть святая собственность самаго несчастнаго у насъ класса людей: учителей, дѣтей и сиротъ ихъ; слѣдовательно не только строго беречь его, но и умножать его всѣми силами мы обязаны.

Для сбереженія и увеличенія вообще казенныхъ доходовъ, законы наши учреждали или публичные торги, или хозяйственное управленіе. Между сими двумя средствами нѣтъ никакой средины. Торги должны быть производимы во всей ненарушимости ихъ правилъ. Тщетно будутъ мнѣ говорить обыкновенное и, столько разъ мною слышанное, возраженіе, что никто не является на торги: ибо я вижу изъ дѣла, что нанимающіе лавки прибавляютъ 5 процентовъ за то только, чтобъ торговъ не было; ибо знаю, что ежели никто не является въ Комитетъ, можно торги сдѣлать въ Губернскомъ Правленіи; можно отдать весь Щукинъ дворъ на откупъ или въ хозяйственное управленіе. Мнѣ возразятъ, вѣроятно, что сіе разоритъ продавцевъ; но я говорю въ пользу бѣдныхъ учителей и сиротъ ихъ, которые стоятъ сихъ продавцевъ и за коихъ да позволено мнѣ будетъ, хоть одному, вступиться.

Въ началѣ сего дѣла агентъ казенныхъ дѣлъ говорилъ о какихъ-то злоупотребленіяхъ по сему предмету. Въ чемъ состоятъ онѣ? Неужели съемщики лавокъ и торговыхъ мѣстъ, мимо казны, принуждены кому-либо платить и потому прибавлять не въ состояніи? Неужели на торги допускаются не всѣ являющіеся? Вотъ вопросы, которые тотчасъ возникнуть могутъ и составятъ нареканіе, коего, при каждой подписи въ семъ дѣлѣ, можно опасаться.

И такъ, въ отвращеніе всѣхъ сихъ неудобствъ и непріятностей, я бы полагалъ:

1) Не прерывая занятій Хозяйственнаго Комитета, изъ одного его члена, изъ агента казенныхъ дѣлъ и одного чиновника департамента просвѣщенія составить комитетъ,

который-бы вникнулъ основательно въ сіе дѣло, удостовѣрился точно въ истинной цѣнѣ лавокъ и мѣстъ, нашелъ способъ ввести его въ строгій законный порядокъ и увеличить доходъ казенный.

2) До окончанія сего разсмотрѣнія, предписать, чтобы не иначе, какъ за полгода до истеченія контрактовъ, докладывали Правленію о новыхъ торгахъ и распоряженіяхъ.

2.

Письмо къ Магницкому директора Саратовскихъ училищъ Миллера, отъ 24-го Іюля 1829 г.

Въ Мартѣ мѣсяцѣ 1827-го года, Правленіе Казанскаго Университета препроводило въ Саратовскую Гимназію билетъ С.-Петербургскаго Опекунскаго Совѣта, на 3300 рублей, при увѣдомленіи, что остальные 500 рублей, изъ шести тысячъ рублей, доставленныхъ къ вашему превосходительству въ 1825-мъ году на покупку физическихъ инструментовъ, выданы въ задатокъ механику *Роспини*. Далѣе, въ Генварѣ 1828-го года, дано знать Гимназіи, что, по высочайше утвержденному положенію Комитета Министровъ, главное казначейство удержало у вашего превосходительства, изъ производящагося вамъ содержанія, въ числѣ прочихъ суммъ, Университету принадлежащихъ, 500 рублей, *излишне показанныхъ выдачею въ задатокъ механику Роспини* (слова университетскаго предписанія), и на оные проценты, считая до 24-го Мая 1826-го—по 12-е Сентября 1827-го по ½ копѣйки со ста на мѣсяцъ, 39 рублей 56 копѣекъ, всего 539 р. 56 к., которыя деньги отданы Правленіемъ Университета въ Казанскій Приказъ Общественнаго Призрѣнія, для приращенія процентами.

Нынѣ *Роспини*, доставивъ въ Гимназію заказанные ему инструменты, цѣною на 4133 рублей, получилъ, въ число сей суммы, 3633 рублей: ибо въ отношеніи своемъ изъясняетъ, что вашимъ превосходительствомъ выдано ему 500 рублей.

Такимъ образомъ Гимназія пріобрѣла, на счетъ вашего превосходительства, лишнихъ 500 рублей: ибо прежде весь капиталъ, 6000 рублей, возвращенъ оной сполна, а потомъ, при расплатѣ за инструменты, зачтены еще, выданные механику *Роспини*, 500 рублей.

Считая обязанностію наблюдать не только за тѣмъ, чтобы Гимназія не понесла убытка, но и за тѣмъ, чтобы не допускала никакихъ неправильныхъ дѣйствій, хотя бы оныя и служили къ ея обогащенію, я не могу умолчать о семъ предъ вашимъ превосходительствомъ, и покорнѣйше прошу увѣдомить меня, угодно ли будетъ вашему превосходитель-

ству снестись объ этомъ съ Правленіемъ Казанскаго университета, или совѣтуете мнѣ начать дѣло, въ полной увѣренности, что съ моей стороны исполнено будетъ все, чего требуетъ долгъ честнаго человѣка, независимо отъ оказанныхъ мнѣ вашимъ превосходительствомъ несчетныхъ ласкъ и благодѣяній.

(*Изъ бумагъ М. М. Попова, коему принадлежатъ и примѣчанія къ послѣдней статьѣ*).

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ВЕНГЕРСКОЙ КАМПАНІИ.

(Замѣтки участника и очевидца).

1.

Въ началѣ 1849 года Австрійская Имперія, благодаря политическимъ и соціальнымъ смутамъ, находилась на краю гибели. Габсбурги видѣли вѣковую власть свою со всѣхъ сторонъ сокрушенную: Богемія домогалась своихъ правъ; Сардинія, не смотря на побѣды Радецкаго, медлила заключить миръ, выжидая бо̀льшаго развитія невзгодъ Австріи; Вѣна была въ рукахъ соціальной партіи своего населенія; не было надежнаго войска, оно морально упало духомъ; не было денегъ, даже кредиту. Венгерцы, освободивъ свой край отъ Австрійскаго владычества, съ увѣренностію побѣдителей шли на Вѣну. Молодой императоръ Францъ Іосифъ могъ предпоставить имъ солдатъ, привыкшихъ бѣжать въ столкновеніяхъ съ Венграми, которые внушали имъ какой-то панической страхъ. Георгій изъ-подъ Коморна приближался къ Вѣнѣ, защищаемой нѣсколькими баталіонами, и только прибытіе нашей 9-й дивизіи, подъ командой Панютина, могло остановить Георгія въ осуществленіи его смѣлаго плана, который могъ бы уничтожить вполнѣ политическую самостоятельность Австріи.

2.

Венгерцы, водимые закоренѣлою ненавистью къ Шварцъ-Гелбамъ (они дали это прозвище Нѣмцамъ по черножелтому знамени ихъ) въ полномъ разгарѣ побѣды и свободы, имѣя во главѣ войскъ своихъ Георгія и Бема, могли выставить противъ изгнаннаго врага до 100,000 человѣкъ и 500 орудій, присланныхъ имъ, вмѣстѣ со всею Венгерскою кавалеріею, самимъ императоромъ Фердинандомъ въ 1848 году, въ то время, когда, еще не разувѣренный баномъ Кроаціи Іелачичемъ, онъ вполнѣ былъ убѣжденъ, что

именно Мадъяры ему вѣрны и что они возстали единственно для усмиренія непріязненныхъ ему Славянъ. Венгрія сдѣлалась властительницею судебъ Австріи. Францу Іосифу, имѣвшему плохую артилерію, еще худшую кавалерію и солдатъ морально уничтоженныхъ, оставалось одно, для поддержанія себя на тронѣ Габсбурговъ, — ѣхать умолять Россію о помощи.

3.

Съ весны 1848 года Валахія была занята нашимъ 5-мъ корпусомъ. Въ составъ дѣйствующей арміи входили 4 пѣхотныхъ корпуса и 3-й кавалерійскій. Эта сила въ 186.516 человѣкъ съ 584 орудіями была сосредоточена на границѣ, снабженная провіантомъ и военными снарядами, готовая выступить противъ непріятеля по первому приказу.

Францъ Іосифъ прибылъ въ Варшаву просить спасенія у Императора Николая. Императоръ Россіи по своему высоко-рыцарскому характеру, всегда жаждавшій новой славы для Россіи, не медля далъ приказъ войскамъ перейдти границу. Война была объявлена въ концѣ Апрѣля.

4.

Въ 1848 году Россія заявила, что она остается нейтральною по дѣламъ Европы, покуда не затронутся ея интересы. Причину къ покоренію Венгріи не трудно было найдти: то были во первыхъ, сильная революціонная пропаганда на самыхъ нашихъ границахъ; во вторыхъ, масса Польскихъ выходцевъ, пріютившихся въ Венгерской арміи, хотя, по правдѣ сказать, эти выхваляемые Польскіе полки были печальные легіоны, состоявшіе изъ сброда въ 2000 человѣкъ, отъ которыхъ самъ Кошутъ не зналъ какъ отдѣлаться. Трудно предположить, чтобы Венгерцы, избавившись отъ Нѣмецкаго ига, могли-бы мыслить о помощи Польшѣ и рисковать столкновеніемъ съ Россіею, могущественною по своей военной силѣ. Невѣроятно, чтобы Венгерцы, по желанію 2000 эмигрантовъ, могли-бы отважиться на борьбу съ нами. Все, чего могли ожидать отъ нихъ Поляки,— это только моральной симпатіи, равносильной симпатіи Ламартина.

5.

Сосѣдство бунтующей Венгріи не могло дѣйствовать на наши Польскія провинціи. Только народъ (сельское населеніе) можетъ производить опасныя возстанія, а онъ былъ преданъ правительству: одного слова достаточно было, чтобы Польская масса пошла по слѣдамъ Галичанъ 1846 года. Въ Польшѣ шляхта и обыватели городовъ одни намъ враж-

дебны; но они боялись народа, у нихъ свѣжо было воспоминаніе объ участи помѣщиковъ Галиціи, и слишкомъ они были убѣждены, что сочувствіе поселянъ не лежитъ къ нимъ и что, въ случаѣ возстанія, они будутъ жертвою его. Помощь Россіи въ усмиреніи Венгріи стоила ей до 60 милліоновъ и 30,000 человѣка, кромѣ вреда, необходимаго отъ застоя во время войны мирныхъ улучшеній, торговли и промышленности. Россія спасла Австрію въ свой ущербъ въ настоящемъ, а можетъ быть и въ будущемъ. Націи, какъ и отдѣльныя личности, обыкновенно платятъ за услуги ненавистью и при случаѣ—вредомъ.

6.

Съ точки зрѣнія владычества надъ Славянами, Австрія—непримиримый врагъ Россіи. Она глубоко понимаетъ племенное влеченіе Славянъ, видитъ его, знаетъ по опыту, что не можетъ быть единства между Славянскою и Германскою расами: все ихъ раздѣляетъ, ничего межъ ними не можетъ быть общаго; взаимная ненависть живуча. Австрія видѣла сочувствіе Венгерскихъ Славянъ къ Россіи и ненависть къ ихъ притѣснителямъ, Мадъярамъ и Нѣмцамъ. Когда Русскіе входили врагами въ Венгрію, Карпатскіе Славяне встрѣчали ихъ, какъ братьевъ-избавителей, и сами Русскіе, отъ генерала до солдата, исполняя свой долгъ защитниковъ Австріи, сочувствовали явно болѣе своимъ соплеменникамъ, нежели военнымъ союзникамъ.

Первое дѣло Австріи, по выходѣ нашего войска изъ Венгріи, послѣ казни генераловъ, которые намъ сдались, было укрѣпить всѣ тѣ проходы въ Карпатахъ, черезъ которые мы проходили.

7.

Но въ этомъ вмѣшательствѣ въ Венгерскій вопросъ, нельзя совершенно отвергать отдаленную политическую пользу. Панславянство имѣетъ двѣ рѣзко отдѣляющія партіи: соединеніе съ Россіею и соединеніе западныхъ Славянъ, безъ соучастія Россіи и отчасти непріязненное.

Россія въ своей силѣ и могуществѣ не нуждается въ другихъ Славянскихъ племенахъ. Сильная сама собою, она можетъ только принять остальныхъ Славянъ по ихъ просьбѣ въ среду свою. Ручьи текутъ въ море, оно только принимаетъ ихъ и даетъ имъ свое соединительное значеніе.

Нельзя было въ эпоху всеобщаго раздраженія Европы (при общемъ тогдашнемъ направленіи всѣхъ націй не только сохранить, но и широко развивать свои права и гарантіи) соединить Славянъ въ разнообразныхъ ихъ требованіяхъ, не давъ имъ много правъ, которыхъ дать имъ не было воз-

можности: сама Россія, центръ Славянщины, ихъ не имѣла. Но было можно отдалить, отнять силу у непріязненнаго западнаго Славянства, которое тогда все болѣе и болѣе усиливалось въ Панславянскомъ вопросѣ. Необходимо было показать, гдѣ Славянамъ въ будущемъ нужно искать руку помощи отъ натисковъ чужихъ племенъ (какъ то дѣлали Мадъяры, съ Славянскимъ населеніемъ въ Венгріи), показать въ странѣ, частью Славянской, все могущество Россіи, той необъятной силы, которую сама судьба дала въ покровители разъединеннымъ Славянскимъ племенамъ. Въ 1848 году западное Панславянство пыталось соединиться подъ покровомъ Габсбурговъ, укрѣпляя въ то время расшатавшуюся Австрію, съ ея политикой *Анти-Славянской*, и нельзя было сомнѣваться въ горькомъ и скоромъ разочарованіи тогда сильной партіи, державшейся западнаго воззрѣнія въ Панславянскомъ вопросѣ.

8.

Съ Апрѣля наши войска вступили въ Галицію. Мы, адъютанты Фельдмаршала, 28-го Мая получили приказъ ѣхать въ Дуклу. Мы оставляли Варшаву, болѣе какъ бы отправляясь на праздникъ или прогулку, чѣмъ на бой; намъ всѣмъ казалось, что мы предпринимаемъ лѣтнее путешествіе съ цѣлью удовольствія. Труды и опасности войны совсѣмъ никого не смущали. Увѣренность въ успѣхѣ была общимъ ощущеніемъ.

9.

День, проведенный въ Краковѣ, былъ занятъ разными покупками, осмотромъ знаменитаго собора съ гробницами королей, обѣдомъ у Паули и посѣщеніемъ театра. На другой день Глинка, Паулучи, Гауке и я, нанявъ дилижансъ, отправились въ Дуклу, проѣхали Величку, Бохну, Тарновъ (театръ событій 1846 г.) и достигли Дуклы, изъ которой на другой же день получили приказаніе прибыть въ Звѣнигородъ, гдѣ уже находились: Императоръ, В. К. Константинъ и Фельдмаршалъ. Наша армія переходила въ Венгрію въ численности 162.951 солдатъ и 528 орудій. Въ Трансильванію, въ тоже время, вступалъ Лидерсъ во главѣ 23.565 солдатъ и 56 орудій. Всего 186.516 солдатъ и 584 пушки.

10.

6-го Іюня мы оставили Звѣнигородъ и вошли въ Венгрію. 2-й и 4-й пѣхотные корпуса прошли съ главной квартирой черезъ ущеліе Карпатъ при Звѣнигородѣ. 3-й корпусъ черезъ Неймарское. Грабе, съ 10 баталіонами и 56 оруд. 2-го корпуса, вошелъ въ Венгрію справа отъ Звѣнигорода. Сакенъ съ 8 бат., уланами 2-го кавалерійскаго корпуса и 32 орудіями

черезъ ущеліе Стри. Въ тотъ же день вошли въ Трансильванію Гротенгельмъ съ бригадой пѣхоты, 6-ю эскадронами кавалеріи, 32 орудіями и 2800 человѣкъ урбановъ; Лидерсъ изъ Молдавіи, съ своимъ 5 корпусомъ и 56 пушками. Австрійцы, подкрѣпленные нашею 9-ю пѣхотною дивизіею, начали военныя дѣйствія съ своей стороны отъ Пресбурга и Коморна.

11.

Императоръ ѣхалъ съ нами верхомъ до Грань, границы Венгріи, перешелъ ее и сдѣлалъ нѣсколько верстъ по Венгріи. На самомъ рубежѣ Галиціи, стояло нѣсколько сотъ собравшихся Карпатскихъ Славянъ. При видѣ Государя, они бросились на колѣни. Стоявшій передъ ними уніятскій священникъ съ крестомъ подошелъ къ Николаю Павловичу, который къ нему приложился, при возгласѣ Словаковъ: «*Царь нашъ*». Вотъ первый шагъ въ предѣлахъ Венгріи. Подумалъ-ли Императоръ о великой своей миссіи въ судьбѣ Славянъ? Говоря объ этой встрѣчѣ, я долженъ прибавить, что въ теченіи пребыванія своего въ Звѣнигородѣ, Государь по два раза въ день выѣзжалъ верхомъ на встрѣчу проходившихъ войскъ; эти выѣзды всегда сопровождались толпою Звѣнигородскихъ жителей, бѣгавшихъ за его лошадью, съ тѣми же криками: «Царь, Царь!»

12.

7-го Іюня изъ Зборъ, селенія съ великолѣпными развалинами средневѣковаго замка Ракоци, Фельдмаршалъ сдѣлалъ рекогносцировку къ Бартфельду, по слухамъ еще занятому непріятелемъ, но онъ былъ въ ночь покинутъ имъ, и нѣсколько нашихъ баталіоновъ перешли уже на ту сторону города. Съ версту отъ Бартфельда по шоссе къ Еперіесу, въ Лафольвѣ, разбилъ свой лагерь Дембинскій съ 18,000 войска; увидавъ на нашемъ авангардѣ казаковъ, человѣкъ неболѣе 20, Венгерцы выскочили на встрѣчу имъ, и перестрѣлка завязалась. Фельдмаршалъ послалъ на помощь свой конвойный полкъ линейныхъ казаковъ. Венгерскіе гусары поспѣшили укрыться въ свой лагерь и, въ ту же ночь Дембинскій, снявъ его, началъ отступленіе.

13.

Четыре дня провели мы въ Бартфельдѣ, маленькомъ городкѣ, можно сказать, въ одну только улицу, съ 6000 жителями. Изъ зданій въ немъ могутъ обратить на себя вниманіе ратуша и соборъ, какъ вообще то бываетъ во всѣхъ средневѣковыхъ городахъ. Въ окрестности находится водолечебное заведеніе, когда-то бывшее въ большой славѣ;

мѣстоположеніе его живописно, и помѣщенія въ немъ комфортабельностію и даже изяществомъ построекъ не уступаютъ своимъ Германскимъ соперникамъ. Бартфельдъ былъ укрѣпленъ палисадами, и въ немъ устроили госпитали и складные магазейны муки и сухарей; четыре орудія и два баталіона были оставлены для защиты. Въ теченіи этихъ 4-хъ дней мы дѣлали рекогносцировки отъ 20 до 40 верстъ въ день. 9-го Іюня мы заѣхали впередъ нашихъ аванпостовъ въ Терни; въ нѣсколько саженяхъ въ лѣсу скрывалось 800 Венгерцевъ, и на церкви селенія развѣвалось непріятельское знамя. Кромѣ многочисленной свиты Фельдмаршала, мы имѣли изъ войска линейный казачій и мусульманскій полки.

14.

Дембинскій отступалъ преспокойно; его не атаковали, даже не сильно преслѣдовали. По разсказамъ жителей, онъ выжидалъ насъ подъ Еперіесомъ, городомъ укрѣпленнымъ, и тамъ будто намѣренъ былъ дать намъ сраженіе. Нѣсколько верстъ не доходя до города, мы узнали, что онъ оставилъ Еперіесъ. Фельдмаршалъ, ѣхавшій со своимъ штабомъ, гораздо впереди шедшей пѣхоты, получивъ это извѣстіе, поскакалъ прямо въ городъ. У воротъ его по обѣимъ сторонамъ стояли группы молоденькихъ красивыхъ дѣвушекъ, въ бѣлыхъ платьяхъ, съ корзинками въ рукахъ, изъ конхъ онѣ бросали цвѣты подъ скачущихъ нашихъ коней. Всѣ дома главной улицы, ведущей къ площади собора, были разукрашены разноцвѣтными флагами и коврами, на балконахъ и у оконъ стояли дамы, махавшія платками и бросавшія намъ букеты и вѣнки изъ цвѣтовъ; воздухъ оглашался виватами. Этимъ торжественнымъ пріемомъ мы обязаны Славянскому населенію Еперіеса: оно видѣло въ насъ родичей, освободителей отъ соединеннаго ига Нѣмцевъ и Мадъяръ, которому городъ былъ обязанъ уже многими невзгодами въ теченіи 1848 года.

Фельдмаршалъ занялъ съ своею свитою и конвоемъ Еперіесъ въ то время, когда еще выходили въ противоположную его заставу солдаты Дембинскаго: знамя Кошута еще украшало ратушу и соборъ. Черезъ полчаса только войско вошло въ занятый нами Еперіесъ.

15.

11-го Іюня Ридигеръ, послѣ незначительнаго дѣла при переходѣ Карпатъ въ Гитарсѣ, соединился съ нами.

Городъ Еперіесъ средневѣковаго стиля: въ немъ 12.000 жителей и нѣсколько замѣчательныхъ зданій; въ исторіяхъ Польши и Венгріи онъ часто упоминается.

Едва прилёгъ я отдохнуть, какъ вошелъ ко мнѣ какой-то пѣхотный офицеръ съ заявленіемъ, что за двѣ мили отъ насъ по дорогѣ въ Кашау завязалось дѣло нашей авангардной кавалеріи съ отступающими Венграми. Хотя не вполнѣ я ему довѣрялъ, но надо было встать и вести его къ кн. Горчакову. Офицеръ принесъ достовѣрное извѣстіе: дѣло взаправду завязалось въ селеніи Самосѣ. Непріятель хотѣлъ въ немъ остановиться; но гусары наши, полка В. К. Ольги, послѣ нѣсколькихъ отважныхъ атакъ, вынудили ихъ оставить это намѣреніе и отступать далѣе.

16.

12-го Іюня мы двинулись къ Кашау, съ увѣренностію дать рѣшительное сраженіе. Приближаясь къ городу, мы нашли сдѣланныя передъ нимъ укрѣпленія уже оставленными. Фельдмаршалъ послалъ къ Кашау казаковъ съ Верзилинымъ разузнать о непріятелѣ. Вскорѣ воротившись, онъ привезъ извѣстіе, что Кашау еще занятъ. Фельдмаршалъ послалъ меня за кавалерійскимъ отрядомъ Анрепа, стоявшаго вправо отъ шоссе, съ приказаніемъ немедленно присоединиться къ нему. Съ прибытіемъ Анрепа, мы двинулись на рысяхъ къ Кашау; но вмѣсто сраженія, опять повтореніе торжественнаго пріема Епереса: при въѣздѣ въ городъ, депутація съ бѣлыми знаменами, и хорошенькія дѣвушки съ корзинами цвѣтовъ, опять непріятель поспѣшно бѣгущій изъ города, преслѣдуемый казаками и мусульманами.

17.

Кашау—одна изъ замѣчательныхъ мѣстностей средневѣковой Венгріи; въ немъ было нѣсколько съѣздовъ королей Венгріи и Польши; въ немъ 40.000 жителей, замѣчамѣчательный по архитектурѣ соборъ, большіе дома, много магазиновъ, нѣсколько книжныхъ лавокъ и хорошенькій садъ съ ваннами; женщины доволно красивы и не безъ кокетства, но далеко уступаютъ въ этихъ качествахъ нашимъ Варшавіянкамъ. Мы пробыли въ Кашау 4 дня, помѣщаясь въ огромномъ домѣ епископа. По мѣрѣ занятія нами комитатовъ Венгріи, графъ Зичи, Австрійскій коммиссаръ при нашей арміи и вѣрный Габсбургамъ Мадъяръ, возвращалъ ихъ въ Австрійскую администрацію. Въ городахъ главною его заботою было уничтоженіе Кошутокъ (ассигнацій выпущенныхъ Кошутомъ): онъ ихъ сожигалъ публично. Въ 1848 году, выпустивъ эти ассигнаціи, Кошутъ подъ смертною казнію повелѣлъ мѣнять на нихъ всѣ Австрійскія деньги: теперь, подъ тѣми же угрозами, Австрійцы сожигали ихъ. Была еще придумана финансовая операція. Австрія создала кредитные билеты въ флоринъ, одинакой формы, но

двухъ сортовъ; одни изъ нихъ, по недостатку мелкой монеты, дозволялось рвать на кусочки для мелкихъ расплатъ. По ихъ сходству, рвались тѣ и другіе,—новый способъ платить долги, доказывающій глубокія познанія политической экономіи въ Вѣнскихъ властяхъ.

18.

14-го Іюня, 4-й корпусъ двинулся въ Такай. Венгерцы, пытаясь преградить ему переправу черезъ Тейссъ, сожгли мостъ подъ Такаемъ и поставили нѣсколько пушекъ на противоположномъ берегу. Казаки авангарда, недолго думая, сбросивъ одежду и взявши шашки между зубъ, переплыли Тейссъ (6 сотня 51 полка, командиръ Губкинъ). Озадаченные неожиданнымъ нападеніемъ, Венгры обратились въ бѣгство. Это было войско Дембинскаго. Отступая отъ Кашау, его отрядъ раздѣлился на двѣ части: одна часть направлялась въ Дебречинъ, другая въ Мишколцъ. 4-й корпусъ продолжалъ свое наступленіе и занялъ 21-го Дебречинъ. Пробывъ въ немъ четыре дня, онъ возвратился въ Мишколцъ.

Фельдмаршалъ со 2-мъ и 3-мъ корпусами, 14-го Іюня, перенесъ свою главную квартиру изъ Кашау въ Мишколцъ, гдѣ мы пробыли десять дней, чтобы снабдить войско нужнымъ провіантомъ.

19.

Въ Мишколцѣ до 60,000 жителей; онъ чисто городъ Мадьярскій; не видать въ немъ болѣе Словаковъ, съ ихъ широкими шароварами, подобными женскимъ юбкамъ, съ рубашками оканчивающимися на полгруди, съ широкополыми шляпами и накинутыми на плечо разноцвѣтными бурками изъ овечьей шкуры. Тутъ все гусары, чиновники, служители, магазинщики. Самъ городъ—огромная деревня, съ грязными улицами и съ строеніями, далеко некрасивыми; въ немъ есть Греко-Уніятская церковь и нѣсколько Протестантскихъ. Самое лучшее его украшеніе, это гора съ виноградниками, возвышающаяся надъ нимъ. 10 дней, проведенные нами въ Мишколцѣ, были самые тягостные изъ всего похода: холера въ сильномъ развитіи, проливные дожди, болотистая мѣстность Мишколца и его окрестностей, на которыхъ вынуждено было стоять бивуакомъ войско, все способствовало къ чрезмѣрному усиленію болѣзней: отъ 800 до 1000 человѣкъ ежедневно выбывало изъ фрунта. Въ теченіе пребыванія въ Мишколцѣ выбыло до 14.000, изъ коихъ 7000 уже не возвратились въ него. Недостатокъ помѣщенія для госпиталей усугублялъ наше печальное положеніе; не было достаточно докторовъ, лѣкарства, коекъ для больныхъ,

многіе изъ страдавшихъ лежали безъ соломы на голомъ полу, были и лежавшіе на воздухѣ подъ проливнымъ дождемъ и умирали, не получая никакой помощи. Для усиленія бѣдствія, по прежде-данному приказанію, были привезены изъ Кашау за 70 верстъ 300 больныхъ. Въ Мишколцѣ простояли они всю ночь подъ открытымъ небомъ и, по невозможности найти для нихъ пріютъ, были отправлены опять обратно въ Кашау. Пятая пѣхотная дивизія, на разстояніи перехода 25 верстъ отъ Мишколца въ Абрамы, лишилась отъ холеры 50 человѣкъ.

20.

Изъ Мишколца былъ командированъ г-нъ Зассъ въ горы Торнскаго комитата, для уничтоженія въ немъ бандъ гериласовъ. Черезъ два дня отрядъ возвратился, и въѣздъ былъ тріумфаторскій: впереди ѣхалъ на бѣломъ конѣ, въ буркѣ, набросанной на плечо, начальникъ отряда, за нимъ дѣятели его — мусульмане, за которыми шествовали по два въ рядъ плѣнные, съ отбитыми у нихъ знаменами въ рукахъ; въ заключеніе процессіи почетный плѣнникъ на телѣгѣ въ оковахъ. Эта блестящая экспедиція заслужила реляцію и отправку добытыхъ ею знаменъ, какъ трофеевъ, въ Варшаву; но черезъ нѣсколько дней узнали, что гериласы были мирные жители, вооружившіеся дубьемъ, въ защиту отъ нашихъ мародеровъ. Почетный плѣнный — окрестный помѣщикъ, пригласившій властей отряда къ себѣ на завтракъ; а самыя знамена—церковныя хоругви, гербъ Венгріи, Божія Матерь съ Младенцемъ, могли быть приняты двояко, судя по надобности. Вотъ вся исторія о дѣлѣ подъ Дебродомъ.

21.

Изъ Мишколца 2-й и 3-й корпуса съ главною квартирою, 24-го Іюня, выступили къ Пешту, черезъ Мезокеведзь, Кополну, Гіенгіешь и Гатвану, предполагая, занявъ Пештъ, уже оставленный непріятелемъ, подъ Коморномъ принудить Георгія къ рѣшительной битвѣ; но на пути получено было извѣстіе, что Георгій покинулъ также и Коморнъ, по случаю болѣзней, господствующихъ въ его окрестностяхъ и по недостатку въ провіантѣ для своего войска: оставивъ въ крѣпости достаточный гарнизонъ, онъ двинулся съ своею арміею къ Вейцену, надѣясь успѣть пройти его до нашего прибытія и имѣть возможность соединиться за Тейссомъ съ остальною Венгерскою арміею. Бебутовъ съ полкомъ мусульманъ немедленно былъ направленъ къ Вейцену и занялъ его 1-го Іюля. Мы находились въ это время въ 40 верстахъ отъ него, — въ Гатванѣ.

22.

3-го Іюля пришло донесеніе отъ Бебутова, что онъ вынужденъ былъ оставить Вейценъ и ретироваться отъ приближающейся арміи Венгерцевъ. 3-й корпусъ былъ впереди Гатваны въ Ашсотѣ на полдорогѣ отъ Вейцена: 2-й при главной квартирѣ. Фельдмаршалъ на дрожкахъ поѣхалъ впередъ по дорогѣ къ Вейцену, приказавъ 2-му корпусу идти неспѣша къ нему, а 3-му корпусу, который мы обогнали за Ашсотомъ, варить кашу. Отъ Вейцена съ милю, встрѣтилъ насъ кн. Горчаковъ, поѣхавшій впередъ на мѣсто дѣйствія, и доложилъ, что дѣло завязалось, что Георгій со всею своею арміею и 120 орудіями въ Вейценѣ, и что противъ всей этой силы мы имѣемъ только два баталіона пѣхоты, бригаду кавалеріи и нѣсколько пушекъ. Фельдмаршалъ разослалъ насъ всѣхъ за пѣхотою и вслѣдъ за нами самъ поскакалъ на дрожкахъ обратно по дорогѣ въ Ашсотъ. Пѣхота 3-го корпуса, встрѣченная имъ, получила приказъ идти усиленнымъ маршемъ; пѣхота 2-го корписа не достигла еще Ашсота (это было между 7 и 8 часовъ вечера). Зассъ съ авангардомъ 3-го корпуса (съ двумя баталіонами и нѣсколькими эскадронами гусаръ) соединясь съ отступавшимъ Бебутовымъ, имѣлъ неосторожность начать дѣло противъ Георгія, который, перешедъ Вейценъ, остановился въ верстѣ отъ него, при выходѣ изъ ущелія Карпатъ и, поставивъ свои 120 орудій, открылъ артилерійскій огонь. Хотя кавалерійская дивизія 3-го корпуса и съ Офенбергомъ бригада 2-го, успѣли подкрѣпить нашъ слабый отрядъ; но что могли сдѣлать, даже въ сопротивленіи, два баталіона, кавалерія и нѣсколько пушекъ? Георгій стрѣлялъ въ нихъ до самой ночи, и потеря наша была значительна. 2-й корпусъ успѣлъ пройдти Ашсотъ только въ полночь и, сопровождаемый самимъ Фельдмаршаломъ верхомъ, достигнулъ къ разсвѣту Вейцена. Венгерцы въ ночь отступили и заняли позицію при самомъ городѣ, поставивъ свои орудія на насыпь желѣзной дороги. 4-го Іюля простояли мы противъ непріятеля, не начиная битвы и выжидая, что онъ начнетъ ее; но во весь день былъ только обмѣнъ ядеръ. Георгій, узнавъ, что противъ него командуетъ самъ Фельдмаршалъ съ 40 тысячами арміи и убѣдившись, что намѣреніе его не можетъ уже быть исполнено, началъ свое отступленіе еще въ ночь на 3-го Іюля; но чтобы обмануть насъ, онъ оставилъ на занятой позиціи свой аріергардъ и немного пушекъ, подъ командою Нагп-Шандаря.

На разсвѣтѣ 5-го Іюля, Нагп-Шандарь началъ тоже свое отступленіе. Эскадронъ уланъ, полка В. К. Константина, преслѣдовалъ его черезъ Вейценъ и отбилъ у него 2 ору-

дія; но эта отвага полка стоила ему дорого: бѣгущіе Венгерцы, съ помощію жителей, скрылись въ домахъ по обѣимъ сторонамъ улицы и черезъ запертые ставни начали перекрестную стрѣльбу въ уланъ. Вся улица была усѣяна ими и лошадьми ихъ. Ридигеръ, вслѣдъ за уланами, взошелъ въ Вейценъ съ пѣхотою и, перешедъ его, продолжалъ преслѣдовать непріятеля, остановившагося на позиціи по эту сторону города; пѣхота наша пошла въ штыки. Видя это, Венгерцы поспѣшно ретировались по шоссе въ гору. Фельдмаршалъ послалъ свой линейный конвой преслѣдовать ихъ и велѣлъ мнѣ съ Донскимъ казачьимъ полкомъ идти ему на помощь. Взошедъ на гору, мы увидѣли Венгерцевъ разсыпавшихся по лѣсу и кустарнику, т. е. по самой горѣ, и стрѣляющихъ въ насъ за этимъ прикрытіемъ; два орудія ставились ими на позицію на горѣ. Анрепъ, начальникъ авангарда, остановилъ казаковъ и велѣлъ мнѣ ѣхать къ Фельдмаршалу доложить, что онъ проситъ немедленной присылки пѣхоты для вытѣсненія непріятеля изъ занятыхъ имъ кустовъ. Въ то время какъ я докладывалъ о семъ главнокомандующему, залпъ картечи былъ направленъ съ горы въ баталіоны наши, стоявшіе по бокамъ шоссе. Пѣхота получила приказъ идти въ гору и вытѣснить непріятеля изъ его засады. Приближеніе ея заставило Венгерцевъ поспѣшно отступить. Фельдмаршалъ возвратился въ Вейценъ, поручивъ Ридигеру дальнѣйшее преслѣдованіе отступающаго Георгія.

23.

5-го Іюля, въ первый разъ пришлось мнѣ быть сильно подъ пулями и ядрами непріятельскими, и я могу сказать утвердительно, что не имѣлъ ни минуты не только страху, но даже внутренняго волненія или безпокойства. Я чувствовалъ себя въ отличномъ расположеніи, былъ радъ, счастливъ, что испыталъ себя. Я страшно боялся ощутить чувство страха. Чтобы убѣдиться, что оно недоступно, надо испытать себя на опытѣ. Я вѣрю, что вообще храбрость есть только слѣдствіе самаго темперамента индивидуума. Человѣкъ родится храбрымъ, какъ родится трусомъ, мимо своей воли, и остается таковымъ.

Трехдневное сраженіе подъ Вейценомъ не имѣло результата. Георгій самъ былъ удивленъ, какимъ образомъ могъ онъ ускользнуть отъ насъ при выходѣ изъ Вейцена. (Зап. Геор. въ Гросъ-Вардейнѣ). Съ нашею силою, какъ не преградили мы ему отступленіе? Положеніе его было критическое; множество мирныхъ жителей: стариковъ, женщинъ, дѣтей слѣдовало за его арміей (до 15.000 человѣкъ), 4000 повозокъ съ пожитками сопровождали ихъ; войско его состоявшее изъ 35.000 конведовъ (ополченіе) нуждалось въ про-

віантѣ и изнемогало отъ усталости. Два дня преслѣдовалъ его Ридигеръ и ежедневно набиралъ по 500 человѣкъ отсталыхъ, которые гласно заявляли свою радость, что попали въ плѣнъ и просили отпустить ихъ по домамъ, что̀ съ ними и дѣлали. Ежели бы продолжали энергически преслѣдованіе, вся-бы армія Георгія сдалась; но Ридигеръ получилъ приказаніе присоединиться къ главной квартирѣ въ Гіенгіешѣ.

24.

Вотъ оффиціально показанныя причины прекращенія преслѣдованія Георгія. У насъ было провіанту всего на три дня, благодаря Австрійцамъ, которые по условію не доставили его намъ: хотя и былъ онъ заготовленъ въ Пештѣ, но Гайнау забралъ его для своего войска; продовольствовать же войско наше въ горахъ, преслѣдуя Георгія, не было ни малѣйшей возможности, тѣмъ болѣе, что Георгій, шедшій впереди, бралъ все, что̀ тамъ можно было достать. Преслѣдовать всѣми нашими силами было рисковано и давало свободу дѣйствія отрядамъ Высоцкаго и Перцеля, перешедшихъ Тейссъ и угрожавшихъ нашему тылу. Поручить преслѣдованіе одному 3-му корпусу, — это было жертвовать этимъ корпусомъ, ибо онъ состоялъ изъ 15.000; а Георгій имѣлъ 35.000. Гайнау увѣдомилъ Фельдмаршала, что выступаетъ изъ подъ Коморна съ двумя Австрійскими корпусами и идетъ по слѣдамъ Георгія и просилъ его пересѣчь ему дорогу подъ Вейценомъ и черезъ то помѣшать плану его—соединиться съ остальною Венгерскою арміею; для сего предлагалъ, 4-го Іюля, окружить его подъ Вейценомъ (причина нашей недѣятельности 4 Іюля); но вмѣсто того, чтобы идти соединиться съ нами, Гайнау пошелъ совершенно въ противоположную сторону въ Солнакъ и, хотя говорилъ, что предупредилъ объ этомъ тотчасъ же, но письмо его было получено нѣсколько дней послѣ дѣла 3, 4, 5 Іюля (Аугсб. Газ. 1851 г.) Австрійская благодарность уже высказывалась.

25.

Зассъ и Хрулевъ продолжали слѣдить за Георгіемъ, но ихъ способы были такъ малы, что они не могли вредить его отступленію, а болѣе только наблюдали за его движеніями. Хрулевъ настигъ Венгерцевъ и, съ свойственною ему отвагою, послалъ находившагося при немъ поручика Котлерова парламентеромъ къ Георгію, съ предложеніемъ сдачи, такъ-какъ онъ уже окруженъ Русскими войсками. Конечно Георгій не могъ не знать точной численности нашего отряда, имѣя отличныхъ шпіоновъ; онъ не могъ поддаться хитрой выходкѣ Хрулева, но воспользовался ею для давно же-

лаемаго имъ начала сношеній съ главною квартирою. Онъ любезно принялъ Котлерова и заявилъ ему, что онъ, какъ главнокомандующій Венгерскою арміею, можетъ сдаться по сношеніямъ съ самимъ Фельдмаршаломъ, и просилъ доставить въ главную квартиру письмо его. Въ немъ говорилъ онъ о ненависти къ Австрійцамъ и общей симпатіи къ Русскимъ и высказывалъ свое желаніе войти въ соглашеніе съ нами. Георгій видѣлъ невозможность продолжать войну и желалъ ея окончанія на выгодныхъ условіяхъ для Венгріи. Далеко не на столько революціонеръ, какъ Кошутъ, онъ не мыслилъ о совершенномъ освобожденіи Венгріи отъ владычества Австріи, а хотѣлъ единственно правъ, которыя бы обезпечивали бытъ Венгерцевъ.

26.

Въ это время Высоцкій, перешедъ Тейссъ, шелъ соединиться съ Георгіемъ и надѣялся это сдѣлать подъ Вейценомъ. Узнавъ, что мы уже пересѣкли этотъ путь Георгію и что нашъ обозъ остался въ Гатванѣ, подъ прикрытіемъ 12 орудій, 5-го баталіона пѣхоты и эскадрона гусаръ, Высоцкій хотѣлъ попытаться захватить его до нашего обратнаго выхода изъ Вейцена. Гр. Толстой съ гусарами 2-й кав. дивизіи, нѣсколькими орудіями и эскадрономъ уланъ былъ посланъ воспрепятствовать этому намѣренію.

Главная квартира пробыла два дня въ Вейценѣ, который былъ совершенно покинутъ жителями; можно было расположиться въ любомъ домѣ: всѣ были пусты. Вейценъ—хорошенькій городъ, на берегу величественнаго Дуная, широко разлитаго передъ нимъ. Мы занимали дворецъ примаса, великолѣпное зданіе, со множествомъ коридоровъ и большихъ залъ; въ немъ стоялъ Георгій наканунѣ Вейценской встрѣчи, и при насъ нѣсколько комнатъ были заняты ранеными Венгерскими офицерами, которыхъ мы снабдили по возможности въ ихъ нуждахъ.

27.

7-го Іюля главная квартира выступила изъ Вейцена обратно къ Мишколцу. 8-го Іюля, во время обѣда въ Ашсотѣ, Фельдмаршалъ получилъ увѣдомленіе, что за нѣсколько верстъ въ Турѣ гр. Толстой атакованъ Высоцкимъ съ 7000 войска. Сѣвъ на лошадь, Фельдмаршалъ со всею своею свитою поскакалъ туда. Толстой уже нѣсколько часовъ боролся противъ несоразмѣрной силы Высоцкаго; эскадронъ Харьковскаго уланскаго полка (подъ командою Дукшинскаго) служившій ему авангардомъ, съ самаго утра удерживалъ натискъ Венгерцевъ, отступая къ остальной части отряда. Гусарскій В. К. Ольги полкъ сдѣлалъ нѣсколько блестящихъ атакъ, но численность непріятеля была въ три

раза болѣе. Окруженные и тѣснимые со всѣхъ сторонъ, наши кавалеристы вступили въ рукопашный сабельный бой; и гибель ихъ была неизбѣжна, ежели-бы въ эту минуту не пришла 3-я дивизія пѣхоты. Лабинцовъ находился не вдалекѣ отъ Тура. Узнавъ объ опасности Толстаго, онъ велѣлъ своей дивизіи сбросить ранцы и каски и во главѣ ея бѣглымъ шагомъ явился на поле сраженія. Венгры, не имѣя даже посредственной пѣхоты, боялись нашей. Появленіе Лабинцова обратило ихъ въ бѣгство; мы преслѣдовали ихъ десять верстъ до замка Сомбола, гдѣ воспользовались обѣдомъ приготовленнымъ для Высоцкаго и его окружающихъ.

28.

Поздно вечеромъ возвращаясь въ Ашсотъ, мы съ Меньковымъ отстали отъ своихъ сопутниковъ, адъютантовъ и офицеровъ генеральнаго штаба; ѣдучи и разговаривая въ глубокой темнотѣ, мы сбились съ проложенной степной дороги и рѣшительно не знали, гдѣ мы и куда ѣдемъ. Увидавъ въ сторонѣ огонекъ, мы направились къ нему. Это былъ помѣщичій домъ. Взошедъ въ него, мы застали хозяевъ, нѣсколько мужчинъ и молодыхъ дамъ за ужиномъ. Объяснивъ имъ пофранцузски наше положеніе, мы съ любезнымъ приглашеніемъ отужинать получили въ отвѣтъ, что мы направились не къ себѣ, а прямо къ бивуаку непріятельскому. Бесѣда наша съ нашими врагами продолжалась дружественно, оживленно, далеко за полночь, а на прощаньи дали они своего слугу, для отысканія проводника. Онъ повелъ насъ по улицѣ деревни и, приведши въ какой-то дворъ, впустилъ насъ въ него, ушелъ и заперъ ворота. Положеніе наше въ замкнутомъ дворѣ, въ срединѣ Мадъярской деревни, было довольно оригинально; но комическая сторона его и нашихъ приключеній невольно заставила насъ смѣяться надъ самими собою. Простояли мы съ полчаса съ полнымъ равнодушіемъ къ тому, что̀ насъ ожидаетъ и оставляя себя на произволъ судьбы. Отворяются наконецъ ворота, и появляется какая-то личность съ фонаремъ въ рукахъ. Не понимая его Мадъярскаго краснорѣчія, по мимикѣ его мы поспѣшили слѣдовать за нимъ, произнося отъ времени до времени Ашсотъ и получая согласительное киваніе головой. Часа черезъ два мы благополучно достигли до нашей главной квартиры.

29.

4-й корпусъ въ составѣ 2-хъ дивизій пѣхоты и 2300 человѣкъ кавалеріи, съ возвращенія своего изъ-подъ Дебречина нѣсколько разъ переходилъ изъ Мишколца въ Мезокеведзь и обратно. Георгій неожиданно занялъ Мишколцъ, забралъ

весь нашъ провіантъ и пошелъ на встрѣчу къ Чеодаеву, который въ это время съ 4-мъ корпусомъ былъ между Абрамами и Мишколцемъ. 11-го Іюля ихъ авангарды имѣли стычку въ Гаранѣ; 12-го Чеодаевъ со всѣми своими силами состязался съ Георгіемъ, который вечеромъ того же дня перешелъ черезъ Мишколць и взялъ позицію по другой его сторонѣ на Такайской дорогѣ въ Золскѣ. Наше войско заняло Мишколцъ и на другой день 13-го цѣлый день сражались съ Венгерцами въ Золскѣ. Чеодаевъ растрѣлялъ всѣ свои снаряды и получилъ приказаніе прекратить бой. 14-го онъ еще имѣлъ стычку подъ Керемомъ. 13-го Іюля главная квартира, имѣя при себѣ 4-ю пѣхотную дивизію 2-го корпуса, бригаду 8-й дивизіи и бригаду кавалеріи, находилась въ Мезокеведзѣ, въ 40 верстахъ отъ Мишколца. Фельдмаршалъ приказалъ намъ адъютантамъ ѣхать впередъ въ Абрамы и ждать тамъ его пріѣзда. (Абрамы на полдорогѣ Мезокевезда и Мишколца). Прождавъ тамъ напрасно цѣлый день, мы вечеромъ получили приказъ вернуться въ Мезокевездь. 15-го Іюля главная квартира перешла Тейссъ въ Тиссо-фюретѣ.

Если бы 3-й корпусъ могъ продолжать начатое имъ преслѣдованіе Георгія, онъ былъ-бы окруженъ подъ Мишколцемъ 2 и 4-мъ корпусами, и 3-мъ его преслѣдующимъ; и въ одно время со стороны Такая Сакеномъ и Грабе, которые стояли въ томъ направленіи. Но не говоря даже о преслѣдованіи 3-мъ корпусомъ Георгія, 13-го Іюля, во время сраженія его съ 4-мъ корпусомъ, мы могли совершенно уничтожить его войско: у него было всего 30.000 человѣкъ, у насъ четыре дивизіи пѣхоты, много кавалеріи и до 250 пушекъ; усиленнымъ маршемъ намъ нетрудно было нагнать его и поставить между нами и отрядами Сакена и Грабе, въ общемъ составѣ располагавшими 88-ю орудіями, 18-ю баталіонами и 4-мя полками кавалеріи.

Георгій вторично вывернулся изъ рукъ нашихъ.

30.

13-го Іюля князь Горчаковъ былъ отправленъ утромъ изъ Керешенди съ 5 дивизіею пѣхоты, бригадою кавалеріи, 24 орудіями и нѣсколькими сотнями казаковъ, чтобы, перешедъ Тейссъ, завладѣть Тиссо-фюретомъ и обезпечить черезъ то переправу арміи. Венгерцами командовалъ въ Тиссю-фюретѣ Карпонай; у него было 500 гонведовъ и 1500 національной гвардіи Дебречина и 2 пушки. При появленіи нашего отряда, Дебречане сожгли мостъ и, поставивъ свои два орудія на противоположномъ берегу, открыли огонь изъ оныхъ. Гонведы заняли лѣсъ вдоль рѣки и начали ружейную стрѣльбу. Князь Горчаковъ на разсвѣтѣ 14-го Іюля имѣлъ уже 2 батареи на го-

товѣ: одну противъ пушекъ Дебречинцевъ, другую противъ лѣса, занимаемаго гонведами. Послѣ перваго залпа изъ нихъ, мысль сопротивляться покинула Венгерцевъ, и они быстро скрылись. Кн. Горчаковъ писалъ Фельдмаршалу: «противъ меня какая-то сволочь» (Дебречане были вооружены только пиками). Нѣсколько ротъ переправились черезъ Тейссъ, и понтонной мостъ былъ устроенъ для перехода нашей арміи. 15-го Іюля 2 и 3-й корпуса съ главною квартирою находились уже въ Тиссо-фюретѣ.

31.

Какъ объяснить приказъ 4 корпусу 13-го Іюля прекратить сраженіе съ Георгіемъ и переходъ нашъ въ тотъ же день черезъ Тейссъ, оставляя непріятеля въ окрестности Мишколца?

Въ защиту этого стратигическаго факта были слѣдующіе доводы. Сражаться съ Георгіемъ было терять своихъ солдатъ безъ всякаго приближенія къ предначертанному исходу войны, оставляя свободный выходъ для Георгія, даже способствуя его соединенію съ остальными отрядами Венгерцевъ; а мы готовили себѣ полную сдачу Венгерской арміи, изыскивали способъ совершенно покончить войнусъ меньшими жертвами и гораздо скорѣе. Прекращеніе дѣла съ Георгіемъ 14-го Іюля подъ Мишкольцемъ было слѣдствіемъ желанія сохранить центральную позицію и завладѣть переходами черезъ Тейссъ въ Тиссо-фюретѣ и въ Чеги, и черезъ то быть въ возможности, судя по обстоятельствамъ, двинуться на Сѣверъ или на Югъ, смотря, куда пойдетъ Георгій. Если-бы онъ взялъ направленіе къ Кашау, то преслѣдовать его со всѣми нашими силами; если на Югъ, то имѣть возможность перерѣзать ему путь въ Дебречинъ и поставить его между 2 и 3 корпусами, и 4-мъ съ отрядомъ Сакена. Къ тому же движеніе Гайнау на Чолнокъ требовало занятія Тейсса, дабы имѣть возможность дать ему помощь, въ случаѣ его разбитія Венгерцами. Я слышалъ разговоръ Фельдмаршала съ Сельваномъ, командующимъ гарнизонами всѣхъ городовъ, занятыхъ нами отъ Такая до Бартфельда. Онъ говорилъ, что его наиболѣе безпокоила, мысль, чтобы Георгій не бросился на Кашау, гдѣ со всѣми гарнизонами городовъ отрядъ Сакена не имѣлъбы возможности остановить его (всѣ вмѣстѣ имѣли 16 баталіоновъ, 2 кавалерійскіе полка, 200 Черкесовъ и 60 орудій), чтобы онъ вдругъ не завладѣлъ всѣми нашими складами провіанта, находящимися въ Бартфельдѣ и потомъ черезъ Карпаты не пошелъ прямо на Вѣну: Сѣверъ Венгріи былъ безъ войска, и Вѣна имѣла всего два баталіона для своей защиты. На нѣкоторыя возраженія Сельвана, Фельдмаршалъ замѣтилъ: «Вы не знаете Георгія; онъ замѣчаетъ малѣйшую

ошибку непріятеля и пользуется ею съ успѣхомъ». — Отъ чего же Георгій не пошелъ въ Карпаты, чтобы лишить насъ средствъ продовольствія и даже прервать наши сообщенія съ Польшею? Онъ былъ убѣжденъ, что успѣхъ былъ бы только временный: онъ зналъ численность нашихъ резервовъ въ Галиціи и Польшѣ, зналъ, что они наводнили-бы собою Венгрію и положили бы конецъ его успѣху. Войско его было утомлено походами и самою войною: первый революціонный энтузіазмъ уже былъ далеко, оставалось только сильное желаніе спокойствія и мирной жизни. Народная война въ Карпатахъ была не мыслима: Славяне ненавидѣли Мадъяръ наровнѣ съ Нѣмцами и были глухи къ воззваніямъ Кошута истреблять насъ ножомъ и ядомъ. Что оставалось Георгію, это сосредоточить всѣ силы Венгріи на Югѣ: въ болотахъ ея, одержимыхъ вѣчною Тейсскою лихорадкою, наше войско истаяло бы отъ болѣзней (многіе полки на половину были въ лазаретахъ). Наконецъ одно, что̀ еще было возможно, это организовать партизанскую войну въ горахъ Трансильваніи: тамъ народъ сочувствовалъ ей и былъ-бы дѣятельнымъ помощникомъ Георгію.

32.

Венгрія по ту сторону Тейсса—уже не Венгрія Карпатъ: нѣтъ болѣе горъ, частыхъ селеній и городовъ, не слышно звуковъ Славянскихъ, степь и болота, ѣдишь 30—40 верстъ не встрѣчая жилья; но за то, достигнувъ поселенія, находишь деревни до 50,000 жителей. Не видать болѣе живописныхъ виноградниковъ, но цѣлыя пространства, въ нѣсколько верстъ въ окружности, засѣны кукурузою, величины, скрывающей человѣка верхомъ. Много схожаго съ нашимъ Югомъ, но болѣе дикости въ природѣ, еще менѣе обработки рукъ людскихъ, обширныя болота съ тропинками для сообщенія, часто и совершенно непроходимыя.

Изъ Тиссо-фюрета перешли мы въ Чегп и провели въ немъ два дни, въ совершенной неизвѣстности, гдѣ Георгій, и не зная, что̀ намъ предпринимать. 18-го числа было приказано двумъ корпусамъ обратно перейдти Тейссъ. Мы направились къ Попи съ намѣреніемъ атаковать Георгія. Гдѣ же? Въ Ватѣ подъ Мишколцемъ, Чеодаевъ получилъ приказаніе не только не вступать въ бой, но даже избѣгать онаго до нашего прибытія. Какъ объяснить теперь за три дни передъ этимъ наше занятіе Тиссо-фюрета и оставленіе того же Георгія въ 20 верстахъ отъ себя въ Мишколцѣ? По дорогѣ въ Попи получено было донесеніе Сакена, что Георгій перешелъ Тейссъ въ Такаѣ 18-го по утру и что онъ занялъ этотъ городъ; узнали въ тоже время, что Георгій 16-го Іюля имѣлъ стычку съ отрядомъ Грабе въ Гестелѣ, по дорогѣ въ

Такай и разбилъ его. Грабе отступилъ поспѣшно, но неизвѣстно куда именно; позднѣе получено свѣдѣніе, что онъ не соединился съ Сакеномъ, а взялъ направленіе къ Путноку, болѣе на Сѣверъ. Нашедши этотъ отрядъ, спустя уже 6 дней, отправили его присоединиться къ Австрійцамъ, блокировавшимъ Коморнъ. 18-го Іюля въ ночь былъ отданъ приказъ 2-му корпусу опять перейдти Тейссъ и идти въ Чеги; 3-му же, не успѣвшему еще выступить, оставаться въ немъ, куда возвратилась и главная квартира. Въ отчетѣ этотъ переходъ Тейсса два раза въ Чеги и прогулка въ Попи объяснены намѣреніемъ перерѣзать Георгію путь въ Такай, если онъ направляется на Югъ. тѣмъ болѣе, что можетъ быть онъ пойдетъ на Кашау; а мы узнали, что 18-го онъ еще былъ въ окрестности Мишколца.

Тутъ возникаетъ вопросъ: какъ, имѣя столько иррегулярной кавалеріи, сколько мы ея имѣли, можно было потерять непріятеля и не знать навѣрное, гдѣ онъ находится?

33.

20-го Іюля провели мы ночь въ Уйварошѣ, въ 24 верстахъ отъ Дебречина и 21-го рано утромъ выступили къ нему, въ составѣ 6 дивизій пѣхоты, 3-хъ кавалеріи, всего до 70.000 человѣкъ и 300 орудій. Мы шли въ боевомъ порядкѣ, съ увѣренностью — дать сраженіе Георгію со всѣми силами Венгерцевъ. За 5-ть верстъ отъ Дебречина былъ сдѣланъ привалъ, и мусульманскій полкъ посланъ впередъ, для полученія достовѣрнѣйшихъ свѣдѣній о непріятелѣ. Бебутовъ вернувшись доложилъ, что Венгерцевъ только нѣсколько эскадроновъ кавалеріи, стоящихъ передъ самымъ Дебречиномъ съ 2 или 3 пушками. Двинулись впередъ, опередивъ пѣхоту, съ казаками, съ 3-й дивизіею кавалеріи и съ ихъ артилеріею. Мы вышли на равнину передъ городомъ; но оказалось, что противъ насъ стояли не два или три орудія, а 60; не нѣсколько эскадроновъ, а весь аріергардъ Георгія, подъ предводительствомъ Наги-Шандаря. Наши легкія артилерійскія орудія не достигали до Венгерцевъ, поставившихъ свои передъ самымъ въѣздомъ Дебречина и устроившихъ прикрытіе ихъ въ огородахъ, садахъ и ближайшихъ улицахъ. Пушки Венгерцевъ большаго калибра вскорѣ заставили замолкнуть наши и причиняли значительныя потери въ кавалерійскихъ полкахъ, прикрывавшихъ оныя. Много было убитыхъ, много оторвано рукъ и ногъ непріятельскими ядрами. Корпусный командиръ 2-го корпуса Купріяновъ потерялъ ногу отъ картечи, начальнику артилеріи 3-го корпуса Миллеру раздроблена грудь. Все это произошло въ первый моментъ появленія прибывшей нашей пѣхоты на поле сраже-

нія. Фельдмаршалъ на бѣломъ конѣ, съ свитою болѣе ста человѣкъ, все время ѣздилъ по первой линіи, за самымъ прикрытіемъ и часто подъѣзжалъ къ самимъ орудіямъ. Мы находились въ самомъ сильномъ артилерійскомъ огнѣ, ядры и картечи летали надъ нами и около насъ. Поспѣшно были выставлены противъ орудій непріятеля 30 нашихъ и слѣва еще нѣсколько орудій дѣйствовавшихъ въ него съ боку: кавалерія 3 корпуса была поставлена на лѣвый флангъ: 4, 5, 7 и 8-я пѣхотныя дивизіи составляли центръ; кавалерія 2 корпуса стояла на правомъ флангѣ; 12-я пѣхотная дивизія съ кавалеріей 4-го корпуса составляли резервъ. Съ 2-хъ до 5 часовъ мы стояли въ этой позиціи, не начиная атаки. Огонь Венгерской артилеріи все болѣе ослабѣвалъ, и непріятель началъ отступленіе лѣвымъ своимъ флангомъ по дорогѣ въ Гросъ-Вардейнъ. Наконецъ пѣхота получила приказаніе атаковать центръ; мусульманскій полкъ и 3 кавалерійская дивизія—правый флангъ непріятельскій, который тотчасъ же, разсѣянный нашею кавалеріею, пустился бѣжать по городу. Орудія непріятельскія слѣдовали за бѣгущими по улицамъ Дебречина, безъ защиты, съ одними своими возницами; нѣсколько казаковъ могли-бы легко забрать тутъ всю артилерію Венгерцевъ, но при входѣ въ городъ кавалерія была остановлена и только черезъ полчаса получила приказаніе продолжать преслѣдованіе. При атакѣ нашей кавалеріи, мусульманскій полкъ напалъ на два баталіона гонведовъ; испуганные крикомъ и бренчаніемъ азіатскихъ героевъ, гонведы бросились на колѣни и были всѣ ими перерѣзаны; при входѣ въ Дебречинъ этотъ же полкъ взялъ 4 орудія безъ упряжи. Венгерцы, въ разсыпную перебѣжавъ Дебречинъ, понемногу выстроились, артилерія ихъ тоже безпрепятственно присоединилась къ нимъ и направилась по дорогѣ къ Гросъ-Вардейну. Лѣвый Венгерскій флангъ началъ свое отступленіе еще до нашей атаки и спокойно прошелъ мимо 2-й кавалерійской дивизіи, поставленной для лучшаго наблюденія начальникомъ ея Глазенапомъ въ густѣйшую кукурузу, скрывавшую ее совершенно. Объ этой дивизіи, составлявшей нашъ правый флангъ, были въ совершенномъ невѣдѣніи: ни Горчаковъ, ни даже генералъ-квартирмейстеръ Фрейтагъ не знали, гдѣ она: когда понадобилось послать ее, чтобы перерѣзать отступленіе Венгерцевъ, ее не могли найти. Явился, наконецъ, какой-то адъютантъ съ извѣстіемъ, что непріятель ихъ обходитъ. Адъютантъ этотъ былъ Глазенапъ: дивизія нашлась, и приказано было ей преслѣдовать епріятеля, но немного уже поздно: Венгерцы опередили насъ на значительное разстояніе. Пѣхота, приближаясь къ Дебречину, нашла его уже безъ защиты и тотчасъ заняла его: часть ея съ кн. Гор-

чаковымъ преслѣдовала нѣсколько верстъ отступавшаго непріятеля. Въ 8 часовъ вечера Фельдмаршалъ въѣхалъ въ Дебречинъ.—Съ нашими силами отъ чего не атаковали мы съ двухъ фланговъ, а именно не атаковали кавалеріей правый флангъ Венгерцевъ, которые уже сами начали ретираду лѣвымъ своимъ флангомъ? Не значило-ли это помогать имъ идти туда, куда желали? Георгій не могъ понять, какъ Наги-Шандарь могъ спастись отъ насъ; онъ считалъ эту часть своей арміи уже совершенно погибшею.

34.

Въ Дебречинѣ до 60000 жителей. Это одинъ изъ городовъ Венгріи вполнѣ Мадъярскій и пропитанный республиканизмомъ. Кошутъ перевелъ въ него Венгерскій сеймъ и сдѣлалъ мѣстомъ своего пребыванія, но онъ скорѣе огромная деревня, чѣмъ городъ; въ немъ мало хорошихъ строеній, болѣе лачугъ по сторонамъ широкихъ грязныхъ улицъ; много онъ напоминаетъ наши большія торговыя слободы въ Малороссіи. Въ первые два дня были большіе безпорядки, въ особенности мусульманы звѣрски обозначились въ нихъ. Всю ночь, по занятіи Дебречина, намъ не давали заснуть: то мародеры наши, появлявшіеся къ намъ на дворъ, то Дебречинцы, прибѣгавшіе просить нашей отъ нихъ защиты. Товарищъ мой Гауке рыцарски провелъ всю ночь съ нагайкою въ рукахъ, защищая вдовъ и сиротъ. Генералъ-полиціймейстеръ гр. Симоничъ удивлялся болѣе другихъ, какъ не остановятъ эти неурядицы. На третій день для прекращенія ихъ были поставлены караулы по концамъ улицъ. Отслужили на площади благодарственное молебствіе и панихиду по убитымъ, потомъ торжественное молебствіе въ главномъ костелѣ на той же площади; въ немъ, въ прошедшую зиму, по приказанію Кошута, было народно заявлено низверженіе Габсбурговъ, и тотъ же священникъ, который провозглашалъ его, теперь приносилъ покаяніе отъ имени города въ этомъ поступкѣ (какъ вынужденномъ, а не добровольномъ, всегда вѣрныхъ Дебречанъ къ дому Австрійскому. Комедія, устроенная вѣрнымъ Мадъяромъ гр. Зичи, главнымъ коммисаромъ Апостольскаго Величества. Порода людская!

35.

Георгій въ Гросъ-Вардейнѣ соединился съ прочими Венгерскими отрядами; въ немъ находился также Кошутъ и Венгерскій сеймъ. Мы ожидали въ Дебречинѣ подвоза провіанта изъ нашихъ магазиновъ въ Бартфельдѣ и Дуклѣ. Благодаря Австрійцамъ, не смотря на ихъ обязательства, не доставлявшимъ намъ способовъ въ перевозкѣ его, мы должны

были продовольствоваться контрибуціею съ города; но и этотъ ресурсъ уже истощился. Фельдмаршалъ рѣшился идти къ Гросъ-Вардейнъ, дабы вынудить тамъ сраженіе отъ соединенной арміи непріятеля. Меня онъ послалъ въ Кашау и Бартфельдъ, чтобы ускорить подвозъ муки и сухарей, съ правомъ, ежели то будетъ нужно, прибавлять по моему усмотрѣнію утвержденныя имъ платы за отвозъ, но чтобы черезъ нѣсколько дней было доставлено не менѣе 12000 четвертей муки. Что онъ мало надѣялся даже на возможность туда проѣхать, доказательствомъ могутъ служить слова его. Отдавая мнѣ свои послѣднія приказанія, онъ сказалъ: «Мнѣ жаль тебя посылать, но необходимо; надѣюсь, что мы еще съ тобою увидимся».

36.

Мы отправились въ путь съ княземъ Меньшиковымъ, везшимъ донесенія и другія бумаги къ Императору въ Варшаву. Въ Кашау встрѣтилъ насъ комендантъ и удивлялся, какъ могли мы проѣхать. Онъ ожидалъ въ ночь нападенія гонведовъ. Изъ Еперіеса Сельванъ тоже собирался идти, съ своимъ войскомъ и даже пушками, на Венгерцевъ, собравшихся въ этихъ мѣстностяхъ въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ. Мы сдѣлали нашъ путь до Кашау удачно; правда, встрѣчали часто по нѣскольку гонведовъ, но встрѣчи были дружелюбныя:—мы раскланивались. Одно было съ нами приключеніе невоинственное: ночью, при крутомъ спускѣ Карпатъ, нашъ возникъ, правя своею четвернею, по обыкновенію Словаковъ, не возжами, а бичевками, несясь по спускамъ во весь галопъ, черезъ чуръ круто повернувъ, выбросилъ насъ съ телѣги и продолжалъ свой путь, не замѣчая нашего исчезновенія; мы же здравы и невредимы очутились въ какой-то трущобѣ. Выкарабкавшись изъ нея, къ счастію встрѣтили нашихъ людей въ другой нашей телегѣ, отставшихъ отъ насъ, и съ ними доѣхали до станціи.

37.

Самое непріятное во время войны для адъютантовъ, это именно эти отдаленныя порученія, посылки весьма часто даже неопредѣленнаго характера. Въ сущности, онѣ требуютъ болѣе мужества, болѣе самопожертвованія, чѣмъ самое жаркое сраженіе; тамъ оживленъ всею дѣятельностію окружающаго: звуки барабановъ, грохотъ ядеръ, свистъ пуль, движеніе массъ, все способствуетъ къ настроенію доходящаго до экзалтаціи чувства; къ тому же опасности дѣлятся и обще съ тысячами, что отчасти сильно дѣйствуетъ на людское настроеніе: смерть красна на людяхъ. Тутъ ѣдешь одинъ и невполнѣ увѣренъ, туда-ли, куда надо;

недоволенъ собою и всѣмъ окружающимъ, невольно чувствуя себя какъ бы брошеннымъ всѣми; въ самыхъ мрачныхъ мысляхъ и въ постоянной опасности быть схваченнымъ первою попавшею сволочью, и умирать не воиномъ, какъ на полѣ сраженія, а быть растерзаннымъ, мучимымъ, повѣшеннымъ, забитымъ какъ собака, по произволу перваго попавшагося негодяя или пьяницы, своимъ краснобайствомъ возбудившаго духъ патріотизма или скорѣе инстинктъ кровожадности въ своихъ согражданахъ. Въ Венгріи, сверхъ этихъ пріятностей пути, для отдыха лошадей или перемѣны ихъ, должны мы были останавливаться въ непріязненныхъ Мадъярскихъ селеніяхъ (отъ 20 до 30 т. жителей) и требовать ихъ содѣйствія для возможнаго продолженія дороги: тутъ опасность и произволъ окружающей среды принимали огромные размѣры, и это по неволѣ повторялось черезъ 30 или 40 верстъ.

Есть трудныя минуты въ быту военномъ, но онѣ всегда вспоминаются впослѣдствіи съ истиннымъ удовольствіемъ и переносятся съ полнымъ равнодушіемъ и даже съ чувствомъ внутренней отрады: есть неоспоримое чувство довольства и пріятности смотрѣть прямо въ глаза смерти и какъ-бы вызывать ее на бой, преодолѣвать преграды и препятствія, невозмутимо переносить невзгоды и лишенія. Не расчитывая на часъ жизни, не помышляя даже о ней, живешь сильнѣе, сознавая въ себѣ достоинство моральной самостоятельности человѣка. Не испытавшіе этихъ ощущеній не повѣрятъ имъ. Долготерпѣніе въ пріютахъ и управахъ, конечно, не имѣетъ ихъ въ своей основѣ; но каждый военный, не по одному только мундиру или выправкѣ, согласится со мною.

38.

Генералъ-интендантъ армій Тихановскій былъ оставленъ въ Варшавѣ, а сенаторъ генералъ Ренне былъ назначенъ исполнять его обязанность во время кампаніи. Затлеръ, какъ генералъ-провіантмейстеръ, находился при главной квартирѣ. Въ Кашау я мало чего могъ-добиться отъ Ренне о нашихъ продовольственныхъ способахъ—онъ рѣшительно не былъ знакомъ съ хозяйственной частью: хорошій артилерійскій генералъ, онъ былъ только по назначенію распорядитель довольства арміи. Что я могъ сдѣлать,—это придать болѣе энергіи въ немедленныхъ отсылкахъ провіанта въ главную квартиру и внушить бо́льшую дѣятельность въ забывшихъ о продовольствіи. Мы имѣли достаточно готоваго продовольствія въ Дуклѣ, а Бартфельдскіе наши магазины наполнены были 6-ю тысячами четвертей муки; было затрудненіе единственно въ подводахъ. Австрійцы обя-

зались доставлять ихъ намъ отъ 150 до 200 въ сутки, доставляли-же не болѣе 20 и то не ежедневно. По пріѣздѣ въ Бартфельдъ, много было мнѣ хлопотъ съ чиновниками интендантства, привыкшими жить спустя рукава, не думая подвинуть наши дѣла впередъ. Наконецъ добился я отправки слѣдуемаго количества въ главную квартиру; мы удачно для сего наняли случившихся въ Галиціи Русскихъ извощиковъ, на подводахъ самаго интендантства и частію на телѣгахъ мѣстныхъ жителей, добытыхъ не съ помощію Австрійцевъ, а нашихъ казаковъ. Я былъ старый знакомый интендантства: еще въ 1848 году при средоточіи войскъ въ Польшѣ Фельдмаршалъ, недовольный нѣкоторыми распоряженіями продовольственныхъ нашихъ дѣятелей, поручилъ мнѣ отъ себя наблюденіе надъ этой частью администраціи въ арміи. Моя обязанность была пріискивать продавцевъ и имѣть ихъ на виду; при утвержденіи цѣнъ Фельдмаршаломъ, во время докладовъ объ этомъ предметѣ, я долженъ былъ всегда находиться въ Замкѣ; и прежде чѣмъ утвердить оныя, Фельдмаршалъ справлялся у меня о пріисканныхъ мною и, въ случаѣ ихъ выгодности, отдавалъ мнѣ деньги для задатковъ и отъ своего имени приказывалъ водить подрядчиковъ въ интендантство, для заключенія съ ними контрактовъ.

39.

Въ продолженіи нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ Бартфельдѣ, я все свободное время бывалъ у Реада. На первомъ нашемъ переходѣ у него переломлена была нога брыкнувшею артилерійскою лошадью, въ то время, какъ онъ проѣзжалъ около орудія, и съ тѣхъ поръ лежалъ онъ въ Бартфельдѣ въ ужасномъ положеніи отъ скуки и одиночества, а главное—для стараго воина, отъ невозможности участвовать въ войнѣ. Онъ обрадовался моему пріѣзду; со мною могъ онъ говорить о Варшавѣ, узнать всѣ новости, всѣ слухи и происшествія главной квартиры. Въ Бартфельдѣ открылась у меня сильная Тейсская лихорадка, но дѣлать было нечего: надо было возвращаться. Къ тому же я боялся опоздать къ къ Гросъ-Вардейнскому сраженію. Оставивъ въ лазаретѣ заболѣвшаго моего человѣка Ивана и взявъ гусарскаго солдата, вышедшаго изъ онаго и долженствовавшаго быть отправленнымъ въ полкъ, я предпринялъ обратное путешествіе, самое печальное, какое можно вообразить: въ жару, почти безъ памяти, на соломѣ, въ тряской телѣгѣ, ѣхалъ я въ 30 градусовъ тепла, безъ капли воды для утоленія моей лихорадочной жажды; гдѣ встрѣчалъ арбузъ, я уничтожалъ его цѣликомъ для бо́льшаго прогресса пароксизмовъ, инстинктивно приходилъ въ себя въ селахъ, гдѣ нужно было добывать лошадей, чтобы ѣхать далѣе, въ томъ же почти летарги-

ческомъ состояніи. Опять встрѣчалъ гонведовъ, но съ прежнимъ мирнымъ настроеніемъ. Разъ возникъ мой свернулъ съ дороги къ бандѣ, расположенной въ сосѣдствѣ, но и тутъ инстинктъ самосохраненія пробудилъ меня, чтобы съ помощію моего гусара обратить его на путь истины. Наконецъ достигъ я Гросъ-Вардейна и, отдавъ отчетъ о поѣздкѣ Фельдмаршалу, усердно принялся за хинину, въ обширныхъ пріемахъ предписанную мнѣ Россетомъ.

40.

Послѣ занятія Дебречина, Георгій присылалъ своего адъютанта парламентеромъ мира на условіяхъ; Фельдмаршалъ не принялъ его и отвѣчалъ, что онъ пришелъ сражаться съ Венгерцами, а не заключать миръ, и съ что этимъ предложеніемъ Георгій можетъ адресоваться къ Австрійцамъ. Лидерсъ и Гротенгельмъ заняли всю Трансильванію; армія Бема уже болѣе не существовала, вся его артилерія была взята, и онъ самъ едва вырвался изъ рукъ казака, уже схватившаго его, и успѣлъ добраться въ Темешварскій Венгерскій отрядъ, который тоже былъ разбитъ 28-го Іюля подъ Бескерекомъ генераломъ Гайнау, какъ всегда съ помощію Панютина (съ 9-й пѣхотной дивизіей). Венгерскій сеймъ въ это время засѣдалъ въ Арадѣ. Кошутъ передалъ свое диктаторство Георгію и съ Бемомъ и Дембинскимъ удалился въ Турцію. Армія Георгія состояла изъ 30889 солдатъ (изъ коихъ болѣе половины было никуда негодныхъ, за которыми онъ даже ставилъ орудія, чтобы не бѣжали при видѣ нашихъ войскъ, съ 144 пушками. Стоялъ онъ подъ Арадомъ, окруженный отъ Трансильваніи Лидерсомъ и Гротенгельмомъ съ 35000, отъ Гросъ-Вардена Фельдмаршаломъ съ 70000, отъ Темесвара Гайнау съ 60000, всего силою въ 165.000 человѣкъ. Сопротивленіе было невозможно; все, чего желалъ Георгій, это сдаться Русскимъ. Онъ написалъ командующему авангардомъ нашей арміи гр. Ридигеру письмо, въ которомъ увѣдомлялъ его, что онъ сдается Русской арміи безъ условій, надѣясь на великодушіе Русскаго Императора; просилъ его назначить мѣсто, куда ему придти, чтобы положить оружіе передъ Русскимъ войскомъ; но, въ случаѣ ежели ему въ этомъ будетъ отказано, то онъ пойдетъ въ Австрійскую армію и, разбивъ ее, все таки положитъ оружіе передъ Русскими.

На другой день 1-го Августа въ Шилошѣ (Вилагошѣ), между Гросъ-Вардейномъ и Арадомъ, Ридигеръ встрѣтилъ Георгія во главѣ всего его войска. Диктаторъ Венгріи, подъѣхавъ къ нему, вручилъ ему свою саблю, которая тотчасъ же ему была возвращена и, сѣвъ въ коляску съ Ридигеромъ, поѣхалъ къ Фельдмаршалу въ Гросъ-Вардейнъ. Войско Венгерское положило передъ нами свое оружіе,—война

была кончена. Другіе отряды Венгерцевъ послѣдовали его примѣру и сдавались намъ. Даміяничъ съ своимъ небольшимъ отрядомъ пробился черезъ Австрійцевъ и пришелъ въ Гросъ-Вардейнъ, прямо въ ратушу, чтобы положить оружіе. Мункочъ и Арадъ сдались, одинъ только Клапка въ Комарнѣ продолжалъ защиту. Всего Венгерскаго войска сдалось 70.000 солдатъ съ 200 орудіями.

41.

Многіе упрекали Фельдмаршала въ осторожности и медленности дѣйствій во время Венгерской кампаніи; но онъ самъ говорилъ, что берегъ войска, избѣгалъ кровопролитія, не нуждаясь въ пустой славѣ, увѣренный одними стратегическими движеніями достигнуть полнаго покоренія Венгріи къ 1-му Августа, какъ обѣщалъ онъ при въѣздѣ изъ Варшавы на войну,—и исполнилъ свое обѣщаніе въ точности, сохранивъ войско для болѣе серьезной войны, которую онъ предполагалъ въ скоромъ будущемъ.

Ни одинъ изъ враговъ Фельдмаршала а ихъ было много не можетъ отказать ему въ двухъ наиславнѣйшихъ качествахъ предводителя арміи: въ умѣньи кормить солдатъ и въ личной отвагѣ.

Фельдмаршалъ и его начальникъ штаба князь Горчаковъ были олицетворенная храбрость: всегда впереди, въ самомъ огнѣ, они примѣромъ своимъ одушевляли окружающихъ. (Излишняя храбрость, иногда даже вредная въ предводителяхъ,—простительный порокъ въ военномъ человѣкѣ). Горчаковъ часто не могъ вытерпѣть и самъ скакалъ съ своими распоряженіями въ самыя опасныя мѣста. Фельдмаршалъ, съ огромной свитой, на бѣлой лошади, всегда находился на самомъ видномъ пунктѣ; онъ имѣлъ привычку посылать съ своими приказами по два адъютанта, и отдавалъ приказы ясно: можно было переспросить его; но отдавая ихъ, всегда смотрѣлъ въ глаза посылаемаго. Малѣйшее несвойственное военному внутреннее волненіе было замѣчаемо, и немогшій совладать съ нимъ не имѣлъ мѣста въ свитѣ его.

42.

Благодарная Австрія, только-что вышли мы изъ Венгріи, поспѣшила повѣсить всѣхъ генераловъ, сдавшихся намъ. Георгій одинъ избѣжалъ этой участи и то, конечно, отъ того, что мы были еще въ Гросъ-Вардейнѣ, когда получилъ онъ прощеніе и уѣхалъ въ Клагенфуртъ, выбранный имъ въ мѣстожительство. Мы провели двѣ недѣли въ Гросъ-Вардейнѣ. Городъ имѣетъ отпечатокъ своей бывшей Турецкой національности; крѣпость его, имѣвшая нѣкоторое значеніе во время владычества Турокъ, теперь можетъ только во-

сить имя крѣпости. Въ Гросъ-Вардейнѣ много хорошихъ строеній, плохой театръ, нѣсколько несчастныхъ магазиновъ; каждый вечеръ на площади играла музыка, много хорошенькихъ дамъ постоянно присутствовали на этихъ гуляньяхъ. Венгерскіе офицеры наполняли городъ и были въ самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ съ нашими, что̀ бѣсило побѣдителей Австрійцевъ.

16-го Августа Фельдмаршалъ выѣхалъ въ Варшаву. Я поспѣшилъ послѣдовать за нимъ въ тотъ же день, съ товарищами моими марк. Паулучи и Гауке. Мы направились на своихъ черезъ Такай и Кашау въ Бартфельдъ, оттуда выѣхали на прямую дорогу черезъ Карпаты въ Невъ-Шанкъ. Дорога восхитительная: Карпаты величественно возвышаютъ свои хребты, покрытые богатою растительностію: безпрерывные шумные потоки преграждали намъ путь, но не удерживали нашъ Венгерскій экипажъ (ни будка, ни шалашъ, а что-то на колесахъ). Словакъ отыскивалъ бродъ и смѣло переѣзжалъ его. Наконецъ мы достигли Галиціи, въ дилижансѣ проѣхали ее, и изъ Кракова по желѣзной дорогѣ, въ 7 часовъ вечера, 22-го Августа прибыли къ себѣ, въ давно желанную Варшаву.

Д. Солнцовъ.

Варшава, Февраль 1850 г.

ПОѢЗДКА
ПО НѢКОТОРЫМЪ МѢСТНОСТЯМЪ
ЦАРСТВА ПОЛЬСКАГО
ВЪ ОКТЯБРѢ 1863 ГОДА *).

Изучивъ предварительно законы, постановленія и инструкціи, которыми опредѣляется настоящее положеніе крестьянъ въ Царствѣ Польскомъ, мы потребовали отъ мѣстныхъ властей свѣдѣній, необходимыхъ для предстоявшихъ работъ, и пока эти свѣдѣнія собирались, испросили у Намѣстника Царства разрѣшенія объѣхать нѣкоторые уѣзды, прилегающіе къ Варшавско-Вѣнской дорогѣ. При нынѣшнихъ обстоятельствахъ, такая поѣздка не могла совершиться безъ опытнаго, хорошо знающаго мѣстность проводника и безъ надежнаго конвоя. Въ короткій срокъ, которымъ мы могли располагать, разумѣется, нельзя было и думать объ основательномъ изслѣдованіи дѣйствительнаго положенія крестьянъ, хотя бы даже въ самой ограниченной мѣстности. Виды наши были гораздо скромнѣе: мы надѣялись, въ дополненіе къ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, извлеченнымъ нами изъ дѣлъ, получить наглядное представленіе о хозяйственной обстановкѣ здѣшнихъ поселянъ, о расположеніи деревень и разбивкѣ полей, объ отношеніяхъ сельскаго населенія къ ближайшей надъ нимъ полицейской власти (гминнымъ войтамъ),

---

*) Статья эта сохранилась въ бумагахъ князя В. Ѳ. Одоевскаго, значительная часть коихъ (заключающая въ себѣ разнаго рода дѣловыя записки, проэкты, мнѣнія и пр.) принесена въ даръ Чертковской Библіотекѣ супругою покойнаго князя, княгинею Ольгою Степановною. Князь Одоевскій, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ самыхъ искреннихъ и ревностныхъ приверженцевъ и радѣтелей великихъ преобразованій нынѣшняго царствованія и тщательно собиралъ бумаги, къ нимъ относящіяся. Друзьямъ его памятно, какъ дорожилъ онъ и отмѣною крѣпостнаго права въ землѣ Русской, и вообще судьбою меньшей братіи. Кто авторъ печатаемой статьи и кто именно предпринялъ эту поѣздку, мы доподлинно не знаемъ; но очевидно, что въ ней участвовало нѣсколько человѣкъ и что путешественники были лица высокаго положенія. *П. Б.*

наконецъ (на сколько было возможно) о нуждахъ крестьянъ и настроеніи умовъ въ деревняхъ.

Пользуясь указаніями лицъ, близко знакомыхъ съ краемъ, мы составили себѣ слѣдующій планъ поѣздки. Выѣхавъ изъ Варшавы по Варшавско-Вѣнской желѣзной дорогѣ, доѣхать по ней до Роговской станціи (Равскаго уѣзда); оттуда своротить вправо на мѣстечко Бржезины и далѣе до города Лодзь; изъ этого города, поворотивъ обратно на юго-востокъ, выѣхать опять на ту же желѣзную дорогу по тракту на мѣстечки Ржовъ и Тушинъ; за тѣмъ, черезъ Піотрковъ и Ченстоховъ, доѣхать по желѣзной дорогѣ до южной части Радомской губерніи и тамъ, своротивъ съ дороги влѣво, проѣхать чрезъ мѣстечко Славковъ въ городъ Олькушу; изъ Олькуши обратнымъ путемъ взять на сѣверо-западъ и примкнуть къ желѣзной дорогѣ на станцію Лазы, откуда по желѣзной дорогѣ вернуться въ Варшаву.

Такимъ образомъ мы должны были объѣхать, по шоссейнымъ и проселочнымъ дорогамъ, части уѣздовъ: Равскаго, Ленчицкаго и Піотрковскаго Варшавской губерніи, по правую сторону отъ желѣзной дороги; а по лѣвую: южную и среднюю части Олькушскаго уѣзда Радомской губерніи.

Планъ этотъ представлялъ двоякую выгоду. Во первыхъ, не уклоняясь въ стороны отъ желѣзной дороги болѣе какъ на одинъ день пути, мы выигрывали много времени на быстротѣ переѣздовъ и пріобрѣтали возможность, въ короткій срокъ, осмотрѣть мѣстности, находящіяся на дальнемъ одна отъ другой разстояніи, отличающіяся относительно другихъ частей Царства густотою населенія и преобладаніемъ двухъ различныхъ племенныхъ типовъ: Великополянъ и Краковцовъ. Во вторыхъ, на пути отъ желѣзной дороги въ Лодзь и Олькушу, мы должны были встрѣтить образцы почти всѣхъ существующихъ въ Царствѣ формъ и условій сельскаго быта въ имѣніяхъ казенныхъ, маіоратныхъ и частныхъ, именно: крестьянъ издѣльныхъ, крестьянъ, состоящихъ на окупѣ, такихъ, которые платятъ чиншъ или поземельный оброкъ, наконецъ колонистовъ, туземныхъ и Нѣмецкихъ.

Благодаря предварительнымъ распоряженіямъ сопровождавшаго насъ офицера Генеральнаго Штаба и радушному гостепріимству военныхъ начальниковъ, командующихъ отдѣльными округами, намъ удалось, не подвергаясь ни малѣйшей опасности, скоро и удобно, объѣхать въ нѣсколько дней 16 различныхъ поселеній, въ томъ числѣ: 7 помѣщичьихъ селеній, 2 казенныхъ, 2 населенныхъ колонистами, 1 маіоратское и 4 мѣстечка. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ мы останавливались по нѣскольку часовъ, въ другихъ ограничивались самыми краткими распросами и справками, со-

бранными на лету, но почти отвсюду удалось добыть хоть какія нибудь свѣдѣнія, не лишенныя для насъ интереса.

Не легко бы было передать теперь, въ какомъ бы то ни было порядкѣ, все, что̀ мы такъ недавно видѣли и слышали и чѣмъ ежеминутно возбуждалось наше вниманіе въ эту поѣздку.—Для взгляда и слуха, привыкшаго къ нашей Великороссійской обстановкѣ, все почти было ново. Тщательно выровненныя поля, болѣе похожія на наши подмосковные огороды; почти совершенное отсутствіе кустарныхъ зарослей и выгоновъ: иногда, въ узкой низменности, на маломъ клочкѣ земли пасущаяся пара коровъ, и непремѣнно къ нимъ приставленная для караула дѣвочка; вдали, на самомъ лучшемъ мѣстѣ, бѣлѣющійся господскій домъ или хуторъ и кругомъ кирпичныя фольварочныя строенія: дорога къ нимъ, обсаженная пирамидальными тополями; въ сторонѣ, убогая, небольшая деревня, съ тѣсными, скудными надворными строеніями и мрачнымъ костеломъ, или разбросанныя на большомъ пространствѣ одинокія усадьбы колонистовъ, съ разведенными при нихъ садами; мѣстечки, не похожія ни на селенія, ни на города, а скорѣе на предмѣстья несуществующихъ городовъ, съ безчисленнымъ множествомъ шинковъ и съ выбѣгавшими поглазѣть на проѣзжихъ суетливыми Жидами, степенными Нѣмцами и оборванными подозрительнаго вида шляхтичами; за селеніями и мѣстечками тщательно расчищенные хвойные лѣса и вырубленныя вновь по обѣимъ сторонамъ дороги просѣки, съ еще неубранными, сваленными въ кучу деревьями; вдали синѣющіе отроги Карпатскихъ горъ; на станціяхъ выстроенные на платформахъ неподвижные взводы пѣхоты, и около нихъ толкотня всякаго рода людей и хлопотливая бѣготня безчисленнаго множества начальствующихъ лицъ; по дорогѣ своротившая въ сторону Жидовская громадная фура, до верху нагруженная грязными тюфяками и множествомъ рыжихъ и черныхъ Жидятъ; усатый панъ въ легкой бричкѣ и рядомъ съ нимъ, сидящая въ глубокомъ траурѣ, пани, принимающая насъ по конвою за арестованныхъ патріотовъ и мимоѣздомъ бросающая намъ сочувственный привѣтъ; худощавая фигура ксендза въ длинноломъ сюртукѣ, изъ подлобья выматривающаго, что̀ дѣлается по сторонамъ; разнообразные типы военныхъ начальниковъ, ихъ живые разсказы: наконецъ, самая обстановка нашего путешествія: конвой линейцевъ въ бараньихъ шапкахъ, съ закинутыми за спину винтовками, плавно несущихся на Кавказскихъ иноходцахъ, веселый и бодрый видъ пѣхоты, этой неутомимой пѣхоты, почти не отстающей отъ кавалеріи, солдатскія пѣсни и солдатскій заразительный смѣхъ: кое-гдѣ, въ рядахъ, заломленныя на бекрень красныя конфедератки, отбитыя у

повстанцевъ,—все это и многое другое, какъ движущаяся панорама, пронеслось мимо насъ во время этой достопамятной для насъ поѣздки.

Но всего разсказать нельзя; остается, минуя подробности, постараться, хоть въ главныхъ чертахъ, передать результаты нашихъ наблюденій собственно по крестьянскому дѣлу.

Общій характеръ крестьянскихъ сходокъ.

Крестьяне Польскіе, по крайней мѣрѣ тѣ, съ которыми мы говорили, далеко не такъ подозрительны, замкнуты и нравственно забиты, какъ обыкновенно говорятъ. Мы встрѣчались съ ними въ первый разъ, въ сопровожденіи конвоя, при обстановкѣ, которая сама по себѣ могла бы навести на нихъ страхъ или, по крайней мѣрѣ, усилить недовѣрчивость, свойственную поселянамъ вообще; наконецъ, мы обращались къ нимъ съ распросами въ такое время, когда неосторожное слово часто влечетъ за собою самую утонченную месть,—и не смотря на совокупность этихъ условій, самыхъ неблагопріятныхъ для откровенной бесѣды, мы не встрѣтили нигдѣ упорнаго уклоненія отъ объясненій. Напротивъ, вызвать крестьянъ на правдивое заявленіе ихъ нуждъ, ожиданій и жалобъ удавалось всегда гораздо легче и скорѣе, чѣмъ можно было ожидать.

Для этого достаточно было обнаружить къ нимъ участіе, къ чему они очевидно не привыкли, и приступить къ дѣлу съ нѣкоторою осторожностію.

Обыкновенно, когда собиралась сходка, въ толпу крестьянъ втирались какія-то сторонніе лица, отличавшіяся отъ толпы физіономіею и одеждою. Это были оффиціалисты помѣщиковъ, писаря, конторщики, прикащики, видимо присматривавшіе за крестьянами. Зная это, послѣдніе, при нихъ, неохотно вступали въ разговоры. Мы всегда удаляли этихъ незванныхъ свидѣтелей, и вслѣдъ за тѣмъ крестьяне мгновенно поднимали головы, ободрялись и начинали объясняться смѣлѣе. Разумѣется, мы начинали съ распросовъ о предметахъ самыхъ простыхъ и не способныхъ возбудить подозрѣнія: о числѣ дворовъ, о качествѣ грунта, о свойствѣ отбываемыхъ повинностей и т. д.; за тѣмъ, мы переходили къ болѣе щекотливымъ: объ отношеніяхъ къ помѣщику, къ войту, о прокламаціяхъ народнаго жонда и т. д. Крестьяне и объ этомъ говорили безъ утаекъ. Отвѣтивъ на наши вопросы, они обыкновенно начинали уже отъ себя излагать разныя жалобы на претерпѣваемыя ими обиды. Женщины вообще высказывались еще охотнѣе и откровеннѣе, чѣмъ мужчины, и подбивали послѣднихъ; въ началѣ, онѣ только прислушивались съ напряженнымъ участіемъ,

потомъ постепенно протирались въ толпу крестьянъ, вмѣшивались въ разговоры и къ концу почти оттѣсняли мужчинъ. Въ сословіи Польскихъ крестьянъ, какъ и въ другихъ высшихъ, явно обнаруживалось преобладаніе бойкой и живой инціативы женскаго ума.

Крестьяне, на сколько мы могли объ этомъ судить, не потеряли сознанія предоставленныхъ имъ правъ, не смотря на частое ихъ нарушеніе; они не только понимаютъ разницу между положеніемъ правящихъ барщину и платящихъ окупъ или чиншъ, но отдаютъ себѣ отчетъ въ самой причинѣ этой разницы. — Такъ напримѣръ, они никогда не смѣшиваютъ двухъ существующихъ теперь въ помѣщичьихъ имѣніяхъ видовъ денежной повинности, *окупа* и *чинша*, и очень вѣрно отличаютъ первый, какъ переложенную на деньги цѣнность барщинныхъ рабочихъ дней, отъ втораго (то есть чинша), какъ повинности грунтовой, то есть, болѣе или менѣе точно исчисленной по количеству и качеству земли. Самый способъ опредѣленія окупа имъ вполнѣ извѣстенъ, и на вопросы наши, они обыкновенно безошибочно намъ объясняли, какъ переводилась барщина на деньги, во что цѣнился день пѣшій и конный, сколько слѣдовало платить каждому домохозяину, чтобы откупиться отъ барщины, сколько за строенія и во что̀ имъ обходился моргъ земли *).

О барщинѣ, или панщинзѣ, крестьяне отзывались не иначе, какъ съ омерзѣніемъ. Въ помѣщичьемъ селеніи Блендовой Кузницѣ, Олькушскаго уѣзда, крестьяне жаловались на обременительность окупа и вычисляли намъ всѣ тягости настоящаго ихъ положенія; но когда мы задали имъ вопросъ: «неужели приходится имъ жалѣть о прежней барщинѣ?»— то одинъ изъ нихъ, взглянувъ на насъ съ добродушнымъ укоромъ, проговорилъ: «какъ это можно! развѣ ужъ мы не люди?«—Вообще помѣщичьи крестьяне, какъ состоящіе на окупѣ, такъ и отбывающіе смѣшанную повинность, завидуютъ казеннымъ, обложеннымъ чиншемъ, то есть, оброкомъ съ земли, и желали бы перейти на такое же положеніе. Но очиншеваніе доселѣ подвигалось туго. Крестьяне неоднократно на это жаловались. Въ помѣщичьемъ селеніи Хойнѣ, Ленчицкаго уѣзда, они говорили, что весьма бы желали перейти на чистый денежный оброкъ со смѣшанной повинности, но, къ несчастію, не могутъ этого требовать, потому что заключили прежде сдѣлку съ владѣльцами, которой срокъ еще не истекъ. Въ части имѣнія Олькушскаго уѣзда, Блендовой Кузницѣ, принадлежащей казнѣ, крестья-

*) По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ Царствѣ Польскомъ, на 326.654 крестьянскіе двора, причитается нынѣ: на *чиншъ* 148.477, на *окупъ* 133.352, на *смѣшанной повинности* 39.354, на *чистой барщинѣ* 5471.

не. доселѣ отбывающіе работы на горномъ заводѣ *), не только тяготятся этимъ, но оскорбляются нравственно. По ихъ словамъ, начальство приступило было къ очиншеванію, но для этого потребовалось, по принятымъ правиламъ, предварительное размежеваніе съ сосѣднимъ помѣщикомъ, который предложилъ крестьянамъ, въ обмѣнъ на ихъ участки негодную землю. Крестьяне не могли принять ее, и вслѣдствіе этого очиншеваніе пріостановилось.

Съ своей стороны, казенные крестьяне сознаютъ не безъ гордости превосходство своего положенія надъ помѣщичьими, не только въ хозяйственномъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Въ селеніи Стремежичахъ Великихъ, они намъ говорили съ особеннымъ чувствомъ достоинства: «Кромѣ Бога и Царя—мы не боимся никого».

Крестьянскіе надѣлы:

Законъ 1846 года даровалъ крестьянамъ право неотъемлемаго пользованія участками земли, ими въ то время занятыми, и запретилъ помѣщикамъ не только отбирать у нихъ или обрѣзывать эти участки, но даже присоединять къ своимъ полямъ опустѣлые крестьянскіе участки. Къ сожалѣнію, при потворствѣ мѣстныхъ властей, всѣ эти правила безнаказанно нарушаются, чему мы имѣли нѣсколько неопровержимыхъ доказательствъ.

Въ селеніи Роговѣ, Равскаго уѣзда, крестьяне владѣльца Пацера (онъ же и гминный войтъ), оставшись съ нами наединѣ, припали къ ногамъ нашимъ (по мѣстному Польскому обычаю) и единогласно заявили, что помѣщикъ, въ нынѣшнемъ году, самовольно, безъ ихъ согласія, разомъ перенесъ всю деревню съ мѣста очень удобнаго, вблизи водопоя, на дальнее разстояніе и на совершенно безплодное и безводное мѣсто. Единовременно былъ произведенъ обмѣнъ угодій: всѣ расходы по переселенію пали на крестьянъ, которые при этомъ лишились, безъ вознагражденія, луговъ и разведенныхъ ими на старомъ мѣстѣ огородовъ. По ихъ словамъ, даже полевой надѣлъ, вновь имъ отведенный, меньше прежняго, въ слѣдствіе чего и ежегодный ихъ засѣвъ уменьшился. Осмотръ, произведенный нами на мѣстахъ, вполнѣ подтвердилъ показаніе крестьянъ о крайней для нихъ невыгодности новой ихъ усадебной осѣдлости въ сравненіи съ прежнею. Въ этомъ случаѣ, распоряженіе владѣльца было прямымъ нарушеніемъ закона; но кажется, что крестьяне и не жаловались: имъ пришлось бы имѣть дѣло съ гминнымъ войтомъ, то есть, съ самимъ помѣщикомъ.

*) Барщина въ казенныхъ имѣніяхъ встрѣчается кое-гдѣ какъ рѣдкое исключеніе, временно терпимое до устройства всѣхъ имѣній.

Къ этому нельзя не прибавить, что собственный хуторъ г. Пацера, нами осмотрѣнный, отличался особеннымъ благоустройствомъ; что его канцелярія, по званію гминнаго войта, удивила насъ необыкновенною опрятностью и внѣшнимъ порядкомъ въ храненіи дѣлъ и подшивкѣ бумагъ; наконецъ, что онъ не только не уклонялся отъ объясненій съ нами, но, напротивъ, принялъ насъ чрезвычайно радушно и въ разговорѣ съ нами выставлялъ свою заботливость объ улучшеніи быта крестьянъ. Первое наше впечатлѣніе было для него благопріятно; но какъ скоро мы перешли съ фольварка на село, лицевая сторона исчезла и выступила ея невзрачная изнанка.

Однородныхъ жалобъ на произвольное отобраніе и присоединеніе къ господскимъ полямъ крестьянскихъ участковъ, намъ было предъявлено до семи: въ с. Ляски г. Мигельскаго и въ двухъ селеніяхъ помѣщика Рогацкаго—Блендовой Кузницѣ и Неговоницахъ. Слѣдующіе два случая, разсказанные намъ на сходкѣ и ею подтвержденные, могутъ дать понятіе о многихъ другихъ. Семь лѣтъ тому назадъ, обѣднѣвшій пахарь, будучи не въ силахъ перестроить свою развалившуюся избу, просилъ помѣщика пособить ему, но получилъ отказъ. По неволѣ, хозяинъ долженъ былъ отказаться отъ своего участка и перейти съ семьею въ низшій разрядъ коморниковъ, то есть получить (за извѣстную повинность) помѣщеніе на помѣщичьемъ дворѣ и снискивать себѣ пропитаніе, нанимаясь въ работу. Помѣщикъ отобралъ въ свою пользу опустѣвшій участокъ, въ явное нарушеніе закона 1846 года. Черезъ нѣсколько лѣтъ, крестьянинъ поправился: дѣти его подросли, и онъ увидѣлъ возможность снова обратиться къ земледѣлію на свою руку и занять прежнюю свою усадьбу. Предупредивъ помѣщика, онъ засѣялъ рожью часть бывшаго своего участка; но владѣлецъ, узнавъ объ этомъ, велѣлъ перепахать землю и по крестьянскому сѣву засѣять поле господскими сѣменами. Крестьянинъ обратился въ городъ Олькушу съ жалобою къ нѣкоему Гринфельду, секретарю уѣзднаго начальника, но не получилъ расправы—и немудрено: Гринфельдъ, въ ту пору, поглощенъ былъ другими дѣлами; какъ разсказывалъ намъ Олькушскій военный начальникъ, онъ усердно приводилъ въ исполненіе распоряженіе предводителя шайки Куровскаго, которому присягнулъ на вѣрность службы и отъ имени котораго подписывалъ и разсылалъ реквизиціи. Въ томъ же имѣніи г. Рогацкаго, изъ числа 10 дворовъ, 6 опустѣло послѣ 1846 года; тягость барщины истощала средства крестьянъ; помѣщикъ всѣ эти пустки держитъ самъ, обработываетъ на себя и не сдаетъ крестьянамъ, хотя многіе рады бы были снять ихъ за установленную повинность.

И такъ, земля, вопреки положительному закону, ускользаетъ понемногу изъ рукъ поселянъ, не по недостатку способныхъ ее воздѣлывать, а по произволу помѣщиковъ (*).

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ мы слышали, они самовольно разбиваютъ крупные опустѣлые участки на мелкія дѣлянки, менѣе 3-хъ морговъ (по размѣру своему, изъятыя, къ несчастію, изъ подъ дѣйствія закона 1846 года), и водворяютъ на нихъ батраковъ. Извѣстно, что таже операція производилась въ разныхъ частяхъ Германіи подъ выразительнымъ названіемъ *хлощенія* крестьянскихъ дворовъ (Bauern-legen). Послѣдствіемъ ея было то, что крупные подворные надѣлы постепенно стали исчезать, пока наконецъ тамошнія правительства не приняли противъ этого рѣшительныхъ мѣръ.

Мы напали также на слѣдъ систематическаго, подъ другимъ предлогомъ, уменьшенія существовавшихъ въ 1846 году участковъ. Въ то время, когда потребованы были отъ владѣльцевъ такъ называемыя престаціонныя табели (въ родѣ уставныхъ грамотъ), нѣкоторые изъ нихъ, по недостатку точныхъ свѣдѣній или по другимъ причинамъ, показали за крестьянами менѣе земли, чѣмъ сколько было ея дѣйствительно въ ихъ владѣніи. Свѣдѣнія эти не повѣрялись. Въ послѣдствіи, особенно при переходѣ крестьянъ на окупъ или на чиншъ, владѣльцы производили болѣе точныя измѣренія, и когда оказывалось въ пользованіи крестьянъ земли въ натурѣ болѣе чѣмъ по табели, лишекъ отъ нихъ отбирался, какъ *припашка*, будто бы самовольно ими допущенная. Этимъ объясняются жалобы, неоднократно заявляемыя крестьянами, что въ прежнее время они засѣвали больше хлѣба, чѣмъ нынѣ, по разверстаніи съ помѣщикомъ.

Права крестьянъ на угодья.

Тотъ же упомянутый выше законъ 1846 года утвердилъ за крестьянами и право на *угодья* (Servituten), которыми они пользовались. Здѣсь, подъ этимъ терминомъ подразумѣвается обязательное для владѣльца снабженіе крестьянъ строевымъ лѣсомъ для ремонта строеній, отпускъ топлива, допущеніе крестьянъ пасти скотину въ господскомъ лѣсу и собирать листья на подстилку. Съ тѣхъ поръ, все это никакимъ закономъ отмѣнено не было; но въ большей части имѣній, съ прекращеніемъ барщины и съ переходомъ крестьянъ на окупъ въ 1861 году, владѣльцы самовольно сложили съ себя всѣ вышеизложенныя обязанности. Крестьяне

(*) По оффиціальнымъ отчетамъ, число такихъ опустѣлыхъ участковъ въ Царствѣ дошло до 13 тысячъ.

на это громко жалуются. Въ селеніи Неговоницахъ они намъ говорили: «Прежде мы давали со двора по 2 каплуна, по 5 злотыхъ и по 10 яицъ за отпускъ топлива и за собираніе листьевъ на подстилку; мы и теперь охотно внесли бы тѣ же деньги, но со времени перехода на окупъ, всѣ эти выгоды у насъ отняты». — «Отчего жъ вы не жаловались?» — спросили мы и услышали въ отвѣтъ: «Не разъ ходили мы въ Олькушу съ жалобами, да возвращались оттуда наказанными». Въ другомъ помѣщичьемъ селеніи, крестьяне намъ говорили, съ сожалѣніемъ вспоминая былое время: «Прежде, бывало, хоть и побьютъ, да отпустятъ бревно изъ милости; а теперь, со времени введенія окупа, и того не даютъ». Сходную жалобу предъявили намъ на сходкѣ Нѣмецкіе колонисты, водворенные въ казенномъ имѣніи Ленчицкаго уѣзда, с. Новосольнѣ. Изъ казеннаго лѣса ежегодно отпускается на распродажу, по таксѣ, извѣстное количество дровъ; всѣ безъ различія могутъ пріобрѣтать ихъ; но колонисты увѣряютъ, что сосѣдніе помѣщики, пользуясь особеннымъ покровительствомъ, забираютъ всю пропорцію, а на крестьянъ почти ничего не остается.

Усадебныя строенія.

Споры между крестьянами и владѣльцами о правѣ собственности на усадебныя строенія, занимаемыя первыми, въ послѣднее время, въ Олькушскомъ уѣздѣ, значительно усилились, по удостовѣренію мѣстнаго военнаго начальника. Извѣстно, что въ 1807 году, когда крестьяне пріобрѣли личную свободу и въ то же самое время лишились всякаго земельнаго обезпеченія, законъ не выговорилъ въ ихъ пользу даже правъ на ихъ дома. Съ тѣхъ поръ, въ здѣшней юридической практикѣ установилось правило, что всѣ усадебныя строенія принадлежатъ помѣщику, развѣ бы крестьяне доказали, что онѣ выстроены ими на собственный ихъ счетъ или выкуплены. Съ другой стороны, помѣщикъ считался обязаннымъ поддерживать эти строенія своими матеріалами; но съ 1861 года, то есть, со времени введенія окупа, помѣщики прекратили отпускъ строевыхъ матеріаловъ, и теперь крестьяне, чтобъ не остаться безъ крова, пріобрѣтаютъ лѣсъ, кирпичъ и прочее на свой счетъ. Нѣкоторые предъявляютъ, какъ доказательство, удостовѣренія гминныхъ войтовъ въ дѣйствительности произведенныхъ ими расходовъ и обращаются къ военному начальнику съ просьбами о признаніи строеній полною ихъ собственностію: помѣщики же, сложивъ съ себя лежавшую на нихъ обязанность производства ремонтовъ, въ то же время крѣпко держатся за свое право. Изъ этого возникаютъ споры, тѣмъ болѣе за-

труднительные, что для разрѣшенія ихъ не достаетъ юридическихъ основаній и, въ большей части случаевъ, самый фактъ не можетъ быть изслѣдованъ съ полною достовѣрностью.

Даремщины.

Предписаніе закона 1846 года объ отмѣнѣ такъ называемыхъ *даремщинъ* (то есть добавочныхъ повинностей), въ тѣхъ случаяхъ, когда повинности сіи не имѣютъ законнаго основанія, какъ видно, исполняемо было крайне произвольно. Общія основанія, которыми въ этомъ дѣлѣ руководствовалось мѣстное управленіе, сами по себѣ весьма для крестьянъ неблагопріятныя, не были въ точности примѣнены на практикѣ. Пересмотрѣвъ престаціонныя табели въ разныхъ имѣніяхъ, мы убѣдились, что однѣ и тѣже повинности, въ одномъ имѣніи—причислены къ даремщинамъ, подлежащимъ отмѣнѣ, въ другихъ—оставлены, какъ повинности грунтовыя, то есть поземельныя, а не личныя. Перевести повинность изъ втораго разряда въ первый зависѣло отъ воли владѣльца; стоило только опредѣлить ее точнѣе урокомъ, вѣсомъ, мѣрою или инымъ способомъ. Такъ, напримѣръ, оказалось, что въ с. Роговѣ съ каждаго двора требуется ежегодно по 2 каплуна, по 30 яицъ и по 10 аршинъ холста. Помѣщикъ (онъ же и гминный войтъ) увѣрялъ насъ, что всѣ эти поборы давно отмѣнены имъ добровольно; а жена его, не успѣвши съ нимъ сговориться, въ то же самое время, но въ другой комнатѣ, утверждала противное. Тѣже повинности, а иногда и сгонные дни, существуютъ въ большинствѣ помѣщичьихъ имѣній Ленчицкаго и Олькушскаго уѣздовъ. Въ одномъ изъ этихъ имѣній, сверхъ того, требуются безплатно: сторожба, рубка дровъ на потребности господскаго двора, наряд женщинъ пасти стадо. Все это, по удостовѣренію крестьянъ, признается повинностью грунтовою, а къ даремщинамъ причислены только стрижка и мытье овецъ. Нельзя не замѣтить, что дани и мелкіе поборы вездѣ взимаются въ одинаковомъ размѣрѣ со всѣхъ пахатныхъ дворовъ, даже тамъ, гдѣ существуютъ въ одномъ и томъ же селѣ участки различныхъ размѣровъ, что уже одно доказываетъ, что исчисленныя повинности отнюдь не имѣютъ основанія въ поземельномъ надѣлѣ крестьянъ, а прямо истекаютъ изъ прежнихъ понятій крѣпостнаго права о принадлежности всей движимости крестьянъ помѣщику

Окупъ и чинши.

Главная коренная повинность въ помѣщичьихъ имѣніяхъ—*окупъ* (то есть оброкъ, исчисленный по оцѣнкѣ дней), большею частію, падаетъ на крестьянъ весьма неравномѣрно,

и превышая цѣнность земли, оказывается крайне обременительнымъ. Это произошло отъ того, что число окупаемыхъ дней въ табеляхъ показано было самими помѣщиками и утверждено безъ всякой повѣрки. Бывали примѣры, что въ табеляхъ значилось больше дней, чѣмъ сколько отбывалось ихъ въ натурѣ. Въ селѣ Роговѣ, по переложеніи на деньги еженедѣльной барщины съ тяглаго двора по престаціонной табели (трехъ дней упряжныхъ и двухъ пѣшихъ въ недѣлю), пало бы на десятину, по принятой оцѣнкѣ дней, 4 руб. 56 копѣекъ. Но помѣщикъ самъ принялъ въ оцѣнку, вмѣсто трехъ упряжныхъ дней и двухъ пѣшихъ, по шести пѣшихъ дней съ двора, что̀ составило 2 руб. 98 копѣекъ кругомъ на десятину. Земля крестьянская въ этомъ имѣніи песчана и требуетъ частаго и сильнаго удобренія. Въ недальнемъ разстояніи оттуда находится казенное селеніе Липины, купленное у помѣщика,—люстрація еще не произведена, а чиншъ оставленъ въ прежнемъ размѣрѣ, среднимъ числомъ по 1 руб. 20 коп. съ десятины безъ всякихъ добавочныхъ повинностей. Въ помѣщичьемъ имѣніи Хойнѣ, близъ города Лодзь, гдѣ земля также далеко не отличается плодородіемъ, окупъ доходилъ до 3 руб. съ десятины слишкомъ; повинность эта была рѣшительно не по силамъ крестьянъ, и помѣщикъ, убѣдившись въ этомъ, перевелъ ихъ на поземельный чиншъ, по соглашенію съ ними. На основаніи этой полюбовной сдѣлки, исчислено оброка съ десятины лучшей пшеничной земли — 1 р. 80 коп.: средней житной земли — 1 руб. 50 коп.; худшей — 1 руб. 10 коп. Крестьяне находятъ и эти условія невыгодными; они увѣряютъ, что помѣщикъ склонилъ ихъ къ соглашенію, котораго они въ торопяхъ не выразумѣли, и воспользовался крайнею для нихъ необходимостью, во что бы ни стало, избавиться отъ барщины и окупа. Въ имѣніи г. Кшановскаго, Шенчицѣ, приходилось окупа 4 руб. 80 коп. съ десятины, не считая данинъ; крестьяне воспротивились введенію этой повинности и просили очиншиванія по грунту, но помѣщикъ имъ отказалъ. По этому случаю, изъ города пріѣзжали чиновники унимать крестьянъ; между тѣмъ, въ сосѣднемъ маіоратномъ имѣніи генерала Тимофѣева, с. Черноцинѣ, по казенной оцѣнкѣ, положено съ десятины 79 копѣекъ.

Огородники и коморники.

Крестьяне низшихъ разрядовъ, пользующіеся усадебною осѣдлостью и мелкими участками, которыхъ законъ 1846 года, къ сожалѣнію, ничѣмъ не оградилъ отъ произвола помѣщиковъ, такъ называемые огородники и коморники, находятся вообще въ самомъ жалкомъ положеніи. Они занимаютъ небольшія избы безъ всякихъ надворныхъ строеній;

иногда двѣ семьи помѣщаются въ хатѣ едва достаточной для одной; не вездѣ отводятся имъ огороды, еще рѣже мелкіе участки пахатной земли. Пробиваясь наймомъ на полевыя работы, огородники и коморники отбываютъ при этомъ за свою осѣдлость довольно тяжелыя повинности.

Въ помѣщичьей деревнѣ Хойнѣ, мы встрѣтили коморника, обѣднявшаго, нѣкогда зажиточнаго пахаря, у котораго помѣщикъ отнялъ полевую землю еще до 1846 года. Онъ отбываетъ въ недѣлю два рабочихъ дня: одинъ за избенку, другой за 8 огородныхъ грядокъ,—и получаетъ даромъ валежникъ и сушникъ на топливо. Въ другомъ селеніи, Блендовой Кузницѣ, насчитывается до 50 коморниковъ; имъ отводятся небольшія избы безъ огородовъ и по 2 десятины самой плохой земли изъ раздробленныхъ *пустковъ* (опустѣлыхъ крестьянскихъ участковъ). Съ одинокой семьи требуется за это одинъ рабочій день въ недѣлю и два рубля серебромъ годоваго оброка, а когда въ домѣ помѣщаются двѣ семьи, то та и другая повинность удвоивается. Коморники обязаны отбывать, по востребованію отъ экономіи, и болѣе рабочихъ дней за опредѣленную плату, по 15 копѣекъ въ день. Вообще, положеніе этого класса сельскихъ обывателей, занимающихъ средину между самостоятельными хозяевами и батраками, не только не улучшается, а напротивъ становится хуже, по мѣрѣ перехода крестьянъ-пахарей на денежную повинность. Въ прежнее время, когда послѣдніе правили барщину, они сами нуждались въ работникахъ и охотно отводили имъ на своихъ участкахъ небольшіе клочки земли для постройки хатъ; теперь, пахари, откупившись отъ обязательной работы, менѣе нуждаются въ чужой помощи для своего хозяйства и потому не входятъ въ подобнаго рода сдѣлки.

Пропинація.

Кромѣ многосложной системы поземельныхъ и личныхъ повинностей, болѣе или менѣе законныхъ, крестьяне обязываются покупать вино и пиво непремѣнно во владѣльческомъ шинкѣ. Ввозъ въ имѣніе купленныхъ на сторонѣ, хотя бы и для собственнаго употребленія, напитковъ безусловно воспрещается, и за нарушеніе этого правила крестьяне подвергаются штрафамъ. Это принужденіе (существовавшее нѣкогда и въ Германіи подъ названіемъ Getränke-Zwang), по всѣмъ собраннымъ нами справкамъ и отзывамъ, не имѣетъ рѣшительно никакого законнаго основанія; тѣмъ не менѣе, какъ наростъ на пропинаціонномъ правѣ (правѣ курить вино и открывать шинки), оно существуетъ въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, въ которыхъ мы были, почти безъ исключенія и даже въ нѣкоторыхъ казенныхъ введено содержа-

телями шинковъ, хотя гминные войты и управляющіе не признаютъ этого. Но отзывы крестьянъ въ этомъ отношеніи были единогласны. Въ селѣ Неговоницѣ, они прямо объявили, что въ сосѣднихъ шинкахъ вино дешевле и лучше, но имъ не позволяютъ оттуда привозить его; въ с. Болеславѣ, мѣстный войтъ, на предложенный ему вопросъ, завѣрялъ насъ, что крестьянамъ никто не воспрещаетъ привозить напитки откуда имъ вздумается, но слушавшая его старуха-коморница тутъ же уличила его во лжи и заставила въ этомъ признаться.

Нельзя не упомянуть и другаго рода принужденій, которому въ послѣднее время подвергались крестьяне въ имѣніи г. Рогацкаго (Олькушскаго уѣзда) и на которое они намъ жаловались. Мѣстный ксендзъ запретилъ имъ играть на скрипкѣ, не только въ церкви, какъ это дѣлалось прежде, но даже въ шинкахъ, въ избахъ и на улицахъ. Распоряженіе это, очевидно связанное съ прекращеніемъ колокольнаго звона по поводу удаленія Варшавскаго архіепископа, послѣдовало въ разныхъ мѣстностяхъ Царства, съ явною цѣлью насильно привлечь крестьянъ къ участію въ церковной манифестаціи, которой они нисколько не сочувствуютъ и даже не понимаютъ; но, какъ нарушеніе стараго обычая, оно глубоко огорчило и оскорбило Краковяковъ, страстныхъ охотниковъ до музыки и плясокъ. Въ первую минуту, мы и не выразумѣли, что́ могло вызвать усиленную просьбу крестьянъ выпросить имъ разрѣшеніе, на ближайшей сельской свадьбѣ, снять съ гвоздя висѣвшую въ шинкѣ опальную скрипку; но скоро самъ шинкарь разъяснилъ намъ все дѣло, предъявивъ полученный имъ письменный приказъ отъ войта объ уплатѣ штрафа за нарушеніе запрета, наложеннаго ксендзомъ. Послѣдній стоялъ не вдалекѣ отъ сходки, и мы просили его объяснить, что̀ дало поводъ къ этой строгости. Ксендзъ видимо растерялся, заговорилъ было о томъ, что его обязанность поддерживать *моралитетъ*; но впрочемъ сознался, что нѣтъ причины воспрещать игру на скрипкѣ внѣ церкви. По настоянію нашему, онъ это повторилъ отъ себя крестьянамъ, къ ихъ неописанной радости. Кстати замѣтить, что этотъ же ксендзъ, въ противность закону, взялъ въ свою пользу крестьянскій опустѣлый участокъ, по сдѣлкѣ съ помѣщикомъ.

Сельское управленіе. Войты. Шляхта.

По всѣмъ наблюденіямъ нашимъ, конечно въ весьма ограниченномъ кругу, Польскіе крестьяне обладаютъ всѣми условіями, нужными для самостоятельнаго завѣдыванія общественными своими дѣлами; но этой стороны сельскаго быта законодательство доселѣ вовсе не касалось.

Въ Царствѣ Польскомъ нѣтъ сельскихъ обществъ; есть только отдѣльныя личности, живущія вмѣстѣ, въ деревняхъ, но не связанныя между собою никакою организаціею: каждый крестьянинъ стоитъ изолированно передъ помѣщикомъ и войтомъ, и потому, въ столкновеніяхъ съ ними, не находитъ со стороны общества никакой для себя опоры. Общественнаго суда также нѣтъ; мірская сходка или громада, по закону, признается только для выбора солтыса (старосты), лавниковъ (помощниковъ салтыса) и для переговоровъ съ помѣщикомъ или начальствомъ по предметамъ очиншеванія, сепараціи или разбивки угодій и проч. Самые солтысы выбираются подъ вліяніемъ войтовъ, утверждаются ими, исполняютъ ихъ распоряженія и находятся въ прямой отъ нихъ зависимости. Они далеко не имѣютъ тѣхъ правъ и той самостоятельности, которою пользуются по закону наши старосты, старшины и головы, и болѣе походятъ на сотскихъ, чѣмъ на представителей общества, выдвинутыхъ изъ его среды свободнымъ избраніемъ. Не смотря, однако, на все это, мы могли замѣтить, что солтысы, по крайней мѣрѣ тѣ, которыхъ мы видѣли, не оторвались отъ простаго народа и не пристали къ мелкой шляхтѣ (въ лицѣ гминныхъ войтовъ, ихъ помощниковъ и оффиціалистовъ, заправляющей сельскою жизнью). На солтысахъ, къ счастію, оборвалось вліяніе этой шляхты. Въ доказательство можно привести совершенно свободныя отношенія, нами усмотрѣнныя, между солтысами и крестьянами. Кажется, что послѣдніе смотрятъ на первыхъ какъ на своихъ же братьевъ крестьянъ, которые, по крайней мѣрѣ, ихъ не продадутъ.

Присутствіе солтысовъ на сходахъ нисколько не стѣсняло крестьянъ; при нихъ и въ ихъ отсутствіи, они объяснились одинаково непринужденно и безбоязненно предъявляли свои жалобы.

Ближайшее начальство, поставленное надъ крестьянами, свѣтское и духовное, гминные войты и заступающіе ихъ мѣсто въ деревняхъ, бургомистры въ мѣстечкахъ, какъ отъ правительства назначенные, такъ и подряженные въ должность помѣщиками, наконецъ ксендзы, не только не служатъ живыми звѣньями для связи простонародья съ высшимъ правительствомъ, но совершенно на оборотъ, сознательно и безсознательно, разобщаютъ ихъ и не даютъ установиться этой естественной связи. Можно сказать, что, въ настоящее время, Польская шляхта, носящая на себѣ двойственный характеръ сословія и политической партіи, въ союзѣ съ приходскимъ духовенствомъ, образовала плотную, живую стѣну, черезъ которую мысль, воля и слово Верховной Власти, къ народу обращенныя, никогда до него

не пробьются. Эту стѣну можно только обойти и установить сношенія помимо ея.

По праву, званіе войта въ частныхъ имѣніяхъ принадлежитъ помѣщикамъ, но они весьма рѣдко принимаютъ лично на себя заботы и труды, съ этою должностью сопряженные; мы встрѣтили только одинъ такой примѣръ въ с. Роговѣ, именно тамъ, гдѣ помѣщикъ (онъ же и войтъ) самовольно переселилъ крестьянъ на безводные пески. Обыкновенно же, владѣльцы передаютъ свои полицейскія права подставнымъ лицамъ, которыхъ они нанимаютъ. Иногда эти вольно-практикующіе блюстители общественнаго порядка представляются помѣщиками на утвержденіе Коммисіи Внутреннихъ Дѣлъ, и въ такомъ случаѣ съ первыхъ слагается всякая отвѣтственность за ихъ дѣйствія; иногда же, съ вѣдома только губернскаго или даже уѣзднаго начальства, они правятъ свою должность за помѣщиковъ, въ качествѣ ихъ «заступниковъ» или простыхъ прикащиковъ. Когда имѣніе сдается въ аренду, званіе войта обыкновенно передается арендатору. Во всѣхъ сихъ случаяхъ, полицейская власть, служа какъ бы подбивкою сословнымъ, шляхетскимъ и имущественнымъ землевладѣльческимъ интересамъ, представляетъ собою не что иное какъ замаскированное помѣщичье право. Слѣдующій примѣръ—одинъ изъ множества другихъ, встрѣченныхъ нами во время поѣздки — можетъ дать понятіе о томъ, какъ патримоніальная власть проявляется на дѣлѣ.

Въ имѣніи г. Рогацкаго, одинъ крестьянинъ просилъ помѣщика позволить ему занять дворъ, которымъ онъ владѣлъ въ прежнее время и который оставался въ пустѣ; помѣщику же хотѣлось удержать его за собою; но какъ на это не было никакого законнаго основанія, то помѣщикъ не взялъ на себя прямаго отказа, а указалъ крестьянину обратиться къ войту, подставному лицу, служившему владѣльцу на его жалованьи. Войтъ, разумѣется, отказалъ крестьянину въ его справедливой просьбѣ, и несчастный крестьянинъ остается доселѣ безъ земли и хозяйства.

Подобные факты отнюдь не рѣдкость. Весьма часто они принимаютъ даже характеръ самаго дикаго самоуправства. Въ доказательство можно привести два дѣла, изъ коихъ одно (по имѣнію Гарпекъ) надѣлало много шума въ Царствѣ, а другое (по имѣнію Грабицы) попалось намъ случайно въ руки при проѣздѣ чрезъ Піотрковъ. При всемъ различіи этихъ двухъ случаевъ, изъ коихъ одинъ имѣлъ довольно важныя послѣдствія, а другой возникъ изъ самаго ничтожнаго и такъ сказать обычнаго спора, оба заслуживаютъ вниманія, какъ характеристическія черты мѣстныхъ общественныхъ нравовъ. Въ обоихъ выставляются довольно

но рельефно отношенія крестьянъ къ землевладѣльцамъ и мѣстнымъ властямъ, совокупная дѣятельность помѣщиковъ и войтовъ и значеніе мѣстной Польской администраціи для народа.

Подставные войты, въ тѣхъ частныхъ имѣніяхъ, гдѣ мы собирали объ нихъ справки, получаютъ жалованье отъ 45 до 50 рублей серебромъ и сверхъ того иногда провизію. Въ казенныхъ мѣстечкахъ и селеніяхъ бургомистры и войты назначаются отъ Правительства, обыкновенно изъ чиновниковъ низшаго разряда; получаютъ жалованье, по собраннымъ нами справкамъ, отъ 100 до 180, и лишь изрѣдка, въ большихъ мѣстечкахъ, до 400 рублей серебромъ. Подставные войты и бургомистры, которыхъ мы видѣли, напоминали намъ нашихъ полицейскихъ и другихъ писарей въ небольшихъ городахъ и уѣздахъ или помѣщичьихъ прикащиковъ въ мелкихъ имѣніяхъ, съ тѣмъ особеннымъ оттѣнкомъ дерзости и подобострастія, изъ которыхъ слагается основный характеръ Польской шляхты. Самый яркій типъ этого разряда людей, изъ котораго набираются въ настоящее время въ Царствѣ Польскомъ какъ земскіе полицейскіе чиновники, такъ и повстанцы, представалъ намъ въ лицѣ заступающаго мѣсто гминнаго войта—помѣщика Рогацкаго, въ с. Неговоницѣ. Мы вытребовали его на сходку, съ тѣмъ, чтобы распросить объ опустѣлыхъ участкахъ которыхъ просили крестьяне и которыхъ имъ не сдавали. Явилась личность, крайне невзрачная, съ виду желчная, вертлявая и пропитанная спиртуознымъ запахомъ. На вопросъ, отчего не удовлетворяется законное требованіе крестьянъ? — блюститель порядка, надменно откинувъ голову назадъ, запустивъ руки въ карманы и бросивъ презрительный взглядъ на крестьянъ, которые, при появленіи его, робко поникли головами, проговорилъ сквозь зубы: «все это пустяки, вздорные мужичьи толки». Однакожъ, мы этимъ не удовлетворились и строго потребовали положительнаго и яснаго объясненія. Тогда, подставной войтъ видимо смутился и запутался; сперва было онъ думалъ отдѣлаться ссылкою на законъ объ очиншеваніи и даже развернулъ его передъ нами, но ему дали замѣтить, что крестьяне платятъ не чиншъ, а окупъ, и потому законъ этотъ къ дѣлу вовсе не относится. Тогда онъ сталъ увѣрять насъ, что помѣщикъ въ правѣ требовать отъ цѣлаго общества круговой поруки за состоятельность хозяина, домогающагося отвода усадьбы; но мы знали и доказали ему, что не только такого закона нѣтъ и не было, но что даже подобнаго обычая никогда не существовало. Наконецъ, сбитый съ позиціи, онъ мгновенно перемѣнилъ тонъ, снялъ картузъ, согнулся въ дугу и жалобнымъ голосомъ проговорилъ: «Чего вы отъ

меня требуете; что я могу сказать или сдѣлать; вѣдь что я такое?—человѣкъ маленькій, ничтожный». Между тѣмъ, по точнымъ свѣдѣніямъ, наканунѣ собраннымъ, этотъ смиренный представитель мѣстной власти объявлялъ прокламаціи повстанцевъ и подбивалъ крестьянъ къ признанію революціоннаго жонда. Вслѣдствіе этого, сопровождавшій насъ офицеръ Генеральнаго Штаба заарестовалъ его. Какъ только это было исполнено и едва казакъ успѣлъ отвести его на нѣсколько шаговъ въ сторону, вся сходка какъ будто встрепенулась. Крестьяне переглянулись между собою и въ одинъ голосъ, указывая на него пальцемъ, громко объявили намъ: «онъ, онъ читалъ бумагу и подбивалъ насъ къ присягѣ». По свидѣтельству мѣстныхъ военныхъ начальниковъ, таковы всѣ должностныя лица, черезъ которыхъ Правительство дѣйствовало и доселѣ дѣйствуетъ на народъ.

Настроеніе крестьянъ. Мятежная пропаганда. Черты изъ мѣстнаго управленія.

Съ тѣхъ поръ какъ началось возстаніе, положеніе крестьянъ въ Польшѣ существенно измѣнилось во всѣхъ отношеніяхъ. Мы воспользовались всѣми случаями, чтобъ изслѣдовать именно эту сторону и дознать, какое вліяніе имѣла на поселянъ общая неурядица настоящаго времени. Наученные горькимъ для нихъ опытомъ, вожаки нынѣшняго возстанія, какъ извѣстно, поставили себѣ задачею овладѣть народною массою и, во что бы ни стало, привлечь ее на свою сторону. Съ этою цѣлью, подземное правительство въ началѣ возстанія издало и распустило прокламацію о томъ, что земля занятая крестьянами отдается имъ въ полную собственность, и прекращаются всѣ повинности, доселѣ отбывавшіяся въ пользу владѣльцевъ, которые будутъ вознаграждены отъ Правительства. Тѣже обѣщанія повторялись безпрестанно въ печатныхъ объявленіяхъ, разсылавшихся по деревнямъ, и въ рѣчахъ тайныхъ агентовъ, разъѣзжавшихъ по всему краю. Мы видѣли и привезли съ собою нѣсколько экземпляровъ подобныхъ прокламацій, отпечатанныхъ на особыхъ листахъ, на которыхъ оттиснуто сверху изображеніе иконы, чтимой народомъ, Ченстоховской Божіей Матери. Особенною дѣятельностью отличился въ этомъ отношеніи начальникъ шайки Куровскій. Занявъ городъ Олькушу, онъ устроилъ правильную агитацію по всему краю. Все мѣстное чиновничество, начиная отъ начальника уѣзда, его помощникъ, секретарь и бургомистръ немедленно ему присягнули и привели къ присягѣ обыва-

телей, передались жонду со всѣми атрибутами ввѣренной имъ отъ законнаго Правительства власти и продолжали дѣйствовать по прежнему, но только на службѣ у Куровскаго. Олькушскій военный начальникъ показывалъ намъ висѣвшій надъ дверями ратуши намалеванный на доскѣ гербъ Имперіи, съ двуглавымъ орломъ; на обратной сторонѣ той же доски написанъ былъ гербъ Польши и Литвы. Эта доска, которую по нѣскольку разъ переворачивали то на одну, на другую сторону, смотря по тому, кто занималъ городъ,—самый вѣрный символъ нынѣшняго Польскаго чиновничества. Исключенія въ этомъ отношеніи поражаютъ не только своею крайнею рѣдкостью, но и трагическими послѣдствіями, которыя навлекала на себя вѣрность. По словамъ того же военнаго начальника, въ Олькушскомъ округѣ, бургомистръ мѣстечка Пилицы, узнавъ о приближеніи повстанцевъ, спряталъ бывшія у него казенныя деньги, около 300 рублей серебромъ, и объявилъ повстанцамъ, что казна пуста; они удалились, но скоро дознали правду, вернулись назадъ, отрѣзали бургомистру носъ и уши, живаго закопали, но не дали ему даже умереть въ землѣ, а вырыли его и повѣсили. Послѣ него остались вдова и десять человѣкъ дѣтей, которыхъ участь до сихъ поръ не обезпечена ничѣмъ *).

Изъ городовъ и мѣстечекъ, этихъ гнѣздъ мятежническихъ шаекъ, пропаганда, черезъ посредство гминныхъ войтовъ и ксендзовъ, быстро распространяема была по деревнямъ. Это заявляли сами крестьяне, гдѣ только мы ихъ объ этомъ спрашивали. Въ казенномъ с. Новосольнѣ, Ленчицкаго уѣзда, подговоры начались еще въ 1861 году; въ помѣщичьемъ имѣніи Хойнѣ, того же уѣзда, нынѣшнею весною, пріѣзжали какіе-то неизвѣстные люди съ грамотою; ее читали въ канцеляріи правящій должность войта и ксендзъ. Въ ней было написано: «Вы люди бѣдные, васъ обижали, но теперь вамъ даруется милость, прекращаются всѣ повинности въ пользу владѣльца». — Крестьяне, пользуясь случаемъ, стали было заявлять, что по сдѣлкѣ, заключенной ими съ помѣщикомъ, они лишились луговъ; но неизвѣстный человѣкъ просьбы ихъ не уважилъ, а утвердилъ прежнюю сдѣлку и сказалъ крестьянамъ, что, за потерю луговъ, они вознаграждены отмѣною чинша. Въ селѣ Ляски, Олькушскаго уѣзда, войтъ и ксендзъ, въ костелѣ объявили, что повинностей болѣе съ крестьянъ требовать не будутъ и что земля дается имъ даромъ. Отъ кого исходило это распоряженіе, крестьяне не посмѣли спросить, потому что въ церкви не

*) Доведено до свѣдѣнія г. Намѣстника, который предположилъ обратить жалованье погибшаго въ пожизненный пенсіонъ его вдовѣ и дѣтямъ.

разговариваютъ; потомъ (когда военная сила очистила уѣздъ), тотъ же войтъ и тотъ же ксендзъ объявили, неизвѣстно по чьему приказанію, что окупъ и чиншъ вносить слѣдуетъ. То же самое происходило въ присутствіи пана въ селѣ Блендовой Кузницѣ; затѣмъ на другой половинѣ того же селенія, принадлежащей казнѣ и въ частномъ имѣніи с. Неговоницахъ. Обѣщанія, расточаемыя крестьянамъ, сопровождались строгимъ приказомъ, чтобы владѣльцы отнюдь не смѣли, подъ опасеніемъ висѣлицы, требовать съ крестьянъ оброка. По разсказамъ начальника Олькушскаго округа, Куровскій даже отнималъ у помѣщиковъ и возвращалъ крестьянамъ взысканныя съ нихъ деньги. То, что объявлялъ революціонный жондъ, и то, чѣмъ онъ грозилъ, не оставалось пустымъ обѣщаніемъ или простою острасткою. Онъ умѣлъ настаивать на строгомъ исполненіи своихъ приказовъ и потому достигъ своей цѣли: во всѣхъ помѣщичьихъ имѣніяхъ, черезъ которыя мы проѣзжали, и въ нѣкоторыхъ казенныхъ, отбываніе повинностей безусловно прекратилось съ первой четверти нынѣшняго года, а въ иныхъ и ранѣе. Крестьяне заявляли намъ объ этомъ повсемѣстно и безъ всякихъ утаекъ; но помѣщики и войты неохотно вдавались въ объясненія по этому поводу. Въ деревнѣ Хойнѣ, крестьяне прямо сказали, что они ничего не платятъ помѣщику и что съ нихъ ничего не требуютъ, а въ это же самое время, жена войта, которую опрашивалъ въ домѣ командующій войсками Лодзинскаго округа, отвѣчала ему, что окупъ уплаченъ крестьянами сполна. Въ казенной деревнѣ Липинѣ, вызванный нами войтъ долго уклонялся отъ всякихъ по этому предмету объясненій, посматривая искоса на нашего кучера; наконецъ заговорилъ понѣмецки и послѣ долгихъ колебаній объявилъ, что во всей окрестности отбываніе крестьянами повинностей прекратилось тому назадъ цѣлый годъ и что помѣщики, большею частью небогатые, рады бы взыскивать окупы и чиншы, но не смѣютъ, опасаясь преслѣдованій революціоннаго жонда.

Вотъ съ какой стороны повстанцы представлялись народу; таковы были ихъ дѣйствія, которыми они подкупали народъ, и результаты, ими достигнутые. Между тѣмъ, наши военные отряды обходили край для сбора податей. На основаніи данной имъ инструкціи, когда владѣльцы оказывались несостоятельными или отговаривались несостоятельностью, взысканіе обращалось на крестьянъ, если только за ними числились недоимки по окупамъ и чиншамъ. Одинъ начальникъ развилъ эту систему еще далѣе. Мѣстные помѣщики, не смѣя и не желая явно требовать съ крестьянъ повинности, упраздненныя прокламаціями повстанцевъ, стали къ

нему забѣгать тайкомъ съ просьбами, чтобы онъ взялъ на себя взысканіе чиншей и окуповъ въ ихъ пользу, и военный начальникъ исполнялъ ихъ просьбу. Онъ предписалъ крестьянамъ вносить эти повинности въ уѣздное казначейство, подъ росписки, имѣя въ виду, съ одной стороны, обезпечить этимъ будущіе податные сборы, съ другой— выдать остатки помѣщикамъ, но подъ условіемъ письменнаго отреченія отъ мятежническаго жонда и признанія законной власти Русскаго Правительства. Онъ думалъ этимъ заподозрить ихъ въ глазахъ революціонной партіи и привязать къ Правительству. Каковъ бы ни былъ этотъ странный разсчетъ самъ по себѣ, но дѣло въ томъ, что Русская военная сила стала появляться въ деревняхъ для взысканія съ крестьянъ повинностей, установленныхъ въ пользу помѣщиковъ и великодушно упраздненныхъ жондомъ. Послѣднему ничто не могло быть пріятнѣе; онъ внимательно слѣдилъ за ходомъ дѣла и, разумѣется, не упускалъ случая разъяснять по своему дѣйствія нашихъ военныхъ начальниковъ. Въ одной изъ прокламацій, по этому поводу изданныхъ, мы прочли слѣдующія строки: «Крестьяне! Правительство «Польское даровало вамъ земли и воспретило панамъ брать «съ васъ чиншъ, а нынѣ Москаль, который желаетъ каж«даго ободрать, и у васъ вырываетъ вашу собственность. «Будучи не въ состояніи собрать съ пановъ подати, онъ «рѣшился васъ обмануть и, зная, что у васъ накопились «деньги, постановилъ отнять ихъ у васъ. Отцы ваши въ «потѣ лица долго работали и только что Польское Прави«тельство успѣло даровать вамъ въ награду землю и едва «нѣкоторые изъ васъ успѣли собрать нѣсколько грошей «на платки для женъ вашихъ и на хлѣбъ для вашихъ дѣтей, «Москаль, жадный грабитель, отнимаетъ у васъ все, что́ «вы имѣете! Горе вамъ! Не отдавайте того, что́ ваше; не «дозволяйте, чтобы васъ обкрадывали! Когда воръ забе«рется къ сосѣду, то бѣгите къ нему на помощь! Хватайте «вора! Москаль также хочетъ васъ обокрасть: начнетъ съ «чиншей, а послѣ заберетъ и остальное, и самихъ васъ, «взявъ въ рекруты, погонитъ въ далекую Сибирь! Смѣлѣе, «молодцы!»

Какое же дѣйствіе эти подстреканія и соблазны произвели на народную массу; какъ отнесся народъ къ происходившей въ его глазахъ борьбѣ Правительства не съ Польскою націею, какъ думаютъ многіе, а съ уродливымъ сочетаніемъ революціоннаго одушевленія и іезуитскаго лукавства?—Въ этомъ узелъ современнаго вопроса въ Польшѣ.

Пусть отвѣчаютъ на него факты, на мѣстахъ занесенные въ наши записныя книжки и передаваемые съ юридическою точностью.

Въ Новосольнѣ, гдѣ числится не менѣе 130 дворовъ, намъ говорили Нѣмецкіе колонисты: «Три года тому назадъ насъ хотѣли заставить присягнуть тайному жонду, но мы не согласились; никто изъ насъ не подписалъ присяжнаго листа: за то повставцы насъ возненавидѣли. Въ то время у насъ было до 7 ружей, нашихъ собственныхъ; многіе изъ насъ умѣютъ стрѣлять; эти ружья, по распоряженію Правительства, были у насъ отобраны. Мы передали ихъ, по полученному приказанію, бывшему войту, женатому на Полькѣ, а онъ сдалъ ихъ повстанцамъ. Такимъ образомъ, мы остались безъ всякихъ средствъ къ сопротивленію: повстанцы увели у насъ болѣе 50-ти лошадей, двоихъ изъ насъ повѣсили и навели на все общество такой страхъ, что мы уже не рѣшаемся теперь даже и показывать на нихъ. Если бъ и дали намъ теперь ружья, мы ихъ не возьмемъ».

Олькушскій военный начальникъ разсказывалъ намъ, что, въ началѣ возстанія, крестьяне сами арестовали помѣщиковъ, помогавшихъ повстанцамъ. Случилось разъ нѣсколькимъ крестьянамъ привести въ городъ своего пана, который ходилъ «до лясу». Гражданскій уѣздный начальникъ тотчасъ его выпустилъ, а ихъ посадилъ въ тюрьму; тамъ, случайно, встрѣтилъ ихъ военный начальникъ и приказалъ ихъ освободить; черезъ нѣсколько времени къ нему явились жены этихъ крестьянъ съ извѣстіемъ, что ихъ мужей вторично арестовали; военный начальникъ опять отпустилъ ихъ и запретилъ ихъ трогать; но черезъ нѣсколько времени онъ узналъ, что ихъ схватили въ третій разъ и отправили въ другой городъ по требованію трибунала.

Подъ вліяніемъ, съ одной стороны, постоянныхъ угрозъ, за которыми слѣдовали жестокія истязанія, съ другой стороны, не встрѣчая ни одобренія, ни защиты, крестьяне, первоначально относившіеся враждебно къ возстанію и изъявлявшіе готовность содѣйствовать его подавленію, мало по малу сбились съ толку и упали духомъ. Проживавшіе въ деревняхъ отставные солдаты, ихъ жены, отчасти даже колонисты и крестьяне стали помышлять о выѣздѣ изъ Польши. Мысль эта, какъ видно, разнеслась далеко, чему доказательствомъ служатъ просьбы, виданныя нами у начальника Піотрковскаго округа, о внесеніи просителей въ списокъ лицъ, переселяемыхъ въ Россію. Перемѣна въ настроеніи крестьянъ не укрылась отъ повстанцевъ. Въ сообщенныхъ намъ выпискахъ изъ бумагъ, найденныхъ при начальникѣ шайки Скшинскомъ, встрѣчаются слѣдующія строки, писанныя 6 Іюня: «Вамъ извѣстны дурныя послѣд-«ствія нападенія нѣсколькихъ партизановъ на деревню Сул-«ковъ, съ цѣлью взять безсрочно-отпускнаго солдата. Об-«стоятельство это вызвало значительное неудовольствіе меж-

«ду крестьянами. *Съ нѣкотораго времени, крестьяне, если и не «показываютъ намъ явнаго расположенія, то, по крайней мѣрѣ, «сохраняютъ строгій неутралитетъ.* А потому, необходимо «поступать съ ними весьма обдуманно; строгія мѣры долж- «ны быть употребляемы только въ крайнемъ случаѣ,—при «измѣнѣ или шпіонствѣ. На основаніи всѣхъ вышеизложен- «ныхъ доводовъ, я полагалъ бы виновныхъ партизановъ «судить третейскимъ судомъ и строго наказать на самомъ «мѣстѣ преступленія. Крестьянъ, ушедшихъ послѣ этихъ «безпорядковъ къ Русскимъ, я распорядился наказать; тѣхъ «же, которые теперь добровольно возвратились, полагаю «простить».

И такъ кара и милость, не безъ успѣха, попеременно употреблялись повстанцами; съ нашей же стороны дѣло постепенно портилось и портится. Къ счастію, оно, какъ кажется, не испорчено еще окончательно. Крестьяне все таки не примыкаютъ къ возстанію. Въ казенномъ селеніи Стремежичахъ-Великихъ, одинъ, повидимому зажиточный и очень толковый крестьянинъ описывалъ намъ подробно потери и опасности, которымъ подвергалось все селеніе отъ военныхъ дѣйствій, и заключилъ словами: «Да! худо намъ отъ войны, а все же лучше, чѣмъ еслибы насъ рвали паны». Въ селеніи Блендовой Кузницѣ, дряхлая старуха, долго слушавшая пригорюнившись разсказы крестьянъ о томъ, какъ ихъ подговаривали пристать къ возстанію, замотала головою и проговорила почти про себя: «Мы отчизны не боронимъ; гдѣ намъ! И какая у насъ отчизна? Тамъ мы ее найдемъ, когда умремъ». — Въ казенной части того-же селенія, солтысъ разсказывалъ намъ слѣдующее: «Мы перестали работать (возить руду) съ тѣхъ поръ, какъ шайки заняли село и намъ объявлена была воля; начальникъ повстанцевъ, черезъ войта, далъ мнѣ карту (или грамоту); я взялъ ее для передачи крестьянамъ, но громада не хотѣла брать ее; тогда я пришелъ къ начальнику, который мнѣ сказалъ: «дураки! я васъ отправлю въ Ойцовъ». Въ то время, ноги подъ нами тряслись и подкашивались; потомъ, черезъ нѣсколько времени, войтъ хотѣлъ отнять у насъ грамоту».— Мы просили, чтобы намъ ее показали; но крестьянинъ, отправившійся отыскивать ее, замѣшкался, и мы уже выѣзжали изъ деревни, какъ послышался позади насъ крикъ. Крестьянинъ бѣгомъ догонялъ насъ съ листомъ бумаги въ рукахъ. Это была обычная прокламація съ обѣщаніями революціоннаго жонда.

Странно бы было утверждать, что прокламація о даровомъ надѣлѣ и дѣйствительное прекращеніе повинностей не принимаются крестьянами сочувственно и не льстятъ ихъ издавна возбужденнымъ надеждамъ. Жондъ умѣлъ затро-

нуть въ нихъ самую чувствительную струну; но они не довѣряютъ безличному Правительству и сомнѣваются въ прочности обѣщаній и распоряженій, исходящихъ отъ людей, которые прячутся въ лѣсахъ и убѣгаютъ при видѣ казаковъ. Крестьяне ни разу не говорили намъ, что они теперь уже могутъ по праву не отбывать никакихъ повинностей; мы постоянно слышали отъ нихъ только, что повинностей съ нихъ не требуютъ. Нѣкоторые прибавляли: если бъ потребовали, мы не стали бы отказываться; другіе говорили: мы недоумѣваемъ, не знаемъ, какъ быть, платить или не платить? Многіе обращались за совѣтами и указаніями къ Олькушскому военному начальнику, и нѣкоторые, по его приказанію, вносили чиншъ въ уѣздное казначейство. Наконецъ, нѣкоторые говорили намъ: «Худо будетъ, если вдругъ заставятъ насъ выплатить окупъ за всѣ минувшіе сроки; пришлось-бы распродать весь скотъ и всѣ пожитки».

Когда удавалось намъ разговориться съ крестьянами, мы старались ободрять ихъ и, уѣзжая изъ деревни, говорили имъ на прощанье, что Царь объ нихъ не забылъ, что имъ будетъ легче; убѣждали ихъ ждать терпѣливо отъ Его милости, а врагамъ Его не вѣрить и не служить. Слова эти вездѣ принимались съ самымъ искреннимъ, трогательнымъ сочувствіемъ. Поселяне вездѣ выслушивали ихъ съ жадностью и повторяли ихъ отъ себя по нѣскольку разъ. Казалось, что они находили въ нихъ оправданіе какого-то своего собственнаго темнаго чаянія, котораго они сами не могли себѣ уяснить.

Такимъ представилось намъ настроеніе народной массы въ Польшѣ. Она находится въ какомъ-то неопредѣленномъ, тревожномъ, выжидательномъ положеніи. Въ одну сторону тянутъ ее силою самыхъ заманчивыхъ обѣщаній, на половину уже осуществившихся; къ другой влечетъ ее вѣрный историческій инстинктъ, къ сожалѣнію, ни въ чемъ еще не находящій ни поддержки, ни оправданія. — Чья сила окончательно перетянетъ? Кому удастся привлечь къ себѣ колеблющееся сочувствіе массы? Отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ окончательно исходъ современной борьбы, въ которой законное Правительство призвано спасти не только политическое владычество Россіи надъ Польшею, но и самую будущность народа Польскаго!

1-го Ноября 1865 года.

Приложеніе 1-е.

О БЕЗПОРЯДКАХЪ ВЪ ИМѢНІИ ГАРНЕКЪ.

Крестьяне имѣнія Гарнекъ, Піотрковскаго уѣзда Варшавской губерніи, въ 1858, 1859 и 1860 г., обращались, безпрестанно, къ мѣстнымъ властямъ и даже къ высшему правительству съ жалобами на помѣщика за обремененіе ихъ излишними повинностями, отобраніе у многихъ изъ нихъ земель, наконецъ за жестокое обращеніе съ крестьянами и даже крестьянками, которыхъ помѣщикъ (онъ же и войтъ), а еще болѣе жена его и дворовые ихъ челядинцы подвергали непомѣрнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ. Вслѣдствіе этого крестьяне просили объ оказаніи имъ покровительства и ускореніи очиншеванія.

Изъ дѣла, производившагося въ Совѣтѣ Управленія, видно, что, по первоначальнымъ жалобамъ означенныхъ крестьянъ, поручено было гражданскому губернатору произвести дознаніе и, въ случаѣ справедливости жалобъ, оказать просителямъ законное удовлетвореніе.

Гражданскій губернаторъ, отъ 3 (15) Мая 1860 г., донесъ Правительственной Коммиссіи Внутреннихъ Дѣлъ, что еще въ 1859 г., удостовѣрясь въ справедливости большой части жалобъ крестьянъ, онъ распорядился: объ огражденіи ихъ отъ излишнихъ вымогательствъ помѣщика, объ удаленіи отъ должности главнаго виновника (старосты) о передачѣ жалобъ на жестокое обращеніе, въ особенности самой помѣщицы, судебному разсмотрѣнію, объ устраненіи помѣщика Гродзицкаго отъ должности войта гмины и о замѣщеніи этой должности чиновникомъ отъ правительства. Въ отношеніи же домогательства крестьянъ объ очиншеваніи, приказалъ объявить имъ, что, на основаніи постановленія Совѣта Управленія 16 (28) Декабря 1858 г., очиншеваніе не иначе можетъ послѣдовать, какъ по добровольному уговору съ помѣщикомъ, который не отказывается приступить къ очиншеванію, если только крестьяне будутъ исполнять, по прежнему, повинности.

Послѣ этого крестьяне стали вновь обращаться съ жалобами на то, что помѣщикъ продолжаетъ разорять ихъ непомѣрными требованіями и что барщинная повинность служитъ поводомъ къ разнаго рода притѣсненіямъ и жестокостямъ, а потому, уклоняясь отъ барщины, начали вновь просить о замѣнѣ ея оброкомъ или окупомъ.

Такое домогательство крестьянъ признано явнымъ неповиновеніемъ правительственному распоряженію, и вслѣдствіе того послана была въ имѣніе Гарнекъ военная экзекуція. Но когда и тутъ крестьяне не соглашались исполнять обременительную для нихъ повинность, то по распоряженію Правительственной Коммиссіи Внутреннихъ Дѣлъ отъ 7 (19) Сентября 1859 г., съ

разрѣшенія Намѣстника, 9 крестьянъ, признанныхъ подстрекателями, были удалены изъ усадьбъ. Изъ нихъ крестьянинъ Филиппъ Маршалекъ, назначенный къ переселенію въ другую губернію, бѣжалъ въ Пруссію къ родственникамъ, и оттуда не переставалъ жаловаться на помѣщика и даже обращался съ просьбами къ Прусскому правительству объ оказаніи содѣйствія къ удовлетворенію жалобъ крестьянъ имѣнія Гарнекъ.

Между тѣмъ, вслѣдствіе новыхъ жалобъ означенныхъ крестьянъ, — изъ коихъ 20 человѣкъ были посажены управлявшимъ гражданскою частью въ Александровскую цитадель,— Намѣстникъ, учредивъ особую Коммиссію, 7 (19) Мая 1860 г., предписалъ ей: заняться подробнымъ разсмотрѣніемъ на мѣстѣ всѣхъ жалобъ поселянъ гмины Гарнекъ на помѣщика, равно дѣйствій сего послѣдняго и экономическихъ служителей; привести крестьянъ въ должное повиновеніе, оградивъ ихъ при томъ отъ жестокаго съ ними обращенія; обсудить мѣры для оказанія помощи тѣмъ изъ крестьянъ, которые болѣе другихъ разорены экзекуціями; внушить поселянамъ, что правительство постоянно заботится объ улучшеніи ихъ быта и ограждаетъ отъ всякаго рода притѣсненій; наконецъ, если и эти мѣры увѣщанія окажутся недѣйствительными, то, подвергнувъ упорныхъ тѣлесному наказанію, отправить ихъ въ Варшаву для дальнѣйшаго распоряженія.

Слѣдственная Коммиссія нашла жалобы крестьянъ, по большой части, справедливыми. Она удостовѣрилась, что наложенныя на нихъ работы были дѣйствительно беззаконны и чрезвычайно обременительны, что у многихъ хозяевъ неправильно отобраны были ихъ усадьбы и что кромѣ того крестьяне подвергались постоянно неправильнымъ и жестокимъ наказаніямъ. Затѣмъ Коммиссія объявила крестьянамъ, что претензіи ихъ уже тщательно разсмотрѣны и будутъ представлены на рѣшеніе Намѣстника; что виновные въ причиненіи имъ обидъ будутъ подвержены взысканію по законамъ; что издержки слѣдствій будутъ отнесены на счетъ помѣщика,—слѣдовательно имъ нечего опасаться денежныхъ взысканій,—что они не будутъ болѣе наказываемы ни помѣщикомъ, ни его женою, ни ихъ челядинцами, но, въ случаѣ проступковъ, подлежатъ разбирательству новаго гминнаго войта; что, при исполненіи натуральныхъ повинностей, они впредь не будутъ обременяемы непомѣрными работами, и что за тѣмъ не имѣютъ причины отказываться отъ исполненія своихъ обязанностей.

Но крестьяне, послѣ многолѣтнихъ притѣсненій, не полагаясь на обѣщанія Коммиссіи, уперлись въ прежнихъ своихъ домогательствахъ. Ссылаясь на то, что, вслѣдствіе крайняго разоренія, не въ состояніи отбывать барщины, они упорно просили перевода ихъ на оброкъ, что Коммиссія признала явнымъ ослушаніемъ съ ихъ стороны.

Вслѣдствіе этого 5 крестьянъ тутъ же, на мѣстѣ, по распоряженію Коммиссіи, наказаны розгами и отправлены въ Варшаву, а 18 человѣкъ посажены въ Піотрковскую тюрьму.

Слѣдствіе разсмотрѣно, по порядку, въ Правительственной Коммиссіи Внутреннихъ Дѣлъ и въ Совѣтѣ Управленія. Всѣ инстанціи признали, что жалобы крестьянъ въ сущности справедливы, но ни одна, не смотря даже на смыслъ приведенныхъ выше указаній Намѣстника, не остановилась на мысли, что бѣдствія, столь долго претерпѣнныя крестьянами, заслуживаютъ нѣкотораго вознагражденія или хотя снисхожденія къ ихъ домогательству о немедленномъ переводѣ ихъ съ барщины на оброкъ, чѣмъ прекратились бы окончательно всѣ возникшіе споры и пререканія. Хотя при этомъ не было со стороны крестьянъ никакого поползновенія отказываться вовсе отъ повинностей въ пользу помѣщика, а напротивъ они требовали только измѣненія рода повинностей, по и этому, въ существѣ довольно скромному требованію, придаваемъ былъ постоянно видъ ослушанія и даже бунта. Съ этой точки зрѣнія правительственныя власти, ограничиваясь *въ пользу* крестьянъ одними только обѣщаніями, приняли *противъ* нихъ весьма строгія мѣры, именно: опредѣленіемъ Совѣта Управленія 23 Августа (4 Сентября) 1860 г. рѣшено:

1) Главныхъ подстрекателей крестьянъ имѣнія Гарнека, Маршалка и Хмеляржа, по поимкѣ, предать суду.

2) Семи крестьянамъ, удаленнымъ прежде изъ усадебъ, воспретить пребываніе въ Варшавской губерніи.

3) Остальныхъ непокорныхъ крестьянъ, содержащихся въ крѣпости, въ Варшавской полиціи и въ Піотрковской тюрьмѣ, препроводить подъ присмотромъ въ имѣніе Гарнекъ и тамъ объявить, что они, за неисполненіе повинностей и неповиновеніе властямъ, лишаются усадьбъ.

4) Бывшаго старосту имѣнія Гарнекъ, Калеку, содержащагося въ тюрьмѣ и преданнаго суду за жестокое обращеніе съ крестьянами, изъ-подъ ареста уволить, воспретивъ ему пребываніе въ Піотрковскомъ уѣздѣ.

Взысканіе же съ помѣщика Гродзицкаго и его жены, главныхъ виновниковъ въ дѣлѣ, ограничилось пока тѣмъ, что первый изъ нихъ лишился званія войта.

Приведеніе въ исполненіе означеннаго постановленія Совѣта Управленія, какъ видно изъ дѣла, сопровождалось постоянно военными экзекуціями и кончилось едва въ концѣ 1862 года.

Всего, въ имѣніи Гарнекъ, за неповиновеніе властямъ и неисполненіе повинностей, удалено изъ усадьбъ, по распоряженію мѣстнаго правительства, 80 крестьянъ-хозяевъ, изъ коихъ 9 человѣкъ выселены въ другую губернію. Всѣ эти крестьяне, изъ самостоятельныхъ хозяевъ, сдѣлались безземельными батраками или поденщиками.

Замѣчательно, что посланный въ имѣніе Гарнекъ военныя команды или, точнѣе, военные начальники (какъ значится въ дѣлѣ), увидавъ бѣдственное положеніе крестьянъ, доведенныхъ несправедливостями помѣщика до отчаянія, не рѣшались приводить въ исполненіе постановленія Совѣта объ удаленіи крестьянъ изъ усадьбъ, опасаясь дурныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что въ окрестностяхъ деревни Гарнекъ появилась въ то время шайка разбойниковъ, къ которымъ легко могли пристать означенные крестьяне. Объ этомъ военный начальникъ округа желѣзной дороги полковникъ Мартыновъ донесъ Намѣстнику 14 (26) Іюня 1862 года.

Приложеніе 2-е.

О БЕЗПОРЯДКАХЪ ПО ИМѢНІЮ ГРАБИЦЫ.

29 Октября 1863 года, *Антонъ Зуберъ*, отъ имени крестьянъ (казеннаго вѣдомства) деревни Вадлева, Піотрковскаго уѣзда Варшавской губерніи, подалъ, на имя военнаго начальника, прошеніе слѣдующаго содержанія:

«Болѣе 70 лѣтъ владѣли мы землею, принадлежащею къ деревнѣ Вадлевъ, съ уплатою чиншa за 15 морговъ по 52 злота въ годъ. Деньги эти вносили во дворъ, находящійся въ той деревнѣ, помѣщику *Аркушевскому;* съ прошлаго же года, на основаніи Высочайшаго повелѣнія (какъ дошло до нашего свѣдѣнія), таковаго еще не платили, впредь до особаго приказанія *).

«Три года тому назадъ, прибылъ въ сказанную деревню помѣщикъ (онъ же и войтъ) *Яблонскій*; въ текущемъ году началъ мѣрить землю, независимо той, которая принадлежитъ къ фольварку и даже отбивая границы по самое строеніе домовъ, такъ что нѣтъ возможности выпустить птицу и скотъ; а когда крестьяне спросили: что онъ хочетъ съ ними дѣлать?—то первыхъ обратившихся съ вопросомъ хозяевъ: *Степана Дропа* и *Каспера Руту* посадилъ въ острогъ, а всему обществу сказалъ: «Я вашъ помѣщикъ и потому отозвавшихся сгною въ острогѣ, а прочихъ совершенно изничу», — что можемъ подтвердить присягою.

«Вслѣдствіе чего, прибѣгаемъ къ стопамъ вашего превосходительства и покорнѣйше просимъ справедливой защиты, а также и освобожденія отъ тюремнаго заключенія (впредь до

*) Уплата чиншей прекратилась по всему Царству, по требованію революціонныхъ предводителей, обнародованному при содѣйствіи мѣстныхъ гражданскихъ чиновниковъ, что и объясняетъ до нѣкоторой степени недоразумѣніе крестьянъ, будто распоряженіе это послѣдовало по Высочайшей волѣ.

рѣшенія нашего дѣла съ сказаннымъ помѣщикомъ, производящагося уже въ судѣ) *Каспера Руты*, коего жена съ 7-ю дѣтьми, и *Степана Дрона*, съ 4-мя дѣтьми, совершенно остались безъ средствъ къ пропитанію. Къ сему прошенію, за всѣхъ жителей деревни Вадлева, по незнанію грамотѣ, тремя знаками крестовъ крестьянинъ той же деревни Антонъ Зуберъ подписуюсь».

По этому прошенію военный начальникъ, 4 Ноября 1863 года, поручилъ произвести слѣдствіе Піотрковскому уѣздному начальнику, совмѣстно съ начальникомъ жандармской команды и экономическимъ коммисаромъ.

Слѣдственная Коммиссія, отъ 13 (25) Ноября 1863 года, представила выписку изъ слѣдственнаго дѣла, въ которой объясняется, между прочимъ, слѣдующее:

«Владѣлецъ имѣнія Грабицы и лежащей въ срединѣ онаго деревни Вадлева, *Францъ Яблонскій* утверждаетъ, что находящійся на земляхъ сказанной деревни небольшой лѣсъ, называемый *Курникъ*, есть его собственность, а въ доказательство этого, 7 (19) Ноября 1863 г. при объясненіи, поданномъ слѣдователю, экономическому ассессору Сѣравскому, представилъ: 1) актъ, составленный въ 1840 году экономическимъ ассессоромъ *Мительштедтомъ* о пріемѣ и передачѣ бывшаго казеннаго имѣнія Грабицы въ потомственное владѣніе графа *Гутаковскаго* и 2) престаціонную табель деревни Вадлева, доказывая, что въ этихъ двухъ документахъ нѣтъ ничего, изъ чего можно бы было видѣть, что лѣсъ Курникъ признанъ крестьянскимъ. Когда же потребовали формальнаго плана и межеваго реэстра деревни Вадлева, то *Яблонскій* отъ сего уклонился.

«Полицейскій судъ Піотрковскаго округа, разсмотрѣвъ жалобу помѣщика на насиліе и самоуправленіе поселянъ деревни Вадлева и основываясь на показаніи подъ присягою двухъ лѣсничихъ помѣщика, подтверждавшихъ въ общихъ словахъ, что они слышали, будто въ прежнее время господскій дворъ употреблялъ на свои надобности вырубаемыя въ лѣсѣ дрова, присудилъ къ тюремному заключенію двухъ крестьянъ: *Степана Дрона* и *Каспера Руту*, какъ предводителей прочихъ крестьянъ, препятствовавшихъ производить, по распоряженію помѣщика, размежеваніе лѣса Курникъ. Вслѣдствіе сего сказанные крестьяне содержались подъ арестомъ 34 дня.

«Изъ произведеннаго нынѣ слѣдствія оказалось:

1) что крестьяне, со времени экономическаго устройства деревни, то есть, въ продолженіе 22-хъ лѣтъ, пользовались безспорно общимъ пастбищемъ въ лѣсу Курникъ.

2) что крестьянамъ этимъ, при устройствѣ деревни въ 1841 году, предоставлено было срубить весь растущій въ Курникѣ лѣсъ, со взносомъ за то 5 р. 25 к. сер., чего они не сдѣлали по безпечности и по тому, что тогда цѣна на лѣсъ была низкая;

3) что въ то время, т. е. около 1841 года, уполномоченный владѣльца имѣнія, вырубивши совершенно лѣсъ Курникъ, свезъ деревья на господскій дворъ Грабицы, какъ съ земли, состоявшей еще въ его распоряженіи до устройства деревни; послѣ чего сдалъ крестьянамъ землю, состоявшую въ кустарникахъ и ничего не стоившую. На эти-то разросшіеся въ 22 года кустарники помѣщикъ *Яблонскій* распространяетъ нынѣ свою претензію.

«А какъ производящееся теперь дѣло состоитъ не въ спорѣ о пользованіи лѣсомъ, но о сопротивленіи, приписываемомъ крестьянамъ, по случаю размежеванія лѣса Курникъ, то Коммиссія полагаетъ: что хотя ни помѣщикъ ни крестьяне не представили межевыхъ документовъ, однако какъ крестьяне доказали неоспоримое право свое на пользованіе пастбищемъ въ лѣсѣ Курникѣ, и это подтвердилъ и лѣсной сторожъ помѣщика Газиевскій, и какъ они, будучи безсрочно-чиншевыми владѣльцами своихъ земель и пастбищъ, пользуются правами, предоставленными Высочайшимъ Указомъ 1846 года, то помѣщикъ обязанъ былъ предварительно условиться съ ними, почему онъ предполагаетъ межевать лѣсъ Курникъ, находящійся въ срединѣ полей ихъ. Должно сознаться, что ему и не слѣдовало дѣлать размежеванія, коль скоро границы сказаннаго пастбища не могли быть уменьшены, такъ какъ, по естественному ходу дѣлъ, этотъ лѣсной ничего незначащій участокъ, не прилегающій къ помѣщичьимъ лѣсамъ и состоящій изъ болотъ и песчаныхъ мѣстъ, издавна предоставленъ крестьянамъ въ вѣчное пользованіе за извѣстный чиншъ.

«Такимъ образомъ, помѣщикъ виновенъ въ томъ, что неправильно приступилъ къ принудительному размежеванію лѣса Курникъ; крестьяне же, протестуя противъ размежеванія, не дозволили себѣ при этомъ никакого безпорядка, ни насилія. Посему онъ виновенъ въ неправильномъ арестованіи крестьянъ *Дрона* и *Руты;* главнѣйше же виновенъ онъ въ томъ, что утаилъ о правѣ пользованія крестьянами деревни Вадлева пастбищемъ въ лѣсѣ Курникъ; почему Коммиссія полагаетъ, что помянутыхъ двухъ крестьянъ слѣдуетъ вознаградить, на счетъ помѣщика, за продержаніе ихъ 34 дня въ тюрьмѣ, считая имъ за каждый день по одному рублю.

«Полицейскій судъ Піотрковскаго округа не заслуживаетъ упрека за рѣшеніе свое по настоящему дѣлу, какъ потому, что *Яблонскій* въ жалобѣ своей скрылъ о томъ, что крестьяне деревни Вадлева имѣютъ до сихъ поръ неоспоримое право пользованія общимъ пастбищемъ, такъ и потому, что крестьяне не съумѣли объяснить дѣло въ протоколярныхъ своихъ показаніяхъ; а потому предводители ихъ: *Степанъ Дронъ* и *Касперъ Рута* подверглись обвиненію и наказанію *на основаніи мѣстныхъ законовъ* (!)».

Дѣло это, конечно весьма незначительное по существу своему, заслуживаетъ упоминовенія лишь какъ образчикъ мѣстнаго правосудія. Такія дѣла встрѣчаются въ Польшѣ на каждомъ шагу, и къ сожалѣнію не всегда кончаются даже столь благопріятно для слабой стороны.

Впрочемъ, нельзя не замѣтить, что г. *Яблонскій*, предъявившій, въ качествѣ помѣщика, самое несправедливое притязаніе, а въ качествѣ войта, дозволившій себѣ явное самоуправство, подвергается лишь легкому денежному платежу въ пользу обиженныхъ имъ крестьянъ. По прежнему онъ останется войтомъ и по прежнему будетъ пользоваться законною властью подвергать крестьянъ всякаго рода наказаніямъ, не исключая и тѣлесныхъ.

Что̀ касается до полицейскаго суда, оказавшаго явное потворство помѣщику и войту, то господа слѣдователи (обнаружившіе впрочемъ, подъ вліяніемъ Русскаго военнаго начальства, довольно рѣдкое безпристрастіе въ отношеніи къ крестьянамъ, не находятъ даже ни одного слова порицанія для неправеднаго судейскаго рѣшенія.

Въ заключеніе не излишне добавить, что г. *Яблонскій*, узнавъ о результатѣ изслѣдованія, поспѣшилъ къ военному начальнику, чтобы угрожать ему статьею въ «*Часъ*» и другихъ почтенныхъ органахъ заграничной прессы. Когда же встрѣтилъ со стороны военнаго начальника сильный отпоръ, то измѣнилъ тотчасъ тактику и сталъ задабривать разсказами о своемъ гостепріимствѣ, о прелестяхъ своей юной семьи, и т. под. Все это (должно повторить) есть дѣло самое обыкновенное въ шляхетскомъ быту, и поэтому собственно попало въ путевыя записки, какъ характеристика мѣстныхъ общественныхъ нравовъ.

ВОСПОМИНАНІЕ О К. Ѳ. РЫЛѢЕВѢ.

Начало моего знакомства съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ было началомъ искренней, горячей къ нему дружбы. Навѣрное не помню, но кажется мнѣ, это было въ началѣ 1823 г., т. е. вскорѣ послѣ возвращенія Гвардейскаго корпуса изъ Бѣшенковичей, т. е. послѣ предполагаемаго похода за границу противъ революціонныхъ движеній въ Италіи. Кондратій Ѳедоровичъ въ то время только что издалъ Войнаровскаго и готовилъ къ печати свои «Думы». Имя его было извѣстно между литераторами, и свободолюбивое направленіе его мыслей обратило на него вниманіе членовъ Тайнаго Общества. Иванъ Ивановичъ Пущинъ первый познакомился съ нимъ и, вполнѣ оцѣнивъ личныя его достоинства, принялъ его прямо во вторую степень членовъ Союза, въ число убѣжденныхъ, безъ разрѣшенія Верховной Думы. Это отступленіе отъ правилъ было одобрено и оправдалось вполнѣ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ. Сблизившись съ нимъ съ первыхъ дней знакомства, не могу не сказать, что я ввѣрился ему всѣмъ сердцемъ и нашелъ въ немъ ту взаимную довѣренность, которая такъ драгоцѣнна во всякомъ возрастѣ человѣческомъ, а наиболѣе цѣнится въ дни молодости, когда силы души ищутъ простора, ищутъ обширнѣйшаго круга дѣятельности. Эти стремленія удовлетворялись отчасти вступленіемъ въ члены Тайнаго Общества. Союзъ Благоденствія (такъ оно называлось) удовлетворялъ всѣмъ благороднымъ стремленіямъ тѣхъ, которые искали въ жизни не однихъ удовольствій, но и нравственной пользы, какъ собственной, такъ и своихъ ближнихъ. Трудно было устоять противъ обаяній Союза, котораго цѣль была: нравственное усовершенствованіе каждаго изъ членовъ, обоюдная помощь для достиженія цѣли, умственное образованіе, какъ орудіе для разумнаго познанія всего, что̀ являетъ общество въ гражданскомъ устройствѣ и нравственномъ направленіи; наконецъ нравственное направленіе современнаго общества, посред-

ствомъ личнаго дѣйствія каждаго члена въ своемъ особенномъ кругѣ, къ разрѣшенію важнѣйшихъ вопросовъ, какъ политическихъ, общихъ, такъ и современныхъ, тѣмъ вліяніемъ, которое могъ имѣть каждый членъ, и личнымъ своимъ образованіемъ, и тѣмъ нравственнымъ характеромъ, которые въ немъ предполагались. Въ дали туманной, недосягаемой виднѣлась окончательная цѣль — политическое преобразованіе Отечества, когда всѣ брошенныя сѣмена созрѣютъ, и образованіе общее сдѣластъ его доступнымъ для массы народа. Не трудно было усвоить Кондратію Ѳедоровичу всѣ эти начала, при его пылкой, поэтической душѣ и воспріимчивой натурѣ. Онъ съ перваго шага ринулся въ открытое ему поприще и всего себя отдалъ той великой идеѣ, которую себѣ усвоилъ.

Скажу нѣсколько словъ о его наружности и первоначальной службѣ. Росту онъ былъ средняго, черты его лица составляли довольно правильный овалъ, въ которомъ ни одна черта рѣзко не обозначалась передъ другою; волоса у него были черные, слегка завитые; глаза темные съ выраженіемъ думы и часто блестящіе, при одушевленной бесѣдѣ; голова немного наклонная впередъ, при мѣрной поступи, показывала, что мысль его всегда была занята тою внутреннею жизнью, которая, въ минуту вдохновенія, выражалась въ вдохновенной пѣснѣ, въ другое время искала той идеи, которая была побудительнымъ началомъ всей его дѣятельности. Образованіе онъ получилъ, кажется, въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ и началъ службу въ артиллеріи. Въ бесѣдахъ съ нимъ, я слышалъ отъ него, что его молодость была бурная; но подробностей объ этомъ періодѣ его жизни я не слыхалъ, и мнѣ не случалось даже быть знакомымъ съ кѣмъ либо изъ его товарищей по службѣ въ этомъ періодѣ его жизни на военномъ поприщѣ. Онъ женился рано, по любви и, кажется, не съ полнымъ одобреніемъ его старушки-матери, Настасьи Ѳедоровны Рылѣевой, жившей въ малой деревушкѣ въ 60 верстахъ отъ Петербурга. Жена его, Наталья Михайловна, любила его съ увлеченіемъ; маленькая дочь, Настинька, тогда еще четырехъ или пяти лѣтъ, маленькая, смугленькая и живая, одушевляла его домашнюю жизнь. Во время моего перваго знакомства съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ, онъ давно уже оставилъ военное поприще и служилъ, вмѣстѣ съ Иваномъ Ивановичемъ Пущинымъ, въ С.-Петербургской Уголовной Палатѣ (послѣдній также оставилъ военную службу и промѣнялъ мундиръ конно-гвардейской артилеріи на скромную службу въ Уголовной Палатѣ, надѣясь на этомъ поприщѣ оказать существенную пользу и своимъ примѣромъ побудить другихъ принять на себя обязанности, отъ которыхъ дворянство устра-

нялось, предпочитая блестящіе эполеты той пользѣ, которую оно могло бы принести, внося въ низшія судебныя инстанціи тотъ благородный образъ мыслей и тѣ чистыя побужденія, которыя украшаютъ человѣка и въ частной жизни, и на общественномъ поприщѣ; составляютъ надежную опору всѣхъ слабыхъ и беззащитныхъ, которые всегда и вездѣ составляютъ большинство и коихъ страданія и нужды едва слышны меньшинству богатыхъ и сильныхъ. Въ послѣдствіи Кондратій Ѳедоровичъ оставилъ Уголовную Палату и, принявъ мѣсто правителя дѣлъ Американской Компаніи, занялъ скромную квартиру въ домѣ Компаніи.

Какъ поэтъ, онъ пользовался знакомствомъ и дружбою многихъ литераторовъ. У Николая Ивановича Греча собиралась, въ то время, разъ въ недѣлю вся литературная семья. Кондратій Ѳедоровичъ былъ однимъ изъ постоянныхъ его собесѣдниковъ; въ особенности же былъ онъ друженъ съ Александромъ Александровичемъ Бестужевымъ, бывшимъ, въ то время, адъютантомъ при герцогѣ Александрѣ Виртембергскомъ. Бестужевъ тогда уже начиналъ литературное свое поприще повѣстями, которыя по живости слога и картинности разсказа обѣщали блестящее развитіе, которое въ послѣдствіи было имъ такъ хорошо оправдано. Кондратій Ѳедоровичъ принялъ его въ члены Общества. Въ то же время вступилъ въ Союзъ и братъ его капитанъ-лейтенантъ Николай Александровичъ Бестужевъ, не менѣе даровитый и талантливый; онъ былъ начальникомъ Адмиралтейскаго Музея. Тогда же принятъ былъ и меньшой ихъ братъ Петръ, служившій въ артилеріи; въ послѣдствіи же присоединился и четвертый братъ Михаилъ Александровичъ, перешедшій изъ флота въ лейбъ-гвардіи Московскій полкъ. Всѣ они были въ дружескихъ и семейныхъ связяхъ съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ. Тутъ же должно вспомнить и Александра Осиповича Корниловича, офицера гвардейскаго генеральнаго штаба, который усердно и съ любовью трудился надъ памятниками Петровскаго времени и изложилъ плоды своихъ трудовъ въ простомъ разсказѣ, возбудившемъ общее сочувствіе къ изложенному имъ предмету. И у Кондратія Ѳедоровича нерѣдко собирались и литературные собратія, и многіе изъ близкихъ его знакомыхъ и друзей. Тутъ, кромѣ вышепоименованныхъ, бывали: Кюхельбекеръ Вильгельмъ Карловичъ, товарищъ Пушкина по Лицею, Ѳедоръ Николаевичъ Глинка, Орестъ Сомовъ, Никита Михайловичъ Муравьевъ, князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой, князь Александръ Ивановичъ Одоевскій, и многіе другіе, которыхъ именъ не упомню. Бесѣда была оживлена предметами чисто-литературными, но не рѣдко она переходила на живые общественные вопросы того времени,

по общему направленію большинства лицъ дружескаго собранія. Наталья Михайловна, какъ хозяйка дома, была внимательна ко всѣмъ, и скромнымъ своимъ обращеніемъ внушала къ себѣ общее уваженіе. Общественная дѣятельность Кондратія Ѳедоровича, по занимаемому имъ мѣсту правителя дѣлъ Американской Компаніи, заслуживала бы особеннаго разсмотрѣнія, по той пользѣ, которую онъ принесъ Компаніи, и своею дѣятельностью и другими заслугами, безъ сомнѣнія болѣе существенными: потому что не прошло и двухъ лѣтъ, со времени вступленія его въ должность, правленіе Компаніи выразило ему свою благодарность подаркомъ енотовой шубы, оцѣненной въ то время въ 700 руб. Изъ множества дѣлъ, которыми онъ тогда былъ озабоченъ, помню, что въ особенности его тревожила вынужденная, въ силу трактата съ Сѣверо-Американскимъ Союзомъ, передача Сѣверо-Американцамъ основанной нами въ Калифорніи колоніи Россъ, которая въ то время начала уже процвѣтать и приносить Компаніи существенныя выгоды и могла бы намъ служить твердой опорной точкой для участія въ богатыхъ золотыхъ пріискахъ, столь прославившихся въ послѣдствіи. По случаю этой важной для Американской Компаніи мѣры, Кондратій Ѳедоровичъ, какъ правитель дѣлъ, вступилъ въ сношенія съ важными государственными сановниками и въ послѣдствіи времени всегда пользовался ихъ расположеніемъ. Наиболѣе же благосклонности оказывали ему: Михаилъ Михайловичъ Сперанскій и Николай Семеновичъ Мордвиновъ.

Въ этотъ періодъ времени, т. е. въ концѣ 1823 года или въ началѣ 1824, прибылъ въ Петербургъ Павелъ Ивановичъ Пестель, имѣвшій порученіе отъ членовъ Южнаго Общества войти въ сношеніе съ членами Сѣвернаго, дабы условиться на счетъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ членовъ Союза. Этотъ пріѣздъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на Кондратія Ѳедоровича, и потому нужно обратить вниманіе на замѣчательную личность Павла Ивановича. Не имѣвъ случая сблизиться съ нимъ, я могу только сказать о впечатлѣніи, которое онъ на меня произвелъ. Павелъ Ивановичъ былъ въ то время полковникомъ и начальникомъ Вятскаго пѣхотнаго полка. Росту небольшаго, съ пріятными чертами лица, Павелъ Ивановичъ отличался умомъ необыкновеннымъ, яснымъ взглядомъ на предметы самые отвлеченные и рѣдкимъ даромъ слова, увлекательно дѣйствовавшимъ на того, кому онъ довѣрялъ свои задушевныя мысли. Въ Южномъ Обществѣ онъ пользовался общимъ довѣріемъ и былъ избранъ, съ самаго основанія Общества, въ члены Верховной Думы. Его взглядъ на дѣйствія Общества и на настоящую его цѣль соотвѣтствовалъ его умственному на-

правленію, которое требовало во всемъ яснаго взгляда, опредѣленной цѣли и дѣйствій, направленныхъ къ достиженію оной. *Русская Правда*, имъ написанная, составляла программу имъ предложенную для политическаго государственнаго устройства. Цѣль его поѣздки въ Петербургъ состояла въ томъ, чтобы согласить Сѣверное общество на дѣйствія, сообразныя съ дѣйствіями Южнаго. Членами Верховной Думы въ Петербургѣ, въ то время, были: князь Трубецкой, Никита Михайловичъ Муравьевъ и я. На первомъ совѣщаніи съ нами, Павелъ Ивановичъ, съ обаяніемъ, съ увлекательнымъ даромъ слова, объяснилъ намъ, что неопредѣленность цѣли и средствъ къ достиженію оной давала Обществу характеръ столь неопредѣленный, что дѣйствія каждаго члена въ особенности терялись въ напрасныхъ усиліяхъ; между тѣмъ какъ, бывъ направлены къ опредѣленной и ясно признанной цѣли, они могли бы служить къ скорѣйшему достиженію оной. Эта мысль была для насъ не новая; давно уже въ совѣщаніяхъ нашихъ она была обсуживаема и составляла предметъ думы каждаго изъ насъ; но она не была еще облечена въ опредѣленную форму. Предложеніе Павла Ивановича представляло эту форму и было привлекательно, какъ плодъ долгихъ, личныхъ соображеній ума свѣтлаго и въ особенности украшеннаго его убѣдительнымъ даромъ слова. Трудно было устоять противъ обаятельной силы личности такой замѣчательной, какъ Павелъ Ивановичъ. Но, при всемъ достоинствѣ его ума и убѣдительности слова, каждый изъ насъ чувствовалъ, что, единожды принявъ предложеніе Павла Ивановича, каждый долженъ отказаться отъ собственнаго убѣжденія и, подчинившись ему, идти по пути, указанному имъ. Кромѣ того, мы не могли дать рѣшительнаго отвѣта, не предложивъ его сначала всѣмъ членамъ Общества, наиболѣе облеченнымъ довѣріемъ общимъ.

Многіе изъ нихъ были въ отсутствіи, и потому мы отложили рѣшеніе окончательное до того времени, когда представится возможность сообщить предложеніе тѣмъ, которыхъ довѣренность насъ поставила на занимаемое нами мѣсто. Между тѣмъ Павелъ Ивановичъ, познакомившись черезъ насъ съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ, сблизился съ нимъ и, открывъ ему свои задушевныя мысли, привлекъ къ собственному воззрѣнію на цѣль Общества и на средства къ достиженію оной. Кажется, что сближеніе это имѣло рѣшительное вліяніе на дальнѣйшія его политическія дѣйствія. Вскорѣ послѣ отъѣзда Павла Ивановича, князь Сергѣй Петровичъ Трубецкой былъ назначенъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ 3-го пѣхотнаго корпуса, котораго главная квартира была въ Кіевѣ, и на его мѣсто былъ избранъ членомъ Думы Кондратій Ѳедоровичъ.

Къ этому же времени, т. е. къ половинѣ 1824 года, должно отнести событіе, въ которомъ Кондратій Ѳедоровичъ принималъ участіе какъ свидѣтель, и которое грустно отозвалось въ обществѣ того времени. Это была дуэль между офицеромъ лейбъ-гв. Семеновскаго полка Черновымъ и л.-гв. р. гусарскаго Новосильцевымъ. Оба были юноши съ небольшимъ 20 лѣтъ, но каждый изъ нихъ былъ поставленъ на двухъ почти противуположныхъ ступеняхъ общества. Новосильцевъ, потомокъ Орловыхъ, по богатству, родству и связямъ, принадлежалъ къ высшей аристократіи. Черновъ, сынъ бѣдной помѣщицы, Аграфены Ивановны Черновой, жившей вблизи села Рожествена, въ маленькой принадлежавшей ей деревушкѣ, принадлежалъ къ разряду тѣхъ офицеровъ, которые, получивъ образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, выходятъ въ армію. Переводомъ своимъ въ гвардію онъ былъ обязанъ новому составу л.-гв. Семеновскаго полка, въ который вошли по цѣлому батальону изъ полковъ: имп. Австрійскаго, короля Прусскаго и графа Аракчеева. Между тѣмъ у Аграфены Ивановны была дочь замѣчательной красоты. Не помню по какому случаю, Новосильцевъ познакомился съ Аграфеной Ивановной, былъ пораженъ красотою ея дочери и, послѣ нѣсколькихъ недѣль знакомства, рѣшился просить ея руки. Согласіе матери и дочери было полное. Новосильцевъ, и по личнымъ достоинствамъ, и по наружности, могъ и долженъ былъ произвести сильное впечатлѣніе на дѣвицу, жившую вдали отъ высшаго блестящаго свѣта. Получивъ согласіе матери, Новосильцевъ обращался съ дѣвицей Черновой, какъ съ нареченной невѣстой, ѣздилъ съ нею одинъ въ кабріолетѣ по ближайшимъ окрестностямъ и въ обращеніи съ нею находился на той степени сближенія, которое допускается только жениху съ невѣстой. Въ порывѣ первыхъ дней любви и очарованія, онъ забылъ, что у него есть мать, строгая Екатерина Владиміровна, кавалерственная дама, безъ согласія которой онъ не могъ думать о женитьбѣ. Скоро, однакожъ, онъ опомнился, написалъ къ матери и, какъ можно было ожидать, получилъ рѣшительный отказъ и строгое приказаніе прекратить немедленно всѣ сношенія съ невѣстой и ея семействомъ. Разочарованіе ли въ любви, или боязнь гнѣва матери, или другая скрытая причина, но только Новосильцевъ, по полученіи письма, не долго думалъ, простился съ невѣстой, съ обѣщаніемъ возвратиться скоро, и съ того времени прекратилъ съ нею всѣ сношенія. Кондратій Ѳедоровичъ былъ связанъ узами родства съ семействомъ Черновыхъ. Черезъ брата невѣсты онъ зналъ всѣ отношенія Новосильцева къ его сестрѣ. Послѣ долгихъ ожиданій, въ надеждѣ, что Новосильцевъ обратится къ нареченной своей невѣстѣ,

видя, наконецъ, что онъ совершенно ее забылъ и видимо ею пренебрегаетъ, Черновъ, послѣ соглашенія съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ, обратился къ нему сначала письменно, а потомъ лично съ требованіемъ, чтобы Новосильцевъ объяснилъ причины своего поведенія въ отношеніи его сестры. Отвѣтъ былъ сначала уклончивый, потомъ съ обѣихъ сторонъ было сказано нѣсколько оскорбительныхъ словъ, и наконецъ назначена была дуэль, по вызову Чернова, переданному Новосильцеву Кондратіемъ Ѳедоровичемъ. День назначенъ, противники сошлись, шаги размѣрены, сигналъ поданъ, оба обратились лицемъ другъ къ другу, оба спустили курки, и оба пали смертельно раненые. Обоихъ отвезли приближенные въ ихъ квартиры: Чернова въ скромную офицерскую квартиру Семеновскаго полка, Новосильцева въ домъ родственниковъ. Кондратій Ѳедоровичъ отвезъ Чернова и не отходилъ отъ его страдальческаго ложа. Близкая смерть положила конецъ враждѣ противниковъ; каждый изъ нихъ горячо заботился о состояніи другаго. Врачи не давали надежды ни тому, ни другому: еще день, много два, и неизбѣжная смерть должна была кончить юную жизнь каждаго изъ нихъ. По близкой дружбѣ съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ, я и многіе другіе приходили къ Чернову, чтобы выразить ему сочувствіе къ поступку благородному, черезъ который онъ, вступясь за честь сестры, палъ жертвою того грустнаго предразсудка, который велитъ смыть кровью запятнанную честь. Предразсудокъ общій и чуждый духа христіанскаго. Имъ ни честь не возстановляется, и ничто не разрѣшается: но удовлетворяется только общественное мнѣніе, которое съ недовѣрчивостью смотритъ на того, кто рѣшится не подчиниться общему закону. Свѣжо еще у меня въ памяти мое грустное посѣщеніе: вхожу въ небольшую переднюю, меня встрѣтилъ Кондратій Ѳедоровичъ; я вошелъ, и, признаюсь, совершенно потерялся отъ сильнаго чувства, возбужденнаго видомъ юноши, такъ рано обреченнаго на смерть: кажется, я взялъ его руку и спросилъ, какъ онъ себя чувствуетъ. На вопросъ отвѣта не было, но послѣдовалъ другой, который меня смутилъ. Много лестныхъ словъ не заслуженныхъ мною (я лично не былъ знакомъ съ Черновымъ) сказалъ мнѣ умирающій въ избыткѣ сердечной теплоты; молча я пожалъ ему руку, сказалъ ему то, что сердцемъ выговорилось въ этотъ торжественный часъ: хотѣлъ его обнять, но не смѣлъ коснуться его, чтобы не потревожить его раны, и ушелъ въ грустномъ раздумьѣ. За мною вошелъ Александръ Ивановичъ Якубовичъ, одинъ изъ Кавказскихъ героевъ, раненый пулею въ лобъ, пріѣхавшій въ Петербургъ для излеченія отъ раны, выдержавшій операцію трепанированія

черепной кости и громко прославленный, во многихъ кругахъ, за его смѣлый и отважный характеръ и за многія доблестныя качества, засвидѣтельствованныя боевою Кавказскою жизнью. Онъ былъ членомъ Общества. По обыкновенію Александръ Ивановичъ сказалъ Чернову рѣчь. Отвѣтъ Чернова былъ скроменъ въ отношеніи къ себѣ; но онъ умѣлъ сказать Александру Ивановичу то слово, которое коснулось тонкой струны боеваго сердца нашего Кавказца: онъ вышелъ отъ него со слезами на глазахъ, и мы молча пожали другъ другу руки. Скоро не стало Чернова: съ миромъ высшимъ отошелъ онъ въ вѣчность. Въ то же время не стало и Новосильцева; мать и родные услаждали его послѣднія минуты. Въ печальной колесницѣ, въ сопровожденіи близкихъ, отвезли его гробъ въ родовой склепъ, куда-то далеко отъ Петербурга. Мать Чернова не знала о горестной судьбѣ возлюбленнаго сына: кажется, что онъ не желалъ, чтобы сообщили ей, а въ особенности сестрѣ, то грустное событіе, котораго исходъ былъ такъ близокъ и такъ неизбѣженъ. Многіе и многіе собрались, утромъ назначеннаго для похоронъ дня, ко гробу безмолвнаго уже Чернова, и товарищи вынесли его и понесли въ церковь: длинной вереницей тянулись и знакомые и незнакомые воздать послѣдній долгъ умершему юношѣ. Трудно сказать, какое множество провожало гробъ до Смоленскаго кладбища: все что̀ мыслило, чувствовало, соединилось тутъ въ безмолвной процессіи и безмолвно выражало сочувствіе тому, кто собою выразилъ идею общую, которую всякій сознавалъ и сознательно и безсознательно: защиту слабаго противъ сильнаго, скромнаго противъ гордаго. Такъ мыслятъ здѣсь на землѣ съ земными помыслами! Высшій Судъ, испытующій сердца, можетъ быть, видитъ иначе и тамъ на небеси давно уже соединилъ узами общей, вѣчной любви тѣхъ, которые здѣсь примириться не могли *).

Во второй половинѣ 1824 года, родилась у Кондратія Ѳедоровича мысль изданія Альманаха на 1825-й годъ, съ цѣлью обратить предпріятіе литературное въ коммерческое. Цѣль Кондратія Ѳедоровича и товарища его, Александра Александровича Бестужева, состояла въ томъ, чтобы дать

*) Въ дѣлѣ Чернова съ Новосильцевымъ принимали самое близкое участіе Рылѣевъ и Александръ Бестужевъ. Первымъ изъ нихъ написано было послѣднее письмо Чернова къ Новосильцеву, вторымъ — письмо Чернова къ секундантамъ. Похороны Чернова имѣютъ нѣкоторое значеніе и въ исторіи Тайнаго Общества: на нихъ присутствовали всѣ бывшіе въ Петербургѣ члены Тайнаго Общества, знакомые и незнакомые съ Черновымъ. Это была ихъ первая открытая манифестація, первый публичный протестъ. Къ нимъ присоединилось много молодыхъ офицеровъ, не бывшихъ членами Тайнаго Общества, но раздѣлявшихъ ихъ убѣжденія. *К. П.*

вознагражденіе труду литературному, болѣе существенное, нежели то, которое получали до этого времени люди посвятившіе себя занятіямъ умственнымъ. (Часто ихъ единственная награда состояла въ томъ, что они видѣли свое имя напечатанное въ издаваемомъ журналѣ; сами же, пріобрѣтая славу и извѣстность, терпѣли голодъ и холодъ, и существовали или отъ получаемаго жалованья, или отъ собственныхъ доходовъ съ имѣній или капиталовъ). Предпріятіе удалось. Всѣ литераторы того времени согласились получать вознагражденіе за статьи отданныя въ Альманахъ; въ томъ числѣ находился и Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Изданная въ 1825-мъ году, Полярная Звѣзда имѣла огромный успѣхъ, и вознаградила издателей, не только за первоначальныя издержки, но доставила чистой прибыли отъ 1500 до 2000 рублей *).

Такимъ образомъ начался 1825-й годъ, который встрѣченъ былъ нами съ улыбкой радости и надежды. Я встрѣтилъ его дома, въ семьѣ родной; получивъ 28-ми-дневный отпускъ, я воспользовался имъ, чтобы возобновить прерванныя сношенія со многими изъ членовъ Общества, переѣхавшими по обязанностямъ службы въ Москву. Исполнивъ эту цѣль моей поѣздки и утѣшившись ласками престарѣлаго родителя и милыхъ сестеръ, я возвратился въ концѣ Генваря въ Петербургъ. Я нашелъ Кондратія Ѳедоровича еще занятаго изданіемъ Альманаха; а по дѣламъ Общества, все находилось въ какомъ-то затишьѣ. Многіе изъ первоначальныхъ членовъ были вдали отъ Петербурга: Николай Ивановичъ Тургеневъ за границей, Яковъ Николаевичъ Толстой тамъже, Иванъ Ивановичъ Пущинъ въ Москвѣ, Сергѣй Петровичъ Трубецкой въ Кіевѣ, Михаилъ Михайловичъ Нарышкинъ также въ Москвѣ. Такимъ образомъ наличное число членовъ Общества въ Петербургѣ было весьма ограничено. Вновь принятые были еще слишкомъ молоды и неопытны, чтобы вполнѣ развить собою цѣль и намѣренія Общества, и потому они могли только приготовляться къ будущей дѣятельности черезъ взаимное сближеніе и обоюдный обмѣнъ мыслей и чувствъ въ извѣстные, періодически назначенные, дни для частныхъ совѣщаній. Такъ незамѣтно протекалъ 1825-й годъ. Помню изъ этого времени появленіе Каховскаго, бывшаго офицера лейбъ-гренадерскаго полка, вышедшаго въ отставку по неудовольствію съ командиромъ полка и пріѣхавшаго въ Петербургъ по какимъ-то семейнымъ дѣламъ. Кондратій Ѳедоровичъ былъ съ нимъ знакомъ, узналъ его короче и, найдя въ немъ душу пылкую, принялъ

*) Читателямъ нашимъ извѣстно, что Полярная Звѣзда выходила три года сряду, въ 1823, 1824 и 1825. *П. Б.*

въ члены Общества. Лично я его мало зналъ, но по отзыву Кондратія Ѳедоровича знаю, что онъ высоко цѣнилъ его душевныя качества. Знаю также, что онъ ему много помогалъ въ средствахъ жизни и не щадилъ для него своего кошелька.

Къ этому времени, т. е. къ началу осени 1825-го г., въ слѣдствіе ли темнаго, неразгаданнаго предчувствія, или въ слѣдствіе думъ обращенныхъ на одинъ предметъ, возникло во мнѣ самомъ сомнѣніе, довольно важное для внутренняго моего спокойствія. Я сообщилъ его Кондратію Ѳедоровичу; оно состояло въ слѣдующемъ. Я спрашивалъ себя, имѣемъ ли мы право *), какъ частные люди, составляющіе едва замѣтную единицу въ огромномъ большинствѣ, составляющемъ наше Отечество, предпринимать государственный переворотъ, и свой образъ воззрѣнія на государственное устройство налагать почти насильственно на тѣхъ, которые, можетъ быть, довольствуясь настоящимъ, не ищутъ лучшаго, если же ищутъ и стремятся къ лучшему, то ищутъ и стремятся къ нему путемъ историческаго развитія? Эта мысль долго не давала мнѣ покоя въ минуты и часы, когда на мысль приходитъ процессъ самоиспытанія. Можетъ быть, она родилась во мнѣ вслѣдствіе слова даннаго нами Павлу Ивановичу Пестелю и рѣшенія принятаго нами воспользоваться или перемѣною царствованія, или другимъ важнымъ политическимъ событіемъ для исполненія окончательной цѣли Союза, т. е. для государственнаго переворота, тѣми средствами, которыя будутъ готовы къ этому времени. Сообщивъ свою думу Кондратію Ѳедоровичу, я нашелъ въ немъ жаркаго противника моему воззрѣнію. Его воззрѣнія были справедливы: онъ говорилъ, что идеи не подлежатъ законамъ большинства или меньшинства, что онѣ свободно рождаются и свободно развиваются въ каждомъ мыслящемъ существѣ; далѣе, что онѣ сообщительны и, если клонятся къ пользѣ общей, если онѣ не порожденія чувства себялюбиваго или своекорыстнаго, то суть только выраженія нѣсколькими лицами того, что большинство чувствуетъ, но не можетъ

*) Эту самую мысль развивалъ передъ Рылѣевымъ въ Ноябрѣ 1824 г. въ Петербургѣ 20-тилѣтній А. С. Хомяковъ, тогда отправлявшійся въ чужіе края и по дружбѣ своей съ Мухановымъ познакомившійся съ Рылѣевымъ и его друзьями. Онъ доказывалъ имъ, что революція въ Испаніи есть преступленіе передъ народомъ, что вооруженное меньшинство не имѣетъ никакихъ другихъ обязанностей кромѣ обороны государства и никакого права внѣшнею силою измѣнять государственное устройство. Бесѣда происходила въ квартирѣ Рылѣева. Намъ передавали, что доводами своими Хомяковъ совершенно смутилъ пылкаго хозяина, такъ что тотъ, въ ненастную осеннюю ночь, убѣжалъ изъ своей квартиры безъ шапки, къ крайнему недоумѣнію гостей. Мы видѣли письмо отца Хомякова (Степана Александровича, весьма начитаннаго, степеннаго человѣка) къ сыну въ Парижъ съ изложеніемъ событія 14-го Декабря, именно въ этомъ духѣ: старикъ Хомяковъ негодуетъ на людей, которые отважились играть судьбою Отечества. *П. Б.*

еще выразить. Вотъ почему онъ полагалъ себя въ правѣ говорить и дѣйствовать въ смыслѣ цѣли Союза, какъ выраженія идеи общей, еще не выраженной большинствомъ, въ полной увѣренности, что едва эти идеи сообщатся большинству, оно ихъ приметъ и утвердитъ полнымъ своимъ одобреніемъ. Доказательствомъ сочувствія большинства онъ приводилъ безчисленные примѣры общаго и частнаго неудовольствія на притѣсненія, несправедливости и частныя и проистекающія отъ высшей власти, наконецъ приводилъ примѣры свободолюбивыхъ идей, развившихся почти самобытно въ нѣкоторыхъ лицахъ, какъ купеческаго, такъ и мѣщанскаго сословія, съ которыми онъ былъ въ личныхъ сношеніяхъ. Чувствуя и цѣня справедливость его возраженія, я понималъ, однакожъ, что если идеи истины, свободы и правды составляютъ необходимую принадлежность всякаго мыслящаго существа, а потому доступны и понятны каждому, то форма ихъ выраженія, или выраженіе ихъ въ поступкѣ, подлежитъ нѣкоторымъ общимъ законамъ, которые должны быть выраженіемъ одной общей идеи. Вѣднякъ, по чувству справедливости, можетъ сказать богатому: удѣли мнѣ часть своего богатства; но если онъ, получивъ отказъ, рѣшится, по тому же чувству правды, отнять у него эту часть силою, то своимъ поступкомъ онъ нарушитъ самую идею справедливости, которая въ немъ возникла при чувствѣ своей бѣдности. Я понималъ также, что государственное устройство есть выраженіе или осуществленіе идеи свободы, истины и правды. Но форма государственнаго устройства зависитъ не отъ теоретическаго воззрѣнія, но отъ историческаго развитія народа, глубоко лежащаго въ общемъ сознаніи, въ общемъ народномъ сочувствіи. Я смутно понималъ также, что кромѣ законовъ уголовныхъ, гражданскихъ и государственныхъ, какъ выраженій идеи свободы, истины и правды, въ государственномъ устройствѣ должно быть выраженіе идеи любви высшей, связующей всѣхъ въ одну общую семью. Ея выраженіе есть Церковь. Много и долго спорили мы съ Кондратіемъ Ѳедоровичемъ или, лучше сказать, мѣнялись мыслями, чувствами и воззрѣніями. Ежедневно, въ продолженіи мѣсяца или болѣе, или онъ приходилъ ко мнѣ, или я къ нему, и въ бесѣдѣ другъ съ другомъ проводили мы часы, и разставались, когда утомлялись отъ долгой и поздней бесѣды. Въ этихъ ежедневныхъ бесѣдахъ вопросы были и философскіе, и религіозные. Но послѣ многихъ отступленій Кондратій Ѳедоровичъ всегда переходилъ къ темѣ заданной мною сначала, и я видѣлъ, что онъ понималъ ее, какъ охлажденіе съ моей стороны къ дѣлу Общества, и потому усилія его клонились къ тому, чтобы не допустить меня до охлажденія.

Между тѣмъ, въ тайнахъ высшихъ судебъ, приготовлялось событіе, о которомъ никто изъ насъ не помышлялъ и которое поразило насъ, какъ поражаетъ громовой ударъ при безоблачномъ небѣ. Императоръ Александръ Павловичъ приготовлялся къ путешествію на Югъ. Много слуховъ было тогда о причинахъ его путешествія. Между прочимъ говорили, что онъ готовилъ себѣ мѣсто успокоенія отъ царственныхъ трудовъ въ Таганрогѣ, гдѣ ему приготовляли дворецъ и гдѣ онъ думалъ, послѣ отреченія отъ престола, поселиться съ добродѣтельной супругой, Елизаветой Алексѣевной, въ глубокомъ уединеніи, и посвятить остатокъ дней покою и тишинѣ. Много признаковъ утомленія отъ царственныхъ трудовъ и потрясенія глубокаго лучшихъ силъ души давно уже видимы были не только тѣмъ, которые были близки къ его особѣ, но и намъ, занимавшимъ мѣста низшія въ іерархіи правительственной. Раскасированіе стараго Семеновскаго полка, наиболѣе имъ любимаго, первое потрясло его вѣру въ преданность къ его особѣ тѣхъ полковъ гвардіи, въ любви которыхъ онъ наиболѣе былъ увѣренъ. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ убѣжденъ, что причина явнаго неповиновенія полка не заключалась единственно въ мелкихъ притѣсненіяхъ полковника Шварца, въ его неумѣніи обращаться съ солдатами, въ его желаніи унизить духъ солдатъ и офицеровъ, но въ дѣйствіи Тайнаго Общества, коего членами онъ полагалъ многихъ офицеровъ стараго Семеновскаго полка. Въ этомъ онъ ошибался. Сколько мнѣ извѣстно, изъ офицеровъ, бывшихъ тогда при полку, членомъ Общества и однимъ изъ первыхъ его основателей былъ Сергѣй Ивановичъ Муравьевъ Апостолъ. Кромѣ его я не зналъ никого. Слѣдствіе, которое было сдѣлано, не раскрыло ничего, кромѣ извѣстнаго всѣмъ обращенія полковника Шварца съ солдатами и офицерами и противодѣйствія сихъ послѣднихъ, тѣмъ благороднымъ обращеніемъ съ ввѣренными имъ нижними чинами, которое само собою, безъ всякаго возмутительнаго начала, являло солдатамъ полковника Шварца въ весьма невыгодномъ свѣтѣ. Съ того времени, можно было замѣтить, какъ вкралось недовѣріе въ сердце Императора къ любимому имъ войску. Многіе думали и говорили, что въ немъ преобладала фрунтомація. Съ этимъ мнѣніемъ я не совершенно согласенъ. Я весьма понимаю то возвышенное чувство, которое ощущаетъ всякій военный, при видѣ прекраснаго войска, какимъ было и всегда будетъ гвардія, стройно движущаяся по мановенію начальника. Тутъ соединяются и стройность движеній, и тишина, и та самоувѣренность каждаго, движущагося безмолвно въ этомъ строѣ, которая являетъ собою невидимую силу и бодрость душевную, которыя составляютъ украше-

ніе человѣка *). Это чувство могъ раздѣлять и раздѣлялъ Императоръ Александръ при видѣ своего войска; но въ ежедневныхъ его посѣщеніяхъ развода въ манежѣ, онъ искалъ не отличное фрунтовое образованіе, на тотъ духъ, какимъ одушевлялось войско. Подъѣзжая къ фронту и ожидая отвѣта, на сердечный привѣтъ: «здорово ребята», онъ, въ одушевленномъ: «здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество», слышалъ или голосъ полный любви неподдѣльной, или какой-то полухолодный отвѣтъ, который болѣзненно отзывался въ его любящей душѣ. Онъ былъ счастливъ, если слышалъ первый и всѣмъ былъ доволенъ; тогда и министры принимались съ докладами, и доклады ихъ всегда счастливо проходили, и ученіе развода, хотя съ ошибками, сходило съ рукъ хорошо. Это настроеніе, въ особенности, замѣтно было въ послѣдніе годы его жизни. Помню весьма хорошо послѣдній Петергофскій праздникъ 1825-го года. Императоръ, проѣзжая по парку, встрѣтилъ рядоваго л. гв. Финляндскаго полка, который, увидѣвъ Государя, нечаянно выѣзжавшаго изъ-за кустовъ, сталъ во фронтъ, по солдатскому обычаю и, не дожидаясь царскаго привѣта, громко и одушевленно вскрикнулъ: «Здравія желаю, Ваше Императорское Величество». Государь спросилъ его имя и велѣлъ немедленно произвесть въ унтеръ-офицеры. Заслуга рядоваго состояла въ чувствѣ, которое онъ умѣлъ выразить. Изъ этого примѣра можно видѣть, какъ высоко цѣнилъ это чувство Императоръ Александръ. Довольно трудно выразить, но не трудно понять и почувствовать тому, кто самъ служилъ и находился въ близкихъ отношеніяхъ съ солдатами, сколько истины въ этихъ натурахъ, неиспорченныхъ воспитаніемъ свѣтскимъ, неизнѣженныхъ роскошью. Взявъ каждаго въ отдѣльности, можно найдти въ немъ и лукавство, весьма естественное въ подчиненномъ, который въ начальникѣ видитъ не своего друга, но по большой части судью или безотвѣтственнаго начальника. Но въ строю, въ то время, когда ничто не возмущаетъ его чистыхъ побужденій, его голосъ есть голосъ истины, выражаемый всегда съ неподдѣльнымъ одушевленіемъ къ тому лицу, которое заслужило его довѣріе. Тутъ видно и чувство народное, выражаемое просто, но явственно слышимое тѣми, которые прислушиваются къ нему. Такъ понималъ я Императора Александра въ его ежедневныхъ о пошеніяхъ къ любимому имъ войску. Но обратимся къ его поѣздкѣ въ Таганрогъ и къ первому извѣстію о его болѣзненномъ состояніи, послѣ поѣздки въ Крымъ.

---

*) Эта же самая мысль особенно развита и выражена другимъ авторомъ, Я. И. Ростовцовымъ въ его статьяхъ, писанныхъ для военно-учебныхъ заведеній. *И. Б.*

Кто могъ помышлять, при легкихъ припадкахъ лихорадки Крымской, что болѣзнь опасна и приведетъ къ скорому концу? Телеграфовъ тогда еще не существовало, и потому мы спокойно ожидали дальнѣйшихъ извѣстій, которые однакожъ не замедлили придти съ характеромъ угрожающимъ. Тогда начались молебствія о здравіи Государя и, кажется, во время втораго молебствія въ зимнемъ дворцѣ получено извѣстіе о его кончинѣ, и молебствіе обратилось въ торжественную панихиду. Вслѣдъ за тѣмъ провозглашенъ былъ Императоромъ Константинъ Павловичъ, и на другой день вся гвардія и всѣ верховныя власти принесли ему присягу. Наканунѣ присяги, всѣ наличные члены Общества собрались у Кондратія Ѳедоровича; всѣ единогласно рѣшили, что ни противиться возшествію на престолъ, ни предпринять что-либо, рѣшительно въ столь короткое время было невозможно. Сверхъ того, положено было всѣмъ, съ прибытіемъ новаго Императора, дѣйствія Общества на время прекратить...

Насталъ день 14 Декабря. Рано утромъ я былъ у Кондратія Ѳедоровича: онъ давно уже бодрствовалъ. Условившись въ дѣйствіяхъ дальнѣйшихъ, я отправился къ себѣ домой, по обязанностямъ службы. Прибывъ на площадь вмѣстѣ съ прибытіемъ Московскаго полка, я нашелъ Кондратія Ѳедоровича тамъ: онъ надѣлъ солдатскую суму и перевязь и готовился стать въ ряды войскъ. Но вскорѣ нужно было ему отправиться въ лейбъ-гренадерскій полкъ, для ускоренія его прихода; онъ отправился по назначенію, исполнилъ порученіе, но съ тѣхъ поръ я его уже не видалъ.

15-го Декабря я былъ въ Алексѣевскомъ равелинѣ. Послѣ долгаго, томительнаго дня, наконецъ я остался одинъ. Это первое отрадное чувство, которое я испыталъ въ этотъ долгій, мучительный день. Кондратій Ѳедоровичъ былъ тамъ же, но я этого не зналъ. Моя комната была отдѣлена отъ всѣхъ прочихъ номеровъ, ее называли офицерскою, особый часовой стоялъ на стражѣ у моихъ дверей; нѣмая прислуга, нѣмые приставники, все покрывалось мракомъ неизвѣстности; но изъ вопросовъ Коммиссіи я долженъ былъ убѣдиться, что и онъ раздѣляетъ общую участь. Первую вѣсть, которую я отъ него получилъ, была слѣдующая строфа:

Прими, прими, святый Евгеній,
Дань благодарную пѣвца,
И слово пламенныхъ хваленій,
И слезы катящи съ лица.
Отнынѣ день твой до могилы
Пребудетъ свѣтъ душѣ моей:
Въ сей день твой сонмянникъ милый
Освобожденъ былъ отъ цѣпей.

21 Генваря 1826 года.

При чтеніи этихъ немногихъ строкъ, радость моя была неизъяснима. Теплая душа Кондратія Ѳедоровича не переставала любить горячо, искренно. Много отрады было въ этомъ чувствѣ. Я не могъ ему отвѣчать, я не имѣлъ искусства уберечь перо, чернила, бумагу; послѣдняя всегда была номерована; перо, чернила—въ одномъ экземплярѣ; ни посудки для чернилъ, ни мѣста куда спрятать: все такъ было открыто въ моей комнатѣ, что я не находилъ возможности спрятать что нибудь.

Что скажу о дняхъ, проведенныхъ въ заключеніи, подъ гнетомъ воспоминаній еще свѣжихъ, страстей еще не утихшихъ, вопросовъ Коммиссіи, непрестанно возобновляемыхъ, опасеній за близкихъ сердцу, страха однимъ лишнимъ словомъ въ отвѣтѣ прибавить лишнее горе тому, до кого коснется это слово. Все это было въ первый періодъ заключенія; постепенно вопросы сдѣлались рѣже, личный вызовъ въ Коммиссію прекратился, тишина водворилась постепенно въ душѣ. Новый свѣтъ проникалъ въ нее, озарялъ ее въ самыхъ темныхъ изгибахъ, гдѣ хранился тотъ итогъ жизни мыслящей, чувствующей, дѣйствующей, который составился со дней немыслящей юности до времени мыслящаго мужа. Съ чѣмъ сравню этотъ свѣтъ, и какъ достойно восхвалю его? Слабый образъ его есть восходящее солнце, которое, выходя изъ невидимой глубины небесной, освѣщаетъ сначала верхи горъ и едва замѣтными лучами касается долины; постепенно возвышаясь, лучи его постепенно дѣлаются ярче, постепенно ими освѣщаются и всѣ горы, и ярче и теплѣе освѣщаются долины, гдѣ растенія нѣжныя постепенно привыкаютъ къ его живительной теплотѣ и, открывая его лучамъ свои сомкнутыя чашечки, вдыхаютъ въ себя его живительную силу. Такъ и свѣтъ Евангельской истины освѣтилъ сначала тѣ черты жизни, характера, которыя рѣзко обозначались въ глубинѣ самосознанія. Постепенно проникая далѣе, свѣтъ Евангельскій, лучами живительными, лучами теплыми, любви вѣчной, полной, совершенной, озарялъ, согрѣвалъ, оживлялъ все то, что въ самосознаніи способно было принять его свѣтъ, вдохнуть въ себя его теплоту, раскрыться для принятія его живительной теплоты, его живительной силы. Такимъ образомъ протекали дни за днями, недѣли за недѣлями, открылась и весна, наступило начало лѣта; намъ, узникамъ, позволено было пользоваться воздухомъ въ маломъ саду, устроенномъ внутри Алексѣевскаго равелина. Часы прогулки распредѣлялись поровну на всѣхъ узниковъ: ихъ было много, и потому не всякій день каждый пользовался этимъ удовольствіемъ. Разъ добрый нашъ сторожъ приноситъ два кленовыхъ листа и осторожно кладетъ ихъ въ глубину ком-

наты. въ дальній уголъ, куда не проникалъ глазъ часоваго. Онъ уходитъ. Я спѣшу къ завѣтному углу, подымаю листья и читаю:

Мнѣ тошно здѣсь какъ на чужбинѣ.
Когда я сброшу жизнь мою?
Кто дастъ крылъ мнѣ голубинѣ,
Да полечу и почію.
Весь міръ какъ смрадная могила!
Душа изъ тѣла рвется вонъ.
Творецъ! Ты мнѣ прибѣжище и сила,
Вонми мой вопль, услышь мой стонъ:
Приникни на мое моленье,
Вонми смиренію души,
Пошли друзьямъ моимъ спасенье,
А мнѣ даруй грѣховъ прощенье
И духъ отъ тѣла разрѣши.

Кто пойметъ сочувствіе душъ, то невидимое соприкосновеніе, которое внезапно объемлетъ душу, когда нѣчто родное, близкое коснется ея, тотъ пойметъ и то, что я почувствовалъ при чтеніи этихъ строкъ. То что мыслилъ, чувствовалъ Кондратій Ѳедоровичъ сдѣлалось моимъ, его болѣзнь сдѣлалась моею, его уныніе усвоилось мнѣ, его вопіющій голосъ вполнѣ отразился въ моей душѣ. Къ кому же могъ я обратиться съ новою моею скорбію, какъ не къ Тому, къ Которому давно уже обращались всѣ мои чувства, всѣ тайные помыслы моей души? Я молился, и кто можетъ изъяснить тайну молитвы! Если можно уподобить видимое невидимому, то скажу: цвѣтокъ, раскрывшій свою чашечку лучамъ солнечнымъ, едва вопьетъ ихъ въ себя, какъ издаетъ благоуханіе, которое слышно всѣмъ приблизившимся къ цвѣтку. Неужели это благоуханіе, издаваемое цвѣткомъ, не впивается лучемъ, которымъ оно было вызвано; но если оно впивается лучемъ, то имъ же возносится къ тому источнику, отъ коего получило начало. Такъ, уподобляя видимое невидимому, и сила любви вѣчной, коснувшись души, вызываетъ молитву, какъ благоуханіе возносится къ Тому, отъ Кого получило начало. Кончилась молитва. У меня была толстая игла и нѣсколько клочковъ сѣрой оберточной бумаги. Я накалывалъ долго, въ возможно-сжатой рѣчи, все то, что пришлось подъ непокорное орудіе моего письма и, потрудившись около двухъ дней, успокоился думой, и передалъ свои строки тому же доброму Никитѣ Нефедьеву. Отвѣтъ не замедлилъ, вотъ онъ:

«Любезный другъ, какой безцѣнный даръ прислалъ ты мнѣ! Сей даръ чрезъ тебя, какъ чрезъ ближайшаго моего друга, прислалъ мнѣ Самъ Спаситель, Котораго давно уже душа моя исповѣдуетъ. Я Ему вчера молился со слезами. О! какая это была молитва, какія это были слезы, и бла-

годарности, и обѣтовъ, и сокрушенія, и желаній—за тебя, за моихъ друзей, за моихъ враговъ, за Государя, за мою добрую жену, за мою бѣдную малютку, словомъ, за весь міръ. Давно ли ты, любезный другъ, такъ мыслишь; скажи мнѣ, чужое ли это или твое? Ежели это рѣка жизни излилась изъ твоей души, то чаще ею животвори твоего друга. Чужое ли оно или твое, но оно уже мое, такъ какъ и твое, если и чужое. Вспомни броженіе ума моего около двойственности духа и вещества».

Радость моя была велика при полученіи этихъ драгоцѣнныхъ строкъ: но она была неполная до полученія слѣдующихъ строкъ, писанныхъ также на кленовыхъ листьяхъ:

О милый другъ, какъ внятенъ голосъ твой,
Какъ утѣшителенъ и сладокъ!
Онъ возвратилъ душѣ моей покой
И мысли смутныя привелъ въ порядокъ.
Спасителю — сей истинѣ Верховной,
Мы подчинить отъ всей души должны
И міръ вещественный и міръ духовный.
Для смертнаго ужасенъ подвигъ сей.
Но онъ къ безсмертію стезя прямая
И благовѣствуя речетъ о ней
Сама намъ истина святая:
Блаженъ кого Отецъ Мой изберетъ,
Кто истины здѣсь будетъ проповѣдникъ:
Тому вѣнецъ, того блаженство ждетъ,
Тотъ царствія небеснаго наслѣдникъ.
Какъ радостно, о другъ любезный мой,
Внимаю я столь сладкому глаголу,
И какъ брелъ на небо рвусь душой,
Но плотью увлекаюсь долу.

* * *

Блаженъ, кто вѣдаетъ, что Богъ единъ —
И миръ, и истина, и благо наше;
Блаженъ сей духъ, надъ плотью властелинъ,
Кто твердо шествуетъ къ Христовой чашѣ.
Прямой мудрецъ — онъ жребій свой вознесъ,
Онъ предпочелъ небесное земному,
И какъ Петра ведетъ его Христосъ,
По треволненію мірскому.
Душою чистъ и сердцемъ правъ,
Предъ кончиною подвижникъ постоянный,
Какъ Моисей съ горы Нававъ,
Узритъ онъ край обѣтованный.

Это была послѣдняя, лебединая пѣснь Кондратія Ѳедоровича. Съ того времени онъ замолкъ, и кленовые листы не являлись уже въ завѣтномъ углу моей комнаты. Между тѣмъ Верховный Судъ оканчивалъ порученное ему дѣло. Насъ приводили, показывали подписанныя нами показанія.

Я не зналъ, для чего меня спрашиваютъ, не зналъ, что вмѣсто слѣдствія Верховный Судъ уже окончательно рѣшилъ нашу участь; видѣлъ мои показанія, отвѣчалъ, что признаю ихъ за свои. Скоро насталъ день 9-го Іюля. Насъ собрали въ залы комендантскаго дома. Радость была велика при встрѣчѣ съ друзьями, съ коими такъ давно мы жили въ разлукѣ. Напрасно, однакожъ, я искалъ Кондратія Ѳедоровича и прочихъ четверыхъ. Смутно я понималъ, что они избраны изъ среды насъ, для испытанія высшаго, нежели то, которое намъ предстояло. Вошли мы въ залу: знакомыя и незнакомыя лица сидѣли въ парадныхъ мундирахъ и безмолвно смотрѣли на насъ. Оберъ-прокуроръ громко прочелъ сентенцію каждаго. Я выслушалъ свой приговоръ какъ-то равнодушно: въ эти минуты нѣтъ времени на размышленіе, и будущность, намъ предстоявшая, коснувшись слуха, не представляла никакого яснаго понятія о ея истинномъ значеніи. Мы вышли, и насъ повели обратно, но не въ прежній Алексѣевскій равелинъ. Мнѣ назначено было пребываніе въ Кронверкской куртинѣ. Въ длинномъ и широкомъ коридорѣ указали мнѣ на дверь: я вошелъ въ маленькую комнату, досчатой перегородкой отдѣленную отъ сосѣдняго номера. Я удивился близкому сосѣдству, отъ котораго отвыкъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ. Вечеромъ на другой день приходитъ нашъ постоянный собесѣдникъ, постоянный утѣшитель, который, съ первыхъ дней заключенія, свято исполнялъ свой долгъ, какъ священникъ, какъ духовный отецъ, единственный другъ заключенныхъ, Петръ Николаевичъ Мысловской, протоіерей Казанскаго собора; онъ зашелъ къ каждому, чтобы по возможности приготовить къ предстоявшему исполненію приговора. Зная его скромность въ отношеніи тѣхъ предметовъ, которые не входили въ прямую его обязанность какъ священника, я не смѣлъ спросить его сначала о предстоящей участи пятерыхъ отдѣленныхъ отъ насъ и избранныхъ къ высшему испытанію. Наконецъ передъ уходомъ его я рѣшился, спросилъ: что же будетъ съ ними? Когда онъ прямо отвѣчать не могъ, онъ всегда отвѣчалъ загадочно. Его послѣднія слова въ этотъ день были: «Конфирмація—Декорація». Я понялъ, что испытаніе будетъ, но что оно кончится помилованіемъ, и онъ былъ въ этомъ убѣжденъ, и онъ надѣялся. Надежды не сбылись.

Вотъ послѣднее предсмертное письмо Кондратія Ѳедоровича къ женѣ его, Натальѣ Михайловнѣ *):

*) Супруга Рылѣева была дочь Острогожскаго помѣщика М. Г. Тевяшова: они вѣнчались 22-го Января 1820 г. *Л. Б.*

«Богъ и Государь рѣшили участь мою: я долженъ умереть смертію позорною. Да будетъ Его святая воля! Мой милый другъ, предайся и ты волѣ Всемогущаго, и Онъ утѣшитъ тебя. За душу мою молись Богу, Онъ услышитъ твои молитвы. Не ропщи ни на Него, ни на Государя: это будетъ и безразсудно, и грѣшно. Намъ ли постигнуть неисповѣдимыя судьбы Непостижимаго? Я ни разу не возроптalъ во все время моего заключенія, и за то Духъ Святый дивно утѣшилъ меня. Подивись, мой другъ: и въ сію самую минуту, когда я занятъ только тобою и нашею малюткою, я нахожусь въ такомъ утѣшительномъ спокойствіи, что не могу выразить тебѣ. О милый другъ, какъ спасительно быть христіаниномъ! Благодарю моего Создателя, что Онъ меня просвѣтилъ и что я умираю во Христѣ. Это дивное спокойствіе порукою, что Творецъ не оставитъ ни тебя, ни нашей малютки. Ради Бога не предавайся отчаянію: ищи утѣшенія въ религіи. Я просилъ нашего священника посѣщать тебя. Слушай совѣтовъ его и поручи ему молиться о душѣ моей. Отдай ему одну изъ золотыхъ табакерокъ въ знакъ признательности моей, или лучше сказать на память, потому что возблагодарить его можетъ только одинъ Богъ за то благодѣяніе, которое онъ оказалъ мнѣ своими бесѣдами. Ты не оставайся здѣсь долго, а старайся кончить скорѣе дѣла свои и отправься къ почтеннѣйшей матушкѣ [1]). Проси ее, чтобы она простила меня; равно всѣхъ родныхъ своихъ проси о томъ-же. Кат. Иван. и дѣтямъ ея кланяйся и скажи, чтобы они не роптали на меня за М. П. [2]); не я его вовлекъ въ общую бѣду, онъ самъ объ этомъ засвидѣтельствуетъ. Я хотѣлъ было просить свиданія съ тобою, но раздумалъ, чтобъ не разстроить себя. Молю за тебя и Настиньку и за бѣдную сестру [3], Бога, и буду всю ночь молиться. Съ разсвѣтомъ будетъ у меня священникъ, мой другъ и благодѣтель, и опять причаститъ. Настиньку благословляю мысленно нерукотворнымъ образомъ Спасителя и поручаю всѣхъ васъ свят му покровительству Живаго Бога. Прошу тебя болѣе всего заботиться о воспитаніи ея. Я желалъ бы, чтобы она была воспитана при тебѣ. Старайся перелить въ нее свои христіанскія чувства, и она будетъ счастлива, не смотря ни на какія превратности въ жизни, и когда будетъ имѣть мужа, то осчастливитъ и его, какъ ты, мой милый, мой добрый и неоцѣненный другъ, счастливила меня въ продолженіи восьми лѣтъ. Могу ли, мой другъ, благодарить

---

[1]) Т. е. къ тещѣ Рылѣева, въ Воронежскую губернію. *И. Б.*

[2]) Кто эти лица — намъ неизвѣстно. *И. Б.*

[3]) Анна Ѳедоровна, незаконная дочь отца Рылѣева. *И. Б.*

тебя словами? Они не могутъ выразить чувствъ моихъ. Богъ тебя наградитъ за все. Почтеннѣйшей Прасковьѣ Васильевнѣ[4] моя душевная, искренняя, предсмертная благодарность. Прощай! Велятъ одѣваться. Да будетъ его Святая воля!

Твой истинный другъ К. Рылѣевъ.

У меня осталось здѣсь 330 р., можетъ быть отдадутъ тебѣ»[5].

Настала полночь. Священникъ съ святыми дарами вышелъ отъ Кондратія Ѳедоровича, вышелъ и отъ Сергѣя Ивановича Муравьева-Апостола, вышелъ и отъ Петра Каховскаго, вышелъ и отъ Михаила Бестужева. Пасторъ напутствовалъ Павла Ивановича Пестеля. Я не спалъ, намъ велѣно было одѣваться. Я слышалъ шаги, слышалъ шопотъ, но не понималъ ихъ значенія. Прошло нѣсколько времени, слышу звукъ цѣпей, дверь отворилась на противуположной сторонѣ корридора. Цѣпи тяжело зазвенѣли, слышу протяжный голосъ друга неизмѣннаго, Кондратія Ѳедоровича Рылѣева. «Простите, простите братья!» и мѣрные шаги удалились къ концу корридора. Я бросился къ окошку. Начинало свѣтать: вижу взводъ Павловскихъ гренадеръ и знакомаго мнѣ поручика Пальмана, вижу всѣхъ пятерыхъ окруженныхъ гренадерами, съ примкнутыми штыками. Знакъ поданъ, и они удалились. И намъ сказано было выходить, и насъ повели тѣже гренадеры, и мы пришли на эспланаду передъ крѣпостью. Всѣ гвардейскіе полки были въ строю, вдали я видѣлъ пять висѣлицъ, видѣлъ пятерыхъ избранныхъ, медленно приближавшихся къ мѣсту роковому. Еще въ ушахъ моихъ звенѣли слова: «Конфирмація—Декорація», еще надежда не оставляла меня. Съ нами скоро кончили, переломили шпаги, скинули одежды и бросили въ огонь; потомъ, надѣвъ халаты, тѣмъ же путемъ, повели обратно въ ту же крѣпость. Я опять занялъ тотъ же номеръ Кронверкской куртины.

---

[4]) Устиновой. *П. Б.*

[5]) По свидѣтельству г. Кропотова (Русск. Вѣстн. 1869. Мартъ), письмо это было доставлено супругѣ Рылѣева Ѳ. П. Прянишниковымъ, который завѣдывалъ перепискою декабристовъ съ ихъ родными. Семейство Рылѣева было одарено Государемъ, что́ вѣроятно и внушило Пушкину извѣстные стихи:

О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
Тому кого караетъ явно,
Онъ втайнѣ милости творитъ.

И эти милости оказаны были не одному семейству Рылѣева. *П. Б.*

Осужденные были готовы. Священникъ Петръ Николаевичъ былъ съ ними; онъ подходитъ къ Кондратію Ѳедоровичу и говоритъ слово увѣщательное. Кондратій Ѳедоровичъ взялъ его руку, поднесъ къ сердцу и говоритъ: «Слышишь, отецъ, оно не бьется сильнѣе прежняго». Всѣ пятеро взошли на мѣсто казни, и казнь свершилась безвозвратно. . .

Евгеній Оболенскій.

БУМАГИ О ПОЕДИНКѢ НОВОСИЛЬЦОВА СЪ ЧЕРНОВЫМЪ*).

ПРЕДСМЕРТНАЯ ЗАПИСКА ЧЕРНОВА.

(Писана рукою Александра Бестужева).

Богъ воленъ въ жизни; но дѣло чести, на которое теперь отправляюсь, по всей вѣроятности обѣщаетъ мнѣ смерть, и потому прошу г-дъ секундантовъ моихъ объявить всѣмъ роднымъ и людямъ благомыслящимъ, которыхъ мнѣніемъ дорожилъ я, что предлогъ теперешней дуэли нашей существовалъ только въ клеветѣ злоязычія и въ воображеніи Новосильцова. Я никогда не говорилъ передъ отъѣздомъ въ Москву, что сбираюсь принудить его къ женитьбѣ на сестрѣ моей. Никогда не говорилъ я, что къ тому его принудили по пріѣздѣ, и торжественно объявляю это словомъ офицера. Могъ ли я желать себѣ зятя, котораго бы можно было по пистолету вести подъ вѣнецъ? Захотѣлъ ли бы я подобнымъ бракомъ сестры обезславить свое семейство? Оскорбленія, нанесенныя моей фамиліи, вызвали меня въ Москву; но увѣреніе Новосильцова въ неумышленности его поступка заставило меня извиниться передъ нимъ въ дерзкомъ моемъ письмѣ къ нему и, казалось, искреннее примиреніе окончило все дѣло. Время показало, что это была одна игра, вопреки завѣренія Новосильцова и ручательства

*) Печатаются съ рукописныхъ подлинниковъ. На третьей бумагѣ означено, что она составлена Рылѣевымъ и кажется была подана Спб. ген.-губ. графу Милорадовичу. Рылѣевъ былъ двоюроднымъ братомъ Константина Пахомовича и Екатерины Пахомовны Черновыхъ (матери ихъ родныя сестры) дѣтей генерала-маіора Чернова, находившагося тогда при войскахъ въ Могилевской губерніи (генералъ-аудиторомъ 1-й арміи). Въ нашихъ рукахъ находится собраніе подлинныхъ писемъ (Черновыхъ, Новосильцова, гр. Строганова, Галямина, Александра Бартенева и др.), излагающихъ всѣ переходы этой трагедіи. Въ Августѣ 1824 г. старикъ-отецъ Чернова уже собирается изъ Стараго-Быхова на свадьбу дочери. Въ Ноябрѣ того же года Сергѣй Черновъ

благородныхъ его секундантовъ *). Стрѣляюсь на три шага, какъ за дѣло семейственное; ибо, зная братьевъ моихъ, хочу кончить собою на немъ, на этомъ оскорбителѣ моего семейства, который для пустыхъ толковъ еще пустѣйшихъ людей преступилъ всѣ законы чести, общества и человѣчества. Пусть паду я, но пусть падетъ и онъ, въ примѣръ жалкимъ гордецамъ, и чтобы золото и знатный родъ не насмѣхались надъ невинностью и благородствомъ души.

пишетъ брату Константину о необходимости отмщенія: «Желательно, чтобы Новосильцовъ былъ нашъ зять; но ежели сего нельзя, то надо дѣлать, чтобъ онъ умеръ холостымъ, хотя сіе прелестное твореніе заслуживаетъ и лучшей участи». Въ Январѣ 1825 назначенъ поединокъ, по вызову Чернова; но онъ устраненъ въ Москвѣ (куда К. Черновъ нарочно ѣздилъ) обѣщаніемъ Новосильцова жениться и согласіемъ матери на его бракъ. «Папинька и маминька не довольны твоей поспѣшной поѣздкой въ Москву, писалъ брату въ Петербургъ Сергѣй Черновъ отъ 13 Янв.; ибо когда мы тамъ появились, то мать Владиміра Дмитріевича (Новосильцова) тотчасъ извѣстила главнокомандующаго (гр. Сакена), который призывалъ папиньку и удивлялся, что его дѣти осмѣлились дѣлать такой противозаконный поступокъ. Когда папинька узналъ, что Великій Князь, зная, для чего ты ѣдешь въ Москву, съ позволенія Государя, самъ тебѣ дозволилъ сію поѣздку, то онъ совершенно успокоился и при моихъ разсказахъ проливалъ слезы восхищенія». Но Новосильцову самому не хотѣлось уже ѣхать въ Старый Быховъ къ невѣстѣ. Онъ служилъ въ лейбъ-гусарахъ и былъ однимъ изъ блестящихъ флигель-адъютантовъ. «Государь сердитъ за что-то на Владиміра Дмитріевича (Мартъ 1825 г.) писалъ Сергѣй Черновъ своему брату, и не принялъ его, когда сей пришелъ являться». Черновъ написалъ ему оскорбительное письмо, и на этотъ разъ (въ Іюнѣ 1825 года) самъ Новосильцовъ въ Москвѣ вызвалъ его драться (у Пресненской заставы). Роковая встрѣча была отстранена княземъ Д. В. Голицынымъ: Новосильцовъ снова далъ обѣщаніе жениться не позже пяти мѣсяцевъ, и въ Старый Быховъ отправлены успокоительныя письма отъ родителей жениха. Но сей послѣдній снова прибѣгъ къ уклончивымъ отвѣтамъ и на письменный вопросъ Рылѣева отвѣчалъ письмомъ къ К. Чернову (15 Августа), въ которомъ говорилъ, что дѣло будетъ улажено исключительно между нимъ и родителями невѣсты, что посторонніе не должны въ него мѣшаться, что въ Сентябрѣ онъ получитъ отпускъ и поѣдетъ въ Могилевскую губернію. Послѣдствіемъ были вызовъ со стороны Чернова и окончательный поединокъ. *П. Б.*

*) Секундантами этой остановленной Московскимъ начальствомъ дуэли были Петръ Львовичъ Давыдовъ и Арсеній Ивановичъ Бартеневъ. *П. Б.*

УСЛОВІЯ ДУЭЛИ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТА НОВОСИЛЬЦОВА СЪ ПОРУЧИКОМЪ ЧЕРНОВЫМЪ.

(Съ подлинника).

Мы секунданты нижеподписавшіеся условились:

1) Стрѣляться на барьеръ, дистанція *восемь шаговъ*, съ расходомъ *по пяти*.

2) Дуель кончается первою раною при четномъ выстрѣлѣ; въ противномъ случаѣ, если раненый сохранилъ зарядъ, то имѣетъ право стрѣлять, хотя лежащій; если же того сдѣлать будетъ не въ силихъ, то поединокъ полагается вовсе и навсегда прекращеннымъ.

3) Вспышка не въ счетъ, равно осѣчка. Секунданты обязаны въ такомъ случаѣ оправить кремень и подсыпать пороху.

4) Тотъ, кто сохранилъ послѣдній выстрѣлъ, имѣетъ право подойти самъ и подозвать своего противника къ назначенному барьеру.

Полковникъ *Германъ*.
Подпоручикъ *Рыльевъ*.
Ротмистръ *Реадъ*.
Подпоручикъ *Шиповъ*

ЗАПИСКА О ПОЕДИНКѢ НОВОСИЛЬЦОВА СЪ ЧЕРНОВЫМЪ.

(Писана Рылѣевымъ).

Лѣтомъ въ прошломъ 1824 году флигель-адъютантъ Новосильцовъ, познакомясь въ семействѣ генералъ-маіорши Черновой, находившейся тогда въ имѣніи своемъ близъ села Рожествена, объяснилъ ей желаніе свое жениться на ея дочери и, объявивъ ей и прибывшему туда мужу ея генералъ-маіору Чернову, что имѣетъ на то дозволеніе своихъ родителей, получилъ ихъ согласіе. Сговоръ и домашнее обрученіе сдѣланы были въ Августѣ мѣсяцѣ того года, а вскорѣ и свадьба назначена; но при наступленіи сего времени, Новосильцовъ подъ предлогомъ болѣзни отца своего отправился въ Москву, давъ слово возвратиться чрезъ три недѣли. Съ дороги писалъ онъ своей невѣстѣ, но по прибытіи въ Москву прекратилъ переписку и не только не возвратился къ назначенному времени, но оставилъ семейство Черновыхъ втеченіи трехъ мѣсяцевъ безъ всякой вѣсти. Въ продолженіи сего времени Новосильцовъ пріѣзжалъ въ Петербургъ, но не только не былъ у невѣсты, но даже не увѣдомилъ о себѣ письменно. Лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка подпоручикъ Черновъ, братъ невѣсты, въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1824 года отправился въ Москву, желая объясниться въ семъ дѣлѣ съ поручикомъ Новосильцовымъ и положить конецъ оному. Въ Москвѣ, послѣ объясненія ихъ обоихъ по сему дѣлу, Новосильцовъ объявилъ Чернову въ присутствіи военнаго генералъ-губернатора и нѣкоторыхъ извѣстныхъ особъ съ обѣихъ сторонъ, что никогда не оставлялъ намѣренія жениться на Черновой; послѣ чего Черновъ, называя его женихомъ сестры своей, извинился, что сомнѣвался въ его честности. Мать Новосильцова тогда же письменно изъявила родителямъ Чернова согласіе на бракъ своего сына съ ихъ дочерью. Новосильцовъ далъ обѣщаніе совершить свадьбу въ теченіи шести мѣсяцевъ, желая отло-

жить оную, какъ говорилъ онъ, для того, дабы не дать поводу думать, что онъ былъ къ тому вынужденъ, и Черновъ принятъ былъ матерью и семействомъ Новосильцова какъ родной, пробылъ въ Москвѣ [1]) около мѣсяца и отправился въ Петербургъ, куда поѣхалъ также и Новосильцовъ. Вскорѣ по прибытіи ихъ въ Петербургъ, Новосильцовъ сдѣлалъ вызовъ Чернову за разглашенные будто бы симъ послѣднимъ слухи, что принудилъ его жениться. Черновъ объяснилъ ему, что не только никогда не распускалъ такихъ слуховъ, но и не имѣлъ къ сему намѣренія; Новосильцовъ удовольствовался симъ объясненіемъ и объявилъ при посредникахъ, что дѣло ихъ остается въ томъ положеніи, въ коемъ оно въ Москвѣ находилось т. е. что онъ женится въ теченіи урѣченнаго времени.

Хотя по всѣмъ вышеписанным обстоятельствамъ все семейство Черновыхъ не желало болѣе имѣть зятемъ Новосильцова; но подпоручикъ Черновъ, по истеченіи положеннаго времени, желая дать сему дѣлу приличный конецъ, требовалъ, чтобы Новосильцовъ отправился къ отцу его въ Могилевъ и тамъ бы кончилъ оное, на что Новосильцовъ и далъ письменное обѣщаніе. Подпоручикъ Черновъ, не видя еще исполненія сего обѣщанія, узналъ, что отецъ его вынужденъ былъ сторонними средствами прислать Новосильцову письменный отказъ, и что по сему случаю имѣлъ генералъ-маіоръ Черновъ сильное огорченіе [2]). Подпоручикъ Черновъ, чувствуя, что главною причиною сего былъ Новосильцовъ, сдѣлалъ ему вызовъ 8 числа сего мѣсяца, а 10 числа въ 6 часовъ утра они стрѣлялись на пистолетахъ за Выборгскою заставою, и оба опасно ранены [3]).

Обстоятельства, въ сей запискѣ изложенныя, основаны большею частію на письменныхъ доказательствахъ и извѣстны по изустнымъ объясненіямъ самого подпоручика Чернова и нѣкоторыхъ другихъ особъ заслуживающихъ вѣроятія.

Сентября 1825 г.

---

[1]) Сначала было написано: «у нихъ».

[2]) Т. е. отъ своего начальника фельдмаршала графа Сакена, который, желая угодить матери Новосильцова, вѣроятно приказалъ отцу Чернову, чтобы дѣло было прекращено. *П. Б.*

[3]) Новосильцовъ былъ перенесенъ въ ближайшую гостинницу, а не въ домъ родственниковъ, какъ передаетъ выше кн. Оболенскій. Надъ тѣломъ его, близъ Лѣснаго Института, воздвигнута церковь. *П. Б.*

К. Ѳ. РЫЛѢЕВЪ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ Н. А. БЕСТУЖЕВА.

... Рылѣевъ не скрывалъ своихъ предчувствій отъ друзей и родныхъ. Я былъ свидѣтелемъ его прощанія съ матерью *), нѣжно его любившею и отъѣзжавшею въ деревню. Она была очень грустна. Ее тревожила мысль, что не увидитъ болѣе сына, котораго, казалось ей, оставляетъ обреченнаго на какую-то гибельную судьбу. Со всею материнскою нѣжностью просила она, чтобъ онъ далъ ей спокойно закрыть глаза, что она хочетъ видѣть его счастливымъ и желаетъ умереть съ тою же мыслію, что онъ останется счастливъ и послѣ нея...

Всѣ дѣйствія жизни Рылѣева ознаменованы были печатью любви къ отечеству; она проявлялась въ разныхъ видахъ: сперва сыновнею привязанностію къ родинѣ, потомъ негодованіемъ къ злоупотребленіямъ и наконецъ развернулась совершенно въ желаніи ему свободы. Въ «Думахъ» его мы видимъ жаркое желаніе внушить въ другихъ туже любовь къ своей землѣ, ко всему народному; привязать вниманіе къ дѣяніямъ старины; показать, что и Россія богата примѣрами для подражанія; что сіи примѣры могутъ равнять ее съ великими образцами древности. Въ Сатирѣ на Временщика открывается все презрѣніе къ почестямъ и власти Аракчеева. Въ томъ положеніи, въ какомъ была и есть Россія, никто еще не достигалъ столь высокой степени силы и власти, какъ Аракчеевъ. Этотъ вельможа, подъ личиною скромности, устраняя всякую власть, одинъ, незримый никѣмъ, безъ всякой явной должности, въ тайнѣ кабинета, вращалъ всею тя-

*) Настасьею Матвѣевною (ум. около 1824 г.) Г. Кропотовъ въ статьѣ своей о Рылѣевѣ (Р. Вѣстн. 1869, Мартъ) упоминаетъ о томъ, что она была несчастлива съ мужемъ своимъ, Екатерининскимъ бригадиромъ, человѣкомъ крутаго нрава, который жестоко обращался и съ сыномъ своимъ (род. 18 Сент. 1789), а жену запиралъ въ погребъ въ деревнѣ Батовой подъ Петербургомъ. *П. Б.*

гостью дѣлъ государственныхъ, и злобная, подозрительная его политика лазутчески вкрадывалась во всѣ отрасли правленія. Не было министерства, званія, дѣла, которое не зависѣло бы или оставалось неизвѣстно сему невидимому Протею-министру, политику, царедворцу; не было мѣста, куда бы не проникъ его хитрый подсмотръ; не было происшествія, которое не отозвалось бы въ этомъ Діонисіевомъ ухѣ. Малые угнетались средними, средніе большими, сіи еще высшими; но надъ тѣми и другими притѣснителями, равно какъ и надъ притѣсненными, была одна гроза: временщикъ. Одни карались за угнетенія, другіе за жалобы. Все государство трепетало подъ желѣзною рукой любимца-правителя. Никто не смѣлъ жаловаться. Едва возникалъ малѣйшій ропотъ— и на вѣчно исчезалъ въ пустыняхъ Сибири или въ смрадкыхъ склепахъ крѣпостей.

Въ такомъ положеніи была Россія, когда Рылѣевъ громко и всенародно вызвалъ временщика на судъ истины; когда назвалъ его дѣянія, опредѣлилъ имъ цѣну и смѣло предалъ проклятію потомства слѣпую или умышленную покорность вельможи для правленія отечества. Нельзя представить изумленія, ужаса, даже можно сказать оцѣпененія, какимъ поражены были жители столицы при сихъ неслыханныхъ звукахъ правды и укоризны, при сей борьбѣ младенца съ великаномъ. Всѣ думали, что громы каръ грянутъ, истребятъ дерзновеннаго поэта и тѣхъ, которые внимали ему; но изображеніе было слишкомъ вѣрно, очень близко, чтобы обиженному вельможѣ осмѣлиться узнать себя въ сатирѣ. Онъ постыдился признаться явно. Туча пронеслась мимо, оковы оцѣпененія мало по малу расторглись, и глухой шопотъ одобренія былъ наградою юнаго, правдиваго поэта.

Съ этого стихотворенія началось политическое поприще Рылѣева. Пылкость юношеской души, порывъ благороднаго негодованія и меткіе удары сатиры, безбоязненно нанесенные такому сопернику, обратили общее вниманіе.

Служивъ въ артиллеріи, женясь и взявъ отставку, онъ жилъ въ своей деревнѣ. Его качества заставили сосѣдей избрать его засѣдателемъ въ уголовный судъ по Петербургской губерніи.

Состраданіе къ человѣчеству, нелицепріятіе, пылкая справедливость, неутомимая защита истины сдѣлали его извѣстнымъ въ столицѣ. Между простымъ народомъ имя и честность его вошли въ пословицу. Однажды, по важному подозрѣнію, схваченъ былъ какой-то мѣщанинъ и представленъ бывшему тогда военному губернатору Милорадовичу. Сдѣлали ему допросъ; но какъ степень виновности могла только объясниться собственнымъ признаніемъ, то Милорадовичъ грозилъ ему всѣми наказаніями, ежели онъ

не сознается. Мѣщанинъ былъ невиненъ и не хотѣлъ брать на себя напрасно преступленія. Тогда Милорадовичъ, соскуча запирательствами, объявилъ, что отдастъ его подъ уголовный судъ, зная, какъ неохотно Русскіе простолюдины ввѣряются судамъ. Онъ думалъ, что этотъ человѣкъ, отъ страха суда, скажетъ ему истину; но мѣщанинъ вмѣсто того упалъ ему въ ноги и съ горячими слезами благодарилъ за милость.

— Какую же милость оказалъ я тебѣ? спросилъ губернаторъ.

— Вы меня отдали подъ судъ, отвѣчалъ мѣщанинъ: — и теперь я знаю, что избавлюсь отъ всѣхъ мукъ и привязокъ; знаю, что буду оправданъ! Тамъ есть Рылѣевъ: онъ не даетъ погибать невиннымъ!

Это происшествіе, болѣе всѣхъ похвалъ, даетъ понятіе о дѣйствіяхъ сего человѣка. Я не скажу ничего о извѣстномъ дѣлѣ Разумовскихъ крестьянъ: мнѣніе Рылѣева о сихъ несчастныхъ было написано съ силою чувствованій, защищавшихъ невинное дѣло. Вельможи, власти, судьи, угождающіе силѣ—все было противъ; одинъ Рылѣевъ взялъ сторону угнетенныхъ; и это его мнѣніе будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ истины, свидѣтелемъ, съ какою смѣлостью Рылѣевъ говорилъ правду.

Кромѣ высокихъ чувствованій любви къ отечеству и истинѣ, душа его и сердце были доступны всякому благородному впечатлѣнію. Любовь и дружба сопутствовали ему на всемъ поприщѣ жизни. Я былъ свидѣтелемъ его домашняго быта, много разъ слышалъ, какъ онъ повторялъ мнѣ о своемъ счастьѣ, пересчитывалъ качества своей супруги и описывалъ любовь свою къ ней. Здѣсь я считаю священнымъ долгомъ сказать то, что я знаю о его привязанности къ супругѣ и семейству, потому что были люди, которые сомнѣвались въ его къ ней вѣрности, подозрѣвали, что онъ оставлялъ ее для другихъ, потому что я нѣсколько разъ долженъ былъ защищать его публично; но тогда я не могъ сего сдѣлать такъ, какъ могу теперь. Онъ былъ живъ, съ меня взято было обѣщаніе не говорить ничего, могшаго служить въ его оправданіе. Поступки его въ отношеніи къ супругѣ могли казаться двусмысленными и не могли быть объяснены; но теперь, когда смерть запечатлѣла его уста, мои должны говорить. Свѣтскія отношенія и связи теперь прерваны: я могу говорить, какъ изъ за предѣловъ гроба.

Нѣсколько разъ случалось, что меня, какъ коротко знакомаго Рылѣеву, спрашивали въ обществѣ, любитъ ли онъ свою жену?—и на мой утвердительный отвѣтъ всегда показывали сомнѣніе, всегда говорили, что онъ не живетъ дома, что онъ часы своихъ досуговъ посвящаетъ не супругѣ, а

другимъ. Въ другихъ мѣстахъ говорили яснѣе, называя по имени ту женщину, о которой предполагали, что она завладѣла его сердцемъ.

Такія обвиненія повторялись часто и доказывали, что клевета успѣла пустить свои отрасли. Я защищалъ его какъ умѣлъ, потому что не могъ тогда оправдать ни его частыхъ отсутствій изъ дома, ни его ложной невѣрности. Противъ перваго обвиненія теперь достаточно, ежели скажу, что въ послѣдніе два года своей жизни Рылѣевъ обязанъ былъ многихъ посѣщать, совѣщаться со многими членами. Часто ему нельзя было явно дѣлать своихъ посѣщеній: тайна оныхъ распространилась; но чужое любопытство не постигло ея, а клевета дала ей другое направленіе.

Вотъ что я долженъ сказать о другомъ обвиненіи: при всей моей короткости, я не былъ другомъ Рылѣева (дружбою и довѣренностью его пользовался братъ мой Александръ); но когда съ нимъ случались обстоятельства, требовавшія холоднаго размышленія, онъ всегда прибѣгалъ ко мнѣ; въ этомъ случаѣ онъ дѣлалъ мнѣ честь предпочтенія, не довѣряя, какъ говорилъ онъ, ни собственной пылкости, ни Александровой опрометчивости. Я нѣсколько разъ говорилъ ему объ оскорбительныхъ подозрѣніяхъ, о слухахъ въ обществѣ, которые носились на его счетъ и нѣсколько разъ получалъ въ отвѣтъ просьбу: повременить объясненіемъ и не стараться защищать его, потому что онъ не признаётъ другихъ судей, кромѣ своей совѣсти, которая не упрекаетъ его ни въ чемъ. Итакъ я съ нимъ молчалъ, но не переставалъ защищать его, сколько было моихъ силъ и способностей.

Однажды я написалъ повѣсть, въ которой изобразилъ мученія влюбленнаго человѣка, томленіе страсти, отчаяніе нераздѣленной любви, и изобразилъ это довольно живо. На счетъ литературныхъ занятій, Рылѣевъ и мы съ братомъ составляли нѣчто цѣлое. Ни одинъ изъ насъ не дѣлалъ плана, не кончалъ сочиненія, не показавъ другому. При первомъ моемъ свиданіи съ Рылѣевымъ, онъ спросилъ меня, кончилъ ли я начатую мною повѣсть, и на утвердительный мой отвѣтъ просилъ ее прочесть. Я началъ съ описанія веселыхъ происшествій, перешелъ къ завязкѣ, принялся мало по малу выраженіе грусти, которую хотѣлъ изобразить: дошелъ до того мѣста, гдѣ любовь, гдѣ совѣсть, раздѣляя сердце героя повѣсти, лишаютъ его совершенно спокойствія, ведутъ его постепенно къ отчаянію; наконецъ, когда дошелъ до описанія всѣхъ ужасовъ безсонницы, самозабвенія и покушенія на самоубійство, Рылѣевъ вдругъ остановилъ меня.

— Довольно, довольно! вскричалъ онъ дрожащимъ голосомъ. Я взглянулъ на него и увидѣлъ, что слезы катились у него градомъ. Это меня удивило, хотя я и зналъ его чувствительность. Мнѣ не разъ случалось видѣть, какъ слезы выступали у него при разсказѣ о благородномъ поступкѣ, при высокой мысли, даже при чтеніи какой нибудь хорошо-написанной повѣсти; но это внутреннее движеніе слишкомъ было сильно для обыкновеннаго впечатлѣнія.

— Что съ тобою сдѣлалось? спросилъ я.

Дай мнѣ оправиться, и я тебѣ разскажу все, отвѣчалъ онъ; всталъ и, послѣ нѣсколькихъ оборотовъ по комнатѣ, снова сѣлъ подлѣ меня и началъ:

— Ты спрашивалъ меня о причинѣ моего поведенія, которымъ меня упрекаютъ въ свѣтѣ: теперь я долженъ тебѣ объяснить это. Нѣсколько времени тому назадъ пріѣхала сюда въ Петербургъ г-жа К. по важному уголовному дѣлу о ея мужѣ. Нѣсколько человѣкъ моихъ знакомыхъ, многіе важные люди просили меня заняться этимъ дѣломъ, уговаривали познакомиться съ нею. За первое я взялся по обязанности; втораго старался всячески избѣжать, потому что не люблю знакомиться съ тѣми, чьи дѣла на моихъ рукахъ, и по свойственной мнѣ неловкости и застѣнчивости съ женщинами. Но я къ тому былъ вынужденъ, какъ усиленными просьбами, такъ и необходимостью узнать нѣкоторыя обстоятельства лично; потому что дѣло тянулось давно, было спутано низшими инстанціями, и бумагъ было очень много, писаныхъ на Польскомъ языкѣ, мнѣ не совершенно знакомомъ. Однимъ словомъ, меня привезли къ ней. Я увидѣлъ женщину во всемъ блескѣ молодости и красоты, ловкую, умную, со всѣми очарованіями слезъ и пламеннаго краснорѣчія, вдыхаемаго ея несчастнымъ положеніемъ. Мое обыкновенное замѣшательство увеличилось еще болѣе неожиданностью моихъ впечатлѣній, видя въ первый разъ въ жизни столько привлекательнаго въ этой необыкновенной женщинѣ. Однако же, послѣ перваго посѣщенія, я не унесъ съ собою никакого посторонняго чувствованія, кромѣ желанія ей помочь, ежели это можно. Въ послѣдовавшихъ за симъ свиданіяхъ слезы прекрасной моей кліентки мало-по-малу осушились; но мѣсто ихъ заступила замалчивая томность, милая разсѣянность, которая перерывалась однимъ только вниманіемъ ко мнѣ. Это вниманіе перешло наконецъ въ угожденіе. Моимъ совѣтомъ она желала руководствоваться, мое мнѣніе было всегда самое справедливое, мой образъ мыслей — самый благородный. Довольно было упомянуть о какой нибудь вещи или книгѣ: то и другое являлось у нея на столѣ, сообразно съ моимъ вкусомъ; она читала и восхищалась тѣмъ, что мнѣ нравилось; но все

это дѣлалось съ такою деликатностію и осторожностію, съ такою ловкостію противопоставлялись иногда и противорѣчія, что самая бдительная щекотливость не могла тревожиться. Никогда не было прямаго намека въ глаза: все это я слышалъ отъ другихъ, и всѣ, какъ будто нарочно, старались наперерывъ передавать мнѣ ея слова и мнѣнія на счетъ мой. Я началъ находить удовольствіе въ ея обществѣ; дикость моя по немногу исчезла; я не замѣчалъ за собою, предавался вполнѣ и безъ опасенія тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя эта женщина на меня производила и, наконецъ, къ стыду моему, я долженъ тебѣ сказать, что сталъ къ ней неравнодушенъ. Вотъ моя повѣсть, вотъ что̀ лежитъ у меня на совѣсти.

Онъ остановился. Я никакъ не ожидалъ этого признанія и съ внутреннимъ безпокойствомъ спросилъ его:

— Но все это, можетъ быть, съ ея стороны одно только желаніе быть любезною, желаніе, свойственное всѣмъ женщинамъ и въ особенности Полькамъ. Можетъ быть, и ты слишкомъ строгъ къ себѣ и обманываешься въ своихъ чувствахъ, и желаніе пользоваться обществомъ пріятной женщины принимаешь за другое.

— Нѣтъ. Какъ я ни неопытенъ, но умѣю различать то и другое. Я вижу, какимъ огнемъ горятъ ея глаза, когда разговоръ нашъ касается чувствъ; мнѣ нельзя не видѣть, нельзя скрыть отъ самого себя того предпочтенія, которое она, зная мою застѣнчивость, самыми ловкими оборотами и такъ искусно умѣетъ дать мнѣ передъ другими. Если она одна только со мною, она задумчива, разсѣянна, разговоръ нашъ прерывается; я теряюсь, берусь за шляпу, хочу уйти, и одинъ взглядъ ея приковываетъ меня къ стулу. Однимъ словомъ она даетъ мнѣ знать о состояніи своего сердца и конечно давно знаетъ, что̀ происходитъ въ моемъ.

— Все это мнѣ слишкомъ странно и темно, потому что случилось съ тобою. Ты ни хорошъ, ни любезенъ съ женщинами. Твоего поэтическаго дарованія не достаточно для женщины, чтобы влюбиться. Узнавъ тебя короче, вѣрю, что можно полюбить и любить очень; но такая быстрая побѣда надъ свѣтскою женщиною съ перваго раза — невѣроятна. Для этого надобно блестящія, очаровательныя качества. Стихи, добродѣтель, правдивость, прямодушіе любятъ, но не влюбляются въ нихъ — и, если это съ ея стороны кокетство, которымъ она старается закупить своего судью, то...

— Нѣтъ, она не кокетка, прервалъ онъ съ чувствомъ.— Нѣтъ ничего естественнѣе словъ ея, движеній, дѣйствій. Все въ ней такъ просто и такъ мило!...

— И тѣмъ опаснѣе!

Восклицаніе Рылѣева, которымъ онъ прервалъ мои слова, дало мнѣ понятіе о степени его чувствованій. Чтобы вѣрнѣе испытать его, я принялъ обыкновенный веселый видъ и сказалъ ему, улыбаясь:

— Въ такомъ случаѣ, я удивляюсь, почему ты не воспользовался такими обстоятельствами, такимъ случаемъ, какого многіе или лучше сказать никто не поставилъ бы въ зазоръ совѣсти....

— Боже меня отъ этого сохрани! Оставя то, что я обожаю свою жену и не понимаю, какъ другое чувство могло закрасться въ мое сердце; оставя всѣ нравственныя приличія семейственнаго человѣка, я не сдѣлаю этого какъ честный человѣкъ, потому что не хочу воспользоваться ея слабостію и вовлечь ее въ преступленіе; сверхъ того, не сдѣлаю какъ судья. Ежели дѣло ея справедливо: на совѣсть мою ляжетъ, что я, пользуясь ея несчастнымъ положеніемъ, взялъ такую преступную взятку; ежели не справедливо: мнѣ или надобно будетъ рѣшить его противъ совѣсти или, рѣшивъ его прямодушно, обмануть ея надежды.

— Странный человѣкъ! Чего же ты хочешь? Ты не желаешь пользоваться благосклонностію женщины, намѣренъ оставаться вѣрнымъ своимъ правиламъ, и продолжаешь свои посѣщенія, тогда-какъ еще одинъ шагъ на этой дорогѣ можетъ разрушить всѣ твои укрѣпленія чести и совѣсти. Ты думаешь, что можешь противиться влеченію склонности и позволяешь читать этой женщинѣ въ твоемъ сердцѣ: хочешь быть вѣренъ женѣ, подвергаясь безпрестанно искушенію. Видно, прибавилъ я, смягчая шутливымъ выраженіемъ суровость упрека, видно ты за тѣмъ и не велишь пріѣзжать сюда женѣ своей, чтобы продолжить время твоего заблужденія?...

— Твой выговоръ жестокъ; но ты имѣешь право такъ думать. Нѣтъ, не для продолженія, не для свободы моихъ дурачествъ удерживаю въ деревнѣ жену мою, но для того, чтобы не дать ей видѣть моего положенія, не сдѣлать ея свидѣтельницею моихъ страданій, моей борьбы съ совѣстію. Это ее убьетъ. Ты не повѣришь, какіе мучительные часы провожу я иногда; не знаешь, до какой степени мучитъ меня безсонница; какъ часто говорю вслухъ съ самимъ собою, вскакиваю съ постели, какъ безумный, плачу и страдаю. Вотъ почему повѣсть твоя стрѣлою вошла въ мое сердце; вотъ почему я открылся предъ тобою.

Мы говорили долго объ этомъ предметѣ. Рылѣевъ сказалъ, что писалъ уже къ женѣ, чтобъ она пріѣхала, обѣщавъ мнѣ, что не скроетъ отъ меня ни малѣйшаго поступка; а я, съ своей стороны, далъ ему слово развѣдать со всѣмъ стараніемъ объ этой женщинѣ.

Съ этой минуты я зналъ всякій день ощущенія Рылѣева. Пріѣхала его жена. Сказалъ ли онъ о своей слабости, сказали-ль ей о томъ другіе — это мнѣ неизвѣстно. Знаю, что поведеніе его съ нею было примѣрно, и хотя онъ рѣшился оставить домъ К., но ему не удалось. Казалось, что всѣ были противъ него въ заговорѣ: ему не позволяли исполнить его намѣреніе; если онъ не бывалъ тамъ нѣсколько дней, его брали и насильно туда увозили. Не менѣе того онъ сдѣлался осторожнѣе противъ себя и ни однимъ словомъ, ни однимъ вздохомъ не показывалъ состоянія души своей, которое было еще хуже прежняго, потому что принужденіе давало новую силу чувству.

Быть героемъ, не имѣть недостатковъ и слабостей, не сдѣлать ни одного неосторожнаго шага въ жизни — очень славно; но, по моему мнѣнію, человѣкъ съ недостатками и слабостями достоинъ большей похвалы, ежели онъ можетъ владѣть ими. Въ первомъ случаѣ — я вижу одну только силу, которой нѣтъ препятствій; во второмъ—мнѣ представляются борьба и побѣда: и чѣмъ бой опаснѣе, тѣмъ побѣда славнѣе.

Нечаянно мы узнали, что г-жа К. — была подкуплена! Для меня объяснилась вся загадка. Давно уже Рылѣева подозрѣвали, какъ вольнодумца. Его достоинство, вѣсъ между молодыми людьми давали поводъ думать, что мнѣнія его раздѣляются другими. Рылѣевъ не хотѣлъ знакомиться со властями, избѣгалъ всѣхъ большихъ обществъ: обыкновенныя средства для него не годились; онъ говорилъ публично то, что говорили немногіе тайно; образъ его мыслей былъ извѣстенъ, но надобно было проникнуть глубже въ его душу и сердце.

Можно представить всю силу негодованія пылкаго Рылѣева, когда вѣроломство женщины, которую онъ считалъ образцомъ своего пола, представилось ему въ настоящемъ видѣ. Онъ хотѣлъ въ туже минуту ѣхать къ ней, высказать все презрѣніе къ той ролѣ, которую она приняла съ нимъ, осыпать ее упреками, представить всю подлость ея положенія и оставить ее навсегда. Мы съ братомъ Александромъ успокоили его, и послѣ онъ согласился съ нами, что такой поступокъ всего скорѣе обнаружитъ то, что всего менѣе ему надобно было показывать. Такая ссора обнаружила бы слабость его сердца и негодованіе подозрѣваемаго человѣка. Мы положили, чтобъ онъ никакъ не показывалъ того, что ему было извѣстно и, напротивъ, старался дать болѣе свободы своему обращенію, чтобы робость, происходившая прежде отъ внутренней борьбы съ собою, не могла быть принята за боязнь человѣка, скрывающаго тайну.

Рылѣевъ сказалъ и сдѣлалъ. Данный урокъ излечилъ его отъ слабости и, когда возвращенное спокойствіе позволило

ему хладнокровнѣе наблюдать за этой женщиной, онъ ясно увидѣлъ ея намѣренія. По мѣрѣ того, какъ онъ дѣлался свободнѣе и показывалъ ей болѣе вниманія, она болѣе и болѣе устремлялась къ своей цѣли. Томность ея чувствованій замѣнилась выраженіемъ пламенной любви къ отечеству; всѣ ея разговоры клонились къ одному предмету: къ несчастіямъ Россіи, къ злоупотребленіямъ довѣренныхъ лицъ, къ надеждамъ свободы народовъ и тому подобнаго. Рылѣевъ могъ бы обмануться сими поступками: его открытое сердце и глубокая душа только и искали себѣ ощущеній. Но онъ былъ продостереженъ, и уже никакія обольщенія не выманили изъ груди тайны, сокровища, которое онъ ставилъ дороже всего на свѣтѣ, — и обманщица, въ свою очередь, осталась обнанутою.

Въ дружбѣ Рылѣевъ былъ чрезвычайно пылокъ. При самомъ простомъ дѣтскомъ обращеніи съ друзьями, въ душѣ его заключались самыя высокія къ нимъ чувствованія. Жертва, даже самопожертвованіе для дружбы ему ничего не стоили; честь друга для него была выше всякихъ соображеній. Ни приличіе, ни разсудокъ не сильны были удержать его при первомъ порывѣ, ежели другъ его былъ обиженъ. Одинъ изъ друзей имѣлъ непріятную исторію, требовалъ удовлетворенія и не получилъ его, искалъ своего соперника и нигдѣ не могъ встрѣтить. Рылѣевъ былъ счастливѣе: онъ встрѣтилъ его дважды и въ первый разъ, при отказѣ на вызовъ, наплевалъ ему въ лицо; въ другой же разъ забылся до того, что, вырвавъ у своего противника хлыстъ, выстегалъ его публично; но ни тѣмъ, ни другимъ не могъ убѣдить его на удовлетвореніе, котораго тотъ хотѣлъ искать въ полиціи.

Всякая несправедливость, ложь, а тѣмъ болѣе клевета находили въ немъ жестокаго притивника; въ сихъ случаяхъ никакія уваженія не могли остановить его негодованія. Часто раскаевался онъ, видя, что рѣзкою защитою невинности наносилъ болѣе вреда, нежели пользы; но при новомъ случаѣ тѣже явленія, таже неукротимая ненависть противъ несправедливости повторялись. Это была его слабость, которая огорчала его самого, друзей и приближенныхъ. Я называлъ его мученикомъ правды.

Къ сему присовокуплялся другой еще важнѣйшій недостатокъ. Сердце его слишкомъ было открыто, слишкомъ довѣрчиво. Онъ во всякомъ человѣкѣ видѣлъ благонамѣренность, не подозрѣвалъ обмана, и обманутый не переставалъ вѣрить. Опытность ни къ чему для него не служила.

Онъ все видѣлъ въ радужные очки своей прекрасной души. Одна только скромность и застѣнчивость спасали его. Если человѣкъ былъ недоволенъ правительствомъ, или злословилъ

власти, Рылѣевъ думалъ, что этотъ человѣкъ либералъ и хочетъ блага отечества. Это было причиною многихъ его ошибокъ на политическомъ поприщѣ.

Я упомянулъ о такихъ его слабостяхъ, которыя всякому другому человѣку сдѣлали бы честь; но въ Рылѣевѣ, какъ въ лицѣ политическомъ, они были важнымъ недостаткомъ. Должно ли присовокупить и то, что онъ слишкомъ мало былъ къ себѣ довѣрчивъ, слишкомъ мало чувствовалъ силу своей души надъ другими?

Рылѣевъ былъ не краснорѣчивъ и овладѣвалъ другими не тонкостями риторики или силою силлогизмовъ, но жаромъ простаго и иногда несвязнаго разговора, который въ отрывистыхъ выраженіяхъ изображалъ всю силу мысли, всегда прекрасной, всегда правдивой, всегда привлекательной. Всего краснорѣчивѣе было его лицо, на которомъ являлось прежде словъ все то, что̀ онъ хотѣлъ выразить, точно какъ говорилъ Муръ о Байронѣ, что онъ похожъ на гипсовую вазу, снаружи которой нѣтъ никакихъ украшеній, но какъ скоро въ ней загорится огонь, то изображенія, изваянныя внутри хитрою рукою художника, обнаруживаются сами собою. Истина всегда краснорѣчива, и ея любимецъ, окруженный ея обаяніемъ и ею вдохновенный, часто убѣждалъ въ такихъ предположеніяхъ, которыхъ ни онъ дѣтскимъ лепетаніемъ своимъ не могъ еще объяснить, ни другихъ довольно вразумить; но онъ провидѣлъ ихъ и заставлялъ провидѣть другихъ.

Все, что̀ я зналъ о характерѣ и свойствахъ Рылѣева — я сказалъ. Обратимся къ его поэзіи. Многіе находятъ, что онъ не поэтъ, и что стихи его принадлежатъ болѣе къ области ума, нежели воображенія. У всякаго свой образъ воззрѣнія на предметы. Я согласенъ, что стихи Рылѣева съ механической стороны не могутъ назваться образцовыми; но, чтобы согласиться съ послѣднимъ, должно напередъ сказать, что̀ я почитаю поэзіею и потомъ дать свое мнѣніе о твореніяхъ этого человѣка.

По моему, всякой благородный поступокъ, каждая высокая мысль, каждое нѣжное ощущеніе и все, что̀ выходитъ изъ обыкновеннаго ряда нашихъ обыкновенныхъ дѣйствій — есть поэзія. Все, что̀ можетъ трогать сердце, наполнять и возвышать душу — есть поэзія.

Любовь, гнѣвъ, ненависть — суть страсти; но и религія, но и любовь къ отечеству также страсти, и ежели стихи заставляютъ трепетать ту струну нашего сердца, которую сочинитель намѣревался тронуть, въ такомъ случаѣ, каковъ бы ни былъ наружный видъ стиховъ — они поэзія. Я пойду далѣе. Часто случается, что вещи простыя сами по себѣ, въ примѣненіи къ случаю и обстоятельствамъ, дѣлаются

поэтическими: такъ, напримѣръ, извѣстная Швейцарская арія горныхъ пастуховъ, не заключающая въ себѣ ничего особенно музыкальнаго и слышимая ежедневно Швейцарцами въ ихъ родинѣ, не производитъ на нихъ никакого впечатлѣнія; но если тотъ же Швейцарецъ слышитъ ее вдалекѣ отъ своего отечества, тогда она становится для него совершенно поэтическою. Мнѣ случилось быть свидѣтелемъ восторга моихъ соотчичей, когда однажды, посѣтивъ Гибралтаръ и осматривая исполинскіе подвиги Англичанъ, пробившихъ эту поднебесную гору галлереями во всю ея высоту, мы, подъ облаками, на отдаленнѣйшемъ краю Европы, вдали отъ родины, вдругъ услышали голосъ и слова Русской пѣсни. Нельзя изъяснить этого чувствованія.

Теперь обратимся къ стихамъ Рылѣева. Единственная мысль, постоянная его идея была — пробудить въ душахъ своихъ соотечественниковъ чувствованіе любви къ отечеству. Такое намѣреніе уже само по себѣ носитъ отпечатокъ поэзіи, гдѣ бы оно ни было приведено въ исполненіе... Въ чемъ же другомъ заключается поэзія, какъ не въ пробужденіи отголоска на пѣсни ея въ нашемъ сердцѣ?

Я говорилъ о мысли, теперь скажу о исполненіи. Вообще Рылѣевъ тамъ вездѣ хорошъ, вездѣ высокъ, гдѣ онъ говоритъ отъ чувства; но вообще описанія его слабы, драматическая часть также. Доказательствомъ тому можетъ служить, что многія описанія суть подражанія, а драма часто взята цѣликомъ изъ другихъ авторовъ. Не смотря на это, поэма *Войнаровскій*, какъ важнѣйшее оконченное сочиненіе, по соображенію и ходу, стоитъ выше всѣхъ поэмъ Пушкина, оригинальнаго только въ *Цыганахъ*, хотя по стихосложенію никакъ не можетъ равняться ни съ самыми слабыми произведеніями сего поэта. Обаяніе Пушкина заключается въ его стихахъ, которые, какъ сказалъ одинъ рецензентъ, *катятся жемчугомъ по бархату*. Достоинство Рылѣева состоитъ въ силѣ чувствованій, въ жарѣ душевномъ. Переведите сочиненія обоихъ поэтовъ на иностранный языкъ и увидите, что Пушкинъ станетъ ниже Рылѣева. Мыслей послѣдняго нельзя утратить въ переводѣ; прелесть слога и очаровательная гармонія стиховъ перваго потеряется. Мнѣ кажется, что Пушкинъ самъ не постигъ примѣненія своего таланта и употребляетъ его не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Онъ ищетъ вѣрныхъ, красивыхъ, разительныхъ описаній, ловкости оборотовъ, гармоніи ласкающей ухо, и проходитъ мимо высокаго ощущенія, глубокой мысли. Даже въ другихъ ему болѣе нравится тоже. Когда Рылѣевъ напечаталъ *Войнаровскаго* и послалъ Пушкину экземпляръ, прося сказать о немъ свое мнѣніе, Пушкинъ прислалъ ему назадъ со сдѣланными на

поляхъ замѣчаніями и противу стиховъ истинно поэтическихъ, истинно прекрасныхъ, какъ, напримѣръ, когда, послѣ разсказа плѣннаго казака,

Мазепа горько улыбнулся,
Прилегъ, безмолвный, на траву
И въ плащъ широкій завернулся...

или, когда Мазепа говоритъ племяннику:

«Но чувствъ твоихъ я не унижу,
Сказавъ, что родину мою
Я болѣе, чѣмъ ты, люблю.
Какъ должно юному герою,
Люби страну своихъ отцовъ,
Женой, дѣтями и собою
Ты ей пожертвовать готовъ...
Но я, но я, пылая местью,
Ее спасая отъ оковъ,
Я жертвовать готовъ ей честью».

Послѣ сихъ и многихъ другихъ прекрасныхъ мѣстъ, или вовсе не замѣченныхъ, или едва отмѣченныхъ, мнѣніе Пушкина выражено слабо, тогда какъ при изображеніи палача, гдѣ Рылѣевъ сказалъ:

Ботъ засучилъ онъ рукава...

Пушкинъ вымаралъ это мѣсто и написалъ на полѣ: *продай мнѣ этотъ стихъ*!

Новыя сочиненія, начатыя Рылѣевымъ, носили на себѣ печать болѣе зрѣлаго таланта. Можно было надѣяться, что опытность на литературномъ поприщѣ, очищенныя понятія и бо́льшая разборчивость, подарили бы насъ произведеніями совершеннѣйшими. Жалѣю, что слабая моя память не можетъ представить яснаго тому доказательства изъ начатковъ *Мазепы* и *Хмельницкаго*. Изъ перваго нѣкоторые отрывки напечатаны; другой еще былъ, такъ сказать, въ пеленкахъ, но уже рожденіе его обѣщало впереди возмужалость таланта. Во всѣхъ публично изданныхъ сочиненіяхъ, какъто: *Думахъ*, *Войнаровскомъ*, *Гражданскомъ мужествѣ* и другихъ — цѣль Рылѣева обнаруживается въ приноровленіи, которое можетъ сдѣлать самъ читатель; но его другія сочиненія, писанныя для ходу въ рукописи, слишкомъ ясны, и сколь ни бездѣльны кажутся въ литературномъ отношеніи съ перваго взгляда (особенно пѣсни, составленныя имъ съ Александромъ Бестужевымъ на голосъ народныхъ подблюдныхъ припѣвовъ), но намѣреніе, съ которымъ писаны и вліяніе ими произведенное въ короткое время, слишкомъ значительны. Они были сдѣланы въ простонародномъ духѣ, были слишкомъ близки къ его состоянію, чтобы можно бы-

ло вытѣснить ихъ изъ памяти простолюдиновъ, которые видѣли въ нихъ вѣрное изображеніе своего настоящаго положенія и возможность улучшенія въ будущемъ. Съ другой стороны, одного преслѣдованія, безъ всякаго внутренняго убѣжденія, достаточно было для заманчивости сихъ легкихъ твореній, чтобы образованные люди пожелали сохранить ихъ.

Удаленнымъ отъ свѣта нельзя положительно сказать, что онѣ теперь въ ходу; но зная людей, зная, что однажды пріобрѣтенныя ими понятія, подобно дереву, которому садовникъ, желая сообщить произвольную форму, какъ ни сгибаетъ сучья, какъ ни обстригаетъ вѣтви, но они слѣдуютъ природному порядку и пускаютъ вверхъ свои отрасли — кажется трудно повѣрить, чтобъ этотъ *катихизисъ* простаго народа не роспространялся все болѣе. Въ самый тотъ день, когда исполнена была надъ нами сентенція, и насъ, морскихъ офицеровъ, возили для того въ Кронштадтъ, бывшій съ нами унтеръ-офицеръ морской артиллеріи сказывалъ намъ наизустъ всѣ запрещенныя стихи и пѣсни Рылѣева, прибавя, что у нихъ нѣтъ канонера, который, умѣя грамотѣ, не имѣлъ бы переписанныхъ этого рода сочиненій и особенно пѣсенъ Рылѣева *).

Нечего, кажется, напоминать читателю, что князь Оболенскій и Бестужевъ, по самой близости своей съ Рылѣевымъ, не могли дать о немъ отзыва вполнѣ безпристрастнаго и не въ силахъ были различить частнаго человѣка отъ дѣятеля политическаго. Высокія сердечныя достоинства Рылѣева не подлежатъ сомнѣнію: не даромъ Императоръ Николай Павловичъ излилъ свои милости на его семейство: не даромъ, въ 1853 году, заболѣвъ отъ огорченія по поводу извѣстной кражи Политковскаго, онъ воскликнулъ: «Конечно Рылѣевъ и друзья его со мною бъ такъ не поступили!» Но въ жизненномъ дѣлѣ Россіи слѣдовать пылу негодованія и подчиняться горячкѣ воображенія, но обольстить солдатъ и явиться съ ними на Сенатской площади — было конечно преступленіемъ государственнымъ. Въ крикахъ «Конституція!» и въ пониманіи ея народомъ за супругу Великаго Князя Константина Павловича заключается не только безпощадная историческая иронія, но и полнѣйшее осужденіе начинаній Рылѣева и людей имъ увлеченныхъ. *П. Б.*

*) Этимъ показаніемъ объясняются и оправдываются мѣры Императора Николая. *П. Б.*

ПО ПОВОДУ ВОСПОМИНАНІЙ О К. Ѳ. РЫЛѢЕВѢ.

Воспоминанія о К. Ѳ. Рылѣевѣ написаны Евгеніемъ Петровичемъ Оболенскимъ въ 1856 г. [1]). Въ нихъ, можетъ быть, вкрались нѣкоторыя неточности. Относительно мелкихъ подробностей могла измѣнить память, но личный характеръ автора вполнѣ ручается за добросовѣстность разсказа. Всѣ знакомые и товарищи Оболенскаго могутъ засвидѣтельствовать, что рѣдко встрѣчаются люди съ такимъ отсутствіемъ всякаго тщеславія и съ такимъ спокойнымъ взглядомъ на прошедшую жизнь. Кромѣ того ему не было никакого повода прикрашивать этотъ разсказъ, написанный только вслѣдствіе неотступныхъ настояній одного изъ друзей и вовсе не назначавшійся для печати.

Что̀ касается до воспоминаній о Рылѣевѣ Николая Александровича Бестужева, взятыхъ изъ его Записокъ, то они особенно важны, потому что написаны подъ вліяніемъ еще свѣжихъ впечатлѣній и передаютъ весьма живо понятія и чувства автора, неизмѣнившіяся еще подъ вліяніемъ ссылки [2]).

Какъ ни отрывочны воспоминанія о Рылѣевѣ Оболенскаго и Бестужева, но они любопытны уже потому, что біографическія свѣдѣнія объ этомъ замѣчательномъ писателѣ чрез-

---

[1]) Воспоминанія о Рылѣевѣ въ первый разъ были напечатаны въ 1861 г. съ нѣкоторыми измѣненіями противъ той подлинной рукописи автора, съ которой они печатаются теперь. Кромѣ *Воспоминаній* Е. П. Оболенскій написалъ вмѣстѣ съ И. П. Пущинымъ разсказъ о 14 Декабрѣ, извѣстный подъ именемъ *Записокъ Пущина*. Подъ этимъ ошибочнымъ названіемъ онъ указанъ и въ одной изъ статей Р. Архива (1870 г., стр. 1664). Разсказъ этотъ написанъ не по однимъ личнымъ воспоминаніямъ авторовъ, но и по свѣдѣніямъ, сообщеннымъ другими лицами, къ сожалѣнію невсегда вѣрнымъ.

[2]) Записки П. А. Бестужева написаны въ началѣ его ссылки. Въ концѣ 1832 года онѣ переданы были имъ Муханову, уѣзжавшему изъ Петровскаго Завода.

вычайно скудны, какъ скудны вообще свѣдѣнія о его времени.

Въ слѣдствіе продолжительнаго молчанія печати установились совершенно ошибочныя понятія о второй половинѣ царствованія Императора Александра I. Кому не случалось слышать мнѣніе, что тогда не было въ обществѣ либеральнаго движенія, а было только нѣсколько либеральныхъ людей? Подобное мнѣніе очевидно могло образоваться только потому, что разработка исторіи тогдашняго общества была вовсе невозможна въ продолженіи слишкомъ тридцати лѣтъ. Не только печатное слово не касалось этой запрещенной области, но и самый разговоръ объ ней считался опаснымъ. Послѣ 1825 г. страхъ, часто неосновательный, заставилъ многихъ уничтожить весьма важные матеріалы для исторіи этого времени. Въ слѣдствіе этого утратились мало по малу живыя преданія объ этой порѣ, и смыслъ ея затемнился до такой степени, что еще не давно приписывали людямъ этого времени мнѣнія, противъ которыхъ они съ увлеченіемъ ратовали всю жизнь. Такъ, въ печати не разъ высказывалась мысль, что декабристы были за отдѣленіе Западныхъ губерній отъ Россіи. Д. А. Кропотовъ, авторъ любопытной статьи «Нѣсколько свѣдѣній о Рылѣевѣ» (Рус. Вѣст. 1869 Мартъ) дѣлаетъ упрекъ въ этомъ не только декабристамъ, но и большинству общества. «Тогдашнее наше общество, говоритъ онъ, и даже высшія правительственныя сферы, совершенно были увлечены убѣжденіями Адама Чарторыйскаго въ необходимости возстановить Польшу въ предѣлахъ 1772 года. Эти убѣжденія были раздѣляемы и всѣми питомцами Германскихъ университетовъ: Пестелемъ, Сергѣемъ Муравьевымъ-Апостоломъ и Тургеневымъ. Возставали противъ этихъ убѣжденій весьма немногіе, большею частію Московскіе студенты, Карамзинъ и Михайло Муравьевъ [3]), въ послѣдствіи графъ; къ числу этихъ немногихъ принадлежалъ и Кондратій Рылѣевъ». Въ Р. Архивѣ (1870 г. стр. 1639 и 1640), было уже указано, до какой степени мнѣніе это неосновательно относительно Пестеля. Лица, знавшія близко С. И. Муравьева-Апостола и въ томъ числѣ братъ его М. И. Муравьевъ-Апостолъ, вполнѣ раздѣлявшій его политическія убѣжденія, не разъ высказывали мнѣ, что онъ былъ всегда противъ отдѣленія Западныхъ губерній. Что̀ касается до Тургенева, то въ своихъ Запискахъ онъ говоритъ, что не помнитъ, высказывалъ ли когда нибудь мнѣніе объ этомъ вопросѣ, такъ

[3]) М. И. Муравьевъ (въ послѣдствіи графъ, въ то время членъ тайнаго общества) конечно не расходился въ убѣжденіи по этому вопросу съ декабристами. Ихъ раздѣлили, и то нѣсколько позже, вовсе не политическія убѣжденія, а различіе нравственныхъ силъ и нравственнаго уровня.

какъ онъ не вѣрилъ въ самое существованіе предположеній, приписываемыхъ Императору [4]). Мнѣніе это совершенно неосновательно и относительно большинства тогдашняго общества. Записки современниковъ свидѣтельствуютъ напротивъ, что мысль о возстановленіи Польши, въ границахъ 1772 г., была встрѣчена обществомъ крайне неблагопріятно, и что особенно были возмущены ею декабристы [5]). По словамъ Донесенія Слѣдственной Коммиссіи, письмо кн. Трубецкаго, извѣщавшее о предположенномъ присоединеніи къ Польшѣ Западныхъ губерній, произвело на членовъ Тайнаго Общества [6]) невѣроятное впечатлѣніе.

Личность Рылѣева, какъ писателя, можетъ быть вполнѣ понята только тогда, когда будетъ представлена ясная картина его времени. Умственное движеніе, проявившееся въ Россіи съ особенной силой послѣ 1812 г. и находящееся въ тѣсной связи со всею предшествовавшею исторіею Русскаго общества, еще недавно считалось какою-то непонятною загадкою, — явленіемъ, несвязаннымъ ничѣмъ съ прошедшимъ и неоставившимъ послѣ себя никакихъ замѣтныхъ слѣдовъ. Только въ послѣднее время стали печататься историческіе матеріалы, проливающіе нѣкоторый свѣтъ на это таинственное время, и сочиненія, разъясняющія его значеніе. А. Н. Пыпинъ, въ превосходной книгѣ своей «Очерки общественнаго движенія при Александрѣ I-мъ», первый указалъ на связь общественнаго движенія, совершавшагося въ ту пору, съ внутреннею исторіею нашего собственнаго времени. Ярко освѣтивъ нѣкоторыя стороны тогдашней жизни, авторъ едва коснулся другихъ отчасти по недостатку историческаго матеріала, отчасти вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій, въ которыхъ до сихъ поръ находятся историческія изслѣдованія. Такъ, въ этой замѣчательной книгѣ, едва очерчено то литературное направленіе, лучшимъ представителемъ котораго былъ Рылѣевъ.

Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ до сихъ поръ изданія сочиненій Рылѣева. Оно познакомило бы, лучше всякихъ біографій, съ личностію автора и съ однимъ изъ литературныхъ направленій двадцатыхъ годовъ. Къ изданію этому, кажется, не можетъ быть никакихъ препятствій. Правда, Рылѣевъ былъ признанъ судомъ государственнымъ преступникомъ и понесъ наказаніе, но въ его напечатанныхъ сочиненіяхъ нѣтъ ничего преступнаго. Стихотворенія его, проникнутыя глубокимъ человѣческимъ и патріотическимъ чувствомъ, были

---

[4]) Записки Тургенева, стр. 72.

[5]) Записки Тургенева. Зап. Якушкина.

[6]) Въ числѣ членовъ, присутствовавшихъ на совѣщаніи, названъ и Сергѣй Муравьевъ.

напечатаны подъ надзоромъ строгой цензуры; въ настоящее время они не могутъ, ни въ какомъ случаѣ, считаться ни опасными, ни вредными. Точно также и неизданныя сочиненія Рылѣева, за исключеніемъ весьма немногихъ, могли бы быть пропущены самымъ строгимъ цензоромъ. Считаю не лишнимъ указать тѣ изъ нихъ, которыя мнѣ извѣстны.

I. Почти всѣ неизданныя стихотворенія Рылѣева написаны между 1814 и 1821 годами. По стиху и содержанію онѣ напоминаютъ нѣкоторыя мелкія стихотворенія его, напечатанныя въ Невскомъ Зрителѣ. Только немногія неизданныя стихотворенія (1824 — 1825 г.) отличаются высокимъ поэтическимъ достоинствомъ [7]). Нѣкоторыя стихотворенія неправильно приписываются Рылѣеву. Одно изъ нихъ указано П. А. Ефремовымъ въ Русской Старинѣ (1871 г. кн. I стр. 72). Съ подписью Рылѣева, въ рукописныхъ сборникахъ, часто встрѣчается стихотвореніе «Я слышалъ смертный приговоръ» (Гласъ осужденнаго въ темницѣ) и даже съ отвѣтомъ на него Императора Николая I-го. Кромѣ того Рылѣеву приписываютъ стихи, сказанные будто бы имъ на эшафотѣ и стихотвореніе, написанное въ крѣпости на оловянной тарелкѣ. Принадлежность послѣдняго Рылѣеву, болѣе чѣмъ сомнительную, подтверждалъ одинъ изъ его товарищей по заключенію; но внутренній смыслъ этого стихотворенія вовсе не согласенъ съ тогдашнимъ направленіемъ мыслей Рылѣева и съ настроеніемъ его духа въ крѣпости. Что́ касается до стиховъ, сказанныхъ на эшафотѣ, то они, во всякомъ случаѣ, не могутъ принадлежать Рылѣеву, такъ какъ положительно извѣстно, что онъ на эшафотѣ не говорилъ никакихъ стиховъ. Рылѣевъ вмѣстѣ съ А. А. Бестужевымъ написалъ нѣсколько пѣсенъ политическаго содержанія. Немногія изъ нихъ отличаются литературнымъ достоинствомъ. Назову изъ нихъ двѣ наиболѣе распространенныя въ свое время: «По улицѣ мостовой» и «Кузнецъ».

II. Изъ прозаическихъ сочиненій болѣе другихъ замѣчательны письма, написанныя Рылѣевымъ къ женѣ изъ крѣпости [8]). Сами по себѣ, онѣ дадутъ бѣдный матеріалъ для будущаго біографа, но освѣщенныя сохранившимися пре-

---

[7]) Стихотвореніе, начинающееся стихами:

Я-ль буду, въ роковое время,
Позорить гражданина санъ....

кажется должно считаться послѣднимъ, написаннымъ имъ на свободѣ. По словамъ И. И. Пущина, въ бумагахъ котораго сохранился подлинникъ этихъ стиховъ, они написаны въ Декабрѣ 1825 г.

[8]) Изъ нихъ только одно послѣднее было напечатано въ статьѣ Д. А. Кропотова; оно приводится также Е. П. Оболенскимъ въ его Воспоминаніяхъ.

даніями и разсказами современниковъ, они получаютъ не только важное біографическое, но и историческое значеніе. Кромѣ того сохранилось нѣсколько писемъ къ роднымъ и письма къ Пушкину, любопытная и обширная переписка котораго къ сожалѣнію до сихъ поръ не вошла въ изданіе его сочиненій.

III. Въ рукописныхъ сборникахъ встрѣчается статья: «Возмущеніе стараго лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка», приписываемая Рылѣеву. Положительныхъ доказательствъ, что она принадлежитъ ему, я не имѣю. Она не сохранилась въ его бумагахъ, ни отъ одного изъ его близкихъ знакомыхъ я не слыхалъ объ этой статьѣ; но ежели она написана и другимъ лицемъ, то высказанныя въ ней мысли принадлежали несомнѣнно Рылѣеву и тому кружку, который собирался вокругъ него. Въ этомъ отношеніи она представляетъ много любопытнаго; не менѣе любопытны и нѣкоторыя фактическія свѣдѣнія сообщаемыя ею. — «Такъ называемое возмущеніе Семеновскаго полка», говорится въ этой статьѣ, «удивило многихъ, потому что ничего подобнаго въ Россійской арміи не было. Не могли его предвидѣть тѣ, которые съ презрѣніемъ смотрятъ на людей, обязанныхъ повиноваться. По несчастію не всегда власть соединена съ умѣньемъ. При началѣ всякаго постановленія имѣютъ въ виду пользу, которую благоразумными мѣрами доставляютъ; но въ послѣдствіи страсть, или неразумѣніе, или невѣжество, а часто все это вмѣстѣ, заставляя переступать границы умѣренности и благоразумія, изъ полезнаго начали извлекать вредныя и гибельныя послѣдствія. Съ военною дисциплиною, требующею безпрекословнаго повиновенія, власть сдѣлала тоже. Благоразумные начальники обнаруживали власть свою рѣдко и только въ военныхъ случаяхъ, и тогда ее истинно почитали, но вдругъ начальникамъ пришла мысль превратить войско въ машину пріятную глазамъ. Чтобы дойти до сей цѣли, предположили какую-то пользу, никого въ ней не увѣрили, и въ замѣнъ убѣжденія употребили власть! Люди ограниченные и низкіе съ радостью приняли на себя исполненіе высшей воли: первые, потому что нашли дорогу по себѣ, вторые — потому что всякая воля имъ законъ. Сихъ людей искали, поддерживали, возвышали. Въ замѣну требуемыхъ услугъ прощали видимые недостатки, какъ-то: грубость, непросвѣщенье, алчность къ деньгамъ! Они не имѣли понятія о достоинствахъ человѣка, стали съ людьми поступать какъ съ животными и дѣлались жестокими. Возвышеннаго духа въ подчиненныхъ боялись и стремились истребить его. Большая власть, имъ данная, сдѣлала ихъ страшными, а неотвѣтственность, ненаказанность произвела несправедливость. Люди все терпятъ: труды,

болѣзни, самое униженье, но несправедливость производитъ негодованіе, и при возможности мщеніе! Давно уже Нѣмецкая дисциплина, усовершенствованная Фридрихомъ и состоящая въ томъ, чтобы лишить разсужденія всѣхъ подчиненныхъ и подчинить ихъ себѣ, тяготила Русское войско. Гвардія, обязанная быть примѣромъ арміи, и всегда въ глазахъ Государя, болѣе всѣхъ отъ оной страдала, но еще наблюдали осторожность. Начальники, которые еще дорожили любовью подчиненныхъ, и будучи сами болѣе воинами, нежели придворными, не старались обременять иго и безъ того тяжелое. Сей порядокъ не понравился, — трудно рѣшить почему!»

Далѣе идетъ разсказъ о назначеніи Васильчикова начальникомъ гвардіи и Шварца командиромъ Семеновскаго полка, — Шварца «начальника армейскаго полка, въ которомъ онъ оставилъ послѣ себя незабвенную память (погостъ назвали его именемъ)».

Пропускаю разсказъ о самой Семеновской исторіи, такъ какъ онъ сообщаетъ подробности болѣе или менѣе уже извѣстныя [9]).

«На другой день Васильчиковъ, изъ предосторожности, положилъ полкъ раздѣлить на части и разослать по разнымъ городамъ. Для сего снова всѣ генералы съѣхались въ крѣпость уговаривать солдатъ раздѣлиться. Они долго не соглашались, наконецъ просьбы и увѣренія Милорадовича подѣйствовали. Еще полагаясь на высшее правосудіе, они покорились судьбѣ своей. Второй батальонъ рѣшились отослать въ Кексгольмъ, 3-й моремъ въ Свеаборгъ, а 1-й, для производства надъ нимъ военнаго суда, оставить въ крѣпости».

«Третій баталіонъ, отправившійся сухимъ путемъ въ Кексгольмъ, дошелъ довольно хорошо, потерпѣвъ только отъ наставшей погоды и сильнаго морозу, ибо имъ не дали времени взять ничего теплаго. Второй, отправленный моремъ въ Свеаборгъ, былъ гораздо несчастливѣе. Ихъ въ Кронштадтѣ не приняли, потому что повелѣніе было тотчасъ отправить баталіонъ въ путь; но какъ мореплаваніе уже кончилось и готовыхъ судовъ не было, на нихъ же ничего кромѣ плащей не было, то многіе перемерли отъ простуды.

---

[9]) Почти во всѣхъ разсказахъ о Семеновской исторіи встрѣчается неправильное указаніе относительно П. Я. Чаадаева; оно повторяется и въ статьѣ М. П. Богдановича «Безпорядки въ Семеновскомъ полку», помѣщенной въ Вѣстникѣ Европы (Ноябрь 1870 г. стр. 71). Чаадаевъ, принятый Государемъ, говорится въ ней, не столь благосклонно, какъ ожидалъ, и отправленный на другой день по пріѣздѣ въ Троппау, подалъ въ отставку и получилъ ее». — Это совершенно несправедливо: Государь такъ благосклонно принялъ Чаадаева, что распространился слухъ о назначеніи его флигель-адъютантомъ. П. Я. Чаадаевъ разсказывалъ, что онъ самъ былъ убѣжденъ въ этомъ и, не желая получить награды за Семеновскую исторію, вышелъ въ отставку. Слова его подтверждаются разсказомъ о Семеновской исторіи И. Д. Якушкина.

другіе отъ духоты, нѣкоторые отъ недостатка пособій. Наконецъ ужасные три дня кончились: ихъ посадили на поспѣвшіе три фрегата и отправили въ Свеаборгъ. Поднявшаяся буря раздѣлила корабли и отбросила одинъ въ Ревель, а о другомъ долго не знали, гдѣ онъ. — Причина, заставившая Васильчикова, поступить столь жестокимъ образомъ съ людьми, которыхъ онъ, ежели не въ бумагѣ Императору, то въ душѣ еще болѣе признавалъ невинными, было одно желаніе оправдать себя, показавъ ихъ Государю бунтовщиками, которыхъ опасно въ городѣ держать. Не могъ онъ сказать, что поступаетъ такимъ образомъ для примѣра, потому что, по словамъ сей же бумаги, примѣръ ослушанія Семеновскаго полка имѣлъ болѣе хорошее, чѣмъ дурное вліяніе на прочія войска. Если онъ не достигъ цѣли, то покрайней мѣрѣ нельзя сказать, чтобы его остановилъ выборъ средствъ».

«Въ столицѣ между тѣмъ уныніе и ропотъ были всеобщіе. Гвардейскіе полки грозили вступиться за товарищей. Находили подброшенныя прокламаціи. Люди, одни тронутые бѣдственнымъ положеніемъ солдатъ, другіе по одному желанію перемѣны, поджигали неудовольствіе. Жители опасались возмущенія. Полки переведены были для ночныхъ разъѣздовъ; многихъ хватали по улицамъ и воинскимъ судомъ угрожали. Полиція скакала съ необыкновенною дѣятельностью и разгоняла толпы народныя. Семеновскія казармы опустѣли и затихли: одни жены и дѣти останавливали толпы прохожихъ со слезами и спрашивали, не знаютъ ли объ участи мужей и отцевъ; разсказывали жестокость Шварца и подробности происшествія, какъ-бы утѣшаясь извѣстностію въ наказаніи несправедливости. Крѣпость, въ которой томились несчастные остатки прекраснѣйшаго полка, наводила мрачный ужасъ и содроганіе за узниковъ; страшились всего, что̀ можетъ выдумать мщеніе и сокрыть мракъ».

«Родственники отправленныхъ офицеровъ не имѣли объ нихъ никакого извѣстія и, почитая ихъ погибшими, въ извинительной горести обвиняли Васильчикова. Милорадовичь вездѣ говорилъ, что въ ногахъ у Государя будетъ просить его выслушать, доказывалъ всѣмъ извѣстную ненависть къ Семеновцамъ и поджигалъ общее справедливое негодованіе на корпуснаго командира».

«Все общество раздѣлилось. Большая часть поддерживала Милорадовича; меньшая защищала Васильчикова; нѣкоторые заступались даже за Шварца, котораго уже на третій день отыскали».

По словамъ автора, положеніе всѣхъ было нерѣшительное. Никто не зналъ мнѣнія Государя, и всѣ ожидали его съ равнымъ нетерпѣніемъ, потому что уже всякій объявилъ свое.

«Вдругъ указъ Императора рѣшилъ неизвѣстность, прекратилъ споры и судъ, наложилъ молчаніе на мнѣнія и удивилъ всѣхъ скоростью и неожиданностью приговора. Симъ указомъ повелѣно: всѣхъ нижнихъ чиновъ раскасировать, офицеровъ перевести обыкновеннымъ порядкомъ въ армейскіе полки, а 1-й баталіонъ и Шварца предать военному суду».

«Офицеры тотчасъ получили повелѣніе развести порученные имъ отряды по назначеннымъ полкамъ. Какъ будто желая усугубить мученія солдатъ, провели ихъ въ виду Петербурга, но зайдти не позволили. Въ самомъ городѣ ихъ жены и дѣти, которыхъ выслали, представляли зрѣлище не менѣе горестное, но болѣе плачевное: въ стужу, въ сырость ихъ спѣшили гнать толпами; полупагія женщины съ грудными младенцами и дѣти воплемъ и рыданіемъ оглашали воздухъ. Напрасно просили нѣсколько часовъ сроку, чтобы забрать свои пожитки, напрасно больные и слабые молили о помощи. Само Небо казалось отъ нихъ отступилось и предало на жертву жестокости, властолюбію и мщенію».

«Нѣкоторые офицеры бывшаго Семеновскаго полка явились точно достойными своего званія. Одинъ изъ нихъ подпоручикъ М..., по многократномъ представленіи, что у людей нѣтъ сапоговъ и получивъ въ отвѣтъ, что его дѣло вести, а не представленія дѣлать, употребилъ свои 2000 и дошилъ сапоги имъ. Въ извиненіе многихъ и къ оправданію нѣкоторыхъ, должно сказать, что сдѣлали бы тоже, но не имѣли способовъ».

«Участь сихъ несчастныхъ рѣшилась, но оставались юнкера. Не знали, къ какому классу ихъ причислить. Въ приказѣ сказано: нижнихъ чиновъ перевести въ разные полки, также и офицеровъ, но обыкновеннымъ переводомъ т. е. съ повышеніемъ. Такъ какъ юнкера дворяне, то ихъ на дѣлѣ никогда не смѣшивали съ нижними чинами, тѣмъ болѣе, что, прослужа въ гвардіи подпрапорщиками, имѣли право выходить въ армію офицерами. Васильчиковъ сдѣлалъ объ этомъ запросъ, но получилъ выговоръ за то, что осмѣлился разсуждать, и повелѣніе поступать по словамъ закона. Юнкеровъ перевели тѣми же чинами, вскорѣ однакожъ почувствовали ошибку и безполезную несправедливость и отдали имъ чины. Сей случай, самъ по себѣ ничтожный, ясно доказываетъ, сколь мало Васильчикова уважали».

Далѣе разсказываются послѣдствія Семеновской исторіи. Васильчиковъ читалъ приказъ во всѣхъ полкахъ. — Нѣкоторыхъ приказъ возмущалъ, другіе (Конногвардейскій и Павловскій) полки привѣтствовали его криками: ура! Васильчиковъ кромѣ того говорилъ рѣчь офицерамъ: доказывалъ вредныя слѣдствія свободомыслія и угрожалъ, что со-

всѣми будетъ тоже, что̀ съ Семеновцами. Потомъ онъ собралъ генераловъ и, обратясь къ Розену и Потемкину, которые болѣе прочихъ противъ него возставали, приказалъ имъ теперь молчать, потому что самъ Государь былъ съ нимъ одного мнѣнія. На инспекторскомъ смотру, онъ принималъ уже жалобы отъ солдатъ (чего прежде не дѣлалъ), а командирамъ совѣтовалъ быть осторожнѣе. И начальники, и солдаты были поставлены такимъ образомъ въ положеніе двусмысленное.—Послѣдствіемъ Семеновской исторіи, строгости показанной надъ полкомъ, и боязни, чтобы въ гвардіи не повторилось происшествіе, взволновавшее войска и столь непріятное Государю,—было совершенное ослабленіе дисциплины».

«Солдаты тотчасъ почувствовали, говоритъ авторъ статьи, перемѣну обращенія и начали узнавать права свои, которыя однимъ были отняты, другими забыты. Случилось, что̀ обыкновенно при семъ случается: одни начали требовать, а другіе не хотѣли уступить; одни свергали иго, другіе не умѣли его упрочить. Желаніе порядка новаго съ привычкой къ старому боролись. Волненіе было сильное». «Трудно было предположить, чѣмъ все это могло кончиться; часъ отъ часу броженіе умножалось. Вдругъ объявленъ походъ».

Походъ былъ объявленъ для того, чтобы, занявъ умы, потушить броженіе, обнаружившееся въ войскѣ.«—Цѣль его впрочемъ недолго оставалась тайною. Солдаты роптали; говорили: мы идемъ бить невидимку. Офицеры, вовлеченные въ значительные расходы, не предвидѣли ничего кромѣ скуки, досадовали и не всегда были скромны.

«Всѣ сіи причины, продолжаетъ авторъ, соединясь, заставили скорѣе вывести гвардію, нежели думали, а безъ нихъ вѣроятно бы ее только пугали походомъ».

«Теперь 60 тысячъ отборнаго войска разсыпаны по всей Польшѣ, безпрестанно заняты и ничего не дѣлаютъ, угнетены безполезными трудами и лишены надежды видѣть когда нибудь сему конецъ».

«Вотъ положеніе солдатъ! Офицеры, можетъ быть, еще несчастнѣе: всякій изъ нихъ получилъ образованіе и готовился употребить оное въ свою пользу, а теперь лишены всякаго упражненія, удалены отъ людей разсуждающихъ, раздѣлены между собою, обречены составлять часть будущей машины и отданы на жертву скукѣ и разврату».

«Вотъ положеніе цвѣтущаго юношества въ Россіи!»

«Спросятъ: для чего они служатъ въ военной службѣ? Отвѣчать немудрено. Недостатокъ просвѣщенія, покоряющій ихъ привычкамъ, а не разсудку, молодость начинающихъ службу, презрѣніе ко всякому другому сословію и большія выгоды, предоставленныя тѣмъ, которые выбьются!».

До двадцатыхъ годовъ было только два рода службы, уважаемыхъ дворянствомъ: военная и дипломатическая. Послѣдняя не могла быть доступною для всѣхъ, поэтому большинство дворянъ поступало въ военную службу. На Н. И. Тургенева, не избравшаго ни того ни другаго поприща, смотрѣли тогда, какъ на чудо. Въ послѣдствіи взглядъ на службу измѣнился, къ чему немало способствовало открытіе Царскосельскаго Лицея, этого дворянскаго заведенія, учрежденнаго для образованія дѣтей, особенно предназначенныхъ къ важнымъ частямъ государственной службы.

Лицей былъ собственно гражданскимъ воспитательнымъ заведеніемъ, но въ слѣдствіе понятій, господствовавшихъ въ обществѣ, предоставлено было желающимъ выходить въ военную службу. Изъ 29 воспитанниковъ перваго выпуска 11 вышли въ офицеры, одинъ во флотъ. Первое противодѣйствіе исторически сложившимся понятіямъ общества о дворянствѣ, какъ о сословіи служиломъ и преимущественно военномъ, встрѣчается въ томъ либеральномъ кружкѣ, къ которому принадлежалъ Рылѣевъ. Декабристы смотрѣли на службу какъ на средство занять высшія мѣста и усилить свое вліяніе, и въ этомъ отношеніи военная служба имѣла для нихъ важное значеніе; но во всякомъ случаѣ они не ставили ее такъ высоко, какъ современное имъ общество. Рылѣевъ промѣнялъ военную службу—на службу въ Американской Компаніи. Одинъ изъ его близкихъ друзей, П. П. Пущинъ, которому на выходѣ во дворцѣ сдѣлано было замѣчаніе, что у него не по формѣ навязанъ темлякъ у шпаги, на другой же день подалъ въ отставку, не смотря на всѣ убѣжденія родственниковъ. Онъ хотѣлъ принять одну изъ низшихъ полицейскихъ должностей, на которыя смотрѣли тогда съ величайшимъ презрѣніемъ, и только мольбы и слезы родныхъ, выразившихъ полное отчаяніе, остановили принятое имъ намѣреніе; онъ поступилъ вскорѣ на службу въ Москвѣ, въ Надворный Судъ.

IV. Замѣчанія Рылѣева на проэктъ Н. М. Муравьева. Отрывочныя замѣтки на этотъ малоизвѣстный проэктъ не могутъ быть поняты безъ текста самаго проэкта [10]), и потому я ограничусь указаніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Н. М. Муравьевъ считалъ необходимымъ ввести цензъ. Избирателями, по его мнѣнію, могли быть тѣ, которые владѣютъ недвижимымъ имѣніемъ не менѣе 250 фунтовъ серебра или движимымъ не менѣе 500 фунтовъ чистаго серебра. Право на избраніе могли имѣть лица, владѣющія недвижимымъ имѣніемъ цѣною не менѣе 1500 фунтовъ чистаго серебра или

[10]) Онъ состоитъ изъ 134 статей, и полный текстъ его занялъ бы болѣе двухъ печатныхъ листовъ.

движимымъ цѣною не менѣе 3000 фунтовъ чистаго серебра. Мнѣніе Муравьева было совершенно противно демократическимъ убѣжденіямъ Рылѣева. Онъ дѣлаетъ на него энергическое возраженіе, которое кончаетъ словами: «это не согласно съ законами нравственными».

Другая замѣтка касается надѣленія крестьянъ землею. Всѣ декабристы, сколько мнѣ извѣстно, признавали необходимость освобожденія крестьянъ, и нѣкоторые изъ нихъ (какъ напр. Н. И. Тургеневъ) совершенно основательно считали, что безъ освобожденія невозможенъ никакой значительный общественный успѣхъ въ Россіи. Относительно же способовъ освобожденія мнѣнія были различны. Одни высказывали самый широкій взглядъ на владѣніе землею (Пестель и нѣкоторые члены Южнаго Общества), который казался другимъ утопическимъ. Освобожденіе крестьянъ безъ земли представлялось для нихъ немыслимымъ. Другіе были за личное освобожденіе крестьянъ и считали освобожденіе съ землею невозможнымъ. Третьи, и въ томъ числѣ Н. М. Муравьевъ, думали, что крестьяне должны получить въ собственность только дома и огороды; остальная же земля должна остаться за помѣщиками или за государствомъ (въ имѣніяхъ экономическихъ и удѣльныхъ).

Изъ замѣтки Рылѣева видно, что онъ былъ за надѣленіе крестьянъ не только огородною, но и полевою землею. Какъ та, такъ и другая, должны были поступить въ ихъ собственность.

Е. Я.

ИЗЪ БУМАГЪ РЫЛѢЕВА *).

I. ПИСЬМО РЫЛѢЕВА КЪ СВОЕМУ ОТЦУ ИЗЪ КАДЕТСКАГО КОРПУСА.

Дражайшій родитель!

Вотъ уже почти три года, какъ не имѣю я объ васъ никакихъ извѣстій. Много писалъ писемъ, но не получалъ на оныя ни одного отвѣта. Конечно, болѣзнь или какое нибудь другое злосчастное обстоятельство, думалъ я, вамъ то воспрещаетъ; старался освѣдомиться объ васъ; — былъ у генерала Сергѣева, который принялъ меня какъ роднаго сына и успокоилъ въ разсужденіи васъ. Я восхищался, что нашелъ такого человѣка, который будетъ увѣдомлять меня о моемъ родителѣ — но, недолго. Скоро принужденъ былъ я лишиться и его! — онъ уѣхалъ въ Казань. Послѣ его отбытія, спѣшу къ вамъ писать, но тщетно, отвѣту нѣтъ!— Я рѣшился не писать до тѣхъ поръ, пока точно не узнаю, гдѣ вы находитесь; не писалъ болѣе года, но нужда снова меня принудила взяться за перо.— Та минута, которую достичь жаждалъ я, не менѣе какъ и райской обители священнаго Эдема, но которую умъ мой, устрашенный философами, желалъ бы отдалить еще на время, быстро приближается. Эта минута — есть переходъ мой въ волнуемый страстями міръ. Шагъ безспорно важный, но вѣрно не столь опасный,

*) Бумаги эти были принесены въ даръ Чертковской библіотекѣ въ 1863 году тогдашнимъ предводителемъ Острогожскаго дворянства г. Фирсовымъ. Рылѣевъ воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ съ 23 Янв. 1801 по 10 Февр. 1814 года, когда былъ выпущенъ въ первую резервную артиллерійскую бригаду. (Р. Вѣстн. 1869, Мартъ, стр. 230). *П. Б.*

какимъ представили его моему воображенію мудрецы, безпрестанно вопіющіе противу разврата, обуревающаго міръ сей. — Такъ, любезный родитель, я знаю свѣтъ только по однѣмъ *книгамъ*, и онъ представляется уму моему страшнымъ чудовищемъ, но сердце видитъ въ немъ тысячи питательныхъ для себя надеждъ. Тамъ разсудку моему представляется бѣдность во всей ея наготѣ, во всей ея обширности и горестномъ ея состояніи; но сердце показываетъ эту же самую бѣдность въ *златыхъ цѣпяхъ вольности и дружбы*, и она кажется мнѣ не въ бѣдной хижинѣ и не на соломенномъ одрѣ, но въ позлащенныхъ чертогахъ, возлежащею на мягкихъ пуховикахъ, въ нѣгѣ и удовольствіи. Тамъ, въ свѣтѣ, умъ мой видитъ рядъ непрерывныхъ бѣдствій — и ужасается. Несчастія занимаютъ первое мѣсто, за ними слѣдуютъ обманы, грабительства, вѣроломства, развратъ и такъ далѣе. Устрашенное мое воображеніе и разсудокъ мой съ трепетомъ гласятъ мнѣ: «Заблужденный молодой чело«вѣкъ! Развѣ ты не видишь, чего желаешь съ такимъ безмѣ«ріемъ. Ты стремишься въ свѣтъ — но посмотри, тамъ «гибель ожидаетъ тебя. Посмотри, тамъ бездны изрыты на «каждомъ шагу твоемъ, берегись низринуться въ нихъ. — «Безразсудный! въ свѣтѣ каждая минута твоя будетъ отрав«ляема горькимъ страхомъ, и ты не насладишься жизнію. «Хотя бы ты проходилъ свѣтъ ощупью, но не избѣгнешь «несчастія — скрытныя сѣти вовлекутъ тебя въ оныя, и ты погибнешь». Такъ говоритъ мнѣ умъ, но сердце, вѣчно съ нимъ соперничествующее, учитъ меня противному: «Пди «смѣло, презирай всѣ несчастія, всѣ бѣдствія и если оныя «постигнутъ тебя, то переноси ихъ съ истинною твердостію, «и ты будешь героемъ, получишь мученическій вѣнецъ «и вознесешься превыше человѣковъ». — Тутъ я восклицаю: «Быть героемъ, возвестись превыше человѣчества! Какія «сладостныя мечты! О! я повинуюсь сердцу». — Разберемъ теперь, кому истинно должно повиноваться, уму или сердцу? — Первый бываетъ всегда важенъ, разбирателенъ, строгъ, осудителенъ, всѣ почти человѣческія страсти и предпріятія охуждаетъ безжалостно; свѣтъ для него есть обиталище разврата и пустыня необозримая, гдѣ не находитъ онъ ни единаго человѣка, между тѣмъ какъ онъ съ избытомъ наполненъ ими. — Сердце же напротивъ того видитъ въ немъ однѣ радости и всегда готово ими наслаждаться, не утомляя себя скучными разбирательствами; строгость его непричастна; оно снисходительно ко всѣмъ, много хвалитъ и никого не осуждаетъ; для него свѣтъ — прелесть, въ коемъ вездѣ видна добродѣтель и порокъ изрѣдка показывается въ немъ, такъ какъ туманное облако въ ясный день. И люди кажутся сердцу любезными существами.—Вотъ какъ судитъ

о свѣтѣ сердце и какъ судить о немъ умъ. Или лучше сказать, что такъ судятъ о немъ мудрецъ и свѣтскій человѣкъ. Слѣдовать первому—есть быть человѣко-ненавидцемъ, людей не считать людьми и искать ихъ, при свѣтѣ яснаго дня, съ фонаремъ. Но поступай такъ, и ты будешь счастливъ: бѣдствіе никогда, никогда не постигнетъ тебя.—Но соразмѣрно ли силамъ человѣческимъ принять методу мудрецовъ? Не лучше ли любить своего ближняго съ нѣжною дружбою, не раздражать его самолюбія, не хулить чужихъ поступковъ, и злоба ихъ никогда не коснется тебя, ты будешь также счастливъ: хотя счастіе будетъ и зыблемо, хотя ты падешь въ бѣдствіи, но другъ утѣшитъ тебя въ твоей горести, ты найдешь отраду въ его сострадапіи, и возвращеніе твое къ счастію будетъ непзъяснимо пріятно и съ рукоплесканіями твоихъ друзей. Мы должны всѣ умереть, но опять возстанемъ для блаженства, предъ коимъ ничтожнее было — ничто.

Вотъ, любезный родитель, мои мысли, вотъ мои правила, плоды наставленій и размышленій собственнаго разума, коимъ и слѣдовать я намѣренъ. — Отечество наше потерпѣло отъ врага вселенной, нуждалось въ воинахъ, кои и были собраны. Изъ нашего корпуса были нынѣшній годъ три выпуска, въ кои выбыло кадетъ до 200; да нынѣ выходитъ человѣкъ 160. Слышно, что будетъ выпускъ въ Маѣ мѣсяцѣ будущаго 1813-го года. Мои лѣта и нѣкоторый успѣхъ въ наукахъ даютъ мнѣ право требовать чинъ офицера артиллеріи, чинъ плѣняющій молодыхъ людей до безумія и который мнѣ также лестенъ, но ничѣмъ другимъ, какъ только тѣмъ, что буду имѣть я счастіе пріобщиться къ числу защитниковъ своего Отечества. Царя и Алтарей земли нашей, пріобщиться и возблагодарить Монарха кроткаго, любезнаго, чадолюбиваго, за тѣ попеченія, которыя были восприняты обо мнѣ, во все время долголѣтняго пребыванія моего въ корпусѣ. — Такъ, любезный родитель, любезны для меня виновники благъ, коими наслаждался я во младенчествѣ; мила для меня страна, гдѣ родились моя мать и отецъ и въ коей я самъ родился; несказанно пріятна для меня вѣра, которую исповѣдуютъ мои родители, въ коей и я воспитывался. Обожаю я Монарха нашего, потому что печется объ подданныхъ своихъ, какъ отецъ, обожающій чадъ своихъ и какъ Царя, надъ ними Богомъ поставленнаго! — Хочу возблагодарить Его; но чѣмъ же и гдѣ мнѣ его возблагодарить? Чѣмъ, какъ не мужествомъ и храбростію на полѣ славы. Я буду проситься въ конную артиллерію, ибо вообще конная служба мнѣ нравится. Въ Маѣ изъ первыхъ чиселъ вѣрно будетъ выпускъ. Вотъ почему — опять велѣно набирать рекрутовъ въ 500 по 8; почему можно безошибочно заключать, что и насъ потребуютъ, болѣе же потому, что

въ арміи недостаетъ офицеровъ покрайней мѣрѣ до двухъ тысячъ, не смотря на то, что много было выпущено. Почему, любезный родитель, прошу вашего родительскаго благословенія, такъ и денегъ нужныхъ для обмундировки. Вамъ небезъизвѣстно, что ужасная нынѣ дороговизна на всѣ вообще вещи, почему нужны и деньги сообразныя нынѣшнимъ обстоятельствамъ. Два мундира, сюртукъ, трое панталонъ, жилетки три, рейтузы, хорошенькая шинель, шарфъ серебряный, киверъ съ серебряными кишкетами, шпага или сабля, шляпа или шишакъ, конфедератка, тулупъ и прочее требуютъ покрайней мѣрѣ тычячи полторы; да съ собою взять рублей до пяти сотъ, а не то придется ѣхать ни съ чѣмъ. Надѣюсь, что виновникъ бытія моего не заставитъ долго дожидаться отвѣта и пришлетъ нужныя мнѣ деньги къ Маю мѣсяцу; также прошу васъ прислать мнѣ при первомъ письмѣ рублей 50, дабы нанять мнѣ учителя биться на сабляхъ. Кланяется вамъ и кланялись во всякомъ письмѣ матушкѣ, Петръ Ѳедоровичъ, Катерина Ивановна, *его супруга*,[1]) сестрицы и другіе, между прочими генералъ Драшкевичъ и господинъ кавалеръ Нейманъ и его супруга. Въ заключеніе, поздравляя васъ съ наступающимъ Новымъ годомъ и желая вамъ всякихъ благъ, остаюсь покорнѣйшимъ вашимъ сыномъ

Кондратій Рылѣевъ.

Санктпетербургъ
17 Декабря
1812 г.

P. S. Вотъ уже два года какъ я нахожусь въ гренадерской ротѣ. Слѣдовательно надписывайте: въ 1-й корпусъ гренадерской роты Его Высочества кадету N. N. R.

2. ПИСЬМО РЫЛѢЕВА КЪ БУЛГАРИНУ *)

Я былъ тебѣ другомъ, Булгаринъ; не знаю, что̀ чувствовалъ ты ко мнѣ; по крайней мѣрѣ, ты также увѣрялъ меня въ своей дружбѣ — и я отъ души вѣрилъ. Исполнилъ ли я обязанности свои какъ другъ, отдаю на твой собственный судъ. Изслѣдуй всѣ мои поступки, взвѣсь всѣ мои слова, разбери каждую мысль мою и скажи потомъ по совѣсти, заслуживалъ ли я такого оскорбленія, какое ты сдѣлалъ мнѣ сегодни, сказавъ, что ты, «если-бы и вздумалъ просить

---

1) Такъ въ подлинникѣ.

2) Сохранилось въ черновомъ подлинникѣ. *И. Б.*

отъ кого нибудь въ Петербургѣ совѣтовъ, то я былъ бы послѣдній»..... Что побудило тебя, гордеца, къ этому, я не знаю. Знаю только то, что я истинно любилъ тебя, и если когда противорѣчилъ тебѣ, то не съ тономъ холоднаго наставника, но съ горячностію нѣжной дружбы. Такъ и вчера, упрекая тебя за то, что ты скрылъ отъ меня черное свое предпріятіе противъ Воейкова, я говорилъ то, чѣмъ ты виноватъ. Я на колѣняхъ уговорилъ бы тебя оставить это дѣло. Скажи же, похоже ли это на совѣтъ; можно ли тѣмъ было оскорбиться; и оскорбиться до того, чтобъ наговорить мнѣ дерзостей самыхъ обидныхъ?... Еще повторяю и прошу тебя вспомнить всѣ мои поступки, слова и мысли — и разобрать ихъ со всею строгостію. Рано-ли, поздно-ли, но онѣ или самыя послѣдствія докажутъ тебѣ справедливость мнѣній моихъ и правоту.

Въ пылу своего неблагороднаго мщенія, ты не видишь или не хочешь видѣть всей черноты своего поступка; но рано ли, поздно ли—извини моему пророчеству и прими его за остатокъ прежней моей дружбы и привязанности, которыя одни удерживаютъ меня требовать отъ тебя должнаго удовлетворенія за обиду, мнѣ сдѣланную.., Ты гордишься теперь своимъ поступкомъ и радъ, что нашелъ людей оправдывающихъ его, не вникнувшихъ въ обстоятельства дѣла, другихъ ослѣпленныхъ, какъ и ты, мщеніемъ и враждою, и думаешь, что и всѣ, кромѣ меня, раздѣляютъ твое мнѣніе. Но узнай, какъ жестоко ты обманываешься. Не говоря о множествѣ другихъ, которыхъ ты въ душѣ своей уважаешь, В. А. Жуковскій, этотъ столь высокой нравственности человѣкъ, котораго ты любишь до обожанія — въ негодованіи отъ твоего поступка. Онъ поручилъ мнѣ сказать тебѣ, что ты оскорбляешь не одного Воейкова, но цѣлое семейство, въ которомъ ты былъ принятъ какъ родной; что онъ употребитъ всѣ возможныя средства воспрепятствовать исполненію твоего желанія и что если ты и успѣешь, то неиначе, какъ съ утратою чести! Вотъ, Булгаринъ, какого ты человѣка тропулъ. Скажи же теперь, справедливы-ли мои опасенія? Удаляя отъ себя людей, въ которыхъ по собственному сознанью твоему ты болѣе всѣхъ былъ увѣренъ — скажи, на кого ты надѣешься, въ чью дружбу увѣровалъ? Что иное, какъ не дружба къ тебѣ побуждало меня говорить Н. И. Гречу рѣзкія и вѣрно непріятныя для него истины; что заставляло меня говорить ихъ тебѣ самому, какъ не желаніе тебѣ добра? И ты смѣлъ сказать, что мы закормлены обѣдами Воейкова, тогда какъ я у него въ продолженіи года былъ только два раза? Послѣ всего этого ты самъ видишь, что намъ должно разстаться. Благодарю тебя за преподанный урокъ; я молодъ — но сіе

можетъ послужить мнѣ на предбудущее время въ пользу, и прошу тебя забыть о моемъ существованіи, какъ я забываю о твоемъ: по разному образу чувствованія и мыслей намъ скорѣе можно быть врагами, нежели пріятелями.

На этомъ же листѣ набросаны стихи, въ большими помарками; но въ нихъ можно разобрать слѣдующее (изъ стихотворенія «Гражданское Мужество):

Гдѣ славныхъ не было вождей,
Друзей законовъ и свободы?
Отъ древности до нашихъ дней
Гордились ими всѣ народы.....
Вотъ Римъ, вселенной властелинъ,
Сей край свободы и законовъ,
Возмогъ произвести одинъ
И Брутовъ двухъ и двухъ Катоновъ.
Но намъ ли унывать душой,
Когда еще въ странѣ родной
Одинъ изъ дивныхъ исполиновъ
Екатерининыхъ временъ,
Для блага сѣверныхъ племенъ,
Въ Совѣтѣ бодрствуетъ Мордвиновъ.
И такъ сограждане, не намъ,
Въ нашъ вѣкъ, роптать на Провидѣнье.
Взнесемъ молитвы къ небесамъ
За ихъ святое снисхожденье:
Отъ нихъ для счастья нашихъ странъ
Мужъ добродѣтельный намъ данъ.

3. ПИСЬМО БУЛГАРИНА КЪ РЫЛѢЕВУ.

Любезный Кондратій Ѳедоровичъ! Я вчера погорячился, но ты самъ подалъ къ тому поводъ. Долгъ дружбы велитъ совѣтовать наединѣ, а молчать въ свѣтѣ. Разрывъ дружбы знаменуется явными жалобами и нарѣканіями; а ты въ укоръ мнѣ и Гречу сказалъ, что мой поступокъ подлъ, и что Гречъ первая причина. Этого не позволяетъ говорить ни дружба, ни родство. Ты воленъ разорвать со мною всякую связь, а я долгомъ поставляю объявить тебѣ: 1-е, что если ты полагаешь, что я тебя обидѣлъ, то *прошу у тебя прощенія* (не изъ трусости, ибо я никого, нигдѣ и ни въ чемъ не струсилъ и не струшу, исключая тѣхъ, которые имѣютъ у себя 300,000 войска), но изъ любви моей къ тебѣ; ибо хоть ты будешь меня ненавидѣть, а я всегда скажу, что ты честный и благородный и добрый человѣкъ, котораго я сердечно любилъ и люблю; 2-е, я тебя никогда не поставлю на одну доску съ Воейковымъ и вонючимъ Сленинымъ, отъ котораго за три версты несетъ толкучимъ рынкомъ, въ которомъ нѣтъ ни совѣсти, ни деликатности на грошъ. А потому не думай, чтобы я сохранилъ противъ

тебя что нибудь въ душѣ кромѣ уваженія; 3-е, если ты, прервавъ со мною связь, не захочешь со мною видѣться, то поручи Бестужеву отдать мнѣ статьи для процензорованія Бирукову въ *Полярную Звѣзду* *). Ему же отдамъ и мои піесы. Отпечатки отошлю въ палату.

Прости, братъ, и помни, что ты другаго Булгарина для себя не найдешь въ жизни. Анатомируй какъ хочешь всѣхъ до единаго своихъ друзей—Булгарину все еще много останется.

Суббота, 8 Сентября 1823 г. *Ѳ. Булгаринъ.*

4. ПИСЬМО КЪ РЫЛѢЕВУ,

неизвѣстнаго лица.

13 Апрѣля (Кишиневъ?).

Ты привыкъ получать отъ меня письма объ дѣлахъ твоихъ, но на сей разъ не ожидай ничего новаго. Дѣла твои все въ томъ же видѣ, потому что Могилянскаго нѣтъ въ городѣ.— Войнаровскій, твой почтенный дитятко, попалъ къ намъ въ гости; мы его приняли весьма гостепріимно, любовались имъ, онъ побывалъ у всѣхъ городскихъ любителей стиховъ и съѣздилъ въ Одессу. Я тебѣ говорю объ отрывкахъ, которые завезены сюда не знаю кѣмъ. Я весьма сожалѣю, что ты не считаешь меня достойнымъ познакомиться съ твоимъ сыномъ. Но я не пропустилъ случая сего сдѣлать.— Войнаровскій твой отлично хорошъ: я читалъ его М. Орлову, который имъ любовался; Пушкинъ тоже, и тебѣ стыдно, любезный другъ, что ты спишь, а не пишешь. Пора докончить. Вы, жители Петербурга, со всякимъ днемъ становитесь лѣнивѣе. Если ты позволишь сказать тебѣ то что̀ югозападные Русскіе литераторы говорятъ о твоемъ дитяткѣ, то слушай хладнокровно и меня не брани, ибо я то говорю, что́ подслушалъ.

1. Описаніе Якутска хорошо, но слишкомъ коротко. Видно, что ты боялся его растянуть, между тѣмъ какъ эпизодъ сей новостью предметовъ былъ бы очень оригиналенъ. Представя разительно Сибирь, ты бы написалъ картину новую совершенно.

---

*) Покойный П. А. Плетневъ передавалъ намъ, что цензора Бирукова закупали, дабы онъ снисходительнѣе разсматривалъ «Полярную Звѣзду». *П. Б.*

2. Описаніе охоты Войнаровскаго должно быть тоже нѣсколько пространнѣе, ибо ты можешь изобразить дикую природу, занятіе ссыльныхъ и жителей, которые проводятъ свои дни съ звѣрями, и тѣмъ болѣе выказать родъ жизни Войнаровскаго. Тогда прекрасное описаніе бѣга оленя будетъ болѣе кстати. Теперь оно кажется введеннымъ на сцену какъ бы нарочно, чтобы заставить познакомиться Миллера и Войнаровскаго.

3. Пушкинъ находитъ строфу *и въ плащъ широкій завернулся* единственною, выражающею совершенное познаніе сердца человѣческаго и бореніе великой души съ несчастіемъ. Но разсказъ плѣнныхъ, самъ по себѣ будучи очень удаченъ, требовалъ бы нѣкотораго введенія; ибо *я изъ Бутурина недавно* могло бы быть предшествуемо описаніемъ плѣнныхъ и сверхъ этого представить картину людей толпящихся узнать о своемъ отечествѣ. Стихъ *дивились мы его уму* очень не хорошій, ибо можно было дивиться его характеру, духу и проч., а не уму. Вообще находятъ въ твоей поэмѣ много чувства пылкости. Портретъ Войнаровскаго прекрасенъ. Все это шевелитъ душу: но много нагихъ мѣстъ, которыя ты долженъ бы украсить описаніемъ мѣстности. Орловъ*) говоритъ, что, соединивъ высокія твои чувства съ романтизмомъ, ты бы чрезвычайно украсилъ свою поэму. «Онъ вѣрно боялся растянуть дѣйствіе, но эпи«зоды въ модѣ; съ его сильнымъ чувствомъ можно бы ориги«нальными красками представить картину земли изгнанья».

Вотъ, любезный другъ, что я подслушалъ. Да откровенность моя не разсердитъ тебя: дитя моего друга и для меня должно быть очень мило, тѣмъ болѣе, что я съ живымъ удовольствіемъ слушалъ всѣ похвалы ему. Надѣюсь, что къ новому году, а можетъ быть и ранѣе, мы будемъ читать не краденые списки, но печатную книжку.— Изъ Литературныхъ Прибавленій Булгарина я вижу, что ты Баратынскаго печатаешь; поздравляю тебя съ сей покупкою; но старайся сдѣлать хорошее изданіе, ибо я надѣюсь пріобрѣсти элегіи и мелкія стихотворенія А. Пушкина; буду просить тебя наблюдать за печатаніемъ оныхъ,— подъ одну форму съ Баратынскимъ. *Не выдавай секрета:* жду изъ Одессы рѣшительнаго отвѣта, по сей почтѣ.

У меня есть начало Разбойниковъ и первая пѣснь Вадима; прислалъ бы тебѣ, но авторъ ихъ назначилъ къ истребленію и поэтому не хочетъ, чтобы ходили по рукамъ и даже говорили объ оныхъ. Но, зная твою аккуратность, можетъ быть сдамся, получа убѣжденіе въ сохраненіи ихъ въ тайнѣ. Будь здоровъ и покоенъ.

---

*) Михаилъ Ѳедоровичъ. *П. Б.*

5) ЦАРЕВИЧЬ АЛЕКСѢЙ ВЪ РОЖЕСТВЕНѢ [1])

Д У М А.

Страшно воетъ лѣсъ дремучій,
Вѣтръ въ ущеліяхъ свиститъ,
И украдкой изъ-за тучи
Мѣсяцъ въ Оредежь [2]) глядитъ.

Тамъ разбросаны жилища
Утѣсненной нищеты,
Здѣсь стоятъ средь красоты
Деревенскаго кладбища
Деревянные кресты.
Между горъ, какъ подъ навѣсомъ,
Волны свѣтлыя бѣгутъ
И во слѣдъ себѣ ведутъ
Берега, поросши лѣсомъ.

Ктожъ сидитъ на черномъ пнѣ
И, вокругъ глядя со страхомъ,
Въ полунощной тишинѣ
Тихо шепчется съ монахомъ?

«Я готовъ, отецъ святой,
Но вѣдь онъ—родитель мой»....

—Не лжеумствуй своенравно!
(Слышенъ голосъ старика),
Гибель Церкви Православной
Вижу я изъ далека...
Видишь самъ: ужъ все презрѣнно,
Предковъ нравы и права,
И обычай ихъ священной,
И родимая Москва.

Ждетъ спасенья наша Вѣра
Отъ тебя, младой Герой;
Иль не зришь себѣ примѣра:
Мать твоя передъ тобой.

---

[1]) Печатается съ чернового собственноручнаго листка. Дума эта не была доселѣ издана. Рожествено, нынѣ село Царскосельскаго уѣзда, 2-го стана, по Ковенскому тракту, принадлежавшее царевичу Алексѣю Петровичу. *П. Б.*

[2]) Оредежь — рѣка, на которой находится с. Рожествено. *П. Б.*

Все Царица въ жертву Богу
Равнодушно принесла,
И блестящему чертогу
Мрачну келью предпочла.
Въ рай иль въ адъ тебѣ дорога?...
Сынъ мой! слушай чернеца:
Иль отца забудь для Бога
Или Бога для отца»! —

Смолкъ монахъ. Царевичь юный
Съ пня поднялся, говоря:
«Такъ и быть: сберу перуны
На отца и на Царя»!...

Взвылъ страшнѣе лѣсъ дремучій [3])
Мѣсяцъ спрятался за тучи,
Вѣтръ сильнѣй забушевалъ,
И за ближнею могилой
И ужасно, и уныло
Вранъ зловѣщій прокричалъ....

6. СТИХОТВОРНЫЙ НАБРОСОКЪ [4]).

Жена отъ страху поблѣднѣла,
Затрепетала и замлѣла;
И вотъ безъ чувствъ упала вдругъ.
Тревожно, робко взоры водитъ:
«Гдѣ онъ, гдѣ трупъ, гдѣ мой супругъ?»
Но вотъ опять въ себя приходитъ,
Въ восторгѣ, будто внѣ себя.
«Скажите мнѣ, скажите братья,
Гдѣ мужъ? Когда дождуся я,
Когда, когда въ свои объятья....
Бѣги скорѣе, все въ тревогѣ.
Бѣги, Демидъ! Я слышу стукъ,
Тамъ конскій топотъ, крикъ и гукъ,
Тамъ пыль клубится по дорогѣ.
Вѣги за рощу, въ лѣсъ густой.
Не гости-ль ѣдутъ въ теремъ мой?»
Вотъ пыли облака густыя.
Все ближе, ближе... Черезъ мостъ—

---

[3]) Эти шесть строкъ перечеркнуты. *П. Б.*

[4]) Печатается что можно было разобрать. *П. Б.*

Вотъ ѣдутъ, скачутъ вороные.
Вотъ вправо, влѣво,—на мосту...
Мечи булатные блестятъ,
Сребромъ и златомъ блещутъ платья.
То... къ брату скачутъ братья,
«Невѣстка, здравствуй, гдѣ же братъ?»
— Гдѣ братъ?.. гдѣ мужъ мой?
Давно ужъ взятъ могилой.
«Когда и гдѣ?»—Въ чужой странѣ
Погибъ несчастный на войнѣ.

Скажи святыми мнѣ устами.
Что дѣлать бѣдная должна?
И чѣмъ спасусь предъ Небесами?
На муки всѣ готова я,
На тяжкій постъ, на бичеванья,
Лишь только-бъ тайна злодѣянья
Осталась тайной....
— Жена, ей отвѣчаетъ старый,
Тебя убійство не страшитъ;
Но мучитъ страхъ достойной кары,
И сердце ужасъ бременитъ.
Иди жъ къ себѣ и будь въ покоѣ,
Откинь напрасную боязнь:
Пребудетъ тайной дѣло злое
И не близка преступной казнь.
Такъ суждено Творцемъ издавна,
Что жены сдѣлаютъ неявно,
Однимъ мужьямъ то знать дано,
А мужъ твой спитъ въ землѣ давно.

Такимъ довольная отвѣтомъ,
Бѣжитъ преступница домой,
Бѣжитъ чрезъ лѣсъ и предъ разсвѣтомъ
Узрѣла пышный теремъ свой.
Ея дѣтей кружокъ унылый
Передъ воротами стоитъ.
«А гдѣ нашъ тятя, тятя милый?»
На встрѣчу матери кричитъ.
—«Кто? Тятя вашъ?» Но замеръ голосъ,
На головѣ сталъ дыбомъ волосъ.
Не знаетъ что сказать дѣтямъ.
«Отецъ вашъ будетъ.... Ахъ, нѣтъ, нѣтъ!
Онъ ѣдетъ, дѣти, ѣдетъ къ намъ».

7. ВИДѢНІЕ ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ.

ДУМА.

Свершилась казнь! И образецъ
Любви къ отечеству священной,
Пріялъ страдальческій вѣнецъ,
Вѣнецъ прекрасный и нетлѣнный!
Волынскій твердъ былъ до конца:
Неустрашенный мукой казни,
Онъ важность гордаго лица
Не измѣнилъ чертой боязни. *)

1.

Презрѣннаго злодѣя мечъ
Сверкнулъ надъ выей Патріота;
Сверкнулъ — глава упала съ плечъ
И покатилась съ эшафота:
И страхъ и тайную тоску
Льстецы въ душѣ презрѣнной кроя,
Чтобъ угодить Временщику,
Торжествовали смерть Героя.

2.

Одна Царица лишь была
Омрачена печальной думой;
Какъ будто камень залегла
Тоска въ душѣ ея угрюмой!
Съ тѣхъ поръ отъ ней веселье прочь;
И стала сна она чуждаться.
Ея очамъ и день и ночь
Какой-то призракъ сталъ являться.

3.

Однажды пиръ шумѣлъ въ дворцѣ,
Гремѣла музыка на хорахъ:
У всѣхъ веселье на лицѣ,
И упоеніе во взорахъ.
Въ душѣ своей утомлена,
Блѣдна, печальна и угрюма,
Царица въ Тронную одна
Ушла украдкою отъ шума.

*) Эта первая строфа въ подлинной рукописи зачёркнута. *П. Б.*

4.

Увы! и радость не могла
Ее порадовать улыбкой
И мрачность блѣднаго чела
Развеселить хотя ошибкой.
«О, гдѣ найду душѣ покой?»
Она въ раздумьи возопила
И, опершись на Тронъ рукой,
Главу печальную склонила.

5.

«И въ шумѣ пиршествъ, и въ тиши,
Меня раскаянье терзаетъ;
Оно изъ глубины души
Волынскаго напоминаетъ!»
— «Онъ здѣсь!» внезапно зазвучалъ
По сводамъ Тронной страшный голосъ.
Въ Царицѣ трепетъ пробѣжалъ,
И дыбомъ приподнялся волосъ!

6.

Она взглянула... Передъ ней
Глава Волынскаго лежала
И на нее изъ подъ бровей
Съ укоромъ очи устремляла.
Ликъ смертной блѣдностью покрытъ,
Уста раскрытыя трепещутъ,
Какъ огнь болотный въ ночь горитъ,
Такъ очи въ ней неясно блещутъ.

7.

Кругомъ главы во тьмѣ ночной
Какой-то чудный свѣтъ сіяетъ!...
И каплющая кровь порой
Помостъ чертога обагряетъ...
Рисуетъ каждая черта
Страдальца славнаго Отчизны.
Вдругъ посинѣлыя уста
Залепетали укоризны:

8.

«Что медлишь ты?... Давно я жду
Тебя къ Творцу, на Судъ священный:
Тамъ каждый воспріиметъ мзду,
Равны тамъ рабъ и Царь надменный!»

Окончивъ грозныя слова,
По прежнему изъ мрака ночи
Вперила мертвая глава
Въ Царицу трепетную очи.

9.

Музыки громъ звучалъ еще,
Весельемъ оживлялись лица.
Всѣ ждутъ Царицу... Но вотще,
Не возвращалася Царица.
Исчезла радость, шумъ затихъ,
Лишь тайный шопотъ всюду бродитъ,
И каждый, глядя на другихъ,
Изъ залы сумрачной выходитъ.

10.

Засуетился весь дворецъ
Въ тревогѣ робко Бирона бродитъ.
И вдругъ онъ, блѣденъ какъ мертвецъ,
Ее въ безпамятствѣ находитъ *).

*) Послѣдніе стихи нѣсколько разъ переправлены и перечеркнуты. «Дума» эта не была окончательно отдѣлана. *П. Б.*

ПИСЬМА РЫЛѢЕВА КЪ ПУШКИНУ. *)

I.

Извини, милый Пущинъ sic!, что долго не отвѣчалъ тебѣ: разныя непріятныя обстоятельства, то свои, то чужія, были тому причиною. Ты мастерски оправдываешь свое чванство шестисотлѣтнимъ дворянствомъ, но несправедливо. Справедливость должна быть основаніемъ и дѣйствій и самыхъ желаній нашихъ. Преимуществъ гражданскихъ не должно существовать, да они для поэта Пушкина ничему и не служатъ, ни въ залѣ невѣжды, ни въ залѣ знатнаго подлеца, не умѣющаго цѣнить твоего таланта. Глупая фраза журналиста Булгарина также не оправдываетъ тебя, точно такъ, какъ она не въ состояніи уронить достоинства литератора и поставить его наодну доску съ камердинеромъ знатнаго барина. Чванство дворянствомъ непростительно, особенно тебѣ. На тебя устремлены глаза Россіи; тебя любятъ, тебѣ вѣрятъ, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ. Мы опять собираемся съ *Полярною*. Она будетъ послѣдняя; такъ по крайней мѣрѣ мы рѣшились. Желаемъ распроститься съ публикою хорошо, и потому просимъ тебя подарить насъ чѣмъ нибудь подобнымъ твоему послѣднему намъ подарку. Тутъ объ

---

*) Печатаются съ дозволенія дочери Рылѣева, Анастасіи Кондратьевны Пущиной. — Рылѣевъ былъ десятью годами старше Пушкина. Они встрѣчались изрѣдка у общихъ пріятелей въ 1817—1820 годахъ, въ промежутокъ времени между выходомъ Пушкина изъ Лицея и его ссылкою. Дружбы между ними не было. П. А. Плетневъ передавалъ намъ, что Пушкинъ смѣивался надъ неумѣренностью сужденій Рылѣева, надъ его отзывами о Европейской политикѣ, которую будто изучалъ онъ по тогдашнимъ Русскимъ газетамъ въ книжной лавкѣ Слѣпушина. Пушкина съ Рылѣевымъ связывали только общія занятія словесностію, какъ то показываютъ нижеслѣдующія письма, печатаемыя безъ малѣйшихъ пропусковъ. Къ сожалѣнію, большая часть ихъ безъ точнаго означенія времени, и мы должны расположить ихъ по домёкамъ. *П. Б.*

тебѣ. Богъ вѣсть, какіе слухи: успокой друзей твоихъ хотя нѣсколькими строчками.

Прощай, будь здоровъ и благоденствуй.

Твой *Рылѣевъ*.

На дняхъ будетъ напечатана въ *Сынѣ Отечества* моя статья о поэзіи; желаю узнать объ ней твои мысли.

(На конвертѣ «поэту Пушкину»).

2.

Рылѣевъ обнимаетъ Пушкина и поздравляетъ *съ Цыганами*. Они совершенно оправдали наше мнѣніе о твоемъ талантѣ. Ты идешь шагами великана и радуешь истинно Русскія сердца. Я пишу къ тебѣ *ты*, потому что холодное *вы* не ложится подъ перо; надѣюсь, что имѣю на это право и по душѣ, и по мыслямъ. Пущинъ познакомитъ насъ короче. Прощай, будь здоровъ и не лѣнись. Ты около Пскова: тамъ задушены послѣднія вспышки Русской свободы, — настоящій край вдохновенія, и неужели Пушкинъ оставитъ эту землю безъ поэмы *)?

3.

Благодарю тебя, милый поэтъ, за отрывокъ изъ *Цыганъ* и за письмо: первый прелестенъ, второе мило. Раздѣляю твое мнѣніе, что картины свѣтской жизни входятъ въ область поэзіи. Да еслибъ и не входили, ты, съ своимъ чертовскимъ дарованіемъ, втолкнулъ бы ихъ насильно туда. Когда Бестужевъ писалъ къ тебѣ послѣднее письмо, я еще не читалъ вполнѣ первой пѣсни *Онѣгина*. Теперь я слышалъ всю: она прекрасна; ты схватилъ все, что только подобный предметъ представляетъ. *Онѣгинъ*, сужу по первой пѣсни, ниже и *Бахчисарайскаго Фонтана* и *Кавк. Плѣнника*. Не совсѣмъ правъ ты и во мнѣніи о Жуковскомъ. Неоспоримо, что Жуковскій принесъ важныя пользы языку нашему; онъ имѣлъ рѣшительное вліяніе на стихотворный слогъ нашъ, и мы за это навсегда должны остаться ему благодарными,

— —

*) Письмо это должно быть отнесено къ первымъ числамъ Января 1825 г., когда П. П. Пущинъ навѣстилъ поэта въ его Псковской деревнѣ. Пушкинъ, не послѣдовавъ призыву Рылѣева относительно Пскова; но, урывками бывая въ Псковѣ, онъ внимательно осматривалъ его древности и ѣздилъ въ Изборскъ.

П. Б.

но отнюдь не *за вліяніе его на духъ нашей словесности*, какъ пишешь ты. Къ несчастію, вліяніе его было слишкомъ пагубно: мистицизмъ, которымъ проникнута большая часть его стихотвореній, мечтательность, неопредѣленность и какая-то туманность, которая въ немъ иногда даже прелестны, растлили многихъ и много зла надѣлали. Зачѣмъ не продолжаетъ онъ дарить насъ прекрасными переводами своими изъ Байрона, Шиллера и другихъ великановъ чужеземныхъ? Это болѣе можетъ упрочить славу его. Съ твоими мыслями о Батюшковѣ я совершенно согласенъ: онъ точно заслуживаетъ уваженія и по таланту, и по несчастію. Очень радъ, что Войнаровскій понравился тебѣ. Въ этомъ же родѣ я началъ *Наливайку* и составляю планъ *Хмѣльницкаго*. Послѣдняго хочу сдѣлать въ 6 пѣсняхъ: иначе не все выскажешь. Сейчасъ получено Бестужевымъ послѣднее письмо твое. Хорошо дѣлаешь, что хочешь поспѣшить изданіемъ *Цыганъ*: всѣ шумятъ объ ней, и всѣ ея ждутъ съ нетерпѣніемъ.

Прощай, чародѣй.

Рыльевъ.

12 Января (1825 г.).

Приписка А. Бестужева. Письмо твое сердечно получилъ, но отвѣчать теперь нѣтъ время. Буду писать съ требуемымъ номеромъ журнала, и тогда потолкуемъ о комедіи. Замѣчанія твои во многомъ правы. До свиданія на письмѣ. Прощай мой поэтъ: будь самимъ собою и помни друзей, которые желаютъ тебѣ счастія и славы.

Твой *Александръ*.

4.

Не знаю, что будетъ *Онѣгинъ* далѣе: быть можетъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ онъ будетъ одного достоинства съ *Донъ-Жуаномъ*: чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ; но теперь онъ ниже *Бахчисарайскаго Фонтана* и *Кавказскаго Плѣнника*. Я готовъ спорить объ этомъ до втораго пришествія.

Мнѣніе Байрона, тобое приведенное, несправедливо. Поэтъ, описавшій колоду картъ лучше, нежели другой дерево, не всегда выше своего соперника. У каждаго свой даръ, своя Муза. *Майкова Елисей* прекрасенъ, но былъ-ли бы онъ такимъ у *Державина*? Не думаю, не смотря на превосходство таланта его передъ талантомъ Майкова. *Державина Наріамна* никуда не годится. Слѣдуетъ-ли изъ того, что онъ ниже *Озерова*?

Не согласенъ и на то, что *Онѣгинъ* выше *Бахчисарайскаго Фонтана* и *Кавказскаго Плѣнника*, какъ твореніе искусства. Сдѣлай милость не оправдывай софизмовъ *Вейковыхъ:* имъ только дозволительно ставить искусство выше вдохновенія. Ты на себя клеплешь, Богъ знаетъ что́.

Думаю, что ты получилъ уже изъ Москвы *Войнаровскаго*. По нѣкоторымъ мѣстамъ ты догадаешься, что онъ нѣсколько ощипанъ. Дѣлать нечего. Суди, но не кляни. Знаю, что ты не жалуешь мои *Думы*; не смотря на то, я просилъ Пущина и ихъ переслать тебѣ. Чувствую самъ, что нѣкоторыя такъ слабы, что не слѣдовало-бы ихъ и печатать въ полномъ собраніи. За то убѣжденъ душевно, что *Ермакъ*, *Матвѣевъ*, *Волынской*, *Годуновъ* и имъ подобное, хороши и могутъ быть полезны не для однихъ дѣтей. *Полярная Звѣзда* выйдетъ на будущей недѣлѣ. Кажется, она будетъ лучше двухъ первыхъ. Увѣренъ заранѣе, что тебѣ понравится первая половина взгляда Бестужева на словесность нашу. Онъ въ первый разъ судитъ такъ основательно и такъ глубокомысленно. Скоро-ли начнешь печатать *Цыганъ?*

Рылѣевъ.

Марта 20 дня (1825 г.).

Чуть не забылъ о концѣ твоего письма. Ты великій льстецъ: вотъ все что́ могу сказать тебѣ на твое мнѣніе о моихъ поэмахъ. Ты завсегда останешься моимъ учителемъ въ языкѣ стихотворномъ. Что Дельвигъ? Не у тебя-ли онъ? Здѣсь говорятъ, что онъ опасно заболѣлъ.

5.

Спѣшимъ доставить тебѣ *Звѣзду*. Увѣрены, что она понравится Пушкину и заранѣе радуемся этому. Она здѣсь всѣмъ пришла по сердцу. Это хоть не совсѣмъ хорошій знакъ, но увѣрены, что въ ней есть довольно и такихъ піесъ, которыхъ похвалить не откажутся и истинные цѣнители произведеній нашего *Парнаса* Мы много одолжены нашимъ добрымъ поэтамъ и прозаикамъ за доставленныя піесы, но какъ благодарить тебя, милый поэтъ, за твои безцѣнные подарки нашей *Звѣздѣ*? Отъ *Цыганъ* всѣ безъ ума; *Разбойникамъ*, хотя и давнишнимъ знакомцамъ, также чрезвычайно обрадовались. Теперь для *Звѣздочки* стыдимся и просить у тебя что нибудь: такъ ты надѣлилъ насъ. На послѣднее письмо я еще не получалъ отъ тебя отвѣта. Ужъ не сердишься-ли за откровенность мою? Это, кажется, тебѣ не въ пору: ты выше этого. Что Дельвигъ? По слухамъ, онъ долженъ быть у тебя. Радуюсь его выздоровленію и свиданію вашему. Съ нетерпѣніемъ жду его, чтобъ выслушать его мнѣніе объ остальныхъ пѣсняхъ твоего *Онѣгина*.

Не пишешь-ли ты еще чего? Что твои Записки? Чѣмъ ты занимаешься въ праздное время? Мы съ Бестужевымъ намѣреваемся лѣтомъ провѣдать тебя: будетъ-ли это кстати? Вотъ тебѣ нѣсколько вопросовъ, на которые буду ожидать отвѣта.

Твой *Рылѣевъ*.

Марта 25
1823 г.

6.

Письмо твое Бестужевъ получилъ, но не успѣлъ отвѣчать: его услали въ Москву провожать принца Оранскаго. Можетъ быть, онъ напишетъ тебѣ оттуда. Здѣсь слышно, что Дельвигъ уже у тебя *): правда ли? Въ субботу былъ я у Плетнева съ Кюхельбекеромъ и съ братомъ твоимъ. Левъ прочиталъ намъ нѣсколько новыхъ твоихъ стихотвореній. Онѣ прелестны, особенно отрывки изъ Алкорана. Страшный судъ ужасенъ! Стихи —

И братъ отъ брата побѣжитъ,
И сынъ отъ матери отпрянетъ —

превосходны. Послѣ прочитаны были твои *Цыгане*. Можешь себѣ представить, что сдѣлалось съ Кюхельбекеромъ. Что за прелестный человѣкъ этотъ Кюхельбекеръ. Какъ онъ любитъ тебя! *Какъ онъ молодъ и свѣжъ!* — *Цыганъ* слышалъ я четвертый разъ, и всегда съ новымъ, съ живѣйшимъ наслажденіемъ. Я подыскивался, чтобъ привязаться къ чему нибудь и нашелъ, что характеръ *Алеко* нѣсколько униженъ. За чѣмъ водитъ онъ медвѣдя и собираетъ вольную дань? Не лучше ли бъ было сдѣлать его кузнецомъ? Ты видишь, что я придираюсь, а знаешь почему и за чѣмъ? Потому, что сужу поэму Александра Пушкина; за тѣмъ, что желаю отъ него совершенства. На счетъ слога, кромѣ небрежнаго начала, мнѣ не нравится слово *рекъ*. Кажется, оно не свойственно поэмѣ; оно принадлежитъ исключительно лирическому слогу. Вотъ все, что я *придумалъ*. Ахъ, если бы ты ко мнѣ былъ также строгъ, какъ бы я былъ благодаренъ тебѣ.

Прощай, обни....
А ты обними Дельвига.
Не пишешь ни слова о *Полярной Звѣздѣ*.
Ни о Наливайко? Прощай, милая Сирена.

Твой *Рылѣевъ*.

(Край бумаги оторванъ въ оригиналѣ. На конвертѣ: Александру Сергѣевичу Пушкину).

*) Баронъ Дельвигъ былъ у Пушкина въ Михайловскомъ съ Апрѣля 1823 г. *П. Б.*

7.

Дельвигъ показалъ мнѣ замѣчанія твои о *Думахъ* и *Войнаровскомъ*. Хочется поспорить, особливо о послѣднемъ, но удерживаюсь до поры: жду мнѣнія твоего на письмѣ, и жду съ нетерпѣніемъ. Ты ни слова не говоришь о *Исповѣди Наливайки*, а я ею гораздо болѣе доволенъ, нежели смертью *Чигиринскаго старосты*, которая такъ тебѣ понравилась. Въ Исповѣди мысли, чувства, истины, словомъ гораздо болѣе дѣльнаго, чѣмъ въ описаніи удальства *Наливайки*, хотя наоборотъ въ удальствѣ болѣе дѣла. Ты правъ, опасаясь, что *Звѣздочка* отниметъ у меня много времени. Петербургъ тошенъ для меня; онъ студитъ вдохновеніе: душа рвется въ степи; тамъ ей просторнѣе, тамъ только могу я сдѣлать что-либо достойное вѣка нашего, но какъ-бы на зло желѣзныя обстоятельства приковываютъ меня къ Петербургу. Ты обѣщаешь также поспорить съ Бестужевымъ за Обозрѣніе, обѣщалъ прислать свое опроверженіе на Байрона и Вовля— и вѣрно, все это отложишь въ длинный ящикъ. Слышалъ отъ Дельвига и о слѣдующихъ пѣсняхъ *Онѣгина*, но по изустнымъ разсказамъ судить не могу. Какъ великъ Байронъ въ слѣдующихъ пѣсняхъ *Донъ-Жуана!* Сколько поразительныхъ идей, какія чувства, какія краски! Тутъ Байронъ вознесся до невѣроятной степени: онъ сталъ тутъ и выше пороковъ, и выше добродѣтелей. Пушкинъ, ты пріобрѣлъ уже въ Россіи пальму первенства; одинъ Державинъ только еще борется съ тобою; но еще два, много три года усилій, и ты опередишь его: тебя ждетъ завидное поприще, ты можешь быть нашимъ Байрономъ: но ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета, не подражай ему. Твое огромное дарованіе, твоя пылкая душа могутъ вознести тебя до Байрона, оставивъ Пушкинымъ. Еслибъ ты зналъ, какъ я люблю, какъ я цѣню твое дарованіе.

Прощай, чудотворецъ.

Рылѣевъ.

Мая 12 дня, 1823 г.

Бестужевъ еще въ Москвѣ.

8.

Благодарю тебя, милый чародѣй, за твои прямодушныя замѣчанія на Войнаровскаго. Ты во многомъ правъ совершенно, особенно говоря о Миллерѣ. Онъ точно истуканъ. Это важная ошибка: она вовлекла меня и въ другія. Вложивъ въ него вѣрноподданническія филлипики за нашего

великаго Петра, я бы не имѣлъ надобности прибѣгать къ хитростямъ и говорить за Войнаровскаго для Бирюкова. Впрочемъ, поправлять не намѣренъ; это ужасно несносно для такого лѣнтяя, какъ я: лучше написать что нибудь новое. О Думахъ я уже сказалъ тебѣ свое мнѣніе. Бестужевъ собирается отвѣчать тебѣ, и, правда, ему есть объ чемъ поспорить съ тобой касательно мнѣній твоихъ объ его Обозрѣніи. Главная ошибка твоя состоитъ въ томъ, что ты и ободреніе и покровительство принимаешь за одно и тоже. Что ободреніе необходимо не только для таланта, но даже для генія, я твердилъ Бестужеву еще до полученія твоего письма; но какое ободреніе? Полагаю, что характеръ и обстоятельства генія опредѣляютъ его. Можетъ быть, Гомеръ сочинялъ свои рапсодіи изъ куска хлѣба; Байрона подстрекало гоненіе и вражда съ родиной, Тасса любовь, Петрарка также. Иначе быть не можетъ, и покровительство въ состояніи оперить: но думаю, что оно скорѣй можетъ дѣйствовать отрицательно. Сила душевная слабѣетъ при дворахъ, и геній чахнетъ; все дѣло добрыхъ правительствъ состоитъ въ томъ, чтобы не стѣснять генія; пусть онъ производитъ свободно все, что внушаетъ ему вдохновеніе. Тогда не надобно ни пенсій, ни орденовъ, ни ключей камергерскихъ; тогда онъ не будетъ безъ денегъ, слѣдовательно безъ пропитанія; онъ тогда будетъ обезпеченъ. Геній же немного и требуетъ въ жизни. Тогда потерпятъ быть можетъ только одни самозванцы-геніи.

Прощай, геній.

Твой *Рылѣевъ*.

Еще обнимаю тебя за твои примѣчанія. Войнаровскаго вышлю съ слѣдующею почтою.

Ты сдѣлался аристократомъ; это меня разсмѣшило. Тебѣ ли чваниться пятисотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу маленькое подражаніе Байрону. Будь ради Бога Пушкинымъ. Ты самъ по себѣ молодецъ.

ПИСЬМА ПУШКИНА КЪ П. В. НАЩОКИНУ.

Павелъ Вонновичъ Нащокинъ (внукъ извѣстнаго въ прошломъ столѣтіи генерала и автора Записокъ) былъ однимъ годомъ моложе Пушкина, который подружился съ нимъ еще въ Царскосельскомъ Лицеѣ, навѣщая брата своего въ Лицейскомъ пансіонѣ Гауеншильда, гдѣ воспитывался нѣкоторое время и Нащокинъ. Своеобразный умъ Нащокина, его талантливая, широкая натура и превосходное сердце рано полюбились Пушкину. Нащокинъ поступилъ въ ополченіе и потомъ въ Измайловцы, не кончивъ курса въ пансіонѣ. Съ отъѣздомъ Пушкина на Югъ прекратились ихъ сношенія; но въ 1826 г., когда онъ возвращенъ былъ въ Москву и встрѣтилъ тамъ Нащокина, они снова сблизились и подружились крѣпко. Наѣзжая въ Москву, Пушкинъ останавливался у Нащокина (и всегда радовался, что извощики изъ Почтамта умѣли провезти къ нему, не смотря на то, что онъ часто мѣнялъ квартиры). Хотя Нащокинъ могъ служить лучшимъ образцомъ плохаго хозяина, прожившъ на своемъ вѣку не одну тысячу душъ и спустивъ на разныя затѣи цѣлый рядъ наслѣдствъ, тѣмъ не менѣе Пушкинъ признавалъ въ немъ житейскую опытность и любилъ слѣдовать его совѣтамъ. П. В. Нащокинъ скончался въ Москвѣ 6 Нояб. 1854 года. Письма къ нему Пушкина были списаны нами съ подлинниковъ, въ 1851 году, и здѣсь печатаются съ позволенія вдовы Нащокина Нѣкоторыя изъ нихъ были помѣщены въ Москвитянинѣ 1854 года. *П. Б.*

1.

(На клочкѣ карандашёмъ):

Сей часъ ѣду Богу молиться и взялъ съ собою послѣднюю *сотню*. Узнай пожалуйста, гдѣ живетъ мой Татаринъ и коли можешь достань съ своей стороны тысячи двѣ.

Писано въ исходѣ 1830 года. П. И. Гончарова возила дочь свою и ея жениха по соборамъ и къ Иверской. Пушкинъ пишетъ: *мой Татаринъ*, потому что купилъ у него шаль для своей невѣсты. Нащокинъ принималъ большое участіе въ устроеніи дѣлъ Пушкина передъ его свадьбою. У него сохранялся пригласительный билетъ на помолвку его друга: «Николай Афанасьевичъ и Наталья Ивановна Гончаровы имѣютъ честь объявить о помолвкѣ дочери своей Натальи Николаевны съ Александромъ Сергѣевичемъ Пушкинымъ, сего Мая 6 дня 1830 года».—Отецъ Пушкина, владѣвшій значительными, но разстроенными помѣстьями, не выдѣлилъ сына, но передъ свадьбою его позволилъ ему перезаложить одно изъ нихъ. Въ одной изъ бумахъ сохранявшихся у Нащокина, сказано, что Пушкину было отдано въ распоряженіе имѣніе чиновника 5 класса и кавалера Сергѣя Львовича Пушкина, заложенное въ Спб. Опек.

Совѣтѣ въ 1827 и 1828 годахъ, Нижегородской губ. Сергачьскаго уѣзда, сельцо Кистенево, Тимашево тожъ, на рѣчкѣ Чекѣ, муж. пола 176 д., земли всей 1461 дес. 95 саж. Пушкинъ получилъ изъ Опек. Совѣта до сорока тысячъ, сыгралъ свадьбу и весною 1831 года, отъѣзжая въ Петербургъ, уже нуждался въ деньгахъ, такъ что тотъ же Нащокинъ помогалъ ему въ переговорахъ съ закладчикомъ Веромъ.

2.

Пріѣхали мы благополучно, мой милый Павелъ Воиновичъ, въ Демутовъ трактиръ, и на дняхъ отправляемся въ Царское Село, гдѣ мой домикъ еще не меблированъ. (Мой будущій адресъ: въ домѣ Китаевой). Поливановъ сей часъ былъ у меня; кажется, очень влюбленъ; завтра отправляется къ вамъ. Дѣла мои въ лучшемъ порядкѣ, нежели я думалъ. На дняхъ отправлю тебѣ 2000 р. для Горчакова: не знаю, получилъ ли ты тысячу отъ Вяземскаго. Съ нимъ перепишусь. Что ты дѣлаешь, душка? Что твоя хозяйка? Что Марья Ивановна [1]), спровадилъ ли ты ее? И что твои хлопоты касательно моего дома[2] и твоего долга? До сихъ поръ я не получалъ еще черновой довѣренности, а самъ сочинить ее не съумѣю. Перешли поскорѣе. Жена тебѣ очень кланяется.

3.

Вотъ тебѣ одна тысяча, другая досталась мнѣ золотомъ. Извини меня передъ Горчаковымъ; онъ получитъ все прежде срока или въ срокъ, но не позже. Если увидишь Вязем., то спроси, какъ ему переслать его 1000? Или нѣтъ ли у него здѣсь долговъ, или не хранить ли ее до его пріѣзда? Прости, любезный другъ, будь здоровъ и не хандри.

4.

Вотъ уже недѣля какъ я въ Царскомъ Селѣ, а письмо твое получилъ только третьяго дня. Оно было застраховано, и я возился съ полиціей и почтой. Довѣренность пришлю тебѣ немедленно. Очень благодарю тебя за дружескія хлопоты съ М. Ив. и поздравляю съ прекращеніемъ домашней войны. День ото дня ожидаю своего обоза и письма твоего. Я бы переслалъ Горчакову тотчасъ мой долгъ съ благодарностью, но принужденъ былъ въ эти двѣ недѣли истратить 2000 рублей и потому пріостановился. Теперь, кажется, все

---

1) Экономка Пушкина, жившая у него въ Москвѣ, съ тѣхъ поръ какъ онъ женился.

2) Т. е. дома, который Пушкинъ нанималъ для своей женитьбы нѣкоторый, переселяясь въ Петербургъ, оставилъ онъ на попеченіе Нащокина; это большой домъ на Арбатѣ, бывшій Хитровыхъ, противъ домовъ Головина

сладилъ и буду жить потихоньку безъ тещи, безъ экипажа, слѣдственно безъ большихъ расходовъ и безъ сплетенъ. Какъ ты ладишь съ влюбленнымъ Поливановымъ? Ѣдетъ ли онъ въ Калугу вслѣдъ своей возлюбленной. У меня встрѣтился онъ съ теткой жены, К. И. Загряжской, и я рекомендовалъ его какъ будущаго племянника. Только я боюсь, чтобъ дѣдушка его не надулъ—смотри за нимъ. Что твои домашнія обстоятельства? Не отыскался ли женихъ на извѣстную особу? Изъ Царскаго Села пріѣхалъ бы я на эту свальбу, отпраздновать твое освобожденіе, законный бракъ О. А., и увезъ бы тебя въ Петербургъ. То-то бы зажили! Опять бы завелись и Арабы, и Карлики, и Сотернъ и пр. — Прощай, пиши и не слишкомъ скучай по мнѣ. Кто-то говаривалъ: если я потеряю друга, то ѣду въ клубъ и беру себѣ другова. Мы съ женой тебя всякой день поминаемъ. Она тебѣ кланяется. Мы ни съ кѣмъ еще покамѣстъ незнакомы, и она очень по тебѣ скучаетъ.

1 Іюня 1831 г.

Я сейчасъ увидѣлъ въ «Литературной Газетѣ» разборъ Вельтмана, очень неблагосклонный и несправедливый [3]); чтобъ не подумалъ онъ, что я тутъ какъ нибудь вмѣшался. Дѣло въ томъ, что и я виноватъ: полѣнился исполнить обѣщанное, не написалъ самъ разбора; но и некогда было. Обнимаю Горчакова. Что Вяземскаго тысяча?

(На конвертѣ: получено Іюня 6).

Поливановъ, Александръ Юрьевичъ, былъ женихомъ одной изъ свояченицъ Пушкина.—Дѣдушка—Аѳанасій Николаевичъ, владѣлецъ извѣстнаго помѣстья Полотняный Заводъ, подъ Калугою, тотъ самый, о которомъ упоминаетъ Державинъ въ своихъ Запискахъ. Пушкинъ, будучи женихомъ, тоже ѣздилъ къ нему туда. — О. А. Цыганка Ольга Андреевна, жившая у Нащокина. Его отношенія къ ней послужили нѣкоему Кулакову предметомъ для одного водевиля; Нащокинъ самъ передавалъ намъ, что, сидя въ театрѣ, онъ видѣлъ на сценѣ себя и свою сожительницу.

5.

Послалъ я къ тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, и довѣренность, и деньги, получилъ весь мой Московскій обозъ, а отъ тебя ни слова не имѣю; да и никто изъ Москвы ко мнѣ не пишетъ, ни ко мнѣ, ни къ женѣ. Ужъ не теряются ли письма? Пожалуста, не лѣнись. Съ Павловымъ не играй,

[3]) Этотъ разборъ Странника и Бѣглеца помѣщенъ въ № 30 Литературной Газеты 1831 г. т. III. (Рецензентъ не подписался).

съ Рахмановымъ кончи поскорѣе. О. А. сосватай, да пріѣзжай къ намъ безъ хлопотъ. Мы здѣсь живемъ тихо и весело, будто въ глуши деревенской: насилу до насъ и вѣсти доходятъ, да и тѣ не радостныя. О смерти Дибича горевать, кажется, нечего. Онъ уронилъ Россію во мнѣніи Европы, и медленностію успѣховъ въ Турціи, и неудачами противъ Польскихъ мятежниковъ. Здѣсь говорятъ о взятіи и сожженіи Вильны и о томъ, что Храповицкаго будто бы повѣсили. Ужасно, но надѣюсь не правда. Холера, говорятъ, все не унимается. Правда ли, что въ Твери карантины? Экой годъ! Прощай, душа моя. Жена тебя очень любитъ и очень кланяется.

11 Іюня 1831 г. Саркое Село.

Пушкинъ очень внимательно слѣдилъ за ходомъ Польскаго возстанія. Еще въ исходѣ 1830 года, наскучивъ тѣмъ, что свадьба его оттягивалась вслѣдствіе разныхъ препятствій со стороны будущей тещи, онъ говорилъ Нащокину, что броситъ все и уѣдетъ драться съ Поляками. — «Тамъ у нихъ есть одинъ Вейсенгофъ (бѣлая голова): онъ навѣрное убьетъ меня, и пророчество гадальщицы сбудется». Въ 1831 г. одинъ знакомый встрѣтилъ его въ Петербургѣ на улицѣ задумчиваго и озабоченнаго. «Что съ вами?»—«Все читаю газеты?»—«Такъ что же?» «Да развѣ вы не понимаете, что теперешнія обстоятельства чуть ли не также важны, какъ въ 1812 году?» отвѣчалъ Пушкинъ. Слухъ о гибели Матвѣя Евграфовича Храповицкаго, Виленскаго генералъ-губернатора, оказался вымысломъ.

6.

Очень, очень благодарю тебя за письмо отъ 9 Іюня. Не знаю, отвѣчалъ-ли я тебѣ на оное; на всякой случай, перечитавъ его, пишу отвѣтъ. Съ подрядчикомъ [1]) я расплатился; онъ сказывалъ мнѣ, что ты обѣщалъ ему отъ меня прибавку; на сіе жду твоего приказанія, а самъ отъ себя ни гроша не прибавлю [2]). Я не очень понимаю, какое условіе могъ ты заключить съ Рахмановымъ: страховать жизнь еще на Руси въ обыкновеніе не введено, но войдетъ же когда нибудь; покамѣстъ мы не застрахованы, а застращены. Здѣсь холера, т. е. въ Петербургѣ, и Саркое Село оцѣплено — такъ какъ при королевскихъ дворахъ, бывало, за шалости принца сѣкли его пажа. Жду дороговизны, и скупость наслѣдственная и благопріобрѣтенная во

[1]) Доставлявшимъ вещи Пушкина изъ Москвы въ Царское Село.

[2]) По словамъ Нащокина, Пушкинъ былъ щедръ на деньги, и бѣдному не подавалъ меньше 25 р., но какъ бы старался быть скупѣе и любилъ показать, будто скупъ. Передъ свадьбою ему надо было сшить новый фракъ; но для сбереженія денегъ, онъ не заказалъ себѣ фрака, а надѣвалъ Нащокинскій и даже вѣнчался въ немъ.

мнѣ грѣкожится. О дѣлахъ жены моей не имѣю никакихъ извѣстій: и дѣдушка, и тёща отмалчиваются; рады, что Богъ послалъ ихъ Ташинькѣ муженька такого смирнаго. Что-то будетъ съ Александромъ Юрьевичемъ [6])? Твое извѣстіе о немъ насмѣшило насъ до сыта. Воображаю его въ Заводахъ en tête à tête съ глухимъ старикомъ, а Наталью Ивановну [7]) ходуномъ ходящую, около дочерей крѣпко на крѣпко заключенныхъ. Что Александръ Юрьевичъ? Остылъ, али нѣтъ? Ты-то что самъ? И скоро-ли деньги будутъ? Какъ будутъ, пріѣду, не смотря ни на какія холеры и тому подобное. А тебя ужъ я отчаяваюсь видѣть. Прости, отвѣчай.

(На конвертѣ: получено Іюня 26).

7.

Бѣдная моя крестница! Впередъ не буду крестить у тебя, любезный Павелъ Воиновичъ: у меня не легка рука. Воля твоя будетъ выполнена въ точности, если вздумаешь ты отправиться вслѣдъ за Юсуповымъ [8]); но это дѣло не сбыточное: по крайней мѣрѣ я никакъ не могу вообразить тебя покойникомъ. Я все къ тебѣ сбираюсь, да боюсь карантиновъ. Нынѣ никакъ нельзя, пускаясь въ дорогу, быть увѣреннымъ во времени пріѣзда. Вмѣсто трехдневной ѣзды того и гляди, что высидишь три недѣли въ карантинѣ; шутка! — Посылаю тебѣ посылку на имя Чадаева; онъ живетъ на Дмитровкѣ противъ церкви. Сдѣлай одолженіе, доставь ему. У васъ, кажется, все тихо, о холерѣ не слыхать, бунтовъ нѣтъ, лекарей и полковниковъ не убиваютъ. Не даромъ Царь ставилъ Москву въ примѣръ Петербургу! [9]) Въ Царскомъ Селѣ также все тихо; но около такая каша, что Боже упаси. Ты пишешь мнѣ о какомъ-то критическомъ разговорѣ, котораго я еще не читалъ. Если-бы ты читалъ наши журналы, то увидѣлъ-бы, что все что́ называютъ у насъ критикой, одинаково глупо и смѣшно. Съ моей стороны я отступился; возражать серьозно — не возможно, а плясать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому жъ ни критика, ни публика не достойны дѣльныхъ возраженій. Нынче осенью займусь литературой, а зимою зароюсь въ архивы,

---

6) Поливановымъ.

7) Теща Пушкина, сестра Софьи Ивановны Местръ и фрейльны Екатерины Ивановны Загряжской; она родилась во Франціи; мать ея была Француженка.

8) Извѣстнымъ начальникомъ Кремлевской Экспедиціи, скончавшимся въ Москвѣ отъ холеры 15 Іюля 1831 года.

9) Въ извѣстной рѣчи къ народу на Сѣнной площади.

куда входъ дозволенъ мнѣ Царемъ. Царь со мною очень милостивъ и любезенъ. Того и гляди попаду во временщики, и Зубковъ съ Павловымъ явятся ко мнѣ съ распростертыми объятіями. Братъ мой переведенъ въ Польскую армію. Имъ были недовольны.....; но это не будетъ имѣть слѣдствія никакого.—Ты знаешь, что Вислу мы перешли, не видя непріятеля. Съ часу на часъ ожидаемъ важныхъ извѣстій и изъ Польши, и изъ Парижа. Дѣло, кажется, обойдется безъ Европейской войны. Дай-то Богъ! Прощай, душа, не лѣнись и будь здоровъ.

21 Іюля.

P. S. Я съ тобою болтаю, а о дѣлѣ и забылъ. Вотъ въ чемъ дѣло: деньги мои въ Петербургѣ у Плетнева или у Смирдина, оба со мною прекратили свои сношенія по причинѣ холеры. Не знаю, получу ли что̀ мнѣ слѣдуетъ къ 1-му Августу, въ такомъ случаѣ пришлю тебѣ Горчаковскую тысячу; не то, ради Господа Бога, займи хоть на мое имя, и заплати въ срокъ. Не я виноватъ, виновата холера, отрѣзавшая меня отъ Петербурга, который подъ бокомъ, да куда не пускаютъ. Съ Догановскимъ [10]) не худо, братъ, намъ пуститься въ разговоры или переговоры, ибо срокъ моему третьему векселю приближается.

(Запечатано чернымъ сургучемъ).

8.

Я просилъ тебя въ послѣднемъ письмѣ доставить посылку Чадаеву; посылку не приняли на почтѣ. Я просилъ заплатить Горчакову остальную его тысячу: вотъ сія тысяча; доставь ее съ моей сердечной благодарностію моему любезному заимодавцу [11]).

Что̀ ты дѣлаешь? Ожидаешь ли ты своихъ денегъ и выручишь-ли ты меня изъ сѣтей Догановскаго? Нужно ли мнѣ будетъ пріѣхать, какъ, признаюсь, мнѣ хочется, или оставаться мнѣ въ Ц. С., что̀ и дешевле, и спокойнѣе.

У насъ все, слава Богу, тихо; бунты Петербургскіе прекратились, холера также. Государь ѣздилъ въ Новгородъ, гдѣ взбунтовались было колоніи и гдѣ произошли ужасы.

---

[10]) Извѣстнымъ въ Москвѣ карточною игрою.

[11]) Владиміру Петровичу Горчакову, давнишнему Кишиневскому пріятелю поэта.

Его присутствіе усмирило все. Государыня третьяго дня родила Великаго Князя Николая Николаевича [12]). О Польшѣ ничего не слышно. Прощай, до свиданія.

(29 Іюля 1831).

9.

Очень благодаренъ за твое письмо, мой другъ. А что это за болѣзнь, отъ которой ты такъ скоро оправился? Я уже писалъ тебѣ, что въ П.-б. холера, и какъ она здѣсь новая гостья, то гораздо болѣе въ чести, нежели у васъ равнодушныхъ Москвичей. На дняхъ на Сѣнной былъ бунтъ въ пользу ея, собралось православнаго народу тысячъ 6, отперли больницы, кой-кого (сказываютъ) убили; Государь самъ явился на мѣстѣ бунта и усмирилъ его. Дѣло обошлось безъ пушекъ; дай Богъ, чтобы и безъ кнута. Тяжелыя времена на насъ, Вошковичъ! Тѣло Цесаревича везутъ, также и Дибичево. Паскевичъ пріѣхалъ въ армію 13-го. О военныхъ движеніяхъ не имѣемъ еще никакого извѣстія. Вотъ тебѣ общественныя новости; теперь поговоримъ о своемъ горѣ. Напиши ко мнѣ, къ какому времени явиться мнѣ въ Москву за деньгами, да у васъ ли Догановскій? Если у васъ, такъ постарайся съ нимъ поговорить, т. е. поторговаться, да и кончи дѣло, не дожидаясь меня; а я, не смотря на холеру, непремѣнно буду въ Москвѣ на тебя посмотрѣть, моя радость. Отъ Вяз. получилъ я письмо; свою тысячу оставляетъ онъ у меня до предбудущаго. Тысячу Горчаковскую на дняхъ перешлю тебѣ. Холера прижала насъ, и въ Ц. Селѣ оказалась дороговизна. Я здѣсь безъ экипажа и безъ прожиточнаго, а деньги все таки уходятъ. Вообрази, что со дня нашего отъѣзда я выпилъ одну только бутылку шампанскаго, и ту не вдругъ. Разрѣшилъ ли ты съ горя? Кланяюсь О. А. Фуляровъ ей не присылаю, ибо съ П.-б., какъ уже сказано было, всякое сообщеніе прервано. По той же причинѣ не получишь ты скоро и моего образа [13]). Брыловъ въ П.б. и женатъ, слѣдственно въ Италію такъ скоро не подымется. Кланяюсь Шнейдеру [14]). Никого здѣсь не вижу и не у кого освѣдомиться о его представленіи [15]). Кланяюсь и Анд. Петр. [16]). Пришли мнѣ

---

[12]) Род. Іюля 27, 1831 г.

[13]) Портрета, писаннаго Кипренскимъ.

[14]) Ѳедору Дашковичу, извѣстному Московскому медику.

[15]) Т. е. къ чину.

[16]) Есауловъ, музыкантъ, незаконнорожденный сынъ Есаулова; законія его настоящая Петровъ; утонулъ въ Рязани.

его романсъ исправленный во второмъ изданіи. Еще кланяюсь О. А., Тат. Дм., Матр. Серг. [7]) и всей компаніи. Прости, моя прелесть. Жена тебѣ кланяется. Шитье ея для тебя остановилось за неимѣніемъ чернаго шолка. Все холера виновата.

10.

Отецъ и благодѣтель! На дняхъ послалъ я къ тебѣ Горчаковскую 1000; отпиши, батюшка Павелъ Воиновичъ, получилъ ли все исправно; да еще покорнѣйшая просьба: узнай отъ Короткаго сколько долженъ я въ Ломб. процентовъ за 40.000 займа, и когда срокъ къ уплатѣ? Пошелъ ли въ дѣло Дороховскій векселъ и здоровъ ли Корниліонъ Пинскій? Здоровъ ли ты, душа моя, каково поживаешь, и что твои? Что жъ не присылаешь ты Есауловскаго романса, исправленнаго во второмъ изданіи? Мы бы его въ моду пустили между фрейлинами. Все здѣсь обстоитъ благополучно. Жена тебѣ кланяется и цѣлуетъ. Портрета не присылаетъ за неимѣніемъ живописца. За симъ прощенія просимъ.

3 Августа.

P. S. Да растолкуй мнѣ, сдѣлай милость, какимъ образомъ платятъ въ Ломбардъ. Самому-ли мнѣ пріѣхать? Довѣренность-ли прислать? Или по почтѣ отослать деньги?

11.

Любезный мой Павелъ Воиновичъ, не отвѣчалъ я на твое послѣднее письмо, исполнившее меня радостью и благодарностью, въ ожиданіи обѣщаннаго слѣдующаго. Но оно покамѣстъ еще не пришло. Дай-то Богъ, чтобъ успѣхъ увѣнчалъ дипломатику твою? Жду съ трепетомъ сердца рѣшенія Догановскаго. Все ли у тебя благополучно? Что твои спазмы, головныя боли, поѣздки къ Еленѣ Тимофеевичѣ, и прочія бури? У меня, слава Богу, все тихо. Жена здорова. Царь (между нами) взялъ меня въ службу, т. е. далъ мнѣ жалованье и позволилъ рыться въ Архивахъ для составленія Исторіи Петра I. Дай Богъ здравія Царю! Дома у меня произошла перемѣна министерства. Бюджетъ Алекс.

---

7) Цыганки.

Григорьевича оказался ошибочень; я потребовалъ счет...; засѣданіе было столь же бурное, какъ и то, въ коемъ уничтоженъ былъ Иванъ Григорьевичъ; въ слѣдствіе сего Алекс. Григорьевичъ сдалъ министерство Василію (за коимъ блохи другова рода). Въ тотъ же день поваръ мой явился ко мнѣ съ требованіемъ отставки: сего министра хотятъ отдать въ солдаты, и онъ ѣдетъ хлопотать о томъ въ Москву; вѣроятно явится къ тебѣ. Отсутствіе его мнѣ будетъ ощутительно; но можетъ быть все къ лучшему. Забылъ я тебѣ сказать, что Алекс. Григор. при отставкѣ получилъ отъ меня въ родѣ аттестата—плюху, за что онъ было вздумалъ произвести возмущеніе и явился ко мнѣ съ военною силою, т. е. съ квартальнымъ; но это обратилось ему же во вредъ: ибо лавочники, провѣдавъ обо всемъ, засадили-было его въ тюрьму, отъ коей по своему великодушію избавилъ я его. N... моя не унимается; ее не перемѣняетъ ни что, ni le tems, ni l'absense, ni des lieux la longueur; браниться меня, да и только; а все за нашего друга Александра Юрьевича. Дѣдушка ни гугу. До сихъ поръ ничего не сдѣлано для Натальи Николаевны. Мои дѣла идутъ по маленьку; печатаю incognito мои повѣсти; первый экземпляръ перешлю тебѣ. Прощай, душа. Да не забудь о Ломбардѣ пораспросить.

3 Сентября.

Жена тебѣ весьма кланяется. До свиданья.

12.

Жалѣю, любезный П. В., что дѣло разошлось за 5000. Все таки я тебѣ благодаренъ за твои хлопоты, а Догановскому и Жемчужникову за ихъ снисхожденіе. Ты же не сердись. Они не повѣрили тебѣ, потому что тебя не знаютъ; это въ порядкѣ вещей. Но кто, знавъ тебя, не повѣритъ тебѣ на слово своего имѣнія, тотъ самъ не стоитъ никакой довѣренности. Прошу тебя въ послѣдній разъ войти съ ними въ сношенія и предложить имъ твои готовыя 15 т., а *остальныя 5 заплачу я въ теченіи 5 мѣсяцевъ*. Мнѣ совѣстно быть неакуратнымъ, но я совершенно разстроился: женясь, я думалъ издерживать втрое противъ прежняго, вышло вдесятеро. Въ Москвѣ говорятъ, что я получаю 10,000 жалованья, но я покамѣстъ не вижу ни полушки: если буду получать и 4000, такъ и то слава Богу. Отвѣчай мнѣ какъ можно скорѣе въ Петербургъ, въ Казачьемъ переулкѣ въ домѣ Дмитріевой, О. С. Павлищевой для доставленія А. С. П.

Прощай и будь здоровъ. Кланяйся Ольгѣ Андреевнѣ и твоему наслѣднику.

Весь твой Пушкинъ.

7 Окт.
Царское Село
1831.

13.

Милый мой Павелъ Ивановичъ, вотъ я въ П.-б., гдѣ я былъ принужденъ перемѣнить мною нанятый домъ. Пиши мнѣ: *на Гилерной, въ домѣ Брискорна*. Видѣлъ я Жемчужникова. Они согласились взять съ меня 5000 векселемъ, а 15,000 получить тотчасъ. Какъ же мы сіе сдѣлаемъ? Не пріѣхать ли мнѣ самому въ Москву? А мнѣ что-то очень хочется съ тобою поболтать, да и бы самъ кой-какія дѣла обработалъ, напр. бриліанты [18]) жены моей, которые стараюсь спасти отъ банкрутства тещи моей и отъ лапъ Семена Федоровича [19]). Дѣдушка . . выдаетъ свою третью наложницу за мужъ съ 10,000 приданаго, а не можетъ заплатить мнѣ моихъ 12,000 [20]) и ничего своей внучкѣ не даетъ. Наг. Ник. брюхата — въ Маѣ родитъ. Все это очень измѣнитъ мой образъ жизни, и обо всемъ надо подумать.

Что-то Москва? Какъ вы приняли Государя и кто возмется оправдать старинное Московское хлѣбосольство? Бояре перевелись. Намъ надо праздниковъ. Москва губернскій городъ, получающій журналы модъ. Плохо. Жду Вяземск. Не знаю, не затью ли что нибудь литературнаго, журнала, альбома или тому подобнаго. Дѣнь. Кстати я издаю Сѣв. Цвѣты для братьевъ нашего покойнаго Дельвига; заставь ихъ разбирать. Доброе дѣло сдѣлаемъ. Повѣсти мои напечатаны; на дняхъ получишь. Поклонъ твоимъ, обнимаю тебя отъ сердца.

(На конвертѣ: 1831. 24 Октября).

14.

Здравствуй, любезный Павелъ Войновичъ; все ждалъ отъ тебя извѣстія. Нетерпѣливо желаю знать, чѣмъ кончилось посольство, какой ultimatum твоего брата и есть ли тебѣ

---

18) Заложенные брилліанты и изумруды, которые теща Пушкина предоставила ему съ женой, разумѣется, чтобы они ихъ выкупили.

19) Крѣпостной человѣкъ Гончаровой, откупившійся послѣ и имѣвшій большое вліяніе на ея дѣла.

20) Занятыхъ у Пушкина на расходы по свадьбѣ.

надежда устроить дѣла твои? Пожалуйста не полѣнись обо всемъ обстоятельно мнѣ отписать. Да сдѣлай одолженіе перешли мнѣ мой *опекунскій билетъ*, который оставилъ я въ секретной твоей комодѣ; тамъ же выронилъ я серебряную копѣечку. Если и ее найдешь, и ее перешли. Ты ихъ счастію не вѣруешь, а я вѣрю [21]). Что Рахмановъ и что мои алмазы? Нужно ли мнѣ будетъ вступить съ нимъ въ переписку или нѣтъ? Какъ ты думаешь? Кстати не забудь Revue de Paris. Напиши мнѣ обстоятельно о посольствѣ своего Нѣмца. Дѣло любопытное. Когда думаешь ты получить свои деньги, и не вступишь ли ты въ процессъ (чего Боже избави, но чего впрочемъ бояться нечего)? Жену мою нашелъ я здоровою, несмотря на дѣвическую ея неосторожность. На балахъ пляшетъ, съ Г. любезничаетъ, съ крыльца прыгаетъ. Надобно бабенку къ рукамъ прибрать. Она тебѣ кланяется и готовитъ шитье. Ждетъ взятокъ обѣщанныхъ. *Sur ce* обнимаю тебя. Ольгѣ Андреевнѣ посылаю фуляры.

3 Января 1832 г.

15.

10 Янв. Мой любезный Павелъ В. Дѣло мое можетъ быть кончено на дняхъ; коли брилліанты выкуплены, скажи мнѣ адресъ Рахманова: я перешлю ему покамѣстъ 5,500 руб., на эти деньги пусть перешлетъ онъ мнѣ брилліанты (заложенные въ 5,500 р.) Остальные выкуплю, перезаложивъ сіи. Сдѣлай милость, не полѣнись отвѣчать мнѣ.

Весь твой.

16.

Твои дѣла кончены. А. Хр. [22]) получилъ отъ меня 1.000 на дорогу; остаюсь тебѣ долженъ 2 тысячи съ чѣмъ-то. Если бъ ты былъ....., [23]) то я бы могъ и ихъ тебѣ заплатить.

[21]) Нащокинъ тоже бывалъ суевѣренъ. Онъ носилъ кольцо съ бирюзою противъ насильственной смерти и въ послѣдній пріѣздъ Пушкина настоялъ, чтобъ онъ принялъ отъ него такое же кольцо. Оно было заказано. Его долго не несли, и Пушкинъ не хотѣлъ уѣхать, не дождавшись его. Кольцо было принесено поздною ночью. По свидѣтельству Данзаса, кольца этого не было на Пушкинѣ во время предсмертнаго поединка; но передъ самою кончиною онъ велѣлъ Данзасу подать ему шкатулку, вынулъ изъ нея бирюзовое кольцо и подавая сказалъ: «Отъ общаго нашего друга».

[22]) Андрей Христофоровичъ Кренцеръ, завѣдывалъ у Нащокина фабрикою.

[23]) Здѣсь, на мѣстѣ печати, выдрано.

Ради Бога, доставь какъ можно скорѣе письмо Рахманову. Ты не хотѣлъ отвѣчать мнѣ на мое письмо, а это сдѣлаетъ мнѣ чувствительную разницу.

Очень благодарю тебя за Арапа [24]); фуляры пришлю съ А. Хр. Портретъ мой Брюловъ напишетъ на дняхъ. Письмо твое о твоемъ братѣ ужасно хорошо. Кончилъ ли ты съ нимъ? Прощай, до свиданія.

(На конвертѣ: 29 Января 1832).

17.

Посылаю тебѣ, любезный П. В., десятокъ фуляровъ; желаю, чтобъ они тебѣ доставили десять дней спокойствія домашняго. О брилліантахъ нечего думать; если завтра или послѣ завтраго не получу отвѣта Рахманова, то деньги возвращаю, а дѣло сдѣлаю послѣ когда нибудь. Все у насъ тихо и здорово. Обнимаю тебя сердечно.

18.

Сіе да будетъ моимъ оправданіемъ въ неакуратности. Пріѣхавъ сюда, нашелъ я большіе безпорядки въ домѣ, принужденъ былъ выгонять людей, перемѣнять поваровъ, наконецъ, нанимать, новую квартиру, и слѣдственно употреблять суммы, которыя въ другомъ случаѣ оставались бы неприкосновенными. Надѣюсь, что теперь получилъ ты, любезный П. Воин., нужныя бумаги для перезалога, и что получишь ломбардныя деньги безпрепятственно; въ такомъ случаѣ, извинивъ меня (какъ можешь) передъ Ѳ. Дан. [25]), отдай ему его тысячу, а другую возьми себѣ, ибо вѣроятно тебѣ она нужна будетъ; остальной же долгъ получишь въ Январѣ, какъ я ужъ распорядился, продавъ Смирдину второе изданіе Онѣгина. *Sur ce* поговоримъ о дѣлѣ: честь имѣю тебѣ объявить, что первый томъ Островскаго конченъ, и на дняхъ присланъ будетъ въ Москву на твое разсмотрѣніе и подъ критику г. Короткаго [26]). Я написалъ его въ двѣ недѣли, но

---

[24]) Чернильница въ видѣ Арапа, подаренная Нащокинымъ Пушкину.

[25]) Шнейдеромъ.

[26]) Такъ называлъ Пушкинъ свою повѣсть, напечатанную послѣ его кончины подъ именемъ Дубровскаго. Она написана по разсказу Нащокина, который самъ видѣлъ въ острогѣ этого Островскаго, Бѣлорусскаго дворянина, доведеннаго до нищеты богатымъ своимъ сосѣдомъ; такъ какъ Дмитрій Васильевичъ Короткой состоялъ на службѣ и зналъ производство тяжебныхъ дѣлъ, то Пушкинъ и пишетъ, что пришлетъ ему на критику свою повѣсть.

остановился по причинѣ жестокаго рюматизма, отъ котораго пострадалъ другія двѣ недѣли, такъ что не брался за перо и не могъ связать двѣ мысли въ головѣ. Что твои меморіи? Надѣюсь, что ты ихъ не бросишь. Пиши ихъ въ видѣ писемъ ко мнѣ. Это будетъ и мнѣ пріятно, да и тебѣ легче: незамѣтнымъ образомъ выростетъ томъ, а тамъ поглядишь и другой [27]). Мой журналъ остановился потому, что долго не приходило разрѣшеніе. Нынѣшній годъ онъ издаваться не будетъ. Я и радъ. Къ будущему успѣю осмотрѣться и приготовиться; покамѣстъ буду жаться понемногу. Мою статую еще я не продалъ, но продамъ, во что бы ни стало [28]). Къ лѣту будутъ у меня хлопоты. Нат. Ник. брюхата опять, и носитъ довольно тяжело. Не пріѣдешь-ли ты крестить Гаврила Александровича? Я такого мнѣнія, что Петербургъ былъ бы для тебя пристанью и ковчегомъ спасенія. Скажи Баратынскому, что Смирдинъ въ Москвѣ, и что я говорилъ съ нимъ о изданіи *Полныхъ Стихотвореній Евг. Баратынскаго*. Я говорилъ о 8 и о 10 тыс., а Смирдинъ боялся, что Бар. не согласится; слѣдственно Бар. можетъ съ нимъ сдѣлаться [29]). Пускай онъ попробуетъ. Что Вельтманъ? Каковы его обстоятельства и что его опера? [30]) Прощай, кланяюсь твоимъ,—цѣлую Павла.

1 Октября. Петербургъ.

Въ Морской въ домѣ Жадиміровскаго.

(На пакетѣ клеймо Почтамта: 1832).

19.

Что, любезный П. В.? Получилъ ли ты нужныя бумаги, взялъ ли ты себѣ малую толику, заплативъ Ѳ. Д—у, справилъ ли остальную тысячу въ Ломбардѣ, пришлешь-ли мнѣ

[27]) По вызову Пушкина, Нащокинъ написалъ нѣсколько очерковъ своего дѣтства и разсказовъ о своихъ предкахъ. Два-три его анекдота попали въ посмертныя изданія сочиненій Пушкина. Разсказъ о сношеніяхъ его отца съ великимъ Суворовымъ былъ отданъ Пушкинымъ великому князю Михаилу Павловичу.

[28]) Это была мѣдная колоссальная статуя Екатерины, подаренная Пушкину дѣдомъ его жены. Исторія ея весьма любопытна и будетъ изложена особо. Пушкинъ продалъ ее за 3000 р. заводчику Берду. Деньги были зачтены, какъ приданое Натальи Николаевны.

[29]) Вотъ разница во вкусахъ публики тогдашней и современной: послѣднее изданіе сочиненій Баратынскаго (М. 1869) не только ничего не принесло его наслѣдникамъ, но едва окупило издержки.

[30]) Передѣлка Лѣтней Ночи Шекспира для оперы Есаулова. Изъ этой неконченной оперы оставался памятенъ гимнъ совъ.

что нибудь? Коли ничто еще не сдѣлано, то сдѣлай вотъ что: *2,525 руб. доставь, сдѣлай одолженіе, сенатору М. А. Салтыкову, живущему на Маросейкѣ въ д. Бубуки, и возьми съ него роспиську.* Это нужно, и для меня очень непріятно.

Что твои дѣла? За глаза я все боюсь за тебя? Все мнѣ кажется, что ты гибнешь, что Вееръ[30]) тебя топитъ, а Рахмановъ на плечахъ у тебя. Дай Богъ мнѣ зашибить деньгу, тогда авось тебя выручу. Тогда авось разведемъ тебя съ сожительницей, заведемъ мельницу въ Тюфлихъ[32]), и заживешь припѣвая и пишучи свои Записки. Жизнь моя въ Петербургѣ ни то, ни се. Заботы о жизни мѣшаютъ мнѣ скучать. Но нѣтъ у меня досуга, вольной, холостой жизни, необходимой для писателя. Кружусь въ свѣтѣ, жена моя въ большой модѣ; все это требуетъ денегъ, деньги достаются мнѣ черезъ труды, а труды требуютъ уединенія.

Вотъ какъ располагаю я моимъ будущимъ. Лѣтомъ, послѣ родовъ жены, отправляю ее въ Калужскую деревню къ сестрамъ, а самъ съѣзжу въ Нижній, да можетъ быть въ Астрахань. Мимоходомъ увидимся и наговоримся до сыта. Путешествіе нужно мнѣ нравственно и физически.

(На конвертѣ: 23 Февраля 1833).

20.

Что Павелъ Воиновичъ, каковы домашнія обстоятельства? Рѣшено-ли? Мочи нѣтъ, хочется узнать развязку; я твой романъ оставилъ на самомъ занимательномъ мѣстѣ. Не смѣю надѣяться, а можно надѣяться. Vous êtes éminement un homme de passion[33]),—и въ страстномъ состояніи духа, ты въ состояніи сдѣлать то, о чемъ и не осмѣлился бы подумать въ трезвомъ видѣ, какъ нѣкогда пьяный переплылъ ты рѣку, не умѣя плавать. Нынѣшнее дѣло на тоже похоже — сыми рубашку, перекрестись и бухъ съ берега; а мы, князь Ѳедоръ[34]) и я, будемъ слѣдовать за тобою въ лодкѣ, и какъ нибудь выкарабкаемся на противную сторону. Теперь

---

30) Ювелиръ, ростовщикъ у Большаго Вознесенія.

32) Въ Тюлелевой рощѣ подъ Симоновымъ, гдѣ у Пащокина была разорившая его фабрика.

33) Ты въ высшей степени страстный человѣкъ.

34) Князь Ѳедоръ Ѳедоровичъ Гагаринъ, шуринъ князя П. В. Вяземскаго. Дѣло идетъ о томъ, какъ Пащокинъ освободился отъ своей Цыганки. Онъ оставилъ ей весь свой домъ въ Москвѣ и хорошую сумму денегъ; а самъ тайкомъ уѣхалъ въ подмосковную кн. Трубецкихъ, перевѣнчался на Вѣрѣ Алексѣевнѣ (Пащокиной же) и поселился на нѣкоторое время въ Тулѣ.

скажу тебѣ о своемъ путешествіи. Я совершилъ его благополучно. Делинька[35]) мнѣ не мѣшалъ, онъ очень милъ т. е. молчаливъ; всѣ наши сношенія ограничивались тѣмъ, что когда ночью онъ прилегалъ на мое плечо, то я отталкивалъ его локтемъ. Я привезъ его здрава и невредима, и какъ рѣка еще не стала, а мостовъ уже нѣтъ, то я и отправилъ его ко Льву Сергѣевичу, чѣмъ вѣроятно одолжилъ его. При выѣздѣ моемъ изъ Москвы, Гаврила, мой такъ былъ пьянъ и такъ меня взбѣсилъ, что я велѣлъ ему слѣзть съ козелъ, и оставилъ его на большой дорогѣ въ слезахъ и въ истерикѣ; но это все на меня не подѣйствовало. Я подумалъ о тебѣ. «Вели-ка своему Гаврилѣ въ юбкѣ и въ кацавейкѣ, слѣзть съ козелъ - полно ему воевать!» Дома я нашелъ все въ порядкѣ, жена была на балѣ, я за нею поѣхалъ—и увезъ къ себѣ, какъ уланъ уѣздную барышню съ имяниномъ городничаго. Денежныя мои обстоятельства безъ меня запутались, но я думаю ихъ распутать. Отца видѣлъ, онъ очень радъ моему предположенію взять Болдино. Денегъ у него нѣтъ. Братъ во фракѣ и очень благопристоенъ. Соболевскій выигралъ свой процессъ и ѣдетъ къ вамъ. Пиши ко мнѣ, когда будетъ время. Записку отдай моему управляющему. О. А. мое почтеніе. (На конв.: 24 Ноября 1833 г.).

21.

Ты не можешь вообразить, милый другъ, какъ обрадовался я твоему письму. Во первыхъ получаю отъ тебя тетрадку: доказательство, что у тебя и лишнее время, и лишняя бумага, и спокойствіе, и охота со мною болтать. Съ первыхъ строкъ вижу, что ты спокоенъ и счастливъ. Каждое слово уничтожаетъ сплетни, половинѣ коихъ я не вѣрилъ, но коихъ другая половина сильно меня тревожила. У меня обѣдалъ Соболевскій и Левъ Серг. Прочитавъ твое письмо сперва про себя, потомъ во услышаніе твоихъ пріятелей, всѣ мы были довольны, всѣ пожелали тебѣ счастія. Нат. Ник. нетерпѣливо желаетъ познакомиться съ твоею Вѣрою Александровною, и проситъ тебя заочно ихъ подружить. Она сердечно тебя любитъ и поздравляетъ.—Но сперва поговоримъ о дѣлѣ, т. е. о деньгахъ. Когда ты отправилъ меня изъ Москвы, ты помнишь, что мы думали, что ты безъ моихъ денегъ обойдешься. Отъ того-то я моихъ распоряженій и не сдѣлалъ. У меня была въ рукахъ, и весьма недавно, довольно круглая сумма; но она истаяла, и до Октября денегъ у меня не будетъ; но твои 3,000 доставлю тебѣ

35) Намъ неизвѣстно, кто это.

въ непродолжительномъ времени, по срокамъ, которые назначу, сообразясь съ моими обстоятельствами. Здѣсь говорили, что ты проигралъ *въ долгъ* все, что тебѣ слѣдовало получить съ брата. Ты не можешь вообразить, какъ это меня безпокоило; но теперь надѣюсь на перемѣну жизни твоей. Тебѣ уже не нужно потрясеній кензъ-ель-ва и пліе, для разсѣянія своего домашняго горя. Говорятъ, что несчастіе хорошая школа; можетъ быть. Но счастіе есть лучшій университетъ. Оно довершаетъ воспитаніе души, способной къ доброму и прекрасному, какова твоя, мой другъ, какова и моя, какъ тебѣ извѣстно. Конечно мы квиты, если ты мнѣ обязанъ женитьбою своей, и надѣюсь, что Вѣра Ал. будетъ меня любить, какъ любитъ тебя Наталія Николаевна. Вообрази, что жена моя на дняхъ чуть не умерла. Нынѣшняя зима была ужасно изобильна балами: на масляницѣ танцовали ужъ два раза въ день. Наконецъ настало послѣднее воскресенье передъ Великимъ постомъ. Думаю: слава Богу! балы съ плечъ долой. Жена во дворцѣ. Вдругъ, смотрю — съ нею дѣлается дурно; я увожу ее, и она, пріѣхавъ домой, выкидываетъ. Теперь она (чтобъ не сглазить) слава Богу здорова и ѣдетъ на дняхъ въ Калужскую деревню къ сестрамъ, которыя ужасно страдаютъ отъ капризовъ моей . . . . . Долгъ Вяземскаго я еще до полученія твоего письма перевелъ на себя. Андрей Петровичъ [36]) въ ужасномъ положеніи. Онъ умиралъ съ голоду и сходилъ съ ума. Соболевскій и я мы помогали ему деньгами скупо, увѣщаніями щедро. Теперь думаю отправить его въ полкъ капель-мейстеромъ. Онъ художникъ въ душѣ и въ привычкахъ, т. е. безпеченъ, нерѣшителенъ, лѣнивъ, гордъ и легкомыслен, предпочитаетъ всему независимость. Но вѣдь и нищій независимѣе поденщика. Я ему ставлю въ примѣръ Нѣмецкихъ геніевъ, преодолѣвшихъ столько горя, дабы добиться славы и куска хлѣба. Сколько ты долженъ ему? Хочешь, я за тебя и ему заплачу? Обстоятельства мои затруднились еще вотъ по какому случаю. На дняхъ отецъ мой посылаетъ за мною. Прихожу—нахожу его въ слезахъ, мать въ постелѣ, весь домъ въ ужасномъ безпокойствѣ. *Что такое?—Имѣніе описываютъ. - Надо скорѣе заплатить долгъ.—Ужъ долгъ заплаченъ. Вотъ и письмо управителя.—О чемъ-же горе? — Жить нечѣмъ до Октября.—Поѣзжайте въ деревню.—Не съ чѣмъ.* Что дѣлать? Надобно взять имѣніе въ руки, а отцу назначить содержаніе. Новые долги, новыя хлопоты. А надобно: я желалъ бы и успокоить старость отца, и устроить дѣла брата Льва, который въ своемъ родѣ такой же художникъ, какъ и Андрей Петровичъ, съ той разницею, что за собою никакого худо-

---

36) Есауловъ.

жества не знаетъ. Сестра Ольга Сергѣевна выкинула и опять брюхата. Чудеса да и только!

Вотъ тебѣ другія новости; я камеръ-юнкеръ съ Января мѣсяца; Мѣдный Всадникъ не пропущенъ—убытки и непріятности! За то Пугачевъ пропущенъ, и я печатаю его на счетъ Государя. Это совершенно меня утѣшило, тѣмъ болѣе, что, конечно, сдѣлавъ меня камеръ-юнкеромъ, Государь думалъ о моемъ чинѣ, а не о моихъ лѣтахъ и вѣрно не думалъ ужъ меня кольнуть. Какъ скоро устрою свои дѣла, то примусь и за твои. Прощай, жди денегъ [37]).

22.

Не можешь вообразить, съ какимъ удовольствіемъ получилъ я наконецъ отъ тебя письмо; но прежде него поговоримъ о дѣлѣ. Соболевскій, съ которымъ имѣю денежныя дѣла, *немедленно* тебѣ доставитъ 2,000 р. Слѣдственно будь покоенъ. Я бы нашелъ много, что тебѣ сказать въ извиненіе моей несостоятельности, но это по почтѣ писать вещь излишняя; а дай Богъ, чтобъ запоздалыя мои деньги пришли къ тебѣ въ пору. Поздравляю тебя съ дочкою Катериной Павловной, желаю роженицѣ здоровья. (Ты не пишешь, когда она родила). Все лѣто рыскалъ я по Россіи, и нигдѣ тебя не заставалъ; изъ Тулы выгнанъ ты былъ пожарами; въ Москвѣ не засталъ я тебя недѣлю; въ Торжкѣ никто не могъ о тебѣ мнѣ дать извѣстія. Радъ я, Павелъ Воиновичъ, твоему письму, по которому вижу, что твое удивительное добродушіе и умная, терпѣливая снисходительность не измѣнились ни отъ хлопотъ новой для тебя жизни, ни отъ виновности дружбы передъ тобою. Когда бы намъ съ тобой увидѣться! Много бы я тебѣ наговорилъ, много скопилось для меня въ этотъ годъ такого, о чемъ не худо бы потолковать у тебя на диванѣ, съ трубкой въ зубахъ, вдали Цыганскихъ бурь и Рахмановскихъ наѣздовъ! Пиши мнѣ, если можешь, почаще: на Дворц. набер. въ домъ Баташова у Прач. мосту (гдѣ жилъ Вяземскій), а не къ Смирдину, который держитъ твои письма по цѣлымъ мѣсяцамъ, а иногда, вѣроятно, ихъ и затериваетъ. Съ любопытствомъ взглянулъ бы я на твою семейственную и деревенскую жизнь. Я зналъ тебя всегда подъ бурею и въ качкѣ. Какое дѣйствіе имѣетъ на тебя спокойствіе? Видалъ-ли ты лошадей, выгруженныхъ на Петербургской биржѣ? Онѣ шатаются и не могутъ ходить. Не то-ли и съ тобою?

---

37) Это письмо писано въ самомъ началѣ весны, въ концѣ Марта или въ первыхъ числахъ Апрѣля 1834 года.

О себѣ говорить я не хочу, потому что не намѣренъ въ наперсники брать Московскую почту, которая нынѣшній годъ дѣлала со мною удивительныя свинства; буду писать тебѣ по оказіи. Покамѣстъ обнимаю тебя отъ всего сердца. Цѣлую ручки у твоей роженицы.

(Въ исходѣ 1834 г.).

23.

Посылаю тебѣ, любезный Павелъ Воиновичъ, 1,500 рубл., остальные 500 должны были къ тебѣ явиться, но вчера ихъ у меня перехватилъ занмообразно молодой человѣкъ, находящійся въ подмазкѣ. Соболѣзнуя положенію, въ которомъ и намъ съ тобою случалось обрѣтаться, вѣроятно ты извинишь меня великодушно. Однако пожалуйста пришли мнѣ полный счетъ моего долга.

Жена кланяется сердечно твоей Вѣрѣ Александровнѣ; она у M-me Sichler заказала ей шляпу, которая сегодня же и отправляется въ Москву. Жена говоритъ, что comme M-me Нащокинъ est brune et qu'elle a une beau teint, то выбрала она для нея шляпу такого-то цвѣта, а не другаго. Впрочемъ это дѣло дамское.

Ты видѣлъ вѣроятно Пугачева и надѣюсь, что его не купилъ. Я храню для тебя особый экземпляръ. Каково время? Пугачевъ сдѣлался добрымъ, исправнымъ плательщикомъ оброка, Емелька Пугачевъ оброчный мой мужикъ! Денегъ онъ мнѣ принесъ довольно, но какъ около двухъ лѣтъ жилъ я въ долгъ, то ничего и не остается у меня за пазухой, и все идетъ на расплату. Теперь, обнявъ тебя отъ всего сердца и поцѣловавъ ручку Вѣры Александровны, отправляюсь на почту.

20 Января 1835 г. С.-Пб.

24.

Мой любезный Павелъ Воиновичъ! Не писалъ къ тебѣ, потому что въ ссорѣ съ Московскою почтою. Услышалъ я, что ты собирался ко мнѣ въ деревню. Радуюсь, что не собрался, потому что тамъ меня бы не засталъ. Болѣзнь матери моей заставила меня воротиться въ городъ. О тебѣ были разные слухи, касательно твоего выигрыша; но что истинно меня утѣшило, такъ это то, что всѣ въ голосъ оправдывали тебя и тебя одного. Думаю побывать въ Москвѣ, коли не околѣю на дорогѣ. То-то бы наболтались! А здѣсь не съ кѣмъ. Денежныя мои обстоятельства плохи.

Я принужденъ былъ приняться за журналъ. Не вѣдаю, какъ еще пойдетъ. Смирдинъ уже предлагаетъ мнѣ 15,000, чтобъ я отъ своего предпріятія отступился, и сталъ бы снова сотрудникомъ его Библіотеки. Но хотя это было бы и выгодно, но не могу на то согласиться. Сеньковскій такая бестія, а Смирдинъ такая дура, что съ ними связываться не возможно.—Желалъ бы я взглянуть на твою семейственную жизнь и ею порадоваться. Вѣдь и я тутъ участвовалъ, и я имѣлъ вліяніе на рѣшительный переворотъ твоей жизни. Мое семейство умножается, растетъ, шумитъ около меня. Теперь, кажется, и на жизнь нечего роптать, и старости нечего бояться. Холостяку въ свѣтѣ скучно: ему досадно видѣть новыя молодыя поколѣнія; одинъ отецъ семейства смотритъ безъ зависти на молодость его окружающую. Изъ этого слѣдуетъ, что мы хорошо сдѣлали, что женились. —Каковы твои дѣла? Что К. и твой жиденокъ-лѣкарь, котораго Натальія Николаевна такъ не любитъ? А у ней пречуткое сердце. Смотри, распутайся съ ними! Это необходимо. Но обо всемъ этомъ послѣ поговоримъ. До свиданія, мой другъ.

25.

Любезный Павелъ Воиновичь! Я пріѣхалъ къ себѣ на дачу 23-го въ полночь, и на порогѣ узналъ, что Нат. Ник. благополучно родила дочь Наталью, за нѣсколько часовъ до моего пріѣзда. Она спала. На другой день я ее поздравилъ и отдалъ вмѣсто червонца твое ожерелье, отъ котораго она въ восхищеніи. Дай Богъ не сглазить, все идетъ хорошо. Теперь поговоримъ о дѣлѣ. Я оставилъ у тебя два порожнихъ экземпляра Современника. Одинъ отдай кн. Гагарину, а другой пошли отъ меня Бѣлинскому (тихонько отъ Наблюдателей [38]), и вели сказать ему, что очень жалѣю, что съ нимъ не успѣлъ увидѣться. Во *вторыхъ* деньги, деньги! Нужно ихъ до зарѣза.

Путешествіе мое было благополучно, хотя три раза чинилъ я коляску, но слава Богу — на мѣстѣ, т. е. на станціи, и не долѣе 2-хъ часовъ en tout.

Второй № Современника очень хорошъ, и ты скажешь мнѣ за него спасибо. Я самъ начинаю его любить, и вѣроятно займусь имъ дѣятельно. Прощай, будь счастливъ въ тинтере и въ прочемъ. Сердечно кланяюсь Вѣрѣ Алекс. Ея коммиссіи сдѣлать еще не успѣлъ. На дняхъ буду хлопотать.

(На конв. 27 Мая 1836).

[38]) Т. е. отъ сотрудниковъ журнала «Московскій Наблюдатель».

Нащокинъ сообщалъ намъ, что у него было еще два письма Пушкина, которыхъ онъ лишился слѣдующимъ образомъ. Былъ въ Москвѣ нѣкто К . . ., родственникъ извѣстнаго Леонтія Васильевича Дубельта. Онъ получилъ черезъ послѣдняго должность въ Москвѣ, состоявшую въ томъ, чтобы частнымъ образомъ слѣдить за литературою. Онъ-то выпросилъ у Нащокина на одинъ день для прочтенія съ семействомъ своимъ письма Пушкина, и два изъ нихъ удержалъ. Въ одномъ изъ нихъ П. извѣщаетъ, что Государь пожаловалъ ему 5000 рублей годоваго жалованья, pour faire jouer ma marmite; больше онъ дать не могъ, ибо это превышало бы и генеральскій окладъ*). — Пушкинъ писалъ письма Нащокину и съ Кавказа, во второе свое путешествіе. Въ одномъ изъ такихъ писемъ, сколько помнилъ Нащокинъ, Пушкинъ говоритъ, что онъ путешествовалъ съ особымъ деньщикомъ, и солдаты, видя его можетъ быть одного изъ Русскихъ въ тѣхъ мѣстахъ разъѣзжающимъ въ статскомъ платьѣ, почитали его Нѣмецкимъ попомъ.

Нащокинъ помнилъ еще одно письмо Пушкина, объ утратѣ котораго особенно можно пожалѣть. Письмо было писано не задолго до смерти; послѣ послѣдняго ихъ свиданія (которое было весною 1836 г.) Пушкинъ писалъ, что ему надо достать 5 тысячъ, чтобы раздѣлаться съ Петербургомъ: онъ хотѣлъ увезти жену въ Псковскую деревню и зажить тамъ. Но 5 тысячъ у него не было. Видно, онъ ихъ не досталъ. Нащокинъ глубоко жалѣетъ, что не догадался послать ему эти 5 тысячъ, которыя у него тогда были.

ИЗЪ ПИСЕМЪ П. В. НАЩОКИНА КЪ А. С. ПУШКИНУ.**)

1) *Отъ 9 Іюня 1831.* Былъ пріѣзжій изъ провинціи, который сказывалъ, что твои стихи не въ модѣ, а читаютъ новаго поэта, и кого бы ты думалъ — его зовутъ Евгеній Онѣгинъ. — Мое почтеніе Натальѣ Николаевнѣ. Очень много говорятъ о вашихъ прогулкахъ по Лѣтнему саду. Я самъ заочно утѣшаюсь и живо представляю себѣ васъ гуляющихъ. Я точно съ тобой въ кабинетѣ стою, и молчу, и жду самъ не знаю чего: ты перебираешь листы, Наталья Николаевна сидитъ за канвой; вотъ, братецъ, не портретъ, а картина; найди-ка мнѣ такого мастера, чтобъ онъ такъ нарисовалъ живо, какъ мнѣ теперь представляется.

2) *Отъ 20 Іюня 1831.* «Пиши ко мнѣ письма и для потомства трагедіи, и хоть одинъ романъ». «Андрей Петровичъ свидѣтельствуетъ тебѣ почтеніе; онъ почти столько же тебя знаетъ и любитъ, какъ и я, что доказываетъ, что онъ не дуракъ: тебя знать не бездѣлица. Романъ твой такъ хорошъ, что способу нѣтъ, обдуманъ, чудо! Еслибъ кто бы могъ тебѣ его тамъ разыграть, я бы прислалъ».

3) *Отъ 15 Іюля 1831:* «Я на щетъ твой совершенно покоенъ, зная расположеніе Царскаго Села: холеры тамъ быть не можетъ. Живи и здравствуй съ Натальей Николаевной. Я увѣренъ, что ты, не смотря на всѣ ужасные перевороты, которые тебя окружаютъ, еще никогда не былъ такъ счастливъ и покоенъ, какъ теперь».—«Пробѣжалъ я гдѣ-то разговоръ о Борисѣ Годуновѣ учителя съ помѣщикомъ. Очень хорошо, и кто написалъ, никакъ его не воображаетъ, что лучше и похожѣе описать разговоромъ сужденій нашихъ безмозглыхъ грамотѣевъ-семинаристовъ никакъ нельзя. Это совершенный

*) Чтобъ подложить дровъ подъ мой котелокъ.

**) Были возвращены Нащокину по кончинѣ Пушкина.

слѣпокъ съ натуры; думая написать на тебя злую критику, написалъ отрывокъ, достойный помѣстить въ романъ. Прочти, сдѣлай одолженіе; ты по разговору узнаешь говорящихъ и еслибъ осталось мѣсто, я бы разсказалъ ростъ ихъ, въ чемъ одѣты, словомъ сказать прекрасно: Вальтеръ-Скотъ совершенный».

4) *Отъ 2 Сентября 1831.* — «Ну, Александръ Сергѣевичъ, измучился я на свой щетъ, не писалъ и къ тебѣ такъ долго, боясь удостовѣриться о смерти твоей. Вотъ что двѣ недѣли говорили въ Москвѣ, что ты умеръ, жена оставась беременна, и такъ далѣе; но я не вслушивался въ подробности, не хотѣлось мнѣ услыхать что нибудь правдоподобнаго, однимъ словомъ, я очень безпокоился; но ты живъ,—узналъ я отъ клубнаго повара, къ которому писалъ твой, что все благополучно, и потому рѣшаюсь писать, но теперь прошу мнѣ отвѣтить какъ можно скорѣе; на-предки, ты можешь поручить Василію извѣщать меня еженедѣльно о твоемъ здоровьѣ». — «Правда ли, что Дворъ будетъ въ Москву; будешь ли ты и когда и скоро ли? На будущее лѣто предлагаю вамъ мою деревеньку на житье, которая состоитъ въ 160 верстахъ отъ Москвы, и въ ней жить не могу, а могъ бы пріѣхать дня на три.»—

5) *Отъ 30 Сентября:* «Любезный Александръ Сергѣевичъ! Объ тебѣ столько толкуютъ, что всего не перескажешь; а такъ какъ ты человѣкъ съ необыкновеннымъ умозрѣніемъ, въ такомъ случаѣ ты самъ угадаешь, въ чемъ толкъ».— «*Чадаевъ* всякій день въ клубѣ, всякій разъ обѣдаетъ; въ обхожденіи и въ платьѣ перемѣнилъ фасонъ, и ты его не узнаешь. Я опять угадалъ, что все странное въ немъ было ни что иное какъ фантазія, а не случайность, а не плодъ опытнаго равнодушія ко всему. Еще съ позволенія вашего скажу (ибо ты не любишь, чтобъ я объ немъ говорилъ)—рука на сердцѣ, говорю правду— что онъ еще блуждаетъ, что онъ еще не нашелъ собственной своей точки. Я съ нимъ обо многомъ говорилъ — основательности въ идеяхъ нѣтъ, себѣ часто противорѣчитъ. Но что я замѣтилъ, и это мнѣ пріятно, человѣкъ весьма добрый, способенъ къ дружбѣ, привязчивъ, честолюбивъ болѣе, чѣмъ я; себя совсѣмъ не знаетъ, потому и часто себѣ будетъ измѣнять, что̀ ничего не доказываетъ. Тебя очень любитъ, но менѣе чѣмъ я».

6) *Изъ письма 1832 года:* «Для добавочныхъ тебѣ остается два средства: либо выпросить у отца, чтобы онъ далъ до тысячи десятинъ, или свидѣтельство вмѣсто чѣмъ на двѣсти душъ, на сто девять душъ, на которое число только земли у тебя и достаточно». — «Проситъ позволенія одинъ артистъ, именно г-нъ Барламовъ, увѣдомить тебя, что онъ въ концертѣ своемъ хочетъ съиграть сцену изъ Бориса Годунова, на что̀ проситъ твоего позволенія».

7) *Изъ письма, писаннаго въ Январѣ 1832 г.:* «Здорово ли доѣхалъ, и все ли безъ тебя дома было благополучно? Удостоила ли меня Нат. Николаевна какимъ нибудь *ду-ракомъ* за обновку новѣйшаго покроя и лучшій подарокъ на праздникъ, который могъ я ей доставить — удовольствіе встрѣтить тебя послѣ перваго разставанья.... Увѣдомь меня, что твое отсутствіе ни малѣйшаго вреда вамъ не сдѣлало, и ножкой топать отъ нетерпѣнія Нат. Ник. перестала, не смотря на то, что это должно быть къ лицу. Посылаю тебѣ твоего предка съ чернильницами, которые открываются и открываютъ, что онъ былъ человѣкъ (à double vue.) Еще корзинка позолоченая съ фальшивыми камнями....»

8) *Отъ 10 Янв. 1833 года:* «Правда ли, что ты *академикъ*? Я очень радъ. Прочимъ это не любо, но Богъ съ ними.... По .... *) на тебя крѣпко грозится: убью, говоритъ — покуда кайся.... Друзей у тебя въ Москвѣ нѣтъ, ибо лю-

*) Трудно разобрать, кажется Полевой.

бить тебя бранить, кромѣ меня разумѣется. Что твой романъ, Петръ 1-й и т. д.? Будетъ ли что нынѣшній годъ новаго?... Прощай, воскресенье нравственнаго бытія моего, авось опять пріѣдешь въ Москву».

9) *Изъ Москвы*, въ 1836 г.: «Любезный другъ Александръ Сергѣевичъ. Много бы было объ чемъ писать, да некогда. Что ты не акуратенъ, это дѣло извѣстное; не смотря что извѣстно, надо тебѣ это сказать и коли можно помочь. Бѣлинскій получалъ отъ Надеждина, чей журналъ уже запрещенъ, 3 т. Наблюдатель предлагалъ ему 3. Гречъ тоже его звалъ. Теперь, коли хочешь, онъ къ твоимъ услугамъ; я его не видалъ, но его друзья, въ томъ числѣ и Щепкинъ, говорятъ, что онъ будетъ очень счастливъ, если придется ему на тебя работать. Ты мнѣ отпиши, и я его къ тебѣ пришлю. Современникъ твой очень хорошъ для меня, но не всѣмъ нравится. Предлагаю тебѣ помѣщать кой-что по художественной части, т. е. говорить о Брюловѣ, что онъ дѣлаетъ; тамъ у васъ художники, и работъ очень много. Для иногородныхъ и Московскихъ жителей это будетъ любопытно. Еще скажу тебѣ, любезный другъ, что напрасно ты не надписываешь, къ кому на *Современникѣ* для раздачи, который ты ко мнѣ посылаешь, ибо и такъ полагаю, ты на этотъ счетъ мнѣ не писалъ. Я раздавалъ какъ умѣлъ, припоминая тѣхъ, которымъ ты роздалъ 1-е нумера, исключая Пв. Пв. Дмитріеву, которому безъ надписи не смѣлъ послать, и потому у него двухъ послѣднихъ нумеровъ нѣту».

10) «Посылаю тебѣ повѣсти Мухина, отъ самого автора. Я ихъ читалъ, онѣ мнѣ очень понравились, въ нихъ много чувства, а автора въ нихъ совсѣмъ нѣтъ. Сдѣлай милость къ собственнымъ ихъ достоинствамъ прибавь словечко. Ему нужно, онъ человѣкъ небогатый, семейный, ему нужны деньги, а повѣсти право хороши. Еще попрошу у тебя для Щепкина—онъ тоже человѣкъ хорошій и съ семействомъ, и тоже небогатый, и нужны деньги. Въ Февралѣ мѣсяцѣ у него бенефисъ, и Гоголь ему обѣщалъ піесу; но Гоголя нѣтъ, и можетъ статься, что и піесы не будетъ. Ему же нуженъ сборъ, и потому нужна такого роду піеса, которая бы привлекала *публику*; такую точно и нашли, это *Дворянскіе выборы*, соч. Квитки. Комедія сія была пропущена Цензурою, но 3-е Отдѣленіе Императорской Канцеляріи убѣдительно просило Контору Императорскаго Театра не представлять ея до будущаго разрѣшенія; но формальнаго запрещенія не играть ея еще не было. И такъ нельзя ли попросить разрѣшенія хоти на одинъ бенефисъ М. С. Щепкина? Буде это будетъ возможно, въ такомъ случаѣ на посланномъ экземплярѣ пускай напишутъ, что сыграть можно: копію же и экземпляръ мною тебѣ посланный во всякомъ случаѣ не медля возврати ко мнѣ.... Ждалъ я тебя въ Москву, по твоему обѣщанію; не знаю, почему ты не пріѣхалъ.... П. Ф. Павловъ женится на мадем. *Янишъ*. Пишу тебѣ съ *Окуловымъ*.»

11) Теперь пишу тебѣ вслѣдствіе обѣда, который былъ у Окулова, въ честь знаменитаго Брюлова. Онъ отправляется въ Петербургъ по именному повелѣнію. Уже давно, т. е. такъ давно, что даже не помню, не встрѣчалъ я такого ловкаго, образованнаго и умнаго человѣка. О талантѣ говорить мнѣ нечего: извѣстенъ онъ всему міру и Риму. Тебя, т. е. твои творенія онъ понимаетъ и удивляется равнодушію Русскихъ относительно къ тебѣ. Очень желаетъ съ тобой познакомиться и просилъ у меня къ тебѣ рекомендательнаго письма. Каково тебѣ кажется? Знать, его хорошо у насъ приняли, что онъ боялся къ тебѣ быть, не упредивъ тебя. Извинить его можно: онъ замѣтилъ вообще здѣсь большое чинопочитаніе; самъ же онъ чину мелкаго, даже не колеж. ассесоръ. Что онъ Геній, намъ это ни почемъ; въ Москвѣ Геніи не диковинка; не знаю какъ у васъ, ихъ у насъ столько, сколько въ Питерѣ весною разнощиковъ съ Мессинскими апельсинами. Пріѣхалъ онъ въ Москву за два или за три часа до начала спектакля. Креселъ онъ не досталъ; пошелъ въ стулья, гдѣ встрѣтилъ своего стараго товарища, узналъ его ско-

·ро по Калмыцкому лицу; это былъ Каракалпаковъ, смотритель лампъ и тому подобнаго Москов. Театра. Калмыкъ же, не имѣя съ своей стороны такого сильнаго авантажа, не узналъ до тѣхъ поръ, пока Брюловъ не назвался. Каракалпаковъ радъ, очень радъ, какъ самъ артистъ, что можетъ объявить своему начальнику-артисту и литератору-автору (всѣ служащіе при здѣшнемъ Театрѣ, въ какихъ бы должностяхъ ни были, имѣютъ званіе артистовъ) любопытную новость: бѣжитъ и докладываетъ Загоскину, что Брюловъ здѣсь и сидитъ въ стульяхъ. При семъ извѣстіи, еще директоръ не опомнился, какъ всѣ окружающіе его, въ томъ числѣ и мой Окуловъ (артистъ тоже, другъ и наперсникъ Загоскина) пожелали видѣть Брюлова, и это слава Богу, и положили позвать Брюлова за кулисы. Каракалпаковъ ввелъ его, и вотъ какъ привѣтствовалъ Загоскинъ: «Ну, братъ, что̀ за картина, ужъ подлинно картина, какія краски, что за лица!» И все это проговорено было съ приличными жестами, отъ которыхъ, я думаю, и теперь еще у Брюлова плеча болятъ. Потормошивъ его на порядкахъ, посадили въ ложу, продержали весь спектакль, и тѣмъ 1-й день кончился. Каракалпаковъ, какъ первая ступенька, на которую вступилъ Брюловъ въ собраніе Московскихъ артистовъ и литераторовъ, имѣлъ первенство и угостилъ его въ Расписномъ Трактирѣ. На 3-й день обѣдалъ онъ у Тропинина; вотъ онъ и у Окулова. Я не былъ приглашенъ, а былъ; приглашены же были Загоскинъ, Веревковскій, генералъ Жеребцовъ и другіе не заслуживающіе большаго вниманія. Во время обѣда ему не давали говорить. Пошли хвастать, хозяинъ и его гости закидали его новѣйшими фразами, какъ то, что всѣ Музы сестры, что живописецъ пойметъ поэта и проч. Когда усѣлись играть въ карты, я подсѣлъ къ Бр. и слушалъ его о Италіи, которую онъ боготворитъ. Дошла рѣчь о его занятіяхъ и о тебѣ. Послѣ обѣдалъ онъ у М. Ѳ. Орлова, гдѣ былъ весь Москов. Наблюдатель. Теперь, говоритъ, артисты хотятъ дать ему обѣдъ по подпискѣ; хочется и мнѣ въ число артистовъ попасть. Думаю, что буду, не такъ какъ артистъ, но какъ шуринъ артиста, все равно лишь бы быть. Человѣкъ весьма привлекательный, и если ты его увидишь и поговоришь съ нимъ, я увѣренъ, что мое желаніе побывать еще разъ съ нимъ, тебѣ будетъ вполнѣ понятно. — Статья о Брюловѣ къ концу, и вотъ въ чемъ заключеніе. Прошу тебя покорно, такъ какъ ты очень разсѣянъ, не забыть спросить его адресъ у того, кто привезетъ тебѣ мое письмо; ибо оно очень длинно, и я бы не хотѣлъ, чтобы ты его читалъ при немъ: это не ловко, если онъ самъ по-чаянію привезетъ его. Погомъ, кому Римъ удивлялся, кого въ Миланѣ и въ Неаполѣ съ тріумфомъ народъ на рукахъ носилъ, кому Европа рукоплескала, того прошу принять съ моимъ рекомендательнымъ письмомъ благосклонно.

*

На оборотѣ одного изъ писемъ, рукою Пушкина написаны двѣ строки извѣстныхъ стиховъ Мятлева:

Настоичка травная,
Настоичка тройная,
На зельѣ составная!
Удивительная!...

Въ присядку при народѣ,
Трахнулъ бы въ хороводѣ
Подъ: *Взбранной воеводѣ*
Побѣдительная!....

ПИСЬМА В. А. ЖУКОВСКАГО КЪ Е. Г. ПУШКИНОЙ [1].

I.

Милостивая государыня
Елена Григорьевна!

Податель этого письма есть докторъ Бауманъ изъ Дерпта. Онъ привезъ въ Дрезденъ нашего общаго друга Батюшкова, котораго несчастіе уже должно быть вамъ извѣстно. Онъ будетъ помѣщенъ въ Зоненштейнскую больницу и отданъ на попеченіе доктора Пёница. Я почелъ священнымъ долгомъ увѣдомить васъ о его прибытіи въ Дрезденъ. Зная, что вы близко него, я спокойнѣе объ немъ сердцемъ. Ваша дружба къ нему скажетъ вамъ, что́ можете для него сдѣлать; мое дѣло было только васъ объ немъ увѣдомить. Вслѣдъ за нимъ скоро пріѣдетъ и сестра его Александра Николаевна; она рѣшилась его не покидать и все оставила, чтобы за нимъ слѣдовать. Найдите ее. Ваше дружеское участіе будетъ для нея облегченіемъ, а вашъ твердый характеръ будетъ подпорою изнуренной горестью душѣ ея. Съ душевнымъ почтеніемъ честь имѣю быть, милостивая государыня, вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Жуковскій.

Дерптъ.
1824 г. 22 Мая.

---

[1] Елена Григорьевна Пушкина, урожд. Воскова (въ первомъ бракѣ Протопопова) была супругою, а съ 1825 г. вдовою извѣстнаго остроумца-Москвича Алексѣя Михайловича Пушкина. Она была женщина многосторонняго образованія и отмѣнной любезности. Письма эти печатаются съ подлинниковъ, полученныхъ отъ ея дочери, Прасковьи Алексѣевны Пушкиной. Въ то время, къ которому относятся эти письма, она жила въ Дрезденѣ для здоровья одной изъ дочерей своихъ; туда же осенью 1823 года болѣзнь привела и Жуковскаго. *П. Б.*

2.

Милостивая государыня
Елена Григорьевна!

Простите, что отвѣчаю такъ поздно на почтенное письмо ваше: я прочиталъ его съ радостнымъ чувствомъ за нашего общаго, несчастнаго друга. Судьба, которая обременила его такимъ бѣдствіемъ, была однако къ нему и благосклонна: она привела васъ въ то мѣсто, гдѣ онъ теперь страдаетъ. Хотя и не можете перемѣнить вдругъ его участи, но ваше присутствіе дастъ ему усладительныя минуты. Нельзя разсчесть, что̀ въ его положеніи можетъ иногда значить минута. Примите искреннюю мою благодарность за извѣстія, которыя сообщаете мнѣ въ письмѣ вашемъ. Итакъ есть надежда! Уже и имѣть ее большое счастіе: каково же будетъ ея исполненіе! Теперь, кажется, дѣлается все, что̀ можетъ быть для него полезно: средства кроткія, но твердыя, и пользованіе постоянное. Нельзя безъ горя подумать, сколько времени драгоцѣннаго было пропущено. Что̀ если бы можно было, угадавъ его болѣзнь, остановить его гибельную поѣздку въ Крымъ и на Кавказъ! И что̀ если бы послѣ его возвращенія изъ Крыма тотчасъ употреблено было то, что̀ теперь! Можетъ быть, мы уже могли бы поздравить другъ друга съ большимъ успѣхомъ. Нерѣшительность, незнаніе что̀ дѣлать все испортили, и теперь, можетъ быть, на цѣлый годъ отдалено его излѣченіе. Какой прекрасный человѣкъ Пѣницъ: его душа видна въ его письмѣ. Лучшаго человѣка нельзя было выбрать для этого святаго дѣла. — Смѣю ли надѣяться, что вы, простивъ мнѣ мою медлительность отвѣчать вамъ, удостоите въ нѣсколькихъ строкахъ извѣстить о Батюшковѣ и объ Александрѣ Николаевнѣ. Когда мы встрѣчались въ Москвѣ въ обществѣ, тогда не могли вообразить, что между нами со временемъ будетъ такое сношеніе, смѣю сказать, такое родство, грустное, но драгоцѣнное. Прошу васъ еще разъ написать ко мнѣ. Между тѣмъ возьмите на себя трудъ сказать мое сердечное почтеніе Александрѣ Николаевнѣ. Я нѣсколько разъ видѣлъ ея милую сестру Юлію [2]) въ Смольномъ монастырѣ; она разцвѣтаетъ какъ роза, и всѣ ею чрезвычайно довольны. Она первая по ученію и поведенію. Хотѣла прислать мнѣ письмо къ Александрѣ Николаевнѣ, но не знаю, что̀ задержало ее. Помпей [3] здоровъ и учится хорошо: милый мальчикъ; онъ очень напоминаетъ наружностью Константина.

---

[2]) Впослѣдствіи супругу Н. В. Зиновьева.

[3]) Помпей Николаевичъ Батюшковъ, стяжавшій себѣ имя въ Русской исторіи благотворною дѣятельностью въ должности попечителя Виленскаго учебнаго округа, какъ возстановитель православно-русскихъ началъ въ томъ краю.

Еще разъ прошу васъ, не сердитесь на меня за медлительность мою отвѣчать на письма; это несчастная, неизлѣчимая болѣзнь моя; передъ докторомъ я извинился моимъ отсутствіемъ изъ Петербурга, но передъ вами не таюсь: просто откладывалъ. Но скажу вамъ просто и отъ всего сердца: душевно почитаю васъ за вашу живость въ дружбѣ. Удѣлите частицу ея и мнѣ. Въ ожиданіи вашихъ строкъ,— дай Богъ, чтобы онѣ могли насъ всѣхъ еще порадовать,— остаюсь навсегда съ истиннымъ почтеніемъ вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Жуковскій.

13 Мая 1825 г.
С.ПБ.

3.

Я получилъ ваше послѣднее письмо и сердечно благодарю васъ за извѣстіе о нашемъ миломъ страдальцѣ. Я читалъ это письмо съ живою грустью о васъ самихъ: въ ту минуту, когда вы заботились съ трогательнымъ участіемъ дружбы о несчастномъ другѣ, вы сами теряли собственное счастіе: дружба другихъ заботилась о послѣднихъ минутахъ вашего умирающаго мужа. Его уже нѣтъ! Теперь уже вамъ извѣстна потеря ваша. Смерть, можно сказать, обнаруживаетъ жизнь человѣка: — всеобщее сожалѣніе объ немъ доказало ясно, что онъ былъ достоинъ общей любви. Вяземскій, котораго я здѣсь видѣлъ, говорилъ мнѣ много о послѣднихъ его минутахъ и о твердости духа его въ тѣ минуты, когда онъ думалъ и говорилъ о близкой кончинѣ своей. Вяземскій былъ съ нимъ неразлучно въ это рѣшительное время. Принимаю живѣйшее участіе въ вашей потерѣ. Зная чувствительность вашего сердца, могу представить себѣ, какъ она тяжела для васъ и не смѣю говорить объ утѣшеніи. Желалъ бы, однако, знать, что̀ вы теперь предпримете: возвратитесь ли въ Москву или останетесь еще тамъ, гдѣ вы теперь? Признаюсь, усладительно знать, что вы недалеко отъ Батюшкова. Вы представляетесь мнѣ тамъ его добрымъ, хранительнымъ Геніемъ. Если можно будетъ, скажите объ этомъ слова два. Это письмо получите отъ Тургеневыхъ: вамъ будетъ пріятно получить его. Прошу васъ вложенное письмо къ Александрѣ Николаевнѣ доставить ей немедленно. Оно отъ ея сестры. О Шипиловѣ я говорилъ Екатеринѣ Ѳедоровнѣ [1]). Удивляюсь, что ея родные такъ скупы на письма.

---

[1]) Муравьевой. Шипиловъ—одинъ изъ зятьевъ Батюшкова.

Простите, почтенная Елена Григорьевна! Прошу васъ вѣрить моей душевной къ вамъ привязанности. Мы подружились заочно, но навсегда.

Вамъ преданный Жуковскій.

5 Іюля 1825 г.
С.-П. Б.

Письмо къ Батюшковой отдадутъ сами Тургеневы.

4.

Не знаю, какъ извинить себя передъ вами, почтеннѣйшая Елена Григорьевна! Я такъ давно не отвѣчалъ вамъ. Первое ваше письмо напугало меня, послѣднее успокоило, — это дало мнѣ возможность отложить мой отвѣтъ къ вамъ, а разъ отложивши, я обыкновенно откладываю на долго. Это жестокая, порочная привычка, въ которой каюсь передъ вами, не смѣя вамъ даже обѣщать исправленія. Но, прошу васъ, не будьте ни мстительны, ни злопамятны, накажите меня великодушіемъ и напишите еще разъ о Батюшковѣ. Ваша прекрасная душа такъ выразила себя въ это печальное для насъ время, что я смѣю отъ васъ надѣяться снисхожденія: смѣю даже думать, что вы сохраните мнѣ свою безцѣнную дружбу, которая основана не на письмахъ, а на одномъ общемъ намъ чувствѣ, которымъ такъ сладко съ вами дѣлиться. Считаю дѣйствіемъ Провидѣнія случай, заведшій васъ въ Дрезденъ: вы точно ангелъ-хранитель Батюшкова и его несчастной сестры, единственной по нѣжности сердца и безкорыстію въ привязанности къ брату. Увѣдомьте, прошу васъ, объ ней. Сколько новыхъ горестей прибавилось къ ея прежней! Но, надѣюсь, что она ни о чемъ не знаетъ. Состояніе бѣдной Екатерины Ѳедоровны Муравьевой неописанно. Все, что могло привязывать ее къ жизни, разомъ рухнуло. Она ходитъ какъ тѣнь. Что ее ожидаетъ, не знаю: но нельзя и надѣяться никакого облегченія судьбы ея[3]). Бѣдный нашъ другъ! Для него теперь все это не существуетъ! Но къ какимъ развалинамъ онъ возвратится, если Богъ возвратитъ ему его разсудокъ! Мы живемъ во времена испытанія. Теперь нѣтъ ничего другаго для подкрѣпленія души и для сохраненія дѣятельности, кромѣ вѣры въ Провидѣніе. Ибо одна только эта вѣра можетъ объяснить то, что вокругъ насъ происходитъ. Увѣдомьте, долго ли вы еще пробудете въ Дрезденѣ. Мысль о томъ, что вы тамъ, успокоиваетъ душу: вы точно сторожъ несчастнаго нашего друга. Зная,

[3]) Два сына, и три племянника, племянникъ Лунинъ—въ Петропавловской крѣпости.

что вы тамъ, думаешь объ немъ съ какою-то отрадою. Напишите, прошу васъ. Прилагаю здѣсь *второй* векселъ для Батюшкова. *Первый* давно посланъ. Этотъ не нуженъ, если по первому сдѣлана уплата. Прошу васъ освѣдомиться о полученіи перваго и увѣдомить меня. Жду вашего письма съ нетерпѣніемъ. Надѣюсь, что Александра Николаевна получила отъ родныхъ своихъ письма. Приложенное письмо возьмите на себя трудъ передать ей. Отъ всего сердца цѣлую вашу руку и ввѣряю себя вашей безцѣнной дружбѣ.

1826 г.
С. с. 21 Февраля.

Жуковскій.

3.

Благодарю васъ, почтенная Елена Григорьевна, за ваше дружеское письмо. Горестное извѣстіе, вами мнѣ сообщенное, дошло уже до меня черезъ газеты. Я ожидалъ этого несчастія, но оно было для меня разительною неожиданностію, когда узналъ объ немъ. Теперь одна только мысль въ душѣ: о томъ, что сдѣлалось съ несчастнымъ семействомъ[6]). Не могу думать объ нихъ безъ возмущающаго сердце безпокойства. Екатерина Андреевна, когда я оставилъ ее, не имѣла еще никакого подозрѣнія; дѣти еще менѣе. Какъ это случилось.... можетъ быть, вдругъ! Что было слѣдствіемъ удара? Не знаю ничего! Никто изъ моихъ Петербургскихъ не написалъ ко мнѣ. А я могъ бы уже имѣть здѣсь многія письма. Однимъ словомъ, я въ мучительномъ безпокойствѣ. Жду почты, почта приходитъ и ничего не приноситъ. Надѣюсь, однако, скоро имѣть какое нибудь извѣстіе. Сохрани Богъ отъ новаго несчастія, — кажется, довольно бѣдъ обрушилось на насъ въ послѣднее время. — Я уже двѣ недѣли, какъ въ Эмсѣ. Пью воды и беру ванны и чувствую рѣшительно пользу. Увѣренъ, что получу совершенное выздоровленіе. Боюсь, однако, чтобы не велѣли мнѣ или здѣсь оставаться или снова пріѣхать. Изъ двухъ, однако, золъ послѣднее есть меньшее. Можетъ быть, доктора и согласятся на послѣднее, если дамъ имъ слово вести себя порядочно, наблюдать строго діету и порядокъ въ образѣ жизни и прочее, и прочее. Я пробуду здѣсь до конца Іюля. Недѣлю отдохну отъ леченія и употреблю это время на путешествіе по Рейну; потомъ прямо поѣду въ Эгру, къ вамъ въ сосѣдство, и надѣюсь быть въ Дрезденѣ. Для меня будетъ живымъ удовольствіемъ васъ

---

[6]) Кончина Карамзина.

увидѣть и съ вами съѣздить въ Пирну, если не для свиданія съ нашимъ бѣднымъ затворникомъ, то по крайней мѣрѣ для личнаго переговора съ Пёницомъ и для свиданія съ почтенной Александрой Николаевной. Я получилъ отъ нея здѣсь письмо еще изъ Пирны, что она ѣдетъ въ Теплицъ. Надѣюсь, что она ничего не знаетъ о несчастіяхъ семейства Муравьевыхъ: не должно ей ни о чемъ сказывать. Это было бы убійство. — Простите, милая Елена Григорьевна! Мнѣ пріятно кончить письмо свое словомъ: до свиданія!

Вамъ душевно преданный Жуковскій.

8 Іюля 1826. Эмсъ.

6.

(Апрѣль 1827 г., Лейпцигъ).

Ѣхавши изъ Дрездена до Лейпцига, я по большой части думалъ о васъ, милая Елена Григорьевна! Наше прощанье оставило на душѣ отголосокъ, который долго не замолкнетъ. Теперь жаль прошедшаго; жаль, что было столько минутъ не проведенныхъ вмѣстѣ; но о тѣхъ немногихъ, которыя осчастливлены вашею дружбою, никогда не забуду. Въ вашемъ семействѣ чувствуешь себя дома, то есть тамъ, гдѣ хорошо, гдѣ живется, гдѣ съ своими. Когда-то Богъ велитъ побывать опять вмѣстѣ! Но разлука насъ не разрознитъ. Повторяю опять мою просьбу. Познакомьтесь съ Елагиною. Мысль, что она будетъ съ вами въ Москвѣ, меня радуетъ: это какъ будто меня самого къ вамъ приближитъ. — О нашемъ путешествіи мнѣ разсказывать вамъ нечего. Еще съ Лейпцигомъ я не видался. Пріѣхалъ въ него ночью, а теперь изъ оконъ видно нѣсколько кровель, между которыми торчатъ высокіе тополи и которыя сами тонутъ въ вѣтвяхъ яблонь и вишенъ, покрытыхъ цвѣтомъ. Горницы у насъ покойныя, но здѣшняя жизнь не будетъ покойная: надобно возиться съ книгопродавцами, писать каталоги, считать деньги, хлопотать о укладкѣ и отсылкѣ; все это очень скучная проза [7]). Въ самомъ путешествіи болѣе поэзіи. Сергѣй былъ во всю дорогу спокоенъ [8]).

---

[7]) Жуковскій прожилъ въ Дрезденѣ съ Сентября 1826 г. по Апрѣль 1827 г., въ неутомимыхъ трудахъ теоретической педагогіи. Онъ готовился тогда къ своей высокой должности наставника-наблюдателя, и въ Лейпцигѣ закупалъ книги для библіотеки своего царственнаго воспитанника.

[8]) Сергѣй Ивановичъ Тургеневъ, младшій братъ Александра и Николая Тургеневыхъ, служившій нѣкогда при графѣ Воронцовѣ во время пребыванія Русскихъ войскъ во Франціи. Въ немъ оказались въ это время признаки умственнаго разстройства. Братъ Александръ и Жуковскій везли его теперь лечиться въ Парижъ, и оттуда въ Эмсъ.

Главное, противъ чего надобно работать, есть безпорядокъ и несвязность мыслей, происходящая отъ того, что одна главная всѣ прочія подавляетъ. Много надѣюсь на путешествіе и на Эмсъ, ибо много зависитъ отъ возобновленія тѣлесныхъ силъ, чему и то и другое будетъ способствовать. Простите. Поручаю вамъ пожать за меня руки вашимъ милымъ четыремъ и поблагодарить ихъ за меня за то прекрасное, что̀ мнѣ такъ весело было въ нихъ замѣтить. Простодушная, естественная доброта съ яснымъ умомъ и съ живостію души, — что̀ можетъ быть этого лучше? А это все нашелъ я въ нихъ, за то съ ними и весело, а безъ нихъ и грустно. Передайте приложенное письмо́ Александрѣ Николаевнѣ; я написалъ и къ Константину. Напишите объ немъ, а ее держите въ рукахъ. Скажите Барклаю и Викулину, что я ихъ обнимаю. Поклонъ нашимъ Русскимъ, особенно семейству графа Гудовича и Бека.

Приписка С. И. Тургенева:

Вчера ввечеру пріѣхали мы сюда и тотчасъ занялись распоряженіемъ нашей ежедневной работы. Первымъ и пріятнѣйшимъ поставляемъ благодарить, любезнѣйшая Елена Григорьевна, васъ и любезное ваше семейство за вашу старинную дружбу, которая продолжалась столько лѣтъ и вѣчно продолжаться будетъ. Мы очень покойно расположились у добрыхъ старыхъ пріятелей, которые насъ очень ласково приняли и угощаютъ какъ родныхъ. Мы намѣрены пробыть здѣсь восемь или десять дней, смотря по нужному времени для работы, и потомъ въ Парижъ. Время прекрасное: ни тепло, ни холодно, ни капли дождя. Письма брата прелестны[9]. Я сегодня пишу ему, какъ вы поняли образованіе финансовъ, администраціи и конфискаціи. Жаль, что мы забыли дать вамъ прочесть его. Главная его идея состоитъ въ томъ, какимъ образомъ должно разлагать подати. Его правило по сему весьма важному предмету слѣдующее. Подати располагаются по состоянію государства: когда оно въ возрастающемъ состояніи, тогда подати можно возвысить: когда же въ упадающемъ, то убавить; состоянія неподвижнаго нѣтъ, ибо благосостояніе либо возвышается, либо падаетъ. Напишу также, какъ пріятно проводили время въ разговорахъ объ исторіи и другихъ предметахъ и съ какимъ вниманіемъ вы меня слушали. Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ вашихъ писемъ. Цѣлуемъ ваши ручки. Ко-

[9]) Николая Ивановича, изъ Англіи.

гда-то свидимся! Жуковскій также благодаритъ васъ и цѣлуетъ ручки.

Рукою А. И. Тургенева:

Судите сами!

7.

Я лѣнивъ писать, это правда, и эта хроническая болѣзнь никогда не пройдетъ. Знаю это по опыту и повторяю еще здѣсь на будущее время, чтобы вы не вздумали когда нибудь, что *не писать* и *не помнить*—одно и тоже. Благодарю васъ сердечно за ваши дружескія, милыя строки. Это не слова, а дѣло. И мнѣ стало жаль отъ всего сердца, что намъ никому не пришло въ голову ѣхать *вмѣстѣ* въ Лейпцигъ. Провели бы еще дней десять не разставаясь. Русскій задній умъ никуда не годится, и часто бываетъ на него досадно. Наши дѣла идутъ какъ въ Дрезденѣ, ни хуже, ни лучше. Но на лучшее я крѣпко надѣюсь. Сергѣю надобны однѣ тѣлесныя силы: тогда моральное придетъ въ порядокъ, ибо оно само по себѣ не разстроено. Но какъ сладить съ тѣломъ? Это трудная задача. Многаго жду отъ путешествія и особенно отъ Эмса. Моральному же онъ самъ поможетъ, ибо у него на это есть добрая воля, которую надобно поддерживать. Вотъ главное. Andacht-stunden я куплю, но къ вамъ не пошлю, а отправлю въ Петербургъ съ прочими книгами. Теперь же посылаю или пошлю вамъ великолѣпную скатерть для чайнаго столика съ изображеніемъ коронаціи Венгерской королевы. Это зрѣлище будетъ всегда трогать ваше сердце и разительно напоминать о ничтожности земнаго величія. Коронація подъ самоваромъ! Какой урокъ! Я здѣсь видѣлъ однако нѣчто, разительнѣе изображающее ничтожность этихъ земныхъ величій. Здѣсь въ маленькомъ трактирѣ, ознаменованномъ вывѣскою *Золотой Пилы*, живетъ на чердакѣ бывшій Шведскій король подъ именемъ полковника Густавсона. Третьяго дня мнѣ удалось его видѣть. Я шелъ мимо трактира, заглянулъ въ окно; вижу кого-то въ бѣдномъ шлафрокѣ и, догадавшись кто это, вхожу. Онъ сидитъ у стола съ газетами въ рукахъ. Я началъ говорить съ хозяиномъ, попросилъ пива; хозяинъ вышелъ. Я подошелъ къ его бывшему величеству и спросилъ, могу ли взять газеты. Онъ подалъ ихъ молча. Mais peut-être les lisez vous même.—Si je ne les avais pas lu, je ne vous les aurais donné [10]), отвѣчалъ онъ гордо. Всталъ и ушелъ. И это

[10]) Но можетъ быть вы сами ихъ читаете? — Если бы я ихъ не прочелъ, я бы вамъ ихъ не далъ.

бывшій женихъ великой княжны Александры Павловны, отъ котораго вѣроятно умерла Екатерина. У него всего на все доходу до 500 талеровъ; ходитъ въ замаранномъ шлафрокѣ и однажды отморозилъ себѣ пальцы дорогой, потому что нечѣмъ было защититься отъ холода. Вотъ вамъ прибавка къ моей скатерти. Простите. Цѣлую у васъ и у вашихъ ручки.

8.

Пожалѣйте объ насъ, безцѣнные друзья. Наши всѣ попеченія остались тщетны: Сергѣя нѣтъ на свѣтѣ. Нынѣче въ половинѣ третьяго часа онъ насъ покинулъ. До нынѣшняго утра ничто намъ этого несчастія не предвѣщало. Нынѣче въ шесть часовъ сдѣлались съ нимъ жестокія конвульсіи. Ничто не помогло. Послѣ нѣсколькихъ припадковъ, не смотря на кровопусканіе, ванны, мускъ—онъ кончилъ жизнь. Александръ теперь у Свѣчиныхъ, я остался одинъ.

Это письмо начато было вчера. Alexandre a bien passé la nuit. Hier même il aécrit à Kreissig pour le prier de vous donner la nouvelle de son affreux malheur. C'est la plus grande preuve d'amitié qu'il a pu vous offrir. Il a tout de suite pensé à vous. Ne vous inquietez pas sur son compte. Il a beaucoup pleuré, il pleure beaucoup; mais il ne pleure que sur soi et sur Nicolas. L'image tranquille et sereine de son frère dormant comme un bien heureux après tant de souffrances, lui a tout dit sur le peu de prix de la vie qui a été pour lui si incertaine, dont l'avenir pouvait encore être si douloureux. A le voir à présent, on a une parfaite image de la paix innocente devant ses yeux. Toute sa vie passée est là: son ame était pure jusqu'au tombeau; elle n'apportera dans l'autre vie rien d'indigne de l'immortalité. Cher Serge! Il y a quelque chose de si pur dans le souvenir qu'il a laissé de son existence!—Voici quelques details sur la journée douloureuse d'hier. A 6 heures et demi étant deja reveillé, j'entends la voix d'Alexandre, qui m'appelle. Je me jette de mon lit; j'accoure. Je vois Serge saisi de convulsions. Nous appellons du secours, nous le plaçons dans son lit, nos envoyons chercher le médécin du quartier, et en même tems le docteur Coreff. Le premier arrive. L'accés était fini, mais les yeux sont fixes, point de mouvement, point de sentiment. Le médécin pense d'abord que c'est une paralisie. Mais peu à peu le sentiment revient, les yeux s'éclaircissent, il profere quelques paroles, nous reconnait. Vient un second accés. Le médecin dit qu'il ne croit plus que cela soit une paralisie, mais que ce ne sont que de

simples convulsions qui n'ont rien de dangereux, ordonne des cataplasmes et s'en va. Mais après cet accés le sentiment ne revient plus, les yeux restent fixes, la respiration reste génée, on entend un ronflement continuel, les dents sont serrées, et il ne peut plus ni rien entendre, ni faire aucune reponse à ce que l'on lui dit. Coreff arrive et trouve le cas extrêmement grave. Il ordonne tout de suite des sangsues. envoye chercher un chirurgien; on ouvre la veine, on tire beaucoup de sang; on applique des synapismes aux plantes des pieds; on fait mettre les pieds dans de l'eau extrêmement chaude; on applique à la tête des serviettes imbibées d'eau à la glace; enfin on le met dans un bain; on jette sur la tête de l'eau froide; on a recours à un lavement fait avec du musc.—Tous ces moyens ont été inutiles; le coup était porté. Il devait finir. Au sortir du bain on l'a placé dans son lit. Plusieurs accés pareils aux premiers, mais l'un plus faible que l'autre ont eu lieu encore. Enfin il a cessé d'exister. Etant prévenu sur le danger prochain, j'ai envoyé chercher la comtesse Rasoumovsky [11]) et madame Swetschine. On n'a trouvé que la dernière. Elle est venue. Quelques minutes après son arrivée Serge a rendu son dernier soupir, et son frère lui a fermé les yeux. Son visage est redevenu calme et serein comme dans le bon temps. La mort, le plus persuasif des consolateurs, lui a tout revélé. Alexandre est parti avec madame Swetschine et a passé la nuit dans sa maison. Moi je suis resté avec le corps de notre ami pour faire les derniers arrangements. Vers le soir je me suis rendu aussi chez madame Swetschine et j'ai trouvé le malheureux pleurant. C'est un bonheur qu'il a pu tant pleurer. Cela l'a soulagé. Maintenant il ne pense qu'à Nicolas. Il faut qu'il parte tout de suite pour Londres. Je le conduirai jusqu'à Calais. Au moins tel est pour le moment notre projet. Je vous pris au nom de Dieu de repondre tout de suite à cette lettre. Mais adressez votre reponse à Paris, *à m-r Rougemont de Löwenberg à Paris pour remettre à m-r Joukofsky*. Adieu, chère amie! Pleurez avec nous. Quel terrible changement! Hier encore l'avenir était tout autre.

2 Juin. Paris (1827). Joukofsky

Alexandre vous ecrira incessament. Sa lettre à Kreyssig n'est que pour vous.

Переводъ. Александръ провелъ ночь хорошо. Вчера даже онъ писалъ къ Крейсигу, прося его сообщить вамъ объ ужасномъ горѣ: больше не могъ онъ доказать вамъ свою дружбу. Вы тотчасъ пришли ему на память. Не безпокой-

11) Одна изъ женъ графа Григорія Кириловича.

тесь о немъ. Онъ много плакалъ, много плачетъ; но плачетъ лишь о себѣ и о Николаѣ. Тихій и ясный ликъ брата, какъ бы въ блаженствѣ почивающаго послѣ толикихъ страданій, доказалъ ему всю малоцѣнность жизни, которая для покойника была столь ненадежна, а при дальнѣйшемъ продолженіи могла быть столь горестна. Глядя на него, видишь передъ собою совершенное изображеніе невиннаго спокойствія. Тутъ вся жизнь его. Душа его осталась чистою до могилы и въ жизнь иную не принесетъ съ собою ничего такого, что̀ было бы недостойно безсмертія. Милый Сергѣй! Есть что-то особенно чистое въ воспоминаніи, которое онъ оставилъ о своемъ бытіи. — Вотъ нѣсколько подробностей горестнаго вчерашняго дня. Въ 6½ часовъ, уже проснувшись, слышу Александра; онъ звалъ меня. Вскакиваю съ постели, бѣгу къ нему. Нахожу Сергѣя въ судорогахъ. Мы зовемъ на помощь, укладываемъ его въ постель, посылаемъ за мѣстнымъ врачемъ и въ тоже время за докторомъ Корефомъ. Врачъ явился. Судороги прошли, но глаза остановились, никакого движенія, никакихъ чувствъ. Врачъ сначала думаетъ, что это параличъ. Но мало по малу чувства возвращаются, глаза свѣтлѣютъ, онъ произноситъ нѣсколько словъ, узнаетъ насъ. Новый припадокъ. Врачъ говоритъ, что это уже не параличъ, а просто судороги, въ которыхъ нѣтъ ничего опаснаго, велитъ положить катаплазмы и уходитъ. Но послѣ этого припадка чувства не возвращаются, глаза безъ движенія, дыханіе стѣснено, слышится безпрестанная хрипота, зубы стиснуты, онъ ничего не слышитъ и ни на что не можетъ дать отвѣта. Приходитъ Корефъ и находитъ положеніе крайне опаснымъ. По его приказанію тотчасъ ставятъ піявки, посылаютъ за хирургомъ, открыта жила, и выпущено много крови. Къ подошвамъ поставлены горчишники, ноги опущены въ чрезвычайно горячую воду, на голову кладутъ салфетки, намоченныя водою со льдомъ. Наконецъ сажаютъ его въ ванну; окропляютъ голову холодною водою; ставятъ промывательное изъ мускуса. — Всѣ эти средства были безполезны. Совершилось! Онъ долженъ былъ умереть. Изъ ванны перенесли его въ постель. Было еще нѣсколько припадковъ, такихъ же какъ первые, но всякій разъ слабѣе и слабѣе. Наконецъ онъ пересталъ существовать. Предупрежденный о томъ, что конецъ близокъ, я послалъ за графинею Разумовскою и Свѣчиною. Застали одну послѣднюю. Она пріѣхала. Черезъ нѣсколько времени по ея прибытіи, Сергѣй испустилъ послѣдній вздохъ, и братъ его закрылъ ему глаза. Лицо его опять стало спокойно и ясно, какъ было до болѣзни. Смерть, эта всеубѣждающая утѣшительница, все ему открыла. Александръ уѣхалъ съ Свѣчиною и провелъ ночь въ ея домѣ. Я остался при тѣлѣ нашего друга, для послѣднихъ распоряженій. Къ вечеру я отправился также къ Свѣчиной и нашелъ несчастнаго въ слезахъ. Счастіе, что онъ могъ столько плакать. Это его утѣшило. Теперь онъ думаетъ только о Николаѣ. Надо, чтобы онъ тотчасъ ѣхалъ въ Лондонъ, я провожу его до Кале. По крайней мѣрѣ таково въ эту минуту наше предположеніе. Ради Бога прошу васъ тотчасъ отвѣчать на это письмо; но надпишите отвѣтъ вашъ въ Парижъ, г-ну Ружемону де Левенбергу для передачи г-ну Жуковскому. Прощайте, любезный другъ. Плачьте съ нами. Какая страшная перемѣна! Вчера еще будущее было совсѣмъ иное. Жуковскій. 27 Іюня. Парижъ. Александръ немедленно напишетъ вамъ. Его письмо къ Крейсигу писано только для васъ.

9.

(Парижъ).

Мы получили ваши милыя письма; благодаримъ васъ за вашу нѣжную дружбу, которой цѣну теперь болѣе нежели когда нибудь чувствуемъ. Отъ Н. есть извѣстіе. Къ нему поѣхала графиня Разумовская съ тѣмъ, чтобъ его приго-

товить къ ужасной потерѣ и потомъ объ ней объявить. Но онъ уже зналъ обо всемъ прежде ея прибытія. Я желалъ бы, чтобъ вы прочитали письмо его. Въ немъ бы нашли вы все, что̀ есть трогательнаго въ человѣческой горести и сильнаго въ человѣческой душѣ. Несчастіе есть пробный камень: только по немъ узнается чистое золото. И душа есть чистое золото. Я ему обязанъ во всѣхъ этихъ горестныхъ обстоятельствахъ высокимъ понятіемъ о человѣчествѣ. Онъ былъ для меня убѣдительнѣе всѣхъ авторовъ, проповѣдующихъ краснорѣчиво о нравственности. Въ немъ нѣтъ искусственнаго стоицизма. Онъ все принимаетъ глубоко къ сердцу; можетъ быть, сильнѣе нежели кто нибудь. Но онъ владѣетъ своею судьбою; не смотря на сильные, частые припадки горя, онъ все сохраняетъ удивительную твердость высокаго ума, при всѣхъ слабостяхъ нѣжнаго сердца: онъ представляетъ что-то необыкновенно-величественное [12]. Сію минуту мы получили еще письмо отъ графини Разумовской. Она съ нимъ и еще нѣсколько времени съ нимъ пробудетъ. Отъ него письма нѣтъ, но онъ здоровъ. Груститъ и борется съ грустію. Александръ мой также здоровъ; за его физическое состояніе не безпокойтесь; но мысль о братѣ и горе разлуки его терзаютъ. Мы не разстанемся до Эмса. Обстоятельства скажутъ, что̀ надобно будетъ дѣлать послѣ. — Получили ли вы мое письмо со вложеніемъ къ Гудовичу? Прошу васъ взять на себя трудъ сказать ему, чтобы ко мнѣ отвѣчалъ или въ Парижъ, гдѣ пробуду до 1 Іюля, на имя Rougemont de Löwenberg Banquier или въ Эмсъ на мое имя, poste restante. Если его уже нѣтъ въ Дрезденѣ, то напишите къ нему туда, гдѣ онъ теперь.

Приписка А. И. Тургенева:

Хотѣлъ писать къ вамъ и много выговорить о незабвенномъ и о другомъ, о миломъ Ник.: но сію минуту получилъ письмо и не въ силахъ. *Тургеневъ.*

10.

11 Іюня (30 Мая) Парижъ (1827).

Теперь уже и для васъ нѣтъ Сергѣя; теперь уже и вы похоронили его, какъ и мы, безцѣнный другъ! Добрый, милый Сергѣй жилъ, какъ невинное дитя, умеръ, не чувствуя смерти! Онъ не страдалъ. Онъ не могъ знать, что умираетъ! Теперь онъ спокоенъ, и все для него ясно. Жизнь не обѣ-

[12]) Немногимъ извѣстно, что Жуковскій составилъ большую записку о И. И. Тургеневѣ и довелъ ее до свѣдѣнія Императора Николая Павловича.

щала ему ничего достойнаго его души: онъ бы никогда не возвратилъ своего разсудка. Въ прошедшій Понедѣльникъ, въ Духовъ день, мы похоронили его. Слезы были спасеніемъ брата. Онъ хотѣлъ ѣхать въ Лондонъ, объявилъ объ этомъ послу; но посолъ не далъ позволенія ѣхать и пропуска. Надобно было остаться. Но дружба доброй графини Разумовской подала помощь его несносному горю. Вмѣсто его графиня поѣхала въ Лондонъ, и теперь онъ можетъ подкрѣплять себя мыслью, что братъ его найдетъ подлѣ себя нѣжное сердце въ первыя минуты неожиданнаго несчастія. Это его поддерживаетъ. Ждемъ извѣстія изъ Лондона со страхомъ и нетерпѣніемъ. Но не безпокойтесь за него. Онъ теперь только мучается за Николая: о Сергѣѣ думаетъ только съ любовью и даже не смѣетъ жалѣть объ немъ; это было бы эгоизмомъ. Себѣ же онъ не даетъ воли, ибо теперь вся его заботливость должна обратиться на Николая, и для него долженъ онъ сохранить себя. Мы всюду ходимъ, все что можно видѣть стараемся видѣть: разсѣявать себя есть для него должность. Напишите къ намъ поскорѣе. Еще нельзя рѣшить, что онъ съ собой сдѣлаетъ. Но, вѣроятно, мы поѣдемъ отсюда вмѣстѣ въ Эмсъ и въ Россію. Увѣдомьте, долго ли еще вы пробудете въ Дрезденѣ. Это, можетъ быть, дастъ и намъ какую нибудь идею для нашего возвратнаго путешествія. Прошу васъ отдать приложенное письмо графу Гудовичу, если онъ въ Дрезденѣ или отослать къ нему туда, гдѣ онъ находится. Обнимаю всѣхъ васъ отъ души.

Жуковскій.

11.

10-го Сентября. Лейпцигъ (1827).

Мы сей часъ получили письмо ваше. Не нужно вамъ говорить, какое нѣжное участіе принимаю я въ томъ, что случилось. Скажите Ольгѣ Алексѣевнѣ, что я братски желаю ей того счастія, котораго она достойна; а вамъ желаю быть долго его свидѣтелемъ[13]). Понимаю, въ какихъ вы теперь хлопотахъ. Прошу однако написать ко мнѣ еще разъ въ Берлинъ, куда ѣду нынче и гдѣ пробуду дней десять. Желаю знать, когда вы хотите все кончить и долго-ли послѣ останетесь въ Дрезденѣ. Хорошо, когда бы вы всѣ вмѣстѣ возвратились въ Москву. Куда спѣшить! Остаться здѣсь было бы полезно для Прасковьи Алексѣевны. Вы спрашиваете,

13) Помолвка дочери Е. Г. Пушкиной съ Греческимъ полковникомъ Орфано (участникомъ Ипсилантіевскаго возстанія, выпущеннымъ изъ Австрійскаго заточенія)

требовать ли позволенія отъ Государя? Я право не знаю, водится ли это. Тургенева нѣтъ дома; когда воротится, скажетъ вамъ лучше меня, что̀ дѣлать. Простите, всѣхъ васъ просто обнимаю и всѣмъ желаю быть счастливыми.

Приписка А. И. Тургенева:

Письмо ваше меня тронуло и возмутило до глубины сердца. Еще не соберусь съ мыслями, что̀ сказать вамъ, но первая мысль, которая представилась сердцу: я останусь вѣчно ея братомъ, а она мнѣ сестрою—по чувству и воспоминанію. Это не фраза, а изъ глубины сердца и души вырвалось. Я не думаю, чтобы даже нужно было просить позволенія у Правительства; но такъ какъ дѣло идетъ о Грекѣ, то приличнѣе, благоразумнѣе сказать Ханыкову [14], заявить намѣреніе: но дать почувствовать, что разрѣшенія позволенія вы ожидать не намѣрены; назвать его Англійскимъ подданнымъ Орфано̀ и переговорить съ Шадомъ, если это нужно. Но они люди свободные, и врядъ ли это нужно? Гдѣ будетъ свадьба? Будетъ ли вѣнчать Веймарскій или Греческій священникъ? Онъ монахъ, но вѣроятно имѣетъ на то разрѣшеніе. Узнаю здѣсь и васъ увѣдомлю. Религія также, слѣдовательно и подписки о дѣтяхъ брать не нужно. Я пишу наобумъ и въ сильномъ движеніи духа, ибо не буду, не могу быть никогда хладнокровенъ къ ея участи. Неужели не удастся въ жизни пожить съ ними и быть для нихъ на что нибудь годнымъ? Я чувствую къ ней братскую привязанность. Не могъ никогда смотрѣть на нее равнодушно. Желалъ ей счастья, какъ сестрѣ, какъ милой по воспоминанію, по благодарности за васъ. Не смѣю писать того еще къ Николаю. Это его слишкомъ встревожитъ. Онъ одинъ; некому отвести сердце отъ мысли о Сережѣ: онъ въ другой разъ почувствуетъ, что его нѣтъ болѣе, что его могила заростаетъ, что другимъ обречено быть счастливымъ, что онъ разстался нашъ милый Сережа,—съ землею на вѣки, на вѣки. И мы съ нимъ скоро будемъ! Но это не мѣшаетъ мнѣ быть счастливымъ вашимъ счастіемъ и надеждою счастія для Ольги Алексѣевны, вѣрою въ это счастіе. Онъ мнѣ всегда нравился. Я видѣлъ любовь его,—ошибался только въ предметѣ; но всѣ мои милыя незабудочки достойны счастія. Есть ли уже вы говорите ему о нашей бывшей, разорванной смертью связи, то скажите ему, что онъ долженъ душею и сердцемъ замѣнить Сережу, что безъ ревности желаю ей подобнаго: она достойна всего лучшаго; что Фортуна не въ благахъ міра сего. Ежеминутно болѣе это чувствую. Скажите ей, что не перестану

[14]) Русскому посланнику въ Дрезденѣ.

думать о ея счастіи, чтобы она не переставала видѣть во мнѣ брата, вѣрнаго друга; чтобы хранила чистоту сердца и души и правила, кои часто меня радовали, но и огорчали при мысли о судьбѣ Сережи: что жизнь ея будетъ не безъ счастія, если сохранится чистота въ душѣ и въ характерѣ на всю жизнь, не смотря (на то), что бы Провидѣніе ни готовило въ обстоятельствахъ летящей, минутной земной жизни; «все въ ней—къ великому средству», сказалъ нашъ Жуковскій.—«До насъ ли?» писалъ ко мнѣ незабвенный Сережа въ Константинополѣ[15], когда я страшился за жизнь его, а онъ только думалъ о спасеніи Грековъ, когда могъ спасать индивидумовъ, а не націю. Простите. Берегите себя и своихъ. Какова Прасковья Алексѣевна? Какъ меня утѣшаетъ мысль, что онѣ не разстанутся. Простите; ѣдемъ часа черезъ два. Пишите скорѣе въ Нюренбергъ.

12.

С.-П. 27 Октября 1827 г.

Я получилъ ваши письма по пріѣздѣ моемъ въ Петербургъ, милая Елена Григорьевна! Спѣшу отвѣчать на нихъ въ немногихъ словахъ, ибо во многихъ нѣтъ времени. Благодарю, благодарю за безцѣнную вашу дружбу. Воспоминаніе объ ней будетъ всегда моимъ сокровищемъ, и никогда безъ умиленія не буду помышлять о моей грустно-спокойной и пріятной жизни въ Дрезденѣ. Въ кругу вашей семьи живетъ счастливое согласіе, и всѣ вы стоите счастія. Пошли его Богъ вамъ вмѣстѣ съ новымъ вашимъ сыномъ.— Отъ Александра нѣтъ письма. Мысль объ немъ есть для меня душевная болѣзнь, съ которую трудно ладить, — но какъ быть! Теперь я опять принимаюсь за старое, но очень много недостающаго въ Петербургѣ для сердца: моя бѣдная Саша Воейкова уѣхала въ Гіеръ и остановилась въ Страсбургѣ съ больными дѣтьми. Это меня жестоко тревожитъ. Карамзины здѣсь, здоровы и вамъ кланяются. Съ Дашковымъ вижусь. Онъ васъ помнитъ по старому. Теперь коммиссія. Къ Александрѣ Николаевнѣ особенно не пишу, а буду писать скоро; но скажите ей отъ меня, что я видѣлъ Юлію и нашелъ, что она сдѣлалась прелестна. Большое сходство съ Катенькой Карамзиной. Нѣсколько пополнѣла, здорова. Успокойте Александру Николаевну на счетъ будущаго Юліи: я имѣю теперь вѣрную надежду, что оно устроится такъ, какъ мы желали въ Дрезденѣ. Это мнѣ сказывала одна такая дама, на которую въ этомъ случаѣ

[15]) Въ 1821 г. С. И. Тургеневъ находился въ Константинополѣ при нашемъ посольствѣ, во время извѣстнаго бунта черни.

положиться можно. Когда что нибудь сдѣлается, увѣдомлю ее прямо. Теперь только прошу ее знать, что есть бо́льшая, большая надежда. Простите. Обнимаю васъ и вашихъ. Картину M-lle Laurier нынѣче понесу къ Императрицѣ. Что̀ будетъ, увидимъ.

Вашъ
Жуковскій.

25 Октября (5 Ноября)
1827 г.
С.-Петербургъ.

13.

Спб. 5—17 Ноября 1827.

Я уже писалъ къ вамъ изъ Петербурга; думаю, что вы теперь уже имѣете письмо мое. Теперь спѣшу отвѣчать на послѣднее, и прошу принять мой отвѣтъ за оффиціальный. Я самъ, по полученіи письма вашего, говорилъ съ Государынею Александрою Ѳедоровною, которую просилъ представить Государю о вашемъ положеніи. Черезъ полчаса она сказала мнѣ отвѣтъ Государя, который состоитъ въ томъ, что не нужно было требовать его позволенія на бракъ Ольги Алексѣевны, и что можете все кончить, какъ и когда хотите. Итакъ все для васъ разрѣшено. Жаль, что вы принуждены были ждать. Можетъ быть, и доклада не было по вашей просьбѣ. Я радъ, однако, что мнѣ пришлось отворить вамъ дверь: это знакъ добрый. Я отворяю ее съ сердечнымъ участіемъ, съ желаніями и надеждами дружбы. Передайте ихъ отъ меня милой невѣстѣ. Она стоитъ счастія и найдетъ его. Это пророчество дружбы. Вспомните обо мнѣ въ церкви и за шампанскимъ: рюмку выпейте сами въ мое имя.

Теперь просьба: дайте знать что нибудь о Кларѣ [16]. Въ Дрезденѣ ли онъ и что̀ дѣлаетъ? Объ немъ можетъ увѣдомить васъ Барклай или Бассанжъ. Еще прошу васъ сказать Фридриху (не тому кто пишетъ цвѣты, а поэту-живописцу Фридриху), что я надѣюсь получать отъ него каждую весну по двѣ картины въ тотъ размѣръ, въ какой уже взялъ отъ него нѣсколько. Мы съ нимъ говорили о сюжетахъ; онъ знаетъ мой вкусъ. Чтобы всегда укладывалъ ихъ въ ящики и передавалъ Барклаю для отсылки, или отправлялъ въ Берлинъ на имя графа Алопеуса для доставленія въ Петербургъ Жуковскому. Простите. Мой сердечный поклонъ вашимъ.

Жуковскій.

5 (17) Ноября 1827.
Спб.

[16]) Живописецъ Клара, пользовавшійся покровительствомъ Жуковскаго.

14.

Я еще не отвѣчалъ на ваше послѣднее письмо, милая Елена Григорьевна; я порадовался, читая его и всѣмъ сердцемъ пожелалъ, чтобъ счастіе, которое такъ скромно пожаловало къ вамъ въ семью, въ ней на всегда и осталося. Вашъ кружокъ созданъ для того, чтобы его угостить и съ нимъ сродниться. То что вы пишите о образѣ, меня также поразило. Случай, но удивительный; въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни можно себѣ позволять суевѣріе, или лучше сказать можно во всѣхъ видѣть признакъ тайной судьбы, которая если не совсѣмъ снимаетъ съ себя свой покровъ, то хотя немного приподнимаетъ его. Лучшее же— спокойная довѣренность къ Провидѣнію. Получаете ли вы письма отъ Александра? Онъ теперь въ Лондонѣ съ Николаемъ. Но свиданіе едва ли будетъ имъ лѣкарствомъ. Что Батюшковъ? Я уже отказался за него отъ надежды; не знаю, каково будетъ ему въ Россіи, то есть не ему — для него уже нѣтъ въ жизни перемѣны—но для тѣхъ, кои будутъ съ нимъ. Какъ будутъ за нимъ смотрѣть? Онъ не усидитъ на мѣстѣ! Нуженъ будетъ строгій присмотръ, а я предвижу большія хлопоты для родныхъ, особливо для бѣдной Александры Николаевны. Скажите ей мой душевный поклонъ. Напишу къ ней тогда, когда будетъ о чемъ пріятномъ ее увѣдомить. По сію пору наше дѣло что-то лежитъ. Не знаете ли чего о Кларѣ? Прошу васъ послать сказать ему, чтобы о себѣ меня увѣдомилъ. Попросите также любезнаго Барклая, чтобы взялъ на себя трудъ послѣ перваго Мая прислать свидѣтельство о жизни Клары; безъ этого ему не выдадутъ жалованья, а самъ онъ не подумаетъ.

Прошу васъ также повидаться съ Фридрихомъ и сказать ему, чтобы не забылъ обѣщанія всякую весну, то есть ко всякому Маю, присылать мнѣ по *двѣ* картины въ ту величину, какая у насъ положена, или по *одной* въ двойную величину. Онъ обѣщалъ *четыре части дня;* впрочемъ оставляю на его вкусъ — ему извѣстенъ мой. Простите. У насъ теперь горе: княгиня Ливенъ умерла. Прекрасный конецъ прекрасной жизни. За то есть и веселое: Катенька Карамзина выходитъ замужъ за князя Мещерскаго.

Приложенное письмо перешлите къ профессору Таппе въ Тарантъ.

Жуковскій.

26 Февраля с. с.
1828 г.

15.

21 Мая (1828 Спб.).

Думаю, что вы уже получили теперь письмо мое, въ которомъ я увѣдомилъ васъ о отвѣтѣ графа Неселъроде на счетъ Орфано. Дивлюсь, какъ по сію пору Барклай не разрѣшилъ вашего сомнѣнія. Давнымъ давно дано знать Ханыкову, что онъ можетъ дать Орфано паспортъ, если онъ пожелаетъ выѣхать въ Россію. И такъ всѣ бѣды въ воду! Скажите Александрѣ Николаевнѣ, что Юлія Николаевна здорова; я вижу ее очень рѣдко, но знаю, что она здорова. Надобно вамъ знать, что здѣшній домъ сумасшедшихъ взяла подъ присмотръ Государыня Марія Ѳедоровна. Теперь будетъ совсѣмъ иной порядокъ. Это намъ пригодится впередъ. Предувѣдомьте объ этомъ Александру Николаевну. Можно будетъ со временемъ перевести его въ Петербургъ и помѣстить такъ, что ему будетъ спокойно и что присмотръ будетъ порядочный. Скажите отъ меня, прошу васъ, Боссе, живописцу, что я ничего для него не могъ сдѣлать: говорилъ о его картинахъ съ княземъ Волконскимъ, онъ отсылаетъ меня къ Оленину; Оленинъ отсылаетъ меня къ Волконскому. Нѣтъ никакого толку. Пускай Боссе напишетъ письмо къ Оленину офиціальное и пускай означитъ въ этомъ письмѣ, что имъ по условію исполнено, то есть сколько картинъ у него готово; и пускай пришлетъ это письмо чрезъ курьера ко мнѣ, то есть пускай передастъ его Барклаю, а Барклай уже мнѣ доставитъ. Прощайте. Увѣдомьте, когда вы отправитесь.

16.

Сейчасъ былъ у меня вашъ любезный Орфано. Я не ожидалъ его увидѣть въ Петербургѣ и съ грустью услышалъ отъ него, что онъ покинулъ васъ на долго. Но должность есть государь самодержавный. Покорпться ей надобно. По крайней мѣрѣ вамъ объ немъ слишкомъ безпокоиться не должно. Горизонтъ передъ нимъ теперь довольно ясенъ. Весьма вѣроятно, что онъ пріѣдетъ къ развязкѣ и къ блистательному возрожденію своей Греціи. Онъ очень безпокоится о Ольгѣ Алексѣевнѣ и ждетъ нетерпѣливо писемъ. Пароходъ отправляется дней черезъ пять или шесть. И такъ онъ успѣетъ получить письмо до отъѣзда. Я очень радъ, что узналъ его. Пріятная и благородная физіономія.—Вы пишете, что писали ко мнѣ изъ Москвы; но я вашего письма не получилъ и не понимаю, какъ это случилось. Отъ Тургенева есть письмо изъ Эдинбурга. Онъ путешествуетъ по Шотландіи, а братъ его на

островѣ Джерзеѣ. Зимою опять они соединятся. Его письма грустны; но онъ занятъ тѣмъ, что̀ видитъ, и это его разсѣеваетъ. Когда же будутъ они вмѣстѣ, то опять будетъ имъ очень тяжело. Но поправить едвали будетъ возможно. Радуюсь, что вы познакомились съ Авдотьей Петровной [17]. Она объ этомъ ко мнѣ писала. Поручаю ее вашей дружбѣ, какъ самого себя. Скажите мнѣ, присылать ли къ вамъ ваши книги и куда. Да увѣдомьте меня о судьбѣ тѣхъ картинъ, которыя взяты у Фридриха, посланы ли онѣ, когда, на чье имя; я ничего объ нихъ не знаю, и кто за нихъ заплатилъ? Прошу васъ объ этомъ ко мнѣ написать. Адресуйте письма на имя Булгакова. Что Батюшковъ? Я право думаю, со временемъ, его перевести сюда. Теперь здѣсь будетъ присмотръ хорошъ. Императрица о томъ заботится. О докторѣ я говорилъ, но его приглашать не хотятъ. Если самъ безъ приглашенія будетъ, то будутъ этимъ довольны и, можетъ быть, что нибудь и сладится. Но какъ ему покинуть нашего больнаго? Развѣ на короткое время пріѣдетъ. Осмотрѣлъ бы здѣшнее заведеніе и, можетъ быть, увидитъ, что можно имъ воспользоваться для Батюшкова. Простите. Мой дружескій поклонъ вашимъ.

Жуковскій.

19 Сентября (1828 Спб.).

17.

Получилъ ваши брилліанты и спѣшу ихъ вамъ доставить. Прошу васъ покорнѣйше поскорѣе увѣдомить меня о ихъ полученіи. При нихъ ко мнѣ никакого письма не было и если бы вы меня не предувѣдомили, то я взялъ бы ихъ просто себѣ и подарилъ будущей моей невѣстѣ. Теперь она и безъ нихъ обойдется; да и я самъ, кажется, безъ нея обойдусь.—Получили ли вы письмо отъ Тургенева? Прошу васъ убѣдительно писать къ нему чаще. Онъ истинно-несчастливъ, и нѣтъ средства помочь ему. Это моя болѣзнь, отъ которой нѣтъ доктора. Ваше письмо его чрезвычайно утѣшило.—Увѣдомьте о Александрѣ Николаевнѣ и о Батюшковѣ. Я писалъ къ доктору Дидриху, но отъ него не имѣю отвѣта. А онъ обѣщалъ мнѣ доставить о Батюшковѣ подробную записку. Со смертію Императрицы пропала надежда его со временемъ лучше пристроить, и ему придется оставаться на рукахъ у родныхъ. Что̀ пишетъ Орфано и когда вы надѣетесь съ нимъ опять увидѣться? Обнимаю васъ и вашихъ, если позволятъ.

Жуковскій.

19 Декабря (1828. Спб.)

17) Елагиной.

18.

(Спб. 1829).

Я писалъ къ вамъ, милая Елена Григорьевна; вы, кажется, не получили этого письма. Между тѣмъ я получилъ ваше со вложенною записочкой Фридриха. Онъ описываетъ мнѣ картины у него готовыя. Вотъ титулъ тѣхъ, кои бы я желалъ имѣть:

1. Ein Judengrab, in flacher Gegend, beim letzen Strahl der Sonne.
2. Ein Christengrab: eine Mutter am Grabe ihres Kindes.
3. Ein auf einem Felsen aufgerichtetes Kreuz.

Каждая изъ этихъ картинъ по 5 фридрихедоровъ. Я могу взять только двѣ изъ нихъ. Выберите лучшія. Но есть ли что нибудь найдете у него вновь сдѣланное, то посмотрите. Полагаюсь на вашъ вкусъ. Прилагаю письмецо, которое отдайте Фридриху. Прошу васъ опять призвать Клару и сказать ему, что я деньги его матери 500 рублей послалъ и что онъ весьма бы нехудо сдѣлалъ, когда бы хоть разъ въ жизни ко мнѣ написалъ и увѣдомилъ, что дѣлаетъ и что хочетъ дѣлать. Онъ удивительный чудакъ! Для полученія своего жалованья онъ долженъ прислать о своей жизни свидѣтельство, написанное послѣ перваго Мая 1828 года нашего стиля. Иначе всѣхъ денегъ вдругъ не получитъ. До полученія же денегъ можетъ остаться въ Дрезденѣ. Прошу васъ объ этомъ позаботиться. Но чтобъ онъ увѣдомилъ, куда поѣдетъ изъ Дрездена. Не хочетъ ли въ Римъ? Гагаринъ мнѣ знакомъ, да и вамъ онъ родня; можно будетъ ему дать туда рекомендательное письмо. Также и въ Швейцарію къ Сѣверину. А для Клары, кажется, будетъ довольно Италіи и Швейцаріи. Отъ Александра я имѣю письма; дивлюсь, что онъ къ вамъ не пишетъ. Онъ въ Лондонѣ у брата. Нельзя ли за картины попросить заплатить Бассанжа, а я здѣсь заплачу Штиглицу, какъ скоро ихъ получу. Надобно, чтобы Бассанжъ взялъ ихъ у Фридриха и адресовалъ съ первымъ кораблемъ въ Петербургъ къ Штиглицу; а мой адресъ въ Петербургѣ въ Зимнемъ Дворцѣ. Прошу васъ объ этомъ позаботиться. При выдачѣ мнѣ картинъ Штиглицъ получитъ деньги. Объ Александрѣ Николаевичѣ вамъ надобно позаботиться до вашего отъѣзда. Ей должно покинуть Пирну. Нельзя ли ей будетъ въ одно время съ вами уѣхать? Я слышалъ, что она уже нашла доктора, чтобы проводить брата. Если бы вы могли вмѣстѣ поѣхать! Сестру я видѣлъ дня три тому назадъ. Она здѣсь. О ея фрейлинствѣ нѣтъ еще ничего рѣшеннаго. Но надежда не совсѣмъ потеряна.

ОБОЗРѢНІЕ ЖИЗНИ И ЦАРСТВОВАНІЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА ПЕРВАГО *)

Александръ I-й. Императоръ Всероссійскій, старшій сынъ Императора Павла Петровича и Императрицы Маріи Ѳеодоровны, принцессы Виртембергской, родился въ С.-Петербургѣ 12 Декабря 1777 г., вступилъ на престолъ 12-го Марта 1801 г. и скончался въ Таганрогѣ 19 Ноября 1825 г.—Рожденіе его упрочивало престолонаслѣдіе въ мужескомъ поколѣніи царствующаго дома. Императрица Екатерина прилагала особенное попеченіе и постоянно заботилась о воспитаніи своего любимаго внука. Для первоначальнаго чтенія его, она сочинила сказки о Царевичѣ Февеѣ и о Царевичѣ Хлорѣ, и сдѣлала выборъ Русскихъ пословицъ. Назначила главнымъ попечителемъ при немъ графа (впослѣдствіи князя) Н. И. Салтыкова и написала ему подробную инструкцію, содержащую наставленія о сохраненіи здоровья воспитанника, объ укрѣпленіи въ немъ наклонности къ добру, объ учтивости, о познаніяхъ и проч. Предметы ученія, назначенные для великаго князя, обнимали широкій кругъ наукъ, сверхъ иностранныхъ языковъ. М. Н. Муравьевъ преподавалъ ему наставленія въ Русскомъ языкѣ, Исторіи и Нравственности; протоіерей Самборскій Законъ Божій; академикъ Крафтъ Математику и Физику, а знаменитый Палласъ нѣкоторое время Ботанику; но въ

* Въ изданіяхъ нашихъ помѣщаются эпизоды, отдѣльныя черты, письма и отрывочныя бумаги Александровской эпохи. Для лучшаго пониманія этихъ историческихъ матеріаловъ и для избѣжанія повторительныхъ примѣчаній при каждомъ изъ нихъ, предлагаемъ читателямъ общее обозрѣніе жизни и царствованія Александра Перваго. Обозрѣніе это составлено съ особенною точностью и съ возможною въ подобномъ трудѣ полнотою. Десять лѣтъ тому назадъ было оно помѣщено въ недоконченномъ Энциклопедическомъ Словарѣ; но съ тѣхъ поръ въ обиліи обнародованы новыя свѣдѣнія объ Александровскомъ времени, коими многоуважаемый авторъ дополнилъ выходящій нынѣ вторично трудъ свой. *П. Б.*

инструкціи было сказано: «Виршамъ и музыкѣ учить не для чего; тѣмъ и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искусства».—Ближайшимъ воспитателемъ былъ избранъ Швейцарскій уроженецъ, гражданинъ республики, Лагарпъ, человѣкъ современныхъ идей, честный и благородный] Александръ до конца своей жизни сохранилъ къ нему искреннюю любовь и благодарность.—Въ 1793 г. 28 Сентября, великій князь Александръ Павловичъ вступилъ въ бракъ съ Баденскою принцессою Луизою Маріею Августою, по святомъ муропомазаніи великою княжною Елисаветою Алексѣевною, и имѣлъ двухъ дочерей: Марію Александровну и Елисавету Александровну, скончавшихся въ дѣтствѣ (первая род. 18-го Мая 1799 г., ск. 27 Іюля 1800 г.; вторая род. 3-го Ноября 1806 г., ск. 30 Апрѣля 1808 г.).—Прекрасная, юная чета была лучшимъ украшеніемъ блестящаго Двора Екатерины, лучшею надеждою на закатѣ ея царствованія. Мечтательное настроеніе души Александра, скромныя его желанія, отвращеніе, которое возбуждали въ немъ лесть и низость, вообще нравственное его состояніе въ это время, живо выразились въ извѣстномъ письмѣ его къ другу юности В. П. Кочубею, помѣщенномъ барономъ М. А. Корфомъ въ разсказѣ о восшествіи на престолъ Императора Николая.—Въ царствованіе Павла I-го, цесаревичъ Александръ былъ С.-Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ, членомъ Совѣта и Сената, шефомъ Л. Г. Семеновскаго полка и занималъ еще другія военныя должности, при исполненіи которыхъ подчинялся всей строгости и точности тогдашней дисциплины, въ мельчайшихъ ея требованіяхъ. Привычка къ этому оставила въ немъ слѣды свои.

Вступая на престолъ 12-го Марта 1801 г., Императоръ Александръ объявилъ манифестомъ, что будетъ править Богомъ врученный ему народъ по законамъ и по сердцу премудрой бабки своей Екатерины Великой. Вѣсть о воцареніи его произвела неописанную радость во всей Россіи. Современники свидѣтельствуютъ, «что другъ друга поздравляли и обнимали, какъ будто Отечество было угрожаемо нашествіемъ варваровъ и освободилось».—Первымъ дѣйствіемъ Александра было освобожденіе людей, по дѣламъ Тайной Экспедиціи содержавшихся въ крѣпости, сосланныхъ въ дальнія мѣста на жительство, подъ присмотромъ въ деревни и по городамъ. Вмѣсто временнаго Совѣта при Дворѣ, который рѣдко былъ занимаемъ предметами существенными, Александръ учредилъ подъ предсѣдательствомъ своимъ *Совѣтъ Непремѣнный*, для разсматриванія всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ и проэктовъ постановленій. Изъ членовъ, назначенныхъ тогда въ этотъ Совѣтъ, Д. П. Трощинскій, какъ дѣлецъ Екатерининской эпохи и докладчикъ при Государѣ, имѣлъ значительное въ первое время вліяніе]

Исполняя обѣтъ, данный въ день принятія престола, Императоръ Александръ прибылъ 2-го Апрѣля 1801 г. въ Сенатъ и въ общемъ собраніи повелѣлъ прочесть подписанные имъ въ тотъ день пять манифестовъ: 1-е) *О возстановленіи жалованной Дворянству Грамоты* и права назначать, по выбору Дворянства, чиновниковъ къ присутствію въ Уѣздныхъ и Земскихъ Судахъ, что при Павлѣ было перенесено на Герольдію; 2-е) *О возстановленіи Городоваго положенія и Грамоты данной городамъ* во всемъ ихъ пространствѣ; 3-е) *О свободномъ отпускѣ Россійскихъ произведеній за границу, объ оставленіи сбора пошлинъ съ оныхъ на прежнемъ основаніи и о предоставленіи казеннымъ поселянамъ пользоваться лѣсами;* 4-е) *Объ уничтоженіи Тайной Экспедиціи и о вѣдѣніи дѣлъ производившихся въ оной въ Сенатѣ.* и 5-е) *О облегченіи участи преступниковъ и о сложеніи казенныхъ взысканій*, до 1000 р. — Александръ вскорѣ послѣ того, присутствуя въ Святѣйшемъ Синодѣ, повелѣлъ возстановить законъ объ освобожденіи священниковъ и дьяконовъ, впадшихъ въ уголовныя преступленія, отъ торговой казни. Другими указами: предоставлено купечеству, мѣщанству и казеннымъ поселянамъ право пріобрѣтать покупкою земли; запрещено публиковать въ вѣдомостяхъ объявленія о продажѣ людей безъ земли; отмѣнены затрудненія и препятствія для поѣздокъ заграницу и въѣзда иностранцевъ въ Россію; дозволенъ впускъ иностранныхъ всякаго рода книгъ и музыкальныхъ нотъ; открыты запечатанныя частныя типографіи, и разрѣшено впредь содержаніе вольныхъ типографій, какъ было до 1796 г.; уничтожены висѣлицы, поставленныя на публичныхъ мѣстахъ, для прибитія къ нимъ именъ разныхъ чиновъ [1]), и шлагбаумы по городамъ и селеніямъ, гдѣ нѣтъ военнаго гарнизона; велѣно обрѣзать пукли у нижнихъ воинскихъ чиновъ; запрещено употреблять въ приговорахъ слово «нещадно»; и изданы еще многія въ томъ же гуманномъ духѣ постановленія.—Въ Августѣ Александръ отправился въ Москву, гдѣ короновался 15-го Сентября. Священнодѣйствіе коронаціи совершалъ извѣстный митрополитъ Платонъ. Милости при коронаціи лились щедрою рукою. Сенату поручено освободить множество всякаго званія людей, находившихся еще въ заточеніи и ссылкѣ за разные неосторожные и легкомысленные поступки. Узнавъ объ одномъ случаѣ пытки, Александръ объявилъ непремѣнную волю, чтобъ нигдѣ, ни подъ какимъ видомъ, не допускались никакія истязанія или пристрастные допросы, и чтобъ самое названіе пытки, позорное для человѣчества, изчезло изъ памяти народной.

---

1) Такія висѣлицы были въ городахъ для выставленія на нихъ на показъ народу именъ преступниковъ. Государь нашелъ эту мѣру слишкомъ тягостною для родственниковъ несчастнаго, подвергшагося наказанію.

Эти прекрасныя начинанія заставляли ожидать еще лучшаго въ будущемъ, и подданные съ любовью окружали молодаго Императора, обаятельной наружности и чрезвычайно привѣтливаго. Поѣздка его въ 1802 г. чрезъ Ригу въ Мемель, для свиданія съ Прусскимъ королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ III, а оттуда чрезъ Вильну, Гродну, Минскъ, Могилевъ и Витебскъ обратно въ Петербургъ, была особенно ознаменована примѣрами сострадавія его къ несчастнымъ и человѣколюбія. Даже въ чужихъ странахъ старикъ Клопштокъ привѣтствовалъ одою «Ангела-хранителя человѣчества».

Тотчасъ по вступленіи на престолъ, Александръ прекратилъ вражду съ Англіею, флотъ коей подъ командою Нельсона, прорвавшись чрезъ Зундъ, подошелъ къ Ревелю. Миръ съ этой державой былъ окончательно заключенъ 5 (17) Іюня 1803 г. въ С.-Петербургѣ. Александръ отказался отъ остр. Мальты, не принялъ сана великаго магистра ордена Св. Іоанна Іерусалимскаго и призналъ, что нейтральный флагъ не покрываетъ непріятельскаго груза. Примиреніе съ Англіею не повело на этотъ разъ къ войнѣ съ тогдашнею ея противницею. Графъ Морковъ, посолъ нашъ въ Парижѣ, заключилъ 26 Сентября (8 Октября) мирные договоры съ Франціею и Испаніею. Вскорѣ потомъ подписанъ въ Аміенѣ миръ между Англіею и Франціею. Утомленная Европа отдохнула на время отъ безпрерывныхъ браней. Россія пользовалась миромъ до 1805 года. Персіяне не начинали еще враждебныхъ съ нами дѣйствій, хотя неприязненно смотрѣли на присоединеніе Грузіи къ Россіи, послѣдовавшее въ послѣдніе дни царствованія Павла I-го. Александръ, принимая на себя бремя управленія царствомъ Грузинскимъ, объявилъ манифестомъ къ Грузинамъ, что оставляетъ подати съ земли въ пользу края и сохраняетъ народу его права, преимущества и вѣру, царевичамъ ихъ удѣлы, кромѣ отсутствующихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ въ Грузію главнокомандующимъ генерала Б. Ѳ. Кнорринга и учредилъ верховное Грузинское правительство въ Тифлисѣ.

Первыя пять лѣтъ мирнаго царствованія Александра были ознаменованы началомъ широкихъ преобразованій по всѣмъ отраслямъ управленія, предпринятыхъ съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, съ пылкимъ желаніемъ водворить законный порядокъ, правосудіе и просвѣщеніе, уничтожить произволъ и лихоимство, дать свободное развитіе умственнымъ и матеріальнымъ силамъ народа.—Прежде всего опредѣлены права и обязанности Сената, которому, какъ верховному мѣсту въ Имперіи, были подчинены всѣ присутственныя мѣста, и который былъ обязанъ охранять законы, наблюдать за собираніемъ податей и за штатными расходами, производить въ чины по извѣстнымъ правиламъ и проч. Потомъ сдѣлано болѣе правильное и сообразное съ требованіями времени распредѣ-

леніе государственныхъ дѣлъ. Манифестомъ 8-го Сентября 1802 г. учреждены Министерства. Первоначально ихъ было восемь, и министрами назначены: иностранныхъ дѣлъ канцлеръ гр. А. Р. Воронцовъ, военнымъ генералъ Вязмитиновъ, морскимъ адмиралъ Н. С. Мордвиновъ, внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубей, юстиціи Г. Р. Державинъ, финансовъ гр. А. И. Васильевъ, коммерціи гр. Н. П. Румянцевъ, народнаго просвѣщенія гр. П. В. Завадовскій. — Существовавшія доселѣ Коллегіи поступали въ составъ министерствъ и преобразовались въ Департаменты. Министрамъ предоставлялся обширный кругъ власти по дѣламъ ихъ вѣдомства; для сужденія же о дѣлахъ, требующихъ общихъ соображеній, учрежденъ Комитетъ Министровъ, нерѣдко занимавшійся въ личномъ присутствіи Государя. Отчеты о своемъ управленіи министры должны были подавать чрезъ Сенатъ. — Императоръ Александръ, ввѣряя важнѣйшія мѣста въ государствѣ людямъ заслуженнымъ и опытнымъ прежняго времени, употреблялъ рядомъ съ ними людей новыхъ, молодыхъ, болѣе преданныхъ духу времени и готовыхъ удовлетворить его потребностямъ. Они окружили Александра и были ближайшими его совѣтниками. Гр. В. П. Кочубей, Ник. Ник. Новосильцовъ, князь Адамъ Чарторижскій и гр. Пав. Александ. Строгоновъ пользовались особеннымъ его расположеніемъ, и имена ихъ связаны неразлучно съ первыми годами его царствованія. Собираясь по вечерамъ у Государя, они составляли Комитетъ, который не имѣлъ ничего офиціальнаго, но которому принадлежитъ однако мысль важнѣйшихъ преобразованій того времени и въ томъ числѣ учрежденія Министерствъ [2]. Строгоновъ былъ тотчасъ при этомъ назначенъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ; въ 1803 г. Новосильцовъ товарищемъ министра юстиціи, а Чарторижскій сперва товарищемъ и вскорѣ потомъ управляющимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Товарищемъ министра народнаго просвѣщенія былъ М. Н. Муравьевъ. Нельзя не замѣтить, однако, что преобразовательная дѣятельность этого времени носила на себѣ признаки поспѣшности, необдуманности и неполноты: замѣняли старый порядокъ новымъ, недостаточно подготовленнымъ и увлекались подражаніемъ иностранному, не обращая вниманія на существенныя нужды своего народа. Такъ Министерства уже существовали и начинался новый административный порядокъ въ государствѣ, а не было еще подробныхъ для нихъ учреж-

[2]) Новосильцовъ, Чарторижскій и Строгоновъ составляли союзъ, извѣстный тогда въ публикѣ подъ именемъ *triumvirata*, и которому самъ Государь иногда въ шутку давалъ прозваніе: *Comité du salut public*, т. е Комитетъ общественной безопасности. Александръ, въ заботахъ своихъ о благѣ Россіи, входилъ въ сношенія даже съ частными лицами, какъ напр съ извѣстнымъ В. Н. Каразинымъ.

деніи и инструкцій, не было точнаго разграниченія и опредѣленія подвѣдомственныхъ имъ частей. Власть министровъ сталкивалась съ Сенатомъ: прежнія коллегіальныя формы съ централизаціей.—Отъ этого происходили многія недоразумѣнія, замѣшательства и безпорядки. Министерство внутреннихъ дѣлъ первое получило нѣсколько стройную организацію. Проэктъ образованія его внесенъ въ Комитетъ Министровъ въ 1803 г. и послужилъ образцомъ для прочихъ министерствъ. Нѣсколько позднѣе, въ 1804 г., учреждена Коммиссія составленія законовъ, на которую возлагалось начертаніе новыхъ учрежденій и уставовъ по всѣмъ частямъ законодательства, на основаніи законовъ дѣйствующихъ, съ дополненіемъ и усовершеніемъ ихъ изъ общихъ началъ законовѣдѣнія.

Въ 1803 г., въ слѣдствіе изъявленнаго графомъ С. П. Румянцовымъ желанія отпустить на волю нѣкоторыхъ крестьянъ своихъ съ участками земли, послѣдовалъ законъ 20-го Февраля, коимъ разрѣшалось всѣмъ помѣщикамъ, кто пожелаетъ, увольнять своихъ крестьянъ цѣлыми селеніями или отдѣльно семействами съ землею по заключеніи условій, на обоюдномъ согласіи основанныхъ. Министерству внутреннихъ дѣлъ предоставлялось разсмотрѣніе и утвержденіе этихъ условій. Отпущенные такимъ образомъ крестьяне могли, не записываясь въ другія сословія, оставаться *свободными хлѣбопашцами*, составляя по себѣ особенное состояніе. Указъ этотъ имѣлъ большое значеніе, будучи первымъ офиціальнымъ проявленіемъ мысли объ уничтоженіи крѣпостнаго права и полагая начало новому свободному сословію земледѣльцевъ. Прекращеніе Александромъ раздачи населенныхъ земель въ собственность частнымъ лицамъ, помянутый указъ 20-го Февраля, запрещеніе дѣлать объявленія о продажѣ людей безъ земли и совершать купчія крѣпости на рекрутскія квитанціи, вниманіе, обращенное на случаи злоупотребленія помѣщичьей власти, и другія подобныя мѣры свидѣтельствуютъ о томъ, что освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ было постояннымъ желаніемъ, задушевною, такъ сказать, мыслію Александра, которую онъ и не таилъ, особенно въ искреннихъ бесѣдахъ своихъ [3]).

Стремленіе къ распространенію образованія по всей Имперіи и во всѣхъ слояхъ народныхъ было однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ проявленій первыхъ годовъ царствованія Александра. Учрежденное имъ Министерство просвѣщенія не замедлило начертать планъ общаго народнаго образованія и дѣятельно приступило къ приведенію его въ исполненіе. Опредѣлено имѣть четыре рода училищъ: 1) Приходскія, 2) Уѣздныя, по крайней мѣрѣ по одному въ каждомъ уѣздномъ городѣ, 3)

[3]) См. M-me de Stael, Dix années d'exil.

Гимназіи въ каждомъ губернскомъ городѣ, и 4) Университеты въ учебныхъ округахъ. Со временъ Екатерины существовали въ городахъ Главныя и Малыя Народныя Училища, но большею частію только по имени. Теперь первыя были переименованы въ Гимназіи, вторыя въ Уѣздныя Училища; тѣмъ и другимъ даны средства къ дѣйствительному существованію. Университеты Московскій, Виленскій и Дерптскій (коему положено начало Павломъ I) получили утвердительныя Грамоты и значительно преобразованы, при чемъ щедро умножены всѣ ихъ средства. Новые Университеты учреждались въ С.-Петербургѣ, Харьковѣ и Казани. Два послѣдніе были уже открыты въ 1805 г. [4]). Открытіе Петербургскаго Университета послѣдовало гораздо позже. Предназначались еще для Университетовъ по мѣрѣ способовъ: Кіевъ, Тобольскъ, Устюгъ-Великій и др. города. Для прежнихъ и новыхъ Университетовъ вызваны изъ заграницы извѣстные профессоры; молодые Русскіе ученые посланы туда для усовершенствованія. Вышелъ общій Уставъ Университетовъ, вмѣстѣ съ Уставомъ подвѣдомственныхъ имъ Училищъ. Тогда въ первый разъ даны Университетамъ права на производство въ ученыя степени по всѣмъ ихъ факультетамъ, а разнымъ степенямъ и званіямъ ихъ присвоены классы государственной службы. Университетскій аттестатъ сдѣлался правомъ всѣхъ сословій на возвышеніе по лѣствицѣ всѣхъ гражданскихъ степеней. Изданъ еще новый Регламентъ и Штатъ Академіи Наукъ. Утвержденъ проэктъ Коммерческой Гимназіи въ Одессѣ. Составленъ и утвержденъ проэтъ военнаго воспитанія, по коему полагались губернскія военныя училища для начала воспитанія, которое окапчивалось въ двухъ высшихъ Кадетскихъ Корпусахъ въ С.-Петербургѣ]— Примѣръ правительства возбудилъ ревностное содѣйствіе частныхъ лицъ. При открытіяхъ Гимназій и Уѣздныхъ Училищъ, быстро слѣдовавшихъ одни за другими, дѣлались безпрестанно частныя пожертвованія. Они были особенно значительны въ Западныхъ губерніяхъ, для Волынской Гимназіи и другихъ [5]). Въ 1805 г. изданъ Уставъ Ярославскаго училища высшихъ наукъ, учрежденнаго въ исполненіе воли ст. совѣт. П. Г. Демидова, пожертвовавшаго на этотъ предметъ недвижимое имѣніе и капиталъ, которое въ память его наименовалось Демидовскимъ. Въ томъ же году утверждено распоряже-

---

4) Харьковское и Полтавское дворянство и купечество по убѣжденіямъ помянутаго нами Каразина пожертвовали весьма значительную сумму на Харьковскій Университетъ, что и дало возможность вскорѣ открыть его.

5) Къ сожалѣнію эти пожертвованія и вся дѣятельность и усердіе къ водворенію учебныхъ заведеній въ Западныхъ губерніяхъ были обращены на полонизацію этого края. Кн. Чарторыжскій сохранялъ до 1823 г. попечительство Виленскаго Учебнаго Округа.

ніе графа Безбородко о заведеніи въ Нѣжинѣ Гимназіи высшихъ наукъ, въ пользу которой, сверхъ назначеннаго братомъ его княземъ Безбородко капитала, онъ дѣлалъ значительное ежегодное приношеніе и устроилъ помѣщеніе.] Благотворительность шла рядомъ съ просвѣщеніемъ: утверждено учрежденіе Странно-пріимнаго въ Москвѣ дома иждивеніемъ графа Шереметева. При такомъ общемъ стремленіи и при умѣренной цензурѣ, уставъ для которой былъ изданъ 9-го Іюня 1804 г., распространилась любовь къ чтенію и къ умственнымъ занятіямъ, умножилось число издаваемыхъ въ Россіи книгъ и журналовъ. Между послѣдними отличался достоинствомъ содержанія и изложенія Вѣстникъ Европы Карамзина.×Само правительство,] понимавшее необходимость гласности,×начало обнародывать отчеты Министерствъ и другіе офиціальные акты и свѣдѣнія.]—При Министерствѣ просвѣщенія уже съ 1803 г. выходило «Періодическое сочиненіе о успѣхахъ народнаго просвѣщенія», а отъ Министерства внутреннихъ дѣлъ издавался ×съ 1804 г. «С.-Петербургскій Журналъ».] Образовались разныя ученыя и литературныя общества, въ томъ числѣ С.-Петербургское вольное общество любителей наукъ, словесности и художествъ. При Московскомъ Университетѣ существовали уже въ это время (памятное попечительствомъ М. Н. Муравьева) три общества наукъ.×Съ 1803 по 1806 г. совершено первое путешествіе Русскихъ вокругъ свѣта, подъ начальствомъ Крузенштерна и Лисянскаго, на кор. Надеждѣ и Невѣ.] Въ 1805 г. графъ Ю. А. Головкинъ отправленъ посломъ въ Пекинъ. Посольство это не достигло мѣста своего назначенія и не имѣло успѣха въ политическомъ отношеніи; но трудами и изслѣдованіями сопровождавшихъ его ученыхъ оно не осталось безъ пользы для науки. Вообще это пятилѣтіе было особенно замѣчательно многочисленными подвигами на пользу просвѣщенія и сильнымъ умственнымъ движеніемъ, принесшими Россіи неоцѣненные плоды.

Но внѣшнія дѣла привлекли вниманіе Александра. Аміенскій миръ не на долго успокоилъ Европу. Въ Маѣ 1802 г. Англія была опять въ войнѣ съ Франціею. Неимовѣрно возраставшее могущество Наполеона и самовластная его политика угрожали независимости всѣхъ государствъ. Большая часть континентальной Европы уже смирилась предъ нимъ. Россія и Швеція протестовали, одни, противъ казни герцога Энгіенскаго, прекратили дипломатическія съ Франціею сношенія и непризнали Наполеона императоромъ.×Въ началѣ 1805 г. Россія заключила договоръ съ Англіею. Питтъ, снова ставшій главою Англійскаго Кабинета, составилъ планъ общаго союза, по коему полагалось, при содѣйствіи Австріи, Пруссіи и Швеціи, дружно напасть на Францію, возвратить ее въ прежніе предѣлы и обезпечить спокойствіе въ Европѣ. Императоръ Алек-

сандръ горячо принялся за исполненіе этого плана и для возбужденія монарховъ вошелъ въ личную съ ними переписку] Король Шведскій Густавъ IV, ненавидѣвшій Наполеона и самый упорный его врагъ, готовъ былъ вступить съ нимъ въ борьбу съ одними силами своего государства. Австрія, для которой образованіе Италіанскаго королевства представляло живѣйшія опасенія, присоединилась также къ союзу; но Пруссія сохранила нейтралитетъ.

Тогда на западной границѣ Россіи повелѣно составить армію въ 90 т. человѣкъ, а собраннымъ заблаговременно у Радзивилова 50 т., подъ командою М. И. Кутузова, идти на присоединеніе къ Австрійцамъ въ Баварію.—Наполеонъ, принявъ вступленіе Австрійцевъ въ Баварію за объявленіе войны, быстро двинулъ свои войска изъ Франціи, Голландіи и Ганновера, нарушилъ нейтралитетъ Пруссіи (переходомъ чрезъ Аншпахское Княжество), разбилъ Австрійскую армію по частямъ и принудилъ генерала Макка сдаться въ Ульмѣ на капитуляцію. Кутузову, прибывшему въ это время на берега Инна, оставалось только одно—отступать въ Моравію къ шедшей туда съ береговъ Вислы другой Русской арміи. Онъ совершилъ это отступленіе, будучи преслѣдуемъ и тѣснимъ превосходнымъ непріятелемъ. Въ Кремсѣ успѣлъ онъ перейти на лѣвый берегъ Дуная, а при Голлабрунѣ и Шенграбенѣ, отрядомъ Багратіона, сражавшагося съ геройскимъ мужествомъ, удержалъ непріятельскія силы, стремившіяся отрѣзать ему путь. Въ Ольмюцѣ Кутузовъ встрѣтилъ Императоровъ Александра и Франца съ союзною арміею, которой и былъ назначенъ главнокомандующимъ.

Александръ, отправляясь изъ С.-Петербурга за границу, поѣхалъ сперва въ Берлинъ, къ Прусскому королю. Въ Потсдамѣ, оба монарха, у гроба Великаго Фридриха, въ присутствіи прекрасной королевы Луизы, поклялись въ вѣчной дружбѣ; но Александръ не могъ склонить короля къ немедленному участію въ войнѣ] Онъ обязался приступить къ союзу, если Наполеонъ не согласится на его предложенія черезъ мѣсяцъ.—Посѣтивъ въ Веймарѣ великую княгиню Марію Павловну, Императоръ Александръ черезъ Дрезденъ прибылъ въ Ольмюцъ. Армія занимала тутъ прекрасную позицію, подъ пушками крѣпости, и могла безопасно ожидать прибытія новыхъ силъ. Кутузовъ предлагалъ не покидать этой позиціи или отступить къ подходившимъ уже корпусамъ Эссена и Беннигсена] Наполеонъ находился въ своей арміей въ Брюннѣ и, не смотря на желаніе рѣшительной битвы, не отваживался аттаковать Русскихъ подъ Ольмюцемъ. Онъ послалъ письмо къ Александру съ привѣтствіемъ и изъявленіемъ желанія дружбы. Александръ отвѣчалъ учтиво, но съ надписью: «au chef du gouvernement francais» (Начальнику Французскаго прави-

тельства.) Со временъ Петра I-го, монархи Русскіе не являлись на войнѣ.×Войско было необыкновенно одушевлено присутствіемъ Александра. Гвардія горѣла нетерпѣніемъ сразиться въ его глазахъ. Молодые, окружавшіе, его генералы раздѣляли это нетерпѣніе и желаніе.]

Душею всѣхъ распоряженій былъ Австрійскій генералъ Вейротеръ, который исправлялъ должность генералъ-квартирмейстера и дѣйствія котораго возбудили потомъ всеобщее подозрѣніе. Полагались на его знаніе мѣстности, на увѣреніе, что Наполеонъ стоитъ въ Брюннѣ съ слабыми силами, и рѣшились выступить впередъ. Наполеонъ обратился снова къ Александру и предлагалъ ему свиданіе. Александръ послалъ любимаго и довѣреннаго своего генералъ-адъютанта князя П. П. Долгорукова, который, разговаривая съ Наполеономъ, ни разу его не назвалъ Величествомъ и, возвратясь, усилилъ надежды на несомнѣнную побѣду.×Русскіе стремились аттаковать Наполеона съ тою самоувѣренностію и безпечностію, съ тѣмъ неуваженіемъ непріятеля, которыя почти всегда бываютъ пагубны. Арміи сошлись на поляхъ Аустерлица.] Ноября 20-го, рано утромъ, въ туманъ, Русскія и Австрійскія колоны начали развертываться, устроиваться и растянулись по обширной позиціи.×Императоръ Александръ прибылъ къ войскамъ 4-й колонны въ центрѣ, гдѣ былъ Кутузовъ и, видя, что ружья стояли въ козлахъ, сказалъ ему: «Михаилъ Илларіоновичъ! Почему не идете вы впередъ?»—«Я поджидаю, чтобы всѣ войска колоны пособрались», отвѣчалъ Кутузовъ. «Вѣдь мы не на Царицыномъ лугу, гдѣ не начинаютъ парада, пока не придутъ всѣ полки», возразилъ Александръ.—«Государь, сказалъ Кутузовъ, потому-то я и не начинаю, что мы не на Царицыномъ лугу; впрочемъ, если прикажите?» Приказаніе было отдано. Войска двинулись; но въ то самое время, какъ они шли аттаковать, были сами аттакованы:] послѣ упорнаго, отчаяннаго боя, Наполеонъ прорвалъ центръ союзниковъ, обратился на фланги ихъ и одержалъ совершенную побѣду. Пораженныя войска отступали въ большомъ безпорядкѣ, въ разбродъ, по разнымъ направленіямъ. Александръ находился подъ непріятельскимъ огнемъ при четвертой колоннѣ до конечнаго ея пораженія. Тогда онъ остался почти одинъ; свита его потеряла его изъ виду въ смятеніи; ночью, въ дождь, онъ ѣхалъ верхомъ при войскахъ и отдыхалъ въ крестьянской избѣ на соломѣ; на третьи только сутки отыскалась его коляска; до тѣхъ поръ онъ оставался безъ прислуги, не перемѣняя бѣлья и платья.

Императоръ Францъ тотчасъ прекратилъ военныя дѣйствія съ Наполеономъ и началъ переговоры, которые кончились для Австріи Пресбургскимъ миромъ.×Императоръ Александръ согласился удалиться съ арміею въ Россію. Кутузовъ

повелъ ее чрезъ Венгрію и Галицію.] Корпусу графа П. А. Толстаго, отправленному въ началѣ войны моремъ въ Померанію для совокупнаго дѣйствія съ Шведами и Англичанами въ Ганноверѣ, повелѣно отдѣлиться отъ нихъ. Русскій отрядъ, высадившійся съ Англичанами въ Неаполѣ, получилъ приказаніе возвратиться на эскадрѣ Сенявина на Іоническіе острова. Самъ Александръ поѣхалъ въ Петербургъ чрезъ Тешенъ.*Аустерлицкія событія не остались безъ вліянія на его характеръ: они поселили въ немъ зародышъ недовѣрчивости и къ себѣ и къ другимъ. Наполеонъ, вспоминая объ Аустерлицѣ, на пустынныхъ скалахъ Св. Елены, превозносилъ Русскія войска и необычайную ихъ стойкость въ этотъ день.]

По возвращеніи въ Петербургъ, одною изъ главныхъ заботъ Александра было приведеніе Россіи въ грозное оборонительное положеніе.*Онъ учредилъ Военный Совѣтъ подъ личнымъ своимъ предсѣдательствомъ. Изъ инспекцій, на которыя дѣлились войска, составлены дивизіи; каждая заключала въ себѣ всѣ роды войска, даже казаковъ. Артиллерійскія роты, вмѣсто соединенія въ баталіоны и полки, были соединены въ бригады. Занялись составленіемъ магазиновъ для провіанта, снарядовъ и пр.] Однако удаленіе Австріи съ поприща войны, возобновленіе Пруссіей дружбы съ Франціей, смерть Питта и наклонность къ миру новаго Англійскаго Кабинета, возбудили и въ Александрѣ намѣреніе вступить, при удобномъ случаѣ, въ переговоры съ Наполеономъ.*Подъ предлогомъ попеченія о нашихъ плѣнныхъ, былъ посланъ въ Парижъ статскій совѣтникъ Убри, которому и поручено начать эти переговоры. Онъ поторопился подписать 8 Іюня мирный въ Парижѣ трактатъ. Александръ, найдя, что этотъ трактатъ «противенъ чести и обязанностямъ Россіи въ разсужденіи ея союзниковъ», не утвердилъ его и манифестомъ 3 Сентября объявилъ о предстоящей вновь войнѣ съ Франціей.]

Между тѣмъ Пруссія, раздраженная повторявшимися оскорбленіями Наполеона, также объявила ему наконецъ войну, но тогда, когда единственная ея союзница Россія не могла еще поспѣть на поприще брани.—Наполеонъ бросился на собиравшіяся противъ него Прусскія войска, уничтожилъ ихъ въ одинъ день при Іенѣ и при Ауерстетѣ и въ нѣсколько недѣль занялъ всѣ Прусскія области до Вислы: крѣпости сдавались одна послѣ другой. Королевское семейство спаслось отъ бурнаго потока бѣгствомъ къ предѣламъ Россіи.—Кончивъ съ Пруссіей, Наполеонъ обратился къ борьбѣ съ Александромъ, сосредоточилъ свои войска на лѣвомъ берегу Вислы, сдѣлалъ воззваніе къ Полякамъ и старался вооружить противъ Россіи Турцію. Поляки составили, подъ начальствомъ Домбровскаго и Заіончека, нѣсколько полковъ, которые присоединились къ арміи Наполеона. Порта, по наущеніямъ Французскаго посла въ Кон-

стантинополѣ, генерала Себастіани, отрѣшила господарей Молдавіи и Валахіи, вопреки существовавшимъ трактатамъ съ Россіею, по которымъ обязывалась не смѣнять ихъ до истеченія извѣстнаго срока. Дунайскія Княжества были немедленно заняты Русскими войсками, въ обезпеченіе правъ Россіи; но это отвлекло значительную часть нашихъ силъ отъ Западной границы.—Александръ возвѣстилъ народу, что общій врагъ Европы угрожаетъ Отечеству и повелѣлъ образовать ополченіе, названное внутреннею временною милиціею, въ числѣ 612,000 человѣкъ.—Два корпуса Русскихъ войскъ, Бенингсена и гр. Буксгевдена, выступили изъ Литвы по направленію къ Варшавѣ. Наполеонъ поспѣшилъ переправиться на правый берегъ Вислы и пойдти имъ на встрѣчу. Выборъ главнокомандующаго дѣйствующею арміею затруднялъ Государя; наконецъ былъ назначенъ престарѣлый фельдмаршалъ гр. М. Ѳ. Каменскій. Онъ прибылъ къ войскамъ въ Пультускъ, гдѣ армія должна была сосредоточиться, но чрезъ четыре дня написалъ къ Государю: «старъ я для арміи, ничего не вижу, ѣздить верхомъ не могу и т. п.», разослалъ отдѣльныя приказанія дивизіоннымъ начальникамъ, «въ случаѣ неудачи ретироваться на Россійскія границы», и самъ туда уѣхалъ. Разбросанная армія осталась безъ вождя въ минуту крайней опасности. Бенингсенъ, не смотря на приказаніе фельдмаршала, остался при Пультускѣ и 14-го Декабря въ упорной битвѣ отразилъ непріятеля на всѣхъ пунктахъ. Въ тотъ же день князь Д. В. Голицынъ мужественно отбивался отъ превосходныхъ силъ при мѣстечкѣ Голынинѣ. Буксгевденъ шелъ также въ этотъ день къ Пультуску: но, получивъ странное приказаніе Каменскаго, остановился въ недоумѣніи на половинѣ дороги. Послѣ Пультускаго сраженія, разрозненные корпуса Русской арміи начали стягиваться назадъ къ Новогруду по ужасной распутицѣ и грязи на болотистой почвѣ Мазовіи [6], претерпѣвая большой недостатокъ въ продовольствіи и всякаго рода лишенія. Между тѣмъ Бенингсенъ былъ назначенъ главнокомандующимъ. Онъ перевелъ армію фланговымъ движеніемъ въ Восточную Пруссію, гдѣ произошло при Прейсишъ-Эйлау 27 Января 1807 г. одно изъ самыхъ кровопролитныхъ и упорныхъ сраженій нашего вѣка. Оно прекратилось только мракомъ ночи. Бенингсенъ отступилъ къ Кенисбергу. Непріятель его не преслѣдовалъ. Зимній походъ кончился не безъ славы для Русскихъ. Наполеонъ въ первый еще разъ встрѣтилъ такой твердый отпоръ и въ двухъ главныхъ сраженіяхъ не имѣлъ рѣшительнаго перевѣса.

Бездѣйствіе продолжалось до Мая.—Въ Февралѣ выступила изъ столицы гвардія на соединеніе съ арміей Бенингсена. Въ

---

[6] Наполеонъ говорилъ: Il y a un cinquième element en Pologne, la boue.

Мартѣ выѣхалъ изъ Петербурга Императоръ Александръ, посѣтилъ въ Митавѣ короля Лудовика XVIII, имѣлъ свиданіе въ Мемелѣ съ Прусскимъ королемъ и прибылъ въ Бартенштейнъ, въ главную квартиру арміи. Здѣсь была заключена $^{14}/_{26}$ Апрѣля конвенція съ королемъ Прусскимъ для усиленныхъ дѣйствій противъ Наполеона на условіяхъ, которыя предлагались также Австріи, Англіи и Швеціи, но безъ успѣха. Изъ Гейльсберга, гдѣ были собраны войска для наступательнаго движенія, потомъ отложеннаго, Александръ возвратился въ Мемель.

Въ это время генералъ-маіоръ гр. Н. М. Каменскій былъ посланъ съ отрядомъ на помощь осажденному Данцигу, который однакоже скоро сдался. Въ концѣ Мая Беннигсенъ двинулся къ Гутштату, гдѣ одержалъ верхъ надъ непріятелемъ и потомъ сталъ въ укрѣпленной позиціи у Гейльсберга. Наполеонъ атаковалъ его, но былъ отбитъ съ большимъ урономъ. Беннигсенъ, не воспользовавшись благопріятными обстоятельствами для наступательныхъ дѣйствій, пошелъ къ Прегелю прикрывать Кенигсбергъ и свои запасы.×У Фридланда, 2 Іюня, онъ допустилъ Наполеона напасть всѣми силами на Русскую армію въ самой невыгодной для нея позиціи. Наполеонъ стѣснилъ и опрокинулъ Русскихъ на городъ, за которомъ находились рѣка и мостъ въ пламени. Совершенно разстроенная Русская армія отступила къ Тильзиту и перешла Нѣманъ.—Александръ находился въ это время вблизи, въ Юрбургѣ. Немедленно было заключено перемиріе, и положено вступить въ переговоры о мирѣ. Бездѣйствіе союзниковъ заставило Александра желать прекращенія войны, которую онъ имѣлъ еще средства продолжать на границахъ своей Имперіи.×Англія, не смотря на всѣ свои обѣщанія, предъ самымъ только концемъ военныхъ дѣйствій, собралась выслать 20-ти т. корпусъ въ Померанію, и при томъ Лондонскій Кабинетъ дѣлалъ затрудненія въ содѣйствіи Россіи къ займу 6 милл. фунт. стерл. у Англійскихъ капиталистовъ. Тотчасъ послѣ перемирія, Наполеонъ предложилъ Александру свиданіе въ Тильзитѣ. Оно послѣдовало 13-го Іюня въ павильонѣ, устроенномъ на плоту посреди Нѣмана. По приглашенію Наполеона, Александръ остался жить въ Тильзитѣ, куда чрезъ нѣсколько дней переѣхалъ и король Прусскій. Тутъ оба Императора были безпрестанно вмѣстѣ и проводили вечера наединѣ въ продолжительныхъ разговорахъ. Слава Наполеона, какъ перваго полководца своего вѣка, какъ законодателя и правителя, всѣ великія его дарованія, все обаяніе этого геніяльнаго человѣка, не могли не подѣйствовать на воспріимчиваго Александра, на живое его воображеніе. ×Онъ увлекся Наполеономъ и сблизился съ нимъ, хотя Аустерлицъ и Фридландъ конечно не могли изгладиться навсегда изъ его памяти.—Переговоры о мирѣ вели съ Русской стороны князья Куракинъ и Лобановъ-Ростовскій, а со

стороны Франціи Тайлеранъ; но главное участіе въ нихъ принадлежало самимъ монархамъ. Тильзитскій миръ былъ подписанъ 25 (7) и ратификованъ 27 Іюня (9 Іюля) 1807 г.—Изъ Польскихъ областей, принадлежавшихъ Пруссіи, составлено Великое Герцогство Варшавское и отдано Саксонскому королю. Бѣлостокская область присоединена къ Россіи. Императоръ Александръ признавалъ всѣ измѣненія, произведенныя Наполеономъ въ политическомъ составѣ Европы. Россія обязывалась заключить перемиріе съ Турцею и вывести войска свои изъ Молдавіи и Валахіи, которыхъ Туркамъ не занимать до окончательнаго мира при посредничествѣ Франціи. Александръ принималъ на себя посредничество въ примиреніи Англіи съ Франціей. Императоры Русскій и Французскій взаимно поручились за цѣлость своихъ владѣній. Вотъ главныя статьи Тильзитскаго договора, объявленныя тогда во всеобщее свѣденіе; но существовали отдѣльныя условія, сдѣлавшіяся извѣстными только въ послѣдствіи. По этимъ условіямъ, Россія обязывалась, если по истеченіи мѣсяца со времени обмѣна ратификацій Англія не согласится на миръ, основанный на свободѣ мореплаванія, соединиться съ Франціей противъ нея, пристать къ континентальной системѣ и вызвать къ содѣйствію Данію и Швецію.—Касательно Турціи было положено, что если переговоры въ теченіи трехъ мѣсяцевъ не приведутъ къ удовлетворительному результату, то Франція будетъ въ союзѣ съ Россіей противъ Порты. Полагаютъ, что въ послѣднемъ случаѣ Франція и Россія предоставляли себѣ сговориться объ освобожденіи отъ Турецкаго ига всѣхъ Европейскихъ областей Порты, за исключеніемъ Константинополя и Румеліи. Отдѣльнымъ договоромъ — Республика Іоническихъ острововъ поступала во владѣніе Наполеона, и Русскіе очищали крѣпость Бокке-ди-Каттаро, занятую вице-адмираломъ Сенявинымъ въ началѣ войны, съ помощію Черногорцевъ.]— Миръ Франціи съ Пруссіею былъ заключенъ чрезъ два дня послѣ мира съ Россіею. Александръ склонилъ Наполеона къ уступкамъ и въ одной статьѣ было именно сказано: «что императоръ Французовъ, въ уваженіе къ Императору Всероссійскому, соглашается возвратить королю Прусскому слѣдующія области и пр.». При всемъ томъ, Пруссія лишилась болѣе половины всѣхъ своихъ владѣній и обязалась заплатить огромную контрибуцію, оставляя покуда почти всѣ свои крѣпости въ рукахъ Французовъ.

Тильзитскій миръ не обрадовалъ Россію. Измѣненіе политики Александра и сближеніе его съ Наполеономъ почитали принужденіемъ. Это оскорбило народное самолюбіе, и въ высшихъ сферахъ общества, находившихся подъ вліяніемъ эмигрантовъ, роптали на поборниковъ союза съ Франціей. Когда же послѣдовавшій вскорѣ разрывъ съ Англіей произвелъ оста-

новку въ торговлѣ, затрудненія въ денежныхъ оборотахъ и упадокъ ассигнацій, миръ этотъ сдѣлался тягостнымъ для всѣхъ сословій.] Внутренняя временная милиція была распущена. Помѣщикамъ и казеннымъ поселянамъ позволено оставить на службѣ тѣхъ ратниковъ, которыхъ пожелаютъ, получивъ за нихъ рекрутскія квитанціи. Милиція эта, плохо вооруженная, не принимала участія въ военныхъ дѣйствіяхъ и не принесла никакой пользы. Между тѣмъ болѣе 600 т. человѣкъ были оторваны преимущественно отъ сельскихъ работъ, въ самое необходимое время года.—Въ исходѣ 1807 г. министерство, управлявшее дотолѣ и называемое современниками Англійскимъ, преимущественно по направленію внѣшней политики, измѣнилось. Министръ финансовъ гр. Васильевъ умеръ, и на мѣсто его назначенъ Θ. А. Голубцевъ. За годъ до того Чарторижскій передалъ портфель иностранныхъ дѣлъ барону Будбергу, котораго теперь замѣнилъ гр. Н. П. Румянцевъ, сохраняя пока и Министерство коммерціи. — Вмѣсто Кочубея назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ кн. Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, а вмѣсто Вязмитинова военнымъ министромъ гр. А. А. Аракчеевъ. Державинъ еще въ 1803 г. оставилъ Министерство юстиціи, поступившее къ кн. П. В. Лопухину. «Прежніе любимцы удалились.] Новосильцевъ сдѣланъ Сенаторомъ, графъ П. А. Строгоновъ поступилъ въ военную службу. Наполеонъ прислалъ въ Россію на первый случай Савари, а потомъ Коленкура, памятнаго Петербургскому обществу своимъ высокомѣріемъ и дерзостью. Графъ П. А. Толстой поѣхалъ посломъ въ Парижъ. —«Войска наши были переодѣты на манеръ Наполеоновыхъ; имъ даны эполеты.]

Русскія войска, какъ было уже упомянуто, заняли въ 1806 г. Молдавію и Валахію. Это повело къ разрыву съ Турціею. Въ продолженіе 1807 г. дѣйствія Русскихъ, подъ начальствомъ И. И. Михельсона, ограничились покушеніями на крѣпости Журжу, Измаилъ и т. д., и удержаніемъ Бухареста, который былъ спасенъ отъ яростнаго мщенія Турокъ блестящимъ подвигомъ Милорадовича. — Слабый отрядъ былъ посланъ въ Краіово, для открытія сообщеній съ Георгіемъ Чернымъ, предводителемъ Сербовъ, которые возстали противъ Турокъ и вели съ ними ожесточенную борьбу. — Вице-адмиралъ Сенявинъ явился съ эскадрою на водахъ Архипелага и одержалъ значительную побѣду надъ Турецкимъ флотомъ при о. Лемносѣ. Графъ Гудовичъ разбилъ Турокъ въ Азіи, на берегахъ Арпачая. Всѣ эти дѣйствія прекратились Тильзитскимъ трактатомъ. На основаніи этого трактата заключено съ Турками перемиріе въ Слободзеѣ, и Русскіе начали выходить изъ Молдавіи и Валахіи; но какъ Турецкія шайки, вопреки условію, тотчасъ бросились въ Галацъ и другія мѣста, то Русскіе остановили свое движеніе и заняли вновь Княжества. Молдавская армія

была усилена войсками изъ Россіи, но до 1809 г. оставалась въ бездѣйствіи: шли безуспѣшные переговоры о мирѣ. Сенявинъ возвратился въ Корфу и потомъ вышелъ съ эскадрою изъ Средиземнаго моря.

×Посредничество Русскихъ въ примиреніи Франціи съ Англіей было принято послѣднею холодно и недовѣрчиво. Англійскій Кабинетъ предупредилъ замыслы Наполеона дѣломъ безславнымъ, но которымъ обезпечивалъ себя. Британскій флотъ немедленно явился предъ Копенгагеномъ и потребовалъ выдачи Датскаго флота; получивъ отказъ, бомбардировалъ Копенгагенъ, увелъ Датскіе корабли, истребилъ верфи и арсеналы. Слѣдствіемъ этого было объявленіе Россіею войны съ Англіею 25 Октября (6 Ноября) 1837 года. Разрывъ этотъ не потревожилъ собственно предѣловъ Имперіи; онъ произвелъ только прекращеніе торговыхъ связей и лишилъ Россію эскадры Сенявина.] На возвратномъ пути въ Отечество сильныя бури принудили Сенявина войти въ устья Таго для исправленія поврежденныхъ судовъ. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ къ Лиссабону превосходный силами Англійскій флотъ, и Сенявину оставалось только заключить выгоднѣйшую по обстоятельствамъ конвенцію, которая и была подписана 23 Августа (4 Сентября) 1808 г. Русская эскадра отдавалась на сохраненіе Англійскому правительству до заключенія мира, а экипажи возвращались въ Россію на счетъ Англіи.×Между тѣмъ на Сѣверѣ возгорѣлась жестокая война съ Швеціей. Россія, расторгнувъ миръ съ Англіей, пригласила Швецію и Данію возобновить вооруженный нейтралитетъ на основаніи договоровъ 1780 и 1800 г. о содержаніи Балтійскаго моря закрытымъ для посторонннихъ враждебныхъ державъ. Данія согласилась и приступила къ союзу Франціи и Россіи. Шведскій же король Густавъ IV медлилъ отвѣтами, тайно совѣщался съ Англіей и наконецъ отказалъ въ содѣйствіи;] доколѣ Французскія войска не удалятся изъ Балтійскаго моря, и гавани Нѣмецкой земли не будутъ открыты Англійской торговлѣ.×Тогда Императоръ Александръ двинулъ тотчасъ войска свои въ Финляндію, «для сохраненія безопасности собственной Имперіи», какъ было сказано въ состоявшейся о томъ декларации, «и понужденія Шведскаго короля соединиться съ Россіею и Данією противъ Англіи».] Густавъ, разгнѣванный, велѣлъ арестовать Русскаго въ Стокгольмѣ посланника Алопеуса. Послѣ этого уже послѣдовали 16 Марта 1808 г. формальное объявленіе войны со Швеціей и манифестъ о присоединеніи Финляндіи къ Россіи.

× Русскія войска, числомъ до 17 т. человѣкъ, подъ начальствомъ гр. Буксгевдена, перешли границу Шведской Финляндіи, 9 Февраля, тремя колоннами. Шведскія войска спокойно стояли на зимнихъ квартирахъ и по крѣпостямъ. Главнокомандующій имъ гр. Клингспоръ поспѣшилъ стянуть разрозненные

отряды къ берегу Ботническаго залива и потомъ продолжалъ отступать по этому берегу къ сѣвернымъ предѣламъ страны. Русскіе, преслѣдуя его, заняли въ два съ половиною мѣсяца почти всю Финляндію. Доселѣ походъ ихъ былъ военною прогулкою, въ сильную однако стужу, по глубокому снѣгу и ледянымъ пустынямъ безчисленныхъ озеръ края. Непріятель, сосредоточивъ свои войска и получивъ подкрѣпленія, остановился наконецъ въ окрестностяхъ Улеаборга и при Ревolаксѣ нанесъ пораженіе одному изъ Русскихъ отрядовъ. Но, между тѣмъ, 22 Апрѣля (3 Мая) послѣ слабаго бомбардированія и дѣятельныхъ переговоровъ сдался Свеаборгъ, почитавшійся ключемъ Финляндіи. — Съ наступленіемъ весны война приняла иной оборотъ. Сообщенія затруднились; мѣстность края, усѣянная длинными, развѣтляющимися озерами и гранитными скалами, стала почти непроходима. Непріятель напалъ на разбросанные по клокамъ Русскія войска, оттѣснилъ ихъ до Тавастгуса и занялъ Куопіо. Образовались вооруженныя толпы поселянъ, предводимыя отважными партизанами. Народная война быстро развилась въ Остроботніи по всему берегу Ботническаго залива, внутри края и до восточныхъ его предѣловъ. Три четверти Финляндіи были опять во власти Шведовъ. Король Густавъ IV прибылъ самъ на Аландъ, дѣлалъ высадки войскъ около Або, Вазы и въ другихъ мѣстахъ; но, по нерѣшительности своей и по безсвязности дѣйствій, не имѣлъ успѣха въ своихъ предпріятіяхъ. Русская армія была усилена. Гр. Н. М. Каменскій, въ упорныхъ битвахъ при Алово и Куортане, возстановилъ перевѣсъ Русскаго оружія, а при Оровайсѣ, 2 (14) Сентября, одержалъ блистательную побѣду. Сраженіе это было самое кровопролитное и рѣшительное въ продолженіи всей войны. Шведскія войска снова отступили по прежнему береговому пути до Улеаборга. Въ Ольківки заключено 7 (19) Ноября 1808 г. перемиріе, названное конвенціей. Шведы отошли къ Торнео; вся Финляндія была въ рукахъ Русскихъ; народное возстаніе утихло.

Осенью въ этомъ году Императоръ Александръ ѣздилъ въ Эрфуртъ для свиданія съ Наполеономъ, который, будучи озабоченъ дѣлами въ Испаніи и собираясь лично туда отправиться, а также имѣя опасенія на счетъ вооруженій Австріи, хотѣлъ укрѣпить союзъ свой съ Россіею и дружбу съ ея Монархомъ. Какъ хозяинъ въ Эрфуртѣ, Наполеонъ направилъ туда отборные полки своей гвардіи, велѣлъ привести изъ Парижа труппу трагическихъ актеровъ и знаменитаго Тальму. Государи Рейнскаго Союза, другіе Нѣмецкіе принцы и множество посланниковъ съѣхались въ этотъ городъ. Императоръ Александръ пріѣхалъ въ условленный день, 15 (27) Сентября, съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ. Наполеонъ выѣхалъ на встрѣчу къ Александру верхомъ, угощалъ его ве-

ликолѣпно, посѣтилъ съ нимъ великую княгиню Марію Павловну въ Веймарѣ, былъ особенно любезенъ и совершенно его очаровалъ [7]). Наполеонъ согласился не прекословить расширенію предѣловъ Россіи на Сѣверѣ и на берегахъ Дуная, предоставивъ ей самой склонить Порту къ уступкѣ Молдавіи и Валахіи и отказываясь отъ всякаго посредничества. Сдѣлалъ также нѣкоторыя уступки Пруссіи и убавилъ назначенную контрибуцію. Россія съ своей стороны предоставила Наполеону полную свободу дѣйствій въ Испаніи и обязалась выставить вспомогательное войско въ случаѣ разрыва Франціи съ Австріей. Вотъ главные дипломатическіе результаты Эрфуртскаго конгресса. Торжественное предложеніе мира Англіи, письмомъ обоихъ Императоровъ, было только однимъ предлогомъ и ни къ чему не повело.—Талейранъ, по порученію Наполеона, намекалъ Александру объ упроченіи союза болѣе тѣсными кровными узами посредствомъ брака императора Французовъ съ великою княжною Екатериною Павловною. Александръ отклонилъ этотъ вопросъ изложеніемъ препятствій со стороны вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны. Въ первыхъ числахъ Октября, Александръ и Наполеонъ разъѣхались съ изъявленіями самой искренней дружбы. На Рождество 1808 г. король и королева Прусскіе посѣтили Александра въ Петербургѣ и пробыли тамъ нѣсколько дней, среди повторявшихся по этому случаю празднествъ. Петербургскій Дворъ сохранялъ еще остатки великолѣпія временъ Екатерины. Императрица Елисавета Алексѣевна еще оживляла его иногда своимъ присутствіемъ [8]); но уже со времени первыхъ войнъ съ Франціей она стала уклоняться отъ внѣшнихъ почестей и блеска, а скорѣ совершенно посвятила себя скромному уединенію и дѣламъ благотворительности. Вообще все представительство и пышность Двора въ остальное время царствованія Александра сосредоточились около вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Желая скорѣе принудить Швецію къ миру, Александръ положилъ перенести войну на ея собственные берега. Для исполненія этого рѣшились на предпріятіе почти безпримѣрное: воспользовались твердымъ льдомъ, сковавшимъ Ботническія воды въ суровую зиму 1809 г. Кн. Багратіонъ, въ первыхъ числахъ Марта, двинулся изъ Або на необозримыя ледяныя поля и занялъ весь Аландскій Архипелагъ. Шведскія войска, тамъ находившіяся, поспѣшили отступить по Ботническому

---

[7]) Во время представленія трагедіи Эдипъ, когда Тальма произнесъ стихъ: L'amitié d'un grand homme est un bienfait des dieux, Александръ въ виду всѣхъ схватилъ Наполеона за руку и крѣпко ее пожалъ.

[8]) Съ того же времени, при дворѣ вдовствующей императрицы Маріи Ѳеодоровны была замѣтна своею красотою М. А. Нарышкина, урожденная кн. Четвертинская, о которой говорила тогда вся Россія.

заливу къ своимъ берегамъ. Кульневъ съ отрядомъ кавалеріи пошелъ за ними, появился въ окрестностяхъ Стокгольма и встревожилъ жителей этой столицы. Въ тоже время Барклай-де-Толли совершилъ еще болѣе трудный и достопамятный переходъ изъ Вазы въ Умео чрезъ пространство, образуемое съуживаніемъ Ботническаго залива и называемое Кваркенъ. Тогда же графъ Шуваловъ двинулся чрезъ Торнео въ Вестроботнію и принудилъ къ сдачѣ на капитуляцію значительный Шведскій корпусъ, состоявшій большею частію изъ Финскихъ войскъ. Перемиріе, заключенное съ новымъ Шведскимъ правительствомъ, прекратило всѣ эти дѣйствія. Русскіе отряды возвратились назадъ тѣмъ же путемъ. Густавъ IV, возбудившій всеобщій ропотъ и неудовольствіе, принужденъ былъ отказаться отъ престола. Дядя его, герцогъ Зюдерманландскій, былъ провозглашенъ королемъ подъ именемъ Карла XIII-го.— Онъ изъявилъ желаніе заключить съ Россіею миръ, но не хотѣлъ отказаться отъ Аландскихъ острововъ. Это продлило войну. Весною Русскіе проникли опять въ Вестроботнію и снова заняли Умео. Отраженіе непріятельскихъ войскъ, высадившихся имъ въ тылъ на о. Ратанъ, было послѣднимъ военнымъ дѣйствіемъ. Въ Фридрихсгамѣ подписанъ 5 17) Сентября миръ со Швеціей, которая уступила Россіи всю Финляндію съ Аландскими островами и часть Вестроботніи до рѣки Торнео. Уполномоченными Россіи были графъ Румянцевъ и Алопеусъ.

До окончанія еще войны, именно въ Мартѣ, созваны были на сеймъ въ г. Борго представители четырехъ сословій Финскаго народа или такъ называемые государственные чины. Императоръ Александръ лично открылъ сеймъ рѣчью, принялъ присягу представителей, какъ Великій Князь Финляндскій, и манифестомъ 15 27) Марта 1809 г. торжественно утвердилъ «сохраненіе вѣры, коренныхъ законовъ, правъ и преимуществъ, коими пользовались дотолѣ каждое сословіе, въ особенности, и всѣ жители Финляндіи вообще, по ихъ конституціямъ». Изъ Борго Александръ пріѣхалъ въ Гельсингфорсъ, осмотрѣлъ Свеаборгъ и пробылъ нѣсколько дней въ Або. Въ Іюнѣ онъ былъ опять въ Борго, утвердилъ разныя предложенія депутатовъ по предоставленнымъ ихъ совѣщанію предметамъ, и закрылъ сеймъ [3]). Вслѣдъ за тѣмъ учрежденъ въ краѣ, для соблюденія законнаго порядка, Правительствующій Совѣтъ, переименованный потомъ въ Финляндскій Сенатъ; исполнительная власть ввѣрена генералъ-губернатору, а въ Петербургѣ образованъ Комитетъ и назначенъ статсъ-секретарь Финляндскихъ дѣлъ. Въ связи съ предметомъ скажемъ здѣсь,

[3]) Въ статьѣ, напечатанной въ № 1-мъ и 2-мъ Русскаго Вѣстника 1860 года, подъ заглавіемъ: «Сеймъ въ г. Борго, въ 1809 г.», изложены мною въ общихъ чертахъ ходъ и занятія этого Сейма.

что манифестомъ 11-го Февраля 1811 г., «по мѣстному положенію старой Финляндіи, т. е. Выборгской губерніи, найдено полезнымъ присоединить ее къ Великому Княжеству Финляндскому».

Въ концѣ 1809 г. Александръ посѣтилъ въ Твери великую княгиню Екатерину Павловну и супруга ея принца Георгія Гольштейнъ-Ольденбургскаго, а оттуда ѣздилъ на нѣсколько дней въ Москву, по приглашенію ея жителей.

Не смотря на важность внѣшнихъ дѣлъ, занимавшихъ Императора Александра съ 1805 г., онъ продолжалъ начатыя имъ преобразованія по внутреннему управленію. Въ числѣ его приближенныхъ находился теперь Сперанскій, который уже въ 1808 г. сопровождалъ его въ Эрфуртъ, для докладовъ по гражданской части. Съ этого времени до войны 1812 г. Сперанскій пользовался полнымъ довѣріемъ Александра и, будучи посвященъ въ его мысли и намѣренія, принималъ главное участіе въ дѣлахъ законодательныхъ, административныхъ и финансовыхъ. Почти всѣ важные государственные акты, учрежденія, уставы, проекты означеннаго періода времени принадлежатъ его изумительной дѣятельности, обширнымъ способностямъ и краснорѣчивому перу. Указы 1809 г. отъ 3-го Апрѣля о придворныхъ званіяхъ, отъ 6-го Августа о правилахъ повышенія въ чины по гражданской службѣ и объ испытаніяхъ въ наукахъ для производства въ 8-й и 9-й классы чиновниковъ, не имѣющихъ университетскихъ аттестатовъ, предшествовали цѣлому ряду постановленій, изданныхъ въ послѣдующемъ 1810 г. 1-го Января этого года обнародовано образованіе Государственнаго Совѣта и главныхъ началъ, на коихъ онъ учреждается. Всѣ части управленія, въ главныхъ ихъ отношеніяхъ къ законодательству, должны были соображаться въ Государственномъ Совѣтѣ и чрезъ него восходить къ императорской власти. Онъ раздѣлился на Департаменты: Законовъ, Дѣлъ Военныхъ, Дѣлъ Гражданскихъ и Духовныхъ, и Государственной Экономіи. Предсѣдателемъ Совѣта назначенъ канцлеръ гр. Н. П. Румянцевъ, а Сперанскій получилъ мѣсто государственнаго статсъ-секретаря, которое давало ему нѣкоторымъ образомъ вліяніе первенствующаго министра. Коммиссія составленія законовъ обращена въ установленіе, при Государственномъ Совѣтѣ состоящее; труды ея должны были поступать на разсмотрѣніе въ Совѣтъ по Департаменту законовъ, прямымъ назначеніемъ коего было собственно это дѣло. Произведеніями Коммиссіи въ это время были проекты нѣкоторыхъ частей изъ гражданскаго уложенія, торговаго и уголовнаго, составленные и приготовленные Сперанскимъ. При совѣтѣ учреждены еще Коммисія прошеній и Государственная Канцелярія. На мѣсто министровъ, поступившихъ предсѣдателями Департаментовъ въ Государственный Совѣтъ, назначены: Барклай де Толли военнымъ

министромъ, П. П. Дмитріевъ — Юстиціи и графъ А. К. Разумовскій — Народнаго просвѣщенія. — Нѣсколько прежде гр. Д. А. Гурьевъ назначенъ министромъ финансовъ.

За преобразованіемъ Государственнаго Совѣта послѣдовало преобразованіе министерствъ. Оно совершено манифестомъ 25 Іюля 1810 г.] о раздѣленіи государственныхъ дѣлъ на особыя Управленія въ порядкѣ исполнительномъ, и Общимъ Учрежденіемъ Министерствъ, изданнымъ 25 Іюня 1811 г.—По новому раздѣленію дѣлъ возникли два новыя вѣдомства: 1) Министерство полиціи] въ составъ котораго отдѣлились предметы внутренней безопасности отъ Министерства внутреннихъ дѣлъ, непомѣрно обширнаго по первому его учрежденію, и 2) Главное управленіе ревизіи государственныхъ счетовъ, для порядка въ отчетности.—Министромъ полиціи былъ сдѣланъ генералъ-адъютантъ А. Д. Балашевъ, а государственный контроль порученъ барону Б. Б. Кампенгаузену. Министерство коммерціи положено упразднить; дѣла его распредѣлялись между Министерствами финансовъ и внутреннихъ дѣлъ,] что и было постепенно исполнено. Памятникомъ существованія Министерства коммерціи былъ изданный 1 Января 1807 г. манифестъ, по коему: право записываться въ гильдіи предоставлено однимъ Русскимъ подданнымъ, учреждены почетныя званія первостатейныхъ купцевъ и мануфактуръ-совѣтниковъ; купцамъ первой гильдіи открытъ путь къ пріобрѣтенію орденовъ особыми заслугами и пр.—Тогда же Главное Управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій возведено на степень особаго министерства и ввѣрено оберъ-прокурору святѣйшаго синода кн. А. Н. Голицыну. Министерство внутреннихъ дѣлъ, значительно уменьшенное, перешло отъ кн. Куракина въ управленіе О. П. Козодавлева. Сперанскій приготовилъ также проэктъ новаго образованія Сената, по коему онъ раздѣлялся на судебный и правительственный. Судебный, размѣщенный въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Казани, долженъ былъ состоять изъ сенаторовъ отъ короны и по выбору дворянства. Правительствующему Сенату предполагалось дать устройство сходное съ министерствами. Проэктъ этотъ не имѣлъ дальнѣйшаго хода, встрѣтивъ много возраженій. Еще въ 1809 г. экспедиція водяныхъ коммуникацій была преобразована въ министерство подъ названіемъ Главнаго Управленія путей сообщенія, порученное принцу Ольденбургскому, и мѣстомъ пребыванія его назначенъ г. Тверь, какъ центръ важнѣйшихъ водяныхъ сообщеній. Въ 1810 г. учрежденъ Корпусъ Инженеровъ путей сообщенія и, для приготовленія офицеровъ по этой части, особый Институтъ подъ начальствомъ генерала Бетанкура.] Выписанные изъ Франціи ученые инженеры, воспитанники знаменитой Политехнической Школы, скоро поставили это заведеніе въ уровень съ требованіями современной науки путей

сообщенія. Выпущенные изъ Института офицеры положили основаніе развитію этой полезной отрасли государственнаго благоустройства. Въ началѣ 1807 г. повелѣно особому комитету составить предположенія о штатахъ и образованіи духовныхъ училищъ. Вниманіе этого комитета обращено было болѣе всего на содержаніе учебныхъ заведеній, и главнымъ, весьма вѣрнымъ источникомъ на это опредѣлены свѣчные доходы церкви. Затѣмъ комитетъ ограничился составленіемъ только краткаго начертанія устройства духовныхъ училищъ, предоставляя уясненіе плана будущему времени. Планъ этотъ могъ быть приведенъ въ исполненіе не иначе, какъ постепенно, по мѣрѣ способовъ содержанія. Новая Академія открыта въ 1809 г. только въ Петербургѣ. Открытіе Московской Академіи въ Сергіевской Лаврѣ, по новому плану, послѣдовало въ 1814 г., а преобразованіе Кіевской Академіи совершено уже въ 1819 г.— Въ 1811 г. открытъ Царскосельскій Лицей. Заведеніе это возникло подъ непосредственнымъ покровительствомъ Александра, въ любимомъ его лѣтнемъ мѣстопребываніи и пользовалось особеннымъ его вниманіемъ и заботливостію. Царскосельскому Лицею все благопріятствовало: онъ имѣлъ счастіе воспитать Пушкина.

Императоръ Александръ, съ самаго вступленія на престолъ, обратилъ вниманіе въ особенности на развитіе финансовыхъ способовъ Имперіи, но 1810 г. составляетъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ періодовъ финансовой системы Россіи. Безпрерывныя въ теченіе пяти лѣтъ войны, стѣсненіе внѣшней торговли, въ слѣдствіе Тильзитскаго мира, и постоянный упадокъ курса ассигнацій, совершенно разстроили наши финансы, представлявшіе въ это время самую печальную картину. Сумма ассигнацій простиралась до 577,000,000 р.; внѣшній долгъ состоялъ изъ 100,000,000 р.; по государственной смѣтѣ на 1810 г. расходы должны были простираться до 193,000,000, а доходовъ предполагалось до 127,000,000; и такъ оказывался дефицитъ въ 66,000,000 рублей.

Сперанскій, по порученію Государя, составилъ финансовый планъ, основанный главнѣйше на прекращеніи выпуска ассигнацій и умноженіи доходовъ путемъ возвышенія налоговъ и податей. Онъ считалъ это единственнымъ средствомъ спасти государство отъ банкротства. Началомъ приведенія плана его въ исполненіе былъ манифестъ 2-го Февраля 1810 г., коимъ положено прекратить дальнѣйшій выпускъ ассигнацій, признанныхъ государственнымъ долгомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, для сравнительнаго возвышенія окладовъ податей и налоговъ съ паденіемъ цѣны деньгамъ и съ возвышеніемъ цѣнъ на всѣ предметы, назначены были: подушная подать, вмѣсто прежней, по 2 р.; оброчныя съ казенныхъ крестьянъ по 3 р., 2 р. 50 к. и 2 р., смотря по классамъ губерній; съ мѣщанъ подушная по 3 р.; цѣна соли вмѣсто 40 к. по 1 р. за пудъ; соразмѣр-

ной же прибавкѣ подвергались гербовая бумага, купеческіе капиталы, торговыя свидѣтельства и прочія статьи дохода.— Въ слѣдъ за тѣмъ, открыта Коммиссія погашенія долговъ, и предположено сдѣлать срочный внутренній заемъ для уменьшенія количества ассигнацій, о чемъ обнародованъ манифестъ 29 Мая.] — Выкупленныя займомъ ассигнаціи должны были предаваться сожженію, а для составленія капитала Коммиссіи правительство между прочимъ назначало въ продажу часть государственныхъ имуществъ. — Въ связи съ этими мѣрами было преобразованіе монетной системы манифестомъ 20 Іюня тогоже 1810 г.—Въ законодательствѣ торговомъ воспослѣдовалъ 19-го Декабря 1810 г. манифестъ о нейтральной торговлѣ морской и сухопутной по Западной границѣ, имѣвшій цѣлію сокращеніе привоза товаровъ, питающихъ роскошь, и поощреніе внутренняго труда и промышленности. Тарифъ на этихъ основаніяхъ изданъ 24 Іюня 1811 г.

Разныя мѣры, развившія принятый въ 1810 г. финансовый планъ, продолжались еще въ началѣ 1812 г. Января 29 изданъ манифестъ о доходахъ и расходахъ на этотъ годъ, а 11-го Февраля манифестъ о преобразованіи Коммиссіи погашенія долговъ.] Въ немъ заключалось: измѣненіе ея состава и правилъ; отнесеніе къ ея вѣдомству всѣхъ государственныхъ долговъ и уплатъ по нимъ и усиленіе ея капитала временными прибавками въ податяхъ и новыми налогами. Именно же: подушная подать увеличена на 1 р., оброчная на 2 р.; съ объявленныхъ купеческихъ капиталовъ плата возвышена на 3%, и учрежденъ сборъ съ помѣщичьихъ доходовъ по добровольному ихъ объявленію. Низшій сборъ начинался съ 500 р. дохода и состоялъ изъ 1%; высшій составлялъ 10% и взимался съ доходовъ, превышающихъ 18 т. р. Новыми пошлинами обложены чай, пиво, гербовая бумага, паспорты и т. д. проч., а съ частныхъ горныхъ заводовъ пошлина удвоена.

Наступившія важныя обстоятельства, угрожавшія опасностію Россіи, отвлекли эти источники отъ прямаго ихъ назначенія и остановили на нѣсколько лѣтъ предположенныя реформы. Въ трудное время ассигнаціи явились еще спасительнымъ средствомъ, и имъ воспользовались въ отечественную войну.] Бумажныя деньги наполняли собою всѣ внутренніе рынки, серебро сдѣлалось еще рѣже, дороговизна поднялась, и само правительство признало необходимость ввести повсемѣстное единообразное обращеніе ассигнацій. Манифестомъ 9-го Апрѣля 1812 г. положено считать 1 р. с. за 3 р. ас., и съ этого времени приказано всѣ счеты и платежи, сборы, подати и налоги переложить и взимать на ассигнаціи. Въ 1812 же году предоставлено государственному казначейству, на особыя военныя издержки, выпустить отъ 6 до 10 мил. р. 6% обязательствъ (почти тоже что билеты казначейства).]

Сперанскій уже не принималъ участія въ послѣднихъ мѣрахъ. Необыкновенное къ нему довѣріе Александра и вліяніе, которое онъ пріобрѣлъ на государственныя дѣла, доставили ему многихъ недоброжелателей и завистниковъ. Новыя учрежденія и преобразованія, бывшія плодомъ его трудовъ и соображеній, породили огромную массу недовольныхъ и порицателей; особенно финансовый его планъ и возвышеніе податей подавали поводъ къ успѣленію и распространенію разныхъ взводимыхъ на него обвиненій. Исключительныя обстоятельства того времени, отъ коихъ страдали всѣ сословія, и угрожавшее нашествіе огромныхъ силъ Наполеона располагали умы къ подозрѣнію, опасеніямъ и ропоту. Враги Сперанскаго воспользовались всѣмъ этимъ, чтобы въ удобную минуту обвинить его въ какихъ-то странныхъ предательскихъ замыслахъ. Сперанскій продолжалъ заниматься дѣлами и ходилъ къ Государю съ докладомъ до 17 Марта 1812 г. Въ этотъ день, Государь простился съ нимъ и объявилъ ему объ увольненіи его отъ должностей. По возвращеніи же изъ дворца домой, Сперанскій засталъ у себя въ кабинетѣ врага своего, министра полиціи Балашева, который печаталъ его бумаги и сообщилъ ему высочайшее повелѣніе объ удаленіи его въ Нижній Новгородъ [10].

Среди столь важныхъ и разнообразныхъ внутреннихъ преобразованій, громъ оружія не умолкалъ. На Востокѣ продолжалась война съ Персіей. Правительство Персидское возбуждало мятежныхъ, полу-независимыхъ хановъ тревожить Грузію и препятствовать утвержденію Русскаго владычества въ Закавказскомъ краѣ. Князь Циціановъ, назначенный главнокомандующимъ въ Грузію въ 1802 году, дѣятельно и твердо принялся за усмиреніе непріязненныхъ хановъ. Онъ вступилъ въ область самаго опаснаго изъ нихъ, взялъ приступомъ г. Ганжу, переименовалъ его Елисаветполемъ и присоединилъ къ Грузіи; разбилъ Персіянъ, перешедшихъ р. Араксъ, но не могъ покорить Эривани. Это вновь ободрило и подняло непокорныхъ. Циціановъ осадилъ Баку и подъ стѣнами этой крѣпости былъ вѣроломно убитъ въ 1806 г. Послѣ него гр. Гудовичъ, а потомъ Тормазовъ, принужденные отражать въ одно время Турокъ и Персіянъ, продолжали однако съ успѣхомъ дѣло усмиренія разныхъ владѣтелей Закавказской страны. Князья Мингреліи, Абхазіи и Гуріи приняли Русское подданство; Имеретинскій царь отказался въ 1809 г. отъ престола; государство его вошло въ составъ Россійскихъ владѣній. Ртищевъ, замѣнившій маркиза Паулучи, кратковремен-

[10]) Извѣстному письму Дерптскаго профессора Паррота, пользовавшагося необыкновеннымъ благорасположеніемъ Государя, приписываютъ отчасти разсѣяніе сильно возбужденныхъ въ первую минуту подозрѣнія и гнѣва Александра на своего любимца.

но управлявшаго краемъ, долго велъ безуспѣшные переговоры съ Персіей; но наконецъ побѣды Котляревскаго, который съ малочисленнымъ отрядомъ разбилъ армію Аббаса-мирзы, взялъ приступомъ Ленкорань и очистилъ Талышинское ханство, увѣнчались миромъ. Онъ былъ заключенъ 12-го Октября 1813 г. въ урочищѣ Гюлистанѣ. Персія признала господство Россіи надъ ханствами Карабахскимъ, Ганжинскимъ Шекинскимъ, Ширванскимъ, Дербентскимъ, Кубинскимъ, Бакинскимъ, Талышинскимъ и отказалась отъ всякихъ притязаній на Дагестанъ, Грузію, Имеретію и Абхазію.

По возвращеніи Императора Александра изъ Эрфурта и послѣ отказа Порты, на переговорахъ въ Яссахъ, уступить Молдавію и Валахію, возобновились военныя дѣйствія съ Турками, но до 1810 года слабо и безуспѣшно. Обремененный лѣтами и недугами, князь Прозоровскій, назначенный главнокомандующимъ по смерти Михельсона, цѣлое лѣто осаждалъ крѣпости Журжу и Браиловъ, но не могъ взять ни той, ни другой; перешелъ однако на правый берегъ Дуная и вскорѣ умеръ. Преемникъ его князь Багратіонъ осадилъ Силистрію, но послѣ неудачнаго нападенія при Татарицѣ на Турецкую армію, посланную на помощь крѣпости, снялъ осаду и за недостаткомъ продовольствія возвратился въ Молдавію. Въ эту кампанію были однако взяты Браиловъ и Измаилъ на Дунаѣ, Поти въ Азіи. На мѣсто Багратіона назначенъ главнокомандующимъ въ 1810 г. герой Финляндской войны, молодой гр. П. М. Каменскій. Армія была увеличена до 90 т. человѣкъ. Каменскій началъ дѣйствія рѣшительно и упорно и перевелъ почти всѣ свои войска за Дунай. Силистрія сдалась. Базарджикъ былъ взятъ приступомъ, но всѣ усилія его утвердиться на высотахъ, окружающихъ Шумлу, остались тщетны. Онъ обратился къ Рущуку. Кровопролитный штурмъ этой крѣпости не удался и стоилъ огромныхъ потерь. Визирь ободрился и послалъ 40 т. чел. на освобожденіе Рущука. Каменскій стремительно напалъ на нихъ въ укрѣпленномъ лагерѣ при Батинѣ и 26 Августа разбилъ на голову. Тогда Рущукъ, Журжа, Никополь сдались, и Русскіе утвердились на правомъ берегу Дуная. Наступленіе непогоды остановило эти успѣшныя военныя дѣйствія, очень дорого однако стоившія Россіи людьми и деньгами. Каменскій поддержалъ Сербовъ вспомогательными силами нѣсколько значительнѣе прежнихъ. Въ началѣ 1811 г. постигшая его въ Яссахъ неразгаданная болѣзнь прекратила его жизнь.

Михаилъ Илларіон. Кутузовъ принялъ командованіе Молдавскою арміею уже ослабленною. Изъ составлявшихъ ее 9-ти дивизій, 3-ть были отряжены къ Днѣстру по случаю начавшихся несогласій съ Франціей. Надобно было ограничиться дѣйствіями оборонительными. Визирь двинулся изъ Шумлы къ

Дунаю съ большими силами. Кутузовъ очистилъ Рущукъ, Силистрію, Никополь, перешелъ на лѣвый берегъ Дуная и расположился между Журжею и мѣстечкомъ Слободзеею. Обѣ арміи долго стояли въ бездѣйствіи, въ виду одна другой, раздѣляемыя рѣкою. Наконецъ визирь, оставя корпусъ на правомъ берегу, перешелъ съ главными силами своей арміи на лѣвый берегъ, нѣсколько выше Рущука. Кутузовъ поспѣшно окружилъ его блокадною линіею изъ редутовъ и послалъ генерала Маркова съ отдѣльнымъ корпусомъ на правый берегъ Дуная. Марковъ переправился незамѣтно, напалъ на стоявшихъ тамъ Турокъ, овладѣлъ ихъ лагеремъ и обратилъ на визиря батареи, которыя прежде того прикрывали его переправу. Эти дѣйствія привели Турецкую армію въ отчаянное положеніе. Визирь лично успѣлъ скрыться въ Рущукъ. Войска его были доведены до крайности и большею частію погибли отъ голода и болѣзней, остальныя сдались. Кутузовъ согласился на перемиріе; вскорѣ потомъ начались въ Букарестѣ переговоры и о мирѣ, но Букарестскій конгрессъ длился. Султанъ не соглашался признать р. Серетъ границею Россіи и Турціи, условіе, принятое предварительно. Между тѣмъ миръ былъ необходимъ для Россіи, которой угрожала война въ собственныхъ ея предѣлахъ. Императоръ Александръ, недовольный медленностію переговоровъ, назначилъ адмирала Чичагова, одного изъ приближенныхъ своихъ, уполномоченнымъ на конгрессъ и главнокомандующимъ Дунайскою арміею. За нѣсколько дней до пріѣзда Чичагова, подписанъ 16 (28) Мая 1812 года миръ въ Букарестѣ. Рѣка Прутъ назначена границею обѣихъ имперій. Россія пріобрѣла Бессарабію съ крѣпостями: Хотинымъ, Бендерами, Аккерманомъ, Килiею и Измаиломъ. Дунайская армія могла быть употреблена въ предстоявшей войнѣ съ Франціей, требовавшей всѣхъ силъ государства.—Армія эта предназначалась сперва къ дѣйствіямъ противъ Французскихъ владѣній на Адріатикѣ, для чего полагали послать войска чрезъ Сербію и Боснію, а чтобъ отвлечь Австрію отъ участія въ войнѣ, поднять Славянскіе народы. Чичаговъ былъ ревностнымъ поборникомъ этого плана и готовился къ исполненію его, но вскорѣ онъ былъ оставленъ. Найдено болѣе полезнымъ употребить Дунайскую армію на защиту собственныхъ границъ, и ей повелѣно присоединиться къ третьей Западной арміи, стоявшей на Волынѣ.—Букарестскимъ трактатомъ были выговорены и нѣкоторыя права Сербамъ. Турецкое правительство должно было не вмѣшиваться во внутреннія ихъ дѣла, получать по́дать, не посылая своихъ чиновниковъ для сбора, и проч.; но Туркамъ предоставлялось занять Сербскія крѣпости своими гарнизонами. Согласно Ерфуртскимъ условіямъ, Императоръ Александръ, во время войны Наполеона съ Австріею въ 1809 г., выставилъ на границѣ Галиціи 30-тысячный вспомогательный корпусъ

войскъ, подъ начальствомъ князя С. Ѳ. Голицына. Войска эти заняли Лембергъ или Львовъ и нѣкоторыя другія мѣста, но на основаніи данныхъ повелѣній князь Голицынъ уклонился отъ совокупныхъ дѣйствій съ Французско-Польскимъ корпусомъ Понятовскаго. По Вѣнскому или Шенбрюнскому мирному трактату Россія получила отъ Австріи небольшую часть Галиціи, Тарнопольскую область; но Наполеонъ былъ недоволенъ слабымъ содѣйствіемъ нашихъ войскъ, и съ этихъ поръ начали возрастать несогласія между Россіею и Франціею. Наполеонъ обѣщалъ не возстановлять Польши, но уклонился отъ формальнаго въ этомъ отношеніи обязательства и увеличилъ Герцогство Варшавское тремя воеводствами, отнятыми у Австрійцевъ, что показывало намѣреніе тревожить Россію. Распоряжаясь самовольно въ Европѣ, онъ лишилъ владѣній близкаго родственника Императора Александра, герцога Ольденбургскаго. Декретомъ Сената Ольденбургъ былъ присоединенъ къ Французской Имперіи подъ предлогомъ, что служитъ центромъ контрабанды съ Англичанами; а на протестъ Александра противъ этого дѣйствія, Наполеонъ отвѣчалъ, что не стоитъ ссориться двумъ великимъ державамъ за такое маленькое государство. Такъ называемая континентальная система, которую Россія должна была принять послѣ Тильзитскаго мира и которую Наполеонъ почиталъ главнымъ своимъ орудіемъ противъ Англіи, подавала поводъ къ безпрестаннымъ неудовольствіямъ и къ новымъ съ его стороны требованіямъ. Система эта годъ отъ году становилась тягостнѣе для Россіи, разстроивая торговлю, народную промышленность и финансы государства: вывозъ Русскихъ сырыхъ произведеній уменьшился, вексельный курсъ и ассигнаціи упали, все вздорожало, и всѣ сословія терпѣли. Россія, принявъ эту систему, не отказывалась совершенно отъ торговли съ нейтральными державами, и Американскія суда имѣли свободный доступъ въ Русскія гавани. Наполеонъ требовалъ, чтобъ и въ Россіи введенъ былъ тарифъ, принятый Французскимъ правительствомъ, чтобъ нейтральныя суда не допускались въ Русскія гавани, словомъ требовалъ совершеннаго прекращенія Русской морской торговли. Не внемля такимъ требованіямъ, Александръ, въ концѣ 1810 года, издалъ манифестъ о новомъ тарифѣ, коимъ дозволялся привозъ колоніальныхъ товаровъ подъ Американскимъ флагомъ, а издѣлія Французскихъ фабрикъ частію запрещались, частію же были обложены высокою пошлиною, чтобъ ограничить вывозъ звонкой монеты за предметы роскоши. Это усилило неудовольствія до крайности; Наполеонъ отозвался объ этомъ распоряженіи въ рѣчи законодательному сословію съ обычною своею дерзостію, и война казалась неизбѣжною; но 1811-й годъ прошелъ еще въ безплодныхъ переговорахъ, въ упрекахъ, отчасти даже въ увѣреніяхъ дружбы. Между

тѣмъ Наполеонъ ласкалъ и обнадеживалъ Поляковъ, склонялъ на свою сторону Швецію, возбуждалъ Турокъ къ упорной борьбѣ съ Россіею и собиралъ огромныя противъ нея силы. Кромѣ войскъ Франціи и всѣхъ земель вошедшихъ въ ея составъ, Австрія, Прусія и всѣ государства Рейнскаго Союза были обязаны выставить вспомогательные корпуса. Армія, простиравшаяся до 600 т. чел., стекалась съ разныхъ концовъ Европы къ берегамъ Вислы. Императоръ Александръ приготовлялся также къ защитѣ своего государства. Швеція не только осталась нейтральною, но сблизилась съ Россіею и въ Апрѣлѣ 1812 г. заключила договоръ, по коему Россія обязывалась содѣйствовать присоединенію Норвегіи къ Швеціи. Миръ съ Турціею былъ заключенъ передъ самою войною. Такимъ образомъ сѣверные и южные предѣлы Россіи были обезпечены. Формальное примиреніе съ Англіей не замедлило; оно было подписано въ Оребро 30 Іюня (12 Іюля) 1812 г. 8 (20) Іюля заключенъ въ Великихъ Лукахъ договоръ съ Кадикскою Юнтою именемъ Фердинанда VII. Войско умножали, подвигали его къ западной границѣ, составляли запасныя депо, воздвигали укрѣпленія въ Кіевѣ, Динабургѣ, Бобруйскѣ, Дриссѣ. Тогдашній военный министръ Барклай де Толли произвелъ многія полезныя перемѣны въ составѣ и устройствѣ военныхъ силъ. Изданы 27 Января 1812 г. Учрежденіе Военнаго Министерства и Учрежденіе для управленія большой дѣйствующей арміи. Со всѣмъ тѣмъ число войскъ, которыя Россія могла противоставить Наполеону въ это время, простиралось только до 200 т. человѣкъ подъ ружьемъ. По видимому господствовало какое-то недоумѣніе; не полагали, что потокъ разольется на Россію такъ скоро, не были совершенно готовы удержать его всѣми ея силами и средствами.

Въ началѣ 1812 г. Наполеонъ прибылъ въ Дрезденъ, куда съѣхались къ нему на поклоненіе всѣ государи Германіи. Проведя тамъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ отправился къ своей арміи, находившейся уже близъ предѣловъ Россіи, возвѣстилъ, что эта держава, увлекаемая рокомъ, не избѣжитъ судьбы своей, и 12 Іюня перешелъ Нѣманъ между Ковно и Гродно. Императоръ Александръ получилъ это извѣстіе въ Вильнѣ, на балѣ, гдѣ остался еще нѣсколько времени, а потомъ призвалъ госуд. секретаря А. С. Шишкова и велѣлъ ему написалъ приказъ нашимъ арміямъ и рескриптъ графу Салтыкову, предсѣдателю Государственнаго Совѣта, о вступленіи непріятеля въ предѣлы Россіи, въ которомъ сказано: «Я не положу оружія, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ.» Александръ сдержалъ это слово, и вотъ незабвенная его заслуга Россіи въ отечественную войну. Наши силы были распредѣлены на три арміи: 1-я Западная армія, подъ начальствомъ Барклая, стояла въ Виленской губерніи; 2-я Западная, подъ

командою Багратіона, находилась въ Гродненской губерніи; а обсерваціонная армія Тормазова, въ Волынской; Чичаговъ съ своей арміей оставался еще въ Дунайскихъ княжествахъ.] По первоначальному плану, составленному перешедшимъ въ Русскую службу Прусскимъ генераломъ Фулемъ, первая армія должна была стать въ оборонительномъ положеніи въ укрѣпленномъ заранѣе лагерѣ на Двинѣ, при Дриссѣ, а вторая дѣйствовать во флангъ непріятеля. Въ слѣдствіе этого Барклай изъ окрестностей Вильны пошелъ на Сѣверъ къ Дриссѣ, а Багратіонъ расположился у Слонима. Такимъ образомъ съ самаго начала Русскія арміи разобщились. ×Наполеонъ] быстро двинулся между ними, чтобъ поразить ихъ отдѣльно и проложить себѣ прямой путь въ нѣдра Россіи. Онъ×устремилъ главныя свои силы на Барклая, а брата своего Іеронима направилъ противъ Багратіона. Австрійцы и Пруссаки составляли отдѣльные корпуса его арміи, одни на крайнемъ правомъ флангѣ въ Волыни, другіе на лѣвомъ въ Курляндіи.] Лагерь подъ Дриссою съ возведенными тамъ укрѣпленіями оказался далеко неудовлетворительнымъ и былъ оставленъ. Тогда положено арміямъ спѣшить на соединеніе, а до тѣхъ поръ избѣгать открытаго сраженія съ превосходнымъ непріятелемъ. Отъ такого только способа дѣйствій можно было ожидать успѣшнаго исхода, но отступленіе во внутрь Россіи безъ сильнаго отпора непріятелю не соотвѣтствовало общимъ ожиданіямъ и было противно храбрости войскъ и народному духу; подобной необходимости почти никто не признавалъ въ то время, и×самымъ сильнымъ порицателемъ этого способа войны былъ главнокомандующій 2-й арміи, пылкій Багратіонъ. Барклай усвоилъ себѣ этотъ планъ и съ твердою рѣшимостію и самоотверженіемъ приступилъ къ его исполненію. Онъ оставилъ корпусъ гр. Витгенштейна на Двинѣ, для прикрытія Пскова и Новгорода, а самъ потянулся вверхъ по этой рѣкѣ къ Витебску, куда велѣно спѣшить и Багратіону.] Императоръ Александръ, издавъ воззваніе къ Москвѣ и манифестъ 6-го Іюля о всеобщемъ ополченіи, которое было ограничено потомъ 16-ю губерніями, ближайшими къ поприщу войны, отправился въ древнюю столицу. Прибытіе его воодушевило жителей Москвы: всѣ сословія соревновали одно передъ другимъ въ пожертвованіяхъ и деньгами и людьми. Графы Дмитріевъ-Мамоновъ и П. И. Салтыковъ набирали цѣлые полки на своемъ иждивеніи. Вообще×Россія въ 1812 г. выставила добровольно до 320 т. ратниковъ и пожертвовала не менѣе 100 м. рублей.]Изъ Москвы Александръ вернулся въ Петербургъ. Барклай успѣлъ предупредить Наполеона въ Витебскѣ. Въ окрестностяхъ этого города смѣнившіяся войска нашего аріергарда въ упорныхъ битвахъ 13, 14 и 15 Іюля удерживали натискъ непріятельской арміи, въ ожиданіи Багратіона. Но Багратіонъ, мужественно

сражаясь въ тоже самое время на берегахъ Днѣпра при Салтановкѣ съ маршаломъ Даву, занявшимъ Могилевъ прежде него, не могъ пробиться къ Витебску и пошелъ въ Смоленскъ. Барклай послѣдовалъ туда же. Подъ стѣнами этого города совершилось 22 Іюля столь желанное соединеніе обѣихъ армій и получены радостныя извѣстія о побѣдѣ гр. Витгенштейна при Клястицахъ надъ маршаломъ Удино и объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ Тормазова противъ Саксонскаго корпуса Ренье. Соединенныя арміи предприняли немедленно наступательное движеніе къ Рудиѣ, по прямому направленію въ Витебскъ.

Въ это время Наполеонъ неожиданно повернулъ на Красное, перешелъ со всѣми своими силами на лѣвый берегъ Днѣпра, гдѣ встрѣтилъ только отрядъ Невѣровскаго, славно отступившаго, и явился передъ Смоленскомъ съ Юга. Главная Русская армія, которую Наполеонъ могъ отрѣзать теперь отъ Москвы, поспѣшила возвратиться къ Смоленску. Раевскій успѣлъ уже занять этотъ городъ и на ветхихъ, древнихъ стѣнахъ его отбилъ приступъ многочисленнаго непріятеля. Дохтуровъ, смѣнивъ утомленныя войска Раевскаго, продолжалъ оборонять Смоленскъ и оставилъ дымящіяся развалины его, когда главная Русская армія была уже въ полномъ движеніи къ Дорогобужу, чтобъ занять скорѣе Московскую дорогу, что̀ удалось только послѣ упорнаго арріергарднаго дѣла при с. Валутина-Гора. Изъ Дорогобужа Русская армія отступила въ Вязьму и наконецъ остановилась у Царева-Займища. Здѣсь прибылъ къ ней новый главнокомандующій Кутузовъ

По соединеніи армій, несогласіе двухъ главнокомандующихъ, пользовавшихся почти равною властію (ибо Барклай имѣлъ только право объявлять высочайшія повелѣнія какъ военный министръ), усилились до крайности. Вмѣстѣ съ тѣмъ оставленіе Смоленска и продолжительное отступленіе уже къ самой Москвѣ повергли войско въ уныніе и породили явный на Барклая ропотъ. Порицанія, клеветы и даже обвиненіе въ измѣнѣ, которое было слѣдствіемъ его иностранной фамиліи, распространились въ арміи, въ обществѣ и въ народѣ [11]. Убѣжденіе, что назначеніе главнокомандующаго чисто-Русскаго необходимо и измѣнитъ весь ходъ дѣла, сдѣлалось всеобщимъ. Александръ, поддерживавшій доселѣ Барклая, не могъ не обратить вниманія на этотъ голосъ общественнаго мнѣнія и по внушенію его назначилъ Кутузова. Вслѣдъ затѣмъ, 9 Августа, отправился Государь самъ въ Або, для свиданія и скрѣпленія союза съ наслѣднымъ принцемъ Шведскимъ. При этомъ свида-

---

[11]) По свидѣтельству нѣкоторыхъ современниковъ, войска на походѣ стали встрѣчать обычныя привѣтствія главнокомандующаго молчаніемъ.

нiи Бернадотъ ходатайствовалъ о возвращенiи Швецiи Аландскихъ острововъ. Императоръ Александръ отвѣчалъ: «Охотно бы согласился, но такая уступка повредитъ мнѣ во мнѣнiи моего народа». ×Заключенною 18 (30) Августа конвенцiею Александръ обязался 35 т. корпусомъ содѣйствовать Швецiи въ пріобрѣтенiи Норвегiи. Между тѣмъ, съ согласiя наслѣднаго принца, войска, собранныя въ Финляндiи, отправлены моремъ въ Ревель, а оттуда въ Ригу и на подкрѣпленiе Витгенштейна]—Съ прибытiемъ Кутузова войско ободрилось духомъ, оживилось надеждою на скорый бой. Однако отступленiе продолжалось еще три перехода. Кутузовъ хотѣлъ соединиться съ резервами, которые велъ Милорадовичъ, и съ Московскимъ ополченiемъ. Остановились на поляхъ Бородина. Здѣсь, 26-го Августа, произошла битва, которую Наполеонъ называлъ самою ужасною изъ всѣхъ данныхъ имъ сраженiй.×Побѣда оставалась нерѣшительною. Обѣ арміи ночевали въ виду одна другой. Потеря была почти равная съ обѣихъ сторонъ. Мы имѣли 15 т. убитыхъ и до 30 т. раненыхъ] Подъ Бородинымъ пали: Багратiонъ, братья Тучковы, Кутайсовъ и многiе другiе вождi. На разсвѣтѣ Кутузовъ, удостовѣрясь въ огромной потерѣ и разстройствѣ войскъ, пошелъ по Московской дорогѣ. Наполеонъ послѣдовалъ за нимъ. Въ деревнѣ Филяхъ, въ виду древней столицы, рѣшилась участь Москвы. Бывшiй тутъ военный совѣтъ Кутузовъ заключилъ словами: «Съ потерею Москвы не потеряна Россiя, доколѣ будетъ сохранена армiя». Войска вступили въ городъ чрезъ Драгомиловскую заставу и вышли на Рязанскую дорогу. Милорадовичъ съ аріергардомъ удерживалъ стремительный напоръ Французовъ. Москва, оставленная жителями и изъ которой заблаговременно вывезены государственныя сокровища, казенное имущество, присутственныя мѣста, архивы, была обречена пламени. Главнокомандующiй Москвы гр. Растопчинъ могъ надѣяться, что ее будутъ защищать, но на случай приготовилъ все, чтобъ непрiятелю досталось одно пепелище [12]). Извѣстiе о занятiи Москвы Французами привезъ Императору Александру флигель-адъютантъ Мишо. Александръ сказалъ ему: «Если у меня не останется ни единаго солдата, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ, буду самъ предводительствовать ими и подвигну всѣ средства Им-

---

[12]) Полагаю, что графъ Растопчинъ, какъ Кутузовъ, Барклай и мн. др., предвидѣлъ возможность занятiя Москвы непрiятелемъ, а послѣ Бородина и не сомнѣвался въ этомъ, но заявилъ противное мнѣнiе и всячески старался заглушать тревожные толки, успокоивать и воодушевлять умы, потому что предвидѣлъ также, что при распространенiи слуховъ объ оставленiи нами древней столицы, городская чернь не станетъ дожидаться Французовъ, а тотчасъ сама начнетъ все истреблять и жечь Москву. Этимъ, мнѣ кажется, объясняются противорѣчiя и видимыя несообразности въ его распоряженiяхъ и поступкахъ въ это время

перiи. Но если Промысломъ Божiимъ предоставлено роду моему не царствовать болѣе на престолѣ моихъ предковъ, то, истощивъ всѣ усилiя, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь скитаться въ нѣдрахъ Сибири, нежели подписать стыдъ моего Отечества». Въ самомъ дѣлѣ, всѣ покушенiя Наполеона въ продолженiе войны 1812 г. затронуть Александра видами на миръ остались тщетны: отвѣта не было. — Потеря Москвы глубоко тронула Александра; онъ скрывалъ въ уединенiи тѣнистыхъ аллей Каменнаго острова снѣдавшую его грусть, искалъ упованiя и твердости въ религiи и съ того времени часто прибѣгалъ къ чтенiю Священнаго Писанiя

. Кутузовъ, дошедъ по Рязанской дорогѣ до Боровскаго перевоза, предпринялъ оттуда знаменитое свое фланговое движенiе на старую Калужскую дорогу. Можно полагать, что въ этомъ искусномъ соображенiи имѣлъ участiе полковникъ Толь. Войска потянулись, въ виду зарева Москвы, къ Подольску и Красной Пахрѣ, а оттуда отошли въ позицiю при Тарутинѣ. Здѣсь армiя стала во флангъ непрiятелю, прикрывая Калугу, Тулу и южныя губернiи. Въ Тарутинскомъ лагерѣ она отдохнула, устроилась, усилилась вещественно и нравственно. Партизанскiя партiи, образованныя изъ казаковъ и легкихъ войскъ, подъ начальствомъ Сеславина, Фигнера, кн. Кудашева, Дениса Давыдова, который первый предложилъ этотъ родъ дѣйствiй, и мн. др., были расположены около Москвы. Партiи эти затрудняли непрiятелю добываніе съѣстныхъ припасовъ, захватывали подвозы, прерывали его сообщенiя. Поднялась и народная война, особенно вокругъ столицы и въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Смоленской губернiи. Пожаръ Москвы и оскорбленiе святыни были главными причинами ея развитiя. Толпы поселянъ, покинувшихъ свои жилища и вооруженныхъ чѣмъ попало, истребляли непрiятеля и содѣйствовали партизанамъ. Смоленскiе помѣщики Энгельгардтъ и Шубинъ, взятые за участiе въ народной войнѣ, были разстрѣляны Французами. Наполеонъ, тщетно ожидая въ Кремлевскихъ стѣнахъ предложенiй о мирѣ, рѣшился послать съ этой цѣлiю генерала Лористона въ Тарутино. Кутузовъ отвѣчалъ, что онъ не уполномоченъ вести мирные переговоры, но впрочемъ доведетъ до свѣдѣнiя своего Государя о желанiи Императора Французовъ. Александръ, получивъ объ этомъ донесенiе, написалъ Кутузову: «Въ настоящее время никакiя предложенiя непрiятеля не побудятъ меня прервать брань и тѣмъ ослабить священную обязанность отмстить за оскорбленное Отечество». 7-го Октября, на другой день послѣ авангарднаго дѣла на рѣкѣ Чернышнѣ, въ 10-ти верстахъ отъ Тарутина, Наполеонъ выступилъ изъ Москвы въ Боровскъ, чтобъ пробраться на дорогу изъ Калуги къ Смоленску и слѣдовать по мѣстамъ, не разореннымъ еще войною. Сеславинъ извѣстилъ Кутузова объ этомъ движенiи. Войска Дохторова и Французъ-

скія подступили въ одно время къ Малоярославцу, гдѣ завязался упорный бой: городъ переходилъ нѣсколько разъ изъ рукъ въ руки, непріятель удержался въ его развалинахъ. Кутузовъ, прибывшій къ вечеру съ остальною арміею, отодвинулся къ Калугѣ. Наполеонъ отошелъ въ противоположную сторону къ Вереѣ, а оттуда въ Вязьму на большую Смоленскую дорогу и продолжалъ по ней отступленіе свое. Кутузовъ послалъ Милорадовича съ кавалеріей преслѣдовать непріятеля; отрядилъ Платова и партизановъ безпокоить правый его флангъ, а самъ медленно подвигался по параллельному направленію и осторожно дѣйствовалъ на его операціонную линію. Въ Вязьмѣ, за Дорогобужемъ, потомъ подъ Краснымъ, съ 3-го по 6-ое Ноября, корпуса Французской арміи, изнуренной походомъ, голодомъ и суровостію климата, понесли сильныя пораженія и несчетныя потери людьми и артиллеріею. Отступленіе ихъ обратилось въ бѣгство. Изъ Орши подъ прикрытіемъ идущихъ къ нему корпусовъ Удино и С. Сира, дѣйствовавшихъ противъ Витгенштейна и сохранившихся еще въ стройномъ видѣ, Наполеонъ спѣшилъ переправиться за р. Березину въ Борисовѣ. Для прегражденія пути Наполеону, по составленному заблаговременно плану, шелъ съ Юго-запада Чичагопъ, оставившій корпусъ Сакена противъ Шварценберга, а съ Сѣвера Витгенштейнъ, вытѣснившій Французовъ изъ Полоцка. Они должны были соединиться на берегахъ Березины. Чичаговъ занялъ Борисовъ, но Наполеонъ отвлекъ его отъ этого пункта, успѣлъ незамѣтно устроить переправу при д. Студянкѣ и спасъ себя и часть своей арміи, оставя огромную добычу Витгенштейну и авангарду Кутузова. Изъ мѣстечка Сморгони Наполеонъ уѣхалъ въ Парижъ.

Между тѣмъ усилившіеся морозы, доходившіе до 30 гр., довершили истребленіе Французской арміи. Вице-король Евгеній собралъ за Вислою жалкіе ея остатки. Уцѣлѣвшіе отдѣльные корпуса Австрійскій и Прусскій пошли въ свои предѣлы.

Императоръ Александръ прибылъ къ своей арміи въ Вильну 11-го Декабря 1812 г. Не теряя времени, онъ велѣлъ Кутузову идти впередъ, чтобъ присутствіемъ побѣдоносныхъ Русскихъ войскъ поднять Германскіе народы и освободить Европу отъ насилія Наполеона. Въ Вильнѣ, Александръ занялся устройствомъ на границѣ резервной арміи, подъ начальствомъ князя Лобанова-Ростовскаго, изъ запасныхъ войскъ, выздоровѣвшихъ солдатъ и рекрутъ, для замѣненія убыли въ дѣйствующей арміи и содержанія ея всегда въ полномъ составѣ; обратилъ сострадательное вниманіе на участь раненыхъ и плѣнныхъ, поручилъ ихъ особому попеченію и самъ съ полнымъ самоотверженіемъ посѣщалъ госпитали, въ коихъ свирѣпствовали заразительныя болѣзни.

1-го Января 1813 г. Кутузовъ перешелъ Нѣманъ при Меречѣ.

Варшавское герцогство было очищено отъ непріятеля, за исключеніемъ крѣпостей, безъ труда. Витгенштейнъ вступилъ въ Восточную Пруссію. Въ началѣ Февраля Русскіе уже были на берегахъ Одера. Данцигъ былъ осажденъ, передовые отряды вскорѣ заняли Берлинъ, Гамбургъ и Дрезденъ. Пруссія первая присоединилась къ Россіи. Народное чувство предупредило въ этомъ правительство. Пруссаки, при первомъ къ нимъ воззваніи, начали приготовляться къ борьбѣ съ своимъ притѣснителемъ. Договоръ съ Пруссіею былъ заключенъ 16 (28) Февраля въ Калишѣ, гдѣ находился Императоръ Александръ съ передовыми войсками своими, не составлявшими и 20 т. чел. Остальныя были еще назади. Швеція согласилась сдѣлать высадку въ Германіи. Англія поручилась ей за присоединеніе Норвегіи и обѣщала помощь деньгами и снарядами. Австрія уже колебалась. Александръ, 3 Апрѣля, перешелъ Одеръ, а 12 вступилъ въ Дрезденъ. Вмѣсто Кутузова, который лежалъ на смертномъ одрѣ, гр. Витгенштейнъ былъ назначенъ главнокомандующимъ Русско-прусской арміи, Наполеонъ съ непостижимою быстротою, дѣятельностію и энергіею, сосредоточилъ въ окрестностяхъ Лейпцига болѣе 130 т. чел. Война началась близъ Люцена тамъ, гдѣ нѣкогда палъ Густавъ Адольфъ. Союзники атаковали 20-го Апрѣля маршала Нея, въ то время, когда Наполеонъ съ прочими своими войсками потянулся къ Лейпцигу. Онъ успѣлъ вернуться, услышавъ канонаду, атаковалъ въ свою очередь и принудилъ союзниковъ къ отступленію. Они отошли въ порядкѣ, чрезъ Дрезденъ къ Бауцену. Здѣсь, подкрѣпленные войсками, приведенными Барклаемъ, они заняли крѣпкую позицію на крутизнахъ, омываемыхъ рѣчкою Шпре. Наполеонъ напалъ на нихъ въ этой позиціи и послѣ двухсуточнаго жестокаго боя, 8 и 9-го Мая, принудилъ оставить поле сраженія. Русско-прусская армія отступила въ Силезію. Наполеонъ преслѣдовалъ ее до Одера. Императоръ Александръ и король Прусскій лично находились въ сраженіяхъ при Люценѣ и Бауценѣ. Объ враждующія стороны были истощены и ожидали подкрѣпленій. Въ Пойшвицѣ было заключено между ними перемиріе до конца Іюля, и положено составить конгрессъ для возстановленія общаго мира при посредничествѣ Австріи. Время этого перемирія было эпохою важныхъ переговоровъ и приготовленій. Русская дѣйствующая армія, главнокомандующимъ которой назначенъ Барклай, была приведена въ порядокъ. Изъ войскъ, находившихся въ тылу, составлена другая такъ названная Польская армія, ввѣренная Беннигсену съ приказаніемъ идти ей въ Силезію. Резервная армія кн. Лобанова-Ростовскаго подвинута изъ Литвы въ Польшу. Между тѣмъ въ Рейхенбахѣ была заключена уже 15-го Іюня конвенція съ Австріей, сущность которой состояла въ томъ, что если Франція не приметъ пред-

лагаемыхъ ей условій мира къ 14 Іюля, то Австрія объявитъ ей войну.] Послѣ разныхъ промедленій, подъ пустыми предлогами, мирный конгрессъ открылся наконецъ въ Прагѣ. Графъ Меттерних былъ на немъ уполномоченнымъ посредникомъ. Конгрессъ этотъ справедливо былъ названъ мистификаціей; дѣло на немъ шло не о мирѣ, а о томъ кто привлечетъ на свою сторону Австрію. Она уже была на сторонѣ союзниковъ. Наполеонъ, догадываясь о намѣреніяхъ этой державы, отвѣчалъ на сдѣланныя ему предложенія высокомѣрно.×Срокъ перемирія скоро кончился, конгрессъ былъ закрытъ, и на другой день Австрія объявила войну Франціи.] Императоръ Александръ поѣхалъ въ Прагу, гдѣ находился императоръ Францъ, и тамъ они условились о предстоящихъ военныхъ дѣйствіяхъ.×Предназначаемыя на это войска, составлявшія около 500 т. человѣкъ, были раздѣлены на три арміи: Главную или Богемскую, которая поручена кн. Шварценбергу и при коей союзные монархи намѣрены были находиться лично; Силезскую, ввѣренную Прусскому генералу Блюхеру, и Сѣверную подъ начальствомъ наслѣднаго принца Шведскаго, который уже въ Маѣ высадился въ Помераніи. Русскія войска были размѣщены по всѣмъ тремъ арміямъ; находившимися у Шварценберга командовалъ Барклай.]—Императоръ Александръ былъ истиннымъ виновникомъ и душею этого огромнаго союзнаго ополченія Европы. Но, чтобъ сохранить въ немъ единство дѣйствій, устранить всѣ преграды, возникавшія отъ совмѣстничества, зависти, личныхъ интересовъ и частныхъ цѣлей, ему предстояла бездна затрудненій. Надобно было имѣть большое искусство, чтобъ заставить Австрійскаго фельдмаршала двигаться такъ, какъ хотѣлъ онъ, Александръ, и какъ не хотѣлъ Вѣнскій Кабинетъ.×Хотя Александръ и былъ главнымъ руководителемъ всѣхъ большихъ военныхъ операцій, но, не будучи официальнымъ главнокомандующимъ армій, ибо званіе это онъ уступилъ Шварценбергу, онъ не могъ дѣйствовать безусловными приказаніями. Ему надобно было вести переговоры въ полномъ смыслѣ этого слова, но онъ покорился такой необходимости для блага союза и достиженія своихъ намѣреній. — Частные цѣли и интересы взяли особенно перевѣсъ по освобожденіи Германіи, и тогда трудности соглашеній возрасли до высшей степени; но Александръ преодолѣлъ ихъ. Конечно успѣшными дѣйствіями своими коалиція обязана преимущественно ему. Дѣятельность его въ это время была непостижима, и онъ показалъ притомъ большія дарованія военныя и дипломатическія.—Военныя дѣйствія начались одновременно въ Саксоніи, Богеміи, Силезіи и подъ стѣнами Берлина.] Главная армія спустилась съ Богемскихъ горъ и приступила къ Дрездену. Наполеонъ, шедшій въ это время въ Силезію на Блюхера, быстро возвратился, отбилъ главную армію отъ Дрездена 15 (27) Августа и оттѣснилъ ее назадъ въ

Богемію. Въ этомъ дѣлѣ, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Императора Александра оторвало пушечнымъ ядромъ обѣ ноги у знаменитаго Моро, только что прибывшаго изъ Америки по приглашенію союзныхъ монарховъ. Въ дѣйствіяхъ подъ Дрезденомъ, сложность начальства и разногласія уже явно обнаружились у союзниковъ и были причиною ихъ неуспѣха; съ этого времени Александръ принялся за свое трудное дѣло. Союзная армія принуждена была отступать по скатамъ Рудныхъ горъ едва проходимыми дорогами и тропинками. Графъ Остерманъ, отступая съ одной дивизіей Русской гвардіи и частію пѣхотнаго корпуса, встрѣтилъ въ горныхъ дефилеяхъ Вандама, посланнаго отрѣзать союзникамъ путь въ Богемію, занятіемъ Теплица. Войска Остермана штыками пробились сквозь непріятеля и въ Кульмской долинѣ цѣлый день 17-го Августа отражали превосходныя его силы. Остерману оторвало руку ядромъ, начальство принялъ Ермоловъ. На помощь прибыли другія войска, и сраженіе возобновилось 18-го числа въ присутствіи союзныхъ монарховъ. Прусскій генералъ Клейстъ явился въ тылу Вандама, который былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ съ 12 т. человѣкъ. Кульмская побѣда разстроила намѣреніе Наполеона запереть въ горахъ главную армію союзниковъ. Въ тоже время Блюхеръ съ Силезской арміей разбилъ Макдональда при Кацбахѣ. Сакену съ Русскими войсками принадлежитъ главное въ этомъ дѣлѣ участіе. Наслѣдный принцъ Шведскій одержалъ значительный успѣхъ надъ Удино при Гроссъ-Беренѣ, близъ Берлина, и вслѣдъ за тѣмъ поразилъ Нея при Денневицѣ.

Такимъ образомъ союзныя войска все болѣе и болѣе окружали и стѣсняли своего грознаго противника. Положено было напасть на него совокупными силами. Приготовляясь къ этому, Россія, Австрія и Пруссія скрѣпили свой союзъ договоромъ, заключеннымъ въ Теплицѣ 28 Августа (9 Сентября). Онѣ обязались, содержать для войны до 150 т. чел. каждой, не договариваться о мирѣ отдѣльно и не заключать его иначе, какъ на извѣстныхъ условіяхъ. Арміи: Главная, Силезская, Сѣверная и резервная Беннигсена, предприняли общее движеніе къ Лейпцигу, куда и Наполеонъ сосредоточивалъ свои силы. Исполинская Лейпцигская битва началась 4 (16) Октября сраженіемъ при Вашау, въ которомъ Александръ участвовалъ личными распоряженіями, но дѣло еще было не общее и не рѣшительное. На слѣдующій день всѣ четыре союзныя арміи соединились, и 6 (18) Октября вступили въ бой около полумилліона разноплеменныхъ воиновъ почти всей Европы. При наступленіи ночи Французская армія, разстроенная и стѣсненная со всѣхъ сторонъ, заключилась въ стѣнахъ Лейпцига. Съ разсвѣтомъ этотъ городъ былъ взятъ приступомъ. Наполеонъ поспѣшно отступилъ чрезъ Эрфуртъ и Фульду къ Рейну, смялъ

близь Ганау Австрійско-баварскій корпусъ Вреде, покусившійся преградить ему путь, и бросился въ Майнцъ. Германія была свободна, очищена отъ непріятеля. Дрезденъ и почти всѣ крѣпости, бывшія еще въ рукахъ Французовъ, сдались къ концу года. Рейнскій Союзъ расторгся, войска его присоединились къ своимъ соотечественникамъ. Голландія возстала. Императоры Александръ и Францъ и король Прусскій прибыли во Франкфуртъ на Майнѣ. По достиженіи Рейна, союзники Александра расположены были къ миру съ Наполеономъ. Александръ настаивалъ въ необходимости быстро перенести войну въ предѣлы Франціи. Въ душѣ его глубоко запала мысль отомстить за Отечество и свергнуть своего противника. Личный врагъ Наполеона, соотечественникъ, его Поццо-ди-Ворго, искусный дипломатъ, находившійся въ Русской службѣ, знаменитый баронъ Штейнъ, поборникъ свободы Германіи и можетъ быть немногія другія лица изъ окружавшихъ Александра поддерживали его въ этомъ непреклонномъ намѣреніи. Согласились готовиться къ войнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ вступить въ переговоры. Предложили Французскому правительству, чрезъ барона Сентъ-Эньяна, принять основаніемъ мира условіе, что Франція ограничится естественными своими предѣлами, Рейномъ, Альпами и Пиринеями. Отвѣты Наполеона и вооруженія доказали, что онъ этимъ не удовольствуется, и переговоры были прерваны. Уже 19 Ноября (1 Декабря) союзные монархи обнародовали, что они воюютъ не противъ Франціи, но противъ открытаго перевѣса въ могуществѣ, коимъ пользуется Наполеонъ внѣ предѣловъ своей Имперіи, что они оставятъ Франціи границы, какихъ она не имѣла ни при одномъ изъ своихъ королей, но что при этомъ они желаютъ мира, который предохранилъ бы Европу отъ бѣдствій, претерпѣваемыхъ ею въ теченіе двадцати лѣтъ, и не положатъ оружія, доколѣ не достигнутъ этой цѣли. Съ объявленіемъ этого манифеста арміи союзниковъ выступили изъ кантониръ-квартиръ на мѣста, откуда надлежало имъ войти во Францію.

Въ первыхъ числахъ Января 1814 г. союзныя арміи перешли Рейнъ: Главная, Шварценберга, на предѣлахъ Швейцаріи у Базеля и направилась къ верховьямъ р. Сены; Силезская, Блюхера, между Майнцемъ и Кобленцемъ, и двинулась къ верховьямъ р. Марны. Въ числѣ этихъ войскъ было 140 т. Русскихъ. Англія прислала въ главную квартиру союзниковъ министра своего иностранныхъ дѣлъ лорда Кастельре, для усиленія вліянія своего на дѣла континента. Военныя дѣйствія и дипломатическіе переговоры возобновились почти одновременно и въ продолженіе всего похода были между собою въ неразрывной связи. Въ Шатильонѣ открытъ конгрессъ безъ перемирія; новыми условіями, предложенными Франціи, оставляли ей только границы, которыя она имѣла въ 1792 г. Наполеонъ,

ставъ въ промежутокъ союзныхъ армій, началъ военныя дѣйствія нападеніемъ на Блюхера, близь Бріенна. Главная армія подоспѣла къ нему на помощь, и Наполеонъ, разбитый при Ла-Ротьерѣ, былъ принужденъ отступить къ Труа. Послѣ этого сраженія положено Главной и Силезской арміямъ опять раздѣлиться; Блюхеру идти на Парижъ долиною Марны, Шварценбергу слѣдовать туда же берегами Сены. Шварценбергъ, медленно преслѣдуя Наполеона, потерялъ его изъ виду. Блюхеръ, горѣвшій нетерпѣніемъ быть въ Парижѣ, быстро подвигался впередъ и растянулъ свою армію. Наполеонъ, подкрѣпленный прибывшими изъ Испаніи ветеранами своихъ войскъ, бросился во флангъ разбросанныхъ корпусовъ Блюхера, истребилъ въ Шампоберѣ отрядъ генерала Олсуфьева, отбросилъ при Монмиралѣ Сакена за Марну и поразилъ въ Вошанѣ самого Брюхера. Военный геній Наполеона проявился въ этихъ искусныхъ дѣйствіяхъ во всемъ своемъ блескѣ. Успѣхи его воспламенили народонаселеніе: окрестные жители вооружились и стали нападать на остатки разбитыхъ войскъ непріятеля. Шварценбергъ, простоявъ около Труа въ бездѣйствіи, въ слѣдствіе тайныхъ приказаній своего правительства, желавшаго выиграть время для миролюбивыхъ намѣреній, началъ съ своей стороны подвигаться вдоль Сены. Наполеонъ обратился противъ главной арміи и поразилъ ея авангардъ при Монтеро. Шварценбергъ отступилъ опять къ Труа. Въ окрестностяхъ этого города обѣ арміи вторично соединились. При этомъ сосоединеніи, извѣстія объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ на Югѣ, около Ліона, маршала Ожеро, оттѣснившаго Австрійскій корпусъ гр. Бубны, возбудили опасенія Шварценберга за тылъ арміи. Онъ находилъ необходимымъ общее отступленіе къ Рейну. Блюхеръ не соглашался слѣдовать за нимъ. Для прекращенія ихъ разногласій, рѣшено предоставить Блюхеру дѣйствовать по усмотрѣнію и вошедшей во Францію (по очищеніи Голландіи и Бельгіи) части Сѣверной арміи, состоявшей изъ корпусовъ Винценгероде и Бюлова, быть подъ его начальствомъ. Силезская армія пошла опять впередъ къ Марнѣ, а Главная назадъ къ Шомону. Убѣжденіе въ необходимости единодушія и вмѣстѣ съ тѣмъ уклончивость и неумѣренныя требованія Наполеона повели къ заключенію 17 Февраля (1 Марта) Шомонскаго договора, коимъ союзники скрѣпили свои узы. По этому договору, предложенному лордомъ Кастельре, Англія, Россія, Австрія и Пруссія обязались: если Наполеонъ не приметъ Шатильонскихъ условій, продолжать войну; на сей конецъ каждой изъ этихъ державъ имѣть по 150 т. чел. войска: Англіи вспомоществовать сверхъ того союзникамъ субсидіями; отдѣльно никому не вступать въ переговоры; силу и дѣйствіе договора сохранить на 20 лѣтъ. За тѣмъ назначили Коленкуру, уполномоченному Наполеона на Шатильонскомъ конгрессѣ,

краткій срокъ для принятія условій мира. Удовлетворительнаго отвѣта не было, и конгрессъ вскорѣ послѣ того закрылся] Въ это время Наполеонъ, поручивъ Удино слѣдовать за главной арміей, обратился съ большею частію своихъ силъ въ третій разъ на Блюхера. При Краонѣ графъ Воронцовъ сдержалъ непріятеля, а между тѣмъ Блюхеръ, соединясь съ Бюловымъ и Винценгероде, сосредоточился у Лаона. Наполеонъ атаковалъ его, но былъ отбитъ и бросился къ Реймсу, гдѣ застигъ въ расплохъ и поразилъ корпусъ графа Сенъ-При, убитаго въ этомъ дѣлѣ. Извѣстіе объ этомъ пораженіи привело въ крайнее недоумѣніе Шварценберга, который, послѣ Лаонскаго дѣла, началъ было подвигаться впередъ и разбилъ Удино при Баръ-сюръ-Объ. Императоръ Александръ убѣдилъ его взять вправо, чтобъ войти въ связь съ Блюхеромъ. Во время этого движенія Наполеонъ встрѣтилъ головы колонъ Главной арміи въ Арсисѣ и сразился съ ними; бой продолжался цѣлый день, но былъ нерѣшительный: войска обѣихъ сторонъ ночевали на полѣ сраженія и ожидали на другое утро возобновленія битвы. Наполеонъ, сверхъ всякаго чаянія, уклонился отъ этого, оставилъ сильный аріергардъ противъ Шварценберга и двинулся самъ къ Сенъ-Дизье, въ тылъ Главной арміи. Онъ надѣялся, ставъ на ея сообщеніяхъ, увлечь ее за собою и такимъ образомъ удалить отъ Парижа. Надежда его едва не исполнилась. Шварценбергъ былъ готовъ отступать. Австрійскій императоръ и съ нимъ весь дипломатическій корпусъ, вся миролюбивая партія, оставили главную квартиру еще при движеніи на Арсисъ и находились назади. Императоръ Александръ воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ, объявилъ Шварценбергу, что путь въ столицу Франціи открытъ и что если Шварценбергъ несогласенъ идти впередъ, онъ пойдетъ одинъ съ своими войсками. Это убѣдило фельдмаршала] Главная армія двинулась чрезъ Феръ-Шампенуазъ на Мо; Силезская туда же отъ Шалона и Шато-Тьери. Винценгероде послали за Наполеономъ. Въ Феръ-Шампенуазѣ союзники встрѣтили маршаловъ Мармона и Мортье, шедшихъ на соединеніе съ Наполеономъ. Гр. П. П. Паленъ съ кавалеріей авангарда атаковалъ ихъ, и они обратились назадъ. Императоръ Александръ, слѣдуя за Паленомъ, встрѣтилъ нечаянно дивизію Пакто, опрокинутую Блюхеромъ на главную армію, напалъ на нее и принудилъ положить оружіе. Союзныя арміи добро и весело продолжали идти къ Парижу, между Марною и Сеною. Наполеонъ, узнавъ о движеніи союзниковъ къ его столицѣ и отбросивъ Винценгероде, поспѣшилъ къ Парижу, опередилъ свои войска и былъ въ Фонтенебло, когда союзники стояли въ виду Монмарта. Мортье и Мармонъ, подкрѣпленные національною гвардіею съ воспитанниками Политехнической Школы, расположились на высотахъ Бельвиля

и Монмартра, служившихъ оплотомъ Парижа съ угрожавшей ему стороны. Барклаю съ войсками главной арміи и Блюхеру съ своими поручено штурмовать эти высоты. Барклай, послѣ жаркаго дѣла, овладѣлъ Бельвилемъ, и тогда Мармонъ обратился съ просьбою о перемиріи. Императоръ Александръ остановилъ стремленіе войскъ и, посылая для переговоровъ флигель-адъютанта М. Ѳ. Орлова, сказалъ ему: «de gré ou de force, au pas de charge ou au pas de parade, sur des decombres ou sous des lambris dorés, il faut que l' Europe couche aujourd'hui même à Paris». (Волею или неволею, на штыкахъ или парадными шагомъ, на развалинахъ или подъ золоченымъ кровомъ, но сего же дня Европа должна ночевать въ Парижѣ).] Во время переговоровъ раздался опять громъ оружія. Случайно запоздавшія войска Блюхера бросились на Монмартръ и взяли эту послѣднюю преграду. Семь тысячъ Русскихъ легли подъ стѣнами Парижа; вся потеря союзниковъ состояла изъ 9 т. чел. Въ ночь капитуляція была подписана. 19 (31) Марта 1814 г. Императоръ Александръ и король Прусскій торжественно вступили въ столицу Франціи съ побѣдоносными войсками своими. Императоръ Францъ пріѣхалъ послѣ, спустя нѣкоторое время. Въ самый день вступленія въ Парижъ обнародована подписанная Александромъ прокламація. Въ ней онъ приглашалъ Французовъ избрать временное правительство и объявлялъ, что ни онъ, ни союзники его не войдутъ въ переговоры съ Наполеономъ и съ членами его семейства.] Опираясь на эту прокламацію, Сенатъ опредѣлилъ, что Наполеонъ лишенъ престола. Александръ достигъ своей цѣли и стоялъ на высотѣ славы и могущества. Въ Парижѣ все вращалось около Русскаго Императора, всѣ взоры, всѣ привѣтствія преимущественно обращены къ нему. Александръ плѣнилъ Парижанъ великодушіемъ побѣдителя, скромностью и любезностью своею. Всюду, гдѣ онъ являлся, на гуляньяхъ, въ театрахъ, жители встрѣчали его съ восторгомъ. — Онъ посѣтилъ императрицу Жозефину, не забылъ навѣстить жену своего воспитателя Лагарпа, былъ въ засѣданіи Института, осматривалъ памятники и общественныя заведенія города. Журналы прославляли его, передавали каждое слово, каждый его шагъ. Между тѣмъ Наполеонъ подписалъ отреченіе свое въ Фонтенебло. Надлежало опредѣлить образъ правленія для Франціи. Роялисты, начавшіе свои происки при самомъ переходѣ союзниковъ чрезъ Рейнъ, толпились въ Парижѣ около Александра. Онъ занималъ домъ Тальерана, который съ нѣкотораго уже времени, предусматривая случайности событій, осторожно подготовлялъ пути къ возвращенію Бурбоновъ. Теперь Тальеранъ, назначенный предсѣдателемъ временнаго правленія, воспользовался вниманіемъ къ нему Русскаго Императора, положеніемъ своимъ, связями и вліяніемъ на Сенатъ и на многихъ сановни-

ковъ, чтобъ внушить необходимость прежней династіи. Александръ склонился на сторону Бурбоновъ, не видя возможности инаго исхода для Франціи и увѣренный въ томъ, что непремѣннымъ условіемъ ихъ возвращенія будетъ дарованіе странѣ конституціонныхъ формъ правленія, могущихъ примирить съ ними большинство націи.] Самолюбію Александра было лестно содѣйствовать доставленію Франціи не только спокойствія, но и свободныхъ учрежденій. Лудовикъ XVIII былъ провозглашенъ королемъ. По прибытіи его въ свою столицу подписанъ 18 (30) Мая первый Парижскій миръ. Франція возвращалась имъ въ прежніе свои предѣлы 1792 г., съ нѣкоторыми небольшими приращеніями. Вскорѣ послѣ того Александръ вмѣстѣ съ Прусскимъ королемъ отправился въ Лондонъ, гдѣ также ожидали его торжественные пріемы и пышные праздники; оттуда онъ ѣздилъ въ Оксфордъ и въ Портсмутъ; изъ Англіи вернулся въ Кале, быстро проѣхалъ чрезъ Бельгію и Германію въ Карльсруэ, для свиданія, послѣ долгой разлуки, съ императрицею Елисаветою Алексѣевною, и 13-го Іюля прибылъ въ Петербургъ.

Событія того времени производили въ Россіи неизъяснимый восторгъ. Александръ былъ встрѣченъ общимъ порывомъ радости, изъявленіями любви и благоговѣнія.[×] Сенатъ, Синодъ и Государственный Совѣтъ просили его о принятіи имени Благословеннаго и о дозволеніи воздвигнуть ему памятникъ. Нѣтъ нужды говорить, что Александръ отказалъ. Онъ запретилъ даже всякое торжество по случаю его возвращенія.] Пребываніе его въ Петербургѣ было непродолжительно. Онъ присутствовалъ 30 Іюля при вшествіи гвардіи въ столицу, учредилъ комитетъ, въ память Кульмской 18-го Августа 1814 г. побѣды, для вспомоществованія раненымъ воинамъ, и поспѣшилъ въ Вѣну. При подписаніи мирнаго трактата въ Парижѣ положено было составить въ томъ же году общій конгрессъ для распредѣленія возвращенныхъ отъ Франціи земель и окончательнаго устройства политическихъ дѣлъ Европы.[×] Въ Сентябрѣ съѣхались въ Вѣну многія владѣтельныя лица и министры всѣхъ Европейскихъ державъ. Главными представителями Россіи на этомъ конгрессѣ были князь Разумовскій и графы Стакельбергъ и Нессельроде, но Александръ по обыкновенію лично принималъ самое большое участіе въ его дѣлахъ. Дипломатическія пренія тянулись средп блестящихъ празднествъ, увеселеній и парадовъ. Затрудненія возникли съ самаго начала, и однимъ изъ главныхъ было рѣшеніе судьбы Польши.] Варшавское герцогство, исторгнутое изъ власти Наполеона Русскимъ оружіемъ, въ то время, когда Россія боролась съ нимъ еще одна, безъ союзниковъ, должно было служить ей вознагражденіемъ за ея огромныя пожертвованія и усилія для независимости Европы. Но такое приращеніе мо

гущества Россіи, возстановленіе царства Польскаго подъ державою Александра и намѣреніе его дать Польшѣ представительное правленіе, возродили опасенія и встрѣтили сильныя противорѣчія. Вообще полномочные министры на конгрессѣ, не исключая даже Англійскихъ, лучше желали, чтобы Варшавское герцогство было присоединено къ Россіи просто, какъ область.—Александръ одинъ, собственною своею волею, создалъ Царство Польское и далъ ему конституцію. Распри за Польшу и за Саксонію, которую Прусскій король желалъ присоединить въ цѣлости къ своимъ владѣніямъ, возросли до того, что Австрія, Англія и Франція заключили тайный союзъ противъ Россіи и Пруссіи. Императоръ Александръ былъ готовъ силою оружія поддержать свои требованія. Манифестъ и воззваніе къ Польской арміи были уже изготовлены; но наконецъ взаимныя уступки и личная связь монарховъ привели къ соглашеніямъ. Внезапная вѣсть ускорила рѣшеніе конгресса: Наполеонъ оставилъ островъ Ельбу, высадился на берега Франціи, съ торжествомъ прошелъ до Парижа и снова былъ провозглашенъ императоромъ. Лудовикъ удалился въ Бельгію. Державы собранныя на конгрессѣ, объявили Наполеона врагомъ общаго спокойствія, лишеннымъ покровительства законовъ и двинули войска свои во Францію. Напрасно Наполеонъ пытался отвлечь отъ союза Императора Александра, сообщивъ ему найденный въ кабинетѣ Лудовика XVIII тайный договоръ; это не поколебало его ни на минуту. Онъ приказалъ Русской арміи, подъ начальствомъ Барклая-де-Толли, спѣшить изъ Польши на берега Рейна. Между тѣмъ поторопились кончить и дипломатическія дѣла. Актъ Вѣнскаго конгресса подписанъ 27 Мая (8 Іюня), 1815. Этимъ актомъ Варшавское герцогство было присоединено къ Россіи подъ наименованіемъ Царства Польскаго, за исключеніемъ области Познанской, отданной Пруссіи, Кракова, объявленнаго вольнымъ городомъ, и соляныхъ копей Велички, возвращенныхъ Австріи вмѣстѣ съ Тарнопольскою областью, которая съ 1809 г. принадлежала Россіи. Александръ предоставилъ себѣ дать Польшѣ устройство, наиболѣе сообразное съ выгодами Имперіи и желаніями Польскаго народа.

Изъ Вѣны Императоръ Александръ поѣхалъ въ Гейдельбергъ, гдѣ дождался своихъ войскъ и немедленно перевелъ ихъ за Рейнъ при Мангеймѣ. Но сраженіе при Ватерлоо уже рѣшило участь войны. Наполеонъ вторично отказался отъ престола, Англійскій корабль уносилъ его на дальній островъ св. Елены, Веллингтонъ и Блюхеръ были въ Парижѣ. Александръ опередилъ свои войска и явился въ столицу Франціи снова миролюбивымъ посредникомъ. Онъ употребилъ все свое вліяніе, чтобъ умѣрить требованія побѣдителей и остановить порывы ихъ мщенія, обращенные на памятники славы падшаго врага.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ миръ съ Франціей возстановленъ вторымъ Парижскимъ договоромъ $^{8}/_{20}$ Ноября 1815 г. Границы ея нѣсколько урѣзаны, и сверхъ того положено, какъ для обезпеченія уплаты возложенной на Францію контрибуціи, такъ и для водворенія въ ней спокойствія, занять союзными войсками 18 крѣпостей въ сѣверо-восточныхъ областяхъ. Русскія войска, остававшіяся во Франціи, составляли тридцатитысячный корпусъ подъ начальствомъ гр. М. С. Воронцова. По настоянію Александра, контрибуція была значительно сбавлена и сокращенъ срокъ занятія крѣпостей. Впрочемъ Александръ въ это вторичное пребываніе свое въ Парижѣ, удаляясь отъ шумныхъ увеселеній, мало показывался въ публикѣ и не столько уже занималъ собою Парижанъ: мысли его были обращены на другое. Незадолго до мира, именно 14 (26) Сентября, по приглашенію Александра, былъ заключенъ непосредственно между нимъ, императоромъ Францомъ и королемъ Фридрихомъ Вильгельмомъ договоръ братскаго христіанскаго союза, названнаго Священнымъ Союзомъ. Онъ былъ подписанъ тремя монархами и состоялъ изъ трехъ статей. Актомъ этого союза помянутые монархи объявляли, что они согласились: «Какъ въ управленіи собственными подданными, такъ и въ политическихъ отношеніяхъ къ другимъ правительствамъ, руководствоваться заповѣдями Св. Евангелія, которыя, неограничиваясь приложеніемъ своимъ къ одной частной жизни, должны непосредственно управлять волею царей и ихъ дѣяніями, какъ единственное средство, утверждающее человѣческія постановленія и вознаграждающее ихъ несовершенство». Въ слѣдствіе сего они обязывались: 1) пребывать соединенными неразрывными узами братской дружбы, оказывать другъ другу пособіе и содѣйствіе, управлять подданными своими въ томъ же духѣ братства для охраненія вѣры, правды и мира; 2) почитать себя членами единаго христіанскаго народа, поставленными Провидѣніемъ для управленія тремя отраслями одного и того же семейства, и 3) пригласить всѣ державы къ признанію этихъ правилъ и ко вступленію въ Священный Союзъ. Въ послѣдствіи времени всѣ Европейскія державы приступили къ этому союзу, кромѣ Великобританіи. Король Англійскій призналъ провозглашенныя правила; но, по законамъ своего государства, не могъ подписать подобнаго акта, безъ контрасигнированія отвѣтственнаго министра. Необыкновенная форма и языкъ этого акта исполнили удивленіемъ дипломатическій міръ и подали поводъ къ разнымъ предположеніямъ. Мысль и осуществленіе Священнаго Союза принадлежатъ вполнѣ Александру.] Пожаръ Москвы, бѣдствія Отечества, потомъ всѣ громадные, міровые событія и перевороты, быстро слѣдовавшіе одинъ за другимъ и въ которыхъ Александру было суждено столь великое участіе, сдѣлали сильное на него впечатлѣніе

и обратили думы его особенно на религіозные предметы. При этомъ направленіи, поэтически-меланхолическая душа его легко приняла мистическій оттѣнокъ. Такое душевное настроеніе сблизило его, въ это время, съ г-жею Крюднеръ, извѣстною сочинительницею романа Valerie. Г-жа Крюднеръ, проведя молодость свою въ свѣтскихъ развлеченіяхъ, предалась потомъ ученію Юнга Стиллинга и другихъ иллюминатовъ. Въ странствіяхъ своихъ по Германіи она пріѣхала въ Карльсруэ во время пребыванія тамъ императрицы Елизаветы Алексѣевны у брата своего великаго герцога Баденскаго. Здѣсь г-жа Крюднеръ подружилась съ фрейлиною императрицы Роксаною Струдзою и впослѣдствіи была съ нею въ перепискѣ. Фрейлина Струдза не скрывала своей корреспонденціи отъ императрицы, которая во время Вѣнскаго конгресса показала Императору Александру одно изъ писемъ г-жи Крюднеръ, содержавшее нѣкоторыя предвѣщанія съ намеками, которые могли относиться къ нему. Это возродило въ немъ желаніе познакомиться съ этой женщиной. На пути изъ Вѣны въ Виртембергъ, въ главную свою квартиру, онъ увидѣлъ ее въ первый разъ. Она явилась къ нему внезапно, въ Гейльбрунѣ, въ минуту грустнаго настроенія духа и умѣла занять его и успокоить молитвою, потомъ послѣдовала за нимъ въ Гейдельбергъ и наконецъ въ Парижъ, гдѣ Александръ посѣщалъ ее иногда, проводя съ нею вечера въ духовныхъ бесѣдахъ и молитвѣ. Скоро послѣ отъѣзда своего изъ Парижа, Императоръ Александръ разочаровался на счетъ Крюднеръ, а въ 1821 г. запретилъ ей даже пребываніе въ Петербургѣ. Но Парижскія посѣщенія были причиною, что ей и ея вліянію приписывали Священный Союзъ. Правдоподобно только то, что Александръ показывалъ ей этотъ актъ, который, повторяемъ, совершенно принадлежитъ ему [13]. Александръ хотѣлъ торжественно явить въ немъ міру свои вѣрованія и приложить ихъ къ дѣйствіямъ своимъ какъ Монархъ. Онъ видѣлъ въ Священномъ Союзѣ окончательное водвореніе спокойствія и благоденствія народовъ. Въ послѣдствіи, особенно вліяніемъ, главы Австрійскаго кабинета князя Меттерниха, союзъ этотъ сдѣлался орудіемъ политическихъ видовъ менѣе безкорыстныхъ и миролюбивыхъ.

Императоръ Александръ сдѣлалъ смотръ своимъ войскамъ на поляхъ Вертю въ Шампаньи, отправился въ Брюссель, обозрѣлъ поле сраженія въ Ватерлоо и чрезъ Берлинъ прибылъ въ Варшаву. Польша встрѣтила его съ радостною надеждою. Онъ даровалъ ей 3 (15) Ноября 1815 г. Конституціонную Хартію, которая во многихъ отношеніяхъ значительно

---

13) По нѣкоторымъ, довольно достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, Императоръ Александръ самъ набросалъ карандашемъ статьи Священнаго Союза и показалъ ихъ г-жѣ Крюднеръ, которая надписала въ заглавіи: *Sainte Alliance*.

разширяла и дополняла права и преимущества, коими пользовались Поляки по существовавшему въ Великомъ Герцогствѣ Органическому Статуту. Статьями этой Харіи обезпечивалась Полякамъ личная свобода, неприкосновенность собственности, свобода книгопечатанія, въ предѣлахъ опредѣленныхъ закономъ, употребленіе Польскаго языка во всѣхъ общественныхъ актахъ и дѣлахъ: Римско-Католическая церковь пользовалась особымъ попеченіемъ правительства при свободѣ прочихъ вѣроисповѣданій; Полякамъ предоставлялись всѣ должности гражданскія и военныя въ краѣ; исполнительная власть поручалось царскому намѣстнику и Совѣту; народное представительство состояло въ Сеймѣ, составленномъ изъ двухъ Камеръ или Палатъ: Палаты сенаторовъ съ епископами, назначаемыхъ Государемъ пожизненно въ опредѣленномъ числѣ; и Палаты нунціевъ и депутатовъ (nonces et députés), избираемыхъ Дворянскими Собраніями (Сеймиками, Dietiny) и Общинами (Communes). Мѣста сенаторовъ, нунціевъ и депутатовъ на Сеймъ могли занимать только поземельные владѣльцы. Сеймъ собирался каждые два года и долженъ былъ заниматься проэктами законовъ, предложенными на его разсмотрѣніе, также бюджетомъ, податьми и налогами, по сообщеніямъ правительства, продолжался же тридцать дней. Судебная часть была поставлена въ независимое положеніе: судьи были частью несмѣняемые (innamovibly), частію назначались по выбору гражданъ. Польша имѣла свою національную армію. Ветеранъ Польской арміи генералъ Заіончекъ былъ назначенъ намѣстникомъ, тайный совѣтникъ Новосильцевъ императорскимъ коммисаромъ, цесаревичъ Константинъ Павловичъ главнокомандующимъ Польскою арміею. При Государѣ былъ министръ статсъ-секретатъ Царства Польскаго.

По возвращеніи въ Петербургъ Императоръ Александръ издалъ 25-го Декабря 1815 г. манифестъ съ приложеніемъ Священнаго Союза, который повелѣлъ обнародывать и читать въ церквахъ. Декларація о прекращеніи торга Неграми, на основаніи акта Вѣнскаго конгреса, была обнародована уже прежде.

Первые мѣсяцы 1816 г. прошли въ празднествахъ при Дворѣ по случаю бракосочетанія великой княгини Екатерины Павловны съ наслѣднымъ принцемъ Виртембергскимъ и великой княжны Анны Павловны съ принцемъ Оранскимъ. Въ началѣ 1816 года произведены однако нѣкоторыя перемѣны въ военномъ управленіи. Кругъ дѣйствій военнаго министерства ограниченъ одною хозяйственною частію; прочія дѣла поручены начальнику Главнаго Штаба Е. И. В. Должность эту занималъ князь П. М. Волконскій, постоянно сопровождавшій Александра во всѣхъ его походахъ и одинъ изъ самыхъ близкихъ ему людей. Кн. Волконскій обратилъ особенное вниманіе на приведеніе квартирмейстерской части (нынѣшняго Генеральнаго Штаба)

въ положеніе, соотвѣтственное этой важной трасли военной службы. Въ этомъ дѣлѣ онъ нашелъ полезнаго сотрудника въ генералъ-маіорѣ Н. Н. Муравьевѣ, который частными своими средствами, при преимуществахъ предоставленныхъ правительствомъ его воспитанникамъ, основалъ въ 1816 г. Московское учебное заведеніе для колоновожатыхъ, бывшее разсадникомъ офицеровъ квартирмейстерской части въ Русской арміи.

Въ 1816 г. проявилась снова мысль Александра объ уничтоженіи крѣпостнаго права. Опытъ былъ сдѣланъ въ Остзейскихъ губерніяхъ утвержденіемъ 23-го Мая этого года учрежденія объ Эстляндскихъ крестьянахъ. Начало этого дѣла относится еще къ 1802 г., когда Эстляндское дворянство, испрашивая образованія кредитной кассы, представило вмѣстѣ съ тѣмъ рядъ постановленій Ландтага объ улучшеніи быта крестьянъ, основанныхъ на прежнихъ проектахъ 1795 г. Императоръ Александръ принялъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ представленіе столь соотвѣтственное его собственнымъ желаніямъ. Положеніе объ Эстляндскихъ крестьянахъ, временно-утвержденное 27 Августа 1804 г., было немедленно введено. Положеніе это опредѣляло до нѣкоторой степени повинности крестьянъ и отношенія ихъ къ помѣщикамъ, безъ всякихъ впрочемъ существенныхъ гарантій. Въ Лифляндіи крестьянская реформа началась одновременно съ Эстляндіей. Ландратъ Сиверсъ вызвалъ дворянство на возобновленіе ходатайства объ утвержденіи Лифляндскихъ предложеній 1796 г., касательно уменьшенія тяжести крестьянскихъ повинностей, съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями. Ландтагъ 1803 г. не могъ однако придти къ удовлетворительнымъ по сему предмету соглашеніямъ, и потому Государь назначилъ 11-го Мая 1803 г. особую въ С.-Петербургѣ Коммисію для разсмотрѣнія помянутыхъ предложеній и составленія проекта сельскаго положенія для Лифляндіи. Положеніе это, утвержденное 20-го Февраля 1804 г., давало крестьянамъ нѣкоторыя гражданскія права и вообще было для нихъ снисходительнѣе Эстляндскаго. Но какъ повинности крестьянъ опредѣлялись соразмѣрно оцѣнкѣ земель, основаніемъ для коей, по предложеніямъ 1796 г., служили начала Шведскаго кадастра 1687 г., то повѣрка и окончаніе кадастра потребовали тяжкихъ и продолжительныхъ трудовъ при значительныхъ издержкахъ, что и затянуло дѣло. Между тѣмъ недостатки Эстляндскаго положенія, сдѣлавшись ощутительнѣе въ виду Лифляндскаго, обратили на себя вниманіе Петербургскаго Комитета, который пригласилъ къ себѣ депутатовъ изъ этой губерніи, для пересмотра и измѣненій помянутаго положенія. Такой оборотъ крестьянскаго дѣла, неизбѣжность пожертвованій для кадастра и въ Эстляндіи при законодательствѣ 1804 г., и наконецъ успѣхи современныхъ

идей подали мысль Эстляндскому дворянству предложить въ 1811 г. окончательное освобожденіе крестьянъ. Проектъ дворянства по этому предмету былъ разсмотрѣнъ Коммисіею подъ предсѣдательствомъ Эстляндскаго военнаго губернатора принца Ольденбургскаго и принятъ на Ландтагѣ 1815 года. По возвращеніи Александра изъ за границы проектъ этотъ представленъ въ Государственный Совѣтъ и, какъ выше упомянуто, утвержденъ 23 Мая 1816 года.—Личное крѣпостное право отмѣнялось. Дворянство сохраняло въ собственность землю, отношенія крестьянъ и землевладѣльцевъ основывались на взаимномъ добровольномъ соглашеніи и контрактѣ, сообразномъ съ правилами опредѣляющими его существенныя условія; для введенія новаго порядка полагался переходный періодъ въ 14 лѣтъ.—Курляндію подвигло на тоже дѣло правительство. Въ 1814 г. Александръ повелѣлъ генералъ-губернатору Остзейскихъ провинцій маркизу Паулучи учредить Комитетъ для составленія проекта сельской реформы въ помянутой губерніи. Комитетъ работалъ втайнѣ. Собраніе депутатовъ дворянства, желая возвратить себѣ ускользнувшую инициативу, просило Государя о дозволеніи ему самому исполнить благія желанія Е. В. Александръ былъ тогда въ Вѣнѣ на конгрессѣ. Въ 1816 г. повелѣно пригласить Курляндское дворянство принять или проектъ Комитета или Эстляндское положеніе 23 Мая этого года. Ландтагъ высказался за начала Эстляндскаго положенія, и на ихъ основаніи, съ нѣкоторыми различіями, проистекавшими изъ мѣстныхъ первоначальныхъ учрежденій, былъ составленъ проектъ, утвержденный 25 Августа 1817 г.—Лифляндія продолжала еще бороться съ трудностями кадастра. Наконецъ проявлявшееся болѣе и болѣе мнѣніе о необходимости окончательной реформы побудило Ландтагъ 1818 г. принялъ предложеніе о личномъ освобожденіи крестьянъ и въ Лифляндіи. Проектъ положенія объ этомъ, сходный съ проэктами Эстляндскимъ и Курляндскимъ, но при сокращеніи существенной части переходнаго періода, былъ высочайше утвержденъ 26 Марта 1819 г.—Освобожденіе крестьянъ и введеніе новаго порядка совершились вездѣ безъ важныхъ затрудненій. Произошли безпорядки въ одномъ или двухъ уѣздахъ Курляндской губерніи, но скоро были прекращены военною силою. Впрочемъ законодательныя начала 1816, 17 и 19 гг. не могли способствовать къ образованію самостоятельнаго сословія крестьянъ и оказались вообще неудобными для ихъ благосостоянія. Подчиненіе, вслѣдъ за тѣмъ, Псковской губерніи вѣдомству генералъ-губернатора Остзейскаго края, подало поводъ предполагать, что опытъ освобожденія крестьянъ распространится и на нее, но онъ ограничился тремя вышеупомянутыми губерніями, не принадлежащими къ Русскому населенію. Въ это время обнаружились въ Русскомъ

обществѣ нѣкоторыя частныя стремленія къ уничтоженію крѣпостнаго права. Попытка приступить къ этому была сдѣлана, кажется, еще въ 1816 г. и повторилась позже около 1820 г. Многіе богатые помѣщики составленнымъ ими актомъ обязывались освободить своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Къ подписанію акта приглашались всѣ раздѣлявшіе ихъ мнѣніе, а потомъ предполагалось образовавшемуся такимъ образомъ обществу избрать комитетъ для составленія проекта положенія, который представить чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ на высочайшее утвержденіе. Императоръ Александръ встрѣтилъ холодно это стремленіе и отстранилъ совокупную дѣятельность общества, предоставленіемъ каждому лицу составлять свой проектъ и представлять его министру внутреннихъ дѣлъ. Тѣмъ это и кончилось [14]).

Въ Августѣ 1816 г. Александръ посѣтилъ Москву, въ которой быстро изглаживались слѣды пожара; былъ въ Троице-Сергіевской Лаврѣ и въ Воскресенскомъ монастырѣ, называемомъ Новый Іерусалимъ. Изъ Москвы онъ пріѣхалъ въ Тулу, Калугу, Черниговъ и Кіевъ и возвратился чрезъ Брестъ и Варшаву въ С.-Петербургъ.

Въ 1817 г. обратились къ продолженію финансовыхъ реформъ, начатыхъ въ 1810 г. Послѣдовало особое учрежденіе, въ коемъ сосредоточивались всѣ кредитныя установленія, за исключеніемъ Опекунскихъ Совѣтовъ, оставленныхъ въ вѣдѣніи Императрицы Маріи Ѳедоровны, въ знакъ особеннаго уваженія къ попеченіямъ ея о разныхъ благотворительныхъ заведеніяхъ, особенно объ институтахъ для образованія женскаго пола.—Манифестомъ 7 Мая 1817 г. образованъ Совѣтъ государственныхъ кредитныхъ установленій, какъ для ревизіи и повѣрки всѣхъ операцій, такъ и для разсмотрѣнія и заключенія всѣхъ предположеній по кредитной части. Подъ его наблюденіемъ должны были находиться: 1) Государственная Коммисія погашенія долговъ, окончательно образованная въ томъ же году; 2) Государственный Ассигнаціонный Банкъ, который, за прекращеніемъ дальнѣйшаго выпуска ассигнацій, долженъ былъ ограничиться ихъ размѣномъ; 3) Государственный Заемный Банкъ, долженствовавшій также получить новый уставъ, приличный обстоятельствамъ, и 4) вновь образованный изъ учетныхъ конторъ Ассигнаціоннаго Банка Государственный Коммерческій Банкъ, котораго уставъ тогда же утвержденъ. Съ этого времени операціи всѣхъ помянутыхъ кредитныхъ установленій начали подробно излагаться въ издаваемыхъ отчетахъ Совѣта.

---

[14]) Сколько извѣстно, предложеніе было сдѣлано гр. М. С. Воронцовымъ и кн. А. С. Меншиковымъ. Актъ былъ подписанъ, между прочими, П. В. Васильчиковымъ, братьями П. П. и А. И. Тургеневыми, кн. П. А. Вяземскимъ и мн. др.

Коммиссія погашенія долговъ должна была вписать всѣ долги въ государственную долговую книгу по разрядамъ и употребить назначенный ей капиталъ, 60 мил. р. асс. въ годъ, на постепенное погашеніе долговъ, на уплату процентовъ по нимъ и на уменьшеніе количества ассигнацій, составлявшихъ уже до 1817 г. сумму въ 836 мил. р. Тогда же на послѣдній предметъ открытъ первый внутренній заемъ. Вносившій ассигнаціями или билетами Заемнаго Банка 100 р. получалъ облигацію во 120 р. и въ годъ 6% на нихъ. Заемъ этотъ, требовавшій большихъ пожертвованій отъ правительства, простирался слишкомъ до 28 мил. р. Сожжено ассигнацій въ первый годъ на 38 мил. р. Въ 1818 г. открытъ новый заемъ: вносившій 85 р. ас. получалъ облигацію на 100 р. и 6%. Заемъ этотъ доставилъ болѣе 68 мил. р. Въ этомъ году сожжено ассигнацій слишкомъ на 80 мил. р. Въ 1819 г., въ слѣдствіе умножившагося числа фальшивыхъ ассигнацій, перемѣнена ихъ форма. Въ 1820 г. заключенъ внѣшній заемъ въ 40 мил. р. с. для продолженія погашенія ассигнацій.

Измѣненіе способа взиманія питейнаго сбора принадлежитъ къ числу главнѣйшихъ мѣръ предложенныхъ въ это время тогдашнимъ министромъ финансовъ гр. Гурьевымъ. Въ манифестѣ по сему предмету, послѣдовавшемъ 2 Апрѣля 1817 г., было сказано, что опытъ многихъ лѣтъ доказалъ не только неудобство способа взиманія питейнаго сбора посредствомъ откуповъ, но и вредъ во многихъ отношеніяхъ. Сей способъ, будучи сопряженъ съ крайнимъ для народа отягощеніемъ, не менѣе того затруднителенъ и неблагонадеженъ для казны, а потому питейный сборъ учреждался въ 29 Великороссійскихъ губерніяхъ на особенныхъ правилахъ. Управленіе этого сбора въ губерніяхъ сосредоточивалось въ Казенныхъ Палатахъ, коихъ примыми начальниками были вице-губернаторы. На эти Палаты возлагалось: заготовленіе и храненіе вина, выдача установленныхъ свидѣтельствъ, опредѣленіе числа питейныхъ домовъ, надзоръ за винокуреніемъ, за питейною продажею вообще и наблюденіе за поступленіемъ дохода. Право винокуренія предоставлялось дворянамъ и чиновникамъ оберъ-офицерскихъ классовъ; дѣланіемъ водокъ и вареніемъ пива и меда могли заниматься и другія сословія. Винокуренные заводчики должны были заключать контракты съ казною, поставлять вино въ казенные магазины и не продавать его иначе съ завода. Въ сущности измѣненія состояли въ томъ, что откупщики замѣнялись нѣкоторымъ образомъ чиновниками. Неизвѣстно, какое приращеніе дохода получило отъ этого казна; но народу было, кажется, не легче [13]).

---

[13]) Въ это время, при сборахъ какого либо губернатора въ Петербургъ, говорили обыкновенно, что онъ ѣдетъ проситься въ вице-губернаторы.

Въ 1816 г. былъ дополненъ новыми правилами тарифъ 1810 г., а въ 1820 г. сдѣланъ опытъ тарифа на началахъ свободной торговли: разрѣшался ввозъ всѣхъ запрещенныхъ прежде товаровъ. Порто-франко въ Одессѣ открыто въ 1819 г.

Осенью 1817 г. Императоръ Александръ предпринялъ опять поѣздку по внутреннимъ губерніямъ Россіи. Въ послѣдній періодъ своего царствованія, послѣ войнъ съ Наполеономъ, онъ возобновлялъ ежегодно эти поѣздки, когда не отвлекали его за границу внѣшнія политическія дѣла. Преимущественно посѣщались имъ мѣста, гдѣ были расположены войска. Въ этотъ разъ онъ проѣхалъ чрезъ Могилевъ и Бобруйскъ въ Черниговъ, Кіевъ и Кременчугъ, а оттуда въ Москву, гдѣ собралось все Императорское семейство и происходила 13 Октября торжественная закладка на Воробьевыхъ горахъ Храма Спасителя, который Александръ положилъ воздвигнуть въ память изгнанія непріятеля изъ Россіи. Государь желалъ соорудить храмъ, котораго какъ общій характеръ, такъ и частности выражали бы жизнь Христа Спасителя символически. Проэктъ художника Витберга подходилъ болѣе всего къ этой мысли и былъ утвержденъ. Витбергу предоставлены вполнѣ и всѣ распоряженія по исполненію. Вѣковое зданіе воздвигалось на песчаной горѣ, гдѣ весенніе потоки разрушали и увлекали съ собою всѣ начатки сооруженій. Огромныя работы продолжались долгое время; однако фантастическая мечта талантливаго артиста, но не архитектора, не могла быть осуществлена, и планъ его оставленъ [16]).

Александръ пробылъ въ Москвѣ почти безвыѣздно до Февраля 1818 года когда онъ отправился на Сеймъ въ Варшаву. — Первый Польскій Сеймъ былъ имъ открытъ 15 (27) Марта рѣчью, которая имѣла огромный отголосокъ въ Европѣ и въ Россіи. Онъ въ ней произнесъ между прочимъ слѣдующія значительныя слова: «Политическое образованіе, существовавшее уже въ вашемъ краю, дозволило мнѣ ввести немедленно тѣ постановленія, которыя я вамъ даровалъ, руководствуясь началами *законно-свободныхъ* учрежденій [17]), быв-

[16]) Витбергъ тогда же предложилъ мѣру для исполненія колоссальной постройки. Мѣра эта состояла въ выкупѣ 20 т. помѣщичьихъ крестьянъ, изъ коихъ одна половина должна была платить оброкъ, а изъ другой слѣдовало образовать мастеровыхъ и рабочихъ. Такимъ образомъ сооруженіе Храма Спасителя было сопряжено съ мыслью освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Всѣ распоряженія, работы и пріобрѣтеніе средствъ къ ихъ исполненію, все было предоставлено Витбергу. Въ числѣ купленныхъ крестьянъ были 2 т. душъ у кн. П. А. Вяземскаго, 2 т. у г. Юрьева и у др.—Значительная часть рабочихъ погибла отъ эпидемическихъ болѣзней, и вообще, по непрактичности распорядителя, гуманная мысль его не принесла никакихъ плодовъ.

[17]) Собственное выраженіе Императора Александра; онъ самъ поставилъ его въ переводѣ своей рѣчи на Русскомъ языкѣ.

ихъ непрестанно предметомъ моихъ помысловъ и которыхъ спасительное вліяніе надѣюсь я, съ помощіею Божіею, распространить и на всѣ страны, Провидѣніемъ попеченію моему ввѣренныя. Такимъ образомъ вы подали мнѣ средства показать моему Отечеству то, что я уже съ давнихъ лѣтъ ему приготовляю, и чѣмъ оно воспользуется, когда начала столь важнаго дѣла достигнутъ надлежащей зрѣлости». (L'organisation, qui était en vigueur dans votre pays, a permis l'etablissement immediat de celle que je vous ai donnée, en mettant en pratique les principes de ces institutions libérales, qui n'ont cessé de faire l'objet de ma sollicitude, et dont j'espère, avec l'aide de Dieu, étendre l'influence salutaire sur toutes les nations que la Providence a confiés à mes soins. Vous m'avez aussi offert les moyens de montrer à ma patrie ce que je prepare pour elle dès longtemps, et ce qu'elle obtiendra, lorsque les elémens d'une oeuvre aussi importante auront atteint le devéloppement nécéssaire). — Сеймъ происходилъ съ большимъ церемоніаломъ и торжественностію. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, избранный депутатомъ Пражскаго предмѣстія, засѣдалъ на Сеймѣ во второй палатѣ, а великій князь Михаилъ Павловичъ, находившійся въ это время въ Варшавѣ, въ первой палатѣ по праву, предоставленному членамъ царской фамиліи. На этомъ Сеймѣ былъ разсмотрѣнъ и принятъ проэктъ уголовнаго уложенія, но за тѣмъ Сеймъ не одобрилъ предложенный ему законъ о бракѣ и разводѣ. Александръ остался доволенъ этимъ знакомъ независимости депутатовъ и вообще всѣми дѣйствіями Сейма, который и закрылъ лично 15 (27) Апрѣля. Подъ обаяніемъ рыцарско-аристократическаго характера Поляковъ и восхищенный созданною имъ конституціей, онъ задумалъ было присоединить къ Царству Польскому Западныя губерніи Россіи. Это намѣреніе встревожило и возбудило неодобреніе во всѣхъ оттѣнкахъ общественнаго мнѣнія въ Россіи. Можно полагать, что извѣстное письмо Карамзина, поданное въ слѣдствіе разговора съ Государемъ въ 1819 году, окончательно отклонило Александра отъ такого намѣренія. Изъ Варшавы Императоръ Александръ уѣхалъ чрезъ Владиміръ-Волынскій въ Юго-Западныя губерніи Россіи, былъ въ Каменцѣ-Подольскѣ, Кишеневѣ, Одессѣ, Симферополѣ, Керчѣ, на южномъ берегу Крыма и въ Іюнѣ возвратился въ Москву, куда чрезъ нѣсколько дней прибылъ къ нему вѣрный его союзникъ, теперь и родственникъ, король Прусскій. Дочь его великая княгиня Александра Ѳеодоровна, супруга великаго князя Николая Павловича, въ это пребываніе въ Москвѣ, 18 Апрѣля, разрѣшилась отъ бремени первымъ сыномъ своимъ Александромъ.—Въ Августѣ Императоръ Александръ отправился въ Ахенъ на конгрессъ, на которомъ присутствовали также императоръ Францъ и ко-

роль Фридрихъ Вильгельмъ. По окончаніи всѣхъ разсчетовъ съ Франціей по долговымъ ея обязательствамъ, на конгрессѣ положено вывести изъ ея предѣловъ союзныя войска. Предъ закрытіемъ конгресса, Австрія, Франція, Великобританія, Пруссія и Россія возвѣстили, протоколомъ и декларацією отъ 3 (15) Ноября, намѣренія и правила своей будущей политики. Правила эти были въ духѣ Священнаго Союза, но придавали ему болѣе опредѣлительную цѣль. Начиналась политика конгрессовъ. Она принадлежала собственно Австріи, Пруссіи и Россіи. Англія, хотя и не уклонилась отъ участія въ конгрессахъ, но не руководствовалась правиломъ подчинять свои интересы общему совѣщанію. Императоръ Александръ личнымъ вліяніемъ своимъ способствовалъ благопріятному для Франціи успѣху Ахенскихъ переговоровъ. Первымъ министромъ этой державы въ то время и представителемъ ея на конгрессѣ былъ герцогъ Ришелье, находившійся долго въ Русской службѣ и къ которому Александръ былъ особенно расположенъ. Изъ Ахена Александръ ѣздилъ въ Парижъ на одни сутки, а оттуда въ Брюссель. На дорогѣ къ этому городу нѣсколько человѣкъ, большею частію уволенныхъ отъ службы Французскихъ и Бельгійскихъ офицеровъ, намѣревались остановить Александра и принудить его подписать декларацію о признаніи сына Наполеона Французскимъ императоромъ, а Маріи Луизы правительницею. Заговорщики были открыты и задержаны мѣстнымъ правительствомъ. Въ исходѣ Декабря Александръ возвратился чрезъ Вѣну въ Царское Село.

Лѣтомъ 1819 г. Императоръ Александръ продолжалъ путешествія свои по Россіи и посѣтилъ сѣверные ея предѣлы. Былъ въ Архангельскѣ, въ Холмогорахъ, въ Вытегрѣ, осматривалъ на пути Онежскій каналъ; изъ Петрозаводска проѣхалъ чрезъ Сердоболь въ Куопіо и углубился во внутрь Финляндіи, въ самыя пустынныя мѣста этой суровой, но живописной страны. Съ малочисленною свитою онъ отправился на лодкѣ, по озеру Умео, въ г. Каяны, къ которому не было тогда сухопутной проѣзжей дороги, былъ застигнутъ сильною бурею и съ величайшею только опасностію могъ прибыть въ означенное мѣсто. Изъ Каянъ Александръ возвратился на большую дорогу окружнымъ путемъ по едва проходимымъ болотистымъ топямъ, сдѣлавъ, частію верхомъ на крестьянской лошади, частію пѣшкомъ, болѣе 70 верстъ; потомъ продолжалъ путешествіе свое чрезъ Улеаборгъ до Торнео, откуда слѣдовалъ берегами Ботническаго и Финскаго заливовъ обратно въ Петербургъ.

Война 1812 г. въ нѣдрахъ Россіи возбудила силы народа къ дѣятельности, которая, будучи обращена сперва на защиту Отечества, отразилась потомъ и въ мирныхъ явленіяхъ жизни. Событія послѣдовавшихъ г., 1813, 14 и 15-го, сблизили Россію съ Европою. Не только регулярныя войска, но

и ополченія оставались долгое время за границею и не могли не вынести оттуда нѣкоторыхъ новыхъ понятій и желаній. Почувствовалась особенно потребность просвѣщенія и сдѣлалась сильнѣе нежели когда либо. Правительство было расположено удовлетворить этой потребности, и просвѣщеніе двинулось впередъ. Русская литература вступала въ одну изъ самыхъ цвѣтущихъ эпохъ своихъ. Въ 1816 г. Карамзинъ подпесъ Императору Александру первые томы своей Исторіи Государства Россійскаго. Двадцатые года текущаго столѣтія были золотымъ вѣкомъ Русской поэзіи. Журналистика размножилась и оживилась обиліемъ и разнообразіемъ современныхъ вопросовъ, появились такія періодическія изданія какъ Духъ Журналовъ, въ которомъ помѣщались замѣчанія о внутреннемъ состояніи Россіи. Молодое поколѣніе обратилось съ жадностію къ изученію политическихъ наукъ. Древніе письменные памятники отечественной исторіи ревностно отыскивались, собирались и разработывались. Щедрая любовь къ просвѣщенію канцлера графа Румянцева способствовала между прочимъ къ появленію въ свѣтъ многихъ изъ этихъ памятниковъ. Еще въ 1813 году онъ пожертвовалъ 25 т. р. на напечатаніе Русскихъ лѣтописей, начиная съ Нестора. Построенный и сооруженный его же иждивеніемъ корабль Рюрикъ отправился въ 1815 г. подъ командою лейтенанта Коцебу въ кругосвѣтное потешествіе съ особенною цѣлію изслѣдованія Южнаго Океана. Императорская публичная библіотека въ С.-Петербургѣ была уже открыта общественной любознательности въ 1814 г. С.-Петербургскій Педагогическій Институтъ получилъ окончательное образованіе въ 1816 г., названъ Главнымъ Педагогическимъ Институтомъ и раздѣленъ на 3 факультета съ пользованіемъ всѣхъ правъ университетскихъ. Въ 1818 г. открыты въ немъ каѳедры восточныхъ языковъ, занятыя извѣстными оріенталистами, выписанными изъ заграницы ученою заботливостію тогдашняго попечителя округа С. С. Уварова. Въ 1819 г. устроены въ Институтѣ публичные курсы, независимо отъ частныхъ, для предназначающихъ себя педагогіи, и тѣмъ собственно началось открытіе Петербургскаго Университета. Варшавскій Университетъ основанъ въ началѣ 1817. Въ Одессѣ учрежденъ въ 1816 г. Ришельевскій Лицей, названный такъ по имени герцога Ришелье, управлявшаго Новороссійскимъ краемъ и пожертвовавшаго на это заведеніе доходы, получаемые съ его аренды. Школы взаимнаго обученія по методѣ Белля и Ланкастера вводились и быстро размножались въ это время въ Россіи. Въ 1816 г. были посланы по повелѣнію Государя четыре студента въ Англію для изученія этой методы. Составилось общество для ея распространенія, и въ 1819 г. оно открыло въ Петербургѣ безплатную для мальчиковъ Ланкастерскую школу. Графъ

Румянцевъ завелъ подобную школу для крестьянскихъ дѣтей въ имѣніи своемъ Гомель, а Сперанскій, снова поступившій на служебное поприще, въ управляемомъ имъ краѣ, въ Иркутскѣ. Ланкастерская метода была особенно въ употребленіи въ заведеніяхъ военнаго вѣдомства, въ школахъ военныхъ кантонистовъ и др. Александръ, посѣтивъ 19-го Іюля 1819 г. школу взаимнаго обученія при гвардейскомъ штабѣ, гдѣ учились грамотѣ даже 40-лѣтніе солдаты, повелѣлъ учреждать такія же школы въ гвардейскихъ и армейскихъ полкахъ. Заботливость его простиралась особенно на всѣ части военнаго вѣдомства. Инженерное училище было преобразовано въ 1820 г. и въ томъ же году учреждено Артиллерійское училище.

Министерство народнаго просвѣщенія, коимъ съ 1816 г. управлялъ кн. А. Н. Голицынъ, получило обширнѣйшій кругъ дѣйствій въ 1817 г. и было переименовано въ Министерство Духовныхъ дѣлъ и Народнаго Просвѣщенія. Дѣла всѣхъ вѣроисповѣданій, не исключая и дѣлъ Св. Правительствующаго Синода, вошли въ составъ этого министерства, дабы христіанское благочестіе, какъ сказано въ манифестѣ 24 Октября 1817 г., было всегда основаніемъ истиннаго просвѣщенія. Кн. Голицынъ, руководствуясь духомъ и началами, торжественно провозглашенными Императоромъ Александромъ, ознаменовалъ управленіе свое ревностнымъ распространеніемъ Священнаго Писанія посредствомъ библейскихъ обществъ и развитіемъ общественной благотворительности. По примѣру Великобританскихъ библейскихъ обществъ, уже въ 1813 г. было учреждено въ С.-Петербургѣ, подъ предсѣдательствомъ кн. Голицына, общество для распространенія Священнаго Писанія на всѣхъ языкахъ, за исключеніемъ Славянскаго, между всѣми народами Россіи, не исповѣдующими Греко-Россійской вѣры. Александръ, по возвращеніи своемъ изъ заграничнаго похода, тотчасъ принялъ общество подъ свое покровительство, вступилъ въ число его членовъ даровалъ ему значительное денежное пособіе, позволилъ именоваться Русскимъ Библейскимъ Обществомъ и печатать Славянскія Библіи. Въ засѣданіи 5-го Марта 1816 г. предсѣдатель сообщилъ обществу указъ, коимъ повелѣвалось заняться переводомъ Библіи на Русскій языкъ. Русское Библейское Общество обнаружило чрезвычайную дѣятельность: оно имѣло 89 отдѣленій и сотрудническихъ комитетовъ, разсѣянныхъ по всей Имперіи въ самыхъ отдаленныхъ ея мѣстахъ; до 1824 г. было уже напечатано имъ или пріобрѣтено книгъ Священнаго Писанія на 41 мъ нарѣчіи; и разошлось ихъ до 450 т. экземпляровъ. Въ 1819 г. общество издало Новый Завѣтъ въ Русскомъ переводѣ а въ 21 и Псалтырь. Благотворительныя заведенія получили въ 1816 г. общее образованіе учрежденіемъ Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества, въ составъ котораго поступили существовавшіе уже

прежде Медико-филантропическій Комитетъ и Попечительные о бѣдныхъ Комитеты. Во время отечественной войны составилось въ С.-Петербургѣ, для вспомоществованія разоренным войною, женское Патріотическое Общество подъ непосредственнымъ покровительствомъ императрицы Елисаветы Алексѣевны, скромно посвящавшей досуги свои дѣламъ благотворительности. Общество это получило новое образованіе въ 1817 г. и распространило кругъ дѣйствій своихъ на живущихъ въ столицѣ немощныхъ, престарѣлыхъ и на семейства, обремененныя дѣтьми. Въ 1819 г. учреждено Попечительное Общество о тюрьмахъ.

Замѣчательнымъ примѣромъ христіанскаго воззрѣнія и вѣротерпимости Александра служитъ именной его указъ, данный въ 1816 г. Херсонскому военному губернатору, который испрашивалъ переселенія водворенныхъ въ Мелитопольскомъ уѣздѣ духоборцевъ на другое мѣсто, по развратной ихъ жизни и желанію разсѣвать вредныя свои правила между другими, о чемъ донесли на нихъ два духоборца, перешедшіе въ православіе. Указъ начинается объясненіемъ, что этимъ послѣднимъ людямъ вполнѣ вѣрить нельзя; за тѣмъ приводятся нѣкоторыя свидѣтельства въ пользу духоборцевъ, а далѣе сказано: [18]) «Отпаденіе сихъ людей отъ Православной Греко-Россійской церкви есть конечно съ ихъ стороны заблужденіе, основанное на нѣкоторыхъ погрѣшныхъ заключеніяхъ ихъ объ истинномъ Богослуженіи и духѣ Христіанства. Сіе происходитъ въ нихъ отъ недостатка просвѣщенія: ибо ревность Божію имѣютъ, но не по разуму. Но просвѣщенному ли правительству Христіанскому приличествуетъ заблудшихъ возвращать въ нѣдра церкви жестокими и суровыми средствами, истязаніями, ссылками и т. п.? Ученіе Спасителя міра, пришедшаго на землю взыскати и спасти погибшаго, не можетъ внушаемо быть насильствомъ и казнями, не можетъ служить къ погибели спасаемаго, коего ищутъ обратить на путь истины. Истинная вѣра порождается благодатію Господнею чрезъ убѣжденіе, поученіемъ, кротостію, а болѣе всего добрыми примѣрами. Жестокость же не убѣждаетъ никогда, но паче ожесточаетъ». «Строгія мѣры до 1801 г. не истребили секты, но умножили ее». «Церковь Православная, сколь ни желала бы обратить сихъ отпадшихъ отъ нея чадъ къ себѣ, можетъ ли одобрить мѣры гоненія, толико противныя духу главы ея, Христа Спасителя, оставившаго послѣдователямъ Своимъ сіе достопамятное изрѣченіе: Аще ли бысте вѣдали, что есть милости хощу, а не жертвы, николи же убо бысте осуждали неповинныхъ?» Въ заключеніи указа колонія духоборцевъ поручалась особому и бли-

[18]) См. П. Собр. Законовъ 1816 г. № 26,550.

жайшему надзору и попеченію губернатора и повелѣвалось ему узнать въ точности обстоятельства дѣла.

Правительство принуждено было однако отступить отъ этихъ правилъ вѣротерпимости въ отношеніи Іезуитовъ, которые, пользуясь убѣжищемъ въ Россіи, употребляли разныя обольщенія къ привлеченію въ Католичество воспитанниковъ Греко-Россійскаго исповѣданія въ своихъ училищахъ, и другихъ лицъ. Вниманіе правительства было особенно возбуждено переходомъ въ Католичество нѣкоторыхъ воспитанниковъ Іезуитскаго пансіона въ Петербургѣ изъ знатныхъ фамилій и нѣкоторыхъ свѣтскихъ дамъ столичнаго общества, въ средѣ котораго пользовался большимъ вліяніемъ извѣстный поборникъ Іезуитовъ графъ Іосифъ де Местръ. ×Въ Декабрѣ 1815 г. Іезуиты уже были высланы изъ Петербурга съ запрещеніемъ находиться въ обѣихъ столицахъ. Не смотря на это, они продолжали дѣйствовать съ тѣмъ же прозелитизмомъ въ Полоцкомъ своемъ учебномъ заведеніи и въ другихъ школахъ. Въ слѣдствіе этого повелѣно 13-го Марта 1820 г. выслать Іезуитовъ окончательно за границу, съ запрещеніемъ возвращаться въ Россію, и упразднить какъ Академію ихъ въ Полоцкѣ (которая въ 1810 г. поставлена была въ независимость отъ Виленскаго Университета и возвышена въ значеніи) такъ и всѣ подвѣдомственныя ей училища.

Преобразованія во внутреннемъ управленіи ограничились послѣ установленія мира тѣмъ, что министерство полиціи, указомъ 4-го Сентября 1819 г., присоединено къ министерству внутреннихъ дѣлъ, отъ котораго департаментъ мануфактуръ и внутренней торговли перешелъ въ министерство финансовъ. Тогда же, въ видахъ улучшенія внутренней администраціи и пресѣченія злоупотребленій, былъ сдѣланъ опытъ распредѣленія Великороссійскихъ губерній на генералъ-губернаторства. Губерніи Рязанская, Тульская, Орловская, Воронежская и Тамбовская были подчинены одному генералъ-губернатору, коимъ назначенъ А. Д. Балашевъ.—Въ 1817 г. министерство юстиціи перешло отъ Трощинскаго къ генералу отъ инфантеріи князю Д. П. Лобанову-Ростовскому. Указомъ 25 Декабря 1817 г. о вырваніи ноздрей у преступниковъ отмѣнено это наказаніе и запрещено впредь упоминать о немъ въ судебныхъ приговорахъ. Въ 1818 г., указомъ 28 Декабря, распространено право учреждать фабрики и заводы на всѣхъ казенныхъ, удѣльныхъ, помѣщичьихъ и свободныхъ хлѣбопашцевъ. Въ этомъ же году предписано губернскимъ начальствамъ строжайше наблюдать, чтобъ крестьяне не употреблялись къ господскимъ работамъ въ воскресные и праздничные дни. Въ 1819 г. прекращенъ установленный во время войны сборъ съ доходовъ имѣній.

Гюллистанскій миръ, заключенный съ Персіей въ 1813 г., былъ обнародованъ только въ 1818 г. съ указомъ 15-го Августа объ утвержденіи мирныхъ сношеній съ этой державой взаимными посольствами. Персидскій шахъ требовалъ уступки нѣкоторыхъ земель, присоединенныхъ къ Закавказскимъ владѣніямъ, на основаніи помянутаго договора. По этому случаю ген. лейт. Ермоловъ, назначенный въ 1816 г. командиромъ Грузинскаго (впослѣдствіи Кавказскаго) корпуса и главнокомандующимъ Грузіи съ губерніями Кавказскою и Астраханскою, былъ отправленъ посломъ въ Персію и успѣлъ склонить шаха отказаться отъ своихъ требованій. По возвращеніи изъ Персіи Ермоловъ занялся устройствомъ ввѣреннаго ему края: обезпечилъ лѣвый флангъ Кавказской линіи отъ набѣговъ горцевъ, распространилъ пограничную линію отъ Терека до Сунджи и далѣе, усмирилъ Дагестанъ, Имеретію, Мингрелію и Гурію, построилъ укрѣпленія: Грозную, Внезапную и Бурную, и привлекъ разные народы къ признанію надъ собою власти Русскаго Государя.

Въ Іюнѣ 1820 г. сгорѣла часть Дворца и Лицея въ Царскомъ Селѣ. Это произвело мрачное впечатлѣніе на Александра; онъ сказалъ, что до сихъ поръ онъ былъ столько избалованъ счастіемъ, что теперь страшится себѣ противнаго. Послѣ обычной своей поѣздки по Россіи, во время которой Александръ былъ въ Москвѣ, Воронежѣ, Курскѣ, Харьковѣ, Полтавѣ и Кременчугѣ, онъ прибылъ въ Варшаву, на Сеймъ. Революціонныя движенія, обнаруживавшіяся въ это время въ разныхъ частяхъ Западной Европы, озабочивали Александра и привлекали его вниманіе особенно какъ члена Священнаго Союза, который былъ его твореніемъ и посредствомъ котораго онъ мечталъ водворить ненарушимый миръ и спокойствіе. Заботливость эта и опасенія его выразились въ рѣчи, произнесенной имъ при открытіи 1 (13) Сентября втораго Польскаго Сейма. Онъ сказалъ въ ней между прочимъ: «Духъ зла «покушается похитить снова бѣдственное владычество и уже «паритъ надъ частію Европы, уже накопляетъ злодѣянія и «пагубныя событія». (..... le genie du mal s'essaye à reprendre son funeste empire, et déjà il plane sur une partie de l' Europe, déjà il y cummule les forfaits et les catastrophes). Между тѣмъ пренія на Сеймѣ были шумныя. Нѣкоторые проекты правительства, какъ-то: уголовнаго судопроизводства и измѣненій въ органическомъ Статутѣ Сената, не были приняты большинствомъ. Настоянія Сейма на счетъ введенія суда присяжныхъ были отвергнуты. Императоръ былъ вынужденъ къ тому отсутствіемъ въ Польшѣ элементовъ этого учрежденія. Въ опредѣленный Хартіею срокъ, 1 (13) Октября, Александръ закрылъ Сеймъ, не скрывъ Полякамъ досадныхъ впечатлѣній своихъ въ заключительной рѣчи своей, и поспѣ-

ншилъ въ Троппау, куда, на основаніи Ахенскаго договора, приглашалъ его Австрійскій императоръ на конгрессъ. Прусскій король долженъ былъ прибыть туда же. Англія и Франція прислали своихъ полномочныхъ министровъ. Умы волновались въ Германіи, но мѣры предложенныя кн. Меттернихомъ и утвержденныя Нѣмецкими кабинетами на Карльсбадскихъ конференціяхъ, укротили это волненіе. Въ Испаніи неправосудное и дурное управленіе Фердинанда произвело движеніе въ войскѣ, сторону котораго принялъ народъ, и король долженъ былъ согласиться на ограниченіе своей власти; тоже самое произошло въ Неаполѣ; Португалія и Сѣверная Италія также не были спокойны. Въ Троппау кн. Меттернихъ убѣдилъ Императора Александра и короля Прусскаго въ необходимости вооруженнаго посредничества въ Неаполѣ для спокойствія Европы и достиженія цѣли Священнаго Союза. Рѣшено пригласить короля Неаполитанскаго въ Лайбахъ, для совѣщанія о мѣрахъ къ утвержденію его престола, а между тѣмъ на помощь ему послать Австрійскую армію. Едва только конгрессъ перенесся въ Лайбахъ, какъ вспыхнуло революціонное покушеніе въ Піемонтѣ. Австрійскому войску велѣно вступить и въ эту страну. Русскія войска получили также повелѣніе приготовиться къ походу въ Италію, но потомъ приказомъ изъ Лайбаха отъ 22-го Апрѣля 1821 г. остановлены. Неаполь и Піемонтъ были заняты Австрійцами и усмирены. — Лайбахскій конгрессъ не успѣлъ еще разъѣхаться, какъ получено извѣстіе о важныхъ происшествіяхъ на Востокѣ. Со времени народнаго пробужденія въ Греціи при Екатеринѣ II начали появляться между Греками тайныя общества съ цѣлію освобожденія отечества отъ Турецкаго ига. Изъ сихъ обществъ первая *Этерія* или содружество рушилось казнію основателя его, знаменитаго Ригаса, выданнаго Туркамъ Австрійскимъ правительствомъ. Въ 1817 г. составилась вторая *Этерія* обширнѣе и предпріимчивѣе первой. Она водворилась въ Корфу, Константинополѣ, Ливорнѣ, Одессѣ, Кишиневѣ и другихъ мѣстахъ Востока. Общество это способствовало особенно развитію Греческой народности и имѣло цѣлію приготовить Грековъ къ возрожденію преимущественно посредствомъ образованія: располагая большими средствами, воспитывало молодыхъ людей въ Европейскихъ университетахъ и заводило въ самой Греціи народныя школы. Одинъ изъ любимѣйшихъ статсъ-секретарей Александра, извѣстный дипломатъ, родомъ Грекъ съ о. Корфу, графъ Каподистрія, хотя не одобрялъ вооруженнаго возстанія, но былъ въ сношеніи съ Этеристами и помогалъ имъ своими средствами и вліяніемъ. Въ Мартѣ 1821 г. ревностный и нетерпѣливый Этеристъ князь Александръ Ипсиланти, Русскій генералъ-маіоръ, сынъ бывшаго господаря Молдавскаго, прибылъ внезапно изъ

Бессарабіи въ Яссы съ значительнымъ числомъ сподвижниковъ и толпою вооруженныхъ Арнаутовъ, захватилъ находившихся тамъ нѣсколько Турокъ и издалъ прокламацію, которою призывалъ къ возстанію за вѣру и свободу жителей Дунайскихъ княжествъ и всѣхъ Грековъ, обѣщая содѣйствіе одной великой Державы. Воззваніе и примѣръ Ипсиланти подняли Грековъ въ Морећ и на Архипелагскихъ островахъ. Всѣ эти извѣстія были получены Александромъ въ Лайбахѣ съ неудовольствіемъ. Онъ тотчасъ объявилъ, что не одобряетъ предпріятіе кн. Ипсиланти, какъ дѣйствіе современной экзальтаціи и легкомыслія молодаго человѣка; что кн. Ипсиланти будетъ исключенъ изъ Русской службы, и что Русской пограничной арміи будетъ приказано соблюдать самый строгій нейтралитетъ, о чемъ и повелѣлъ сообщить султану. Въ заключеніе конгресса, Дворы Австрійскій, Россійскій и Прусскій обнародовали декларацію отъ 12 Мая 1821 года, въ которой, по изложеніи причинъ и правилъ, руководствовавшихъ дѣйствіями союзныхъ монарховъ, въ твердомъ намѣреніи потушить заговоры и смуты, угрожавшіе общему миру,—объявлялось о мѣрахъ, принятыхъ съ согласія короля Обѣихъ Сицилій и короля Сардинскаго и объ оставленіи союзныхъ войскъ въ Неаполѣ и въ Піемонтѣ, для охраненія законной власти. Англія и Франція уклонились отъ постановленія этого конгресса. Союзные монархи разъѣхались, положивъ собраться въ непродолжительномъ времени въ одномъ изъ Итальянскихъ городовъ для рѣшенія дѣлъ Испаніи. Не смотря на увѣренія Россіи, султанъ обвинялъ эту державу въ замыслѣ Ипсиланти, приказалъ не пропускать Русскихъ судовъ чрезъ Босфоръ безъ строгаго осмотра и воспламенилъ фанатизмъ Мусульманъ. Турки предались ужаснымъ неистовствамъ и безчеловѣчно убивали безоружныхъ Грековъ. Въ Константинополѣ патріархъ Григорій и два епископа были умерщвлены въ самое Свѣтлое Воскресенье. Русскій посолъ баронъ Строгоновъ энергически протестовалъ противъ этихъ злодѣяній и требовалъ исполненія договоровъ, но не получилъ удовлетворенія и выѣхалъ изъ Константинополя. Императоръ Александръ доставилъ Грекамъ убѣжище въ Россіи, позволилъ подписки въ ихъ пользу по всей Имперіи, самъ принялъ въ этомъ участіе и велѣлъ сосредоточить войска на Югѣ. Война казалась неизбѣжною. Но вопреки сочувствіямъ своимъ собственнымъ, своего народа и своей арміи, Александръ не отступилъ отъ обязательствъ, принятыхъ имъ политикою конгрессовъ. Австрія и Англія предложили свое посредничество; переговоры съ Турціей возобновились, а потомъ и прямыя дипломатическія съ нею сношенія. Султанъ соглашался вывести Турецкія войска изъ Молдавіи и Валахіи, пропускать Русскія суда безъ досмотра, даровать пощаду Грекамъ, возстановить

церкви и пр., но подъ разными предлогами медлилъ исполненіемъ этихъ условій. При концѣ уже своей жизни, въ Октябрѣ 1825 г., Александръ повелѣлъ вручить сильный протестъ султану и извѣстилъ Европейскія державы, что будетъ въ необходимости поднять оружіе за права и достоинство Россіи и въ защиту Грековъ.

Во время пребыванія Императора Александра въ Троппау, произошли въ л. г. Семеновскомъ полку нѣкоторые случаи нарушенія дисциплины, вызванные безразсудною строгостію и мелочными требованіями по фронтовой службѣ полковаго командира Шварца. Подъ вліяніемъ западныхъ событій, Александръ видѣлъ въ безпорядкахъ Семеновскаго полка проявленіе идей, вынесенныхъ арміею изъ за границы и связь съ тайными обществами. Приказомъ Россійскимъ арміямъ отъ 2-го Ноября 1820 г. онъ повелѣлъ распредѣлить Семеновскій полкъ по разнымъ полкамъ арміи и сформировать вмѣсто него новый полкъ. Въ тоже время, недовольный участіемъ, оказаннымъ гвардіею Семеновцамъ, повелѣлъ Гвардейскому Корпусу, подъ предлогомъ предполагавшейся войны, выступить въ западныя губерніи, гдѣ онъ и оставался до 1822 г. Въ этомъ году цесаревичъ Константинъ Павловичъ назначенъ главнокомандующимъ Литовскимъ корпусомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ему предоставлено, впредь до времени, надъ губерніями Виленскою, Гродненскою, Минскою, Волынскою, Подольскою и Бессарабскою областью власть главнокомандующаго дѣйствующей арміи, на основаніи учрежденія оной 1812 г.

Между предметами военнаго вѣдомства вниманіе Александра обращалось преимущественно на учрежденіе, начало коего относится къ 1816 г., но которое теперь было въ полномъ развитіи и ежедневно принимало бо́льшія и бо́льшія размѣры—это военныя поселенія. Кровопролитныя войны, продолжавшіяся почти десять лѣтъ непрерывно и содержаніе многочисленной арміи въ самое мирное время, вынуждаемое политическими обстоятельствами, истощили государственную казну и тяжело падали на народонаселеніе, особенно рекрутскою повинностію. По возстановленіи общаго мира, Александръ занялся изысканіемъ средствъ къ уменьшенію этого бремени, при сохраненіи грозной вооруженной силы. Съ этою благотворною цѣлію начались первые опыты военныхъ поселеній, вѣроятно по примѣру подобныхъ учрежденій, существующихъ въ Австрійской имперіи на такъ называемой военной границѣ съ Турціей и въ нѣкоторыхъ другихъ государствахъ. Неизвѣстно положительно, кому принадлежитъ первый проектъ военныхъ поселеній на тѣхъ основаніяхъ, которыя были приняты въ Россіи, но общее мнѣніе приписывало его графу Аракчееву. Оно основывалось на томъ, что Аракчеевъ былъ главнымъ и самымъ дѣятельнымъ, ревностнымъ и упорнымъ

исполнителемъ проекта, не смотря на всѣ встрѣченныя затрудненія. Имя его неразлучно съ памятью о военныхъ поселеніяхъ. Учрежденія эти росли и умножались по мѣрѣ увеличенія вліянія его на дѣла государственныя вообще, круга предоставленной ему власти и довѣренности къ нему Императора Александра. Онъ былъ въ это время оффиціально предсѣдателемъ военнаго Департамента Государственнаго Совѣта и главнымъ начальникомъ военныхъ поселеній, въ существѣ же довѣреннымъ докладчикомъ и наперсникомъ по всѣмъ дѣламъ государственнымъ. Для устройства военныхъ поселеній назначались извѣстныя мѣстности, въ которыя вводились войска и которыя тотчасъ исключались изъ гражданскаго вѣдомства, поступали въ военное управленіе и образовывали полковые, бригадные и пр. округи. Всѣ жители округа обращались въ военные поселяне. Неподвижную часть поселянъ составляли хозяева, коимъ ввѣрился участокъ земли со всѣми его хозяйственными принадлежностями. Люди, составляющіе подвижную часть, находясь на мѣстахъ, распредѣлялись въ хозяйствахъ съ ихъ семействами, участвовали въ сельскихъ ихъ работахъ и пользовались произведеніями общихъ ихъ трудовъ. Всѣ дѣти мужескаго пола поступали въ кантонисты; всѣ неспособные къ строевой службѣ въ инвалиды. Такимъ образомъ полкъ, имѣя свою осѣдлость, долженъ былъ комплектоваться и продовольствоваться тою мѣстностью, въ которой былъ поселенъ. Батальонъ гренадерскаго графа Аракчеева полка одинъ изъ первыхъ поступилъ на поселеніе, подъ видомъ однако обыкновеннаго постоя. Въ указѣ объ этомъ Новгородскому губернатору отъ 3-го Августа 1816 г. сказано, что по тѣснотѣ помѣщенія войскъ въ городѣ, за недостаткомъ казармъ, одинъ батальонъ означеннаго полка располагается Новгородскаго уѣзда въ экономической Высоцкой волости, а для отвращенія неудобствъ, происходящихъ при постоѣ войскъ въ деревняхъ отъ столкновеній военнаго начальства съ гражданскимъ, помянутая волость исключается изъ вѣдѣнія земской полиціи и поступаетъ въ военное управленіе. Въ 1817 г. крестьяне Высоцкой волости окончательно уже назначены въ военные поселяне и опредѣлены къ укомплектованію ими гренадерскаго графа Аракчеева полка. Въ этомъ же году начались кавалерійскія поселенія въ Слободо-Украинской губерніи (нынѣшней Харьковской), при чемъ уже положительно объявлялось о намѣреніи дать каждому полку свою осѣдлость. Съ этого времени военныя поселенія ежегодно умножались. Въ 1820 г. разомъ назначены 2-е батальоны 20-ти полковъ на поселеніе и вслѣдъ за тѣмъ многіе другіе въ этомъ году и въ 1821-мъ. Цѣлые мѣстечки и города: Чугуевъ, Новомиргородъ, Старая Руса поступали въ вѣдомство военныхъ поселеній. Купцы и мѣщане выводились изъ нихъ за округъ по-

селеній. Всѣ военносиротскія отдѣленія были подчинены въ 1824 г. главному начальнику военныхъ поселеній. Въ 1825 г. военныя поселенія находились въ губерніяхъ: Новгородской, Могилевской, Слободо-Украинской, Херсонской и Екатеринославской. Обращеніе жителей въ военные поселяне не могло обойтись безъ большихъ затрудненій и даже сопротивленія. Послѣднее обнаружилось въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Новгородской губерніи и Слободско-Украинской, особенно въ Чугуевѣ. Для укрощенія были употреблены самыя строгія мѣры и наказанія. Сельскіе жители роптали на бритіе бородъ, на регулированіе и перенесеніе ихъ жилищъ и не могли быть равнодушны къ стѣсненіямъ въ ихъ хозяйствахъ и домашнемъ бытѣ. Первоначальное устройство и заведеніе военныхъ поселеній стоило огромныхъ суммъ. Между тѣмъ уже въ 1825 г. оказалось, что ожидаемыя отъ нихъ выгоды не сбываются. По отчетамъ было видно, что сравнительное число умершихъ солдатскихъ дѣтей съ числомъ рожденныхъ не представляло надежды на пополненіе поселенныхъ полковъ собственными жителями ихъ округовъ; къ тому же средства продовольствія, доставляемыя мѣстностями, были недостаточны для поселянъ, значительное число коихъ оставалось на содержаніи — отъ казны. Сбывались предсказанія Барклая-де Толли, изложенныя имъ въ мнѣніи о поселеніяхъ, поданномъ Государю въ 1817 г. и теперь уже поступившемъ во всеобщее свѣдѣніе въ печати.

По условію, положенному въ Лайбахѣ, союзные Государи сбирались на конгрессъ въ Верону, для совѣщанія о дѣлахъ Испаніи, въ которой продолжались сильныя волненія, а также о дѣлахъ и Востока. Императоръ Александръ отправился туда въ Августѣ 1822 г. На Веронскомъ конгрессѣ, къ участію въ которомъ приглашены были полномочные министры Англіи и Франціи, рѣшено, съ согласія уже пяти державъ, укротить волненія Испаніи силою оружія. По предложенію Александра, исполненіе этой мѣры предоставлено Людовику XVIII. Французская армія, подъ начальствомъ герцога Ангулемскаго, овладѣла Мадритомъ и утвердила власть королевскую.

Оставляя Верону, союзные монархи подписали 2 (14) Декабря 1822 г. декларацію, въ которой излагали, между прочимъ, что они формально не одобряютъ возстанія Грековъ, имѣющаго одинъ и тотъ же источникъ съ волненіемъ Западной Европы и порожденнаго тѣмъ же духомъ, но употребятъ все свое вліяніе въ пользу несчастныхъ жертвъ этого предпріятія. Канцлеръ гр. Н. П. Румянцевъ управлялъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ до 1814 г., при Государѣ же для политическихъ переговоровъ находились статсъ-секретари: графъ К. В. Нессельроде и графъ И. И. Каподистрія, которые впослѣдствіи приняли и мини-

стерство въ свое завѣдываніе Послѣ Греческаго возстанія 1821 г. первый вышелъ въ отставку и удалился въ Швейцарію, и гр. Нессельроде назначенъ министромъ.

Событія того времени на Западѣ, смерть Коцебу отъ руки Занда, Вартбургскія празднества и другія подобныя проявленія въ Германіи, конституціонныя движенія въ Италіи, Испаніи и Португаліи и наконецъ возстаніе Греціи, сильно подѣйствовали на Императора Александра, усилили его подозрительность и повлекли, какъ главу Священнаго Союза, къ реакціонной политикѣ въ дѣлахъ Европы. Это отразилось на правительственныя мѣры и вообще на ходъ внутренняго управленія въ Россіи, особенно съ 20-хъ годовъ. Мы видѣли уже примѣръ тому въ участи, постигшей Семеновскій полкъ. Нѣкоторыя западныя правительства запретили у себя разныя тайныя общества, изъ коихъ иныя, подъ названіемъ Масонскихъ, имѣя сперва цѣлію благотворительность, обратились потомъ къ предметамъ политическимъ. Александръ передъ отъѣздомъ своимъ на Веронскій конгрессъ, повелѣлъ также, указомъ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 1-го Августа 1822 г., всѣ тайныя общества, Масонскія и пр. закрыть и впредь запретить; всѣхъ членовъ обязать подписками, что они впредь никакихъ Масонскихъ и другихъ тайныхъ обществъ составлять не будутъ и, потребовавъ отъ служащихъ чиновниковъ свѣдѣнія, не принадлежатъ ли они къ такимъ обществамъ, взять съ нихъ подписки, что впредь принадлежать не будутъ. Министръ народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ кн. А. Н. Голицынъ, погруженный въ сектаторскій мистицизмъ, подчинился совершенно вліянію окружавшихъ его фанатиковъ или лицемѣровъ. Подъ видомъ утвержденія просвѣщенія на Христіанскомъ благочестіи, какъ основномъ началѣ министерства, всякое нѣсколько самостоятельное умственное движеніе подверглось гоненію, и наука была подавлена. Однимъ изъ первыхъ проявленій этого направленія было запрещеніе въ 1820 г. книги профессора Куницина: *Естественное Право*, на поднесеніе которой Государю директоръ Царскосельскаго Лицея Энгельгардтъ испрашивалъ разрѣшенія министра. Чрезъ годъ послѣ этого профессоры Петербургскаго Университета Германъ, Раупахъ, Галичъ и адъюнктъ Арсеньевъ, обвиняемые во вредномъ и возмутительномъ преподаваніи Статистики, Исторіи и Философіи, были преданы суду и лишились своихъ каѳедръ. С. С. Уваровъ, при самомъ началѣ этого инквизиторскаго дѣла, оставилъ мѣсто попечителя Петербургскаго учебнаго Округа, которое занялъ Д. П. Руничъ. Магницкій, посланный еще въ 1819 г. обозрѣть Казанскій Университетъ, представилъ донесеніе о его уничтоженіи; когда же былъ назначенъ вслѣдъ за тѣмъ попечителемъ этого Университета для преобразованія онаго, то простеръ свои дѣйствія въ помя-

нутомъ выше направленіи до крайнихъ предѣловъ односторонности, нетерпимости и гоненія. Запрещено отправлять юношество въ Университеты Гейдельбергскій, Іенскій и Вирцбургскій и приняты другія подобныя мѣры. Царско-сельскій Лицей подчиненъ въ 1822 г. цесаревичу Константину Павловичу, который былъ главнымъ начальникомъ кадетскихъ корпусовъ. Строгости цензуры доходили до невѣроятнаго и смѣшнаго.

Въ 1822 г. министерство финансовъ возвратилось къ запретительнымъ торговымъ мѣрамъ, и на этомъ основаніи изданъ 12 Марта новый тарифъ. Указомъ 23-го Іюня утверждены условія новаго внѣшняго займа, чрезъ посредство Ротшильда въ Лондонѣ, въ 43 мил. р. Гр. Канкринъ, назначенный въ началѣ 1823 г. министромъ финансовъ, разными перемѣнами и поощреніями установилъ охранительную систему для внутренней мануфактурной промышленности, пострадавшей отъ быстраго паденія многихъ фабрикъ и заводовъ, послѣ опыта свободнаго тарифа 1820 г. Преобразованіемъ таможеннаго управленія онъ положилъ преграду сильной контрабандѣ.

Земледѣльческая промышленность также страдала отъ продолжавшихся нѣсколько лѣтъ сряду дурныхъ урожаевъ. Обнаружился, особенно въ Бѣлорусскихъ губерніяхъ, крайній недостатокъ въ продовольствіи народа, который не мало отъ того потерпѣлъ. По этому случаю учреждены въ 1822 г. въ каждой губерніи Коммиссіи продовольственныя, для пособія жителямъ въ неурожайные года хлѣбомъ, деньгами, ссудами. Въ 1823 году назначены 5 мил. р. для раздачи въ ссуду дворянству пострадавшихъ губерній, подъ залогъ ревизскихъ душъ, на правилахъ 12-ти лѣтнихъ займовъ, съ выдачею одному лицу не болѣе 30 тыс. р.—Въ 1824 г. существовавшія дотолѣ 8-ми и 12-ти лѣтніе сроки займовъ изъ кредитныхъ установленій подъ залогъ ревизскихъ душъ обращены въ 24-хъ лѣтніе.—Преобразованіе Сибирскихъ губерній по новому учрежденію было плодомъ управленія Сперанскаго этимъ краемъ. Въ 1822 г. Іюня 12-го обнародовано это учрежденіе съ шестью принадлежащими къ нему уставами. Сибирь раздѣлилась на Западную и Восточную.

Въ 1823 г., во время обычной поѣздки своей по Россіи, Императоръ Александръ, будучи въ Москвѣ, въ Августѣ мѣсяцѣ, тайно вручилъ тамошнему архіепископу Филарету, для храненія въ Успенскомъ соборѣ, актъ отреченія цесаревича Константина Павловича отъ права на Всероссійскій престолъ и манифестъ о назначеніи наслѣдникомъ великаго князя Николая Павловича. Изъ Москвы Александръ поѣхалъ осматривать военныя поселенія въ Могилевской губерніи, Литовскій корпусъ и Польскія войска въ Брестѣ, 2-ю армію въ Тульчинѣ, и возвратился въ Царское Село не прежде Ноября.

Въ этомъ 1823 году послѣдовали значительныя перемѣны лицъ въ управленіи. Кромѣ новаго министра финансовъ, на мѣсто гр. Кочубея, назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ баронъ Кампенгаузенъ, а вскорѣ потомъ дѣйст. тайн. совѣт. В. С. Ланской. Начальникъ главнаго штаба Е. И. В. кн. Волконской уволенъ въ отпускъ, и должность его занялъ баронъ Дибичъ. Въ Маѣ 1824 г. уволенъ и кн. А. Н. Голицынъ отъ управленія министерствомъ народнаго просвѣщенія, отъ котораго вновь отдѣлились дѣла Св. Сѵнода съ возвращеніемъ имъ прежняго ихъ теченія. Въ этомъ министерствѣ, поступившемъ къ адмиралу А. С. Шишкову, оставлены только дѣла иностранныхъ исповѣданій. Это было послѣднимъ измѣненіемъ въ составѣ министерствъ при Александрѣ. Изъ прежнихъ приближенныхъ его остался теперь при немъ одинъ гр. Аракчеевъ, власть и вліяніе котораго на всѣ внутреннія дѣла не имѣли болѣе соперниковъ. Противъ кн. Голицына было употреблено тоже орудіе, которымъ дѣйствовали его довѣренные, Магницкій, Руничъ и др. Воспользовались печатаніемъ съ его одобренія перевода книги Госнера: Евангеліе отъ Матѳея [19]). Прінскали въ ней мѣста, несогласныя съ ученіемъ нашей Православной Церкви. Архимандритъ Юрьевскаго монастыря, извѣстный Фотій, покровительствуемый графомъ Аракчеевымъ и приближенный имъ къ Государю, подѣйствовалъ въ личныхъ свиданіяхъ на его совѣсть и возбудилъ въ немъ опасенія за господствующую религію подъ управленіемъ кн. Голицына. Съ увольненіемъ послѣдняго, директоръ департамента его министерства Г. С. Поповъ былъ отданъ подъ судъ за исправленіе нѣкоторыхъ мѣстъ перевода помянутой книги Госнера. Запрещенъ также краткій катихизисъ, архіереемъ Филаретомъ написанный и Сѵнодомъ утвержденный, потому, что въ немъ молитвы Отче Нашъ, Заповѣди и пр. переложены на Русскій языкъ. Библейскія общества были также заподозрѣны. Предсѣдательство Комитета Русскаго Библейскаго общества перешло къ митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому. Послѣ того Общество это не имѣло болѣе публичныхъ засѣданій. Вспомогательные его комитеты мало по малу закрылись. Преподаваніе всѣхъ предметовъ, относящихся до религіи, подверглось самому бдительному надзору; изъ всѣхъ духовныхъ училищъ и мѣстъ, а также и отъ лицъ, велѣно отобрать книги, заключающія въ себѣ ученія, противныя вѣрѣ и благочестію; цензура въ этомъ отношеніи, какъ и вообще, сдѣлалась еще строже. Повелѣно, чтобъ чиновники, находящіеся на службѣ, не издавали въ свѣтъ сочиненій, заключающихъ что либо касающееся до внѣшнихъ или внутреннихъ отношеній Россійскаго Государства, безъ дозволенія своихъ начальствъ; изданы еще

[19]) Geist des Lebens und Lehre Jesu Christi etc.

какъ въ этомъ году, такъ и въ послѣдующемъ, многія строгія постановленія по частямъ учебной и училищнаго надзора, а также касательно наблюденія за поведеніемъ и нравственностію студентовъ [20]). Все это и вообще реакціонныя мѣры послѣднихъ годовъ царствованія Александра, неограниченное вліяніе Аракчеева по всѣмъ дѣламъ внутренняго управленія, возраставшіе произволъ и злоупотребленія, и наконецъ несбывшіяся надежды, долго питаемыя прежнимъ либеральнымъ направленіемъ правительства, породили неудовольствіе и ропотъ въ Россіи, лишили ее сочувствія Европейскаго общества, пріобрѣтеннаго 1812—15 годами и поощрили составленіе и у насъ тайныхъ обществъ съ цѣлію достиженія конституціонныхъ гарантій.

Александръ, съ лѣтами, все болѣе и болѣе погружался въ религіозныя думы. Вѣра его укрѣпилась и приняла опредѣленный образъ. Усталая, разочарованная душа его томилась бременемъ земнаго величія и государственныхъ заботъ. Онъ возвращался къ помысламъ объ отреченіи отъ престола, жаждалъ душевнаго спокойствія, уединенія, пищи духовной. При частыхъ своихъ осмотрахъ Новгородскихъ поселеній, онъ посѣщалъ обыкновенно сосѣдній Юрьевскій монастырь. Александръ никогда не любилъ пышности и блеска и рѣдко присутствовалъ на празднествахъ при Дворѣ, давно оставивъ общественныя удовольствія. Въ послѣдніе же годы своей жизни онъ проводилъ большую часть времени, или въ Царскомъ Селѣ, почти въ одиночествѣ, уединяясь въ тѣнистые его сады и парки, или въ путешествіяхъ, которыя совершались съ едва вѣроятною быстротою изъ края въ край неизмѣримой Имперіи. Продолжительные походы и частыя отсутствія за границу по внѣшнимъ политическимъ дѣламъ, пріучили его къ тревожной жизни, обратили въ необходимость безпрестанную перемѣну мѣстъ и движеніе, чего требовало также и душевное его безпокойство. Поѣздки его изумительны: исчислено, что онъ изъѣздилъ въ жизнь свою не менѣе двухъ сотъ тысячъ верстъ. Поѣздки эти, совершаемыя во всякое время года и часто самое неудобное, требовали поспѣшнаго исправленія существовавшихъ дорогъ, а иногда и проложенія совершенно новыхъ. На это употреблялись мѣстные крестьяне не рѣдко поголовно и были обременяемы такимъ образомъ весьма тягостною и разорительною повинностію. Такъ, лѣтомъ въ 1824 г. Александръ осмотрѣлъ сперва гренадерскую и 7-мь другихъ пѣхотныхъ поселенныхъ дивизій съ ихъ артиллеріею; потомъ въ Августѣ отправился въ Восточныя губерніи, которыя не были еще имъ посѣщаемы. Началъ съ Рязани, Тамбова, Пензы и Симбирска. Далѣе слѣдовалъ внизъ по Волгѣ до Самары. На пути посѣтилъ кибитки кочующихъ въ степи Калмыковъ. Изъ Самары

[20]) См. Пол. Собран. Законовъ 1824 г. № 30,023 и мн. др.

повернулъ въ Оренбургъ, откуда ѣздилъ въ Илецкую Защиту, смотрѣлъ добываніе соли, былъ у Киргизовъ, принималъ ихъ хановъ. По возвращеніи въ Оренбургъ, направился въ Уфу и въ Екатеринбургъ; посѣтилъ Златоустинскій заводъ, любопытствовалъ видѣть промываніе золотоносныхъ песковъ на пріискахъ Перво-Павловскѣ и Царево-Александровскѣ; изъ послѣдняго самъ извлекъ нѣсколько золотоноснаго песку. 30-го Сентября былъ въ Перми и чрезъ Вологду вернулся 23-го Октября въ Царское Село.

Ужасное бѣдствіе постигло Петербургъ 7-го Ноября 1824 г., наводненіе, какого не было около полустолѣтія, съ 1777 г., и которое превзошло даже это послѣднее. Состраданіе и человѣколюбіе Александра, при личномъ зрѣніи бѣдствія, проявились во всей полнотѣ. Онъ употребилъ всевозможныя мѣры и къ спасенію погибшихъ во время внезапнаго, грознаго явленія природы, и къ щедрому пособію всѣмъ, которые пострадали и понесли при этомъ потери.

Въ Апрѣлѣ 1825 г. Александръ былъ уже опять въ дорогѣ. Ѣхалъ въ Варшаву, гдѣ собирался третій Польскій сеймъ. Безпокойный духъ Поляковъ и слѣды существованія революціонныхъ тайныхъ обществъ обратили на себя бдительное вниманіе правительства еще съ 1822 г. Съ этого уже времени была учреждена въ Варшавѣ слѣдственная коммисія, подъ предс. Н. Н. Новосильцева, произведшая многіе аресты. Дѣятельность ея была усугублена открытіемъ въ Литвѣ тайнаго общества, подъ названіемъ *Филаретовъ* [21]), между студентами тамошняго университета и вообще учащеюся молодежью. Князь Чарторижскій вышелъ тогда въ отставку, и въ 1823 г. мѣсто его занялъ Н. Н. Новосильцевъ, продолжая производить и слѣдствія. Открытію Сейма предшествовала прокламація отъ 1 (13) Февраля. По изложеніи вредныхъ послѣдствій, происходящихъ отъ извѣстности всѣхъ предметовъ разсужденій, что обнаружилось особенно на Сеймѣ 1820 г., прошедшемъ, какъ сказано, въ прокламаціи и въ пустыхъ словопрѣніяхъ, объявлялось, что къ Хартіи присовокуплена добавочная статья. Этой статьей повелѣвалось: «чтобъ засѣданія при открытіи и «окончаніи Сейма, равно какъ засѣданія, въ коихъ объявляются Царскія утвержденія законоположеній, были, какъ доселѣ, «открытыя, съ соблюденіемъ всѣхъ торжественностей. Но при «выборѣ Коммисій, при каждомъ разсужденіи Палатъ, засѣданіямъ быть особыми Комитетами»; т. е. уничтожалась гласность прѣній. Сеймъ начался 1 (13) Мая и закрытъ, по положенію, 1 (13) Іюня. На немъ были разсмотрѣны и приняты 1-я глава гражданскаго уложенія и нѣкоторые другіе проекты

---

[21]) Въ числѣ ихъ былъ знаменитый поэтъ Мицкевичъ, сосланный тогда на жительство въ Россію.

законоположеній, предложенные правительствомъ. Въ рѣчи своей при закрытіи Сейма Императоръ Александръ поздравилъ представителей съ успѣхами третьяго ихъ собранія и сказалъ: «Вы разсуждали спокойно и мудро, исполнили ожиданія вашего «отечества и оправдали мою довѣренность». (Votre troisième session offre des resultates dont je ne saurais assez vous feliciter. Vous avez déliberé avec calme et sagesse, rempli l' attente de votre patrie et justifié ma confiance).—Александръ оставался во все продолженіе Сейма въ Польшѣ и ѣздилъ осматривать нѣкоторыя фабрики въ палатинатахъ Мазовецкомъ и Калишскомъ. Возвратился въ Петербургъ чрезъ Ригу.

Здоровье императрицы Елисаветы Алексѣевны слабѣло и разстроивалось со дня на день. По мнѣнію врачей она не могла провести зиму въ суровомъ Петербургскомъ климатѣ. Между тѣмъ она твердо объявила, что не поѣдетъ за границу и, какъ Русская императрица, должна умереть въ Россіи. Избрали ей мѣстомъ пребыванія, на Югѣ, Таганрогъ. Императоръ Александръ, желая лично приготовить все къ удобству и спокойствію своей больной въ этомъ городѣ, положилъ отправиться впередъ. 1-го Сентября, въ началѣ 3-го часа утра, онъ пріѣхалъ совершенно одинъ въ Невскую Лавру, отслушалъ напутственное молебствіе у раки святаго угодника, зашелъ къ митрополиту Серафиму и потомъ оставался нѣсколько времени въ кельѣ схимника Алексія, отличавшагося подвижническою жизнію. Прямо изъ Лавры Александръ предпринялъ путешествіе въ Таганрогъ. Какое-то горестное предчувствіе томило его душу. Въ тяжкомъ раздумьѣ онъ нѣсколько разъ оглядывался на любезную свою столицу, провожалъ взорами золотистый шпиль Петропавловскаго собора, озаряемый утренними лучами солнца. Въ Таганрогѣ здоровье императрицы начало поправляться. Александръ воспользовался этимъ, чтобъ объѣздить сосѣднія мѣста по берегу Азовскаго моря и Дона; былъ въ Ростовѣ, въ Нахичеванѣ, Ново-черкаскѣ, въ нѣкоторыхъ казацкихъ станицахъ, въ Старо-черкаскѣ и въ Азовѣ. Потомъ продолжавшаяся прекрасная погода и просьбы гр. Воронцова привлекли его въ Крымъ. Изъ Симферополя онъ спустился чрезъ горы въ живописную Байдарскую долину; гостилъ въ великолѣпномъ Гурзуфѣ у гр. Воронцова; объѣхалъ роскошный южный берегъ до Ялты и далѣе; былъ въ Балаклавѣ, въ монастырѣ Св. Георгія, осматривалъ флотъ въ Севастополѣ.—Во время этого путешествія Александръ дѣлалъ утомительные переѣзды верхомъ, подвергалъ себя вредной прохладѣ южныхъ ночей и въ Бакчи-сараѣ уже почувствовалъ себя нездоровымъ, но не принялъ никакихъ предосторожностей. Ѣздилъ еще въ Джуфутъ-Кале, гдѣ посѣщалъ синагоги Евреевъ-Караимовъ. Наконецъ чрезъ Евпаторію оставилъ Крымъ.—Онъ возвратился въ Таганрогъ 5

Ноября съ лихорадочными припадками.—Болѣзнь внезапно усилилась и скоро сдѣлалась опасною. Императрица Елизавета находилась безотлучно при немъ, окружала его всею нѣжною заботливостію и попеченіями своими. Поутру 19 Ноября, Александръ могъ еще слабымъ знакомъ приблизить ее къ себѣ и чрезъ нѣсколько минутъ скончался.—Смертные останки Императора Александра, послѣ торжественнаго шествія чрезъ всю Россію изъ Таганрога въ С.-Петербургъ, преданы землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ 13 Марта 1826 г., ровно чрезъ 25 лѣтъ по принятіи имъ престола.

Вѣсть о кончинѣ его быстро разнеслась и поразила Россію. Отсутствіе въ столицѣ прямаго наслѣдника престола, неопредѣленная молва, тогда уже ходившая, объ отреченіи его и объ измѣненіи правъ престолонаслѣдства, слухи объ открытіи какихъ-то заговоровъ и тайныхъ обществъ, наполняли сердца мрачными предчувствіями и тревожными ожиданіями.

П. Путята.

СОДЕРЖАНІЕ

ПЕРВОЙ КНИГИ

ДЕВЯТНАДЦАТАГО ВѢКА.

		Стран.
I.	Очеркъ жизни и службы Е. А. Головина, статья *Ю. В. Толстаго*	1— 64
II.	Записки Николая Васильевича *Басаргина*	65—200
III.	Записка *князя О. В. Грабе-Горскаго*	201—212
IV.	Изъ записной книжки художника *В. А. Боровиковскаго*	213—219
V.	О духовномъ союзѣ Е. Ф. Татариновой, статья *Ю. В. Толстаго*	220—234
VI.	Автобіографическія показанія *М. Л. Магницкаго*	235—255
VII.	Изъ воспоминаній о Венгерской кампаніи *Д. П. Сонцова*	256—281
VIII.	Поѣздка по нѣкоторымъ мѣстностямъ Царства Польскаго въ Октябрѣ 1863 года	282—311
IX.	Воспоминаніе о К. Ѳ. Рылѣевѣ *князя Е. П. Оболенскаго*	312—332
X.	Бумаги о поединкѣ Новосильцова съ Черновымъ	333—337
XI.	К. Ѳ. Рылѣевъ. Изъ записокъ *Н. А. Бестужева*	338—350
XII.	По поводу воспоминаній о Рылѣевѣ *Е. Я.*	351—361
XIII.	Изъ бумагъ Рылѣева:	
	1) Письма Рылѣева къ отцу 1812 года.	362—365
	2) Письмо Рылѣева къ Булгарину	365—367
	3) Письмо Булгарина къ Рылѣеву	367—368
	4) Письмо къ Рылѣеву неизвѣстнаго лица	368—369
	5) Царевичъ Алексѣй. Дума	370—371
	6) Стихотворный набросокъ	371—372
	7) Видѣніе Императрицы Анны. Дума.	373—375
XIV.	Письма *Рылѣева* къ Пушкину	376—382
XV.	Письма *Пушкина* къ П. В. Нащокину, съ отвѣтами	383—405
XVI.	Письма *Жуковскаго* къ Е. Г. Пушкиной	406—425
XVII.	Обозрѣніе жизни и царствованія Императора Александра I-го. *И. В. Путяты.*	426—494

2007067028